

ББК 84.8(Фр)
М 87

Оформление *О. Шмаковой*
Вступительная статья *А. А. Егорова*

Матьез Альбер

М 87 Французская революция. Ростов-на-Дону. Изда-
тельство «Феникс», 1995 г.— 576 с.

Точная, ясная и живая картина того, чем была Французская
революция в своих различных проявлениях.

М $\frac{4703010100-74}{4MO(03-95)}$ Без объявл.

ISBN 5-85880-101-3

© Оформление
«Феникс», 1995 г

**ПАДЕНИЕ
КОРОЛЕВСКОЙ
ВЛАСТИ
(1787 – 1792)**

Альбер Матъез:
«пламенный историк пламенной революции».

Имя Альбера Матъеза (1874—1932), к сожалению, мало известно современному русскому читателю. Работы Матъеза, опубликованные на русском языке крохотными тиражами более полувека назад, давно уже стали библиографической редкостью¹. О самом их авторе и его произведениях можно найти, да и то не без труда, лишь скудные упоминания в монографических исследованиях по истории Великой революции и в разнообразных историографических обзорах, посвященных самому грандиозному историческому событию нового времени². Более или менее пространно о Матъезе писали в нашей стране в 20—30-е годы, когда, соответственно, и увидели свет его произведения в русском переводе. Но и тут Матъезу «не повезло». Дело в том, что ряд статей, рецензий, предисловий к трудам Матъеза был написан академиком Н. М. Лукиным³, разделившим трагическую судьбу многих отечественных историков в годы сталинских репрессий⁴.

¹ Матъез А. Французская революция. Т. 1—3. М., 1925—1930; его же Как побеждала Великая французская революция. М., 1928; его же Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; его же Новое о Дантоне. М., 1928; его же Термидорнанская революция. М., 1931.

² См.: Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966; Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. М., 1974; Собуль А. Классическая историография Французской революции//Французский ежегодник, 1976. М., 1978; Далин В. М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981; От старого порядка к революции. К 200-летию Великой французской революции. Межвузовский сборник. Под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988; Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789—1799. Л., 1989; Блуменау С. Ф. Современная французская историография революции по Франции конца XVIII в.//Новая и новейшая история, 1990, № 2.

³ См.: Лукин Н. М. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора//Историк-марксист, 1928. Т. 10; его же О новой книге Матъеза «La terreur»//Историк-марксист, 1928. Т. 7; его же Предисловие к русскому переводу//Матъез А. Французская революция. Т. 2. М., 1929; его же Альбер Матъез//Историк-марксист, 1932. Т. 3.

⁴ Дунаевский В. А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина//Новая и новейшая история, 1990, № 6. С. 186—191.

Естественно, что все написанное «врагом народа» Лукиным автоматически попало в разряд запрещенных публикаций и было изъято из библиотек. Кроме того, «к началу 30-х годов между Матьезом и представителями советской историографии возникла глубокая брешь, которая так и оказалась непреодоленной до самой смерти французского историка (1932 г.)»⁵. Это, разумеется, тоже не способствовало популяризации творчества А. Матьеза в СССР.

Работы Матьеза в нашей стране постигла странная участь. Они не были «удостоены» сколько-нибудь серьезного внимания со стороны историков старшего поколения; затем, в конце 20-х — начале 30-х годов, напротив, интенсивно издавались, комментировались и широко использовались советскими исследователями и, в конце концов, надолго оказались забытыми или, по крайней мере, невостребованными как специалистами, так и рядовыми читателями. Проиллюстрируем сказанное несколькими конкретными примерами. Выдающийся русский историк, философ, социолог и общественный деятель, профессор Н. И. Кареев в своих известных воспоминаниях в числе знакомых историков называет А. Матьеза — «знатока Французской революции, редактора робеспьеристских «Annales Révolutionnaires», сделавшегося профессором в Безансоне»⁶. В специальном трехтомном труде, посвященном историкам Французской революции Н. И. Кареев вновь упоминает А. Матьеза, правда, говоря о нем не столько как об исследователе Революции, сколько как об издателе сочинений Робеспьера и об организаторе «Общества робеспьеристских исследований» (основанного в 1907 г.)⁷. Такая сдержанность и краткость характеристик Кареева тем удивительнее, что сам Матьез был чрезвычайно высокого мнения о русском ученом, названном им «старейшиной русских историков», «который посвятил свою долгую и прекрасную жизнь изучению нашего XVIII века и нашей Революции»⁸. Но факт остается фактом, Н. И. Кареев явно «проглядел» Матьеза. В отличие от чрезвычайно сдержанного отношения к Матьезу, проявленного Н. И. Кареевым, конец 20-х годов ознаменовался своеобразным «бумом» в отношении французского историка со стороны его русских коллег. В предисловии к первому тому его «Французской революции» профессор И. Н. Бороздин характеризовал Матьеза следующим образом: «В настоящее время, — писал он, — Матьез является едва ли не самым крупным

⁵ Дунаевский В. А. Советская историография... С. 267.

⁶ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 218—219.

⁷ Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 2. Л., 1924. С. 165, 170.

⁸ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое... С. 349.

знатоком французской революции, если не считать, разумеется, Олара⁹. Тогда же, в своей рецензии на этот труд Матьеза, академик Н. М. Лукин назвал французского автора «одним из видных специалистов по истории Великой революции...»¹⁰. Высказав ряд критических замечаний по поводу книги Матьеза, Лукин, тем не менее, дал ей в общем положительную и довольно высокую оценку: «На каких-нибудь 200 страничках небольшого формата,— писал Лукин,— автор дает массу фактического, научно проверенного материала, притом в необыкновенно живой и увлекательной форме. Очень хорошо освещена роль народных обществ и их связь с рабочими массами; подчеркнуто значение клуба Кордельеров, который обычно остается как-то в тени...; отмечены ранние контрреволюционные движения в провинции...»¹¹

Еще более комплиментарно в адрес Матьеза Лукин высказался в своей рецензии «Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора», посвященной характеристике большого исследования французского историка «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». Отметив «высокие научные достоинства его (Матьеза.— А. Е.) книги», Лукин продолжает: «С появлением ее в свет наша переводная литература по истории Французской революции обогатилась новым ценнейшим вкладом, без тщательного ознакомления с которым нельзя приступить к изучению эпохи террора»¹². Столь высокая оценка советским академиком труда французского профессора легко объяснима. Это объяснение в устах самого Лукина звучит следующим образом: «Матьез — не марксист, хотя добросовестное изучение экономической истории революции не раз подводит его, как и многих других, к чисто марксистским положениям. ...Помимо...отмеченного большого интереса к экономическим проблемам, в работе Матьеза приятно поражает повышенный интерес к движению народных масс. Можно сказать, что массы у него на первом плане, они являются настоящими творцами революции, они двигают ее вперед и приобретают все большее влияние на ход событий по мере своей организованности...Матьез признает, что все законодательство эпохи террора «было выражением борьбы классов»...Работа

⁹ Бороздин И. Н. Предисловие//Матьез А. Французская революция. Т. 1. Л.—М., 1925. С. 4.

¹⁰ Лукин Н. М. Рец. Проф. А. Матьез. Французская революция. 1.//Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1960. С. 489.

¹¹ Там же. С. 491.

¹² Лукин Н. М. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора.//Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 229.

Матьева дает богатейший материал для классовой характеристики различных партий, боровшихся в Конвенте и за его стенами;...»¹³. Таким образом, именно то обстоятельство, что во многом Матьева испытал на себе влияние марксистской теории и, в какой-то мере это отразилось в его сочинениях, и привлекло к нему внимание советских исследователей¹⁴. Матьева,— справедливо отметил в свое время В. Г. Ревуненков,— «подходил к изучению проблем Великой французской революции с точки зрения теории классов и классовой борьбы. В отличие от других представителей буржуазной историографии Матьева не только не игнорировал экономические и социальные проблемы революции, но уделял им большое внимание»¹⁵.

Выяснив причины столь благосклонного внимания советских историков к А. Матьева, скажем немного об этом виднейшем из специалистов по истории Великой революции.

Родом из крестьян, Альбер Матьева, благодаря своему изумительному трудолюбию и страстной увлеченности историей революции, очень быстро преодолел первые ступени университетской карьеры. Он окончил Высшую нормальную школу (знаменитую Эколь Нормаль), в которой «студентам предоставлялась большая самостоятельность. Месяцами им не давали никаких заданий. Они могли проявлять свою любознательность. Профессор должен был лишь возбудить интерес, вызвать увлечение наукой. Если профессора талантливы, а ученики способны — это самая эффективная методика»¹⁶. В талантливых профессорах и способных учениках Эколь Нормаль не испытывала дефицита. Достаточно сказать, что одним из преподавателей школы был блистательный профессор Фюстель де Куланж — известнейший историк того времени, а одним из выпускников — Жан Жорес — «великий социалистический трибун», по меткому определению Луначарского. Уже в 1904 году Матьева, которому только что исполнилось 30 лет, защитил докторскую диссертацию «Теофилактропия и декадный культ» и стал доктором гуманитарных наук. Учителем Матьева был заслуженный профессор Сорбонны Альфонс Олар — «один из крупнейших представителей либерально-буржуазного направления в историографии Великой французской революции...»¹⁷. На первых порах Матьева шел по

¹³ Там же. С. 220—222.

¹⁴ См., Дунаевский В. А. Советская историография... С. 267

¹⁵ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры..

С. 6.

¹⁶ Молчанов Н. Н. Жорес. М., 1969. С. 36.

¹⁷ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры.

С. 3.

столам своего учителя. «В тот период ожесточенной борьбы с клерикализмом в Третьей республике он занимался по преимуществу (до 1910 г.) религиозной историей революции». Н. И. Кареев, в частности, отметил такую работу Матъеза, как «Происхождение революционных культов», изданную им в 1904 г. и принадлежащую к числу солидных исследований по данной теме. «Тогда он, по собственному признанию...не прибегал еще к классовому истолкованию истории. «В этот начальный период идея о связи исторического движения с классовой борьбой еще не была у меня доминирующей... хотя уже тогда,— писал Матъез другу,— меня привлекала социальная борьба... и я отдавал предпочтение Робеспьеру, видя в нем наиболее социального из всех революционеров. Антиклерикальная политика привела меня к дантонистской демагогии, от нее к финансистам («коррупция», дело Ост-Индской компании), отсюда к нищете трудящихся классов («дороговизна»), от нее я перешел к экономическим и социальным проблемам (вантозские декреты, распределение собственности и т. д.)»¹⁸. Еще до защиты докторской диссертации Матъез стал убежденным сторонником социалистических идей, правда, еще весьма далеких от марксизма. Он глубоко верил в идеалы социализма и довольно враждебно относился к капиталистическому строю. Неудивительно, что «профессор с пикой» не смог долго мирно сосуществовать со своим недавним патроном — Альфонсом Оларом. Вскоре между ними последовал разрыв, вызванный как различием оценок ученика и учителя, так и боевым темпераментом неистового Матъеза. «В личной беседе с Матъезом,— вспоминал Р. Шнерб,— мы слышали от него такую оценку Олара: «Олар — историк? Я такого не знаю. Олар — журналист? Вот это другое дело!».

В 1907—1908 гг. Матъез основал Общество робеспьеристских исследований и начал издавать собственный журнал «*Annales Révolutionnaires*». Побывавший в Париже в 1924 г. Е. В. Тарле в письме к жене, О. Г. Тарле, упоминает о своей встрече с Матъезом: «Сегодня (4 сентября 1924 г.— А. Е.) опять виделся с *Albert Mathiez*'ом, редактором» «*Annales Révolutionnaires*», интересный исторический журнал по истории Великой французской революции. Представь себе, я их с Оларом примирил, они очень ссорились, я немного смягчил их обоюдный азарт. Ибо они оба до потешности петушатся, когда сердятся»¹⁹. Разрыв с Оларом, однако, не прошел для Матъеза бесследно: двери

¹⁸ Далин В. М. Указ. соч. С. 129—130.

¹⁹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 211

Сорбонны были для него надолго закрыты. Вплоть до 1926 г. он был вынужден преподавать во второстепенных провинциальных университетах Безансона и Дижона. Видимо, чересчур пылкая ненависть к парламентской коррупции Третьей республики, к «торгашам справа и слева», социалистические убеждения Матъеза сделали вконец его персоной нон грата на историческом Олимпе официальной науки. Порой он испытывал острое чувство одиночества, в то же время выказывая твердую уверенность, что «время возьмет свое, и если меня не понимают сегодня, то поймут завтра»²⁰. В пору, когда А. Матъез преподавал в Безансоне, у него было только 12 студентов. Но он не унывал. Матъез читал публичный курс «Парламентская коррупция при терроре», привлекая много слушателей и легший в основу его известной книги. «Ее мишенью были не только дельцы — депутаты Конвента, но и парламентарии современной ему Франции»²¹. В годы Первой мировой войны Матъез опубликовал в своем журнале ряд статей о социально-экономической политике Конвента, из которых впоследствии составила одна из лучших его книг — «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора».

Большое впечатление на Матъеза произвела Октябрьская революция 1917 г. в России. Он был склонен даже проводить «аналогии между 1917 и 1793 гг., между Лениным и Робеспьером, между большевиками и якобинцами...»²². Матъез взялся написать работу, название которой говорит само за себя: «Большевизм и якобинизм». В 20-е годы он много и плодотворно работает. Его труды получают мировое признание, а сам опальный профессор приглашается для чтения курса лекций в прежде недоступную для него Сорбонну. Однако жить ему остается считанные годы. 26 февраля 1932 г. Альбер Матъез скончался на кафедре во время занятий²³.

К числу наиболее значительных сочинений А. Матъеза, бесспорно, принадлежит его «Французская революция» в трех томах. Первый том — «Падение королевской власти» — охватывает шестилетний период, включающий как собственно Революцию, так и события двух предреволюционных лет (с 1787 по 1792 гг.). В этом томе, состоящем из 12-ти небольших глав, Матъез рассматривает кризис «старого порядка», деятельность Генеральных Штатов, описывает революционные события в сто-

²⁰ Далин В. М. Указ. соч. С. 132.

²¹ Там же. С. 132.

²² Лукин Н. М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 383.

²³ Далин В. М. Указ. соч. С. 133.

лице, уделив, однако, немало внимания и муниципальной революции. Отдельные главы посвящены финансовому и религиозному вопросам. Заключает первый том описание событий 10 августа 1792 г., приведших к низвержению монархии во Франции. Несомненным достоинством первого тома «Французской революции» является то, что в ряде случаев Матьез убедительно и вместе с тем ярко рассказал о ключевых событиях Революции, начиная с созыва собрания нотаблей до штурма Тюильрийского дворца. Говоря о многих известных событиях и личностях, Матьез почти всегда высказывает собственное, оригинальное мнение. Так, рассуждая о деятельности генерального контролера финансов Шарля де Калонна (которого обычно историки самых разных направлений изображали в виде легкомысленного и расточительного жуира, ничтожного государственного мужа), Матьез называет его «министром-реформатором»²⁴, убедительно доказав, что во многом Калонн пытался, хотя и безуспешно, продолжить дело реформирования Франции, начатое бароном Тюрго.

Привилегированным сословиям, особенно дворянству, Матьез отнюдь не симпатизирует. «Благородство, — пишет он с иронией, — измерялось (до Революции. — А. Е.) степенью бесполезности»²⁵. И все же, стремясь к объективности, Матьез не сбрасывает со счетов роль дворянства в Революции. Так, по его мнению, собрание нотаблей (представителей высшего духовенства и дворянства) в Версале в феврале — мае 1787 г., которое не помогло Людовику XVI выпутаться из острейшего финансового кризиса, «нанесло удар короне, ...проложило путь революции»²⁶. Ведя речь о начальном этапе деятельности Генеральных Штатов, Матьез при всем своем критическом отношении к таким героям либерального дворянства, как Лафайет и Мирабо²⁷, тем не менее, говорит о том, что депутаты-дворяне (среди них был и Лафайет), став на пороге зала заседаний, воспрепятствовали королевским гвардейцам 23 июня 1789 г. разогнать Собрание²⁸. Разбирая вопрос о принятии Учредительным собранием нового избирательного закона, предусматривавшего деление граждан на «активных» и «пассивных», Матьез приходит ко вполне обоснованному выводу о том, что «место аристократии по происхождению заняла аристократия имущественная»²⁹. Рас-

²⁴ Матьез А. Французская революция. Т. I. Л.-М., 1925. С. 36.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Там же. С. 84—85; 100—101.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Там же. С. 123.

суждая же о введении ассигнатов, Матьез убедительно показывает, что «ассигнат являлся в одно и то же время политическим орудием и финансовым средством»³⁰.

В первом томе «Французской революции» Матьез немногими, но точно рассчитанными штрихами набрасывает запоминающиеся портреты деятелей Революции: «циничного авантюриста» Мирабо³¹, вождя Жиронды, журналиста-неудачника Бриссо³², «героя Старого и Нового Света» Лафайета³³. Здесь же впервые он называет имя Жоржа-Жака Дантона, причем в довольно неожиданном контексте. «Двор,— пишет Матьез,— располагал агентами в самом Клубе якобинцев (Виллар, Боннекаррер, Дефье и др.), в самом Клубе кордельеров (Дантон)»³⁴. Это, по-существу, первое обвинение в длинном перечне обвинений, брошенных Матьезом в адрес Дантона. Чуть ниже, описывая неудачную попытку Людовика XVI выехать из Парижа в Сен-Клу (18 апреля 1791 г.), Матьез и в этом случае склонен видеть злой умысел Дантона. «Волнения были организованы с этой целью (с целью задержать королевскую семью в Париже.— А. Е.) Дантоном»,— пишет он³⁵. Трибун хотел показать императорам и королям, считает Матьез, что король является пленником в собственном дворце и тем самым «подыграть» Людовику XVI, надеявшемуся на монархическую солидарность государей континента. В высшей степени сомнительное утверждение.

Говоря о первом томе сочинения Матьеза, стоит отметить и то, что французский историк дает в нем ряд ярких зарисовок зарождения и деятельности революционных клубов, многочисленных народных обществ в 1790—1791 гг. «В них,— пишет Матьез,— происходит политическое воспитание масс»³⁶. И с этим мнением трудно не согласиться.

Однако, наряду с отмеченными сильными сторонами труда Матьеза, следует сказать все же и о некоторых его слабых сторонах. Прежде всего это касается утверждения Матьеза о том, что «не в истощенной стране, а, напротив, в цветущей, полной жизненных сил предстоит разразиться революции»³⁷. Весь фактический материал первого тома полностью опровергает

³⁰ Там же. С. 145.

³¹ Там же. С. 100—101.

³² Там же. С. 194—195.

³³ Там же. С. 84—85.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Там же. С. 178.

³⁶ Там же. С. 173.

³⁷ Там же. С. 23.

Могущество производителей, на которых покоилась вся общественная жизнь, увеличивалось с каждым днем, тогда как труд по смыслу закона продолжал считаться чем-то недостойным. Благородство измерялось степенью бесполезности. Происхождение и безделье давали привилегии, все более невыносимые для тех, кто создавал богатства и располагал ими.

В теории монарх, этот представитель Бога на земле, был абсолютен. В действительности же, он не мог добиться повиновения даже своих непосредственных чиновников. Он действовал так нерешительно, что казалось, будто сам сомневается в своих правах. Над ним высилась новая и анонимная власть, власть общественного мнения, подрывавшая у людей уважение к установленному порядку.

Старая феодальная система основывалась главным образом на земельной собственности. Сеньер соединял в своем лице права собственника и функции администратора, судьи и военачальника. Но уже давно сеньер утратил на своих землях все общественные функции, которые перешли от него к королевским агентам. Крепостное право исчезло почти повсюду. Право «мертвой руки» сохранилось лишь в некоторых владениях, принадлежащих духовенству, в Юре, Ниверне, Бургундии. Земля, ставшая почти совершенно свободной, связана с сеньером уже только довольно слабыми узами феодальных повинностей, сохранение которых не оправдывается оказываемыми им услугами.

Феодальные ренты, своего рода вечная аренда, взимаемая то в натуре, то деньгами, приносили сеньерам не больше сотни миллионов в год, — сумма довольно незначительная, если принять во внимание непрерывное падение стоимости денег. Они были установлены в определенном размере раз и навсегда, сотни лет тому назад, в момент уничтожения крепостного права, тогда как цены на продукты безостановочно возрастали. Сеньеры, не состоящие на службе, извлекали теперь главную часть своего дохода из тех имений, какие они сохранили за собою и эксплуатировали непосредственно сами или же через своих управителей.

Право первородства ограждает родовое имение от наследников, но младшие члены семьи, которым не удастся попасть в армию или в ряды духовенства, должны довольствоваться ничтожной долей, которой вскоре уже не хватает на жизнь. В первом поколении они делят между

собою треть отцовского состояния, во втором поколении — треть этой трети, и так далее. Доведенные до нужды, они продают, чтобы обеспечить свое существование, свои судебные права, денежные и натуральные оброки, свои земли, но работать и не думают, так как не хотят «унизить свое достоинство». Создается подлинный благородный плебс, очень многочисленный в некоторых провинциях, как, например, в Бретани, Пуату, Булони и других. Он влачит жалкое существование в своих скромных замках, проклинает высшее дворянство, занимающее придворные должности, презирает и вместе с тем завидует буржуазии, богатеющей благодаря торговле и промышленности, упорно защищает от посягательства со стороны королевских агентов свои последние фискальные привилегии. Он становится тем высокомернее, чем больше беднеет и делается беспомощным.

Утратив всякую политическую и административную власть со времени Ришелье и Людовика XIV, когда окончательно установился монархический абсолютизм, мелкий провинциальный дворянин часто вызывает ненависть своих крестьян, так как вынужден, чтобы жить, вымогать уплату следуемых ему рент. Суды низшей инстанции, эти последние осколки, сохраненные им от его прежнего могущества, превращаются в руках его плохо оплачиваемых судей в ненавистное орудие фиска. Он пользуется им главным образом для захвата общинных выгонов, предъявляя претензию на их третью часть на основании старинного феодального права (триаж). Коза бедняка, лишенная общинного пастбища, не находит пищи, и жалобы бедноты становятся все более озлобленными. Мелкое дворянство, несмотря на раздел общинных пастбищ, считает себя принесенным в жертву. При первом удобном случае оно обнаружит свое недовольство. Оно явится беспокойным элементом.

Высшее дворянство, в особенности 4.000 семей, «представленных ко двору» и красующихся при нем, охотящихся вместе с королем и разъезжающих в его каретах, по-видимому, не может жаловаться на свою судьбу. Они делят между собой 33 миллиона, какие расходуются ежегодно на содержание придворного штата короля и принцев, 28 миллионов пенсий, занесенных в реестр красной книги, 46 миллионов жалования 12.000 офицерам армии, поглощающих более половины всего военного бюджета, наконец, все миллионы бесчисленных синекур вроде губернаторской службы в провинци-

ях. Таким манером они высасывают около четверти всего государственного бюджета. В распоряжение этих придворных дворян попадают также крупные аббатства, которые король раздает их младшим сыновьям, часто принимающим tonsуру уже в 12-летнем возрасте. Из 143 епископов в 1789 году ни одного не было не дворянина. Эти епископы-дворяне живут при дворе, вдали от своих епархий, зная их лишь по тем доходам, какие они им приносят. Владения, принадлежащие дворянству, приносят около 120 миллионов в год, а десятины, взимаемые с крестьянского урожая, дают почти столько же, следовательно, еще 240 миллионов добавляется к другим доходам высшего дворянства. Масса низшего духовенства, на котором лежит отправление богослужения, получает лишь остающиеся крохи.

Содержание приходского священника достигает в лучшем случае лишь 700 ливров для священника и 350 ливров для vicария. Так на что же жалуются эти разночинцы?

Высшее дворянство обходится дорого. Поскольку оно владеет громадными поместьями, ценность которых при продаже их во времена террора превысит миллиард, оно располагает обильными источниками дохода, которые, казалось бы, позволяют ему вести широкую жизнь. Придворный беден, если у него всего лишь 100.000 ежегодного дохода. Полиньяки получают из казначейства в виде пенсий и пожалований сначала 500.000 ливров в год, а затем 700.000 ливров. Но придворный человек отдает свое время «представительству». А жизнь в Версали — это пропасть, где исчезают крупнейшие состояния. Тут, по примеру Марии-Антуанетты, ведут сумасшедшую картежную игру; пышные одежды, вышитые золотом и серебром, кареты, ливреи, охоты, приемы, представления, развлечения требуют громадных сумм. Высшее дворянство, не смущаясь, обременяет себя долгами и разоряется. На своих управляющих, которые его обкрадывают, оно возлагает заведывание своими доходами с имений, нередко не зная точно их размеров. Бирон, герцог Лозен, известный донжуан, промотал к 21 году 100 000 экю и сверх того задолжал 2 миллиона. Граф Клермон, аббат Сен-Жермен де Прэ, принц крови, имея доход в 360.000 ливров, сумел разориться в два приема. Герцог Орлеанский, самый крупный земельный собственник Франции, задолжал 74 миллиона. Князь Роган Геменэ обанкротился на тридцать миллионов, из которых большую часть помог уплатить Людовик XVI. Графы Прован-

ский и Артуа, братья короля, к 25 годам имеют долгу около 10 миллионов. Другие придворные плывут по течению, и их земли оказываются заложены и перезаложены. Менее стесняющиеся между ними принимаются за спекуляции, чтобы выйти из затруднительного положения. Граф Гин, посланник в Лондоне, впутался в мошенническое дело, имевшее развязку в суде. Кардинал де Роган, архиепископ Страсбургский, спекулирует на продаже земли в ограде Парижского собора, церковной собственности, которую он отчуждал для застройки. Встречаются и такие, кто, подобно маркизу де Силлери, мужу г-жи Жанлис, устраивает из своих салонов игорный дом. Все неизменно посещают театральные миры и престопают сословные перегородки. Епископы, как, например, Нарбонский, Диллонский, Шарантский и Орлеанский, открыто живут с любовницами, играющими роль хозяек на их приемах.

Любопытная вещь, — эти придворные, обязанные всем королю, далеко не так покорны. Многие из них тяготеют своей раззолоченной праздностью. Лучшие из них и наиболее честолюбивые мечтают о более активной жизни. Они хотели бы, подобно английским лордам, играть определенную роль в государстве, быть чем-то другим, а не просто статистами. Они усваивают новые идеи, приспособляя их к своим желаниям. Многие и далеко не худшие, — Лафайеты, Кюстины, два Виомениля, четыре Ламета, три Диллона, сражавшиеся за свободу Америки, по возвращении во Францию оказываются оппозиционерами. Другие делятся на партии, которые интригуют и устраивают заговоры вокруг принцев крови и против фаворитов королевы. В момент опасности высшее дворянство, — увы! — не будет единодушно защищать трон.

Дворянское сословие в действительности состоит из различных соперничающих между собою каст, самыми влиятельными из которых являются отнюдь не те, какие могут сослаться на самые старинные дворянские грамоты. Рядом с родовым и военным дворянством в течение последних двух столетий возникло дворянство судейское и чиновное, которое монополизирует административные и судебные должности. Члены парламента, в руках которых апелляционный суд, стоят во главе этой новой касты, столь же высокомерной и, быть может, еще более богатой, чем старая каста. Собственники своих должностей, купленных за очень дорогую плату, и переходящих от отца к сыну, судьи фактически несменяемы. Отправление

ими правосудия ставит в зависимость от них бесчисленное количество тяжущихся. Они богатеют, получая взятки, и приобретают обширные земельные владения. Судьи Бордосского парламента обладают лучшими бордосскими виноградниками.

Парижские судьи, доходы которых иногда не уступают доходам крупных аристократов, страдают от невозможности быть представленными ко двору из-за отсутствия достаточного количества предков. Они замыкаются в гордом высокомерии выскочек и претендуют на управление государством. Так как всякий королевский акт — повеление, приказ и даже дипломатический договор — может войти в силу лишь после того, как его текст будет внесен в их реестры, члены парламента пользуются этим правом регистрации для того, чтобы контролировать королевское управление и делать представления по поводу злоупотреблений. В стране, где все немо, они одни имеют право критики и они пользуются им, чтобы приобретать популярность, протестуя против новых налогов, обличая придворную роскошь, расточительность, всевозможные злоупотребления. Они иногда осмеливаются возбуждать судебные дела против самых высших чиновников, подвергая их унижительным допросам, как они сделали с герцогом Эгильоном, комендантом Бретани, как они это сделают с министром Калонном на другой же день после того, как он впал в немилость. Ссылаясь на то, что в далекие времена высший суд, собственно парламента, являлся лишь отделом общего собрания всех королевских вассалов, с которыми короли должны были советоваться о всяком новом налоге, ссылаясь также на то, что в некоторых торжественных или королевских заседаниях (*lits de justice*) принцы крови, герцоги и пэры принимают участие наряду с ними, они утверждают, что во время отсутствия Генеральных штатов они являются представителями вассалов и требуют восстановления феодального права, старой конституции монархии, чтобы противодействовать правительству и королю. Их противодействие доходит до стачки, до массового отказа от должностей. Различные парламенты королевства вступают в соглашение между собою. Они заявляют, что все вместе они составляют одно учреждение, лишь разделенное на классы, а другие высшие учреждения, контрольная палата, палата податей, поддерживают их крамольные происки. Людовику XV, который, несмотря на свою беспечность, был все же королем, в конце концов надоела их вечная оппозиция. По

совету канцлера Мопу, в конце своего царствования он распустил парижский парламент и заменил его высшим советом с одними лишь судебными функциями. Но слабый Людовик XVI, уступая требованиям того, что он считал общественным мнением, при восшествии на престол восстановил парламент и, таким образом, подготовил гибель своей короны. Если легковесные памфлеты философов помогали дискредитации старого режима, то обоснованные представления судей несомненно еще более содействовали распространению среди народа неуважения и ненависти к установленному порядку.

Мог ли король, против которого восставали чиновники, творящие его именем суд, рассчитывать по крайней мере на подчинение и преданность других чиновников, составляющих его советы и управляющих от его имени провинциями? Прошло уже то время, когда королевские агенты являлись прирожденными врагами древних феодальных властей, которых они лишили влияния. Королевские должности давали дворянство. Вчерашние разночинцы становились привилегированными. Со времени Людовика XIV министры получали княжеский титул. Их сыновья делались графами или маркизами. Во времена Людовика XV и Людовика XVI министры выбирались все чаще и чаще из дворянства и не только из чиновного, но и из родовитого, военного дворянства. Из 36 лиц, занимавших министерские посты с 1774 по 1789 год, только один не был дворянином, а именно женевский гражданин Неккер, который, впрочем, хотел, чтобы дочь его стала баронессой. Вопреки частому утверждению, даже интенданты, на которых возлагалось управление провинциями, не выбирались уже из людей простого происхождения. Все должностные лица во времена Людовика XVI принадлежали к родовитым или пожалованным дворянским семьям, иногда в течение нескольких поколений. Так, какой-нибудь де Тремон, интендант Монтобана, Фурнье-де-ла-Шапель, интендант Оша, принадлежали к дворянскому роду, восходящему до XIII столетия. Существовали династии интендантов подобно тому, как существовали и парламентские династии. Правда, интенданты, не занимавшие свои места по должности, были сменяемы, как и докладчики королевского совета, из числа которых они рекрутировались, но их богатство, объединение в их лице судебных и административных функций обеспечивали им действительную независимость. Многие из них старались приобрести попу-

лярность в своем «интендантстве». Они не были уже послушным орудием, каким служили их предшественники великого века. Королю подчинялись все меньше и меньше. Парламенты не осмелились бы вести такую длительную борьбу против министров, если бы эти последние могли рассчитывать на безусловную поддержку всех подчиненных им администраторов. Но различные слои дворянства все сильнее чувствовали свою солидарность. Они умели при случае забывать свою вражду, чтобы противопоставлять общий фронт народу и королю, когда последним неожиданно овладевал реформаторский зуд.

Области со штатами (*les pays d'Etats*), то есть провинции, позднее присоединенные к королевству и сохранившие некоторое подобие феодального представительства, при Людовике XVI проявляют партикуляристские стремления. Сопrotивление штатов Прованса в 1782 г. принудило короля отменить пошлину на масло. Штаты Беарна и Фуа в 1786 г. отказались утвердить новый налог. Штатам Бретани, соединившимся с Реннским парламентом, удалось нанести поражение интенданту во времена Людовика XV по вопросу о принудительных работах. Они даже завладели управлением общественных работ. Таким образом, административная централизация должна была уступить.

Повсюду беспорядок и хаос. В центре два отдельных органа: Совет, разделенный на многочисленные отделы, и шесть министров, независимых друг от друга, — простые приказчики, не сталкивающиеся друг с другом и не имеющие доступа в Совет. Различные отрасли общественного управления кочуют из одного департамента в другой, в зависимости от личных удобств. Министр финансов признается в своем бессилии составить правильный бюджет ввиду перехода счетов из одного года в другой, множества различных касс, отсутствия точной отчетности. Каждый тянет в свою сторону. Сартин, морской министр, тратит миллионы без ведома министра финансов. Никакой согласованности в предпринимаемых мероприятиях. Один министр покровительствует философам, другой их преследует. Все друг другу завидуют и интригуют друг против друга. Главные их заботы направлены не столько на управление, сколько на сохранение благосклонности их господина или его приближенных. Общественные интересы не ограждаются. Абсолютизм божественного права служит прикрытием всяческих хищений, всяческого произвола, всех злоупотреблений.

И потому министры и интенданты вызывают общую ненависть, а несовершенная централизация, которую они олицетворяют, отнюдь не укрепляя монархию, возбуждает против нее общественное мнение.

Административное подразделение округов отражает историческое образование государства. Они уже не соответствуют потребностям современной жизни. И границы, даже примыкающие к иностранным землям, неясны. В точности не известно, где кончается и где начинается власть короля. Города и деревни наполовину принадлежат Франции, наполовину — империи. Община Рарекур, близ Витри ле Франсуа, в глубине Шампани, трижды платит по 2 су 6 денье с каждого главы семьи своим трем сюзеренам: королю Франции, императору Германии и принцу Конде. Прованс, Дофинэ, Беарн, Бретань, Эльзас, Франш-Конте и др. ссылаются на старые «договоры», присоединившие их к Франции, и склонны считать короля лишь своим сеньером, графом или герцогом. Мэр коммуны Морлаас в Беарне в начале наказа 1789 г. задает следующий вопрос: «До какой степени мы должны перестать быть беарнцами, чтобы стать более или менее французами?» Наварра продолжает оставаться отдельным королевством, отказывающимся от представительства в Генеральных Штатах. По выражению Мирабо, Франция все еще представляет собою лишь «неорганизованный агрегат разъединенных народов».

Старые судебные округа, бальяжи — на севере и сенешальства — на юге, продолжают соответствовать прежним феодальным ленам в удивительном беспорядке. Версальские канцелярии не знают точно числа судов, а еще менее размеры их компетенции. В 1789 году они совершают поразительные ошибки при рассылке уведомления о созыве Генеральных Штатов. Военные округа или губернаторства, существующие с XVI века, остались почти неизменными; финансовые округа, управляемые интендантами, или генеральства, существующие с следующего столетия, еще менее приноровлены к новым потребностям. Церковные округа или провинции остались почти без изменений со времени римской империи. То тут, то там они преступают за политические границы. Французские юре подчинены немецким прелатам и обратно.

Когда общественный порядок окажется потрясенным, старая административная машина, сложная, проржавевшая и скрипящая, окажется неспособной на серьезное сопротивление.

Рядом с привилегированными и «должностными лицами», распоряжающимися государством, мало-помалу вырастают новые силы, порождаемые торговлей и промышленностью. С одной стороны — феодальная и недвижимая собственность, с другой — движимые и буржуазные богатства.

Несмотря на препятствия корпоративного режима, — однако менее стеснительного, чем это полагали, несмотря на внутренние таможи и дорожные заставы, несмотря на разнокалиберность мер и весов, — торговля и промышленность росли в течение всего столетия. По ценности внешнего товарооборота Франция идет непосредственно вслед за Англией. Ей принадлежит монополия колониальных хлебов, ее владения в Сан-Доминго дают ей одной половину потребляемого во всем мире сахара. Шелковая промышленность, дающая заработок в Лионе 65.000 рабочих, не знает соперников. Наша водка, вино, наши ткани, наши моды, наша мебель продаются по всей Европе. Даже металлическая промышленность, развитие которой запоздало, и та идет вперед, Крезо, который называется еще Монсени, уже представляет собою образцовый завод, снабженный последними усовершенствованиями, а у Дитриха, железного короля того времени, при его домнах и на железоделательных заводах в Нижнем Эльзасе, оборудованных по-английски, работают сотни рабочих. Один судовладелец Бордо, Бонаффе, обладает в 1791 году флотом в 30 судов и состоянием в 16 миллионов. И этот миллионер не представляет собою исключения. В Лионе, Марселе, Нанте, Гавре, Руане встречаются очень крупные состояния.

Экономическое развитие так интенсивно, что число банков значительно увеличивается при Людовике XVI. Парижская Учетная Касса выпускает уже банкноты, подобные банкнотам нашего Французского Банка. Капиталы начинают соединяться в акционерных обществах: Индийская Компания, Компания страхования от пожаров, страхования жизни, компания вод Парижа. Металлургический завод Монсени акционирован. Процентные бумаги, котирующиеся на бирже рядом с рентой парижской ратуши (т. е. государственной), порождают чрезвычайно оживленную спекуляцию. Уже практикуются сделки на срок.

Управление государственным долгом в 1789 году поглощает для уплаты процентов 300 миллионов в год, т. е. более половины всех государственных доходов.

Во главе компании генеральных откупщиков, взимающих за счет короля косвенные налоги, пошлины, налог на соль, табак, гербовый сбор и т. д., стоят первоклассные финансисты, соперничающие в роскоши с знатнейшими дворянами. Буржуазию охватывает деловая горячка. Сделки биржевых маклеров увеличились за один год вдвое. Неккер писал, что Франция обладает половиной всех денег, существующих в Европе. Купцы покупают земли дворян, запутавшихся в долгах. Они строят себе элитные особняки, украшаемые лучшими художниками. У генеральных откупщиков в предместьях Парижа имеются свои «страстишки», как у крупных сеньеров. Города меняют свой вид и украшаются.

Бесспорным признаком того, что страна богатеет, является быстрый рост населения и непрерывное повышение цен на хлеб, земли и дома. Франция уже насчитывает 25 миллионов жителей, вдвое больше Англии или Пруссии. Благосостояние постепенно распространяется от высшей буржуазии к средней и мелкой, лучше одеваются, лучше питаются, чем в прежнее время, а главное — больше учатся. Дочери разночинцев, которых теперь называют барышнями, потому что они носят шляпки, покупают пианино. Рост дохода с налогов на предметы потребления указывает на увеличение благосостояния.

Не в истощенной стране, а, напротив, в цветущей, полной жизненных сил предстоит разразиться революции. Нищета, вызывающая иногда мятежи, не может породить великие социальные перевороты. Последние происходят всегда в результате нарушения классового равновесия.

Буржуазия владела, несомненно, большей частью достояния Франции. Она непрерывно развивалась в то время, как привилегированные сословия разорялись. Самый рост ее заставлял ее сильнее чувствовать приниженное положение, на которое обрекал ее закон. Барнав становится революционером с того дня, когда дворянин изгонит его мать из ложи, занимаемой ею в Гренобльском театре. Госпожа Ролан жалуется, что, когда ее с матерью удержали на обед в замке Фонтенэ, их накормили в буфетной. Сколько врагов старому режиму породили подобные раны, нанесенные самолюбию?

Буржуазии, в руках которой были деньги, приобрела также и нравственную силу. Писатели, вышедшие из ее рядов, мало-помалу освободились от прислужничества дворянству. Теперь они пишут для широкой публики, которая читает их, они угождают ее вкусам, защищают ее

требования. Их ироническое перо не устает высмеивать все идеи, на которых покоится старый режим, и прежде всего религию. Их задача чрезвычайно облегчена спорами теологов, подорвавшими уважение к людям традиции. Между янсенизмом и ультрамонтантством пробила свою брешь философия. Запрещение ордена иезуитов в 1763 году уничтожило последний маломальски серьезный оплот, противостоявший новому духу. Монашеская жизнь утратила уже привлекательность. Монастыри пустеют, благочестивые пожертвования сокращаются до ничтожных цифр. Дело новаторов с этих пор выиграно. Высшее духовенство едва защищается. Придворные прелаты сочли бы себя обесчещенными, если бы прослыли набожными; они кокетничают тем, что распространяют просвещение; в своих епархиях они желают быть лишь помощниками администрации. Свое рвение они посвящают служению уже не во имя небесного блага, а во имя земного. Утилитарный идеал одинаково обязателен для всех, кто говорит или пишет. Традиционная вера представляется народу, как обязательное дополнение невежества и грубости. Даже приходские священники читают энциклопедию и проникаются идеями Мабли, Рейналя и Жан-Жака.

Ни один из аристократов, аплодирующих смелым выпадам и дерзостям философов, не обращает внимания на то, что религия является краеугольным камнем режима. Как может свободная критика, раз допущенная, удовлетвориться осмеянием суеверия! Она нападает на самые почтенные учреждения, она распространяет всюду сомнения и насмешку. Привилегированные, однако, этого, повидимому, не понимают. Граф Водрейль, близкий друг Полиньяка, поставил на сцене своего замка Женнвиллье «Свадьбу Фигаро», то есть самую бичующую и самую смелую сатиру на дворянскую касту. Мария-Антуанетта вмешивается, чтобы запрещенная до сих пор пьеса могла быть поставлена во Французском театре. Революция произошла в умах значительно раньше, чем в жизни, и в число ее ответственных творцов с полным правом следует включить именно тех, кто оказался ее первыми жертвами.

Революция могла прийти только сверху. Трудящийся народ, узкий горизонт которого не выходил за рамки своей профессии, был неспособен проявить инициативу и тем более направить ее. Крупная промышленность едва лишь начинала развиваться. Рабочие еще нигде не образовали сплоченных объединений, те же, которые входили в цехи

и подчинялись им, делились на враждующие общества подмастерьев, больше занятые распрями между собою по мелочным поводам, чем заботой об общем фронте против мастеров. Впрочем, у них была надежда и возможность в свою очередь стать мастерами, потому что мелкое ремесло все еще оставалось преобладающей формой промышленного производства. Что касается других, тех, кто работал в «мануфактурах», то многие из них были крестьяне, смотревшие на свою заработную плату только, как на добавление к своим доходам от земледелия. Большинство до такой степени проявляло покорность и почтение по отношению к предпринимателям, дающим им работу, что в 1789 году они признали их своими естественными представителями. Рабочие несомненно жалуются на недостаточность заработной платы, которая, по словам инспектора мануфактур Ролана, возрастала медленнее, чем цена на хлеб. Иногда они волнуются, но они еще не чувствуют, что составляют особый класс, отличный от третьего сословия.

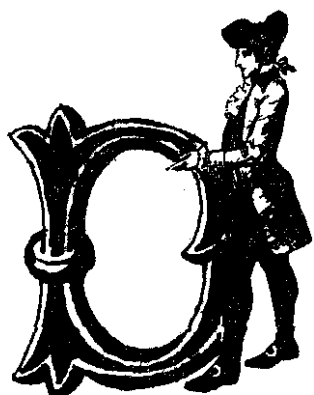
Крестьяне являются выючными животными этого общества. Десятины, денежные и натуральные ренты, барщины, королевские пошлыны, милиция, всякого рода повинности падают на них. Голуби и дичь помещика безнаказанно опустошают их жатву. Они живут в землянках, часто покрытых соломой, иногда не имеющих даже очага. Они видят мясо только по праздникам, а сахар только во время болезни. Сравнительно с теперешними нашими крестьянами они очень жалки, и все же они менее несчастны, чем были их отцы или их братья, крестьяне Италии, Испании, Германии, Ирландии или Польши. В результате упорного труда и сбережений некоторые из них могли купить кусок пахотной земли или луга. Повышение цен на хлеб благоприятствовало их освобождению. В наиболее печальном положении оказались те, кому не удалось приобрести немножко земли. Они возмущаются по поводу раздела сеньерами общинных земель, по поводу уничтожения пустошей и запрещения сбора колосьев, что отнимает у них и те скромные ресурсы, какие они извлекали из первобытного коммунизма. Многочисленны также батраки-поденщики, часто страдающие от безработицы и вынужденные переходить в поисках работы с одной фермы на другую. Трудно провести границу между ними и бродягами и нищими. В этой среде вербуются армия контрабандистов и подпольных торговцев солью, ведущих постоянную войну с соляными приставами.

Рабочие и крестьяне, способные к кратковременным вспышкам возмущения, когда гнет становится слишком тяжел, не видят средств изменить общественный строй. Они только еще начинают учиться читать. Но рядом с ними живут, просвещая их, приходский священник, адвокат, — священник, к которому они несут свои горести, адвокат, который защищает в суде их интересы. Но священник, который читал произведения своего века, который знает о скандальном образе жизни, какой ведут его начальники в своих роскошных дворцах, и который с трудом живет на свое жалованье, вместо того, чтобы проповедовать, как прежде, своей пастве покорность, внушает своим прихожанам долю того возмущения и горечи, какими преисполнена его душа. Адвокат, с своей стороны, принужденный в силу своей профессии распутывать старые феодальные отношения, не может не ценить по достоинству архаические грамоты, на которых покоятся богатство и угнетение. Бабеф научается презирать собственность, практикуя в качестве знатока феодального права. Он жалеет крестьян, у которых жадность помещика, нанявшего его привести в порядок архив, готова выжать новые ренты, давно забытые.

Так ведется глухая работа критики, которая задолго предшествует взрыву и подготавливает его. Стоит наступить благоприятному моменту, и весь накопившийся и воспламенившийся гнев даст оружие в руки несчастных, возбуждаемых и руководимых толпою недовольных.

ВОЗМУЩЕНИЕ ДВОРЯН

ля преодоления наступающего кризиса во главе монархии нужен был король. Налицо был лишь Людовик XVI. Этот толстяк с простонародными манерами оживлялся только за обеденным столом, за охотой или в мастерской слесаря Гамэна. Умственный труд утомлял его. В королевском Совете он дремал. Скоро он сделался мишенью насмешек легкомысленных и пустых придворных. На него ворчали даже во внутренних покоях. Он допустил, чтобы герцог де-Куаньи устроил ему сцену из-за уменьшения жалованья. Брак его давал обильный материал для жестоких насмешек. Дочь Марии-Терезии, на которой он женился, была красива, кокетлива и неблагодарна. Она отдавалась удовольствиям с беззаботной страстью. Ее видели на балу в Опере, где она наслажда-

лась самыми рискованными фамильярностями, тогда как ее холодный супруг оставался в Версале. Она допускала ухаживание придворных, пользующихся самой дурной репутацией: Лозена, Эстергази. Ей не без основания приписывали в качестве любовника полковника королевского шведского полка Ферзена. Было известно, что Людовик XVI смог осуществить свои супружеские права лишь спустя семь лет после брака, ценою специальной операции. Злые языки были неистощимы на оскорбительные песенки, в особенности после запоздавшего рождения наследника. Из аристократических кругов эпиграммы проникли в среду буржуазии и народа, и репутация королевы была утрачена задолго до революции. Одна авантюристка, графиня де-Ламот, происходившая от одного из побочных сыновей Карла IX, смогла внушить кардиналу Рогану, что она сумеет снискать ему благосклонность Марии-Антуанетты, если только он поможет ей купить прекрасное ожерелье, в котором отказал ей скупой супруг. Кардинал имел свидания при свете луны за рощицей Версаля с женщиной, которую он принял за королеву. Когда интрига обнаружилась, благодаря жалобе ювелира Бемера, которому не было уплачено за ожерелье, Людовик XVI имел неосторожность обратиться к парламенту для защиты своей оскорбленной чести. Если графиня Ламот и была осуждена, то кардинал был оправдан при всеобщем одобрении. Оправдательный приговор означал, что признание королевы Франции легко доступной женщиной не составляет преступления. По совету полиции, Мария-Антуанетта воздерживалась показываться в Париже во избежание враждебных манифестаций. К этому же времени, в 1786 г., монетный двор в Страсбурге отчеканил некоторое количество луидоров с изображением короля, украшенным оскорбительными рогами.

Такое положение давало принцам крови надежду взойти на престол. Граф Артуа, граф Прованский, братья короля, герцог Орлеанский, его двоюродный брат, тайно интриговали, желая использовать недовольство, которое породили среди массы придворных исключительные милости королевы некоторым семьям, осыпанным ее подарками. Теодор де Ламет рассказывает, что однажды г-жа Бальби, любовница графа Прованского, завела с ним следующий разговор: «Вы знаете, как говорят о короле, когда в кабачке нуждаются в мелочи? Бросают на стол экю и говорят: обменяйте мне этого пьяницу». Это

вступление являлось лишь попыткой позондировать Ламета на счет своевременности перемены монарха. Ламет не сомневался, что некоторые принцы лелеяли план об объявлении парламентом неспособности Людовика XVI царствовать.

Между тем король ничего не слышал, ничего не видел. Он передал свой скипетр женщине, отвернувшись от реформаторов и следуя за партизанами злоупотреблений, подчиняясь случайным внушениям приближенных, а в особенности желаниям королевы, которая все больше овладевала его волею. Его неуверенная политика тоже давала серьезную пищу всеобщему недовольству. Афоризм Воблана и в этом случае совершенно правилен: «Во Франции правительство свергается всегда главою государства и его министрами».

Наиболее резкая критика злоупотреблений, от которых погибал режим, была сделана министрами Тюрго, Мальзербом, Калонном, Бриенном, Неккером в мотивах к королевским эдиктам. Эти эдикты оглашались приходскими священниками во время проповеди. Они проникли в самые низшие слои народа. Необходимость реформ была признана от имени короля. Но так как обещанные реформы останавливались на полдороги и отменялись, то к горечи, вызываемой злоупотреблениями, присоединялось разочарование и в способах излечения их. Барщина казалась крестьянам еще более тяжелой после того, как Тюрго тщетно объявлял указами об ее отмене. В связи с этим крестьяне Мэна, ссылаясь на слова министра, отказались платить ренты маркизу Вибрэй, осадили его замок и принудили его бежать. Уничтожение права «мертвой руки» во владениях короны, проведенное Неккером, сделало еще более невыносимой для заинтересованных лиц сохранение его в владениях помещичьих и церковных. Отмена Мальзербом в уголовных делах подготовительного «допроса», то есть пытки, делало еще более несправедливым сохранение ее при предварительном следствии. Учреждение в 1778 году Неккером провинциальных собраний в двух генеральствах — в Берри и Верхней Гиенне — казалось осуждением деспотизма интендантов, но оно только обострило желание получить представительные учреждения, так как эти два новые собрания, назначенные, а не выбранные, являлись в действительности лишь карикатурой их. Оно нанесло удар авторитету интендантов, не принеся пользы королевской власти. К таким же результатам приводили все реформа-

торские потуги. Они лишь оправдывали и укрепляли недовольство.

Да и как могло быть иначе, когда за либеральными указами тотчас же следовали реакционные меры, внушенные чисто феодальным духом, причем эти меры в противоположность первым проводились в жизнь. Знаменитый устав 1781 года, требовавший от будущих офицеров при приеме в военные школы доказательства дворянства в четырех поколениях, несомненно сыграл известную роль в будущем дезертирстве армии. Чем сильнее грозила опасность привилегиям дворянства, тем более оно изощрялось в том, чтобы укрепить их. Оно закрыло доступ людям недворянского происхождения не только к офицерским чинам, но также и к судебным и к высшим церковным должностям. Оно усиливало свою монополию, одновременно с тем аплодируя Фигаро.

Мог ли другой король, а не Людовик XVI, найти выход из такого исключительного положения? Может быть, но не наверное. Отняв у феодалов политическую власть, Бурбоны считали нужным утешить их тем, что осыпали их своими благодеяниями. Людовик XIV и Людовик XV считали дворянство необходимым для своей славы. Они связывали свой трон солидарностью с их привилегиями. Людовик XVI лишь следовал установленной традиции. Серьезные реформы он мог произвести, лишь вступив в смертельную борьбу против этих привилегий. Он испугался после первых же стычек.

Затем, над всем тяготел вопрос финансовый. Для проведения реформ нужны были деньги. Среди всеобщего процветания государственное казначейство все более опустошалось. Его можно было наполнить лишь за счет привилегированных и с согласия парламентов, мало расположенных приносить частные интересы своих членов на алтарь общественного блага. Чем больше изворачивались, тем больше углублялась бездна дефицита и тем сильнее становилось сопротивление.

Уже Людовик XV в последние годы своего царствования стоял перед банкротством. Железная рука аббата Террея устранила катастрофу и продлила на двадцать лет существование старого порядка. Террей пал, и пляска миллионов возобновилась. Министры финансов быстро сменяли один другого, и среди них не было ни одного финансиста, за исключением Неккера, который в сущности был всего лишь бухгалтером. Наводили грошевую экономию в королевском доме, раздражали придворных без

реальной пользы для казначейства. Щедроты умножаются: 100 000 ливров в приданое дочери графа де Гин, 400 000 ливров графине Полиньяк на уплату долгов, 800 000 ливров на приданое ее дочери, 23 миллиона на уплату долгов графа Артуа, 10 миллионов на покупку для короля замка Рамбуйе, 6 миллионов на покупку королеве замка в Сен-Клу и т. д. Ничтожные расходы в сравнении с теми, какие вызвало участие Франции в войне за американскую независимость! Их определяли в два миллиарда. На покрытие этих расходов Неккер занимал повсюду и всеми способами. Ему приходилось выпускать свои займы по 10—12%. Он обманул нацию своим знаменитым «отчетом», в котором вывел мнимый остаток. Он стремился лишь внушить доверие своим кредиторам и дал оружие членам парламентов, заявившим, что коренная налоговая реформа не нужна.

По окончании войны расточительный Калонн сумел за 3 года прибавить к прежним займам новых 653 миллиона. Было принято за правило, что христианнейший король не расходы сообразует со своими доходами, а наоборот — доходы со своими расходами. В 1789 году долг возрос до 4 с половиной миллиардов. За пятнадцать лет царствования Людовика XVI он увеличился в три раза. К моменту смерти Людовика XV на уплату процентов по долгам требовалось 93 миллиона, а в 1790 году — около 300 миллионов из доходного бюджета, едва достигавшего 500 миллионов. Но всему бывает конец. Калонн принужден был признаться королю, что он дошел до крайности. Его последний заем с трудом был покрыт. Он пустил в продажу новые должности, приступил к перечеканке монеты, повысил налоги, продавал государственные земли, окружил Париж стеной таможенных застав; он вытянул от генеральных откупщиков 255 миллионов вперед, то есть авансом в счет последующих лет, он готовился занять под видом залога еще 70 миллионов в Учетной Кассе, но все эти мероприятия не помешали тому, чтобы дефицит достиг 101 миллиона. Вдобавок, Франция находилась накануне войны с Пруссией из-за Голландии. Военный министр требовал кредитов для защиты патриотов этой маленькой страны, которым король обещал поддержку против пруссаков.

Калонн пал под тяжестью всего этого. Он не считал возможным еще увеличивать существующие налоги, возросшие на 140 миллионов менее чем за 10 лет. Он был в открытой борьбе с парижским парламентом, опротесто-

вавшим перечеканку монеты, с бордосским парламентом по вопросу о собственности на наносные земли Жиронды, с Реннским — из-за нюхательного табаку, с Безансонским и Гренобльским — из-за временной замены барщины денежным налогом. Представлялось несомненным, что парламенты откажут ему в регистрации всякого займа и всякого нового налога.

Калонн собрался с духом и 20 августа 1786 года явился к Людовику XVI и сказал ему: «То, что необходимо для спасения государства, невозможно осуществить посредством частичных операций. Необходима фундаментальная перестройка всего здания, чтобы спасти его от разрушения... Невозможно производить дальнейшее увеличение налогов, непрестанно занимать — разорительно; нельзя ограничиваться экономическими реформами. Остается лишь один выход: единственное средство внести, наконец, порядок в финансы должно состоять в возрождении всего государства в целом, путем перестройки всего негодного в его строения».

Существовавшие налоги были обременительны и мало приносили потому, что очень плохо распределялись. Дворяне в принципе должны были платить пятипроцентный и подушный налоги, от которых было освобождено духовенство. Поземельный налог платили одни лишь крестьяне, причем он был неодинаков в провинциях со штатами и в провинциях избирательных*, налог этот то носил реальный характер, соответствуя современному поземельному налогу, то личный характер, имея вид налога с движимости. Существовали «свободные города», города абонированные, провинции выкупленные и т. д., в бесконечной сложности. Цена соли колебалась в зависимости от лиц и местности. Духовенство, привилегированные, чиновники, в силу присвоенного им соляного права, оплачивали ее по себестоимости. Но чем дальше от соляных варниц или копей, тем более тяжелым становился соляной налог и с тем большими инквизиторскими ухищрениями он взимался.

Калонн предполагал уменьшить соляной и поземельный налоги, отменить внутренние пошлины и при помощи нового налога, поземельной субсидии, заменяющего 5% налог, получить средства, необходимые для сведения бюджета. Но в то время, как 5% налог взимался

* Специальные выбранные собирали здесь налоги под контролем интенданта.

деньгами, поземельную субсидию предполагалось взимать натурой со всех земель без различия — духовных, дворянских или простого народа. Это означало налоговое равенство. Учетная Касса должна была превратиться в государственный банк. Имелось в виду создать провинциальные собрания в провинциях, еще не имевших их, чтобы «положить конец неравенству и произволу в распределении общественных повинностей».

Так как нельзя было рассчитывать на утверждение парламентами столь широкой реформы, думали обратиться к собранию нотаблей, которые ее одобрили бы. Не был примера, чтобы нотабли, избранные королем, оказали противодействие его воле. Но за последнее столетие произошел полный переворот в умах.

Нотабли, 7 принцев крови, 33 герцога и пэра или маршала, 33 председателя парламентов, 11 прелатов, 12 государственных советников, 12 депутатов провинций со штатами, 25 мэров или эшевенгов главных городов и т. д., всего 144 лица, выдающиеся по своим заслугам или по должности, собрались 22 февраля 1787 года. Калонн выступил перед ними с осуждением всей финансовой системы: «Нельзя ступить и шагу в этом обширном государстве, чтобы не столкнуться с разными законами, противоположными обычаями, привилегиями, изъятиями, освобождением от уплаты налогов, со всякого рода правами и претензиями. Эта всеобщая разногласица осложняет управление, останавливает ход дела, затрудняет правительственную деятельность и повсюду увеличивает расходы и беспорядок». Он в корне осудил соляной налог, «налог, столь непропорционально распределенный, что в одной провинции приходится платить в 20 раз более, чем в другой, столь сурово взимаемый, что одно его название внушает ужас... налог, взимание которого обходится в пятую часть всей получаемой суммы и который, благодаря большому соблазну, представляемому им для контрабанды, приводит ежегодно более 500 отцов семейств к каторге или тюрьме, вызывает более 4.000 конфискации в год». Затем, за критикой злоупотреблений, последовало изложение проекта реформ.

Нотабли состояли из привилегированных. Памфлеты, внушенные членами парламента, осыпали их насмешками и эпиграммами, предсказывали их капитуляцию. Они заупрямились, чтобы доказать свою независимость. Они избегали заявлять о своем нежелании платить налог, но возмущались громадностью дефицита, которая поразила

их. Они напомнили, что Неккер в своем знаменитом «отчете», появившемся четыре года тому назад, показывал превышение доходов над расходами; они требовали сообщения оправдательных документов к бюджету, требовали, чтобы ежемесячно сообщалось о состоянии королевского казначейства и чтобы ежегодно публиковалась общая сводка прихода и расхода и представлялась на рассмотрение Счетной палаты. Они протестовали против злоупотребления пенсиями. Защищаясь, Калонн должен был разоблачить ошибки «Отчета» Неккера. Неккер возражал и был выслан из Парижа. Вся аристократия, дворянская и парламентская, были взбудоражены. В ядовитых памфлетах Калонн смешивался с грязью. Мирабо принял участие в общем концерте своим «Разоблачением ажиотажа», в котором обвинял Калонна в игре на бирже государственными бумагами. Калонн был уязвим, у него были долги, он имел любовниц и подозрительные знакомства. Разразился скандал в связи с спекуляцией на бирже аббата Эспаньяка на акциях Индийской компании. Калонн был замешан в этой истории. Привилегированные воспользовались удобным случаем, чтобы отделаться от министра-реформатора. Тщетно этот последний перешел в наступление. По его поручению адвокат Жербье написал «Предостережение», которое представляло собою резкое нападение на эгоизм дворян и взывало к общественному мнению. «Предостережение», широко распространенное по всему королевству, усилило ярость врагов Калонна. Общественное мнение реагировало не так, как он рассчитывал. Рантье проявляли недоверие. Буржуазия как будто не принимала всерьез проекты реформ, выработанные с целью угодить ей. Народ оставался равнодушным к спорам, которые были выше его понимания. Ему нужно было время, чтобы обдумать истины, разоблаченные перед ним и поразившие его. В Париже возбуждение было очень сильно, но вначале оно ограничивалось лишь высшими классами. Епископы, заседавшие среди нотаблей, потребовали отставки Калонна. Людовик XVI покорился и, в конце концов, против воли назначил заместителем его архиепископа Тулузского Ломени де Бриенна, выдвинутого королевой. Привилегированные облегченно вздохнули, но они испугались. Они были ожесточены против Калонна. Парижский парламент по предложению Адриена Дюпора постановил начать следствие по поводу его растрат. Ему пришлось бежать в Англию.

Бриенн, пользуясь моментом затишья, получил от нотаблей и парламента 67-миллионный заем в виде пожизненных рент, который позволил временно избежать банкротства. Простая передышка! Бриенн силою вещей был вынужден снова обратиться к проектам человека, которого он сменил. С большею последовательностью, чем его предшественник, он попытался расстроить коалицию привилегированных с буржуазией. Он создал провинциальные собрания, в которых третье сословие имело представительство, равное представительству двух привилегированных сословий вместе. Он возвратил, к большому возмущению духовенства, гражданские права протестантам. Барщину он заменил денежным налогом. Наконец, он хотел привлечь духовенство и дворянство к уплате поземельного налога. Нотабли сейчас же стали на дыбы. Из семи бюро только одно приняло новый проект земельного налога; остальные заявили, что не имеют права согласиться на него. Это означало апелляцию к Генеральным Штатам. Лафайет пошел дальше. Он требовал Национального собрания по образцу Конгресса, управляющего Америкой, и Великой хартии, которая обеспечила бы периодический созыв этого собрания. Если бы Бриенн был столь же решителен, как и умен, он сразу пошел бы навстречу пожеланию нотаблей. Созыв Генеральных Штатов, произведенный добровольно в ту пору, в мае 1787 года, когда королевский престиж еще не был умален, без сомнения, упрочил бы власть Людовика XVI. Привилегированные попали бы в собственную ловушку; буржуазия поняла бы, что обещания реформ искренни. Но Людовик XVI и двор опасались Генеральных Штатов, они помнили Этьена Марсея и Лигу. Бриенн предпочел распустить нотаблей, упустив таким образом последний шанс избежать революции.

С той поры дворянский мятеж, руководимый судейской аристократией, не знал границ. Парламенты Бордо, Гренобля, Безансона и др. протестовали против указов, вернувших гражданские права протестантам и учредивших провинциальные собрания, соперничества которых они опасались. Они ловко дают понять, что собрания, назначаемые правительством, являются лишь министерскими комиссиями, лишены независимости, и начинают требовать восстановления старых феодальных штатов, более не созываемых.

Парижский парламент, поддерживаемый Податной Палатой и Счетной Палатой, приобретает популярность,

отказывая Бриенну в утверждении указа, облагающего гербовым сбором прошения, квитанции, извещения, газеты, афиши и пр. В то же время, 16 июля, он требует созыва Генеральных Штатов, которые, как он утверждает, одни лишь вправе разрешить новые налоги. Он отвергает затем и указ о поземельном налоге, обличает расточительность двора и требует сокращения расходов. Когда 6 августа король отвечает на эту оппозицию «королевским заседанием», парламент на следующий же день отменяет, как незаконное, постановление, принятое накануне по приказу короля. Это возмущение карается изгнанием в Труа, но возбуждение охватывает все провинциальные суды и распространяется на буржуазию. Судебные чины выступают в роли защитников прав нации. Их превозносили как отцов отечества и торжественно носили на руках. Низшие судейские чиновники вместе с ремесленниками начали нарушать уличный порядок. Со всех сторон в Версаль стекались петиции в пользу возвращения парламента в Париж.

Судейские чины наслаждались своею популярностью, но в глубине души они не были свободны от беспокойства. Требуя Генеральных Штатов, они хотели удачным ходом избавить дворянство, как служилое, так и военное и духовное, от необходимости оплачивать издержки финансовой реформы. Только ради этого они стояли за Генеральные Штаты, которые могли ускользнуть от них. Если Штаты станут периодическими, как того требовал Лафайет, их собственная роль закончится. Вступили в тайные переговоры. Если Бриенн откажется от гербового сбора и поземельного налога, в виде компенсации он получит согласие на продление двух двадцатых, которые будут взиматься «без каких бы то ни было различий и изъятий». В результате такого соглашения парламент, после регистрации указов, вернулся 19 сентября в Париж среди фейерверков.

К несчастью, двух двадцатых, сбор которых требовал времени, не хватило на покрытие самых неотложных нужд казначейства. Грозил крах, несмотря на то, что Бриенн, нарушая королевское слово, покинул голландских патриотов. Пришлось вновь обратиться к парламенту и просить утвердить заем в 420 миллионов, обещая созвать Генеральные Штаты через 5 лет, то есть в 1792 году. Началась война более ожесточенная, чем когда бы то ни было. Королю, приказавшему 19 ноября зарегистрировать заем, герцог Орлеанский осмелился сказать, что это

незаконно. На другой же день герцог был выслан в Вилле-Кортерэ, а два советника из числа его друзей, Сабатье и Фрето, заключены в замок Дуллен. Парламент потребовал освобождения сосланных и, по предложению Адриена Дюпора, постановил 4 января 1788 года начать следствие по поводу приказов об аресте, которое спустя некоторое время возобновил, несмотря на королевское запрещение. Вскоре он дошел в своей смелости до того, что в апреле стал беспокоить покупателей последнего займа и поощрять плательщиков к отказу вносить новые двадцатые. На этот раз Людовик XVI разгневался. Он приказал арестовать двух советников, Гуаляра и Дюваля д'Эпремениля, в самом здании парламента, куда они скрылись, и утвердил законы, представленные ему хранителем печати Ламуаньоном, чтобы сломить сопротивление магистратуры, а также и реформировать суд. Палата, состоящая из высших чиновников, должна была заменить парламента в деле регистрации всех королевских актов. У парламента отнималась значительная часть гражданских и уголовных дел, которые до того входили в их компетенцию. Эти дела отныне должны были разбираться окружными судами, числом 47, что приближало суд к тяжущимся. Многочисленные специальные суды, например соляные, финансовые и другие, упразднились. Уголовный суд был реформирован в сторону большей гуманности, пытки во время предварительного дознания и следствия были отменены. Эта реформа была еще глубже той, какую пытался провести канцлер Мопу в 1770 году. Быть может, она имела бы успех, если бы была проведена всего лишь на девять месяцев раньше, до высылки парламента в Труа. Учреждение окружных судов не встретило единодушного сопротивления. По-видимому, слова Людовика XVI, обвинявшего перед страной судебную аристократию, желавшую захватить его власть, встретили отклик. Но со времени королевского заседания 19 ноября, со времени кары, постигшей герцога Орлеанского, борьба велась уже не только между министерством и парламентами. В связи с этим первоначальным конфликтом проявились и объединились уже все прочие недовольствия.

На сцену выступила партия американцев, англоманов или патриотов, находившая своих сторонников не только среди высшего дворянства, высшей буржуазии, но и среди судебных советников, вроде Дюпора и Фрето. Ее вожди собирались у Дюпора или Лафайета. На этих собраниях можно было встретить аббата Сизэйса, президента Лепе-

летье де Сен Фаржо, генерального адвоката Геро-де-Сешеля, парламентского советника Гюга де Семонвилля, аббата Луи, герцога д'Эгильона, братьев Ламетов, маркиза Кондорсе, графа Мирабо, банкиров Клавьера и Паншо и др. Для этих лиц Генеральные Штаты были лишь переходной ступенью. Они хотели преобразовать Францию в конституционную и представительную монархию, уничтожить министерский деспотизм. Американские идеи распространялись в клубах, литературных обществах, ставших уже многочисленными, в кафе, превратившихся, по словам советника Салье, в «общественные школы демократии и мятежа». Буржуазия тоже пришла в движение, но плелась за дворянством. В Ренне во главе патриотического бретонского общества стояли светские дамы, гордившиеся именем гражданок. Общество устраивало лекции в зале, украшенном гражданскими надписями и торжественно называемом, по-античному, Храмом Отечества.

Но судебная аристократия все еще руководила движением. Всем своим корреспондентам в провинции она дала один и тот же лозунг: мешать введению новых апелляционных судов или окружных судов, возбуждать, в случае необходимости, беспорядки, требовать созыва Генеральных Штатов и старых провинциальных штатов. Провинциальные парламенты организовали сопротивление вместе со своей многочисленной клиентелой из юристов. Путем заявлений о правительственных злоупотреблениях и громовых постановлений они старались вызвать волнения. Манифестации шли непрерывно. Военное дворянство солидаризировалось в своей массе с парламентами. Церковная знать последовала его примеру. Собрание духовенства уменьшило на три четверти требуемую от него субсидию. Оно протестовало против судебной палаты, против «трибунала, сговорчивости которого всегда будет опасаться нация» (15 июня). Мятежи вспыхнули в Дижоне, Тулузе, в пограничных провинциях, присоединенных к государству в позднейшее время, волнение приняло характер восстания. В Беарне парламент По, дворец которого был закрыт «военной силой», кричал о нарушении старых договорных прав страны. Сельчане, подстрекаемые дворянами Штатов, осадили интенданта в его доме и силой вернули членов парламента на их места (19 июня).

В Бретани, благодаря слабости или попустительству военного коменданта Тиара, а особенно интенданта

Бертрана де Молевилля, агитация велась свободно. Бретонские дворяне вызывали на дуэль офицеров армии, оставшихся верными королю. В течение мая и июня часто были столкновения между войсками и манифестантами.

В Дофинэ, наиболее промышленной провинции по словам Ролана, третье сословие играло решающую роль, но в согласии с привилегированными. После того, как парламент, изгнанный из своего дворца, заявил, что в случае оставления законов в силе, «Дофинэ сочтет себя совершенно свободным от сохранения верности своему монарху», город Гренобль восстал 7 июня, прогнал войска черепицами, бросаемыми с крыш, и при звоне колоколов вернул парламент в его дворец. После этого дня черепиц Штаты этой провинции, самопроизвольно и без королевской санкции, собрались 21 июля в замке Визиль, принадлежавшем крупным промышленникам Перье. Собрание, которое военный комендант не решился распуścić, постановило по предложению адвокатов Мунье и Барнава, что отныне третье сословие будет иметь двойное представительство и что голосование в Штатах будет происходить не по сословиям, а по голосам. Наконец, оно пригласило остальные провинции присоединиться к нему и поклялось не платить больше налогов, пока не будут созваны Генеральные Штаты. Визильские постановления, восхваляемые со всех сторон, были тотчас же подхвачены всеми патриотами.

Бриенн мог одержать победу над растущим возмущением только в том случае, если бы ему удалось расторгнуть союз третьего сословия с привилегированными. Он попытался из всех сил достичь этого, противопоставляя перья Ленге, Ривароля, аббата Морелле перьям Бриссо и Мирабо. 5 июля он объявил о созыве в ближайшем времени Генеральных Штатов, а 8 августа назначил срок созыва на 1 мая 1789 г. Слишком поздно! Даже провинциальные собрания, которые были делом его рук и были составлены по его усмотрению, оказались мало покорными. Некоторые отвергли увеличение налогов, которое он требовал от них. Собрание Оверни, по внушению Лафайета, составило такой резкий протест, что вызвало этим строгий выговор короля. Лафайет лишился своего патента на службу в армии.

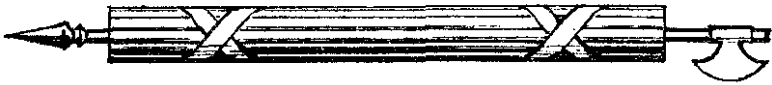
Для подавления мятежа в Беарне, Бретани и Дофинэ надо было иметь уверенность в войсках. Эти же последние, находившиеся под командованием дворян, враждебно настроенных к министерству и его реформам, сражались

вяло или даже поднимали приклады вверх, как в Ренне. Офицеры подавали в отставку.

А главное, Бриенн оказывался бессилён ввиду отсутствия денег. Протесты парламентов и волнения вызвали приостановку поступлений. После того, как были исчерпаны инвалидные фонды и пожертвования в пользу больниц и жертв грабобития, а также установлен декретом принудительный курс билетов Учетной Кассы, Бриенн вынужден был приостановить платежи казначейства. Он погиб. Рантье, до сих пор осторожно державшиеся, потому что чувствовали ненависть к себе судейских, присоединили теперь свои вопли к воплям дворян и патриотов. Людовик XVI пожертвовал Бриенном, как пожертвовал раньше Калонном, и унизился до того, что снова призвал Неккера, недавно оставленного им (25 августа 1788 г.).

Женевский банкир, чувствуя себя нужным, поставил свои условия: судебная реформа Ламуаньона, вызвавшая возмущение, должна быть отменена, парламенты восстановлены, Генеральные Штаты созваны в назначенный Бриенном срок. Король вынужден был согласиться на все. Дворянское возмущение нанесло удар короне, но оно же проложило путь революции.

Изображения Бриенна, а затем и Ламуаньона были сожжены на площади Дофина в Париже среди безумного восторга. Манифестации, продолжавшиеся в течение нескольких дней, вылились в мятеж. Были убитые и раненые. Восстановленный парламент, вместо того, чтобы оказать помощь власти, порицал репрессии и вызвал командира караула, который лишился своей должности. Судебные чины поощряли таким образом беспорядки и обезоруживали королевских агентов. Они не подозревали, что скоро станут жертвами развернувшейся народной силы.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

воряне и патриоты, объединившись кое-как, без видимых разногласий, в оппозиции мероприятиям «министерского деспотизма», тотчас же разделились, как только пал Бриенн. Первые, которых вскоре станут называть аристократами, реформу государства понимали лишь в форме возвращения к феодальной практике. Они думали обеспечить за первыми двумя сословиями их почетные и выгодные привилегии и сверх того вернуть им политическую власть, которую отняли у них в предыдущем столетии Ришелье, Мазарини и Людовик XIV. В лучшем случае они готовы были согласиться, и то неохотно, уплачивать отныне свою долю общественных налогов. Они все еще не пошли дальше фронды и кардинала Ретца. Национальная партия или патриоты, напротив, желают

радикального уничтожения всех пережитков проклятого прошлого. Они боролись против деспотизма совсем не для того, чтобы заменить его дворянской олигархией. Их взоры обращены на Англию и Америку. Равенство гражданское, юридическое и фискальное, основные свободы, представительное правление — составляли неизменную основу их требований, тон которых доходил до угроз.

Неккер, бывший служащий у банкира Телуссона, разбогатевший накануне договора 1763 г. благодаря удачной биржевой операции с английскими консолидированными бумагами, был лишь честолюбивым выскочкой и посредственностью, весьма склонным льстить всем партиям, а в особенности епископам, которых его положение еретика побуждало располагать в свою пользу. Удовлетворившись тем, что ему удалось добыть некоторую сумму для казначейства путем займов у парижских нотариусов и в Учетной Кассе, он упустил момент выступить в роли посредника. Борьбы он боялся. Он обещал Генеральные Штаты, но не решался установить сразу порядок созыва их. Привилегированные, конечно, держались старых форм. По их мнению, как в 1614 г., во время последнего созыва, каждый бальяж, т. е. каждый избирательный округ, должен был послать только одного депутата от каждого сословия, независимо от его населения и значения. Дворянство и духовенство должны были заседать отдельно. Ни одно постановление не могло быть действительно при отсутствии единогласия всех трех сословий. Патриоты с негодованием выступали против этой архаической системы, которая на практике привела бы к бесконечному затягиванию реформ, к банкротству Генеральных Штатов, к увековечиванию злоупотреблений. Но судейское сословие ухватило за эту систему. В 1614 году города были представлены делегатами от своих олигархических муниципалитетов, провинции со штатами — депутатами, избранными самими штатами без участия населения. Крестьян не спрашивали. Если бы старая система была сохранена, то даже само третье сословие было бы представлено только судейскими да вновь испеченными дворянами. Неккер в нерешительности раздумывал.

Пользуясь его колебаниями, Парижский парламент забежал вперед. 25 сентября он принял постановление, согласно которому Генеральные Штаты должны были «регулярно созываться и составляться в соответствии с формами, применявшимися в 1614 г.» Патриоты

объявили это постановление изменой и начали нападать на судейскую аристократию. «Дворянский деспотизм», — говорил Вольней в «Страже Народа», — «в лице своих высших судебных чинов распоряжается по собственному усмотрению судьбою граждан, изменяя и толкуя смысл законов, произвольно создает себе права, объявляет себя творцом закона, тогда как в действительности является лишь исполнителем его». С этого времени писатели третьего сословия принялись нападать на продажу судебных должностей и передачу их по наследству, на злоупотребления подношениями, стали отрицать за сословием чиновников право подвергать законы цензуре и видоизменять их. Они грубо заявляли ему, что после собрания Генеральных Штатов ему останется лишь подчиниться, потому что нация сумеет лучше, чем король, заставить повиноваться себе. Мари Жозеф Шенье провозгласил, что судебная инквизиция страшнее поповской. Парижский парламент испугался и отступил, отменив 5 сентября новым решением своего прежнего постановление. Теперь он принимал двойное представительство третьего сословия, что было уже правилом в провинциальных собраниях, созданных Неккером и Бриенном. Отступление бесполезное и к тому же неполное. Постановление замалчивало вопрос о поголовном голосовании. Популярность парламента сменилась проклятиями по его адресу.

Неккер думал выйти из затруднения передачей вопроса о формах созыва на решение созванного им собрания нотаблей. Нотабли, как и следовало этого ожидать, высказались за старые формы, а в день роспуска собрания, 12 декабря, 5 принцев крови, граф Артуа, принцы Конде и Конти, герцоги Бурбонский и Энгийенский заявили королю в выпущенном манифесте, что революция неизбежна, если он уступит в вопросе о соблюдении традиционных правил. «Права трона», — говорили они — «поставлены под сомнение, вопрос о правах двух государственных сословий разделил общественное мнение, скоро права собственности подвергнутся нападкам, неравенство состояний станет вызывать требование реформ» и т. д. Принцы шли дальше цели, так как в это время третье сословие усилило верноподданнические демонстрации с целью привлечь короля на свою сторону, и никакой собственности, кроме феодальных прав, еще ничего не грозило.

Выжидательная тактика Неккера привела лишь к уве-

личению затруднений и к сплочению феодальной партии вокруг принцев, а сопротивление привилегированных, напротив, придало патриотическому движению такую силу, что министр оказался достаточно сильным, чтобы в конце концов добиться от короля решения против нотаблей и принцев. Но и тут он принял лишь полумеры. Он дал третьему сословию число депутатов, равное числу депутатов двух привилегированных сословий вместе, распределил число депутатов в зависимости от значения бальяжей, допустил низшее духовенство к личному участию в избирательных собраниях — мера, имевшая самые неприятные последствия для духовной знати, но, сделав все эти уступки общественному мнению, он не дерзнул смело решить главный вопрос о посословном или поголовном голосовании в Генеральных Штатах. Он оставил его нерешенным, предоставив на решение разыгравшихся страстей.

Аристократия оказала отчаянное сопротивление, особенно в провинциях, где сохранились или были восстановлены старые штаты. В Провансе, Беарне, Бургони, Артуа, Франш-Конте привилегированные сословия, поддержанные местными парламентами, воспользовались сессией штатов, чтобы устроить резкие манифестации против нововведений Неккера и против разрушительных домогательств третьего сословия. Бретонское дворянство заняло такую угрожающую позицию, что Неккер должен был распустить штаты этой провинции. Дворяне подстрекали своих слуг и приближенных против студентов университета, державших сторону третьего сословия. Дело дошло до столкновений, были жертвы. Изюм всех городов Бретани, Анжера, Сен-Мало, Нанта поспешили молодые буржуа на защиту реннских студентов, которыми предводительствовал Моро, будущий генерал. Атакованные и преследуемые на улицах и осажденные в зале штатов, дворяне вынуждены были покинуть город, чтобы с яростью в сердце вернуться в свои замки (январь 1789 г.). В раздражении они поклялись не посылать представителей в Генеральные Штаты.

В Безансоне, когда парламент стал на сторону привилегированных, принявших резкий протест против регламента Неккера, толпа возмутилась и разграбила дома нескольких советников, причем войска не двинулись на защиту их. Командующий ими дворянин-либерал, маркиз де Ланжерон, заявил, что армия существует для выступления против врагов государства, а не против граждан (март 1789 года).

Малле дю Пан, тонкий наблюдатель, был прав, когда писал в январе 1789 г.: «Характер публичных споров изменился. Вопросы о короле, деспотизме и конституции являются лишь второстепенными. Война идет между третьим сословием и двумя остальными».

Привилегированные должны были оказаться побежденными не только потому, что не могли рассчитывать на безусловную поддержку королевских агентов, терпение которых они истощили своим недавним сопротивлением, не только потому, что перед лицом всей поднявшейся нации они представляли собою лишь ничтожное меньшинство паразитов, но также и главным образом потому, что они были разьединены. В Франш-Конте 22 дворянина протестовали против решений, принятых их сословием, и заявили, что принимают двойное представительство третьего сословия, равенство в обложении и перед законом и т. д. Город Безансон внес их в свой список буржуазии. В Артуа, где в штатах были представлены лишь поместные владельцы, насчитывающие семь поколений и владеющие приходом, дворяне «не входящие», поддержанные адвокатом Робеспьером, протестовали против исключения, поражавшего их. Со стороны мелких дворян Лангедока раздавались подобные же жалобы на высших баронов этой провинции. Приходское дворянство, состоявшее из разночинцев, приобретших муниципальные должности, дающие дворянство, почти всюду становилось на сторону третьего сословия, не вызывая, впрочем, этим особого удовольствия у последнего.

Возбуждение шло вглубь. Созыв Генеральных Штатов, о котором сообщали и толковали священники в своих проповедях, пробудил громадные надежды. Все те, у кого было на что жаловаться, а их был легион, прислушивались к спорам и готовились к великому дню. Буржуа и крестьяне начали уже за два года учиться общественным делам в провинциальных собраниях, в собраниях департаментов и в новых сельских органах самоуправления, созданных Бриенном. Эти собрания распределяли налоги, ведали пособиями и общественными работами, следили за расходом местных сумм. Сельские муниципалитеты, избираемые более крупными плательщиками, вошли во вкус своего дела. До сих пор синдик назначался интендантом. Избранный теперь землепашцами, он перестал быть простым пассивным агентом. Вокруг совета, от которого он получает указания, складывается общественное мнение деревни. Обсужда-

ются общие интересы, вырабатываются свои требования. В Эльзасе, как только были введены новые органы самоуправления, их первой заботой было возбудить процессы против своих сеньеров, и последние горько жалуются на «бесчисленные злоупотребления», вызванные их учреждением.

Избирательная кампания совпала с тяжелым экономическим кризисом. Торговый договор с Англией, подписанный в 1786 году, понизив пошлины, открыл доступ английским товарам. Фабриканты тканей должны были сократить свое производство. Безработица в Аббевилле захватила 12.000 рабочих, в Лионе 20 000 и соответственно этому в других местностях. В начале зимы, которая была очень сурова, пришлось организовать в крупных городах благотворительные мастерские, тем более, что цена хлеба непрерывно возрастала. Сбор хлеба в 1788 г. был значительно ниже нормального. Неурожай кормов был так велик, что земледельцы были вынуждены пожертвовать частью своего скота и оставить невозделанной часть своей земли или же засеять ее без удобрения. Рынки были пусты. Хлеб не только был дорог, можно было опасаться, что его не хватит. Хотя Неккер и запретил вывоз зерна и приступил к закупке хлеба за границей, кризис не ослабевал, он скорее еще обострился. Бедняки бросали жадные взоры на полные амбары, в которых светские и духовные сеньеры хранили хлеб, полученный в виде десятины, оброка и шампара. Бесчисленные голоса бедняков обличали аристократию привилегированных. В начале выборов, в марте месяце, вспыхнули «народные волнения». Толпа скопляется у хлебных амбаров и крупных складов и требует, чтобы их открыли. Она останавливает перевозку хлеба, расхищает его, самовольно назначает цену на него. В Провансе рабочие и крестьяне требуют не только установления цен на предметы питания, но и отмены налога на муку, а вскоре затем в некоторых местах пытаются исторгнуть у сеньеров и высшего духовенства отмену десятины и сеньеральных прав. Бунты и грабежи, производимые толпами, имели место в Э, Марселе, Тулоне, Бриньоле, Маноске, Обане и т. д. (в конце марта). Аналогичные мятежи хотя и менее серьезные, происходят в Бретани, Лангедоке, Эльзасе, Франш-Конте, Гиенне, Бургони, Иль-де-Франсе. 27 апреля большая обойная фабрика Ревельона в Париже была разрушена во время кровавых беспорядков. Движение было направлено не только против скупщиков хлеба,

против старой налоговой системы, заставных пошлин и феодализма, но и против всех тех, кто эксплуатирует население и живет на его счет. Оно стояло в тесной связи с политическим возбуждением. В Нанте толпа осадила ратушу с криками: «Да здравствует свобода!» В Агде она требует права назначать консулов. Во многих случаях возбуждение совпадает с началом выборов, и это понятно. Бедняки, на которых власть не обращала внимания в течение столетий и которых она призывала к себе лишь для взимания налога и для барщины, вдруг услышали, что она спрашивает у них мнения о государственных делах и говорит им, что они могут свободно обращаться со своими жалобами к королю! «Его Величество», — гласит королевский регламент, оглашаемый во время проповедей, — «желает, чтобы все местности его королевства и все поселения, даже совсем глухие, могли заявить ему свои желания и свои жалобы». Фраза была осторожная, но она была понята буквально. Бедняки вообразили, что теперь уже не все общественные власти обращены против них, как это было раньше, что у них теперь имеется опора на самом верху социальной лестницы и что несправедливости, наконец, исчезнут. Это и делает их столь смелыми. Со всею напряженностью воли, подхлестываемые своими застарелыми страданиями, они устремляются к предмету своих желаний и своих сетований. Уничтожая несправедливость, они ведь исполняют королевское намерение или, по крайней мере, они так думают. Позже, когда они поймут свое заблуждение, они отшатнутся от короля. Но им понадобится время, чтобы освободиться от своих иллюзий.

Среди такого широкого брожения состоялся опрос нации. В течение шести месяцев, несмотря на цензуру, несмотря на строгость законов о книгопечатании, фактически существовала свобода печати. Юристы, священники, различного рода публицисты, вчера еще неизвестные и боязливые, смело критиковали всю социальную систему в тысячах брошюр, с жадностью читавшихся повсюду, от будuarов до жалких хижин. Вольней выпускал в Ренне «Страж Народа», Туре в Руане свое «Предостережение добрым нормандцам», Мирабо в Э «Призыв к провансальской нации», Робеспьер в Аррасе «Призыв к артезианской нации», аббат Сизэйс издал свой «Опыт о привилегиях», а затем нашумевшее «Что такое третье сословие?», Камилл Демулен свою «Философию для французского народа», Тарже — «Письмо Генеральным Штатам» и

т. д. Не было такого злоупотребления, какое не было бы отмечено, той реформы, какую не изучили бы или не требовали. «Политика», — говорит г-жа Сталь, — «явилась новым поприщем для воображения французов; каждый льстил себя тем, что играет в ней роль, каждый видел для себя цель в открывающихся всюду возможностях».

Представители третьего сословия сговаривались, созывали официальные собрания корпораций и общин, вели переписку между городами и провинциями. Они составляли петиции, манифесты, собирали подписи, пускали в обращение примерные указы, которые распространяли вплоть до деревень. Герцог Орлеанский, считавшийся тайным покровителем партии патриотов, поручил Лакло составить «Инструкции», которые отправил своим представителям в баляжах своих владений, а Сизёсу — примерные «Постановления», какие следует принимать на избирательных собраниях. Неккер предписал королевским агентам сохранять полную нейтральность, но некоторых интендантов, как, например, Дижонского, Амело, привилегированные обвинили в покровительстве их противникам. Парламенты попытались сжечь несколько брошюр для устрашения публицистов. Парижский парламент вызвал в суд доктора Гильотена за его «Петицию граждан, живущих в Париже». Гильотен явился среди громадной толпы, приветствовавшей его, и парламент не решился арестовать его.

Избирательная система, установленная королевским регламентом, была довольно сложной, но и очень либеральной. Члены двух первых сословий отправлялись прямо в главный город баляжа, чтобы там составить избирательное собрание духовенства и избирательное собрание дворянства. Все дворяне, получившие дворянство лично или по наследству, имели право участвовать в собрании лично. Даже женщины-дворянки, если они владели поместьем, могли иметь своего представителя в лице уполномоченного, т. е. лица, снабженного их доверенностью.

Приходские священники лично участвовали в собрании духовенства, тогда как каноники, хотя бы и дворяне, имели только одного представителя от группы в десять человек, а черное духовенство и монахи — одного делегата на монастырь. Таким образом, за приходскими священниками было обеспечено большинство.

В городах жители, достигшие 25 лет и внесенные в списки налогоплательщиков, собирались сначала по

корпорациям. Корпорации мастеров и ремесленников избирали по одному делегату на 100 человек, тогда как корпорации свободных профессий, торговцев и судовладельцев по два; таким образом богатство и знания получили преимущество. Жители, не входившие в корпорацию, а в некоторых городах, где корпорации не существовало, все жители собирались особо по участкам (или округам) и избирали также двух делегатов на каждые 100 человек. Все эти делегаты (или выборыщики), избранные таким образом, собирались затем в ратуше для образования избирательного городского собрания третьего сословия, составляли общий наказ и назначали представителей на собрание третьего сословия данного бальяжа, которому предстояло избрание депутатов в Генеральные Штаты. Крестьяне приходов были представлены на этом собрании в количестве 2 делегатов от каждого 200 дворов. Каждый приход, ровно как и каждая корпорация или каждый городской участок, снабжал своих делегатов специальным наказом, и из всех этих наказов в конце концов составлялся наказ бальяжа. В тех случаях, когда главный бальяж включал в свой состав подчиненные бальяжи, избирательное собрание последних выбирало четвертую часть своих членов для представительства в избирательном собрании главного бальяжа. В этом последнем случае, довольно часто имевшем место, избирательная система была четырехстепенная: приход, корпорация или участок, городское собрание, собрание подчиненного бальяжа, собрание главного бальяжа.

В собраниях привилегированных шла ожесточенная борьба между либеральным меньшинством и ретроградным большинством, между придворным и мелким сельским дворянством, между высшим и низшим духовенством. Дворянство бальяжа Амон (Везуль) во Франш-Конте разделилось и избрало две депутации в Генеральные Штаты. В Артуа, Бретани дворяне, члены Штатов, отказались явиться на собрание из протеста против королевского регламента, принуждающего их делить политическую власть с мелким дворянством. Собрания духовенства были в общем очень бурны. Приходские священники диктовали свою волю и в число избираемых депутатов не была включена большая часть епископов, за исключением 40, выбранных среди наиболее либеральных.

Собрания третьего сословия были более спокойными. Конфликты имели место только в некоторых городах, как например в Аррасе, где делегаты корпораций вступили

в спор с эшевенами, желавшими принять участие в избирательном собрании, хотя были дворянами, и в некоторых бальяжах, как например Коммерси, где сельские представители жаловались на то, что горожане устранили из наказа их особые требования. Почти повсюду третье сословие выбирало депутатов из своей среды, обнаруживая таким образом силу воодушевлявшего его классового сознания. Исключение было сделано лишь для некоторых популярных дворян, вроде Мирабо, который был исключен из собрания своего сословия и выбран третьим сословием в Э и в Марселе, и для нескольких духовных лиц, вроде аббата Сизэйса, отвергнутого шартрским духовенством и избранного третьим сословием Парижа. Около половины депутатов третьего сословия состояло из юристов, пользовавшихся преобладающим влиянием во время избирательной кампании или при редактировании наказов. Другая половина охватывала все профессии, но крестьяне, в своем большинстве еще неграмотные, не имели представителей. Немало публицистов, выдлившихся своими нападкамии на аристократов, получило мандаты: Вольней, Робеспьер, Туре, Тарже и др.

Обозрение наказов показывает, что абсолютизм был единодушно осужден. Священники, дворяне и разночинцы были согласны в требовании конституции, ограничивающей права короля и его агентов и устанавливающей народное представительство, периодически созываемое, которое одно было бы правомочно вотивать налоги и создавать законы. Почти все депутаты получили императивный мандат не соглашаться ни на какой налог до тех пор, пока не будет принята и утверждена конституция. «Дефицит», — по выражению Мирабо — «стал национальным сокровищем». Любовь к свободе и ненависть к произволу пропитывали собою все требования.

Само духовенство в многочисленных наказах протестовало против абсолютизма, как в церкви, так равно и в государстве. Оно требовало для приходских священников права собираться и принимать участие в управлении церковью путем восстановления епархиальных синодов и провинциальных советов.

Дворяне не менее горячо, чем разночинцы, осуждали «письма об аресте» и нарушение тайны переписки, требовали, как и они, суда присяжных, свободы слова, мысли и печати.

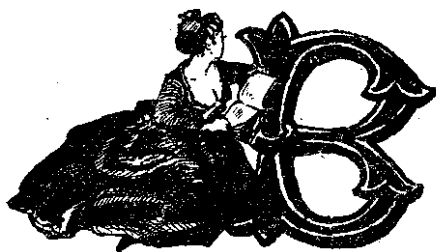
Привилегированные принимают налоговое равенство,

но отвергают в большинстве случаев равенство в правах и допущение всех французов ко всем должностям. В особенности настойчиво отстаивают они голосование по сословиям, которое они считают гарантирующим им их десятины и феодальные права. Но дворянство и третье сословие не пощадят церковных земель для уплаты долгов. Тем не менее они соглашались с самим духовенством в безусловном осуждении существующей финансовой системы. Все налоги, прямые и косвенные, должны исчезнуть перед более справедливым обложением, устанавливаемым собраниями выбранных людей, а отнюдь не королевскими агентами.

Третье сословие сплоченно выступает против аристократии, но его собственные требования различны в зависимости от того, исходят ли они из рядов буржуазии или крестьян, купцов или ремесленников. В них отражаются оттенки всех материальных интересов и умонастроений различных классов. Жалобы на феодальный режим в приходских наказах, конечно, сильнее, чем в наказах баляжей, составленных горожанами. В осуждении корпораций единодушие далеко не полное. Протесты против отмены права пастбища на пустошах и сбора колосьев, против раздела барщинных выгонов исходят лишь от меньшинства. Чувствуется, что буржуазия, владеющая уже частью земли, в случае необходимости соединится с феодальными собственниками против бедных крестьян. Чисто рабочие требования отсутствуют, писали наказы хозяева. Пролетариат городов еще не имеет влияния. Напротив, мнения промышленников и коммерсантов, их протесты против губительного влияния торгового договора с Англией, нужды различных отраслей производства весьма точно и полно изложены. Класс, который готовится взять на себя руководство революцией, вполне сознает свою силу и свои права. Неверно, что он дает увлечь себя бессодержательной идеологией, он в совершенстве знает действительность и обладает средствами сообразовать с нею свои интересы.

ПАРИЖСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Выборы с ослепительной ясностью выявили твердую волю страны. У королевской власти, оставшейся нейтральной, руки были свободны. Но она могла пойти навстречу желаниям третьего сословия только путем отказа от самой себя. Людовик XVI мог бы продолжать царствовать, но лишь на манер английского короля, согласившись терпеть рядом с собой постоянный контроль национального представительства. Ни на минуту супруг Марии-Антуанетты не имел в виду такого отречения. Он гордился своим священным правом, он не желал умалять его. Для защиты его перед ним открывался единственный путь, на который его толкали принцы, — тесный союз с привилегированными и сопротивление.

Неккер, по-видимому, советовал ему за две недели до

созыва Штатов пойти на необходимые жертвы, чтобы удержать в своих руках руководство событиями. Королю надлежало повелеть всем трем сословиям вести совместные заседания и производить поголовное голосование по всем вопросам, касающимся обложения. Он должен вместе с тем соединить дворянство и высшее духовенство в высшую палату, как в Англии, и создать нижнюю палату из представителей третьего сословия и церковной черни. Сомнительно, чтобы третье сословие было удовлетворено этой системой, предоставлявшей ему контроль налогов. Но, несомненно, что недвусмысленное доказательство доброй воли короля ослабило бы конфликты и сохранило корону.

Неккер хотел, чтобы Штаты собрались в Париже, без сомнения, с целью внушить доверие бирже. Король высказался за Версаль «ввиду охоты». Первая ошибка, так как представителям третьего сословия предстояло таким образом постоянно иметь перед глазами эти роскошные дворцы, этот расточительный двор, разоряющий нацию. Тем более и Париж был не так далек от Версаля, чтобы лишился возможности влиять на собрание.

Двор с самого начала всячески ухищрялся сохранять в полной строгости разделение сословий, даже в самых ничтожных мелочах. В то время, как депутатов духовенства и дворянства король предупредительно принимал в своем кабинете, депутаты третьего сословия должны были представляться ему целыми группами, быстро проходя через его спальню. Третьему сословию навязали особую форму, всю черного цвета, которая своей строгостью резко отличалась от расшитых золотом одежд депутатов первых двух сословий. Хорошо еще, что им не приказали на коленях выслушивать королевскую приветственную речь, как это было в 1614 году. Но зато их впускали в зал заседания Штатов через заднюю дверку, тогда как для первых двух сословий широко распахнули главный вход. Уже приходские священники были оскорблены тем, что накануне во время процессии прелаты, вместо того, чтобы находиться в рядах своего бальяжа, были соединены особо и отделены от них большим расстоянием, занятым королевским оркестром.

Открытие, состоявшееся 5 мая, еще усилило плохое впечатление, вызванное этими неловкостями. Тонем сентиментальной слезливости Людовик XVI предостерегал депутатов от стремления к новшествам и приглашал их прежде всего заняться изысканием средств для пополнения казначейства. Хранитель печати Барантен, гово-

ривший вслед за ним и которого почти не было слышно, лишь восхвалял добродетели и благодеяния монарха. Наконец, Неккер в длинном трехчасовом докладе, наполненном цифрами, ограничился обсуждением финансового положения. Если верить ему, то дефицит, значение которого он умалчал, было легко уменьшить путем некоторых отдельных мероприятий, сокращений, экономии и т. д. Можно было подумать, что слушаешь речь администратора акционерной компании. Депутаты задавали себе вопрос, зачем же их вызвали из их отдаленных провинций. Неккер не высказался по основному вопросу о поголовном голосовании и ничего не сказал о политических реформах. Третье сословие выразило свое разочарование молчанием. Для победы над привилегированными ему приходилось рассчитывать только на самого себя.

Его решение было быстро принято. Члены третьего сословия в тот же вечер собрались по провинциям: бретонцы, наиболее резко настроенные против дворян, — вокруг Шапелье и Ланжюине, депутаты из Франш-Конте — вокруг адвоката Блана, артезианцы — около Робеспьера, из Дофинэ — вокруг Мунье и Барнава и т. д. Все эти отдельные совещания вынесли одно и то же решение: третье сословие или, вернее, общины, — новое название, которым оно хотело подчеркнуть свою волю пользоваться правами английских общин, — пригласит два других сословия собраться вместе с ним для проверки полномочий всех депутатов без различия, а до тех пор, пока не будет произведена сообща эта проверка, общины откажутся конструироваться в особую палату. У них не будет ни президиума, ни протоколов, а лишь один старшина для поддержания порядка в их собрании. Так и было сделано. С первого же дня общины подтвердили особым актом свое решение подчиниться желанию Франции в непризнании старого деления на сословия.

Целый месяц прошел в бесполезных переговорах между тремя палатами, заседавшими отдельно. Под давлением приходских священников, духовенство, уже приостановившее проверку полномочий своих членов, предложило свое посредничество. С той и другой стороны были назначены комиссары, чтобы найти путь к невозможному соглашению. Король вмешался в свою очередь и поручил хранителю печати лично председательствовать на согласительных совещаниях. Третье сословие ловко воспользовалось условиями, поставленными дворянством, чтобы возложить на него ответственность за неудачу.

Затем, доведя до сведения Франции о том, что привилегированные остаются неисправимыми, оно вышло из своей выжидательной позиции. Оно обратилось в последний раз к двум первым сословиям с приглашением присоединиться к нему и 12 июня самостоятельно приступило к проверке полномочий депутатов всех трех сословий, начав общую переключку всех бальяжей. На следующий день три приходских священника из Пуату — Лесев, Баллар и Жаллэ — откликнулись на вызов, а в следующие дни еще 16 священников последовали их примеру. По окончании переключки общины 490 голосами против 90 постановили конституироваться в Национальное собрание. Таким образом, они объявили, что они одни в достаточной мере представляют нацию, а затем, делая еще один шаг, постановили, что взимание налогов должно быть прекращено с того дня, когда по той или иной причине они будут вынуждены разойтись. Выдвинув, таким образом, против двора угрозу налоговой стачки, они вместе с тем успокоили кредиторов государства, поставив их под охрану чести французов, и, наконец, еще более смелым актом, чем все остальные, они отказали королю в праве налагать вето на все их постановления, как принятые, так и те, какие они примут в дальнейшем. Спустя два дня, 19 июня, после бурных прений и незначительным большинством (149 против 137) духовное сословие решилось в свою очередь присоединиться к третьему сословию. Если бы король не поспешил, как можно скорее вмешаться, чтобы воспрепятствовать этому объединению, привилегированные проиграли бы дело.

Принцы, вельможи, архиепископы, судьи побуждали Людовика XVI действовать. Д'Эпремениль предложил привлечь к суду Парижского парламента вожаков третьего сословия и самого Неккера, как виновных в оскорблении величества. Девятнадцатого вечером король решил отменить в торжественном заседании постановления третьего сословия, а пока, чтобы сделать невозможным возмеченное соединение духовенства с третьим сословием, он приказал немедленно закрыть помещение Штатов под предлогом внутренней работы. Мелочные средства в столь серьезной обстановке!

Утром 20 мая депутаты третьего сословия, собиравшиеся в этом зале, нашли двери запертыми и охраняемыми солдатами. Они направились тогда в находящийся неподалеку зал для игры в мяч, служивший для развлечения придворных. Некоторые предлагали отпра-

виться в Париж, чтобы заседать в безопасности, но Мунье увлек за собою всех, предлагая каждому обязаться клятвой и собственноручной подписью «не расходиться и собираться повсюду, где потребуют обстоятельства, до тех пор, пока конституция не будет выработана и утверждена на незыблемых основах». Все, за исключением одного Мартина Доха, депутата из Каркассонна, принесли среди громадного воодушевления бессмертную клятву.

Королевское заседание было назначено на 22 июня. Оно было отложено на день, чтобы убрать трибуны для публики, где могло поместиться 3.000 зрителей, со стороны которых опасались манифестаций. Эта отсрочка была ошибкой, так как она позволила большинству духовенства выполнить свое постановление от 19 июня. 22 июня оно присоединилось к третьему сословию в церкви св. Людовика. 5 прелатов во главе с архиепископом Виеннским (в Дофинэ) и 144 приходских священника пополнили таким образом ряды Национального собрания. Два дворянина из Дофинэ, маркиз Блакон и граф Агу, также явились на заседание. С этого момента успех королевского заседания был заранее подорван.

Двор делал все новые ошибки. В то время, как депутаты привилегированных были сразу введены в зал заседания Штатов, депутаты третьего сословия должны были ждать под дождем у бокового входа. Присутствие войск вместо того, чтобы утратить, лишь увеличило их раздражение. Речь короля возмутила их. Это был резкий выговор, сопровождаемый рядом грубых и повелительных заявлений. Монарх предписывал сохранение разделения трех сословий и ведение их совещаний в отдельных помещениях. Он отменил постановления третьего сословия. Если он и соглашался на равенство в отношении налогов, то он специально подчеркнул абсолютное сохранение всех видов собственности. «Его Величество подразумевает под именем собственности специально десятины, оброки, ренты и феодальные и сеньоральные права и вообще все права и преимущества, полезные или почетные, связанные с землею и поместьями, принадлежащими кому-нибудь». Какое значение имело, что он затем в неопределенных выражениях обещал в будущем совещаться с Генеральными Штатами по финансовым вопросам? Политическая и социальная реформа сходили со сцены.

Людовик XVI, взяв снова слово, закончил заседание следующими угрозами: «Если, паче чаяния, вы оставите

меня в столь прекрасном начинании, я один составлю счастье моего народа, одного себя я буду считать его истинным представителем... Подумайте, господа, что ни один из ваших проектов, ни одно из ваших постановлений не может иметь силу закона без моего особого одобрения. Я приказываю вам, господа, немедленно разойтись, а завтра утром собраться каждому сословию в отведенной для него палате, чтобы возобновить свои заседания. Я приказываю в соответствии с этим церемониймейстеру приготовить залы».

Выполняя лозунг, данный им бретонскими депутатами, собравшимися накануне вечером в своем клубе, общины остались сидеть на своих скамьях, тогда как дворяне и часть духовенства удалились. Рабочие, присланные для уборки королевской эстрады, отложили свою работу из опасения помешать продолжающемуся заседанию. Церемониймейстер де Брезе явился напомнить председательствовавшему Байльи приказ короля. Байльи сухо ответил ему, что собравшаяся нация не может получать приказаний, а Мирабо бросил ему своим громовым голосом знаменитую фразу: «Пойдите, скажите тем, кто вас послал, что мы здесь находимся по воле народа и покинем наши места лишь под натиском штыков». Камюс, поддержанный Барнавом и Сийэсом, предложил вынести постановление, что Национальное Собрание подтверждает свои решения. Это значило упорствовать в неповиновении. Мирабо, предвидя, что против вождей третьего сословия будут подписаны приказы об аресте, предложил кроме того постановить, что члены Национального Собрания неприкосновенны и что всякий, покушающийся на эту неприкосновенность, совершит уголовное преступление. Но такова была воодушевляющая всех решимость, а также и недоверие к Мирабо, безнравственность которого делала подозрительными все его советы, что многие депутаты хотели отвергнуть его предложение, как трусливое. Тем не менее оно было принято.

Достопамятные решения, более смелые, несомненно, чем постановления 20 июня, так как 20 июня предполагалось, что третьему сословию не известна воля короля, которая еще не проявилась. 23 июня оно повторяет и усугубляет свой мятеж в том самом зале, где только что прозвучали королевские слова.

Ла-Ревельер, бывший членом собрания как депутат от Анжу, рассказывает, что Людовик XVI, выслушав донесение де Брезе, отдал приказ лейб-гвардии проникнуть в зал

и разогнать депутатов силою. Когда лейб-гвардейцы стали подходить, несколько депутатов из дворянского меньшинства: два Крильона, д'Андрэ, Лафайет, герцоги Ларошфуко и Лианкур и еще несколько других, обнажили шпаги и не позволили солдатам войти. Людовик XVI, уведомленный об этом, не настаивал. Он охотно изрубил бы чернь из третьего сословия, но отступил перед необходимостью подвергнуть такому обращению часть своего дворянства.

Неккер не явился на торжественное заседание. Прошел слух, что он подал в отставку или уволен. Громадная толпа устроила манифестацию перед его домом и во дворах дворца. Король и королева вызвали его и просили остаться на посту. Королевская чета притворялась, чтобы лучше подготовиться к мщению.

Сильнейшее возбуждение царило в Париже, как и в Версале, и в провинциях, которые регулярно держали в курсе событий, благодаря письмам своих представителей, читавшимся публично. С начала июня биржа все время отмечала понижательное настроение. При объявлении о предстоящем королевском заседании все парижские банки прекратили свои операции. Учетная Касса послала своих директоров в Версаль, чтобы указать на грозившие опасности. Против двора были все финансовые сферы. При таких условиях приказания короля были невыполнимы. Даже скромные уличные глашатаи отказывались оглашать их на улицах. 24 июня большинство духовенства, сделавшееся в свою очередь непокорным, явилось на заседание третьего сословия, а на другой день 47 членов дворянства, следом за герцогом Орлеанским, поступили так же.

Людовик XVI проглотил оскорбление, но в тот же вечер он тайно решил вызвать 20 000 войска, преимущественно иностранные полки, которых считал более надежными. Приказы об этом были разосланы 26-го, а на другой день, чтобы усыпить недоверие, он пригласил представителей дворянства и духовенства соединиться в свою очередь с Национальным собранием, а чтобы они согласились, он велел сказать им через графа Артуа, что такое соединение необходимо для защиты его жизни, находящейся в опасности.

Против короля не подготовлялось никаких выступлений, но патриоты после королевского заседания были на страже. 25 июня 400 парижских выборщиков, избравшие депутатов в Генеральные Штаты, самовольно собра-

лись в Парижском музее, а оттуда спустя некоторое время перешли в ратушу, чтобы следить за происками аристократов и поддерживать тесное общение с Национальным Собранием. 29 июня они выработали главные основания проекта гражданской гвардии, которая должна была состоять из видных жителей кварталов. Пале-Рояль, принадлежавший герцогу Орлеанскому, превратился в клуб под открытым небом, не пустовавший ни днем, ни ночью. Проекты двора становились здесь известны, как только возникали, и подвергались обсуждению.

Патриоты уже обрабатывали войска. Французские гвардейцы, первый полк Франции, были быстро завоеваны. Они были недовольны своим полковником, подчинившим их суровой дисциплине, а среди низших офицерских чинов они насчитывали таких людей, как Гюлен, Лефевр, Лазарь Гош, которые никогда не получили бы эполет, если бы оставался в силе устав 1781 года. 30 июня 4 000 обычных посетителей Пале-Рояля освободили десяток французских гвардейцев, заключенных в тюрьме аббатства за нарушение дисциплины, и торжественно водили их по улицам. Вызванные для водворения порядка гусары и драгуны кричали: «Да здравствует нация!» и отказались атаковать толпу. Даже солдаты лейб-гвардии проявляли в Версале признаки неповиновения. Будут ли более послушными иностранные полки?

Если бы Людовик XVI сел на лошадь, если бы он лично принял на себя командование войсками, как это сделал Генрих IV, быть может, ему удалось бы удержать войска в повиновении и успешно совершить переворот, но Людовик XVI был буржуа.

Прибытие войск, которые расположились лагерем в Сен-Дени, Сен-Клу, Севре и даже на Марсовом поле, было встречено бурными протестами. Все эти лишние рты, которые надо кормить, лишь увеличат нужду! Нет сомнения, хотят силою разогнать Национальное Собрание! Деятели Палэ-Рояля предложили 2 июля низложить Людовика XVI и заменить его герцогом Орлеанским. Парижские выборщики требовали от Национального Собрания удаления войск. Мирабо 8 июля провел их предложение после грозной речи, в которой изобличал плохих советников, колеблющих трон. Людовик XVI ответил, что он вызвал войска для охраны его, но если оно боится за свою безопасность, он готов перевести его в Нуайон или Суассон. Это значило прибавить к угрозе насмешку. Вечером после этого ответа 100 депутатов

собрались в бретонском клубе на бульваре Сен-Клу, чтобы столкнуться с сопротивлением.

Людовик XVI ускорил развязку событий. 11 июля он в большой тайне уволил в отставку Неккера и преобразовал министерство, во главе его поставив барона Бретейля, явного контрреволюционера. На другой день разнесся слух, что ожидается объявление банкротства. Сейчас же собрались биржевые маклеры и решили в знак протеста против отставки Неккера закрыть биржу. Раздавались деньги, чтобы привлечь солдат. Некоторые банкиры, как Этьен Делессер, Превото, Куандр, Боскари вместе со всеми своими служащими записались в формирующуюся гражданскую гвардию. По улицам Парижа носили бюсты Неккера и герцога Орлеанского. Народ заставил отменить все спектакли. По предложению Камилла Демулена, возвещавшего в Пале-Рояле близкую Варфоломеевскую ночь патриотов, шляпы украсились зеленой кокардой, по цвету ливреи Неккера. Наконец при известии, что королевский немецкий полк князя Ламбеска атаковал у сада Тюильри толпу, забили в набат, собрали жителей в церквах для записи и вооружения их, причем оружие брали в оружейных магазинах. Люди без определенного положения тщательно отстранялись. Вооружение продолжалось на другой день, 13 июля, при помощи захвата 28 000 ружей и нескольких пушек, найденных в здании Инвалидов. Со своей стороны Национальное Собрание постановило, что Неккер уносит с собой сожаление и уважение нации. Оно заседало непрерывно и объявило новых министров ответственными за события.

Странное дело, двор в смущении бездействовал и не вмешивался. Безенваль, командовавший полками, собранными на Марсовом поле, ожидал приказаний и не осмеливался войти в Париж.

14 июля выборщики, образовавшие в ратуше вместе с парижским муниципалитетом «Постоянный Комитет», несколько раз предлагали коменданту Бастилии выдать оружие милиции и убрать пушки, стоящие на башнях крепости. Когда последнюю депутацию, несмотря на то, что она несла белое знамя парламентаров, встретили выстрелами, началась осада. Явившись на подкрепление рабочим Сен-Антуанского предместья, французские гвардейцы, приведенные Гюленом и Эли, привезли пушку и навели ее на подъемный мост, чтобы разбить ворота. После очень жаркого боя, в котором осаждающие потеряли сотню убитыми, инвалиды, которые вместе

с несколькими швейцарцами составляли гарнизон крепости и сидели голодными ввиду отсутствия продовольствия, принудили коменданта Де-Лонэ сдаться. Толпа отдалась жестокой расправе. Де-Лонэ, который, как полагали, распорядился стрелять в парламентариев, городской голова Флессель, пытавшийся обмануть выборщиков относительно существования складов оружия, были убиты, а головы их стали носить по городу воткнутыми на пики. Через несколько дней были повешены на фонаре у ратуши государственный советник Фуллон, который ведал снабжением провиантом армии, стоявшей под Парижем, и его зять интендант Бертье. Бабеф, с тяжелым сердцем присутствовавший при их казни, в письме к своей жене высказал следующие соображения: «Всякого рода казни, четвертование, пытки, колесование, сожжение на костре, виселицы, повсеместное палачество воспитали у нас такие ужасные нравы! Власти, вместо того, чтобы сделать нас мягче, превратили нас в варваров. Они пожирают и пожнут то, что посеяли!»

Париж можно было подавить лишь ценой уличного боя, а войска, даже иностранные, были ненадежны. Людовик XVI, отчитанный герцогом Лианкуром, вернувшимся из Парижа, 15 июля явился в Собрание, чтобы объявить ему об удалении войск. Национальное Собрание настаивало на возвращении Неккера, но король еще не решился на полную капитуляцию. В то время, как депутация Национального Собрания отправилась в Париж, а победители-парижане назначили мэром города Байльн, председателя в заседании в зале для игры в мяч, а Лафайета, друга Вашингтона, командиром Национальной гвардии; в то время, как архиепископ парижский велел отслужить в соборе божьей матери благодарственный молебен по поводу взятия Бастилии, а молоты разрушителей обрушились на стены старинной политической тюрьмы,— в это время принцы упорно старались убедить слабого монарха бежать в Мец, откуда он должен был вернуться затем во главе армии. Но маршал Брольи, командующий войсками, и граф Прованский противились отъезду. Опасался ли Людовик XVI, что в его отсутствие Национальное Собрание провозгласит королем герцога Орлеанского? Это вполне возможно. Он остался и должен был выпить чашу до дна. Он уволил Бретейля и вернул Неккера, а на другой день, 17 июля, дав залог, отправился в Париж освятить своим присутствием в ратуше дело восстания и подчеркнуть свое собственное поражение

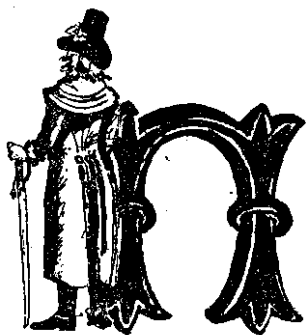
принятием от мэра Байльи новой трехцветной кокарды.

Возмущенные малодушием короля, граф Артуа и принцы, Бретейль и вдохновители партии сопротивления бежали за границу, дав таким образом толчок к эмиграции.

Униженный Людовик XVI сохранил корону, но вынужден был признать над собою нового суверена, французский народ, выразителем которого явилось Национальное Собрание. Никто в Европе не заблуждался насчет важности разыгравшихся событий. «С этого момента, писал своему двору английский посланник герцог Дорсет, — мы можем считать Францию свободной страной, ее короля — монархом с ограниченной властью, а дворянство уравненным со всею нацией». Мировая буржуазия, понимая, что наступает ее час, трепетала от радости и надежд.

ВОССТАНИЕ ПРОВИНЦИЙ

провинции регулярно осведомлялись о ходе событий своими депутатами, письма которых, как на пример бретонских депутатов, часто печатались по их получении. С тою же тревогой, что и столица, провинции следили за развитием борьбы третьего сословия против привилегированных. Они приветствовали взятие Бастилии таким же криком торжества.

Некоторые города не ожидали даже этой поразительной вестн, чтобы подняться против ненавистного режима. В Лионе в начале июля безработные рабочие сожгли городские таможни, чтобы удешевить стоимость жизни. Аристократический муниципалитет, консулат, руководимый Имбер-Коломесом, вынужден был пойти на уступки. 16-го июля он согласился разделить управление городом

с постоянным комитетом, составленным из представителей трех сословий. Спустя несколько дней постоянный комитет организовал, по примеру Парижа, национальную гвардию, в состав которой пролетарии не были допущены.

Во всех городах, малых или больших, происходило то же самое, с отклонениями в ту или другую сторону. В одних местах, как, например, в Бордо, ядро постоянного комитета, т. е. революционного городского самоуправления, составляли выборщики, избравшие депутатов в Генеральные Штаты, в других местах, как, например, в Дижоне, Монпелье, Безансоне, новый комитет избирался общим собранием граждан; наконец, в Ниме, Валенсе, Туре, Эвре и других городах постоянный комитет создавался в результате сотрудничества прежнего муниципалитета с выборщиками, избранными корпорациями. Бывало и так, что в одном и том же городе быстро сменяли один другой несколько постоянных комитетов, избранных различными способами, как это имело место в Эвре. Когда старые власти пробовали сопротивляться, как например в Страсбурге, Алкене, Верноне, народные волнения быстро заставляли их образумиться.

Повсюду первой заботой этих постоянных комитетов было создание в целях поддержания порядка национальной гвардии. Эта последняя, едва сформированная, принуждала сдавать себе укрепленные замки и крепости, местные бастилии, причем коменданты их в большинстве случаев уступали ей без сопротивления. Бордосцы завладели замком Тромпет, жители Каэна — крепостью и башней Леви, тюрьмой для контрабандистов соли и т. д.

Таким путем население добывало оружие, обеспечивало себя от возвращения деспотизма и вместе с тем давало исход накопившемуся раздражению.

Военные коменданты и интенданты по общему правилу не оказывали противодействия. В Монпелье постоянный комитет вотировал благодарность интенданту. Постоянные комитеты и штабы национальной гвардии соединяли в себе вместе с избранной частью третьего сословия всех нотаблей своей области. Весьма часто во главе их стояли королевские чиновники. В Эвре генерал-лейтенант бальяжа, советник соляного налога, королевский прокурор заседали в комитете рядом с адвокатами, кожевниками, лавочниками и врачами. Как могли сопротивляться представители короля? В провинции войска были столь же ненадежны, как и в Париже. В Страсбурге они были спокойными свидетелями разгрома городской ратуши.

Старый порядок исчезал без особых усилий со стороны, подобно источенной червями и разрушенной постройке, которая сразу разваливается.

В то время, как буржуа повсюду вооружались и смело брали в свои руки местное управление, могли ли оставаться пассивными крестьяне? После сильного возбуждения, вызванного выборами, они несколько успокоились. Буржуа, которых они послали в Версаль, сказали им, что надо вооружиться терпением и что требования их наказов будут выполнены. Они выжидали в течение трех месяцев, и притом терпя последствия неурожая. Возмущение Парижа и городов заставило и их взяться за оружие. Они снимали со стен свои охотничьи ружья, взяли в руки свои косы, вилы и цепи и, движимые верным инстинктом, стали стекаться под звуки набата к замкам своих господ. Они требовали выдачи им документов, на основании которых эти последние взимали с них бесчисленные феодальные подати и налоги, и сжигали тут же, во дворах замков, проклятые пергаменты. Нередко, в тех случаях, когда землевладелец был непопулярен, когда он отказывался открыть свой архив, когда он вместе со своими слугами оказывал сопротивление, крестьяне сжигали замок и рассчитывались с его владельцами. Некий Монтессон был убит из ружья около Монса одним из своих бывших солдат, покаравшим его за его жестокость; некий Баррас погиб в Лангедоке, кавалер д'Амбли был брошен в навозную кучу и т. п. Привилегированные дорого заплатились за свою эксплуатацию на протяжении столетий Ивана-простака и за оставление его в варварстве.

Крестьянское восстание началось в Иль-де-Франсе 20-го июля и с быстротой разлилось до крайних пределов королевства. Как было вполне естественно, слухи преувеличивали насилия восставших. Рассказывали, что шайки срезали еще зеленый хлеб, что они двигались на города, что они не щадили никакой собственности. В результате этого распространился панический ужас, который в очень сильной мере содействовал возникновению постоянных комитетов и национальной гвардии. Великий страх и жакерия слились в одно и приняли стихийный характер.

Шайки разбойников, неизбежный набег которых пугал воображение, обычно ничем не отличались от тех рабочих, которые сжигали городские заставы и устанавливали на рынках цену хлеба, или от тех крестьян, какие заставляли помещиков выдавать им их документы. Но представляется

вполне естественным и потому не вызывающим сомнений, что масса несчастных деревень и предместий увидела в наступающей анархии удобный случай посягнуть на существующий общественный строй. Восстание было направлено не только против феодального режима, но и против скупщиков хлеба, против налогов, против дурных судей, против всех тех, кто эксплуатировал население и жил на счет его труда. В Верхнем Эльзасе крестьяне устремились одинаково как на еврейских торговцев, так и на замки и монастыри. В конце июля сотни евреев Эльзаса принуждены были укрыться в Базеле.

Имушая буржуазия сразу увидела перед собой страшный образ четвертого сословия. Она не могла допускать экспроприацию дворянства, не опасаясь при этом за самое себя, ибо она владела значительной долей дворянских земель и взимала с своих крестьян феодальные ренты. Ее постоянные комитеты и национальная гвардия немедленно же признали своим долгом восстановление порядка. Приходским священникам рассылались циркуляры, приглашающие их проповедовать спокойствие. «Поостережемся давать пример своеволия, жертвами которого сможем стать мы все», — говорило воззвание Дижонского клуба от 24 июля. Но сила была пущена в ход без промедлений. В Маконне и Божоле, где было предано огню 72 замка, подавление отличалось быстротой и решительностью. 29 июля банда крестьян была разбита в окрестностях замка Корматэн, причем потеряла 20 человек убитыми и 60 — взятыми в плен. Другая банда, разбитая около Ключи, потеряла 100 убитыми и 170 захваченными в плен. Постоянный комитет Маконна, образовав из себя трибунал, приговорил к смерти 20 бунтовщиков. В этой провинции Дофинэ, где союз трех сословий оставался нерушимым, беспорядки приняли совершенно определенный характер борьбы классов. Крестьяне и рабочие совместно выступали против буржуазии, соединившейся с дворянами. Национальная гвардия Лиона оказала помощь национальной гвардии Дофинэ против мятежников, которым сочувствовали лионские рабочие.

Национальное собрание в ужасе стояло перед этим страшным взрывом, который оно не предвидело. Оно сначала думало лишь о том, чтобы организовать подавление беспорядков, причем наиболее склонными применять суровые меры оказались не привилегированные, а депутаты третьего сословия. Аббат Барботен, один из тех демократических священников, какие ненавидели еписко-

пов, писал в конце июля из Версаля капуцину, заменявшему его в его приходе в Гэно, тревожные и грозные послания: «Особенно внушайте, что без повиновения не может существовать ни одно общество». Если верить ему, народ возмущали аристократы: «Все это началось только после того, как рассеялись враги, каких мы имеем при дворе». Очевидно, то были эмигранты, друзья графа Артуа и королевы, мстившие за свое поражение подстрекательством несчастных против собственности! Как много из депутатов третьего сословия думало так же, как и этот невежественный священник! 3 августа докладчик комиссии, которой было поручено представить программу необходимых мер, Саломон, смог только обрушиться на виновников беспорядков и предложить слепое подавление, не найдя ни единого слова сочувствия страданиям несчастных, не дав ни малейшего обещания на будущее. Если бы Национальное собрание пошло по следам этого неумолимого собственника, оно создало бы опасное положение. Беспощадное и общее подавление беспорядков пришлось бы поручить королю. Это дало бы ему возможность задержать ход революции. А с другой стороны, это вырыло бы непроходимую пропасть между буржуазией и крестьянством. Благодаря затянувшейся гражданской войне старый режим мог бы удержаться и упрочиться.

Либеральные дворяне, более политичные, а также и более великодушные, чем буржуа, поняли, что надо найти выход из тупика. Один из них, виконт де-Ноайль, шурин Лафайета, предложил 4 августа вечером в целях замирения крестьян объявить в особом воззвании:

1. что отныне «налоги будут уплачиваться всеми жителями королевства пропорционально их доходам». Это было отменой всех фискальных изъятий и привилегий;

2. что «все феодальные права будут подлежать выкупу крестьянскими общинами на деньги или по справедливой оценке». Это означало отмену за вознаграждение феодальных рент;

3. что «будут уничтожены без выкупа все помещичьи барщины, „права мертвой руки“ и другие личные повинности».

Таким образом Ноайль подразделял феодальную систему на две области. Все, что падало на личность, просто отменялось. Все, что падало на собственность, подлежало выкупу. Люди освобождались, но земля оставалась зависимой.

Герцог Эгильон, одно из крупнейших имен и один из богатейших собственников королевства, горячо поддержал предложения Ноайля: «Народ стремится, наконец, сбросить иго, столько веков давящее его и, надо признать, этот мятеж, хотя и преступный (всякое насильственное нападение преступно), может найти себе оправдание в притеснениях, жертвою которых народ является». Эти благородные слова произвели сильное впечатление, но в эту патетическую минуту один из депутатов третьего сословия, экономист, бывший сотрудником и другом Тюрго, Дюпон (из Немура) продолжал все же настаивать на строгих мерах. Дворяне готовы были сочувствовать бедствиям народа, буржуа порицал бездействие властей и требовал рассылки строгих приказов судам.

Тем не менее, толчок был дан. Незаметный бретонский депутат Легэн де-Керенгаль, ведший деревенскую жизнь в маленьком местечке, где он торговал полотном, выступил с трогательно красноречивым в своей простоте описанием бедствий сельчан: «Будем справедливы, господа, пусть принесут нам сюда документы, оскорбляющие не только стыд, но и самую человечность. Пусть принесут нам эти документы, которые унижают род человеческий, поскольку требуют, чтобы люди впряглись в плуг, как рабочий скот. Пусть принесут нам эти документы, заставляющие людей целыми ночами бить вальками по прудам, чтобы лягушки не тревожили сон их изнеженных господ. Кто из нас, господа, в наш просвещенный век не согласится сделать из этих позорных пергаментов искупительный костер и не подожжет его в качестве жертвы на алтарь Отечества? Вы вернете, господа, спокойствие волнующейся Франции только в том случае, если обещаете народу превратить в денежный оброк, подлежащий по желанию выкупу, все решительно феодальные права, если законы, какие вы издадите, уничтожат до последнего следа все, на что он справедливо жалуется». Большой смелостью, безусловно, было оправдание предания огню документов перед лицом собрания собственников, но заключение отличалось умеренностью, так как, в конце концов, бретонский оратор соглашался на выкуп прав, какие объявлял несправедливыми.

Выкуп успокоил депутатов. Жертва, какую требовали от них, была скорее кажущейся, чем реальной. Они будут по-прежнему взимать свои ренты или их эквивалент. Они ничего или почти ничего не потеряют от этой операции, а выиграют оттого, что вернут себе популярность среди

масс крестьянства. Тогда, поняв ловкий маневр меньшинства дворянства, они отдались энтузиазму. Один за другим депутаты провинций и городов, священники и знатные дворяне, стали жертвовать «на алтарь Отечества» свои древние привилегии. Духовенство отказалось от своих десятин, дворяне от своих прав на охоту, рыбную ловлю, на голубятники и кроличьи садки, от своих судебных прав, буржуа от своих особых податных изъятий. Грандиозное отречение от прошлого затянулось на всю ночь. С зарею новая Франция родилась в результате могучего толчка неимущих.

Единство территориальное и единство политическое были, наконец, завершены. Огненные не будет уже провинций со штатами и провинций избирательных, провинций, считающихся чуждыми, внутренних таможен и застав, областей с обычным правом и областей с правом римским. Не будет уже провансальцев и дофинцев, народа бретонского и народа беарнского. Во Франции будут теперь только французы, подчиненные одному и тому же закону, имеющие доступ ко всем областям, платящие одни и те же налоги. Учредительное собрание отменит в скором времени все дворянские титулы и гербы, вплоть до отличий старинных королевских орденов св. Духа и св. Людовика. Уравнительная черта проведена сразу по нации, на протяжении веков разгороженной на узкие касты.

Провинции и города с готовностью санкционировали пожертвование их древними хартиями и вольностями, которые, впрочем, очень часто представляли собою лишь напыщенные и пустые слова. Никто, или почти никто, не сожалел о прежнем областном партикуляризме, совсем напротив! Во время кризиса великой паники города одной и той же провинции обязались взаимной помощью и поддержкой, чтобы защитить себя одновременно и от «грабителей», и от аристократов. Эти федерации с ноября 1789 г. возникли сперва во Франш-Конте, в Дофинэ, в Руэрге. Затем появились федерации провинций, торжественные празднества, носившие военный и гражданский характер, во время которых делегаты национальной гвардии вместе с представителями регулярной армии торжественно клялись отказаться от старых привилегий, поддерживать новый порядок, подавлять беспорядки, следить за выполнением законов, составлять, наконец, одну громадную братскую семью. Так федерировались бретонцы и анжерцы в Понтиви в дни 15—19 января

1790 года, население Франш-Конте, Бурга, Эльзаса и Шампа в Доле 21 февраля, среди патриотического воодушевления, принявшего религиозный характер. Вслед затем все эти областные федерации слились в великую национальную федерацию, которая имело место в Париже, на Марсовом поле, 14 июля 1790 г., в годовщину взятия Бастилии.

В громадном амфитеатре, сооруженном добровольным трудом парижан всех классов, начиная с монахов и актеров и кончая мясниками и угольщиками, разместилось свыше 500000 зрителей, которые с воодушевлением приветствовали делегатов национальной гвардии 83 департаментов и регулярных войск. После того, как епископ Отенский Талейран, окруженный 60 священниками парижских округов в трехцветных стихарях, отслужил молебен за алтарем Отечества, Лафайет произнес от имени всех делегатов клятву не только поддерживать конституцию, но и «содействовать безопасности лиц и имуществ, свободному обращению хлеба и продовольствия и взиманию государственных налогов, в какой форме они не существовали бы!» Все повторили: «Клянусь!» Король в свою очередь поклялся соблюдать конституцию и наблюдать за исполнением законов. Ликующая, но промокшая до костей толпа разошлась под пение «Ca ira!».

Простодушные люди думали, что революция завершилась братством. Обманчивая иллюзия. Праздник национальной гвардии не был праздником всего народа. Самая формулировка принесенной присяги позволяла видеть, что порядок не обеспечен, что в двух противоположных точках горизонта имеются недовольные, — сверху лишенные прав аристократы, внизу — крестьянские массы.

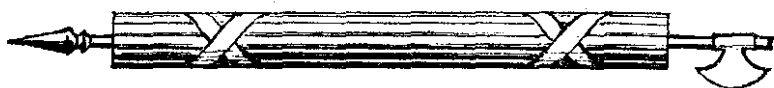
Последние сперва обрадовались уничтожению десятины и феодальных повинностей. После постановления 4 августа они перестали жечь замки. Понимая буквально первую фразу декрета: «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный режим», они не обратили внимания на предписания, которые продолжали на бесконечное время взимание рент до их выкупа. Когда они увидели, благодаря посещениям рассыльных с повестками о взыскании, что помещичий феодализм все еще жив и что им приходится по-прежнему уплачивать шампар, чинш, налог при продаже и даже феодальные десятины, они испытали горькое разочарование. Они не понимали, как это их освободили от выкупа церковных десятин и заставляют вместе с тем давать возмещение господам. Они стали

местами сговариваться о том, чтобы ничего не платить, и обвиняли буржуа, из которых многие обладали феодальными поместьями, в том, что они обманули их и предали. Обвинение это не лишено было некоторой справедливости. Жертвы, на которые было дано согласие в заразительном пылу памятного заседания 4 августа, оставили сожаления у многих депутатов. «Я всю раскаиваюсь с 4 августа», — писал наивно священник Барботен, который сожалел о своих десятинах и не без опасений думал о том, что сделается отныне кредитором государства, — государства, находящегося накануне банкротства. Было много таких Барботенов даже среди представителей третьего сословия, которые начали говорить про себя, что они наделали «глупостей». Реакционное настроение проявилось в дополнительных законах, устанавливающих условия выкупа феодальных прав. Национальное собрание заметно старалось уменьшить на практике значение великой меры, какую оно поспешно приняло при мрачном зареве пожаров. Оно исходило из предположения, что феодальные права в своей большей части являются результатом сделки, заключенной некогда между держателями земли и их помещиками при предоставлении им земли. Без всяких доказательств оно признавало, что помещик владел первоначально участками своих крестьян. Более того, оно освободило помещиков от представления доказательств, что такие соглашения между ними и их крестьянами действительно существовали. Пользования в течение 40 лет было достаточно для узаконения владения. Самим чиншевикам надлежало представлять доказательство того, что они ничего не должны, а доказать это было совершенно невозможно. Затем, условия выкупа были установлены такого рода, что даже при наличии у крестьян желания они не могли бы фактически приступить к нему. Все крестьяне одного и того же феодального поместья объявлялись связанными круговой порукой за долг помещику. «Ни один из обязанных выкупом, будучи связан круговой порукой, не может освободиться, если не освобождаются вместе с ним все его содолжники или если он не уплатит за них всех». Сверх того, закон устанавливал, что никакие постоянные повинности и оброки не подлежат выкупу, если одновременно с ними не выкупаются добровольные права владельца, т. е. сборы, причитающиеся ему при переходе участка в другие руки путем продажи или иначе. Не только обязательство выкупа на бесконечное время сохраняло

феодалное иго для всех малоимущих крестьян, но условия этого выкупа являлись невыполнимыми для тех, кто обладал некоторыми денежными средствами. Наконец, закон не обязывал помещика соглашаться на выкуп, а с другой стороны, помещик не мог принудить крестьянина к выкупу. Понято, что один историк, Дониоль, мог задать себе вопрос, искренне ли хотело Учредительное собрание уничтожить феодальный режим. «Феодальная форма», — говорит он, — «исчезла, но понадобится много времени, чтобы исчезли проявления феодализма, они продержатся ввиду трудности избавиться от них; таким образом, оставили незатронутыми интересы помещиков, но по видимости не нарушив обязательств 4 августа».

Возможно, что Учредительное собрание рассчитывало на это, но события должны были опрокинуть эти расчеты. Крестьяне стали снова собираться. Они посылали в Париж резкие петиции против декретов и, в ожидании удовлетворения своих требований, перестали во многих кантонах платить повинности, сохраненные законом. Их частичное сопротивление длилось три года. Волнения, порожденные этим сопротивлением, позволили Тэну рисовать Францию в этот период во власти анархии. Если анархия действительно имела место, то в большей мере ответственно за то было Национальное собрание, ибо оно ничего не сделало, чтобы удовлетворить законные требования крестьян. До самого последнего своего дня оно сохраняло свое классовое законодательство. Благодаря национальной гвардии городов, в своем большинстве буржуазной, а также недостаточному единодушию крестьян, ему удалось воспрепятствовать тому, чтобы беспорядки вылились в обширное восстание, как это было в июле 1789 года, но оно не могло ни на один момент установить в стране полное спокойствие. Органы самоуправления сел и местечек нередко проявляли очевидное нежелание поддерживать представителей закона. Некоторые из них перестали взыскивать феодальные повинности, лежавшие на крестьянах церковных владений, которые были конфискованы нацией. «Таким образом», — говорит Жорес, — «они создавали важный прецедент, своего рода юриспруденцию полного освобождения, которую крестьяне немедленно прилагали к повинностям, взыскиваемым с них их светскими господами». Правда, там, где преобладала крупная буржуазия, как например в департаментах Шеры и Эндрэ, феодальные ренты продолжали требовать и взыскивать. Похоже, что такая

практика преобладала. Управление государственными имуществами проявляло большую настойчивость в взыскании феодальных повинностей с земель, принадлежащих теперь нации. Полная отмена последних феодальных рент произойдет лишь постепенно, в силу постановлений законодательного собрания после объявления войны Австрии и падения королевской власти, и Конвента после падения Жиронды.

ЛАФАЙЕТ— «ПЕРВЫЙ МИНИСТР»

Социальная иерархия более устойчива, чем иерархия, установленная законом. Те самые буржуа, которые произвели революцию, чтобы сравняться с дворянами, еще долгое время продолжали выбирать руководителями и вождями тех же самых дворян. Маркиз Лафайет почти все время существования Учредительного собрания остается их идеалом.

Обладающий крупным состоянием, какое он великодушно употреблял, весьма жаждущий популярности, молодой и обольстительный Лафайет считал себя предназначенным играть во Французской революции ту роль, какую в революции американской играл его друг Вашингтон. Он первый потребовал созыва Генеральных Штатов в собрании нотаблей, созванном Калонном. Его

дворец был центром сопротивления двору в те дни, когда члены парламентов и патриоты совместно боролись против эдиктов Бриенна и Ламуаньона. Людовик XVI отнял у него командование армиями в наказание за подстрекательство провинциального собрания Оверни к протесту. Сейчас же после того, как собрались представители сословий, он представил в бюро Учредительного собрания проект декларации прав по образцу американской декларации. Вместе с Мирабо он потребовал 8 июля удаления войск. 13 июля Национальное собрание избрало его товарищем председателя. Два дня спустя парижский постоянный комитет, по предложению округа Дочерей св. Фомы, внушенному Бриссо, назначил его командующим национальной гвардии, только что созданной. В его руках теперь была сила, какая имеет значение в дни революции, революционная вооруженная сила. Для придания ей большей мощи он позаботился присоединить к буржуазным ротам роты получающих жалование и живущих в казармах солдат, которые составились из бывшей французской гвардии. Порядок держался на нем, а вместе с тем от него зависела и судьба Национального собрания и монархии. В данный момент его честолюбие не шло дальше того, чтобы дать чувствовать, что он необходим, что он является примирителем и посредником между королем, Собранием и народом.

Людовик XVI, опасавшийся его, старался ладить с ним. Он несомненно рассчитывал сделать ему угодное, призвав 4 августа в министерство трех лиц, преданных ему: двух епископов. Бордосского и Вьеннского, Шампиона де Сис. и Лефран де Помпьяна, и графа Сен-При, причем этот последний был особенно близок с Лафайетом и осведомлял его обо всем, происходившем в совете министров. «Выбор, сделанный мною среди самого вашего Собрания», — писал Людовик XVI, депутатам — «свидетельствует вам о моем желании поддерживать с вами вполне доверчивое и дружеское согласие». Казалось, что, согласно желаниям Лафайета, начинается опыт парламентского правительства. Главная задача состояла теперь в сплочении в Собрании устойчивого и преданного большинства. Лафайет приложил к этому все усилия. Но он не был оратором и его пост часто удерживал его в Париже. Он мог действовать только за кулисами и через посредство своих друзей, наиболее близкими из которых были Лалли Толендаль и Латур-Мобур, оба люди малозаметные.

Признаки раскола в рядах патриотической партии обнаружались уже во время обсуждения декларации прав. Умеренные, как например, бывший интендант флота Малузэ и епископ Лангрский Ла-Люзерн, напуганные беспорядками, считали эту декларацию бесполезной или даже опасной. Другие, каковы янсенист Камюс, бывший адвокат духовенства, и аббат Грегуар, бывший приходский священник Эмбармениля в Лотарингии, хотели по крайней мере дополнить ее декларацией обязанностей. Большинство только в 140 голосов, не обратило на них внимания, увлеченное Барнавом.

Декларация была одновременно и определенным осуждением прежних злоупотреблений, и философским катехизисом нового порядка.

Рожденная в пылу борьбы, она гарантирует «сопротивление угнетению», говоря иначе, она оправдывает возмущение только что победившее, не опасаясь заранее оправдывать будущие возмущения. Она провозглашает естественные и неотъемлемые права: свободу, равенство, собственность, утверждение и контроль налогов и законов, жюри и т. п. Она забывает, из ненависти к сословиям и корпорациям, право союзов. Она ставит суверенитет короля и силу закона на место произвола.

Творение буржуазии, она носит ее черты. Она провозглашает равенство, но равенство ограниченное, подчиненное «общественной пользе». Она формально признает лишь равенство налоговое и перед законом и в отношении доступности всех должностей в зависимости от способностей. Она забывает, что сами способности стоят в связи с богатством, а богатство зависит от рождения благодаря праву наследования.

Собственность провозглашена неотъемлемым правом, не считаясь с теми, кто не обладает собственностью, и забывая о собственности феодальной и церковной, часть которой должна быть подвергнута конфискации или отмене.

Наконец, декларация составлена в ту эпоху, когда религия кажется еще необходимой для общества. Она ставит себя под покровительство высшего существа. Она предоставляет культам, расходящимся с господствующим культом, простую терпимость в пределах общественного порядка, установленного законом. «Провинциальный Курьер», газета Мирабо, протестовал в негодующих выражениях: «Не можем скрыть нашего огорчения, что Национальное собрание вместо того, чтобы подавить зародыш

нетерпимости, как бы скрытно сохранило его в декларации прав человека. Вместо того, чтобы провозгласить без оговорок религиозную свободу, оно заявило, что проявления мнений этого рода могут быть стесняемы, что общественный порядок может оказаться в противоречии с этой свободой, что закон может ее ограничивать. Ложные, опасные, нетерпимые принципы, какими Доминики и Торквемады подкрепляли свои кровожадные теории». Действительно, католицизм сохранял свой характер господствующей религии. Он один оплачивался за счет государственного бюджета. Он один мог развешивать свои процессии по улицам и дорогам. Протестанты и евреи должны были довольствоваться частным, скрытым культом. Евреи востока, признаваемые иностранцами, были приравнены к французам только 27 сентября 1791 г., накануне роспуска Национального собрания.

Декларация прав не только не предоставляла полной и религиозной свободы, но и не давала неограниченной свободы печатного слова. Она подчиняла свободу печати капризам законодателя. Но и в установленном виде эта свобода представляла собою прекрасную страницу государственного права, источник всего политического прогресса, каким будет отмечено последующее столетие. Но судить о ней следует не в отношении к будущему, а в связи с прошедшим.

Обсуждение конституции началось сейчас же вслед за принятием Декларации прав, которая являлась вступлением в нее. Здесь разногласия обострились и раскол становился неизбежен. Докладчики конституционной комиссии Мунье и Лалли-Толендаль предложили создать верхнюю палату рядом с палатой народных представителей и вооружить короля правом абсолютного вето по отношению к постановлениям обеих палат. Ими владело настроение социального консерватизма. Мунье выражал опасение, как бы отмена феодальной собственности не нанесла опасный удар собственности вообще. Для подавления жакерии и защиты порядка он хотел предоставить исполнительной власти, т. е. королю, власть, в какой она нуждалась. Таково же было мнение Неккера и хранителя печати Шампиона де Сисея. Они посоветовали королю отложить утверждение постановлений 4 августа и последующих дней и побудили его подписать послание в котором эти постановления подробно и пространно критиковались. Это ставило под вопрос все дело умиротворения, предпринятое после великой паники. Это значило

рисковать вновь раздуть пожар, едва потухший. Это значило подавать феодализму надежду на возвращение. Абсолютное вето, «письмо об аресте» против всеобщей воли, как выразился Сийэс, поставит революцию в полную зависимость от двора. Что касается сената, то он явится убежищем и цитаделью аристократии, в особенности в том случае, если король будет составлять его по своему усмотрению.

Клуб бретонских депутатов, разраставшийся понемногу благодаря вступлению более энергичных представителей других провинций, решил во что бы то ни стало воспрепятствовать плану умеренных. Шапелье организовал сопротивление Бретани. Город Ренн прислал угрожающий адрес против вето. Мирабо, державший у себя на службе целую группу публицистов, расшевелил парижские округа. Пале-Рояль метал молнии и громы. 30 и 31 августа Сен-Юрж и Камилл Демулен пытались увлечь парижан в Версаль, чтобы требовать немедленного утверждения декретов 4 августа, протестовать против вето и верхней палаты и привести в Париж короля и Национальное собрание, чтобы оградить их от воздействия со стороны аристократов. Национальной гвардии с большим трудом удалось сладить с возбуждением.

Лафайет, к посредничеству которого зывали обе стороны, пытался найти почву для соглашения. Он собрал у себя и у американского посланника Джеферсона наиболее известных деятелей, с одной стороны, Мунье, Лалли и Бергасса, а с другой — Адриена Дюпора, Александра и Шарля Ламетов и Барнава. Он предложил им установить вместо абсолютного вето короля — вето задерживающее, имеющее силу на время двух легислатур, сохранить за палатой народных представителей инициативу новых законов и ограничить, наконец, одним годом действительность вето верхней палаты по отношению к постановлениям нижней палаты. Столковаться не смогли. Мунье хотел верхней палаты наследственной или, по меньшей мере, пожизненной. Лафайет предлагал, чтобы она избиралась на 6 лет провинциальными собраниями. Что же касается триумvirата, Ламета, Дюпора и Барнава, то он ни за что не соглашался на вторую палату, отказывался разделять законодательную власть, т. е. ослабить ее, и боялся восстановить под другим названием высшее дворянство. Он знал, что в Англии палата лордов в полной зависимости от короля. Разошлись, полные раздражения. Барнав порвал с Мунье,

адъютантом которого был до сих пор. «Я не угодил обеим сторонам», — писал Лафайет Мобуру, «и мне остались лишь бесполезные сожаления и неприятности, не дающие мне покоя». Он вообразил, что Ламеты, военные и аристократы, как он сам, завидуют ему и стремятся заменить его во главе национальной гвардии. Он думал, что парижские беспорядки возбуждались тайком герцогом Орлеанским, простым орудием которого были агитаторы, как он называл теперь в частных разговорах бретонских депутатов.

Верхняя палата была отвергнута Национальным собранием 10 сентября громадным большинством 849 голосов против 89 при 122 воздержавшихся. Провинциальные дворяне присоединили свои голоса к голосам третьего сословия и низшего духовенства из-за недоверия к высшему дворянству. Но на следующий день королю было предоставлено задерживающее вето на время двух легислатур, т. е. по меньшей мере на 4 года; решение это было принято большинством 673 голосов против 325. Барнав и Мирабо провели его. Первый потому, что вел переговоры с Неккером и последний обещал ему утверждение постановлений 4 августа, второй потому, что не хотел закрывать себе доступа в министерство. До самой последней минуты Робеспьер, Петيون, Бюзо, Приер продолжали упорное сопротивление. Добившись нужного голосования, Неккер не смог выполнить обещания, данного Барнаву. Король продолжал откладывать утверждение постановлений 4 августа и Декларации прав, пользуясь различными предложениями. Бретонцы сочли себя одураченными, и агитация возобновилась с еще большей силой.

Несмотря на решительное поражение, какое она потерпела по вопросу о верхней палате, партия Мунье усиливалась с каждым днем. В конце августа она сблизилась с значительной частью правой. Был образован руководящий комитет из 32 лиц, в который входили: Мори, Казалес, д'Эпремениль, Монлозье наряду с Мунье, Бергасом, Малуз, Бонналем, Вирье, Клермон-Тоннером, долженствовавший организовать сопротивление. Этот комитет решил добиваться у короля перенесения правительства и Национального собрания в Суассон или Компьень, чтобы поставить последнее вне воздействия затей Палерояля. Монморен и Неккер поддержали эту просьбу. Но король, обладавший своего рода пассивным мужеством, чувствовал нечто вроде стыда при мысли об удалении из

Версаля. Он уступил «монархистам» только в том отношении, что в конце сентября распорядился вызвать некоторое количество кавалерии и пехоты, в том числе и Фландрский полк.

Призыв войск показался левой стороне вызовом. Даже сам Лафайет сделал представления. Он удивлялся, что не посоветовались с ним прежде, чем принять такую меру, которая вызовет возбуждение во всем Париже.

В столице не хватало хлеба. У дверей булочных вступали в драку, чтобы добыть его. Ремесленники начали страдать из-за отъезда дворян за границу. Парикмахерские, сапожные и портновские подмастерья, ставшие жертвами безработицы, собирались, чтобы требовать работы или увеличения заработной платы. В Коммуну являлись одна делегация за другой. Марат, начавший выпускать своего «Друга Народа», Лустало, редактирующий «Революции Парижа», раздувают огонь. Округа, Коммуна требуют, как и Лафайет, удаления войск. «Бретонские» депутаты, Шапелье, Барнав, Александр Ламет, Дюпор повторяют это требование министру внутренних дел Сен-При. Уже бывшие солдаты французской гвардии поговаривают об отправлении в Версаль, чтобы снова занять свои посты в гвардии короля. Лафайет не скупится на тревожные предупреждения.

Но министры и монархисты считают себя хозяевами положения, потому что Национальное собрание только что возвело на президентское кресло самого Мунье, как будто во время революции парламентская власть что-нибудь значит, если ей недостает силы народных масс. А общественное мнение бунтовалось, а Лафайет, который командовал штыками, ворчал. Чтобы успокоить Лафайета и привлечь его на свою сторону, министр иностранных дел Монморен предложил ему шпагу коннетабля и даже чин генерал-лейтенанта. Он с пренебрежением отказался, прибавив: «Если король опасается мятежа, пусть приедет в Париж, он будет там в безопасности среди национальной гвардии».

Новая неблагоприятная выходка ускорила взрыв. 1 октября лейб-гвардейцы устроили банкет в честь прибывшего Фландрского полка в Оперном зале дворца. Король и королева, причем последняя держала на руках дофина, явились приветствовать участников пиршества, тогда как оркестр заиграл арию Гретри: «О Ричард, мой король! Все тебя покидают!» Участники банкета, подогретенные музыкой и напитками, разразились бурными привет-

ствиями, стали топтать национальную кокарду, заменив ее кокардой белой или черной (королевы). При тостах намеренно опустили тост в честь нации.

При оглашении этих фактов, ставших известными в Париже 3 октября, «Курьером» Горзаса, Пале-Рояль вознегодовал. В воскресенье 4 октября «Парижская Хроника», «Друг Народа» разоблачили аристократический заговор, очевидной целью которого было низвержение конституции еще до ее завершения. Повторный отказ короля утвердить постановления 4 августа и уже принятые статьи конституции еще более подтверждает существование заговора, чем банкет, на котором нация подверглась поруганию. Марат призвал округа к оружию и приглашал их взять свои пушки из городской ратуши, чтобы двинуться на Версаль. Округа собрались и посылали депутации к Коммуне. По предложению Дантона, округ кордельеров предлагал Коммуне приказать Лафайету отправиться на следующий день, в понедельник, в Национальное собрание и к королю, чтобы потребовать удаления войск.

5 октября толпа женщин всех рангов ворвалась в ратушу, плохо охранявшуюся национальными гвардейцами, которые сочувствовали мятежу. Судебный пристав Майяр, один из участников взятия Бастилии, встал во главе их и повел в Версаль, куда они добрались уже днем. Национальная гвардия, в свою очередь, двинулась спустя несколько часов. Лафайет, от которого гренадеры требовали двинуться на Версаль и которому грозили фонарем, добился у Коммуны разрешения последовать народному желанию. Он отправился, потому что опасался, заявил он, что мятеж, если он произойдет без его участия, будет использован в интересах герцога Орлеанского. Он прибыл в Версаль ночью.

Ни двор, ни министры не ожидали такого взрыва. Король был на охоте, но левая часть Национального собрания была, вероятно, осведомлена о том, что должно было произойти. Как раз утром 5 октября в собрании завязались оживленные прения по поводу нового отказа, каким король ответил на новое требование об утверждении декретов. Робеспьер и Баррер заявили, что король не имеет права противиться конституции, ибо учредительная власть стоит над королем. Этот последний, существование которого, так сказать, восстановлено конституцией, может пользоваться своим правом вето только в отношении к обыкновенным законам, тогда как конституционные,

основные законы, по самому названию своему изъяты от его посягательств, должны быть не утверждаемы, а просто принимаемы им к сведению. Национальное собрание солидаризировалось с этим положением, непосредственно вытекающим из «Общественного договора», и, по предложению Мирабо и Приера, постановило, чтобы его председатель Мунье немедленно предпринял новую попытку побудить короля безотлагательно принять декреты. В таком положении было дело, когда днем в собрании появилась депутация парижских женщин. Их оратор, судебный пристав Майяр, жаловался по поводу дороговизны предметов продовольствия и махинаций спекулянтов, а затем и по поводу оскорбления, нанесенного национальной кокарде. Робеспьер поддержал Майяра, и собрание постановило отправить к королю делегацию для сообщения ему требований парижан.

Между тем уже начались стычки между национальной гвардией Версаля и лейб-гвардией перед дворцом. Фландрский полк, выстроенный в боевом порядке на парадном плацу, показывал своим поведением, что не станет стрелять в манифестантов, и начал брататься с ними.

Король, вернувшийся, наконец, с охоты, стал совещаться. Сен-При, выразитель монархистов, был того мнения, что королю следует скорее удалиться в Руан, чем дать свою санкцию декретам под давлением насилия. Был отдан приказ приготовиться к отъезду. Но Неккер и Монморен добились пересмотра принятого решения. Они указывали на то, что казначейство пусто и что неурожай лишает их возможности продовольствовать скольконибудь значительную армию. Кроме того, они добавляли, что отъезд короля очистит сцену для герцога Орлеанского. Людовик XVI согласился с их доводами. Он утвердил декреты со смертью в душе. Лафайет прибыл с парижской национальной гвардией к полуночи. Он явился к королю с предложением своих услуг и выражением своих сожалений, более или менее искренних. Внешние караулы во дворце были доверены парижским национальным гвардейцам, тогда как внутренние посты остались заняты лейб-гвардией.

Утром 6-го, на рассвете, когда Лафайет прилег отдохнуть, группа парижан проникла во дворец через плохо охраняемый вход. Один лейб-гвардеец хотел отогнать их. Он выстрелил. Один человек упал на мраморном дворе. Толпа устремила тогда на лейб-гвардейцев, которые вынуждены были отступить в свою

кордегардию. Дворы и лестницы были запружены народом. Королева должна была поспешно укрыться к королю, полураздетая. Погибло много лейб-гвардейцев, и их головы были воткнуты на пики.

Для того, чтобы положить конец убийствам, король должен был согласиться в сопровождении королевы и дофина показаться с Лафайетом на балконе, выходящем на мраморный двор. Его встретили криками: «Короля в Париж!» Он обещал переехать в Париж и в ту же ночь ночевал в Тюильри. Национальное собрание постановило, что оно неотделимо от короля. Оно перебралось в Париж несколько дней спустя.

Перемещение столицы имело еще большее значение, чем взятие Бастилии. Король и Национальное собрание отныне под рукой Лафайета и народа Парижа. Революция обеспечена. Конституция, «принятая», а не утвержденная, ограждена от королевского произвола. Монархисты, после ночи 4 августа организовавшие сопротивление, были побеждены в этот день. Их вождь Мунье отказывается от поста председателя Национального собрания и отправляется в Дофинэ, чтобы вызвать восстание. Но он встречает лишь равнодушие и вражду. Обескураженный, он уезжает скоро за границу. Его друзьям, как например Лалли-Толендалю и Бергассу, тоже не удается поднять провинции против нового насилия парижан. Вторая волна эмиграции, на этот раз состоящая из людей, сначала содействовавших революции, следует за первой, не смешиваясь, впрочем, с нею.

Лафайет весьма ловко маневрировал, чтобы использовать события, в которых он участвовал, по крайней мере судя со стороны, лишь против воли. По его внушению, Коммуна и округа повторяют в своих адресах выражения своей монархической верности. Разыгравшиеся утром 6-го ужасные сцены осуждаются, начато следствие против их виновников. Суд Шатлэ, которому оно поручено, сильно затянул его и пытался направить против герцога Орлеанского и Мирабо, т. е. против соперников Лафайета. Агент Лафайета, патриот Гоншон, организовал 7 октября манифестацию торговцев центрального рынка, чтобы приветствовать короля и королеву и требовать от них окончательно поселиться в Париже. Мария-Антуанетта, давно уже отвыкшая слышать «да здравствует королева», была растрогана до слез и в тот же вечер наивно выразила свою радость в письме к своему поверенному и наставнику, австрийскому посланнику Мерси-Аржанто.

Печати было внушено повторять, что король остается в Париже по своей доброй воле, свободно. Были приняты меры против «памфлетистов», т. е. против независимых публицистов. 8 октября был издан приказ об аресте Марата. После смерти булочника Франсуа, умерщвленно-го толпою за то, что отказал одной женщине в хлебе, Национальное собрание приняло постановление о применении к скопищам законов военного времени (21 октября).

Лафайет ухаживал за королевской четой. Он уверял, что мятеж вызван помимо него, против него агитаторами, которых он и называл. Он объявлял главою их герцога Орлеанского. Он запугивал последнего и во время свидания, какое имел с ним 7 октября у маркиза Куаньи, вырвал у слабохарактерного принца обещание покинуть Францию под предлогом дипломатической миссии в Англию. После некоторых колебаний герцог в середине октября отправился в Лондон. Его бегство лишило его влияния. Даже его прежние друзья теперь уже перестали серьезно считаться с ним. «Полагают, что я принадлежу к его партии», — говорил Мирабо, пытавшийся удержать его, — «я не хотел бы иметь его своим лакеем».

Отделавшись таким образом от наиболее опасного соперника, Лафайет вручил королю докладную записку, в которой пытался выяснить ему, что он только выиграет, если искренне помирится с революцией и порвет всякую связь с эмигрантами и сторонниками старого режима. Королевская демократия, говорил он ему, увеличит его власть, но отнюдь не ограничит ее. Ему уже не придется вести борьбу с парламентами и партикуляризмом провинций. Его власть будет покоиться на свободном согласии его подданных. Отмена корпораций и сословий пойдет ему на пользу. Ничто уже не будет становиться между его особой и французским народом. Лафайет добавлял, что будет защищать королевскую власть против агитаторов. Он ручался за порядок, но требовал взамен полного доверия.

Людовик XVI ни от чего не отказался. Он хитрил, чтобы выиграть время. Он принял предложение Лафайета в то самое время, как посылал в Мадрид тайного агента аббата Фонбрюна, чтобы заинтересовать в своем деле своего кузена католического короля и вручить ему декларацию, которая заранее аннулировала все, что он мог в дальнейшем сделать или подписать под давлением революционеров. Он обязался принимать советы Лафайета и следовать им, и, чтобы засвидетельствовать ему свое

доверие, он поручил ему 10 октября командование регулярными войсками на расстоянии 15 лье от столицы. Граф д'Этен уверял королеву 7 октября, что Лафайет клялся ему, что происходившие накануне жестокости сделали из него роялиста, и д'Этен добавлял, что Лафайет просил его убедить короля иметь к нему полное доверие.

Лафайет был раздражен против некоторых министров за то, что они не послушались его советов до мятежа. Он попытался отделаться от них. Он имел свидание в середине октября с Мирабо у графини Арагон. При этом присутствовали вожди левой: Дюпор, Александр Ламет, Барнав, Лаборд. Дело шло о составлении нового министерства, в которое вошли бы друзья Лафайета, уголовный судья Шатл. — Талон и парламентский советник Семонвиль. Вел интригу министр юстиции Шампион де Сисэ. Лафайет предложил Мирабо 50000 ливров, чтобы помочь уплатить его долги, и посольство. Мирабо принял деньги и отказался от посольства. Он хотел быть министром. Переговоры кончились ничем. Национальное собрание, презиравшее Мирабо столь же сильно, как и опасавшееся его, поставило точку, приняв 7 ноября декрет, воспрещавший королю в дальнейшем избирать министров из его среды. «Если красноречивый гений», — сказал Ланжюине, — «может увлекать за собой собрание, будучи лишь равным всем его членам, то что будет, если с красноречием он будет сочетать власть министра?»

Рассерженный Мирабо погрузился в новую интригу с графом Прованским, братом короля. На этот раз имелось в виду вывезти Людовика XVI из Парижа, прикрывая его бегство отрядом роялистских добровольцев, набрать которых было поручено маркизу Фавру. Но два из агентов Фавра донесли на него, рассказав Лафайету, что составлен проект убить его и Байльи. При аресте Фавра у него нашли письмо, компрометирующее старшего брата короля. Лафайет по-рыцарски вернул его автору и скрыл его существование. Граф Прованский явился в заседание коммуны, где произнес речь, редактированную Мирабо, в которой дезавуировал Фавра. Последний дал присудить себя к смертной казни, сохраняя молчание о своих высокопоставленных сообщниках. Мария-Антуанетта назначила пенсию его вдове.

Этот неудачный заговор еще усилил значение Лафайета. Первый министр, как называл его Мирабо, представил королю, что необходимо решительным выступлением положить конец надеждам аристократов. Людовик XVI

послушно отправился 4 февраля 1790 г. в Национальное собрание, чтобы произнести речь, составленную Неккером по указаниям Лафайета. Он заявил, что он сам и королева приняли без всяких задних мыслей новый порядок вещей, и пригласил всех французов сделать то же самое. Охваченные воодушевлением депутаты поклялись быть верными нации, закону и королю, и все должностные лица, не исключая духовенства, должны были повторить эту присягу.

Эмигранты возмутились по поводу неодобрения, высказанного по их адресу королем. Граф Артуа, укрывшийся в Турин к своему шурина королю Сардинии, имел корреспондентов в провинциях, при посредстве которых старался возбуждать восстания. Весьма мало верующий, он не имел сначала в виду драгоценной поддержки, какую могло оказать его делу умело эксплуатируемое религиозное чувство. Но его друг граф Водрейль, пребывавший в Риме, взялся открыть ему глаза. «Пасхальные праздники», — писал он ему 20 марта 1790 г., — «представляют собою время, каким епископы и священники могут с выгодой воспользоваться, чтобы вернуть к религии и к верности королю заблудившихся подданных. Я надеюсь, что они достаточно поймут интересы свои и государства, чтобы не упустить этого обстоятельства, и если их действия будут согласованы, успех мне кажется обеспеченным». Совет этот был принят. Широкое восстание было подготовлено на юге. Наличие небольшого протестантского гнезда у подошвы Севенских гор позволяло изобразить революционеров союзниками и пленниками еретиков. Воспользовались избранием 16 марта пастора Рабо де Сент-Этьенна председателем Учредительного собрания, в особенности, отказом Национального собрания (23 апреля) признать католицизм государственной религией. С правой стороны собрания послышались резкие протесты. Агент графа Артуа Фроман привел в движение братства кающихся. В Монтобана главные викарии предписали по поводу нахождения религии в опасности чрезвычайные молитвы. Роялистский муниципалитет этого города выбрал для составления инвентаря закрытых монастырей 10 мая, канун Вознесенья. На панерти церкви кордельеров собралась толпа женщин. Завязалась драка, причем протестанты потерпели поражение. Многие из них были убиты и ранены, другие обезоружены и принуждены просить на коленях прощения на окровавленных панертях церкви. Но поспешно прибыли национальные гвардейцы

Тулузы и Бордо, чтобы восстановить порядок.

В Ниме беспорядки отличались еще более серьезным характером. Роялистские роты национальной гвардии, так называемые «луковичники», нацепили белые кокарды и красные колпаки. 1 мая произошли стычки. 13 июня Фроман после сражения занял одну башню на городских валах и монастырь капуцинов. Протестанты и патриоты призвали себе на помощь севеннских крестьян. Подавленные численностью своих противников, роялисты были побеждены и подверглись избиению. За три дня было около 300 убитых.

Авиньон, сбросивший иго папы, создавший революционное самоуправление и требовавший воссоединения с Францией, явился около того же времени театром кровавых событий. Когда суд оправдал несколько аристократов, обвинявшихся в высмеивании членов нового самоуправления, патриоты воспротивились их освобождению. 10 июня папистские роты национальной гвардии возмутились, захватили один монастырь и городскую ратушу. Но подкрепленные крестьянами патриоты проникли в папский дворец, прогнали своих противников из ратуши и предалися ужасным расправам.

Король, с порицанием отнесшийся к попытке контрреволюции на юге, в ее неуспехе черпал лишний довод в пользу выполнения плана поведения, изложенного Лафайетом в новой записке, представленной 16 апреля. Он собственноручно написал на этом документе: «Обещаю г. Лафайету полнейшее доверие по всем вопросам, могущим касаться утверждения конституции, моей законной власти, в том виде, как она очерчена в записке, и восстановления общественного спокойствия». Лафайет обязался употребить все свое влияние на укрепление того, что оставалось от королевской власти. В то же самое время Мирабо через посредство графа Ламарка предложил свои услуги, чтобы работать в том же смысле. 10 мая король принял его на службу на условии выдачи 200 000 ливров для уплаты его долгов, уплаты 6 000 ливров в месяц и с обещанием миллиона к моменту роспуска Национального собрания. Он пытался создать коалицию Лафайета и Мирабо и до известной степени это удалось ему.

Мирабо, без сомнения, завидовал Лафайету и презирал его, он осыпал его эпиграммами, называя Жилем-Цезарем и Кромвелем Грандисоном, он старался принизить его и лишить королевского благоволения, чтобы

заменить его, но в то же время он льстил ему и делал ему постоянные предложения о сотрудничестве: «Будьте при дворе Ришелье ради нации», писал он ему 1 июня 1790 года, «и вы преобразуете монархию, расширив и упрочив вместе с тем общественную свободу. Но Ришелье имел своего капуцина Иосифа, обзаведитесь же также своим подручным высокопреосвященством или вы погубите себя безвозвратно. Ваши великие качества нуждаются в моей импульсивности, моя импульсивность нуждается в ваших великих качествах». И в тот же самый день, в первой записке, составленной для двора, циничный авантюрист указывал последнему надлежащий путь для подрыва популярности человека, которого он хотел быть только подручным. Но Лафайет не питал никаких иллюзий на счет моральных качеств Мирабо.

Они оба, по взаимному соглашению, всеми силами отстаивали королевскую прерогативу, когда перед Национальным собранием в мае 1790 г. встал вопрос о праве заключать мир и объявлять войну, выдвинувшийся в связи с неизбежным разрывом между Англией и Испанией. Испания протестовала против захвата Англией бухты Ноотка в Тихом океане, в нынешней Британской Колумбии. Она требовала помощи Франции, ссылаясь на «семейный договор». В то время, как левая видела в этом столкновении лишь контрреволюционную интригу, предназначенную втянуть Францию во внешнюю войну, какая даст королю возможность вернуть себе власть; в то время как Барнав, оба Ламета, Робеспьер, Вольней, Петيون обрушились на династические войны, тайную дипломатию, требовали пересмотра всех старых договоров и претендовали для народного представительства на исключительное право объявлять войну, контролировать дипломатию и заключать договоры, — Мирабо и Лафайет, а также все их сторонники, Клермон-Тоннер, Шапелье, Кюстин, герцог Шатлэ, Дюпон де Немур, граф Серен, Вирье, Казалес играли на патриотических струнах, обличали английское высокомерие и делали тот вывод, что дипломатия должна оставаться специальной областью короля. Они обращали внимание на то, что представительные собрания слишком многочисленны и слишком впечатлительны для того, чтобы пользоваться столь опасным правом, как право объявлять войну. Они приводили в подтверждение своего мнения пример сената Швеции или польского сейма, купленных иностранным золотом; они настаивали на необходимости тайны, предостерегали против опасности изолировать

короля от нации, они замечали еще, что ни один акт законодательного собрания не может вступить в силу помимо санкции короля. Ораторы левой возражали, что если право войны и мира будет по-прежнему принадлежать одному королю, то «капризы любовниц, честолюбие министров будут решать (как и раньше) судьбу нации» (Эгильон), что всегда будут возникать династические войны, что король является лишь доверенным нации для выполнения ее воли, что представители страны «всегда будут прямо и даже лично заинтересованы в предотвращении войны». Они высмеивали тайны дипломатов, отрицали, что существует какая-либо аналогия между собранием, избранным на основе весьма широкого избирательного права, как во Франции, и феодальными собраниями, вроде польского сейма или шведского сената. Многие резко нападали на «семейный договор» и союз с Австрией и напоминали о печальных результатах Семилетней войны. Все указывали на западню, в какую может завлечь революцию англо-испанское столкновение. «Хотят, чтобы ассигнаты не имели успеха, чтобы церковные имущества не продавались — вот действительная причина этой войны» (Шарль Ламет).

Во время этих бурных прений Париж был охвачен сильным возбуждением. На улицах выкрикивали памфлет, внушенный Ламетами: «Великая измена графа Мирабо». Лафайет окружил зал заседаний внушительными военными силами. Мирабо воспользовался этим возбуждением, чтобы в последний день прений ответить Барнаву знаменитой репликой: «Меня тоже хотели совсем недавно чувствовать и приветствовать, а сегодня на улицах кричат: «Великая измена графа Мирабо». Мне не надо было этого урока, чтобы знать, что лишь всего несколько шагов отделяют Капитолий от Тарпейской скалы, но человек, борющийся за разум, за отечество, не так легко признает себя побежденным. Пусть те, кто предвосхищал за неделю мое мнение, не зная его, кто клеветает в данную минуту по поводу моей речи, не поняв ее, пусть они обвиняют меня в каждом бессильном идолам в тот самый момент, когда они повержены, или в презренной службе за деньги тем, против кого я не переставал бороться; пусть они обличают, как врага революции, того, кто, может быть, не совсем был непричастен к ней и кто мог бы найти свою безопасность только в том случае, если бы она не играла никакой роли в его славе; пусть они предадут ярости обманутого народа того, кто уже двадцать лет ведет борьбу против всяческого

угнетения и говорил французам о свободе, о конституции, о сопротивлении, когда эти презренные клеветники пользовались всеми господствующими предрассудками. Какое мне дело до этого? Эти удары снизу вверх не остановят меня в моей деятельности, я им скажу: отвечайте, если можете, клеветайте затем, сколько хотите». Эта замечательная смелость имела успех. Мирабо в этот день заработал деньги двора. Национальное собрание, поработанное его ораторским гением, отказало Барнаву в слове для возражения. Оно приняло неотложность проекта декрета, внесенного Мирабо, и покрыло аплодисментами краткое заявление Лафайета. Но к моменту постатейного голосования левая вернула себе большинство. Она провела поправки, менявшие смысл декрета. Король сохранял лишь право предлагать мир или войну, окончательно решало собрание народных представителей. В случае неотвратимой войны король обязывался безотлагательно сообщать о причинах и мотивах этого. Если законодательное собрание оказывалось в данный момент не в сборе, оно должно было немедленно собраться и объявить непрерывность своих заседаний. Договоры мирные, союзные и торговые приобретали силу только после утверждения их законодательным собранием. Существующие договоры временно сохраняли силу, но собранием была избрана особая комиссия, названная дипломатической, для пересмотра их, согласования их с конституцией и для наблюдения за внешними сношениями. Наконец, в специальной статье Национальное собрание заявило всему миру, что «французский народ отказывается вести завоевательные войны и что он никогда не употребит свои военные силы против свободы какого-либо народа».

Патриоты приветствовали принятие декрета, как победу. «У нас не будет войны», — писал Фома Линдэ по выходе из заседания. Линдэ был прав. Благодаря принятому декрету исключительное руководство внешней политикой ускользало от короля. Отныне он должен был делить его с национальным представительством. Но если его прерогатива не потерпела еще большего ущерба, он был обязан этим Лафайету и Мирабо.

Грандиозный праздник Федерации, на котором председательствовал Лафайет, ярко засвидетельствовал громадную популярность, какую он пользовался; федераты целовали ему руки, одежду, сапоги, они целовали сбрую его лошади, даже самую лошадь. Выбили медали с его изображением.

Прекрасный повод для Мирабо возбудить ревность короля к «единственному человеку, человеку провинций». Но Людовик XVI и Мария-Антуанетта тоже получили на свою долю приветственные клики провинциалов. Демократическая пресса с огорчением отметила, что крики: «да здравствует король!» заглушали крики: «да здравствует Национальное собрание» и «да здравствует нация!». Людовик XVI писал г-же Полиньяк: «Поверьте, сударыня, не все еще потеряно». Герцог Орлеанский, вернувшийся из Лондона специально для присутствия на церемонии, остался незамеченным.

Если герцога Орлеанского не приходится уже опасаться, если «не все было потеряно», то в значительной мере этим были обязаны Лафайету. Король, конечно, не прощал маркизу его бунта в прошлом и его преданности конституционному режиму в настоящем, и он сильно надеялся, что придет день, когда он сможет обойтись без его услуг. В ожидании этого он прибегал к ним тем охотнее, что его тайный агент Фонбрюн, которого он послал в Вену, чтобы нащупать почву у своего шурина императора, сообщал ему в середине июля, что в данный момент нельзя рассчитывать на помощь иностранных держав.

Впрочем, Лафайет все время был незаменим для него, так как он один был в состоянии поддерживать порядок в возбужденном королевстве. Неисправимый граф Артуа снова пытался после праздника федерации вызвать восстание на юге. Агенты, священники, как например каноник де ла Бастид де ла Молетт и священник Клод Аллье, или дворяне, каковы мэр Берриас, Мальбоск, созвали на 17 августа 1790 года в замок Жалес, недалеко от границ трех департаментов — Гар, Ардеш и Лозер, национальных гвардейцев своей партии. В назначенном месте собралось 20.000 роялистских национальных гвардейцев, вместо знамени несших крест. Перед тем, как разойтись, вожди, организовавшие эту грозную демонстрацию, образовали центральный комитет для согласования действий. Вслед затем они выпустили манифест, в котором заявляли, что «не положат оружия до тех пор, пока не вернут королю его славы, духовенству — его имущества, дворянству — его почести, парламентам — их древних функций». Лагерь в Жалес просуществовал в течение многих месяцев. Он был разогнан вооруженной силой только в феврале 1791 года. Национальное собрание отправило трех комиссаров для умиротворения этой местности.

Более важными, чем заговоры аристократов, были, пожалуй, военные бунты. Офицеры, сплошь дворяне и почти все аристократы, не могли терпеть, что их солдаты посещают клубы и братаются с национальными гвардейцами, которых они презирали. Они донимали солдат-патриотов взысканиями и суровым обращением. Они отпускали их из частей с «волчьими билетами», т. е. с позорящими увольнительными свидетельствами, которые затрудняли им приискание работы. Одновременно с этим они забавлялись тем, что раздражали и провоцировали буржуа, переодетых в солдат в форме национальных гвардейцев. Солдатам-патриотам, которые чувствовали за собою поддержку населения, очень скоро надоели придирки их начальства. Они перешли в свою очередь в наступление. Они стали требовать отчетов по суммам, служащим для выдачи им жалованья, которыми офицеры бесконтрольно распоряжались. Очень часто эти суммы растрчивались. Казначей пользовались ими для удовлетворения своих личных нужд. На требования проверки они отвечали наказаниями. Повсюду вспыхивали мятежи.

В Тулоне адмирал Альбер препятствовал рабочим порта записываться в национальную гвардию и носить кокарду в арсенале. 30 ноября 1789 года он уволил двух мастеров за одно лишь это преступление. На другой день матросы и рабочие взбунтовались, осадили при поддержке национальной гвардии его дом и в конце-концов отвели его в тюрьму, так как он отдал приказ регулярным войскам открыть огонь. Он был отпущен на свободу только после формального декрета Национального собрания. Он был переведен в Брест, где его экипаж взбунтовался спустя несколько месяцев.

Во всех гарнизонах имели место подобные же факты, — в Лилле, Безансоне, Страсбурге, Гедене, Перпиньяне, Грэй, Марселе и т. д. Но наиболее кровопролитным мятежом явился бунт, театром которого стал Нанси в августе 1790 г. Солдаты гарнизона, в частности швейцарцы ваадского полка Шатовье, потребовали от своих офицеров отчетности по жалованью, не выдававшемуся в течение нескольких месяцев. Вместо того, чтобы удовлетворить справедливые требования своих солдат, офицеры подвергли их взысканию за нарушение дисциплины. Двое из их числа были подвергнуты наказанию плетью и беспощадно избиты. Волнение охватило весь город, где полк Шатовье пользовался любовью ввиду того, что во время взятия Бастилии отказался стрелять

в народ. Патриоты и национальные гвардейцы Нанси отправились к своим жертвам, провели их по улицам и заставили виновных офицеров выдать каждому по 100 луи возмещения. Солдаты произвели ревизию кассы полка и, найдя ее наполовину пустой, кричали, что их обворовали. Другие полки Нанси тоже потребовали отчета и отправили в Национальное собрание делегации для сообщения своих жалоб.

Уже во время предыдущих мятежей Лафайет принимал сторону командиров против солдат. Настоятельными письмами депутатам своей партии он добивался, чтобы граф Альбер, ответственный виновник Тулонских беспорядков, был не только обелен, но и покрыт лаврами.

На этот раз он решил, по его собственным словам, нанести серьезный удар. Приказав арестовать 8 солдат, посланных в Париж королевским полком, он добился 16 августа от Национального собрания принятия декрета, организуемого суровую расправу. Два дня спустя он пишет своему двоюродному брату генералу Буйлье, который был командующим в Меце, чтобы он проявил энергию против мятежников. Наконец, он назначил для проверки счетов гарнизона Нанси Мальсейня, офицера из Безансона, который слыл «лучшей головой в армии». Несмотря на то, что солдаты засвидетельствовали свое раскаяние при получении декрета, Мальсейнь отнесся к ним, как к преступникам. Его провокации ведут к возобновлению беспорядков. В казарме швейцарцев он обнажает шпагу и ранит нескольких человек, а затем укрывается в Люневилль, заявляя, что покушались на его жизнь. Тогда Буйлье собирает гарнизон Меца и национальных гвардейцев и выступает в Нанси. Он отказывается вступить в переговоры у ворот города с посланными к нему депутациями. Ужасный бой происходит 31 августа у Стенвильских ворот, швейцарцы в конце концов были побеждены. Двадцать человек были повешены и 41, преданные военному суду, приговорены к каторжной работе. Буйлье закрыл клуб в Нанси и установил во всей области нечто вроде террора.

Эти убийства в Нанси, открыто одобряемые Лафайетом и Национальным собранием, имели самые серьезные последствия. Они подбодрили контрреволюционеров, которые повсюду подняли голову. Король поздравил Буйлье и 4 сентября 1791 г. дал ему следующий совет: «заботьтесь о сохранении вашей популярности, она может оказаться весьма полезной мне и королевству. Я считаю ее

якорем спасения и думаю, что она сможет в свое время послужить для восстановления порядка». Парижская национальная гвардия устроила на Марсовом поле торжественную панихиду по убитым солдатам армии Буйлье. Подобного рода церемонии имели место в большинстве городов.

Но демократы, которые инстинктивно стояли на стороне солдат, с первого же дня протестовали против жестокости заранее обдуманного подавления. В Париже 2-го и 3-го сентября состоялись бурные демонстрации сочувствия швейцарцам Шатовье. Молодой журналист Лустало, защищавший их, скоропостижно скончался. Рассказывают, что он умер от огорчения, вызванного резней, которую он бичевал в своей последней статье в «Революциях Парижа». Популярность Лафайета, до сих пор бывшая одинаково большой как в народе, так и среди буржуазии, после этого только уменьшилась.

В течение более года «герой двух частей Света» был самым значительным человеком во Франции, так как он охранял буржуазию от двойной опасности, угрожавшей ей, — справа от заговоров аристократов, слева от смутных стремлений пролетариев. В этом состояла тайна его силы. Буржуазия отдалась под защиту этого солдата, потому что он обеспечивал ей завоевания революции. Ее не пугала сильная власть, лишь бы эта власть применялась в ее интересах.

Авторитет, каким пользовался Лафайет, был в основе своей авторитетом моральным, добровольно признаваемым. Король согласился отдать ему свой скипетр, как буржуазия согласилась подчиниться ему. Он стоит позади трона. Он распределяет места, как те, которые зависят от народного собрания, так и те, какие замещаются королем, ибо его рекомендация избирателям решает дело. Благодаря этому при нем создается двор, или вернее, целая клиентела.

У него нет недостатка в политическом понимании. В Америке он научился понимать могущество клубов и газет. Он ладит с ними и пользуется ими.

После октябрьских дней клуб бретонских депутатов вместе с Национальным собранием переместился в Париж. Он поместился теперь в библиотеке якобинского монастыря на улице Сен-Оноре, в двух шагах от манежа, где заседает Национальное собрание. Он называется «Общество друзей конституции». Он открыт не только для депутатов, но и для зажиточных буржуа, которые

допускаются по избранию. Здесь можно встретить литераторов и публицистов, банкиров и крупных коммерсантов, дворян и священников. Герцог Шартрский, сын герцога Орлеанского, вступает в клуб летом 1790 г. Вступительный взнос достигает 12 ливров, а ежегодный взнос — 24 ливров, уплачиваемых в четыре приема. К концу 1790 года число членов превышает уже тысячу. Клуб ведет переписку с клубами, основанными в главных городах и даже в местечках. Он выдает им удостоверения о связи с ним, проситывает свои издания, указывает очередные лозунги, пропытывает их своим духом. Он объединяет, таким образом, вокруг себя всю воинствующую и просвещенную часть революционной буржуазии. Камилл Демулен, состоящий его членом, в следующих словах довольно удачно определяет роль и деятельность клуба: «Это не только великий инквизитор, устрашающий аристократов, это вместе с тем великий контролер, который устраняет все злоупотребления и приходит на помощь всем гражданам. В самом деле, кажется, будто клуб выполняет общественные обязанности при Национальном собрании. Именно к нему поступают со всех сторон жалобы угнетенных до представления их в это высокое собрание. В зал якобинцев стекаются беспрерывно депутации или для принесения поздравлений, или для пробуждения бдительности, или для исправления обид и притеснений» (14 февраля 1791 г.). Клуб не обладает еще официальным органом, но прения его находят отражение в многочисленных газетах, каковы «Курьер» Горзаса, «Патриотические Летописи» Карре, «Французский Патриот» Бриссо, «Революции Парижа» Прюдома, редактируемые Лустало, Сильвеном Марешалем, Фабром д'Эглантинем, Шометтом, «Революции Франции и Брабант» Камилла Демулена, «Всеобщая Газета» Одуина и др. Якобинцы становятся силой.

Лафайет остерегается пренебрегать ими. Он записывается в число членов клуба. Но он не оратор. Он чувствует, что клуб грозит ускользнуть из-под его влияния. Его соперники Ламеты, видные аристократы, как и он сам, и бесконечно больше его обладающие даром слова, создали себе здесь целую группу сторонников. С ними идет диалектик Адриен Дюпор, весьма знающий юрист, а также и искусный парламентский тактик, и молодой Барнав, обладающий первыми красноречием, обширными познаниями, быстро схватывающим умом и умением полемизировать. Непреклонный Робеспьер, к которому все более

и более начинают прислушиваться, потому что он человек народа и красноречие его, дышащее искренностью, умеет поднимать прения на высоту и разоблачать обманы, филантропический аббат Грегуар, пылкий Бюзо, торжественный и тщеславный Петион, смелый Дюбуа-Крансе, энергичный Приёр де ла Марн — все они стоят по левую сторону «триумвиров», но долгое время из осторожности идут вместе с ними.

Не разрывая с якобинцами, напротив, публично не жалея для них одобрений, Лафайет с помощью своих друзей, маркиза Кондорсе и аббата Сиэйса, основывает вскоре «Общество 1789 г.», представляющее собою не столько клуб, сколько политическую академию или салон. Оно не допускает публику на свои заседания, происходящие с 12 мая 1790 г. в роскошном помещении Пале-Рояля. Взносы, более высокие, чем у якобинцев, отстраняют малодостаточных людей. Число членов к тому же ограничено 600. Здесь собираются вокруг Лафайета и Байи на торжественных обедах, умеренные революционеры, одинаково преданные королю и конституции. Здесь можно увидеть бретонского адвоката Шапелле, резкого и грубого, который в прошлом году являлся одним из самых решительных противников двора, но теперь значительно смягчился, потому что любит игру и хорошо поест; можно увидеть самого Мирабо, публициста Бриссо, имеющего особые обязательства по отношению к Лафайету и которого ввел в эту счастливую среду женевский банкир Клавьер, агент Мирабо; Андрэ, бывшего советника парламента в Э, опытного в делах и пользующегося действительным влиянием на центр Национального собрания; можно увидеть также депутатов, как, например, Ларошфуко и его двоюродного брата герцога Лианкура, адвокатов Турэ и Тарже, которые будут играть значительную роль при обсуждении конституции, графов Кюстина и Каstellана, Деменье, Редерера, Дюфрэня Сен-Леона, Юбера, Лавуазье; литераторов вроде братьев Шенье, Сюара, де Панжа, Лакретеля; епископов, как например Талейрана. Состав многочисленный и не лишенный талантов. Клуб субсидирует газету «Газета Общества 1789 г.», которую редактирует Кондорсе, но которая имеет скорее характер журнала. Он, кроме того, располагает значительной частью большой прессы, «Вестником» Панкука, самой полной и лучше всего осведомленной газетой своего времени, «Парижской Газетой», старым органом печати, существующим с начала царствования Людови-

ка XVI и читаемым избранной частью интеллигенции; «Парижской Хроникой» Миллена и Франсуа Ноэля; «Другом Патриотов», редактируемым двумя приятелями гражданского листа, депутатами Дюкенуа и Реньо де Сен-Жан д'Анжели. Лафайет и Байи обзаведутся несколько позже для партизанской войны против листов крайней левой эфемерными и кричащими периодическими изданиями, каковы «Друг Революции или Филиппики», специально посвященный, как это показывает подзаголовок, полемике против герцога Орлеанского, «Утренний Листок», редактируемый Паризо, «Болтун», «Петушиный Крик» и т. п.

Правее партии Лафайета продолжает существовать под другим названием монархическая партия. Руководящий ею после отъезда Мунье Станислав Клермон-Тоннер основал в ноябре 1790 г. клуб друзей монархической конституции, издающий газету, первым редактором которой был Фонтан. Этот клуб тоже помещается около Палатки, на Шартрской улице, в помещении, называемом Пантеоном. Здесь встречаются почти все депутаты правой, исключая красноречивого аббата Мори и циничного виконта Мирабо, аристократичность которого слишком ярка. Друзья Клермон-Тоннера — Малуз, Казалес, аббат Монтезью, Вирье, не лишены ни таланта, ни ловкости, возражают против названия их реакционерами. Они называют себя беспартийными. Они пытаются упрочиться в предместьях, раздавая бедным билеты на получение дешевого хлеба, но затея эта, немедленно разоблаченная как попытка подкупа, должна быть оставлена, и монархический клуб, ставший мишенью враждебных манифестаций, вынужден был весной 1791 г. приостановить свои заседания.

Что касается чистых аристократов, непримиримых, которые аплодируют аббату Мори, то они встречаются сперва в Капуцинском монастыре, затем во французском салоне, чтобы мечтать о насильственной контрреволюции.

Целая гамма роялистских взглядов звучит в многочисленных газетах, питаемых гражданским листом: «Друг Короля» аббата Ройу, серьезный обычно тон которого резко отличается от резкостей «Всеобщей придворной и городской газеты» Готье или «Парижской Газеты» Дюрозуа, от остроумных нередко нападок «Деяний Апостольских», где сотрудничают Шамсенэ и Ривароль.

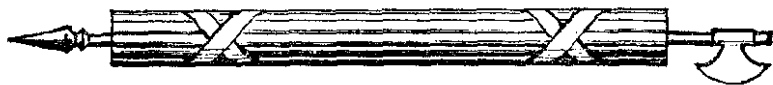
Вплоть до прений в мае 1790 г. по вопросу о праве заключать мир и объявлять войну отношения между

Клубом 1789 г. и Якобинским клубом, т. е. между лафайетистами и ламетистами, сохраняли внешнюю сердечность и даже после этих прений они еще носили отпечаток сдержанности хорошего вкуса. Такие люди, как Бриссо и Рёдерер, были связаны с обоими лагерями. Лафайет даже старался в июле привлечь некоторых заправил, которые, как он знал, были падки на деньги, как например Дантон. Мирабо и Талон служили ему посредниками, и Дантон утихомирился. Но если главные вожди обеих сторон сдерживались, то отчаянные головы обеих партий уже обменивались ударами. Марат, политическая пронизательность которого редко изменяла ему, первый напал на «божественного Моттье» и «гнусного Риккети», которого он объявил продавшимся двору уже 10 августа 1790 г. Это повредило ему, ибо его газета была конфискована полицией, а против него самого был издан приказ об аресте, от которого он сумел уберечься благодаря защите кордельерского округа. После Марата выступили против лафайетистов Лустало и Фрерон, последний в «Ораторе Народа». Камилл Демулен решился несколько позднее, раскрыв своим читателям, что ему обещали от имени Байи и Лафайета место в 2 000 эю, если он согласится хранить молчание. Все знали о столкновениях с Ратушей и Шатлэ. В начале их кампании встречали отклик только в среде мелкой буржуазии и рабочих, в том классе, который начинают называть санкюлотами, так как он носит широкие штаны. Робеспьер почти один в Якобинском клубе и Национальном собрании протестует против преследований, которым они подвергались, и выносит на трибуну некоторые из их требований.

Такое положение объясняется тем, что между якобинцами и Обществом 1789 г. не существовало, по крайней мере вначале, существенных принципиальных разногласий, налицо было лишь личное соперничество. Лафайет хочет усилить исполнительную власть, но только потому, что исполнительная власть — это он сам. Триумвиры: Ламет, Дюпор, Барнав — обвиняют его в пожертвовании правами нации, но только потому, что не пользуются министерскими милостями. Когда двор, спустя год, обратится к ним за советами, они поторопятся приспособить к своим целям точку зрения Лафайета и вести его политику. В данный момент большинство Национального собрания принадлежит их соперникам, которые в течение года почти исключительно занимают председательское

кресло ¹). Общество 1789 г. и якобинцев отделяет, таким образом, лишь стена власти. Одни держат в руках министерство, другие хотят завладеть им. Положение изменится осенью 1790 г., когда король, передумав, лишит Лафайета своего доверия. Тогда первое место займут ламетисты. Они проведут 25 октября 1790 г. в председатели Национального собрания Барнава. Журналисты крайней левой будут приветствовать это избрание как победу демократии. Один Марат был свободен от их иллюзий. Он благообразно писал: «Риккети в наших глазах был всегда лишь опасным орудием деспотизма. Что же касается Барнава и Ламетов, я мало верю в их гражданские добродетели». Марат был прав. Демократическая идея никогда не имела большинства в Учредительном собрании. До самого своего конца оно являлось чисто буржуазным собранием, и по буржуазному плану оно преобразовало Францию.

¹ Вот список председателей Национального собрания после октябрьских дней: Камюс, 28 октября 1789, Турэ, 12 ноября, Буажелен, 23 ноября, Монтескю, 4 января 1790, Тарже, 18 января, Бюро де Пюзи, 3 февраля, Талейран, 18 февраля, Монтескью, 2 марта, Рабо, 16 марта, Дебоннэ, 13 апреля, Вирьё, 27 апреля, Турэ, 10 мая, Бомец, 27 мая, Сиэйс, 8 июня, Сен-Фаржо, 27 июня, Дебоннэ, 5 июля, Трейяр, 20 июля, Д'Андрэ, 2 августа, Дюпон де Немур, 16 августа, Де Жессе, 30 августа, Бюро де Пюзи, 13 сентября, Эммери, 27 сентября, Мерлен де Дуэ, 11 октября, Барнав, 25 октября.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАНЦИИ

и одно собрание, пожалуй, не пользовалось таким уважением, как то, какое назвало себя учредительным и в действительности имело заслугу «учредить» современную Францию. Мятежи не прерывали его занятия. Трибуны Манежа, где оно заседает со времени своего перемещения в Париж, с ноября 1789 г., наполнены элегантной толпой, среди которой преобладают представители высшего общества. Женщины либеральной аристократии выставляют здесь на показ свои туалеты и позволяют себе лишь скромные аплодисменты. Здесь показываются княгиня Хенэн, маркиза Шатенуа, графиня Шалабр (она предавалась культу Робеспьера), госпожи Куаньи и де-Пьенн, отличавшиеся восторженным патриотизмом, маршалша Бово, княгиня Пуа, маркиза Гонто,

госпожи Симиан и Каstellан, прекрасная г-жа Гувернэ, свежая г-жа Брoльи, пикантная г-жа Асторг, грациозная г-жа Бомон, дочь Монморэна, будущая возлюбленная Шатобриана, одним словом, немалая часть Сен-Жерменского предместья. Все они отправляются в Учредительное собрание, как на спектакль. Политика имеет для них прелесть новинки, запрещенного плода. Только к концу сессии, когда сперва религиозная борьба, а затем бегство в Варенн всколыхнули самые глубины народа, изменился состав публики трибун, и рабочие пытались проникнуть на них. Но даже и тогда предусмотрительность Лафайета и Байи сумела разместить в надлежащих местах 60 шпионов с твердыми ладонями, чтобы поддерживать дело порядка. Голосования в Учредительном собрании происходили в полной свободе.

Единственная мысль вдохновляет его работу по политическому и административному преобразованию страны, и эта мысль подсказана ему окружающими условиями — надо воспрепятствовать возвращению феодализма и деспотизма, обеспечить спокойное господство победоносной буржуазии.

Во главе нации конституция сохраняет наследственного короля. Но этот король как бы воссоздан самой конституцией. Он подчинен ей. Он присягает ей. Раньше он был «Людовиком, милостью божьей, королем Франции и Наварры», теперь же, после 10 октября 1789 г., он лишь «Людовик, божьей милостью и в силу конституции государства, король французов». Представитель Провидения сделался представителем нации. Правительственный первосвященник принял светский характер. Франция перестала быть собственностью короля, собственностью, которую он передавал по наследству. Новый титул — король французов — подразумевает главу, но не повелителя.

Приняты предосторожности, чтобы конституционный король не мог превратиться в деспота. Назначенный чиновник, он уже не сможет по произволу черпать в государственном казначействе. Отныне, подобно королю Англии, он должен будет довольствоваться цивильным листом, утверждаемым в начале каждого царствования и установленным Учредительным собранием в 25 миллионов. И притом он обязан поручать заведывание этим цивильным листом специальному должностному лицу, отвечающему за свое управление в случае нужды своим имуществом; это установлено с той целью, чтобы воспрепятствовать монарху делать долги, могущие пасть бременем на нацию.

Король может быть низложен собранием народных представителей в случае государственной измены или оставления без его разрешения королевства. Если он не достиг совершеннолетия, и если у него нет ни одного родственника мужского пола, принесшего гражданскую присягу, регент королевства избирается народом. Каждый округ в таком случае избирает выборщика, и эти выборщики, собравшись в столице, намечают регента, не будучи при этом обязаны избрать его из числа членов королевской фамилии. Важная поправка к наследственности. Такого рода регент явится лишь президентом республики, избираемым на определенный срок.

Король сохраняет право выбирать своих министров, но для того, чтобы воспрепятствовать ему развращать депутатов, ему запрещено брать их из среды собрания; в тех же целях бывшим депутатам запрещено принимать какие бы то ни было должности по назначению исполнительной власти. Надо было оградить представителей нации от искушения почестей и должностей, строго удерживать их в их роли независимых и бескорыстных контролеров.

Министры подчинены весьма строгой ответственности, юридически установленной. Собрание народных представителей не только может предать их верховному суду, но и требует от них ежемесячно росписи расходов по их ведомствам, и эта роспись, рассматриваемая комиссией казначейства, получает силу только после утверждения ее собранием. Всякое перемещение или превышение кредитов тоже сделано невозможным. Сверх того, министры обязаны давать отчет собранию по первому требованию «как об их образе действий, так и о состоянии расходов и дел», и от них требуется представление оправдательных документов, административных донесений, дипломатических депеш. Министры уже не могут быть визирями! Вскоре потребуют от тех, кто покидает свой пост, отчета в их деятельности, отчета морального и финансового. До утверждения этих отчетов министры, так обследуемые, не могут покинуть столицу. Министр юстиции Дантон с большим трудом получит при конвенте утверждение своего денежного отчета, строго критикуемого неподкупным Камбоном. Министр внутренних дел Ролан, вышедший в отставку после смерти короля, так и не смог получить утверждения своего отчета, которое позволило бы ему покинуть Париж.

Король ничего не может сделать без подписи своих

министров, и эта обязательность министерской скрепы отнимает у него всякую возможность самостоятельных решений, ставит его постоянно в зависимость от его совета министров, который, в свою очередь, зависит от собрания представителей. Для того, чтобы было легко установить ответственность каждого министра в отдельности, предписано вести протокол заседаниям совета министров, причем это возложено на специального чиновника. Однако Людовик XVI обходил это обязательство, которое вошло в силу только после его гибели.

Все центральное управление возложено на одних лишь шестерых министров. Исчезли прежние советы, равно как и министр двора, замененный интендантом гражданского листа. Общий контроль над финансами подразделен ныне между двумя министерствами: государственных сборов и внутренних дел. Министр внутренних дел один лишь сносится с местными властями. В круг его ведения входят общественные работы, навигация, госпитали, благотворительность, земледелие, торговля, фабрики и мануфактуры, народное образование. Впервые вся провинциальная администрация связывается с единым центром.

Король назначает высших должностных лиц, посланников, маршалов и адмиралов, две трети контр-адмиралов, половину генерал-лейтенантов, генерал-майоров, капитанов кораблей и полковников жандармерии, третью часть полковников и подполковников, шестую часть морских лейтенантов, причем сообразуется с законами о производстве и нуждается в скрепе своих министров. Он продолжает руководить дипломатией, но мы видели, что он не может уже объявлять войну или подписывать какие-либо договоры без предварительного согласия Национального собрания, дипломатическая комиссия которого тесно сотрудничает с министром иностранных дел.

В теории король остается высшим главой гражданского управления королевства, но в действительности это управление ускользает из его рук, так как администраторы и даже судьи избираются новым сувереном, каким является народ.

В теории также король сохраняет и долю законодательной власти, благодаря своему приостанавливающему вето. Но это вето не может применяться ни по отношению к конституционным законам, ни к законам фискальным, ни к прениям, относящимся до ответственности министров; притом Национальное собрание имеет еще возможность обращаться непосредственно к народу при посредстве

воззваний, не подлежащих вето. Таким именно путем 11 июля 1792 г. отечество было объявлено в опасности, и это воззвание, которое мобилизовало всех национальных гвардейцев королевства и установило непрерывность деятельности всех административных органов, явилось обходным средством, при помощи которого Законодательное собрание свело на нет вето, противопоставленное перед тем Людовиком XVI несколькими его декретам.

Для того, чтобы лишить короля возможности повторить его попытку в июле 1789 г., конституция устанавливает, что никакие войска не могут находиться на расстоянии ближе 30 миль от места заседания Национального собрания без его согласия. Собрание сверх того само следит за порядком своих заседаний и имеет право для своей безопасности располагать военным отрядом, пребывающим в его здании. Король сохраняет собственную гвардию, но она не должна превышать 1.200 пехоты и 600 конницы и обязана приносить гражданскую присягу.

Законодательные функции упраздненных ныне прежних советов перешли к единому собранию, избираемому нацией. Это собрание, законодательное собрание, избирается только на два года. Оно собирается самостоятельно, помимо созыва его королем, в первый понедельник мая. Оно само определяет место своих заседаний, продолжительность своих сессий, которые король не имеет права сокращать. Тем более, король не имеет права и распускать Национальное собрание. Депутаты неприкосновенны. Всякое преследование против кого-нибудь из их числа должно быть предварительно разрешено собранием, которое выносит свое постановление лишь после ознакомления с следственным материалом и само указывает трибунал для рассмотрения дела. Когда суд Шатлэ возбудил впоследствии ходатайство о лишении депутатской неприкосновенности Мирабо и герцога Орлеанского, которых трибунал хотел включить в число обвиняемых в связи с событиями 6 октября 1789 г., Учредительное собрание ответило ему отказом.

В силу своего права контроля над министрами, своих финансовых прерогатив, своего контроля над дипломатией, в силу судебной неприкосновенности своих членов и т. п., законодательный корпус является высшей властью в государстве. При сохранении монархической внешности, Франция в действительности превратилась в республику, но это была республика буржуазная.

Конституция отменила привилегии, основанные на

рождении, но она поощрила и упрочила привилегии, основанные на богатстве. Несмотря на статью декларации прав, которая провозглашала: «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его составлении», она разделила французов на два разряда в отношении избирательного права — на граждан пассивных и граждан активных. Первые были лишены избирательного права, потому что они были лишены собственности. Они, как выразился Сизэйс, придумавший такое обозначение, просто «рабочие машины». Опасались, что они явятся послушным орудием в руках аристократов, и кроме того не думали, чтобы они были способны, являясь в большинстве своем неграмотными, хотя бы в ничтожной степени участвовать в общественной деятельности.

Активные граждане, напротив, являлись, по словам Сизэйса, «настоящими акционерами великого общественного предприятия». Они уплачивали минимум прямой налог в размере стоимости в данной местности трех рабочих дней. Они одни должны были участвовать в общественной жизни.

Служащие по найму в личном услужении были, как и пролетарии, причислены к разряду пассивных граждан, так как считалось установленным, что они не располагают свободой.

Число активных граждан достигало в 1791 г. 4.298.360 на население в 26 миллионов душ. 3 миллиона неимущих оставались вне гражданского общества. Это представляло собою шаг назад в сравнении с тем, что было установлено при выборах депутатов третьего сословия в Генеральные Штаты, ибо тогда требовалось лишь занесение в списки налогоплательщиков. Робеспьер, Дюпор, Грегуар тщетно протестовали. Они встретили отклик только вне стен Учредительного собрания, в пылкой демократической прессе, выходившей в Париже. Знаменательным фактом является то, что 29 августа 1789 г. 400 парижских рабочих явились в Коммуну с требованием «прав гражданства и возможности участвовать в собраниях различных округов и чести принадлежать к составу национальной гвардии». Протест со стороны пролетариата, еще очень слабый, не перестанет звучать все сильнее вместе с ходом событий.

Среди активных граждан конституция устанавливала новые иерархии. Первичные собрания, собиравшиеся в деревнях в главном пункте кантона, — чтобы устранить

менее достаточных в силу расходов по переезду, — могли избирать в качестве выборщиков второй степени, одного на сто избирателей, только тех из активных граждан, которые уплачивали налог, равный стоимости 10 рабочих дней. Эти выборщики, собиравшиеся затем в главном городе департамента, как делегаты при выборах в сенат в наши дни, образовывали избирательное собрание, выбиравшее депутатов, судей, членов департаментских и окружных собраний, епископа и т. п. Но депутаты могли избираться только из числа выборщиков, уплачивавших прямых налогов в размере по меньшей мере марки серебром (около 50 франков) и обладавших сверх того недвижимой собственностью. Среди аристократии выборщиков создавали таким образом аристократию имеющих право на избрание. Выборщиков было не очень много, от 300 до 800 на департамент. Имеющих право на избрание было и того меньше. Место аристократии по происхождению заняла аристократия имущественная.

Одни лишь активные граждане входили в национальную гвардию, т. е. обладали оружием, тогда как граждане пассивные оставались безоружными.

Против марки серебром, т. е. против избирательного ценза, Робеспьер вел страстную кампанию, которая дала ему популярность. Марат изобличал аристократию богатых. Камилл Демулен обратил внимание на то, что Ж.-Ж. Руссо, Корнель, Мабли не могли бы быть избранными. Лустало напоминал, что революция была совершена «немногими патриотами, которые не имели чести заседать в Национальном Собрании». Кампания имела успех. 27 парижских округов протестовали против ценза в феврале 1790 г.

Но собрание, уверенное в своей силе, не обратило внимания на эти жалобы. Только после бегства короля в Варенн, 27 августа 1791 г., оно решилось отменить требование марки серебром для права быть избранным в депутаты, но взамен этого оно отягчило условия ценза, каким должны были удовлетворять выборщики, избираемые активными гражданами. Отныне требовалось быть собственником или арендатором имущества, оцененного в податных списках как приносящее доход, равный стоимости в данной местности 200 рабочих дней в городах с населением, превышающим 6 000 душ, и 150 рабочих дней в городах, имеющих менее 6 000 жителей, или в деревнях, или же быть нанимателем жилища такой же стоимости, или же арендатором фермы, оцениваемой

в стоимость 400 рабочих дней. Правда, декрет этот, принятый в момент крайности, остался мертвой буквой. Выборы в Законодательное собрание были уже закончены и происходили при сохранении в силе ценза в марку серебром.

Конституция уничтожила весь хаос старинных административных делений, образовавшийся в течение веков: бальяжи, генеральства, губернаторства и пр. На место их она установила единственное подразделение — департамент, делившийся на округа, кантоны и коммуну.

Иногда утверждают, что Учредительное собрание, создавая департаменты, желало уничтожить воспоминание о старинных провинциях, сломить навсегда дух партикуляризма и установить своего рода федералистский дух. Может быть, но следует заметить, что разграничение департаментов по мере возможности считалось со старыми границами. Так, Франш-Конте было разделено на три департамента, Нормандия и Бретань, каждая на 5 департементов и т. д. Дело в том, что руководствовались главным образом необходимостью в хорошей администрации. Руководящей идеей было установить административную единицу так, чтобы ее жители могли достигать ее центра в течение одного дня. Хотели приблизить управляемых к администрации. Было создано 83 департамента, границы которых определены по полюбовному соглашению между представителями провинций. Их назвали по названиям рек и гор.

В то время, как прежние генеральства управлялись интендантом, назначаемым королем и всемогущим, во главе новых департаментов стояли советы в 36 членов, избираемых по списку избирательным собранием департамента и притом обязательно из числа граждан, уплачивающих прямой налог в размере, не меньшем стоимости 10 рабочих дней. Этот совет, являвшийся совещательным органом, собирался в течение года на один месяц. Так как его члены не получали вознаграждения, могли соглашаться на избрание только богатые или зажиточные граждане. Совет избирался на два года и обновлялся ежегодно наполовину. Он избирал из своей среды директорию из 8 членов, которые заседали без перерывов и получали вознаграждение. Эта директория являлась исполнительным органом совета. Она распределяла по округам прямые налоги, наблюдала за поступлением их, оплачивала расходы, заведовала призрением, тюрьмами, школами, земледелием, промышленностью, путями сообщения, при-

водила в исполнение законы и т. д., одним словом, унаследовала прежние полномочия интендантов. Наряду с директорией была установлена должность генерального прокурора-синдика, избираемого на 4 года избирательным собранием департамента, на которого возлагалось наблюдение за исполнением законов. Он участвовал в заседаниях директории, но без совещательного голоса. Он имел право требовать сообщения ему документов по всем делам, и ни одно решение не могло быть принято без того, чтобы не были выслушаны его замечания. Он был, одним словом, представителем закона и общественных интересов, и сносился непосредственно с министрами.

Департамент таким образом представлял собою маленькую республику, свободно управляющуюся. Центральная власть не была представлена в нем ни одним непосредственным своим агентом. Применение законов поручалось судебным властям, которые все без исключения попадали на должность по избранию. Король, конечно, был облечен правом отрешать от должности департаментских администраторов и отменять их распоряжения, но последние могли обжаловать это Национальному собранию, которое и решало окончательно вопрос. Был произведен резкий переход от удушающей бюрократической централизации к самой широкой децентрализации, децентрализации американского типа.

Округа были организованы подобно департаменту с советом, директорией и синдикальным прокурором, равным образом избирающимися. На них будет специально возложена продажа национальных имуществ и распределение налогов между коммунами.

Кантоны являлись низшей избирательной единицей, а также и местом пребывания мирового судьи.

Но свободную Америку революционная Франция особенно напоминает интенсивностью своей муниципальной жизни.

В городах старые олигархические муниципалитеты, состоявшие из мэров и эшевенгов, которые покупали свои должности, уже на деле почти повсюду исчезли еще до того, как закон поставил на их место избираемые органы. Но тогда как органы департаментского и окружного управления создавались при действии двухстепенной и цензовой избирательной системы, новые муниципалитеты избирались прямым голосованием. Мэр и «муниципальные должностные лица», число которых колебалось в зависимости от численности населения, избирались на

два года всеми активными гражданами, но обязательно из числа плательщиков прямого налога, стоимостью не менее 10 рабочих дней. Каждый квартал образовывал избирательный участок. Муниципальные должностные лица избирались в числе, соответствующем числу секций, причем эти лица, на которых было возложено управление вместе с мэром, более походили на наших теперешних помощников мэра, чем на наших муниципальных советников. Роль последних выполнялась нотаблями, избравшимися в двойном числе сравнительно с муниципальными должностными лицами. Нотабли созывались для обсуждения всех значительных дел. В таких случаях они составляли вместе с муниципальными должностными лицами генеральный совет коммуны. Рядом с мэром прокурор коммуны, имевший в крупных городах заместителей, должен был защищать интересы всего населения. Он представлял плательщиков налогов и являлся их защитником по должности. Кроме того, он выполнял обязанности общественного обвинителя перед трибуналом простой полиции, образуемым муниципальным бюро.

Круг деятельности коммун был весьма широк. Через их посредство департамент и округа приводили в исполнение законы, распределяли и собирали налоги. Они имели право вызывать национальную гвардию и прибегать к вооруженной силе. Они пользовались широкой автономией под надзором и контролем административных органов, утверждавших их постановления финансового характера и проверявших их отчеты. Мэры и синдикальные прокуроры могли быть отрешены от должности, но муниципальное собрание не подлежало роспуску.

Обновляемые ежегодно наполовину в первое воскресенье после дня св. Мартина, коммуны были в постоянной связи с населением, настроения которого они верно отражали. В городах с населением свыше 25.000 душ секции, аналогичные деревенским кантонам, имели свои бюро и постоянные комитеты и могли устраивать собрания, контролировавшие деятельность центрального муниципалитета. Вначале мэров и муниципальных должностных лиц выбирали из среды богатой буржуазии, но они в гораздо большей степени, чем директории департаментов и округов, испытывали постоянное давление со стороны населения, так что в 1792 г., в особенности после объявления войны, между более демократическими коммунами и более консервативными административными органами обнаружилось трение. Эти трения усилились в даль-

нейшем, когда после 10 августа новые муниципалитеты пропитались народными элементами. Отсюда возникло жирондистское или федералистское восстание. В деревнях и местечках у власти встали мелкие буржуа и даже рабочие. Нередко бывало, что мэром оказывался приходский священник.

Судебная организация была реформирована в том же направлении, что и организация административная. Все старые судебные учреждения, классовые и исключительные суды, были уничтожены, и вместо них была установлена целая лестница новых судов, одинаковых для всех и исходящих от народного суверенитета.

В основании находились мировые судьи, избираемые на два года из среды всех лиц, обладающих цензом десятидневной заработной платы, и судившие вместе с 4 или 6 заседателями (присяжными), которые составляли мировой суд. В задачу их входит не столько вынесение приговора, сколько примирение тяжущихся. Они выносят окончательное решение по мелким делам, когда иск не превышает 50 ливров, и в первой инстанции при исках до 100 ливров. Быстрый и дешевый суд, который оказал большие услуги и весьма скоро приобрел популярность.

Окружные трибуналы, состоящие из 5 судей, избираемых на 6 лет, но обязательно из числа юристов, обладающих не менее 5 годами практики, решают окончательно дела до 1 000 ливров.

В уголовных делах разбирательство дел чисто полицейского характера предоставлено муниципалитетам, дел исправительной юстиции — мировым судам, а уголовные дела — специальному трибуналу, находящемуся в главном городе департамента и состоящему из председателя и трех судей, привлекаемых из окружных судов. Общественный обвинитель, избираемый, как и судьи, наблюдает за применением закона. Права обвиняемых ограждают двумя составами присяжных. Один состав, жюри обвинения, состоящее из 8 членов, под председательством окружного судьи, решает вопрос о предании суду. Другой состав, судебное жюри, состоящее из 12 граждан, решает вопрос о виновности обвиняемого, а затем уже судьи выносят приговор. Меньшинства в три голоса из 12 достаточно для оправдания. Члены обоих жюри назначаются по жребию из списка в 200 имен, составленного синдикальным генеральным прокурором департамента из числа активных граждан, пользующихся правом быть избираемыми, т. е. платящими прямой налог стоимостью в 10 ра-

бочих дней. Таким образом, жюри составляется исключительно из богатых или зажиточных граждан, и уголовный суд остается классовым судом. Робеспьер и Дюпор хотели установить жюри даже в гражданском процессе. Но Турэ добился отклонения их проекта.

Отныне наказания были согласованы с преступлениями и не зависели уже от произвола судей. «Закон», — говорила Декларация прав гражданина, — «должен устанавливать лишь наказания, строго и очевидно необходимые». Поэтому была отменена пытка, выставление к позорному столбу, клеймение, публичное покаяние, но сохранили все же позорный столб для преступников, лишаемых прав, и цепь или, говоря другими словами, кандалы. Робеспьеру не удалось добиться отмены смертной казни.

Не существует уже апелляционных трибуналов. Национальное собрание, которому пришлось укротить несколько мятежных парламентов, опасается возродить их под другим названием. Окружные трибуналы играют роль апелляционных судов одни по отношению к другим, при применении остроумной системы, позволяющей сторонам отводить три трибунала из семи, предлагаемых им. Привилегия адвокатов уничтожена по предложению Робеспьера. Каждый истец может сам защищать свое дело или выбрать официального защитника. Но прежние прокуроры сохранены под новым названием стряпчих.

Коммерческие суды, состоящие из 5 судей и избираемые лицами, выбирающими патенты, из своей среды, разбирают окончательно дела на сумму до 1.000 ливров.

Кассационный трибунал, состоящий из судей, выделяемых по одному на департамент, может отменять решения других трибуналов, но только по формальным основаниям. Он не имеет права толковать законы. Собрание оставило за собою это право. Административные дела не отнесены к компетенции какого-либо специального трибунала, они решаются департаментскими директориями, исключая налоговые дела, когда выступают на сцену окружные трибуналы. Не существует государственного совета, совета министров и, в определенных случаях, их заменяет само Национальное собрание.

Наконец, высший суд, составленный из судей кассационного трибунала и восьми высших присяжных, выбираемых по жребию из списка в 166 человек, взятых по два на департамент, рассматривает дела по обвинению министров и высших должностных лиц и преступления против

государственной безопасности. Обвиняемые предаются высшему суду Законодательным собранием, избирающим из своего состава двух главных прокуроров, на которых возложена организация процесса.

В этой судебной организации бросается в глаза то обстоятельство, что она независима от короля и министров. Высший суд в руках Национального собрания играет роль оружия, направленного против исполнительной власти, ибо оно одно обладает правом обвинения. Король представлен в трибуналах лишь комиссарами, назначаемыми им и несменяемыми. Эти комиссары должны быть заслушиваемы во всех случаях, когда затрагиваются интересы подопечных, несовершеннолетних. Они должны защищать имущества и права нации и поддерживать в трибуналах дисциплину и регулярность отправления правосудия. Но они не обладают самостоятельной властью, они лишь могут прибегать к содействию тех, кто имеет право действовать. Суд совершается от имени короля, но в действительности он сделался делом нации.

Все судьи избираются обязательно из числа лиц, получивших высшее юридическое образование. Сочинения Дуарша и Селигмана позволяют заключать, что выбор избирателей в общем бывал очень удачен. Частые жалобы якобинцев во времена конвента на их «аристократические» приговоры достаточно свидетельствуют о независимости судей. Их пришлось «очистить» при терроре.

Если деятели Учредительного собрания установили фактически республику, но республику буржуазную, то это потому, что у них были достаточные основания не доверять Людовику XVI, признание которым нового режима не казалось им особенно искренним. Они не забыли, что он признал постановления 4 августа только будучи вынужден к этому возмущением. Они не без основания подозревали, что он воспользуется первым случаем для разрушения их дела. Это и объясняет предосторожности, принятые ими для того, чтобы лишить его всякой реальной власти.

Если они предоставили политическую, административную и судебную власть буржуазии, то это было сделано не только в силу классового интереса, но и под влиянием мысли, что народ, еще неграмотный в своей массе, не окажется способным взять в свои руки кормило правления. Надо было еще воспитать его.

Новые учреждения были либеральными. Повсюду

власть принадлежала выборным органам. Но если эти органы начнут колебаться, если они попадут в руки тайных или явных противников нового порядка, все погубило. Законы не будут уже исполняться или будут исполняться плохо. Налоги перестанут поступать, станет невозможным набор солдат, начнется анархия. Закон демократии в том и состоит, что она может функционировать нормально только в том случае, если она свободно принята.

В Соединенных Штатах такие же самые учреждения привели к превосходным результатам, потому что они проводились в жизнь в духе свободы населением, давно уже привыкшим к самоуправлению. Франция была старинной монархической страной, привыкшей в течение столетий ожидать всего от власти, и вдруг она оказалась одним ударом перенесенной в совершенно новые условия. В Америке демократия не вызвала споров. Ее народ заслуживал доверия и вручения ему распоряжения своей судьбой. Во Франции значительная часть населения ничего не понимала или не хотела понимать в новых учреждениях. Она воспользовалась своими вольностями только для того, чтобы погубить их. Она требовала возвращения своих оков. Таким образом, установленная Учредительным собранием децентрализация, отнюдь не упрочивая новый порядок, потрясла его и чуть не погубила. Революционная буржуазия рассчитывала прикрыться народным суверенитетом, организованным в ее интересах, против обратного наступления феодального режима, но народный суверенитет грозил облегчить это возвращение, ослабляя повсюду авторитет закона.

Для защиты революционного дела, потрясенного гражданской и внешней войной, якобинцам пришлось спустя два года вернуться к монархической централизации. Но пока что никто не предвидел такой необходимости. Один лишь Марат, являвшийся политической головой, понял с первого дня, что надо организовать революционную власть в виде диктатуры, чтобы деспотизму короля противопоставить деспотизм свободы.

ФИНАНСОВЫЙ ВОПРОС

зрыв революции, отнюдь не упрочив государственный кредит, завершил его разрушение. Старые налоги были отменены. Введенные вместо них налоги: поземельный налог, взимаемый с земли, налог движимый, падающий на доход, оцениваемый по квартирной плате, патентный сбор, поражавший торговую и промышленную прибыль в силу многообразных причин поступали с трудом. Надо было составить налоговые списки, создать новый персонал. Муниципалитеты, на которые было возложено взимание налогов, не были подготовлены к этому делу. Затем и налогоплательщики, в особенности аристократы, не торопились с уплатой. Национальное собрание ничего не хотело получать с помощью налогов на потребление. Оно считало, их несправедливыми, так как

они ложатся одинаковой тяжестью на различные состояния. А между тем, новые расходы прибавились к прежним. Благодаря голоду приходилось покупать много хлеба за границей. Проводившиеся реформы углубляли финансовую пропасть. К старому долгу, достигавшему около 3 миллиардов 119 миллионов, причем половина этой суммы состояла в срочных долговых обязательствах, прибавилось более миллиарда, затраченного на ликвидацию старого режима; 149 миллионов на выкуп долга духовенства, 450 миллионов на выкуп уничтожаемых судебных должностей, 203 миллиона на выплату залогов, 150 миллионов на выкуп должностей по ведомству финансов, 100 миллионов на выкуп феодальных десятин и т. д. Таким образом, общая цифра долга, старого и нового, достигала 4 миллиардов 262 миллионов, что требовало на уплату процентов ежегодно расхода приблизительно в 262 миллиона. Сверх того, расходы на поддержание культа, павшие на государство с отменой десятины, достигали 70 миллионов и пенсии монахам требовали 50 миллионов, тогда как расходы различных министерств определялись всего только в 240 миллионов.

До тех пор, пока двор сохранял угрожающую позицию, тактика Национального собрания состояла в отказе вводить какой-либо новый налог. Финансовые затруднения не в меньшей степени, чем восстания, заставили Людовика XVI капитулировать. Но, подрывая кредит короля, Национальное собрание успокоило рантье, торжественно прогоняя всякую мысль о банкротстве.

Для покрытия текущих расходов Неккер должен был прибегать ко всякого рода средствам. Он умолял о новых авансах Ссудную Кассу, и без того переобремененную. Он продолжил принудительный курс ее билетов. Он выпустил в августе 1789 г. два займа в $4\frac{1}{2}$ и 5%, но займы эти не были покрыты. Он провел патриотический налог, но этот последний плохо поступал и принес лишь незначительные средства. Король отправил на монетный двор свое серебро и золотые вещи и частных лиц приглашали последовать его примеру. Женщины-патриотки жертвовали свои драгоценности, мужчины — свои серебряные запонки. Ничтожные средства! Наступил момент, когда уже ничего нельзя было извлечь из Ссудной Кассы. Лавуазье от имени управления ее представил в Национальное собрание 21 ноября 1789 г. баланс предприятия.

Касса имела в обращении на 114 миллионов билетов. Эти билеты были обеспечены портфелем и металлической

наличностью на сумму в 86.790.000 ливров. Не покрыто было 27.210.000 ливров. Но Касса могла использовать свой залог в 70 миллионов, внесенный в казначейство и свои авансы, выданные последнему и достигавшие 85 миллионов. Из выпущенных в обращение билетов на 114 миллионов, 89 было предоставлено в распоряжение казначейства и только 25 уделено на нужды торговли. С июля 1789 г. металлическое покрытие уменьшилось до четверти предписанного уставом.

Простое ознакомление с этим балансом показывало, что платежеспособность Кассы зависела от платежеспособности государства, так как ее билеты обеспечивались долгом казначейства. Государство пользовалось кассой для реализации бумаг, которые оно само не могло разместить в публике. Неккер был вынужден признать, что «здание Кассы поколеблено и готово упасть» (14 ноября 1789 г.). Он отдавал себе отчет, что она больше не будет в состоянии снабжать казначейство дальнейшими суммами, если не будет увеличен ее капитал. Для облегчения этой операции он предложил преобразовать ее в **Н а ц и о - н а л ь н ы й Б а н к**. Размер эмиссии его билетов будет увеличен до 240 миллионов и новые билеты будут снабжены надписью «**н а ц и о н а л ь н а я г а р а н т и я**».

Учредительное собрание отвергло его проект в силу соображений, как финансовых, так и политических. Оно полагало, что Кассе не удастся разместить на 50 миллионов новых акций. Талейран указал, что поскольку выпущенные уже билеты обеспечены лишь долговыми обязательствами государства, а новые билеты не будут иметь другого обеспечения, постольку эти последние будут иметь не больший успех, чем если бы они были выпущены непосредственно самим государством. Но Касса получала за свои авансы высокие проценты от казначейства. Не лучше ли было бы сэкономить эти проценты, обратившись к прямой эмиссии, раз все равно невозможно было избежать бумажных денег. Затем, учреждение национального банка пугало. Мирабо указывал, что он явится опасным оружием в руках исполнительной власти. Руководство финансами ускользнет от Национального собрания. «Что же делать в такой момент, когда мы не обладаем уже кредитом, когда мы не хотим и не можем закладывать наши доходы и, напротив, хотим освободить их от залога? Надо,—сказал 17 декабря 1789 г. Лекультё де Кантелё,—сделать то, что делают землевладельцы, отличающиеся честностью и находящиеся в подобном же

положении, надо продать наследственные имения».

Этими наследственными имуществами были церковные имущества, которые Национальное собрание 2 ноября предоставило «в распоряжение нации». Такое решение давно уже носилось в воздухе. Его рекомендовал Калонн. Его отстаивали многочисленные указы. Уже при Людовике XVI комиссия черного духовенства закрыла 9 монашеских орденов и употребила их имущества на общепользные цели. Формальное предложение употребить церковные имущества на уплату долга исходило от епископа Талейрана (10 октября 1789 г.). Эти имущества, заявил он, были даны не духовенству, а церкви, т. е. совокупности верующих, иначе говоря — нации. Имущества предназначались жертвователями на благотворительные или общепользные учреждения. Отбирая эти имущества, совокупность верующих, нация, возьмет на себя содержание этих учреждений, образование, призрение, расходы по культу. Трейяр и Туре добавили, что духовенство могло обладать имуществом только в силу разрешения от государства. Государство имеет право взять назад это разрешение. Оно уничтожило сословия. Сословие духовенства не существует больше. Его имущества возвращаются ко всему обществу.

Тщетно возражали Камюс, аббат Мори, архиепископ Буажелен, что имущества жертвовались не духовенству как сословию, а определенным церковным учреждениям, что отобрание этих имуществ явится несправедливостью. Тщетно Мори, делая диверсию, доказывает, что на церковные имущества зарится шайка евреев и спекулянтов, тщетно Буажелен предлагает от имени своих коллег-епископов авансировать государству в счет стоимости церковных имуществ сумму в 400 миллионов. Учредительное собрание установило уже свою точку зрения. Вопрос, как сказал Талейран, предрешен уже отменой десятины. Не высказываясь определенным образом относительно права собственности духовенства, собрание постановляет, большинством 508 голосов против 346, использовать его громадные владения, оцениваемые в 3 миллиарда, на покрытие государственных долгов.

Когда этот шаг был сделан, все остальное было уже легко. Собрание постановило 19 декабря 1789 г. учредить финансовое управление, находящееся исключительно в его ведении, и назвало это управление Чрезвычайной Кассой. Новая Касса должна была получать поступления с чрезвычайных налогов, как например патриотического нало-

га, но прежде всего она должна была питаться за счет выручки от продажи церковных имуществ. Для начала предполагалось пустить в продажу на 400 миллионов земель, представленных на такую же сумму ассигнатами, при помощи которых имелось в виду прежде всего погасить 170 миллионов авансов, полученных от Учетной Кассы. Таким образом, этот первый выпуск ассигнатов носил характер чисто казначейской операции. Ассигнат являлся еще лишь казначейским билетом. В обращении роль денег по-прежнему играли билеты Учетной Кассы. А с с и г н а т — знаменательное слово, оно означает ассигновку, вексель, выданный на Чрезвычайную кассу, обязательство под залог определенных доходов.

Ценная бумага, свидетельство на право предпочтительной покупки государственных земель, не представляет еще собою денег. Ассигнат, созданный 19 декабря 1789 г., приносит проценты в размере 5 на 100, ибо он представляет долговое обязательство государства, само приносящее проценты, а именно долговое обязательство Учетной Кассы. Это билет казначейства, оплачиваемый в земле, а не наличными деньгами. По мере поступления в результате продажи церковных имуществ ассигнаты должны были уничтожаться и сжигаться и таким образом погашать государственный долг.

Если бы операция эта удалась, если бы Учетная Касса могла увеличить свой капитал, продать и разместить на 170 миллионов ассигнатов, которые ей были переданы, Национальное собрание, как можно предполагать, не прибегло бы к бумажным деньгам, к которым оно относилось с опасением, что объясняется воспоминаниями о системе Лоу и более близким примером американской революции. Удовлетворившись поддержанием курса билетов Кассы и покрытием неотложных расходов, освобожденное от пут казначейства, оно, без сомнения, повело бы совсем иную финансовую политику.

Но Учетной Кассе не удалось найти держателей для ассигнатов. Капиталисты не решались брать их, потому что в этот момент, в первые месяцы 1790 г., духовенство, экспроприированное в теории, все еще фактически сохраняло в своих руках управление своими имуществами, которые сверх того были обременены частными долгами, не говоря уже о том, что еще совсем не был разрешен вопрос о содержании духовенства и о расходах, до сих пор покрывавшихся его учреждениями. Широкая публика не питала доверия к облигациям, представлявшим собою

лишь сомнительные обязательства продажи имуществ, приобретение которых не было очищено от закладных и могло повести к неустрашимым затруднениям. «Ассигнаты,— говорит Байи 10 марта 1790 г.,— не имели того успеха, какой был желателен, и того курса, какой был необходим, так как доверие может покоиться только на устойчивом и видимом основании». Курс акций Учетной Кассы понизился и ее билеты понизились в цене более, чем на 6%. На луидоре получалась уже премия в 30 су.

Собрание поняло, что для внушения доверия к ассигнатам необходимо отнять у духовенства управление его имуществами, какое оно еще сохраняло, и освободить эти имущества от всяких ипотек, от каких бы то ни было претензий, отнеся на счет государства долг духовенства и все расходы культа (декреты 17 марта и 17 апреля 1790 г.). Сделав это, оно сочло ассигнаты достаточно упроченными и облегченным их размещение и потому признало возможным впредь не прибегать к билетам. Билеты обесценивались, потому что покрытие их было сомнительным. А ассигнаты стоят теперь вне всякого подозрения, вне всяких затруднений, так как имущества духовенства теперь приобрели реализуемый характер. Теперь существует уверенность, что бывший владелец не будет тревожить нового приобретателя. Есть уверенность, что билет казначейства, оплачиваемый в землях, не будет опротестован в день платежа. Упроченный и освобожденный ассигнат может с успехом заменить собою билет Учетной Кассы. Чрезвычайная Касса сама разместит в публике ассигнаты, какие не была в состоянии разместить Учетная Касса. Ассигнаты первого выпуска, не нашедшие покупателей, будут аннулированы и будет произведен новый выпуск на совершенно иных условиях. Из излишней предосторожности 17 марта 1790 г. решают, по предложению Байи, что предназначенные к продаже имущества будут продаваться через посредство муниципалитетов. «Как много лиц с большей уверенностью вступят в переговоры о покупке»,— сказал Туре,— «если церковные имущества попадут к ним через этого посредника, после передачи в другие руки, который очистит их от их происхождения».

Некоторые хотели, чтобы преобразованные ассигнаты были ассигнатами свободными, чтобы каждому было дозволено принимать их или отвергать, одним словом, чтобы они сохраняли характер билетов казначейства. Но Национальное собрание присоединилось к мнению сто-

ронников принудительного курса: «Было бы несправедливо», — сказал Мартино 10 апреля, — «обязывать кредиторов государства принимать их, не давая им права обязывать их собственных кредиторов принимать их». Декрет 17 апреля устанавливал, что ассигнаты «будут иметь курс денег в руках всех лиц по всему пространству королевства и будут приниматься всеми общественными и частными кассами наравне со звонкой монетой». Впрочем, частным лицам разрешалось устранять их из своих будущих сделок. Таким образом, не был установлен действительно принудительный курс. Национальное собрание не подумало о том, что неизбежно должна возникнуть конкуренция между бумажными и металлическими деньгами, и что первые обязательно будут побеждены в борьбе. Плохие деньги вытесняют хорошие! Оно не решилось изъять из обращения золото и серебро. Оно не подумало об этом. Вначале ассигнаты выпускаются только в виде крупных купюр в 1.000 ливров. Золото и серебро были необходимы для ликвидации счетов и для мелких покупок. Отнюдь не воспрещая продажу металлических денег на ассигнаты, Национальное собрание даже поощряло ее. Ему нужны были экю и разменная монета для уплаты войскам. Казначейство само покупало металлические деньги в обмен на ассигнаты и соглашалось терять при обмене. Эти потери становились все более значительными. Таким образом, торговля металлическими деньгами в обмен на бумажные деньги сделалась законным делом. Декрет 17 мая 1791 г. освятил и поощрял такую торговлю. Луидор и ассигнат котировались на бирже. Деньги считались товаром, обладающим колеблющимся курсом. Таким образом, само Национальное собрание легализовало дискредитирование бумажных денег перед лицом звонкой монеты. В его финансовой системе была трещина, которая должна была все более и более расширяться.

Первые ассигнаты, созданные 19 декабря 1789 г., приносили 5%. Ассигнаты, выпущенные взамен их 17 апреля 1790 г., приносили лишь 3%. Проценты исчислялись днями. Ассигнат в 1.000 ливров приносил в день 1 су 8 денье, ассигнат в 300 ливров — 6 денье. Последний держатель получал в конце года в любой государственной кассе всю сумму накопившихся процентов. Промежуточные держатели получали приходящееся на их долю от своих дебиторов, которые должны были всегда делать накидку (вышедшее из употребления обыкновение, применяемое всегда государством при всех взысканиях).

Понижая размер процента, Учредительное собрание хотело побудить капиталистов не держать свои ассигнаты в портфеле вместо того, чтобы обменивать их на земли. Депутат Прюньон требовал отмены каких бы то ни было процентов, так как ассигнат приобрел характер денег. Ведь экую не приносят процентов. «Или ассигнаты хороши», — говорил он, — «или не хороши. Если они хороши, как я ни сомневаюсь в этом, они не требуют процентов, если же они плохи, проценты не сделают их хорошими, они лишь докажут, что они плохи и что к ним относятся с недоверием при самом создании их». Национальное собрание не решилось с самого начала усвоить полностью логику этого рассуждения.

Создание ассигната, в принципе являвшееся простой казначейской операцией, должно было порождать в Национальном собрании искушение придать более широкий характер своему проекту. Чрезвычайная касса оказывала теперь те же услуги, какие раньше выполняла Учетная касса. Ассигнаты заменяли кредитные билеты. Национальное собрание выпускало деньги. При помощи первого выпуска ему удалось погасить наиболее вопиющие долги, как же могла не возникнуть у него мысль об использовании этого средства для погашения всего долга, для ликвидации сразу всех недоимок старого режима.

Маркиз Монтескью-Фезензак предложил Национальному собранию от имени финансовой комиссии (27 августа 1790 г.) выбор между двумя системами: или создать «финансовые квитанции», приносящие 5%, которые принимались бы в уплату за национальные земли и которыми оплачивали бы возмещение за упраздненные должности и неотложные долги, или же прибегать к новым выпускам ассигнатов, при помощи которых можно будет погасить долг, быстро распродав церковные имущества.

После продолжительных и жарких прений, затянувшихся более месяца, Учредительное собрание выбрало второй путь. Оно постановило 29 сентября 1790 г. произвести оплату «в ассигнатах, не приносящих процентов», неконсолидированного долга государства и духовенства и одновременно с тем повысило до 1 200 миллионов норму эмиссии ассигнатов, до сих пор установленную в сумме 400 миллионов.

Члены Учредительного собрания решились на этот шаг только после зрелого размышления и вполне сознательно. «Здесь перед нами», — сказал им Монтескью, — «серьезнейший политический вопрос, какой только может быть

представлен на рассмотрение государственных деятелей».

Они отвергли финансовые квитанции в силу весьма веских соображений. Эти квитанции, принимаемые лишь в уплату за приобретаемые национальные имущества, имели то неудобство, что не улучшали финансовое положение вплоть до фактической продажи этих имуществ. Принося проценты, они не уменьшали расходов. «Долг не перестанет существовать» (Бомец). «Квитанции позволят капиталистам спекулировать на поступающих в продажу землях и диктовать цены деревне» (Мирабо). «Держатели их, в самом деле, явились бы господами на аукционах, потому что покупать можно было бы лишь посредством находящихся в их руках бумаг. Раньше жили в городах, их не интересовала земля. Они не торопились бы отделаться от квитанций, полученных ими, потому что они приносят проценты. Ввиду этого приходилось задавать себе вопрос, будет ли ускорена или, напротив, затруднена продажа земель, а в этом была сущность дела. Все соглашались в комиссии, что «благо государства зависит от распродажи национальных имуществ, и что эта распродажа произойдет быстро только в том случае, если граждане получают в свои руки ценности, дающие возможности приобретения их» (Монтескью).

Ассигнаты оказались более предпочтительными, потому что они обращались везде и не иммобилизовались в портфелях, поскольку не приносили процентов; потому что они давали заметную экономию, которую Монтескью определял в 120 миллионов в год, какие народу не придется платить в виде налогов. А самое главное потому, что без них национальные имущества не находили бы себе покупателей: «Уже 20 лет имеется в продаже 20.000 имений, но никто не покупает их; снабдить деньгами, чтобы иметь возможность продать,— вот единственное средство толкнуть на покупки, ускорить продажу» (Монтескью).

Противники ассигнатов обращали внимание на то, что уплата долга бумажными деньгами означала бы частичное банкротство. Иллюзия думать, говорил Дюпон де Немур, будто можно уплачивать долг ассигнатами. Они представляют собою аванс под государственные имущества. Платеж будет действительным только в тот день, когда имущество, представленное ассигнатом, будет продано, а до того момента ассигнат неизбежно подвергнется обесценению, ибо бумажные деньги несомненно будут терять при обмене на звонкую монету. Талейран указывал, что банкротство даст себя чувствовать даже

в частных сделках. «Все кредиторы, которым платят бумажными деньгами, теряют разницу (между курсом билетов и курсом звонкой монеты), все должники, которым одолжили деньги звонкой монетой, выгадывают эту разницу; в результате получится переверот в отношениях собственности, всеобщая неправильность при платежах и притом неправильность тем более вредная, что она оказывается законной». Лавуазье и Кондорсе доказывали, что внедрение в обращение массы новых денежных знаков поведет к немедленному возрастанию цены товаров. «Если вы удвоите количество знаков обмена, если не изменится при этом количество обмениваемых предметов, очевидно, что понадобится двойное количество знаков обмена для получения того же количества хлеба» (Перес).

Высокая цена хлеба уменьшит потребление, а следовательно и производство. Французские мануфактуры окажутся бессильны перед конкуренцией мануфактур иностранных, тем более, что и курс изменится к нашей невыгоде. Нам надо будет оплачивать наши покупки за границей драгоценным металлом. Наша металлическая наличность исчезнет. В результате последует ужасный экономический и социальный кризис.

Не отрицая безусловно эти возможные опасности, защитники ассигната возражали, что нет другого решения, кроме предлагаемого ими. Звонкая монета уже исчезла из обращения, необходимо заменить ее бумажными деньгами, чтобы получить возможность распродать церковные имущества. «Бумажные деньги, говорят, вытесняют деньги металлические. Отлично. Дайте же нам звонкую монету, мы не станем тогда требовать у вас бумажных денег» (Мирабо). Пусть не говорят нам о системе Лоу. «Окажется ли Миссисипи против аббатства Сито, аббатства Клюни!» (Монтескью). Затем, даже допуская самое худшее, если ассигнаты окажутся дискредитированными, их обладатели лишь с тем большей поспешностью постараются превратить их в землю. А в этом суть дела. Ассигнат необходим для распродажи национальных имуществ. «Необходимо экспроприировать ростовщиков, надо уничтожить химерическую надежду» (Бомец). Другими словами, вопрос носил не только финансовый характер. Он в первую очередь был вопросом политическим. «Вспомним о конституции, и тогда выпуск ассигнатов не может возбуждать сомнений, это единственное и надежное средство утвердить конституцию. Если мы заговорим о финансах, то нам нельзя будет

рассуждать, как при обычных условиях. Мы не можем выполнить наши обязательства, мы можем выдержать легкие потери, но не можем потерпеть, чтобы конституция не упрочилась на незыблемых и твердых основаниях» (Шапелье). Еще определеннее высказался Монтескиу: «Дело идет о том, чтобы утвердить конституцию, отнять всякую надежду у ее врагов, приковать их к новому порядку их собственным интересом».

Таким образом ассигнат являлся в одно и то же время политическим оружием и финансовым средством. В качестве политического оружия он выдержал испытание, ускорив распродажу церковных имуществ и сделав ее безвозвратной, позволив революции победить ее врагов внутренних и внешних. В качестве средства финансового он не избежал опасностей, предсказанных его противниками. Но самые эти опасности в большинстве случаев были порождены политикой, которая увеличила их, сделала их неустрашимыми.

Крупные купюры ассигнатов теряли при обмене на звонкую монету с момента своего появления. Их обменивали на экую лишь с премией в 6—7% вначале, а затем и в 10, 15 и 20%. Купюры в 50 ливров весною 1791 г. в свою очередь давали премию в сравнении с крупными купюрами, а затем, когда были выпущены ассигнаты в 5 ливров, корсеты, которые начали пускать в обращение в июле 1791 г., они котировались, в свою очередь, выше ассигнатов в 50 ливров. Национальное собрание долго не решалось создавать мелкие купюры, руководствуясь весьма серьезными соображениями. Рабочие получали свою заработную плату в экую и разменной монетой. До сих пор теряли при размене ассигнатов на мелочь их предприниматели. В случае же создания купюр в 5 ливров, приходилось опасаться, что экую исчезнут из обращения, и что рабочие, получающие свою заработную плату бумажными деньгами, будут терпеть тот ущерб, какой до сих пор терпели их хозяева. Ибо уже на каждый предмет, на всякий хлеб существовали две цены, цена звонкой монетой и цена в ассигнатах. Платить рабочим бумажными деньгами, значило уменьшать их заработную плату. Так, в самом деле, и было в действительности. Напрасно пытались устранить кризис тем, что чеканили громадное количество разменной монеты; используя на это колокола упраздненных церквей. Серебряные монеты исчезали, потому что было выгодно превращать их в слитки. Недостаток мелкой монеты вначале причинял

серьезные затруднения промышленникам, торговцам и рабочим. Во многих городах платежи звонкой монетой заменяли платежами натурой. Заработную плату выдавали хлебом или материей. В Безансоне в марте и апреле 1792 г. отсутствие мелкой монеты и обесценение бумажных денег привели к беспорядкам. Рабочие, занятые при постройке укреплений, объявили забастовку, требуя выдачи заработной платы звонкой монетой. Они угрожали булочникам разграблением их лавок. То же самое происходило во многих местах. Народ не признавал разницы между ценами в ассигнатах и звонкой монете. Он негодовал на торговцев и расправлялся с ними.

Крупные парижские торговцы Моннероны стали чеканить собственные су. Их примеру последовали другие. Эту разменную монету, выпускаемую частными лицами, называли медалями доверия. Банки, сначала в Бордо, в свою очередь, как кажется, возымели идею пустить в обращение от своего имени мелкие купюры, кредитные билеты, обменивавшиеся ими на ассигнаты. С начала 1791 г. такие выпуски кредитных билетов умножаются. К ним прибегали департаментские управления, муниципалитеты, парижские секции. В Париже циркулировало одновременно 63 вида билетов этого рода.

Выпускающие такие билеты банки выгадывали при этом двояким образом. Во-первых, они заставляли платить им комиссию, премию, за обмен ассигнатов на их билеты. Затем, вместо того, чтобы иммобилизовать ассигнаты, получаемые ими при обмене, они пользовались отсутствием контроля, употребляя их для спекуляций коммерческих и финансовых. Они спекулировали на сахаре, кофе, роме, хлопке, шерсти, хлебе. Существовала опасность, что в случае неудачи этих спекуляций такие кредитные билеты, потеряв свое покрытие, не смогут быть уже оплачены. Спекуляция приводила к исчезновению покрытия. Крупные закупки хлеба, производимые эмиссионными банками, которые стремились найти помещение своим ассигнатам, вели к повышению цен и вызывали понижение стоимости ассигнатов. Когда некоторые эмиссионные банки, как например Парижская Касса помощи, приостановили оплату своих билетов, этот крах, достигавший многих миллионов, и другие такого же рода вызвали панику в публике. Утрата доверия к кредитным билетам, которые пришлось в конце концов изъять из обращения, отразилась на ассигнатах. Не забудем, наконец, что ловкие подделыватели выбрасывали на

рынок громадные количества поддельных ассигнатов, и что Калонн заведовал специальной фабрикой фальшивых ассигнатов при армии эмигрантов.

Еще и другие причины вели к понижению курса ассигнатов и к его фатальному последствию — вздорожанию жизни. Ассигнаты подлежали сжиганию по мере возвращения их в кассы казначейства при уплате за приобретаемые национальные имущества или при взносе налогов. Элементарное благоразумие требовало ускорить это обратное поступление ассигнатов, чтобы скорее уменьшить массу находящихся в обращении бумажных денег. Но Учредительное собрание сделало ту ошибку, что предоставило приобретателям национальных имуществ весьма продолжительную отсрочку для полной уплаты. Они могли производить ее частичными взносами в течение 12 лет.

Другая ошибка состояла в приеме в уплату за национальные имущества наряду с ассигнатами также и платежных квитанций за упраздненные должности, за свидетельства на право получения феодальных десятин, вообще всех обязательств, какими государство ликвидировало свои обязательства (декреты 30 октября и 7 ноября 1790 года). Это значило бы создавать нового конкурента для ассигнатов а также рисковать увеличением обращения фиктивных ценностей.

Наконец, Национальное собрание хотело вести продажу национальных имуществ параллельно с уплатой долга. Благодаря этому оно вынуждено непрерывно увеличивать массу выпускаемых ассигнатов и вместе с тем усиливать их обеспечение. За первоначальным выпуском в 1.200 миллионов согласно декрету 25 сентября 1790 г., последовали один за другим выпуск 600 миллионов 18 мая 1791 г., в 300 миллионов 17 декабря 1791 г., в 300 миллионов 30 апреля 1792 г., всего за полтора года 2.500 миллионов. Правда, часть этих ассигнатов вернулась в казначейства и была сожжена (370 миллионов 12 марта 1792 г.). Тем не менее факт тот, что количество ассигнатов в обращении возрастало с тревожной регулярностью (980 миллионов 17 мая 1791 г., 1.700 миллионов — 30 апреля 1792 г.) И все это еще до объявления войны.

Уже 30 января 1792 г., если верить сообщению папского нунция, ассигнаты теряли в Париже 44% своей номинальной стоимости. Луидор золотом стоил 36 ливров ассигнатами. Если считать сомнительным свидетельство аристократа Саламона, то такими нельзя признать

показания официальных таблиц об обесценении бумажных денег. Они указывают нам, что к тому времени, за два месяца до объявления войны, 100 ливров ассигнатами стоили в Париже лишь 63 ливра 5 су. В департаменте Дуб в конце того же января 1792 г. обесценение достигало 21%, в департаменте Мерты — 28%, в Жиронде и в департаменте Устье Роны — 33%, в департаменте Северном — 29% и т. п. Отсюда следует, что если цены хлеба повысились всюду пропорционально обесценению бумажных денег, то вздорожание должно было достигать от одной трети до четверти прежнего уровня.

Если ассигнаты весной 1792 г. потеряли во Франции в среднем от 25 до 35% своей номинальной стоимости, то в Женеве, Гамбурге, Амстердаме, Лондоне они теряли от 50 до 60%. Обычно курс бывает неблагоприятен для страны в том случае, когда она производит и продает мало, а покупает много. Для уплаты за эти покупки она вынуждается приобретать иностранные ценности, за которые платит тем дороже, чем более нуждается в них. Франция 1792 года много продавала за границу, покупала же она за границей в больших количествах только хлеб. Понижение курса нельзя объяснить разницей между покупками и продажами. Это понижение имело другие причины. Отмирающий старый режим заключил, в особенности во время Американской войны, крупные займы в Голландии, Швейцарии и Германии. Когда в начале революции выплатили эти долги, пришлось вывезти значительные количества звонкой монеты, ассигнатов и других ценностей. Эти одновременные уплаты привели к притоку на иностранные рынки французских ценных бумаг, которые благодаря этому упали в цене. Покупки звонкой монеты, производимые военным министром для уплаты жалованья войскам, действовали в том же направлении.

Таковы чисто экономические причины падения стоимости ассигнатов и понижения курсов, имевших результатом повышение цен продовольствия внутри Франции. Но были и причины другого порядка, причины политические.

Бегство Людовика XVI в Варенн и угроза войны, появившаяся после этого, внушили многим людям как в самой Франции, так и за границей, сомнения относительно успешности революции. Если пришлось создать кредитные билеты для возмещения недостатка в мелких купюрах ассигнатов, то это объясняется тем, что старая монета, луи, экю, серебро и мелкие разменные деньги

исчезли из обращения. Эмигранты увезли с собою за границу некоторое количество звонкой монеты, но внутри страны оставалось еще большое количество ее. Если монета больше чем появлялась в обращении, то это потому, что обладавшие ею не питали доверия к деньгам революции и опасались или надеялись на монархическую реставрацию. Они заботливо хранили и тщательно прятали королевские деньги. Позднее королевские ассигнаты будут давать премию по сравнению с ассигнатами республиканскими. Франция была до самых низов разделена на различные лагеря. Это деление представляет собою одну из серьезных причин кризиса.

Некоторые историки в доказательство того, что масса французов питала несокрушимое доверие к новому режиму, ссылаются обыкновенно на несомненный успех распродажи национальных имуществ. Распродажа эта произошла быстро, и при этом находились покупатели, дававшие цены, часто превышавшие оценку. Этот успех великой революционной операции коренится в различных причинах, из которых одной из главных, как мне кажется, является как раз сильнейшее стремление многих покупателей найти помещение своим ассигнатам, возможно поскорее избавиться от них, обменяв эти бумаги на устойчивую собственность, на землю. Так как в уплату за национальные имущества ассигнаты принимались по своей номинальной стоимости, покупатель выгадывал всю разницу между номинальной стоимостью революционных бумажных денег и их стоимостью фактической. Вполне установлено, что церковные имущества приобретали известные аристократы, оппозиционные священники, дворяне вроде д'Эльбе и Бошампа, которые участвовали в вандейском восстании. В департаменте Виенны насчитывают среди покупателей 134 духовных лица и 55 дворян.

В общем, главную часть участков, пущенных в продажу, приобретала буржуазия городов. Крестьяне, благодаря отсутствию у них денег, получили из этой богатой добычи только весьма скромную долю, но среди них было много мелких покупателей и этого было достаточно, чтобы привязать их к революции.

Утверждали также, что ассигнаты оживили вначале нашу промышленность. Действительно, в течение нескольких месяцев наши фабрики испытали искусственное оживление. Обладатели ассигнатов торопились отделаться от них, не только покупая национальные имущества, но и выменивая их на промышленные изделия. Более

проницательные, предвидевшие войну, делали запасы товаров всякого рода. Их повторные закупки давали толчок производству, но неизбежно вели также к увеличению цен товаров и содействовали вздорожанию жизни.

Всегда и везде во время экономических кризисов революционеры обличали махинации аристократов. Они заявляли, что эти последние сталкивались между собою, чтобы дискредитировать революционные деньги, чтобы припрятывать хлеб и монету, чтобы препятствовать их обращению, что вело к искусственному голоду и все растущему вздорожанию жизни. Не подлежит сомнению, что все это практиковалось. Якобинский клуб в Тюлле донес 2 февраля 1792 г. на президента округа этого города, чьего Паржадиса, который советовал налогоплательщикам не платить налогов и предсказывал им скорое победоносное возвращение эмигрантов. 18 марта 1792 г. директория департамента Финистер доносила королю, что она не будет в состоянии собирать налоги, если он не решит подвергнуть заключению в Кимперле мятежных священников. Около того же времени пользующийся известностью человек, происходящий в ряде поколений от парламентских деятелей, Сегье выпустил в обращение агрессивную брошюру «Опрокинутая конституция», имевшую целью встревожить французов относительно их собственности. «Как можно полагаться на свою собственность», — писал он, — «среди такого резкого кризиса, при таком дьявольском ажиотаже, при невероятном выпуске ассигнатов и бумаг всякого рода, когда колонии объаты пламенем, а Франции грозит та же беда, когда на основании массы декретов движимая собственность подвергается конфискации, подчиняется угрожающим, продолжительным формальностям и т. д.» Сегье не побоялся грозить покупателям национальных имуществ указанием на то, что прежние кредиторы государства и духовенства имеют на их приобретения своего рода ипотеку, которую они в один прекрасный день предъявят к взысканию.

Борьба между двумя Франциями велась во всех областях. Всякий политический кризис усугублялся кризисом экономическим и социальным. Этого не следует забывать, если стремиться к справедливому суждению о людях и событиях этой эпохи.

Дороговизна жизни должна была вскоре повести к падению богатой буржуазии, державшей в своих руках власть при Учредительном собрании, тем более, что политические и экономические волнения осложнились все более обострявшейся религиозной смутой.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС

еорганизация государства необходимо вела за собою и реорганизацию церкви, ибо их области были тесно переплетены между собою в течение веков. Было невозможно отделить их друг от друга одним росчерком пера. Никто, если не считать, может быть, эксцентричного Анахарсиса Клоотса, не хотел такого отделения, которое осталось бы непонятым общественным мнением или даже истолковано как объявление войны религии, все еще ревностно исповедуемой народными массами. Но финансовая реформа, от успеха которой зависело спасение государства, потерпела бы неудачу, если бы остались сохраненными все церковные учреждения (а в ту пору школы, университеты, больницы были связаны с церковью), ибо они поглотили бы, как и прежде, доход от

продажи имущества. И потому для достижения неизбежной экономии надо было ликвидировать значительную часть существовавших до того учреждений, это вынуждало Учредительное собрание установить, какие учреждения подлежат сохранению и какие — ликвидации. Другими словами — вынуждало произвести реорганизацию французской церкви.

В интересах экономии столько же, сколько, и даже еще больше, — ввиду отрицательного отношения к монастырской жизни, монахам нищенствующих или созерцательных орденов был представлен свободный выход из монастыря, и многие из них поторопились воспользоваться этим разрешением. Таким образом, оказалось возможным ликвидировать большое число монастырей, но были пощажены благотворительные и просветительные конгрегации. Поскольку монастыри закрывались, стало бесполезным вербовать монахов, и потому было воспрещено впредь произносить вечные обеты.

В целях той же экономии, а также в заботах о лучшем управлении, число епархий было сокращено до 83, по одной на департамент. Такому же сокращению подверглись и приходы. Епископы, назначавшиеся раньше королем, теперь должны были выбираться, как и другие должностные лица, новым сувереном, каким стал весь народ. В самом деле, разве они не являются «служителями нравственности»? Разве нация не тождественна с собранием верующих? Католицизм, правда, не был объявлен государственной религией, но он остается единственным культом, содержимым на счет государства. Лишь он один устраивает свои процессии по улицам, обязательно украшенным всеми жителями. Немногочисленные иноверцы обречены довольствоваться частным, скрытым, лишь терпимым отправление своего культа. Приходские священники отныне будут избираться «выборщиками» своего прихода, подобно тому, как епископов будут избирать департаментские выборщики. Что за важность, если среди выборщиков окажется несколько протестантов? Разве прежде помещики-протестанты не назначали приходских священников в силу своего права патронажа? Тем более, что выборы будут, в сущности, сводиться лишь к «представлению кандидатов». Вновь избранные, намеченные обязательно из числа священников, будут еще подлежать утверждению и рукоположению со стороны своего духовного начальства. Епископов будут рукополагать их митрополиты, как это делалось в первое время христиан-

ской церкви. Им уже не придется отправляться в Рим покупать там свой паллиум. Национальное собрание отменило аннаты, т.е. уплату Риму вновь избранными епископами доходов за первый год с их епархий. Новые епископы отныне будут просто писать папе почтительное письмо с извещением о приобщении к его причастию. Таким образом, отныне французская церковь станет национальной церковью. Она освободится от деспотического управления. Исчезнут капитулы, привилегированные учреждения. Их заменят советы епископов, участвующие в управлении епархиями.

Отныне одним и тем же духом будут проникнуты церковь и государство, сблизившиеся друг с другом и слившиеся, проникнуты духом свободы и прогресса. В обязанности приходских священников войдет сообщение и объяснение верующим с церковной кафедры декретов Национального собрания.

Последнее было уверено в успехе. Давая духовенству гражданское устройство, оно не думало, что превысило свои права. Оно не затронуло собственно духовной области. Отказом от конкордата, отменой аннатив оно, несомненно, сильно задело интересы папы, но не представляло себе, что папа возьмет на себя ответственность вызвать раскол. В 1790 году папа не имел еще права самостоятельно устанавливать догматы и толковать их, тем более суверенно решать вопросы дисциплины и смешанные вопросы, о каких в данном случае шла речь. Непогрешимость папы была провозглашена только на Ватиканском соборе в 1871 году.

Епископы Франции в то время были в значительном большинстве своем галликанами, т.е. противниками римского абсолютизма. В большой речи, произнесенной от имени епископов 29 июня 1790 г. во время обсуждения декретов о духовенстве, Буажелен, епископ Э, признал за папой лишь первенство, а не юрисдикцию над церковью, и ограничился просьбой, чтобы Национальное собрание разрешило созыв национального собора, который мог бы принять необходимые канонические меры для проведения его реформы в жизнь. Когда же Учредительное собрание не разрешило созыв собора, который явился бы посягательством на его суверенные права, Буажелен и другие либеральные епископы обратились к папе, чтобы получить канонические средства, без которых они по чистой совести не считали возможным осуществить реформу епархиальных округов и епископских советов.

Они поручили Буажелену редактировать согласительные предложения, которые через посредство короля были переданы в Рим. Учредительное собрание было осведомлено об этих переговорах и одобрило их. Оно полагало, как и епископы — члены Национального собрания, как и сам король, который без всяких колебаний принял декреты, что папа не откажется дать им свое утверждение, «окрестить их», как выразился иезуит Баррюэль в своей «Церковной Газете». «Мы считаем себя вправе предполагать»,—говорил Баррюэль,—«что интересы мира, что соображения наиболее серьезные, обязательно побудят святого отца удовлетворить это пожелание». Отнюдь не обескураживая епископов — сторонников примирения, нунций успокаивал их: «Они умоляют Ваше Святейшество», — писал он в своей депеше 21 июня 1790 года,— «чтобы в качестве любящего Отца Вы пришли на помощь этой церкви и принесли все возможные жертвы для сохранения единства. Я счел себя обязанным заверить их в этом отношении, что Ваше Святейшество, осведомленное о плачевном положении, в котором оказались интересы религии в этой стране, сделает с своей стороны все возможное, чтобы сохранить его». Нунций добавлял, что епископы уже приняли меры, необходимые для изменения границ церковных округов согласно декрету и что упраздняемые при этом епископы сами уйдут со своего поста». «Большинство епископов поручило монсеньору д'Э озаботиться определением границ епархий. Духовенство выразило желание, чтобы король упросил Его Святейшество назначить шестнадцать апостолических комиссаров из среды французского духовенства, с соблюдением галликанских вольностей, которые, разделившись на четыре комиссии, занялись бы установлением границ новых епархий» (депеша 21 июня).

Имевший место незадолго до того прецедент позволял епископам и членам Учредительного собрания питать эту надежду. Когда императрица России Екатерина II аннексировала свою часть Польши, она собственной властью изменила границы католических епархий этой страны. Она создала в 1774 году епископскую кафедру в Могилеве и распространила её юрисдикцию на всех лиц римско-католического вероисповедания своей империи. Точно так же собственной властью она заместила эту кафедру епископом *in partibus* Малло, лицом подозрительным Риму, и воспретила польскому епископу Ливонии вмешиваться впредь в дела той части его прежней

епархии, которая была присоединена к России. Пий VI не посмел вступить в конфликт с государыней-схизматичкой, посягательства которой в духовной области не отличались по существу от посягательств, какие позволили себе члены французского Учредительного собрания. Уже по факту он дал свою санкцию произведенным гражданской властью реформам, причем прибег для этого к точно таким же мерам, к каким ему советовали обратиться французские епископы, чтобы «окрестить» гражданское устройство духовенства.

Но папу побудили к сопротивлению многочисленные соображения, причем решающую роль играли, может быть, отнюдь не соображения религиозного характера. С первых же дней, в закрытом заседании консистории, он осудил, как нечестивую, Декларацию прав человека, в выработке которой, однако, принял участие хранитель печати архиепископ Шампион де Сисэй. Суверенитет народа казался ему угрозой всем тронам. Его подданные в Авиньоне и графских владениях возмутились, прогнали его легата, приняли французскую конституцию и потребовали присоединения к Франции. В ответ на предложения о соглашении, переданные ему Людовиком XVI для проведения в жизнь гражданского устройства духовенства, он потребовал, чтобы французские войска помогли ему усмирить его возмутившихся подданных. Члены Учредительного собрания ограничились отсрочкой присоединения, которого требовали жители¹. Тогда папа решил формально осудить гражданское устройство. Но прошло много месяцев в затяжных переговорах. Следует добавить, что его побуждали к сопротивлению не только эмигранты, но и католические державы, в особенности Испания, сохранявшая раздражение против нас за то, что мы покинули ее во время ее столкновения с Англией. А затем не следует упускать из виду деятельность нашего посланника в Риме, кардинала Берни, ярого аристократа, который делал все возможное, чтобы оказались безрезультатными переговоры, порученные ему.

Заявив пале, что при отсутствии национального синода он один располагает необходимыми каноническими средствами, позволяющими провести в жизнь гражданское устройство духовенства, епископы Франции сами поставили себя в зависимость от усмотрения римской

¹ Присоединение Авиньона, оправдываемое международным правом, было постановлено лишь 14 сентября 1791 г.

курии. Когда Учредительное собрание, которому надлежало ждать, обязало их принести присягу, они уже не могли отступить. Они отвергли ее и этот отказ, спровоцированный усвоенной папой тактикой затягивания, придавал ему решимости, и он разрешился, наконец, осуждением, короткое поразило и оскорбило их.

До самой последней минуты архиепископ Э. Буажелен, говоривший от имени большинства епископов, надеялся, что папа не решится ввергнуть Францию в раскол и гражданскую войну. Накануне присяги, 25 декабря 1790 года, он писал Людовику XVI: «Римская курия должна была бы взять себе за правило делать все, что она должна делать, и откладывать только то, что менее настоятельно и менее трудно; когда дело идет об отсутствии канонических форм, папа может выполнить их, он может это и должен; таковы именно статьи, предложенные ему вашим величеством». Даже после своего отказа принести присягу епископы надеялись еще на соглашение и папские послания смущали их. Больше месяца они скрывали первое из этих посланий, послание 10 марта 1791 г., и дали на него папе кисло-сладкий ответ, защищая либерализм и предлагая ему для восстановления мира свою коллективную отставку.

Отставка была папой отвергнута и раскол стал неизбежен. Все епископы, за исключением семи, отказались принести присягу. Около половины низшего духовенства последовало их примеру. Если во многих местностях, как, напр., Верхняя Саона, Дуб, Вар, Индра, Верхние Пиренеи и т. д., число принесших присягу было весьма значительно, зато в других местах, а именно: в Фландрии, Артуа, Эльзасе, Морбигане, Вандее, оно было ничтожно. На очень обширной территории религиозная реформа могла быть проведена только силой. Франция была разрезана на две части.

Неожиданный результат застал членов Учредительного собрания врасплох и удивил самих аристократов. До сих пор низшее духовенство в своей массе поддерживало революцию, которая почти удвоила содержание приходских священников и их заместителей (с 700 до 1 200 ливров для первых). Но продажа церковных имуществ, закрытие монастырей после отмены десятины смутили уже не одного священника, преданного традиции. А затем сделали свое дело и сомнения ритуального свойства. Один из будущих конституционных епископов, Гобель высказал сомнение относительно права гражданской власти само-

стоятельно изменять границы епархий и касаться юрисдикции епископов. «Одна лишь церковь», — заявил он —, «может давать новому епископу в границах новой территории духовную юрисдикцию, необходимую для осуществления власти, получаемой им от бога». Что касается самого Гобеля, он закрыл глаза на это возражение и принес присягу, но много шепетильных священников остановилось перед ней.

Учредительное собрание хотело создать национальную церковь и заставить служителей этой церкви содействовать упрочению нового строя, а создало только церковь одной партии, церковь партии, находящейся у власти, ведущей ожесточенную борьбу с древней церковью, которая сделалась церковью партии, в данный момент побежденной. Религиозная борьба с первого же дня обостряется всей ожесточенностью политических страстей. Какая радость, счастье для аристократов. Монархическое чувство оказывалось до сих пор бессильно обеспечить им реванш и вот само небо пришло теперь им на помощь. Религиозное чувство явилось тем громадным рычагом, каким они воспользовались для того, чтобы вызвать контрреволюцию. Уже 11 января 1791 года Мирабо в своей записке № 43 советовал двору раздуть пламя и вести политику: «чем хуже, тем лучше», толкая членов Учредительного собрания на крайние меры.

Члены Учредительного собрания заметили ловушку и пытались избежать ее. Декрет 27 ноября 1790 г. о присяге воспрещал не принесшим присяги священникам выполнение каких-либо общественных обязанностей. Но крестить, венчать, хоронить, причащать, исповедовать, проповедовать — все это в ту пору признавалось общественным служением. И при буквальном толковании декрета упорствующие священники, т.е. в некоторых департаментах почти все священники, должны были сразу прекратить отправление своих обязанностей. Собрание испугалось стачки культа. Оно потребовало от упорствующих священников, чтобы они продолжали, впредь до замещения другими лицами, отправление своих обязанностей. Среди них оказались и такие, каких не заместили до 10 августа 1792 г. Оно назначило смещенным приходским священникам пенсию в 500 ливров. Первые конституционные епископы были вынуждены обращаться к содействию нотариусов и судей для того, чтобы заставить прежних епископов дать им каноническое рукоположение. Лишь один из числа последних, Талейран, согласился

посвятить их. Недостаток священников заставил сократить продолжительность стажа, установленного для кандидатов на церковные должности. И так как желающих из числа светских лиц было недостаточно, прибегали к бывшим монахам.

Тщетно революционеры отказывались вначале признать факт раскола. Им мало-помалу пришлось преклониться перед очевидностью. Разгорелась религиозная война. Благочестивые души возмущались, что им меняют их приходского священника, их епископа. Вновь избранные священники признаются самозванцами теми, кого они заменили. Они могут вступить в отправление своих обязанностей лишь с помощью национальной гвардии и клубов. Люди богобоязненные избегают их службы, они предпочитают звать «истинных священников», тайком крестить своих детей, которые таким образом оказываются лишенными гражданского состояния, так как лишь официальные священники располагают книгами для записи крещений, браков и погребений. «Истинные священники», признаваемые революционерами подозрительными, являются мучениками в глазах их сторонников. Семьи делятся на два лагеря. Женщины по общему правилу посещают обедню неприсягнувшего, а мужчины — обедню конституционного священника. Столкновения происходят даже в самом святилище. Конституционный священник не позволяет неприсягнувшему, желающему служить обедню в церкви, войти в ризницу, пользоваться облачением. Нового епископа Гобеля в Париже не признала ни одна женская община. Неприсягнувшие священники находят прибежище в часовнях монастырей и больниц. Патриоты требуют их закрытия. Перед пасхой благочестивых женщин, идущих к службе, секут, подняв юбки, на глазах смеющихся национальных гвардейцев. Эта забава повторяется в течение нескольких недель в Париже и в других городах.

Преследуемые неприсягнувшие священники ссылались на Декларацию прав человека, чтобы получить признание их культа. Епископ Лангрский Ла-Люзерн советовал им в марте 1791 г. формально требовать применения эдикта 1787 г., который разрешил протестантам регистрировать свое гражданское состояние перед местными судьями, — того самого эдикта, который в свое время осудило собрание духовенства. Как поучительно одно лишь это сопоставление. Преемники тех, кто столетием раньше отменил Нантский эдикт, кто уничтожил Пор-Рояль,

сжигал сочинения философов, теперь прибегают к защите тех самых идей, терпимости и свободы совести, против которых еще только вчера они разражались анафемами.

Следуя до конца логике, подсказываемой обстоятельствами, епископ Ла-Люзерн требовал придания светского характера актам гражданского состояния, чтобы избавить свою верную паству от неприятной монополии присягнувших священников. Патриоты отлично сознавали, что, отняв у конституционных священников ведение записей актов гражданского состояния, они нанесут официальной церкви очень тяжелый удар, который рикошетом заденет и самую революцию. Они сначала отказывались идти так далеко. Они против очевидности утверждали, что диссиденты не составляют особой церкви. Но усиливающиеся беспорядки принудили их к уступкам, вырванным у них Лафайетом и его партией.

Лафайет, весьма благочестивая жена которого покровительствовала упорствующим священникам и отказывалась принять Гобеля, был вынужден проявить терпимость у себя дома. Его клубные друзья 1789 г. рассчитывали положить конец религиозной войне, предложив предоставить сопротивляющимся право иметь особые помещения для своих служб. Директория парижского департамента, председателем которой состоял герцог Ларошфуко и членами которой были аббат Сиэйс и епископ Талейран, организовали указом 11 апреля 1791 г. отправление раскольничьего культа в условиях культа лишь терпимого. Члены римско-католической церкви могли приобретать закрытые церкви и совершенно свободно собираться в них. Они сейчас же воспользовались этим разрешением и сняли церковь Театинов, но устроились они в ней не без затруднений. Несколько недель спустя, после оживленных прений, Учредительное собрание декретом 7 мая 1791 г. распространило на всю Францию терпимость, предоставленную парижским раскольникам.

Но было легче провозгласить терпимость в законе, чем утвердить ее в правах. Конституционные священники возмутились. Они подверглись молниям со стороны Ватикана, они связали свою судьбу с делом революции, они пошли против всех предрассудков, навстречу всем опасностям и вот в награду за это при первых же затруднениях угрожают предоставить их собственным силам. Как смогут они бороться против своих конкурентов в той половине Франции, которая уже отвернулась от них, если общественная власть объявляет себя теперь ней-

тральной после того, как скомпрометировала их? Если за римским священником, признается право свободно открывать соперничающую церковь, то что станет делать конституционный священник в опустевшей официальной церкви? Надолго ли сохранит она свой привилегированный характер, если в половине департаментов эта привилегированность не будет уже оправдываться оказываемыми услугами? Культ, всеми покинутый, является культом бесполезным. Присягнувшее духовенство опасалось, что политика свободы явится для него смертным приговором. Оно боролось против нее с свирепым бешенством во имя принципов традиционного католицизма. Оно все более отдалялось от Лафайета и его партии, чтобы спланиваться вокруг якобинских клубов, ставших его крепостями.

Под предлогом, весьма часто имеющим под собой основание, что отправление раскольничьего культа вызывает беспорядки, власти, сочувствующие конституционному духовенству, отказывались применять декрет 7 мая о свободе культов. 22 апреля 1791 г. Финистерский департамент по требованию конституционного епископа Экспильи принял постановление, приказывающее раскольническим священникам удалиться на 4 лье от их бывших приходов. В Дубском департаменте директория, председателем которой был епископ Сегэн, постановила, что в тех случаях, когда присутствие неприсягнувших священников будет вести к беспорядкам или несогласиям, муниципальные власти могут изгонять их из пределов коммуны. Постановления подобного рода были весьма многочисленны. Все они утверждают в своей мотивировочной части, что гражданское устройство духовенства и самая конституция не смогут удержаться, если раскольники не будут поставлены вне закона.

Представляется несомненным, что во многих случаях отказавшиеся от присяги священники сами давали материал для обвинений своих противников. Папа немало сделал для того, чтобы толкнуть их на путь мятежа. Он воспретил им заявлять «самозванцам» о совершенных ими крещениях и браках. Он воспретил им служить в одних и тех же церквях с присягнувшими, хотя вначале это почти повсюду практиковалось с одобрения большинства прежних епископов. Аббат Мори жаловался по поводу декрета 7 мая, который дозволял неприсягнувшим священникам лишь отправление частного культа; он требовал полного уравнивания в правах с присягнувшими. Люсонский епископ

Мерси объявлял ловушкой предоставление раскольникам права служить обедню в национальных церквях. Вполне установлен тот факт, что в приходах, где преобладали раскольники, их соперники не были в безопасности. Сколько конституционных священников подвергалось насилиям, оскорблениям, избиениям, а то и предавалось смерти. Все сообщения сходятся в обвинении неприсягнувших священников в использовании исповеди в интересах контрреволюции. «Исповедальни являются школами, где обучают и толкают к возмущению», — пишет Морбиганская директория 9 июня 1791 года министру внутренних дел. Ревбелль, депутат Эльзаса, воскликнул в заседании 17 июля 1791 г., что нет ни одного неприсягнувшего священника в департаментах Верхнего и Нижнего Рейна, не избличенного в мятежных действиях.

Религиозная борьба не только повела к удвоению сил аристократической партии, но и вызвала образование антиклерикальной партии, до того не существовавшей. Для того, чтобы поддержать конституционных священников, а также восстановить население против внушений раскольников, якобинцы яро нападали на римский католицизм. Стрелы, направляемые ими против «суеверия», против «фанатизма, в конце-концов поражают самую религию. «Нас упрекали», — писал философский «Сельский Листок», посвятивший себя этому апостольству, — «за то, что мы сами проявили некоторую нетерпимость по отношению к папизму. Нас упрекали в том, что мы не всегда щадили бессмертное древо веры. Но всмотритесь вплотную в это неприкосновенное дерево и вы увидите, что фанатизм в такой степени переплетен со всеми его ветвями, что невозможно задеть одну из них, чтобы не показаться задевающим другую». Антиклерикальные писатели набираются все более и более смелости и отказываются соблюдать по отношению к католицизму или даже к христианству лицемерную осторожность. Они вскоре начинают нападать на гражданское устройство духовенства и предлагают последовать примеру американцев, у которых хватило здравого смысла упразднить бюджет культов и произвести отделение церкви от государства.

В 1791 г. часть якобинцев и сторонников Лафайета, вообще будущие жирондисты, Кондорсэ, Рабо де Сент-Этьенн, Мануэль, Лантена придумают завершить, а затем и заменить гражданское устройство духовенства целой системой национальных праздников и гражданских цере-

моний, по образцу праздника федераций, и сделать из них общую школу гражданственности. И вот стали сменять одно торжество другим в память крупных революционных событий, 20 июня, 4 августа, 14 июля, торжества в честь мучеников свободы, в память Дезилля, убитого при столкновении в Нанси, по поводу перенесения праха Вольтера в Париже, в честь швейцарцев Шатовье, освобожденных из Брестской каторги, в память мэра Этампа Симонно, убитого во время беспорядков по поводу недостатка съестных продуктов и т. п. Так постепенно складывается своего рода национальная религия, религия отечества, еще не отделившаяся от религии официальной, у которой она заимствует свои церемонии; но в дальнейшем свободные умы постараются отделить ее от церкви и дать ей самостоятельную жизнь. Они еще не думают, что народ может обойтись без всякого культа, но говорят, что революция сама по себе является религией, которую возможно возвысить, дав ей ритуал, ставящий ее выше старинных мистических культов. Желая отделить новое государство от существующих традиционных церквей, они отнюдь не думают оставлять это государство безоружным перед лицом их. Они хотят, напротив, наделить его всем престижем, всей эстетической и морализующей торжественностью, всей притягательной силой, какими воздействуют на души религиозные церемонии. Так незаметно прокладывает себе дорогу патриотический культ, который найдет себе окончательное выражение при терроре и который, подобно отделению церкви от государства, явился результатом все более и более неизбежной неудачи религиозной реформы Учредительного Собрания.

БЕГСТВО КОРОЛЯ

Людовик XVI ни на один момент искренне не отказался от наследия своих предков. Если после октябрьских дней он согласился следовать советам Лафайета, то только потому, что последний обещал сохранить ему и укрепить оставшуюся у него власть. Но вот в октябре 1790 года конституция начинает входить в силу, организуются департаментские и окружные собрания и трибуналы, закрываются монастыри и капитулы, предстоит продажа национальных имуществ. Людовик XVI понимает, что нечто окончательное пускает корни. В то же время он констатирует, что влияние Лафайета с каждым днем ослабевает. 48 секций, заменившие в столице в июне 1790 г. 60 прежних округов, представляют собою столько же шумных мелких муниципалитетов

в недрах крупного. Они очень скоро занимают позицию, враждебную Ратуше. В сентябре и октябре 1790 г. они вотируют порицание министрам, которых обвиняют в неспособности и в потворстве аристократам. Их оратор адвокат Дантон, вне сомнения вдохновляемый Ламетом, является от их имени в Национальное Собрание требовать отставки министров. Последнее отвергает их вотум порицания, но столь незначительным большинством, что задеты министры подают в отставку. Сохраняет свой пост один лишь Монморэн, пощажённый Дантоном. Король с возмущением подчиняется насилию, которому его подвергают. С неудовольствием и против воли он принимает из рук Лафайета навязанных ему новых министров: военного — Дюпортайля, юстиции — Дюпор-Дютертра, внутренних дел — Делессара и др. Он чувствует, что нарушена конституция, которая даёт ему право свободно избирать своих министров. Он не прощает Лафайету его двусмысленного поведения во время кризиса. Он определенно переходит на сторону контр-революции.

20 октября, в тот самый день, когда закончились прения по поводу министров в собрании, он принял одного из эмигрантов первых же дней — Памьерского епископа Агу, специально вернувшегося из Швейцарии, чтобы побудить его к действиям, и дал Агу и барону Бретейло неограниченные полномочия вести от его имени переговоры с иностранными дворами в целях вмешательства их для восстановления его законной власти.

План его прост. Он усыпит бдительность революционеров кажущимся подчинением их желаниям, но на самом деле он ничего не станет делать для облегчения применения конституции. Напротив! Когда епископы-аристократы поднимут энергичный протест против декретов о духовенстве, у него не найдется ни одного слова, ни одного жеста, чтобы дезавуировать их и призвать к исполнению долга. Он сам проявит свое враждебное отношение к декретам, принятым им, составив свой причт исключительно из неприсягнувших священников. Он уже постарался устроить так, чтобы принятие им декрета о присяге, произведенное им с замедлением 26 декабря 1790 г., казалось действием, совершенным по принуждению. Он выжидал, чтобы Национальное собрание не один раз напоминало ему об утверждении этого декрета и чтобы его министр Сен-При подал в отставку и, давая, наконец, свою подпись, он воскликнул в кругу своих приближенных:

«Я предпочел бы быть королем Меца, чем оставаться королем Франции в таком положении, но этому скоро будет конец».

Однако он не поощряет частичные восстания, которые он считает преждевременными и обреченными на неизбежную неудачу, и порицает графа Артуа и эмигрантов, которые продолжают возбуждать их вопреки его указаниям (Лионский заговор в декабре 1790 г.). Он возлагает надежду лишь на коллективное вмешательство монархов, поддержанное военными демонстрациями, и все усилия его тайного уполномоченного Бретейля направлены в эту сторону. Его порадовало сближение между Пруссией и Австрией, состоявшееся при посредничестве Англии в конце июня 1790 г. в Рейхенбахе. Это сближение позволит императору, его шурина, вновь завоевать Бельгию, которая восстала против его реформ в конце 1788 г. Австрийские войска, действительно, вступают 22 ноября в Нидерланды, и 2 декабря вся страна оказывается умиротворенной. Когда настанет нужный момент, Людовик XVI тайно убежит в Монмеди, чтобы присоединиться к войскам Буйлье. Совсем близкая от него австрийская армия поддержит его.

У императора имеется вполне готовый предлог для того, чтобы двинуть вперед свои войска. Права немецких князей, обладающих феодальными владениями в Эльзасе и Лотарингии, нарушены постановлениями 4 августа, которые отменили их судебную власть и личные повинности, лежавшие на их крестьянах. Учредительное собрание предложило им возмещение. Важно, чтобы они отказались от него и таким образом вызвали открытое столкновение. Людовик XVI посылает в Германию генерального интенданта Ожара, чтобы тайно побудить их обратиться с жалобой к Имперскому сейму. Как только завоевание Нидерландов закончено, император берет дело в свои руки. 14 декабря 1790 г. он отправляет Монморэну официальную ноту, в которой, ссылаясь на Вестфальский договор, протестует против применения постановлений 4 августа к германским владетельным князьям в Эльзасе и Лотарингии.

Поддержка императора была той решающей поддержкой, на которую рассчитывала королевская чета, чтобы иметь успех. Но Бретейль пытался побудить вступить в священную монархическую лигу, кроме папы, также Испанию, Россию, Швецию, Сардинию, Данию и Швейцарские кантоны. На содействие Пруссии и Англии

не рассчитывали, но старались по крайней мере нейтрализовать их. Буйлье советовал уступить Англии какой-нибудь остров, и Шампсеннэ, действительно, был послан в Лондон в начале 1791 г., чтобы предложить территориальные компенсации в Индии или на Антильских островах. Испания ликвидировала свое колониальное столкновение с Англией и оказывала давление на папу, чтобы он развязал во Франции религиозную войну. Шведский король Густав III, палладин божественного права, заключил мир с Россией и поселился в Спа, откуда подбодрял Людовика XVI. Папа в резких нотах протестовал против захвата его территории — Авиньона и графства. Но все зависело от императора, а осторожный Леопольд, которого более занимали дела Турции, Польши и Бельгии, чем дела Франции, проявлял скептическое отношение к проекту бегства своего шурина; придумывал возражения и отговорки, прятался за необходимость установить предварительно соглашение держав и обещал свое содействие лишь условно и в определенных пределах. Восемь месяцев было потеряно в бесплодных переговорах с Веной. Секрет получает огласку. В декабре 1790 г. демократические газеты «Друг Народа» Марата и «Революции Парижа» Прюдона говорят о близком побеге короля, а Дюбуа-Крансэ разоблачает этот проект в клубе якобинцев 30 января 1791 г.

Уже в крайней левой печати, в «Национальном Меркурии» Робера, в «Горниле» Рютледжа, в «Жерле» Бонневилля, в «Революциях Парижа» намечается республиканская кампания. Во Французском театре в ноябре 1790 г. ставится «Брут» Вольтера и пьесу приветствуют «с восторгом». Лавикомтери выпускает свой республиканский памфлет «О народе и королях». Аббат Фоше заканчивает одну из своих речей в феврале 1791 г. перед «Друзьями истины» следующими словами, произведшими сильное впечатление: «Тираны созрели».

Демократическая партия наглядно показывает свои успехи. В октябре 1790 г. франкмасон Николя де Бонневилль, редактор «Жерла», собирает в цирке Пале-Рояля раз в неделю «друзей истины», перед которыми аббат Фоше комментирует «Социальный договор». Друзья истины космополиты. Они мечтают об уничтожении вражды между нациями и классами. Их социальные идеи представляются очень смелыми даже самим якобинцам.

Наряду с крупными клубами появляются клубы отдельных кварталов. Летом 1790 г. инженер Дюфурни,

врач Сэнтэ, типографшик Моморо учреждают в бывшем квартале Кордельеров, ставшем теперь секцией Французского театра, общество «друзей прав человека и гражданина», которое называют также сокращенно клуб Кордельеров, потому что он заседает сначала в монастыре Кордельеров, откуда его выгоняет Байи и откуда он перекочевывает в залу Музея на улице Дофина. «Друзья прав человека и гражданина» представляют собою не политическую академию, а объединение боевого характера. «Их главная цель,— говорится в их уставе,— изобличать перед трибуналом общественного мнения злоупотребления различных органов власти и всякого рода посягательства на права человека». Они выступают в роли защитников угнетенных, искоренителей злоупотреблений. Их задача состоит в надзоре, контроле и действии. На своих официальных бумагах они изображают «бдительное око», широко раскрытое на все проступки избранников и должностных лиц. Они посещают в тюрьмах преследуемых патриотов, предпринимают анкеты, открывают подписки, выступают инициаторами петиций, манифестаций, при нужде и мятежей. Установив ничтожный членский взнос, всего 2 соля в месяц, они рекрутируют своих членов в среде мелкой буржуазии и даже среди пассивных граждан. Это и составляет их силу. Они могут при случае соприкасаться с массаами и приводить их в движение.

Кордельеры вскоре имеют за своей спиной другие квартальные клубы, которые множатся в течение зимы 1790 и 1791 года, под названием братских или народных обществ. Первое из них, основанное бедным учителем частного пансиона Клодом Дансаром, свои заседания устраивало в одной из зал Якобинского монастыря, где заседают уже «Друзья конституции». Дансар собирал при свете свечи, которую он приносил в кармане, ремесленников, торговцев овощами, рабочих квартала и читал им декреты Учредительного собрания, объясняя им их. Всегда проникательный Марат понял, какие услуги могут оказать демократам эти клубы для простонародья. Он всеми силами побуждал создавать их. И вскоре они появляются во всех кварталах Парижа. В них происходит политическое воспитание масс, с их помощью рекрутируются и соединяются в армии многочисленные народные батальоны. Их основатели, Талльен, Мегэ Латуш, Лебуа, Сержан, Конседье, аббат Данжу, все были кордельерами. При терроре им предстоит играть важную роль. В данный

момент они всеми силами поддерживают демократическую кампанию против Лафайета, против мятежных священников и против двора. Их идеал, заимствованный у Жан-Жака Руссо, — это прямое правительство. Они хотят, чтобы конституция и даже законы представлялись на утверждение народа, и они с самого начала выражают недоверие олигархии политиков, приходящих на смену олигархии дворянства и духовенства. Они упрекают Учредительное собрание за то, что оно не представило на утверждение народа новую конституцию и нагромодило препятствия для пересмотра ее.

В мае 1791 г. кордельеры и братские общества сближаются и вступают в организационную связь. Соединительным звеном служит для них центральный комитет, председателем которого состоит журналист республиканец Робер. Экономический кризис, вызванный понижением курса ассигнаций, начинает уже давать себя чувствовать. Робер и его друзья понимают выгоду, какую смогут извлечь из этого кризиса, и стараются привлечь к себе сердца рабочих Парижа, которые приходят в движение, чтобы добиться повышения своей заработной платы. Вспыхивают многочисленные стачки, стачки столяров, типографских рабочих, шляпочников, кузнецов и т. д. Байи хочет воспретить цеховые собрания. Учредительное собрание принимает 14 июня 1791 г. закон Шапелье, строго воспрещающий, как преступление, всякое соглашение в целях принуждения предпринимателей платить одинаковую заработную плату. Робер протестует в «Национальном Меркурии» против злой воли общественной власти по отношению к рабочим. Он искусно соединяет требования демократические с требованиями профессиональными и возобновляет, поддерживаемый Робеспьером, кампанию против избирательного ценза. Агитация распространяется на провинциальные города. Она явно принимает характер классово-борьбы. Газеты Лафайетовского толка единодушно обличают демократов, как анархистов, посягающих на собственность.

Если бы Людовик XVI и Мария-Антуанетта внимательно отнеслись к этим симптомам, они поняли бы, что все возрастающая сила демократического движения все более уменьшает шансы контрреволюции, даже опирающейся на иностранные штыки. Но они закрывали глаза или давали себя усыпить Мирабо, который внушал им, что разногласия среди революционеров работают в их пользу. Действительно, все более глубоким становился

антагонизм между сторонниками Лафайета и ламетистами. Первые больше не заглядывали в якобинский клуб. Вторые с каждым днем утрачивали свое влияние в клубе, где перед их глазами поднималась уже фигура Робеспьера, который упрекал их за измену в вопросе о праве голоса цветных граждан. Барнав утратил популярность с того момента, как в угоду Ламетам, крупным земельным собственникам в Сан-Доминго, явился выразителем интересов белых колонистов против свободных негров. Мирабо изо всех сил раздувал эту внутреннюю борьбу. Он получил из сумм гражданского листа крупное пожалование для организации вместе с Талоном и Семонвиллем агентства для издательства и подкупов, которое распространяло брошюры и роялистские газеты и покупало членов клубов, идущих на это. Двор располагал агентами в самом клубе якобинцев (Виллар, Боннекаррер, Дефье и др.), в самом клубе кордельеров (Дантон). Это придавало ему ничем не оправдываемую уверенность. Он совершил ряд неосторожностей, из которых одной из самых серьезных был отъезд теток короля, дочерей Людовика XV, которые покинули Францию, чтобы отправиться в Рим, в феврале 1791 г. Этот отъезд вызвал оживленную агитацию во всей Франции. «Общественное благо», — писал Горзас в своем «Курьере», — «воспрещает теткам короля уезжать самим и увозить свои миллионы к папе или в какое-либо иное место. Мы как зеницу ока должны оберегать их особы, ибо они гарантируют нас против враждебных намерений их племянника г. Артуа и их двоюродного брата Бурбона-Конде». «Мы ведем войну с врагами революции», — добавлял Марат. — «надо держать этих ханжей в качестве заложниц и подвергнуть тройной охране остальную семью». Эта идея, что королевская семья представляет собою заложников, которые оградят их от мести эмигрантов и королей, глубоко укоренилась в умах революционеров. Тетки короля были дважды задержаны по пути, в Морэ и Арней-ле-Дюк. Потребовалось специальное распоряжение Национального собрания, чтобы они могли продолжать свой путь. В Париже вспыхнули беспорядки. Рыночные торговки отправились к брату короля, требуя у него честного слова оставаться в Париже. Тюильрийский дворец подвергся 24 февраля осаде и Лафайет с трудом освободил его.

Мирабо хотел, чтобы король бежал в сторону Нормандии, а не в Лотарингию. 28 февраля рабочие Сен-Антуанского предместья отправились разрушать Вен-

сеннскую тюрьму. В то время, как Лафайет и национальная гвардия отправилась в Венсенн, чтобы прекратить беспорядки, 400 дворян, вооруженных кинжалами, собрались в Тюильри, но предупрежденный вовремя Лафайет успел вернуться во дворец, чтобы обезоружить «рыцарей кинжала». Подозревали, что Венсеннские беспорядки были вызваны двором и что «рыцари кинжала» собрались для того, чтобы прикрывать бегство короля, пока национальная гвардия будет занята вне стен Парижа.

Национальное собрание, как ни враждебно относилось оно к мятежникам, т. е. левой оппозиции, не переставало тревожиться по поводу интриг аристократов. Ламетисты и сторонники Лафайета в согласии с Робеспьером и крайней левой отвергали тогда всякое вмешательство королей в наши внутренние дела. После Рейхенбахского конгресса они не спускали глаз с границ. Уже в конце июля 1790 г., когда австрийское правительство обратилось за разрешением провести через нашу территорию часть войск, предназначенных им для подавления мятежа бельгийцев, они провели в Национальном собрании 28 июля декрет, отказывающий в таком разрешении, и в тот же день другой декрет приглашал короля заняться изготовлением пушек, ружей и штыков. Когда начали распространяться слухи о предстоящем вскоре бегстве короля, Национальное собрание постановило 28 января 1791 г. усилить пограничные гарнизоны. На другой день после отъезда теток короля, 21 февраля, оно начало обсуждение закона против эмиграции, вызвав сильное возмущение Мирабо, который ссылался против проекта на Декларацию прав человека. 7 марта следственный комитет собрания ознакомился с компрометирующим письмом, написанным королевой австрийскому посланнику Мерси-Аржанто. Оно сейчас же занялось обсуждением закона о регентстве. Александр Ламет воскликнул в связи с этим, что нация имеет право «отвергнуть короля, который покинет пост, предоставленный ему конституцией», и он добавил, прерываемый депутатами правой: «Комиссия правильно отождествляет возможное дезертирство короля с отказом его от престола». Принятый декрет не допускал женщин к регентству. Удар этот был направлен непосредственно на Марию-Антуанетту. Когда в конце марта австрийские войска заняли Поррентрию, эльзасский депутат Ревбелль, поддержанный Робеспьером, энергично выступил против этой угрозы и резко разоблачал скопления эмигрантов у наших границ.

Мирабо внезапно скончался в результате ночной оргии 2 апреля 1791 г. Осведомленные демократы знали, что он уже давно состоял на содержании у двора. Клуб кордельеров гремел проклятиями по его адресу, но популярность коварного трибуна была еще так велика в народных массах, что Национальное собрание не могло отказаться постановить об устройстве ему национальных похорон в церкви св. Женевьевы, преобразованной в Пантеон.

Двор недолго оставался без советников. Ламеты и Талейран предложили себя на роль Мирабо и их услуги были приняты. Александр Ламет стал распределителем фондов цивильного листа. Его брат Шарль и Адриен Дюпор немедленно основали на деньги двора большую газету, «Логограф», долженствующую заменить лафайетовскую газету «Монитор». Талейран обещал заставить признать свободу культа раскольников, и мы уже видели, что он сдержал свое слово. Но Людовик XVI, пользуясь услугами этих людей, презирал их. Он не доверил им своей тайны.

Он терял терпение ввиду проволочек Леопольда, у которого он тщетно просил аванса в 15 миллионов. Он решил ускорить события. 17 апреля он причащался у кардинала Монморанси к великому негодованию присутствовавших при этом национальных гвардейцев, громко протестовавших и роптавших в часовне. На другой день, 18 апреля, он должен был отправиться в Сен-Клу, чтобы провести там праздник пасхи, как сделал это в предыдущем году. Но распространился слух, что поездка в Сен-Клу является лишь началом более далекого путешествия. Перед Тюильри собралась толпа, и когда король хотел выехать, национальные гвардейцы вместо того, чтобы пропустить экипажи, помешали их отъезду. Лафайет подозревал, что все это было подстроено заранее, чтобы дать королю возможность показать императору и королям Европы, что его держат пленником в его дворце. Волнения были организованы с этой целью Дантоном. Вернувшись во дворец, королева сказала окружающим: «По крайней мере, вы согласитесь, что мы не свободны».

С тех пор Людовик XVI не колебался обманывать революционеров. Он отправился на другой день в Национальное собрание, чтобы заявить, что он пользуется полной свободой и что он по доброй воле отказался от поездки в Сен-Клу. «Я принял», — заявил он, — «конституцию, составной частью которой является гражданское

устройство духовенства. Всеми силами я буду его поддерживать». Он отправился слушать обедню конституционно-го священника Сен-Жермен Оксерруа. Он заявил в специальной дипломатической ноте европейским государям, что безвозвратно и безоговорочно присоединился к революции. Но в то же самое время он через Бретейля велел предупредить государей, чтобы они не придавали никакого значения его публичным заявлениям. Мария-Антуанетта просила своего брата императора двинуть 15 000 солдат в Арлон и Виртон, чтобы поддержать Буйлье. Император ответил 18 мая графу Дюрфору, который был отправлен к нему в Мантую, что он пошлет войска, но что сможет вмешаться только после того как король и королева выедут из Парижа и особым манифестом откажутся от конституции. Он отказал в 15 миллионах.

Людовик XVI добыл себе денег, заняв их у банкиров. Он отправился 20 июня, в полночь, переодетый лакеем, в большой дорожной карете, изготовленной специально для этого. Граф Прованский отправился в то же время, но другой дорогой. Он достиг Бельгии без затруднений. Но Людовик XVI, узнанный в Сент-Менегу заведующим почтовой станцией Друэ, был задержан в Варенне. Армия Буйлье подошла слишком поздно, чтобы освободить его. Гусары, расположенные в Варенне, перешли на сторону народа. Королевское семейство вернулось в Париж мимо шпалер национальных гвардейцев, стекшихся из самых отдаленных деревень, чтобы помешать этим драгоценным заложникам попасть в руки неприятеля. Манифест, выпущенный Людовиком XVI при отъезде, осуждающий работу Учредительного собрания и призывающий на помощь своих верноподданных, привел лишь к тому, что поднял на ноги всю революционную Францию. Аристократы и сопротивляющиеся священники были подвергнуты надзору, обезоружены, интернировались. Более пылкие эмигрировали и эта новая эмиграция только ослабила силы, на какие королевская власть могла рассчитывать внутри страны. В некоторых полках дезертировали все офицеры.

Вся Франция думала, что бегство короля являлось прелюдией войны на границах. Первым шагом Национального собрания на другой день, 21 июня утром, было распоряжение о закрытии границ, о воспрещении вывоза звонкой монеты, оружия и снаряжения. Оно мобилизовало национальную гвардию Северо-Востока и постановило набор 100 000 волонтеров из рядов национальных гвардей-

цев с оплатой их по 15 солей в день. Оно отправило многих своих членов, снабженных почти не ограниченными полномочиями, в департаменты для принятия присяги от регулярных войск, осмотра крепостей, arsenалов и военных запасных магазинов. Даже не ожидая прибытия этих комассаров города восточной Франции приняли меры обороны.

Опасения войны отнюдь не были химеричны. Уже были прерваны дипломатические сношения с папой. Король шведский приказал всем шведским подданным покинуть пределы Франции. Императрица России Екатерина II подвергла карантину нашего поверенного в делах Женэ. Испания тысячами изгоняла наших соотечественников. Она распорядилась о передвижении войск в Каталонии и Наварре. Что касается императора, то он обратился 6 июля ко всем своим подданным из Падуи с циркуляром, приглашающим их присоединиться к нему, чтобы «совместно и согласованно требовать свободы и чести христианнейшего короля и его семейства и поставить пределы опасным крайностям французской революции». Вернувшись в Вену, он велел передать нашему посланнику маркизу де Ноайлю, чтобы он не появлялся при дворе, пока будет длиться временное отрешение Людовика XVI. Его канцлер, старый Кауниц, подписал 25 июля предварительный союзный договор с Пруссией, оборонительный и наступательный, проектировал создать в Спа или Ахене европейский конгресс специально для рассмотрения французских дел.

Война, однако, была предотвращена в значительной мере потому, что Людовик XVI сам просил своего шурина отсрочить ее и потому, что руководители Учредительного собрания, опасаясь демократии, не осмелились низложить короля-клятвопреступника и беглеца и предпочли в конце концов вернуть ему корону.

Возвращение из Варенна, зрелище вооруженных и возбужденных толп, внушительное безмолвие населения Парижа, которое оставалось с покрытой головой при проезде королевской кареты, чтение демократических газет, наполненных оскорблениями и выражениями ненависти, все это заставило королевскую чету предаться серьезным размышлениям. Она поняла все размеры своей непопулярности. Она сказала себе, что война лишь усилит возбуждение и будет угрожать ее личной безопасности. Она испугалась.

Старший брат короля уже думал о провозглашении

себя регентом на время пленения своего брата. Людовик XVI, который не особенно доверял своим братьям, не желал отказываться от своих прав в их пользу. Он удерживал императора. «Король полагает,— писала Мария-Антуанетта 8 июля Ферзену,— что открытая сила, даже после первой декларации, будет иметь неисчислимые опасные последствия не только для него самого и его семьи, но и для всех французов, которые внутри королевства не солидарны с духом революции».

Вышло так, что и руководители Учредительного собрания хотели сохранить мир, движимые к тому многочисленными и серьезными соображениями. Они были напуганы взрывом демократических и республиканских чувств, происшедшим в Париже и во всей Франции при известии о бегстве короля. В Париже пивовар Сантерр вооружил 2000 санкюлотов, пассивных граждан Сен-Антуанского предместья. Почти повсеместно разрушали статуи короля. На всех вывесках и даже на дощечках с названиями улиц вымарали слово королевский. Многочисленные и резкие петиции из Монпелье, Клермон-Феррана, Байе, Лонле-Сонье и др. мест требовали наказания короля-клятвoprеступника, его немедленного смещения и даже республики. Консерваторы Национального собрания объединились, чтобы остановить демократическое движение. Уже 21 июня Байи употребил выражение «похищение», говоря о бегстве короля. Национальное собрание похвалило это выражение, желая таким образом устранить личную ответственность Людовика XVI, чтобы оставить его пока на троне. Маркиз де Буйлье, укpывшийся в Люксембурге, косвенно облегчил этот маневр своим высокомерным манифестом, в котором заявлял, что он один ответствен за происшедшее. Деятели Учредительного собрания ухватились за это заявление.

Среди патриотов-консерваторов только небольшая группа друзей Лафайета, Ларошфуко, Дюпон де Немур, Кондорсе, Ахилл Дюшателэ, Бриссо, страсбургский мэр Дитрих, все члены клуба 1789 г. склонялась один момент к установлению республики, несомненно с задней мыслью поставить во главе ее «героя двух частей света». Но Лафайет не решался высказаться. Ему была необходима поддержка Ламетов для того, чтобы отразить нападки демократов, обвинявших его устами Дантона в пособничестве бегству короля. Он присоединился к мнению большинства.

Когда члены Учредительного собрания узнали, что

король задержан, они облегченно вздохнули. Они сказали себе, что можно будет избежать войны. Охраной им будет служить особа Людовика XVI, их заложника. Этот расчет излагается в официальной газете «Национальная Корреспонденция» от 25 июня. «Мы должны избегать давать иностранным державам, врагам нашей конституции, предлоги для нападения на нас. Если мы лишим трона Людовика XVI, они вооружат против нас всю Европу под предлогом мести за подвергшегося насилию короля. Будем щадить Людовика XVI, хотя виновного по отношению к французской нации в позорной измене, будем щадить Людовика XVI, будем щадить его семейство, и не ради него, а ради нас самих». Все благонамеренные люди, желавшие мира, поняли эти речи и одобряли их. Впрочем у Ламетов были веские причины щадить короля, потому что их имя было уже занесено в цивильный лист при получении денег на их газету «Логограф».

Для того, чтобы удержать Людовика XVI на троне, указывалось еще на то, что при низложении его надо будет установить регентство. Кто же будет регентом? Герцог Орлеанский? Но будет ли герцог признан без возражений? Братья короля, хотя и эмигранты, сохранили сторонников. Их поддерживали иностранные державы. Сверх того, герцог Орлеанский был окружен авантюристами. Его обвиняли в субсидировании популярных жожаков, а именно Дантона, который требовал, действительно, вместе с Реалем низложения Людовика XVI и замены его хранителем королевской власти, каким мог быть лишь герцог или его сын, герцог Шартрский, будущий король Луи-Филипп, кандидатура которого определенно была выдвинута в печати. Но если регентство будет отвергнуто, пойдут ли вплоть до республики? Ведь республика, требуемая кордельерами, означала не только внешнюю войну, но и войну гражданскую, ибо народ казался неподготовленным к такому правлению, столь новому для него.

Вот почему деятели Учредительного собрания предпочитали сохранить Людовика XVI, лишь приняв некоторые предосторожности. Они восстановили его во власти только после того, как подвергли пересмотру конституцию и он принял ее и снова принес присягу. Без всякого сомнения, Людовик XVI будет отныне по необходимости королем дискредитированным, не пользующимся авторитетом. Ламеты и Барнав легко с этим мирились. Они говорили себе, что марионетка, обязанная им сохранением короны,

не сможет уже управлять без них и без того общественно-го класса, какой они представляли. После возвращения из Варенна они предложили королеве свои услуги, которые охотно были приняты. Союз, лишенный доверия с той и другой стороны. Ламеты и Барнав рассчитывали за спиной короля держать в руках действительную власть. Королева и король имели в виду отбросить в сторону эти орудия, как только минует опасность.

Итак, Национальное собрание выпутало короля, несмотря на чрезвычайные усилия Робеспьера. Процесс был возбужден только против виновников его «похищения», против Буйе, который бежал, и нескольких «стрелочников». 15 июля Барнав при голосовании увлек за собою большинство большой речью, в которой старался поставить рядом республику и анархию. «Я ставлю здесь основной вопрос: хотим ли мы завершить революцию или хотим начать ее снова? Вы сделали всех людей равными перед законом, вы осветили гражданское и политическое равенство, вы вернули государству все, что было отнято у народного суверенитета, шаг дальше явится делом пагубным и преступным, шаг дальше в направлении большей свободы будет означать разрушение трона, шаг дальше в направлении большего равенства будет означать уничтожение собственности».

Этот призыв к консерватизму был услышан буржуазией. Но народ Парижа, поднятый кордельерами и братскими обществами, было труднее убедить. Петиции и грозные манифестации следовали одна за другой. Якобинцы на момент дали увлечь себя требовать низложения короля и «замещения его конституционными средствами», т.е. регентством. Но кордельеры дезавуировали эту орлеанистскую петицию, отредактированную Бриссо и Дантоном. 17 июля они собрались на Марсовом поле для подписания на алтаре отечества откровенно республиканской петиции, составленной Робером. Национальное собрание испугалось. Под предлогом беспорядков, не имеющих ничего общего с движением, которые произошли утром в Гро-Кайу, оно приказало мэру Парижа рассеять скопище на Марсовом поле. Мирная толпа подверглась в семь часов вечера расстрелу без всякого предупреждения национальными гвардейцами Лафайета, которые двинулись на нее беглым шагом. Было много убитых.

После бойни — репрессии. Специальный декрет, настоящий закон об общественной безопасности, грозил террором руководителям народных обществ, которые

арестовывались и предавались суду сотнями. Их газеты были закрыты или перестали выходить. Надо было обезглавить демократическую и республиканскую партию в момент, когда должны были начаться выборы в Законодательное собрание. Уже откололась 16 июля вся консервативная часть якобинцев и основала новый клуб в монастыре Фейянов. Робеспьер, Антуан, Петион, Короллэ, почти единственные из депутатов, остались у якобинцев, но им удалось удержать за собою большинство департаментских клубов.

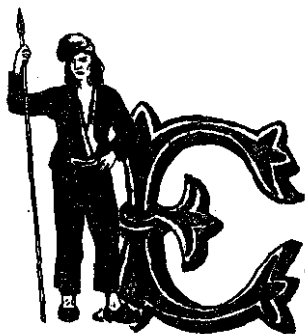
Отныне фейяны, т.е. объединившиеся сторонники Лафайета и Ламетов, резко выступают против якобинцев, освободившихся от своего правого крыла. В данный момент власть сохраняют первые. Адриен Дюпор, Александр Ламет и Барнав ведут тайно переговоры с императором о сохранении мира, пользуясь посредничеством аббата Луи, которого они отправляют в Брюссель. Леопольд заключил из их авансов, что революционеры испугались его угроз из Падуи, и что они менее опасны, чем он предполагал, и поскольку они обещают спасти монархию, он отказывается от созыва конгресса и от войны, и это тем легче, что он отдает себе отчет, по получении весьма холодных ответов держав на его циркуляр, что невозможно осуществить европейскую коалицию против Франции. Чтобы затушевать свое отступление, он соглашается подписать с королем Пруссии общую декларацию, угрожающую революционерам лишь условно. Но эту Пильницкую декларацию 25 августа 1791 г. эксплуатируют принцы, делающие вид, что она содержит обещание поддержки. Они выпускают 10 сентября резкий манифест, заклиняющий Людовика XVI не подписывать конституцию.

Не подлежит сомнению, что триумvirату пришлось употребить значительные усилия, чтобы побудить короля дать свою подпись, ибо он заставил ее ждать с 3 по 14 сентября. Триумвиры доказывали ему, что конституция улучшена благодаря тому пересмотру, какому они подвергли ее после его возвращения. Они обратили его внимание на то, что отныне гражданское устройство духовенства является уже не конституционным законом, а законом обыкновенным, который может быть поэтому изменен законодательным собранием. Были внесены важные ограничения свободы клубов. Если был отменен ценз для кандидатов в депутаты (марка серебра), зато был еще повышен ценз для избирателей. Они добавляли, что

постараются обеспечить в будущем принятие системы двух палат, против которой они так боролись в сентябре 1789 г., и сверх того они обязались защищать абсолютное вето и право короля назначать судей. Король подчинился и весьма ловко потребовал у Национального собрания общей амнистии, которая была принята с энтузиазмом. Аристократы и республиканцы были выпущены на свободу. Повсюду устраивались празднества в ознаменование завершения конституции. Буржуазия полагала, что революция закончилась. Она ликовала, потому что опасность гражданской и внешней войны казалась устраненной. Оставалось неизвестным, сумеют ли ее представители, феяны, руководить одновременно двором и новым законодательным собранием, которое должно было появиться на сцене. Робеспьер, обращаясь к бескорыстию своих коллег, побудил их принять декрет, который отнимал у всех них право быть избранными в законодательное собрание. На сцену должен был выступить новый политический персонал. Оставалось также неизвестным, простит ли демократическая партия консервативной буржуазии жестокие преследования, которые она претерпела, и захочет ли она терпеть долгое время господство привилегированных по рождению.

ВОЙНА

Если судить только по внешним признакам, Законодательное собрание 1 октября 1791 года, должно было, казалось, являться продолжением Учредительного собрания. Только 136 из его членов присоединилось к якобинцам, тогда как 264 записалось у фейянов. Но центр, независимые, в числе 345, от которых зависело большинство, искренне стояли за революцию. Если они опасались стать игрушкой в руках фракций, они совсем не хотели оказаться обманутыми двором, которому они не доверяли.

Фейяны делились на два течения или вернее на две клиентелы. Одни, как Матьё Дюма, Воблан, Дюмоляр, Жокур, Теодор Ламет (брат Александра и Шарля), следовали указаниям триумvirата. Другие, как Рамон,

Бенье, Пасторэ, Гувион, Даверу, Жирарден (бывший маркиз, покровитель Жан-Жака Руссо), вдохновлялись Лафайетом.

Лафайет, ненавистный королеве, был уязвлен в своем тщеславии, поскольку не был посвящен в тайну отношений триумвиров к двору. В то время, как эти последние заходили весьма далеко на пути реакции, не остановившись перед признанием двух палат, абсолютного вето, назначения судей королем, Лафайет держался за конституцию и не хотел жертвовать принципами Декларации прав, которую он считал своим творением. Он не был, подобно Ламетам, лично заинтересован в восстановлении королевской власти с тех пор, как двор отдалил его от себя.

Внутренние несогласия среди фейянов повели к тому, что в ноябре 1791 года они лишились мэрии Парижа. После отставки Байи Лафайет, сложивший с себя обязанности начальника национальной гвардии, согласился на выставление своей кандидатуры на его место. Газеты двора выступали против его кандидатуры и привели к его поражению. 16 ноября был избран 6 728 голосами якобинец Петион, тогда как генерал на белой лошади получил всего только 3 126 голосов. Число воздержавшихся было громадно (в Париже насчитывалось 80 000 активных граждан). Королева и король поздравляли себя с таким результатом. Они были убеждены, что революционеры погубят себя своими собственными крайностями. «Даже из избытка зла», — писала Мария-Антуанетта Ферзену 25 ноября, — «мы сможем извлечь выгоду гораздо скорее, чем об этом думают, но необходима большая осторожность». То была политика «чем хуже, тем лучше».

Вскоре затем Лафайет получил командование одной из пограничных армий. Перед отъездом он отомстил за свое поражение на выборах, проведя на важный пост генерального прокурора парижского департамента одного из друзей Бриссо, Рёдерера, против кандидата Ламетов, бывшего члена Учредительного собрания Дандрэ.

В то время, как фейяны утрачивали влияние благодаря своим раздорам, якобинцы смело взяли инициативу политики национального действия против всех врагов революции, внутренних и внешних. Будучи избранниками средней буржуазии, которая покупала национальные имущества и занималась торговыми операциями, они были озабочены главным образом тем, чтобы поднять курс

ассигнатов, значительно понизившийся уже сравнительно со звонкой монетой, и восстановить вексельный курс, повышение которого разоряло нас в пользу заграницы. Проблема экономическая в их глазах была тесно связана с проблемой политической. Если революционные деньги обесценивались, то причиной тому был подрыв доверия, вызываемый угрозами короля и эмигрантов, беспорядками, производимыми аристократами и священниками. Нужно было энергичными мерами положить конец надеждам и интригам контрреволюционеров и заставить монархическую Европу признать конституцию. Только такой ценой возможно будет устранить тяжелый экономический и социальный кризис, все углубляющийся.

Осенью в городах и деревнях возобновились волнения. Они приняли более тревожный характер зимой и длились несколько месяцев. В городах они вызывались главным образом чрезвычайным вздорожанием колониальных продуктов: сахара, кофе, рома, которые исчезали с рынка благодаря войне между расами, вспыхнувшей в Сан-Доминго. В конце января 1792 года в Париже имели место беспорядки у бакалейных магазинов и лавок, владельцев которых толпа принуждала под угрозой разгрома понизить цены их товаров. Секции предместий начали обличать «скупщиков», и некоторые из последних, как например Дандрэ, Боскари, подверглись известным неприятностям. Для того, чтобы остановить повышение цены и наказать биржевых спекулянтов, якобинцы дали клятву обходиться без сахара.

В деревне волнения и беспорядки имели главной причиной высокую цену хлеба, но они вместе с тем являлись протестом против сохранения феодального режима и резким ответом на угрозы эмигрантов, которые по ту сторону границы возвещали о своем вторжении в страну. Возбуждение, пожалуй, было менее широко и глубоко, чем в 1789 году. Тем не менее, оно походит на него своими причинами и характером. Прежде всего, движение это так же самопроизвольно, как и в 1789 г. Невозможно установить следов объединенного действия. Якобинцы отнюдь не были вдохновителями этого прямого действия. Они напуганы им. Они стараются предупредить беспорядки, а затем и подавить их. Поднявшиеся массы ожидают от властей уменьшения стоимости жизни. Они требуют регламентации и такс. Они подвергают разграблению имущества эмигрантов, они хотят лишиться аристократов и строптивых священников возможности вредить.

Они, таким образом, смутно формулируют программу революционной защиты, которая будет постепенно осуществлена позднее.

Сборища у телег с хлебом и разграбления рынков повторяются понемногу повсюду в ноябре месяце. В феврале подвергаются разгрому дома многих купцов в Дюнкирхене. Кровавое столкновение оставляет на мостовой порта 14 убитых, 60 раненых. В Нойоне, около того же времени, 30 000 крестьян, вооруженных вилами, аллебардами, ружьями и пиками, под предводительством своих мэров останавливают на реке Уазе баржи, груженные хлебом, и делят его между собою. В конце того же месяца дровосеки и гвоздари лесов Конша и Бретеяля, выступая с барабанным боем и развевающимся знаменем, увлекают за собою толпы на рынках Боса и заставляют муниципальные власти назначить таксу не только на хлеб, но и на яйца, масло, железо, лес, уголь и т. п. В Этампе мэр Симоно, богатый кожевник, имевший 60 рабочих, хотел противиться таксе. Он был убит двумя ружейными выстрелами. Фейяны и даже якобинцы прославляли его, как жертву закона, и провели назначение торжественных поминок в его честь. Затем дровосеки в Морване остановили сплав бревен и обезоружили национальную гвардию Кламеси. В центре и на юге беспорядки носили, пожалуй, еще более грозный характер. Национальные гвардейцы деревень Канталя, Ло, Доржоньи, Коррез, Гар и др. двинулись в марте на замки эмигрантов и поджигали их или грабили. По пути они заставляли аристократов жертвовать в пользу волонтеров, отправляющихся в армию. Они требовали полной отмены феодального режима, и в ожидании этого, уничтожали флюгера и голубятни.

Правда, в роялистских районах, как например Лозар, не были в безопасности патриоты. 26 февраля 1792 года и в следующие дни крестьяне Менда, фанатизированные своими приходскими священниками, двинулись в город, заставили регулярные войска удалиться в Марвежоль и взыскали с патриотов контрибуцию в возмещение за прогульные дни. Десять патриотов были заключены в тюрьму, конституционный епископ задержан заложником, клуб закрыт, много домов разграблено. Надо еще отметить, что эти роялистские беспорядки в Лозере предшествовали революционным беспорядкам в Кантале и Гар, которые явились ответом на них.

Если принять во внимание, что в эту зиму 1791/92 года продажа церковных имуществ зашла уже довольно

далеко, так как к 1 ноября 1791 г. было продано на 1 526 миллионов, то можно представить себе, насколько серьезные интересы двигали крестьянами. Грозит война. На карту поставлено очень много. Если революция окажется побежденной, будут восстановлены уже отмененные соляной налог, барщины, оброки, десятины, феодальные повинности, проданные земли будут возвращены церкви, вернуться эмигранты, пылающие мстью. Горе их крестьянам! Последние трепещут при одной мысли об этом.

В 1789 г. буржуазия городов единодушно взялась за оружие, чтобы беспощадно подавлять крестьянские и рабочие жакерии. Но этот раз буржуазия расколота. Более богатая ее часть, напуганная со времени бегства в Варенн, хотела бы примириться с королевской властью. Она составляет главное ядро партии фейянов, которая все более и более сливается с прежней монархической и аристократической партией. Она опасается Робеспьера и войны. Но другая часть буржуазии, менее боязливая и менее богатая, после Варенна утратила всякое доверие к королю. Она думает только о своей защите и понимает, что сможет защитить себя только в союзе с массой трудящихся. Ее руководители поэтому селятся предупредить всякое расхождение между народом и буржуазией. Петион жалуется в одном письме к Бюзо, 6 февраля 1792 г., что буржуазия отворачивается от народа: «Она становится над ним», — пишет он, — «она считает себя равной дворянству, которое пренебрегает ею и ждет лишь благоприятного момента, чтобы унижить ее... Ей столько раз повторяли, что это война имущих против неимущих, что эта идея постоянно ее преследует. Народ, в свою очередь, раздражается против буржуазии, он возмущается ее неблагодарностью и вспоминает услуги, какие оказал ей, он вспоминает, что они были все братьями в прекрасные дни свободы. Привилегированные исподтишка разжигают эту войну, которая неизбежно ведет к нашей гибели. Буржуазия и народ, соединившись, произвели революцию: только их союз может сохранить ее». Для того, чтобы прекратить грабежи и поджоги, Законодательное собрание поторопилось распорядиться 9 февраля 1792 г. поставить имущества эмигрантов под охрану нации. 29 марта этот секвестр был регламентирован. Докладчик соответствующего декрета Гупильо в защиту его говорил, что эмигранты причинили Франции громадный ущерб, который должны возместить. Вооружаясь против нее, они

заставили страну в свою очередь вооружаться против них. «Их имущества являются естественным залогом за потери и расходы всякого рода, какие они причиняют». Гойе добавил, что если бы эмигрантам позволили пользоваться их доходами, они использовали бы их против своей родины. Война не была еще объявлена, но уже появилась совсем близко на горизонте.

В самый разгар беспорядков в центре Франции, 29-го февраля 1792 года, один из друзей Робеспьера, депутат Канталя, паралитик Кутон заявил с трибуны собрания, что для победы над подготовляющейся коалицией «необходимо обеспечить себе моральную силу народа, более могущественную, чем сила армий», и что для этого есть одно лишь средство: привлечь его справедливыми законами. Он предложил отменить без всякого вознаграждения все феодальные права, не оправдываемые действительным предоставлением земель оброчникам. Останутся в силе только те права, какие будут подтверждены помещиками, могущими представить первоначальные документы, удостоверяющие соблюдение этого условия. Если принять во внимание, что до сих пор самим крестьянам приходилось доказывать, что они ничего не должны, и что теперь, напротив того, на помещиков возлагалась обязанность доказывать, что им должны что-нибудь, причем доказывать представлением письменного договора, который, может быть, никогда и не существовал или который успел с течением времени затеряться, то будет ясно все значение предложения Кутона. Фейяны старались устранить его посредством настойчивой обструкции. Собрание 18 июня 1792 г. приняло лишь отмену без вознаграждения всех побочных прав, т.е. сборов при отчуждении и передаче земель. И притом, те из этих прав, какие могли быть доказаны подлинными документами, оставались в силе. Только сокрушение противодействия фейянов революцией 10 августа обеспечило превращение в закон остальной части предложения Кутона. Лишь война довершила освобождение крестьянина.

Войны этой желали и левая собрания, и сторонники Лафайета, и двор. Сохранить мир пытались лишь Ламеты, с одной стороны, и небольшая группа демократов, сплотившаяся вокруг Робеспьера в Якобинском клубе — с другой. Сторонники войны и сторонники мира руководились, впрочем, различными и даже противоположными точками зрения.

Левая находилась под руководством двух депутатов

Парижа, Бриссо и Кондорсе, и блестящих ораторов, присланных департаментом Жиронды, Верньо, Жансоннэ, Гадэ, рядом с которыми выделялись также вития Иснар, священник Ласурс, конституционный епископ кальвадосский Фоше, велеречивый ритор, выступивший после бегства в Варенн за республику. На крайне левой кордельерское трио составляли три депутата, связанные тесной дружбой, Базир, Мерлен де Тионвилль и Шабо, прожигатели жизни и расточители. Они не пользовались большим влиянием на собрание, но в значительной мере влияли на клубы и народные общества.

Бриссо являлся руководителем внешней политики левой. Он долго жил в Англии, где основал газету и кабинет для чтения, которые не имели успеха и ликвидация которых навлекла на него скандальный процесс. Одно время у него были нелады с полицией Людовика XVI, и он даже оказался заключенным в Бастилию, как автор или распространитель памфлетов против Марии-Антуанетты. Несколько позднее он спекулировал вместе с женеvским банкиром Клавьером на облигациях государственного долга Соединенных Штатов и в связи с этим совершил кратковременную поездку в Америку, откуда привез наспех написанную книгу. Его враги утверждали, что, нуждаясь в деньгах, он незадолго до 1789 г. поступил на службу полиции. Но был, несомненно, активный человек, полный воображения и находчивый, мало стесняющийся в выборе средств. От службы герцогу Орлеанскому он перешел в свиту Лафайета. Он ненавидел Ламетов, против реакционной колониальной политики которых он боролся в основанном им обществе друзей черных. Ламеты упрекали его в том, что своими противоравладельческими выступлениями он провоцировал на островах бунт и разграбление плантаций. Во время кризиса, вызванного бегством в Варенн, он сначала поддерживал республику, как и друг Лафайета Ахилл Шателэ, но затем внезапно и без переходов присоединился к орлеанскому решению вопроса. Его избрание в Законодательное собрание, сильно оспаривавшееся, оказалось возможным, как, впрочем, и избрание Кондорсе, только благодаря поддержке голосов сторонников Лафайета. Одним словом, то был человек сомнительный, интриган, которому предстояло сделаться наиболее видным руководителем нового собрания, его государственным человеком.

Бывший маркиз Кондорсе, видная академическая величина, старый друг Даламбера и наиболее известный

из живущих представителей школы энциклопедистов, представлял собою, подобно Бриссо, характер неустойчивый и меняющийся. В 1789 г. он защищал в собрании дворянства в Манте привилегированные сословия, а затем враждебно отнесся к Декларации прав человека. В 1790 г. он писал против клубов и за монархию, протестовал против отмены дворянских титулов, против конфискации имущества духовенства, против ассигнатов. Вместе с Сизэйсом он был одним из основателей лафайетовского клуба 1789 г., что не помешало ему после Варенна шумно примкнуть к республике.

Легко понять, что Бриссо и Кондорсе легко сталкивались с депутатами Жиронды, которые представляли интересы бордоских торговых кругов. Торговля страдала от экономического кризиса и требовала энергичных мер для его преодоления. Кондорсе, бывший директором Монетного двора и много писавший по вопросу об ассигнатах, слыл финансистом.

Бриссотинцы и жирондисты были убеждены, что волнения, ведущие к расстройству дел, вызывались, главным образом, беспокойством, порождаемым предполагаемыми намерениями иностранных держав и угрозами эмигрантов. Им рисовался один лишь выход: заставить королей признать революцию, добиться от них — предъявления требования, а в случае необходимости и войною, — рассеяния скопищ эмигрантов, и в то же время расправиться со всеми их пособниками внутри страны, и первую очередь с сопротивляющимися священниками. Бриссо указывал на разъединенность королей, на готовность народов подняться по примеру французов, предсказывал легкую победу, если придется воевать.

Сторонники Лафайета подпевали. Большинство из них были бывшие дворяне, военные в душе. Война должна была дать им командование, а победа — обеспечить влияние и власть. Опираясь на своих солдат, они будут достаточно сильны для того, чтобы справиться с якобинцами и продиктовать свою волю как королю, так и Законодательному собранию. Граф Нарбонн, которого они вскоре затем провели на должность военного министра, старался осуществлять их политику. Бриссо, Клавьер, Иснар встречались в салоне мадам де Сталь с Кондорсе, Талейраном и Нарбонном.

При таких условиях легко было увлечь Законодательное собрание. Продолжительные прения завязались только по вопросу о мерах, какие следует принять против

сопротивляющихся священников, так как лафайетистам, сторонникам самой широкой религиозной терпимости, не хотелось отказываться от политики, которой они дали победу в декрете 7 мая 1791 г. В конце концов, декрет 31 октября 1791 г. давал графу Прованскому два месяца на возвращение во Францию под страхом утраты им прав на престол; декрет 9 ноября давал эмигрантам для возвращения такой же срок, т.е. до 1 января, под угрозой быть признанными подозреваемыми в заговоре и секвестра и взимания доходов с их земель в пользу нации; декрет 29 ноября лишал пенсий мятежных священников, которые не принесут новой, чисто гражданской присяги, и давал местной администрации право высылать их из места их жительства в случае беспорядков и, в сверх того, подвергать другим ограничениям в правах. Наконец, другой декрет, принятый в тот же день, приглашал короля «пригласить курфюрстов Трирского и Майнцкого и других государей Империи, которые принимают беглых французов, положить конец их сборищам и вербовке, творимым ими на границе». Кроме того, короля просили возможно скорее закончить переговоры с императором и Империей, давно уже начатые по вопросу о возмещении немецких князей и владетелей во Франции, пострадавших от постановления 4 августа.

Людовик XVI и Мария-Антуанетта с тайной радостью отнеслись к воинственной инициативе бриссотинцев. Если они пригласили Леопольда, после своего задержания в Варенне, отложить его интервенцию, то только для того, чтобы отклонить неизбежную опасность для самих себя. Но как только Людовик XVI получил обратно свою корону, они стали настойчиво торопить Леопольда приступить к выполнению своих угроз, заявленных в Падуе и Пильнице, созывом в возможно скором времени конгресса королей, который образумит революционеров. «Вооруженная сила все разрушила, только вооруженная сила в состоянии все исправить»,— писала Мария-Антуанетта своему брату 8 сентября 1791 г. Она наивно воображала, что Франция затрепешет, как только монархическая Европа возвысит свой голос и забрякает оружием. Она плохо знала и Европу, и Францию, и ее ошибка проистекала, без сомнения, из приятного удивления, испытанного ею, когда она увидела, что те самые люди, которые разнуздали революцию, Барнавы, Дюпоры и Ламеты, превратились в куртизанов, сожгли то, чему поклонялись, и унизились до роли просителей и советни-

ков. Она думала, что фейяны представляют нацию и что они так образумились потому, что испугались; и она старалась передать это убеждение Леопольду. Этот последний сначала проявил большую несговорчивость. Его сестра Мария-Христина, регентша Нидерландов, указывала ему опасность нового восстания в Бельгии, если вспыхнет война с Францией. Мария-Антуанетта уже отчаивалась в возможности совладать с бездеятельностью императора, когда Законодательное собрание дало ей средства раздуть дипломатический конфликт. Людовик XVI сейчас же написал (3 декабря) личное письмо прусскому королю Фридриху-Вильгельму, прося его прийти к нему на помощь: «Я обратился», — писал он ему, — «к императору, императрице российской, к королям испанскому и шведскому, и развиваю им идею о конгрессе главных европейских держав, поддерживаемом вооруженной силой, как лучшем способе подавить здесь мятежников, установить более желательный порядок вещей и помешать тому, чтобы удручающее нас зло проникло в другие государства Европы». Когда король прусский потребовал возмещения расходов, какие будут вызваны его интервенцией, Людовик XVI обещал вознаградить его наличными деньгами.

Само собою разумеется, он скрывал от Ламетов эти тайные переговоры, хотя и спросил их совета по поводу санкции декретов собрания. Ламеты были сильнейшим образом раздражены против собрания, не слушающегося их указаний. Нападки бриссотинцев на министров из их партии возмущали их. Они оказывались все более и более отбрасываемыми в сторону двора и в сторону Австрии, если хотели искать точки опоры против якобинцев. Они посоветовали королю двоякое поведение в вопросе о декретах. Он должен принять тот декрет, какой условно лишал графа Прованского права на регентство, и декрет, предлагавший королю обратиться с ультиматумом к курфюрстам Трирскому и Майнцкому и вести переговоры с императором, но заявить свое вето по вопросу о мерах против эмигрантов и священников. Отстаивая эмигрантов и священников, Ламеты, без сомнения, хотели подготовить присоединение к их партии всех консервативных элементов. Они хотели также внушить доверие императору, доказав ему, что конституция оставила королю действительную власть. Ибо вся их политика покоилась на сердечном согласии с Леопольдом и доверии его. Они надеялись, что этот последний, оставшийся мирно настро-

енным, постарается добиться от угрожаемых курфюрстов их добровольного подчинения. Война, таким образом, будет избегнута, но воинственная позиция, занятая Людовиком XVI по их совету, будет иметь ту выгодную сторону, что создаст ему популярность. Она явится лишь маневром внутренней политики.

Если бы Ламеты могли читать секретную переписку Марии-Антуанетты, они поняли бы всю глубину неосторожности, какую совершили. «Глупцы»,— писала она 9 декабря Мерси,— «они не видят, что если они делают это (угрожают курфюрстам), то в наших интересах, потому что ведь, если мы начнем, всем державам придется вмешаться, чтобы защищать права каждой». Иначе говоря, королева надеялась, что этот инцидент приведет к вооруженной интервенции, которой она тщетно требовала у брата.

Людовик буквально последовал советам Ламетов. Он ответил своим вето на декреты об эмигрантах и священниках и 14 декабря явился в собрание, чтобы заявить торжественно собранию, что, «будучи представителем народа, он почувствовал нанесенное ему оскорбление» и что вследствие этого он известил курфюрста Трирского, что, «если к 15 января он не прекратит в своем государстве все скопления и враждебные приготовления со стороны французов, укрывшихся в нем, он будет видеть в нем лишь врага Франции». Едва только успели умолкнуть аплодисменты, приветствовавшие эту хвастливую декларацию, как король, вернувшись во дворец, повелел Бретейлю известить императора и государей, что он страстно желает, чтобы курфюрст Трирский не считался с его ультиматумом: «Партия революции слишком возгордилась бы в противном случае и этот успех дал бы машине продержаться еще некоторое время». Он требовал, чтобы державы взяли дело в свои руки. «Вместо гражданской войны, то будет война политическая, и положение в результате этого будет гораздо лучше... Физическое и моральное состояние Франции таково, что ей невозможно выдержать в этой войне и полкампании, но надо, чтобы казалось, что я искренно иду на это, как я это сделал бы в прежние времена... Мое поведение должно быть таково, чтобы в несчастии нация видела единственное спасение во мне». Все то же наивное двоедушие и те же иллюзии насчет силы революции. Людовик XVI втягивал Францию в войну в надежде, что война эта примет скверный оборот и что поражение вернет ему его абсолютную власть. Он

подготавливал это поражение, саботируя, насколько это от него зависело, национальную оборону. Он задерживал производство снаряжения, а его морской министр Бертран де Молевилья поощрял эмиграцию офицеров, предоставляя им отпуска и снабжая паспортами.

Война был отсрочена еще на некоторое время вследствие сопротивления Робеспьера, опиравшегося на часть якобинцев, и сопротивления Ламетов, опиравшихся на большинство министров и Леопольда.

Со времени расстрела республиканцев на Марсовом поле Робеспьер не доверял Бриссо и Кондорсе, политическая неустойчивость которых и лафайетовские связи беспокоили его проницательность. Жирондисты, все эти Вернье, Гадэ, Иснары с их словесными резкостями, с их бессодержательными декларациями, казались ему опасными риторками. Он знал об их аристократических вкусах, об их тесных связях с меркантилизмом, и потому он насторожился. С тех пор, как он выступал против разделения граждан на активных и пассивных, против ценза для избирателей и кандидатов, против ограничения права собраний, петиций и союзов, против привилегии носить оружие, предоставленной буржуазии, после того, как он энергично высказался против восстановления клятвоступного короля в его королевских функциях и требовал созыва Конвента, чтобы дать Франции новую конституцию, с тех пор, как он почти единственный из членов Учредительного собрания остался в Якобинском клубе и помешал ему распустить себя, мужественно сопротивляясь репрессиям со стороны фейянов, с этих пор он сделался признанным главой демократической партии. Была известна его строгая честность, его отчужденность от всего, что походило на интригу, и его влияние на народ и мелкую буржуазию было громадно.

И вот Робеспьер, руководимый своим недоверием, сразу понял, что двор, предлагая войну, не был искренен, потому что поражая своим вето декреты о священниках и эмигрантах и косвенно поощряя, таким образом, продолжение беспорядков, сь лишал революцию возможности вести эту войну к победному концу. 10 декабря в адресе к примыкающим обществам, который он составил от имени Клуба якобинцев, он разоблачал перед Францией маневр Ламетов и двора, желавших продолжить анархию, чтобы привести к деспотизму. Вскоре он стал спрашивать себя, не попались ли на приманку Бриссо и его друзья, толкавшие на войну, желательную для двора, на приман-

ку, ловко подстроенную для того, чтобы направить революцию на опасный путь. «Кому доверите вы», — говорил он им 12 декабря в Якобинском клубе, — «ведение этой войны? Представителям исполнительной власти? Вы, значит, доверите безопасность страны тем, кто хочет погубить вас. Отсюда следует, что больше всего должны мы опасаться войны». И точно он читал в мыслях Мари-Антуанетты, он прибавил: «Вас хотят толкнуть на действия, которые доставят двору сильнейшее расширение власти. Хотят затеять притворную войну, которая может привести к капитуляции».

Тщетно пытался Бриссо 16 декабря рассеять предубеждения Робеспьера и доказать ему, что война необходима для очищения свободы от пороков деспотизма и для упрочения ее. «Хотите ли вы», — спрашивал Бриссо, — «уничтожить одним ударом аристократию, бунтовщиков, недовольных? Для этого достаточно уничтожить Кобленц. Глава нации принужден будет управлять согласно конституции, видеть свое спасение лишь в верности конституции, сообразовать свое поведение только с нею». Тщетно Бриссо пытался играть на струнках национальной чести и заинтересованности: «Возможно ли колебаться напасть на них (германских князей)? Наша честь, наш общественный кредит, необходимость морализовать и упрочить нашу революцию, решительно все требует этого».

2 января 1792 г. Робеспьер подверг его систему разкой и остроумной критике. Он констатировал, что война была по вкусу эмигрантам, что она приходилась по вкусу двору и лафайетистам. В ответ на слова Бриссо, что следует изгнать недоверие, он направил в него меткий удар: «Вам было суждено защищать свободу без недоверия, не вызывая неудовольствия у ее врагов, не становясь в оппозицию ни двору, ни министрам, ни умеренным. Как легки и приятны оказались для вас пути патриотизма!» Бриссо заявил, что центр зла в Кобленце. «Значит, он не в Париже?» — спрашивал Робеспьер. — «Значит, нет никакой связи между Кобленцем и другим местом, находящимся недалеко от нас?» Прежде чем идти поразить кучку аристократов за границей, Робеспьер хотел припереть к стенке аристократов внутри страны и прежде чем пропагандировать революцию у других народов, надо, по его мнению, сперва утвердить ее в самой Франции. Он высмеивал иллюзии и пропаганду и не хотел верить, что иностранные народы созрели уже для того, чтобы подняться по нашему призыву против своих тиранов.

«Вооруженных миссионеров», — говорил он, — «никто не любит». Он опасался, что война плохо кончится. Он указывал, что армия не имеет офицеров или имеет офицеров-аристократов, что национальная гвардия лишена оружия и снаряжения, крепости не имеют снарядов. Он предвидел, что в случае победоносной войны свободе будет грозить гибель под ударами честолюбивых генералов. Он предвещал Цезаря.

В течение трех месяцев Робеспьер и Бриссо вели ожесточенную борьбу с трибуны клуба и в газетах, которая навсегда разделила революционную партию. На стороне Робеспьера сплотились все будущие монтаньяры — Бильо-Варенн, Камилл Демулен, Марат, Панис, Сантерр, Антуан. Дантон, оставаясь верным себе, колебался. Последовав сперва за Робеспьером, он в конце концов примкнул к Бриссо, когда увидел, что большинство клуба и примыкающих обществ решительно склоняется в пользу войны.

Разногласие между Робеспьером и Бриссо имело принципиальный характер. Робеспьер не считал возможным какое-либо примирение между клятвопреступным королем и революцией. Он ожидал спасения от внутреннего кризиса, который низвергнет предательскую монархию, и он хотел вызвать этот кризис при помощи самой конституции, пользуясь ею, как законным оружием. Он советовал Законодательному собранию отменить королевское вето по той причине, что вето приложимо только к обыкновенным законам, а не к текущим мероприятиям. Отмена вето дала бы сигнал к кризису, на который он рассчитывал. Бриссо, напротив, не хотел начинать против двора войну на жизнь и смерть. Он лишь предполагал подчинить его своим видам тактикой запугивания. Он был революционером лишь по внешности. Он опасался вместе с жирондистами господства улицы, нападения на собственность. Он не хотел социального кризиса. В противоположность ему, Робеспьер, хотя и подчеркивал свое уважение к конституции, старался в своих планах привести к изменению ее и к победе над королем.

Ламеты и министр иностранных дел Делессар льстили себя, однако, надеждой, что им удастся избежать войны благодаря Леопольду, с которым они вели тайную переписку. Император, действительно, оказал давление на Трирского курфюрста, чтобы он рассеял скопища эмигрантов, и курфюрст подчинился. Леопольд известил о том Францию нотой от 21 декабря, которая достигла Парижа

в начале января. Предлог к войне исчезал. Но император в той же ноте оправдывал свое поведение в момент бегства в Варенн. Он отказывался дезавуировать свою Пильницкую декларацию и прибавлял, что в случае нападения на Трирского курфюрста он придет к нему на помощь. Бриссо воспользовался этой заключительной частью ноты, чтобы требовать новых объяснений. Военный министр Нарбонн, только что закончивший инспекторскую поездку по крепостям на восточной границе, подтверждал, что все готово. Собрание предложило королю 25 января 1792 г. запросить императора, «отказывается ли он от всяких договоров и соглашений, направленных против суверенных прав, независимости и безопасности нации», другими словами, требовать от него формального отказа от Пильницкой декларации. В ответ на это Австрия немедленно оформила свой союз с Пруссией, а Пруссия 20 февраля довела до сведения Франции, что переход французами германской границы она сочтет за казус белли. Это только побудило Бриссо с тем большим жаром проповедовать наступательную войну и внезапное нападение. Его союзник, министр Нарбонн, поддерживаемый генералами армии, потребовал от Людовика XVI отставки своего коллеги Бертрана де Моллевиля, которого он обвинял в измене долгу, а также настаивал на изгнании из королевского дворца аристократов, которые еще оставались там. Людовик XVI, возмущенный его дерзостью, отнял у него портфель.

Жиронда немедленно пришла в движение. Конституция не позволяла Законодательному собранию вынуждать короля менять его министров, но она давала ему право обвинять их перед верховным судом в государственной измене. Бриссо произнес 10 марта против министра иностранных дел Делессара, стоящего за мир, резкую обвинительную речь. Он упрекал его в сокрытии от собрания важных дипломатических документов, в неисполнении его постановлений и в ведении переговоров с Австрией «с боязливостью и слабостью, недостойными величия свободного народа». Верньо поддержал Бриссо в бурной речи, в которой прозрачно грозил королеве. Значительным большинством был принят декрет, обвиняющий Делессара и предававший его Верховному суду. Нарбонн был отомщен и война становилась неизбежной.

Ламеты советовали королю оказать сопротивление. Они старались запугать его судьбой Карла I, который покинул своего министра Страффорда в аналогичных

условиях. Они посоветовали ему распустить Законодательное собрание и оставить Делессара в его должности. Но бриссотинцы остались господами положения. Они распространили слух, что намерены возбудить обвинение против королевы, отрешить короля и провозгласить королем дофина. То был лишь ловкий маневр, чтобы завладеть властью, так как они в то же самое время вели переговоры с двором через посредство Лапорта, заведующего цивильным листом.

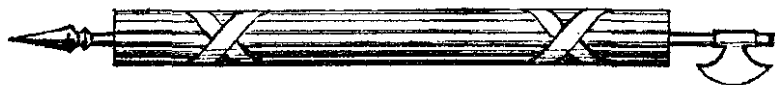
Людовик XVI решился отставить своих министров фейянов и заменить их министрами якобинцами, почти все друзья Бриссо или жирондистов: были назначены Клавьер министром финансов, Ролан — министром внутренних дел. Дюрантон — министром юстиции, Лакост — министром морским, де Грав — военным, Дюмурье — иностранных дел. Дюмурье, бывший секретный агент Людовика XV, продажный и обладавший скверной репутацией авантюрист, являлся главной фигурой в кабинете. Он обещал королю защитить его от мятежников, подкупая или парализуя их руководителей. Первой его заботой было явиться в Якобинский клуб в красном колпаке, чтобы усыпить недоверчивость якобинцев. Он ловко создал себе среди них группу зависимых от него людей, раздав им должности. Он назначил Боннекаррера, бывшего председателя корреспондентской комиссии клуба, управляющим делами своего министерства, журналиста Лебрёна, друга Бриссо, журналиста Ноеля, друга Дантона, начальниками департамента и т. д. В жирондистской прессе прекратились нападки на королеву. Людовик XVI и Мария-Антуанетта успокоились. Помимо того, Дюмурье хотел войны, чем предупреждал их желания.

1 марта внезапно умер Леопольд. Его преемник, молодой Франц I, военный в душе, твердо решил привести дело к концу. На последние французские ноты он отвечал сухим и резким отказом, но поостерегся объявить войну, потому что, следуя совету Кауница, сохраняя право на своей стороне, он обеспечивал себе право на завоевания под предлогом возмещения.

20 апреля Людовик XVI явился в Законодательное собрание, чтобы предложить самым равнодушным тоном объявить войну королю Богемии и Венгрии. Один только ламетист Бекей попытался мужественно бороться за сохранение мира. Он обрисовал Францию, разделенную на партии и раздираемую беспорядками, с финансами в плохом состоянии. Камбон прервал его: «К нас денег

больше, чем надо!» Бекей продолжал, описывая дезорганизацию флота и армии. Он утверждал, что Пруссия, о которой Дюмурье ничего не сказал в своем докладе, поддержит Австрию и что если Франция проникнет в Брабант, Голландия и Англия присоединятся к коалиции. Его слушали с нетерпением и часто прерывали. Мэйль, Даверху, Гаде требовали немедленного и единодушного голосования. Только около десятка голосов было подано против войны.

Эта война, которой желали все партии, исключая монтаньяров и ламетистов, как средства внутренней политики должна была опрокинуть расчеты ее инициаторов.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ТРОНА

риссо и его друзьям, вызвавшим войну, удалось завладеть властью. Они могли сохранить ее лишь при одном условии — при условии быстрой и решительной победы над врагом.

Дюмурье дал приказ о наступательных действиях трем армиям, уже сосредоточенным на границе. Австрийцы могли противопоставить нашим 100 000 солдат только 35 000 в Бельгии и 6 000 в Брисгау. Пруссаки только начинали свои приготовления к войне. Внезапное нападение должно было обеспечить нам захват всей Бельгии, которая поднялась бы при виде трехцветного знамени.

Но наши генералы, Лафайет, Рошамбо и Люкнер, аплодировавшие фанфаронадам Нарбонна, стали вдруг весьма осмотрительными. Они жаловались, что их армии

не снабжены всем необходимым. Рошамбо в особенности не полагался на батальоны добровольцев, которые он считал недисциплинированными. Он проявил весьма мало доброй воли при выполнении наступления, предписанного ему. Левая колонна, двинувшаяся из Дюнкирхена, подошла к Фурнес, где никого не было. Она не рискнула войти и повернула назад. Колонна центра, вышедшая из Лилля с назначением взять Турнэ, поспешно отступила без боя при виде нескольких уланов. Два полка кавалерии, шедшие в авангарде, рассеялись, крича об измене. Они отхлынули до самого Лилля и умертвили своего генерала Теобальда Диллона, а также четырех лиц, заподозренных в шпионстве. Только 2-ой батальон парижских добровольцев держался хорошо. Он прикрывал отступление и привел с собой орудие, отнятое у неприятеля. Наконец, главная колонна, находившаяся под командой Бирона, захватила Киеврэн перед Монсом 28 апреля, но отступила в большом беспорядке на другой день под тем предлогом, что бельгийцы не поспешили отозваться на ее призыв. Лафайет, который из Живе должен был соединиться с Бритоном у Брюсселя, приостановил свое движение при известии об его отступлении. Один только Кюстин, с колонной, сформированной в Бельфоре, достиг намеченной цели. Он захватил Поррентрю и Юрское ущелье, которые господствовали над подступами к Франш-Конте.

Робеспьер, который в самый день объявления войны увещевал жирондистов назначить генералов патриотов и отставить Лафайета, воскликнул, что неудачи подтверждают его предсказания: «Нет, я не полагаюсь на генералов и, делая исключение для нескольких почтенных лиц, я утверждаю, что почти все сожалеют о старом порядке вещей, о милостях, которыми располагает двор, я полагаюсь лишь на народ, на один только народ» (1 мая в Якобинском клубе). Марат и кордельеры кричали об измене. И в самом деле, Мария-Антуанетта сообщила неприятелю план кампании.

Генералы высокомерно взваливали всю ответственность на недисциплинированность войск. Рошамбо неожиданно подал в отставку. Большое число офицеров дезертировало. Три кавалерийских полка, гусарский саксонский полк и гусарский Бершени перешли к противнику 12 мая, королевский немецкий полк — 6 мая. Военный министр де Грав, оправдывая генералов, не хотел больше слышать о наступлении. Не будучи в состоянии

убедить своих коллег, он подал в отставку 8 мая и был заменен Серваном, более послушным указаниям Дюмурье.

Тщетно бриссотинцы силились ободрить и успокоить генералов. Они выступили в прессе и в Законодательном собрании с резкими нападками против Робеспьера и его сторонников, которых изображали анархистами. 3 мая Ласурс и Гаде примкнули к Бенью и Вьенно-Воблану, чтобы провести предание Марата верховному суду. В виде компенсации той же участи, что и Марат, был подвергнут и аббат Ройу, редактор «Друга Короля». Новый закон усиливал военную дисциплину, и убийцы Т. Диллона были разысканы и подверглись суровой каре. Но Лафайет, который с первого же дня захотел держаться с министрами на равной ноге, отверг все авансы бриссотинцев. Замена де Грава Серваном, по поводу которой с ним не советовались, озлобила его против Дюмурье. Он окончательно сблизился с Ламетами, чтобы противостоять угрозам демократов. Он взял Шарля и Александра Ламетов к себе в армию, доверил им командные посты, имел 12 мая свидание в Живе с Адриеном Дюпором и Боцецом и затем решился на шаг, который со стороны командира армии перед лицом неприятеля являлся государственной изменой. Он послал в Брюссель к австрийскому посланнику Мерси-Аржанто эмиссара, иезуита Ламбинэ, чтобы заявить ему, что в согласии с другими генералами он готов двинуться на Париж со своими войсками с той целью, чтобы разогнать якобинцев, призвать в страну принцев и эмигрантов, уничтожить национальную гвардию, учредить вторую палату. Предварительно он просил приостановки военных действий и провозглашения нейтралитета со стороны императора. Мерси-Аржанто, который разделял предубеждение королевы против генерала, подумал, что его предложения представляют собою ловушку. Он направил его к венскому двору.

Тогда три генерала в совещании, состоявшемся 18 мая в Валансьенне, решили фактически приостановить военные действия. Они составили докладную записку министрам, чтобы представить им, что всякое наступление немислимо. Адъютанты Лафайета, Ла Коломб и Бертье, заявили Ролану, что солдаты трусы. Возмущенный Ролан сообщил самому Лафайету их алармистские заявления, но он вступился за своих адъютантов и ответил Ролану самым презрительным тоном. Генерал писал тогда Жокуру, что стремится к диктатуре и что считает себя достойным ее. То был разрыв между Лафайетом и бриссо-

тинцами. Ролан не посмел или не мог добиться от своих коллег и короля отозвания Лафайета. Но с тех пор жирондисты сказали себе, что двор поддерживает генералов и что нужно поэтому запугать дворец. Они стали изобличать «австрийский комитет», который под руководством королевы подготавливает победу неприятеля. Они провели 27 мая новый декрет против священников-смутьянов взамен отвергнутого в декабре Людовикам XVI. Два дня спустя Законодательное собрание объявило о роспуске королевской гвардии, составленной из аристократов, которые ликовали по поводу наших неудач. Ее начальник герцог Коссе-Бриссак был предан Верховному суду. Наконец, 4 июня Серван предложил устроить под Парижем лагерь из 20 000 федератов для прикрытия столицы в случае продвижения неприятеля и, о чем он не говорил, для противодействия государственному перевороту, если на него решатся генералы. Его проект был принят 8 июня.

Этими чувствительными ударами жирондисты надеялись принудить двор капитулировать, а генералов повиноваться. Серван повторил формальный приказ Люкнеру и Лафайету смело наступать в Нидерланды.

Людовик XVI подчинился в марте потому, что генералы высказались за Нарбонна. Но на этот раз генералы были против министров и старались угодить ему. Он реорганизовал с помощью бывшего министра Бертрана де Молевилля свое агентство для шпионажа и подкупов. Бертран основал вместе с мировым судьей Буобом национальный клуб, посещаемый 700 рабочих, которые получали за счет гражданского листа от 2 до 5 ливров в день и рекрутировались, главным образом, из персонала крупного металлического завода Перье. Он осмелился начать дело против журналиста Карра, который обвинил его в участии в австрийском комитете и нашел мирового судью, полного роялистского усердия и готового дать ход его жалобе и постановить о приводе в суд депутатов Базира, Шабо и Мерлена де Тионвилля, как осведомителей Карра. Правда, Законодательное собрание дезавуировало мирового судью Ларивьера и даже предало его верховному суду за покушение на парламентскую неприкосновенность, какое он не поколебался совершить. Но двор мог признать своим успехом торжество в честь мученика закона Симоно, который фейяны организовали в ответ на торжество в честь швейцарцев Шатовье. Успех этого торжества даже внушил Адриену Дюпору совето-

вать Людовику XVI поразить своим вето последние декреты, принятые собранием.

Король решился на это, но для того, чтобы воспользоваться вето, ему надо было заручиться подписью министров. Все министры отказались контрасигнировать приготовленное им письмо с извещением о наложении вето на декрет о роспуске его гвардии. Он вынужден был с бешенством в груди подписать этот декрет. Если бы министры оставались стойко единодушны, Людовик XVI утвердил бы также и другие декреты. Но Дюмурье, который фактически являлся военным министром под ширмой Сервана, жаловался, что последний предложил собранию устройство лагеря из 20 000 солдат, не дав даже себе труда спросить его мнение. В заседании совета между двумя министрами разыгралась бурная сцена. Они грозили друг другу и чуть не обнажили шпаги на глазах короля. Эти разногласия позволили Людовику XVI уклониться от утверждения декретов. Ролан представил ему 10 июля в не очень вежливом заявлении, что его вето вызовет страшный взрыв, так как заставит французов думать, что король заодно с эмигрантами и неприятелем. Людовик XVI проявил выдержку. Адриен Дюпор сказал ему, что лагерь под Парижем явится орудием в руках якобинцев, которые имеют намерение захватить его в случае поражений и увезти в качестве заложника в южные департаменты. Национальные гвардейцы из числа сторонников Лафайета представляли петиции против лагеря, который они считали оскорблением для их патриотизма. После двухдневных размышлений король призвал Дюмурье, на которого считал возможным положиться, ибо назначил его по рекомендации Лапорта. Он просил его остаться в должности вместе с Лакостом и Дюрантоном и избавиться от Ролана, Сервана и Клавьера. Дюмурье согласился. Он посоветовал Людовику XVI заменить Ролана инженером, известным ему из Шербурга, Мургом, а сам взял себе портфель военного министра. Отставка Ролана, Клавьера и Сервана явилась контрударом на предание суду Делессара. Завязывалась решительная борьба.

Жирондисты провели в собрании постановление, что три отставленные министра уносят с собою сожаления нации, и когда Дюмурье явился в то же заседание 13 июля, чтобы прочесть длинный пессимистический доклад о военном положении, он был подвергнут освистанию. В том же заседании собрание назначило комиссию из

12 членов для расследования деятельности сменявшихся военных министров и специально для проверки утверждений Дюмуре. Последний мог опасаться, что расследование явится первым шагом к преданию его верховному суду. Он оказал давление на короля, чтобы добиться от него утверждения двух декретов, оставленных неутвержденными. Он написал ему, что в случае отказа он рискует быть убитым.

Но Людовик XVI, который не дал запугать себя Ролану, не хотел капитулировать перед Дюмуре, который употреблял те же маневры. Он заявил ему 15 июня утром, что отказывает в утверждении. Дюмуре подал в отставку. Он поймал его на слове и послал командовать дивизией в Северной армии.

Дюпор и Ламеты указали королю новых министров, которые были взяты из среды сторонников их и Лафайета: Лажар был назначен военным министром, Шамбона — министром иностранных дел, Террье де Монсьель — внутренним дел, Больё — финансов. Лакост остался министром морским и Дюрантон — юстиции.

Отставка Дюмуре вслед за отставкой Ролана, отказ в утверждении декретов, сопровождаемый сформированием чисто фейянского министерства, все это означало, что двор, опираясь на генералов, пытался осуществить программу Дюпора и Лафайета, т.е. сломить якобинцев, разогнать в случае нужды Законодательное собрание, признать эмигрантов и закончить войну сделкой с неприятелем. 16 июня распространился слух, что новое министерство собирается приостановить военные действия, а спустя несколько дней стали говорить, что король воспользуется праздником федерации 14 июля, чтобы потребовать полной всеобъемлющей амнистии в пользу эмигрантов. Дюпор в своей газете «Указатель», субсидируемой из средств гражданского листа, советовал королю распустить Законодательное собрание и захватить диктатуру. 16 июня Лафайет послал из своего лагеря в Мобеже королю и собранию резкое послание против клубов, против уволенных министров и против Дюмуре. Он не побоялся сослаться на настроение своих солдат в подкрепление своих требований. Его письмо было оглашено в собрании 18 июня. Верньо заявил, что оно не конституционно, Гаде сравнил генерала с Кромвелем. Но жирондисты, которые заставили отправить Делессара в Орлеан за преступление, гораздо менее тяжкое, не осмелились начать против мятежного генерала, бывшего их сообщником, процедуры

предания суду. Их ответом явилась народная манифестация 20 июня, в день годовщины клятвы в Манеже и бегства в Варенн.

Предместья, руководимые Сантерром и Александром, отправились сначала в Законодательное собрание, а затем во дворец, чтобы протестовать против отставки министров-патриотов, против бездействия армии и отказа утвердить декреты. Мэр Парижа Петийон и прокурор коммуны Манюзль не предприняли ничего, чтобы помешать манифестации. Они явились в Тюильри с опозданием, уже после того, как королю в течение двух часов пришлось выдерживать со спокойным мужеством натиск манифестантов. Стиснутый в амбразуре окна, он надел красный колпак и пил за благополучие нации, но категорически отказался дать свою санкцию и вернуть министров, не пользующихся его доверием. Монтаньяры, следуя совету Робеспьера, воздержались от участия в манифестации. Они не доверяли жирондистам и хотели участвовать только в решительном выступлении, а не в простой манифестации.

Неудача жирондистской манифестации пошла на пользу роялизму. Парижский департамент, целиком фейянский, отрешил Петийона и Манюзля от должности. Из всех провинций притекали петиции в Тюильри и Законодательное собрание, полные угроз якобинцам и выражающие преданность королю. Одна из таких петиций, выставленная у одного парижского нотариуса, Гильома, была покрыта 20 000 подписей. Многочисленные департаментские собрания порицали день 20 июня. Роялистский вождь Дю-Сайян осадил во главе 2 000 роялистов замок Жалес в Арденнах и принял звание главнокомандующего армией принцев. Другое роялистское восстание вспыхнуло в Финистере, около того же времени, а именно в начале июля.

Лафайет, покинув свою армию, стоявшую перед неприятелем, явился 28 июня в собрание, чтобы потребовать от него распустить немедленно клубы якобинцев и примерно наказать виновников насилий, совершенных 20 июня в Тюильри. Реакция роялистская была так сильна, что слова Лафайета были покрыты аплодисментами. Предложение о вынесении ему порицания, сделанное Гаде, было отвергнуто 339 голосами против 234, и заявление генерала было передано просто Комиссии двенадцати, которая уже играла роль, впоследствии выполнявшуюся комитетом общественной безопасности. Лафайет не думал

на этот раз ограничиваться угрозой. Он рассчитывал увлечь национальную гвардию, одна дивизия которой, находящаяся под командой его друга Аклока, должна была на другой день явиться на смотр королю. Но Петсион, предупрежденный королевой, которая Лафайета опасалась еще больше, чем якобинцев, отменил смотр. Тщетно Лафайет дал сигнал о сборе своих приверженцев. Он назначил им собраться вечером на Елисейских полях. Собралось их всего около сотни. Он должен был вернуться к своей армии, ничего не предприняв.

Он потерпел неудачу потому, что его честолюбие встретило препятствие со стороны национального чувства. Бездействие, в котором он оставлял армии в течение более двух месяцев, казалось необъяснимым. Оно дало пруссакам время закончить свои приготовления и спокойно сосредоточиться на Рейне. Люкнер, после подобия наступления в Бельгии, очистил без всякой нужды Куртрэ и отступил к стенам Лилля. Борьба должна была перейти на французскую территорию. 6 июля Людовик XVI известил Законодательное собрание о приближении прусских войск.

Перед неминуемой опасностью якобинцы забыли свои разногласия и думали только о спасении революции и отечества. Бриссо и Робеспьер оба обратились с призывом к единению в клубе якобинцев (28 июня) и оба требовали быстрого наказания Лафайета. В Собрании жирондисты пригрозили министрам-фейянам декретом о предании суду, взяли на себя инициативу новых мер национальной обороны и сделали призыв к силам народа. 1 июля они провели декрет о публичности заседаний всех административных органов, что ставило их под контроль народа. 2 июля они обошли вето, заявленное королем против декрета о лагере в 20 000 человек, проведя новый декрет, предоставляющий национальной гвардии провинции возможность явиться в Париж для участия в празднестве федерации 14 июля и покрывающий путевые расходы федератов и дающий им помещения для жилья.

3 июля Верньо, открыв прения, выдвинул страшную угрозу против самого короля: «Во имя короля французские принцы пытались поднять против нации все дворы Европы, для отомщения чести короля заключен Пильницкий договор и создан чудовищный союз между венским и берлинским дворами; для защиты короля стеклись в Германию под знамена мятежа бывшие солдаты гвардии; спеша на помощь королю, эмигранты

добиваются назначений и получают их в австрийских армиях и собираются раздирать грудь своего отечества... во имя короля свобода подвергается нападению... Но я читаю в конституции, глава II, раздел I, статья 6: Если король встанет во главе армии и направит ее силы против нации или не воспротивится, формальным актом, против такого начинания, совершаемого во имя его, он будет признан отрекшимся от королевской власти». И Верньо, напоминая о королевских вето, вызывавших беспорядки в провинции, и намеренное бездействие генералов, подготовившее вторжение, спрашивал собрание, правда, в неуверенной форме, не подходит ли Людовик XVI под оглашенную им статью конституции. Таким образом, он ставил вопрос о низложении перед общественным мнением. Его речь, произведшая громадное впечатление, была разослана собранием во все департаменты.

11 июля Законодательное собрание объявило отечество в опасности. Все правительственные и муниципальные органы должны были заседать непрерывно. Все национальные гвардейцы были призваны под ружье. Набирались новые батальоны добровольцев. В течение нескольких дней записалось 15 000 парижан.

Из крупных городов стали поступать грозные адреса, требующие низложения — из Марселя, Анжера, Дижона, Монпелье и др. 13 июля собрание отменило отрешение Петиона и вернуло ему его функции. На торжестве федерации на следующий день не было совсем слышно криков: «Да здравствует король!» Зрители имели на шапках надпись, сделанную мелом: «Да здравствует Петион!»

Приближался великий кризис. Для предотвращения его нужно было, чтобы партия фейянов составляла сплоченное целое и чтобы ей была обеспечена формальная и безоговорочная поддержка со стороны дворца. Но фейяны плохо ладили между собою. Бертран не доверял Дюпору. Министры, желая предупредить объявление отечества в опасности, посоветовали королю явиться во главе их в Законодательное собрание и избразить ему опасность, которой подвергают политиканы Францию, открыто подготавливая низвержение трона. Людовик XVI отказался, следуя советам Дюпора, который видел спасение только во вмешательстве Лафайета. Тогда министры подали 10 июля в отставку, как раз накануне

того дня, когда собрание провозгласило отечество в опасности.

Лафайет, сговорившись с Люкнером, предложил королю увезти его из Парижа и доставить в Компьень, где он подготовил войска для приема его. Но Людовик XVI в конце концов отклонил предложение Лафайета. Он опасался стать лишь заложником в руках генерала. Он вспомнил, что во время религиозных войн партии соперничали из-за особы короля. Он доверял лишь иностранным штыкам, и Мария-Антуанетта настаивала перед Мерси, чтобы объединившиеся государи возможно скорее выпустили манифест, могущий произвести на якобинцев впечатление и даже запугать их. Этот манифест, подписанный герцогом Брауншвейгским, главнокомандующим союзных армий, вместо того, чтобы спасти двор, должен был привести к его гибели. Он грозил смертью всем национальным гвардейцам, которые попытаются защищаться, и разрушить и предать огню Париж, если Людовику XVI и его семейству не будет немедленно возвращена свобода.

Между тем отставка министров-фейянов снова вызвала разногласия в патриотической партии. Жирондисты вообразили, что обстоятельства как нельзя более благоприятны, чтобы завладеть растерявшимся королем и вновь захватить власть. Они вошли в тайные переговоры с двором. Верньо, Гаде, Жансоннэ написали королю, между 16 и 18 июля, через посредство художника Боза и камердинера Тьерри. Гаде видел короля, королеву и дофина.

Жирондисты сразу же изменили свое поведение в Законодательном собрании. Они начали порицать республиканскую агитацию и угрожать политикам.

Когда парижская секция Монконсейль приняла постановление, в котором заявляла, что не признает больше Людовика XVI королем Франции, Верньо заставил аннулировать 4 августа это постановление. 25 июля Бриссо предавал анафеме республиканскую партию: «Если существуют люди, — говорил он, — «которые стремятся учредить в настоящее время республику на развалинах конституции, то карающая десница закона должна поразить их, как и активных сторонников двух палат и контрреволюционеров Кобленца». И в тот же день Лассурс пытался убедить якобинцев, что необходимо удалить федератов из Парижа, направив их в Суассонский лагерь или к границам. Становилось очевидным, что

жирондисты не хотели ни восстания, ни низложения.

Но движению был дан толчок и ничто не могло остановить его. Парижские секции заседали непрерывно. Они создали объединяющий их центральный комитет. Многие из них допускали к участию в своих заседаниях пассивных граждан, они разрешили им вступать в национальную гвардию и вооружали их пиками. В Якобинском клубе Робеспьер и Антуан, в Законодательном собрании кордельерское трио направляли народное движение. Особенно значительна была роль Робеспьера. 11 июля он обратился с речью к федератам в Якобинском клубе. Гневно спрашивал он их: «Граждане, разве вы поспешили сюда для пустой церемонии, повторения празднества федерации 14 июля?» Он изобразил им измену генералов, безнаказанность Лафайета: «Существует ли еще Национальное собрание? Оно подверглось оскорблению, унижено и все еще не отомщено!» И так как собрание уклоняется, то федератам приходится спасать государство. Он советовал им не приносить присяги королю. Подстрекательство было столь очевидно, что министр юстиции донес о его речи публичному обвинителю и потребовал возбуждения преследования против него. Робеспьер, не испугавшись, составлял все более и более угрожающие петиции, какие федераты представляли одну за другой Национальному собранию. Петиция 17 июля требовала низложения. Побуждаемые им федераты избрали тайную директорию, в состав которой входил его друг Антуан, и эта директория собиралась иногда в доме столяра Дюплэ, где он жил, как и сам Антуан.

Когда Робеспьер увидел, что жирондисты опять договариваются с двором, он возобновил борьбу против них. 25 июля, отвечая Лассурсу, он заявил в клубе якобинцев, что великие бедствия требуют великих лекарств. Низложение короля не представлялось ему достаточной мерой: «Временное отрешение, которое оставит королю титул и права исполнительной власти, явится лишь, очевидно, сделкой между двором и интриганями из Законодательного собрания, чтобы вернуть ее ему в расширенном виде в тот момент, когда он будет восстановлен в правах. Абсолютное низложение будет менее подозрительным, но одно оно оставит еще открытой дверь неудобствам, которые мы выяснили». Робеспьер таким образом опасается, что «интриганы Законодательного собрания», говоря иначе бриссотинцы, сыграют с Людовиком XVI повторение комедии, какую феяны сыграли уже

одни раз после Варенна. Он не хочет быть одураченным и требует немедленного исчезновения Законодательного собрания и замены его конвентом, который пересмотрит конституцию. Он осуждает разом и Законодательное собрание и короля. Он желает, чтобы конвент был избран всеми гражданами без различия между активными и пассивными. Говоря иначе, он апеллирует к массам против буржуазии. Этим он сразу клал конец последним маневрам жирондистов, стремившихся завладеть властью под именем короля. Предложенный им план был осуществлен.

Бриссо тщетно пытался 26 июля возражать Робеспьеру в большой речи перед Законодательным собранием. Он обличал агитацию политиканов, требовавших низложения. Он осуждал проект созыва первичных собраний для избрания нового национального собрания. Он старался внушить, что такой созыв будет на руку аристократам. Борьба между Робеспьером и жирондистами приняла ожесточенный характер. Иснар доносил на Робеспьера и Антуана, как на заговорщиков, и взял на себя обязательство в клубе «Примирение», где собирались депутаты левой, добиться предания их верховному суду. Петион старался воспрепятствовать восстанию. Еще 7 августа он явился к Робеспьеру, чтобы потребовать от него успокоить народ. В течение всего этого времени Дантон отдыхал в Арсис-сюр-Об, откуда вернулся только накануне событий.

Робеспьер, бывший удивительно хорошо осведомленным, разоблачил 4 августа заговор, составленный аристократами в целях устройства побега короля. Действительно, Лафайет сделал новую попытку в этом направлении. В конце июля он отправил в Брюссель агента, Массона де Сен-Аманда, добиваться у Австрии приостановки военных действий и посредничества Испании в деле мирных переговоров. В то же самое время он тайно направлял в Компьень кавалерию для прикрытия отъезда короля. Но все его усилия были напрасны. Людовик XVI еще раз отказался уехать. Тайные переговоры с жирондистами настроили его оптимистически. Затем он роздал крупные денежные суммы среди популярных вожakov. Дюпору было поручено подкупить Петиона, Сантерра и Делакура (из Эр-и-Луары). В его распоряжение, по словам Эртрана де Малевилля, был предоставлен миллион. Лафайет заявляет, что Дантон получил 50 000 экю. Один только министр внутренних дел Террье де Монсизель

роздал в конце июля 547 000 ливров и в начале августа 449 000. Вестерманн, эльзасский рубака, входивший в директорию федератов, заявил в августе 1793 г. в следственной комиссии конвента, что ему предложили 3 миллиона и что он осведомил об этом Дантона. Фабр Д'Эглантин, поэт-голяк, пытался вытянуть значительные суммы у морского министра Дюбушажа. Королевская чета была убеждена, что не приходится опасаться чего-либо серьезного со стороны людей, лишь желающих раздобыть денег. Она не подумала, что эти же беззащитные люди способны брать деньги и затем предать. Гарнизон во дворце был усилен. Начальник национальной гвардии Манда де Грансей был ревностный роялист.

Когда собрание окончательно обелило Лафайета, тайная директория восстания распределила 8 августа роли. В ночь с 9 на 10 августа Карра и Шометт отправились в казарму марсельских федератов в секции Кордельеров, тогда как Сантерр поднимал Сен-Антуанское предместье, а Александр—предместье Сен-Марсо. Зазвонил набат. Секции отправили в ратушу комиссаров, которые образовали революционный муниципалитет на место муниципалитета законного. Петион был подвергнут домашнему аресту под охраной отряда национальной гвардии. Манда вызванного в ратушу, избличали в отдании приказа о нападении на федератов с тыла. Революционная коммуна приказала арестовать его, и во время его препровождения в тюрьму пистолетный выстрел уложил его на Гревской площади. С устранением Манда оказывалась дезорганизованной оборона дворца.

Людовик XVI растерялся. При приближении манифестантов он дал убедить себя генеральному прокурору парижского департамента Рёдереру, что ему надо покинуть с семейством дворец и отдаться под защиту Законодательного собрания, которое заседало совсем рядом, в зале Манежа. Когда он покинул Тюильри, большая часть национальных гвардейцев роялистских секций (Филль Сен-Тома и Пти-Пер) и все артиллеристы перешли на сторону восставших. Стойко оборонялись только швейцарцы и дворяне из свиты. Они очистили своим убийственным огнем дворы дворца. Восставшие должны были привести пушки и пойти на приступ. Швейцарцы были убиты в большом количестве. Со стороны народа считывалось 500 убитых и раненых.

Законодательное собрание с тревогой следило за перипетиями борьбы. Пока исход был сомнителен, оно

обращалось с Людовиком XVI, как с королем. Когда он явился, прося убежища, Верньо, бывший председателем, заявил, что собрание сознает свой долг и что поклялось поддерживать «конституционные власти». Немного спустя Гаде предложил назначить воспитателя «наследному принцу». Но когда восстание определенно одержало победу, собрание вынесло постановление о временном отрешении короля и приняло, к великому возмущению Бриссо, созыв того самого конвента, какого требовал Робеспьер. Отрешенный король был взят под стражу. Собрание хотело предоставить ему Люксембургский дворец, но революционная коммуна настояла, чтобы он был отведен в Тампль, тюрьму меньших размеров и легче охраняемую.

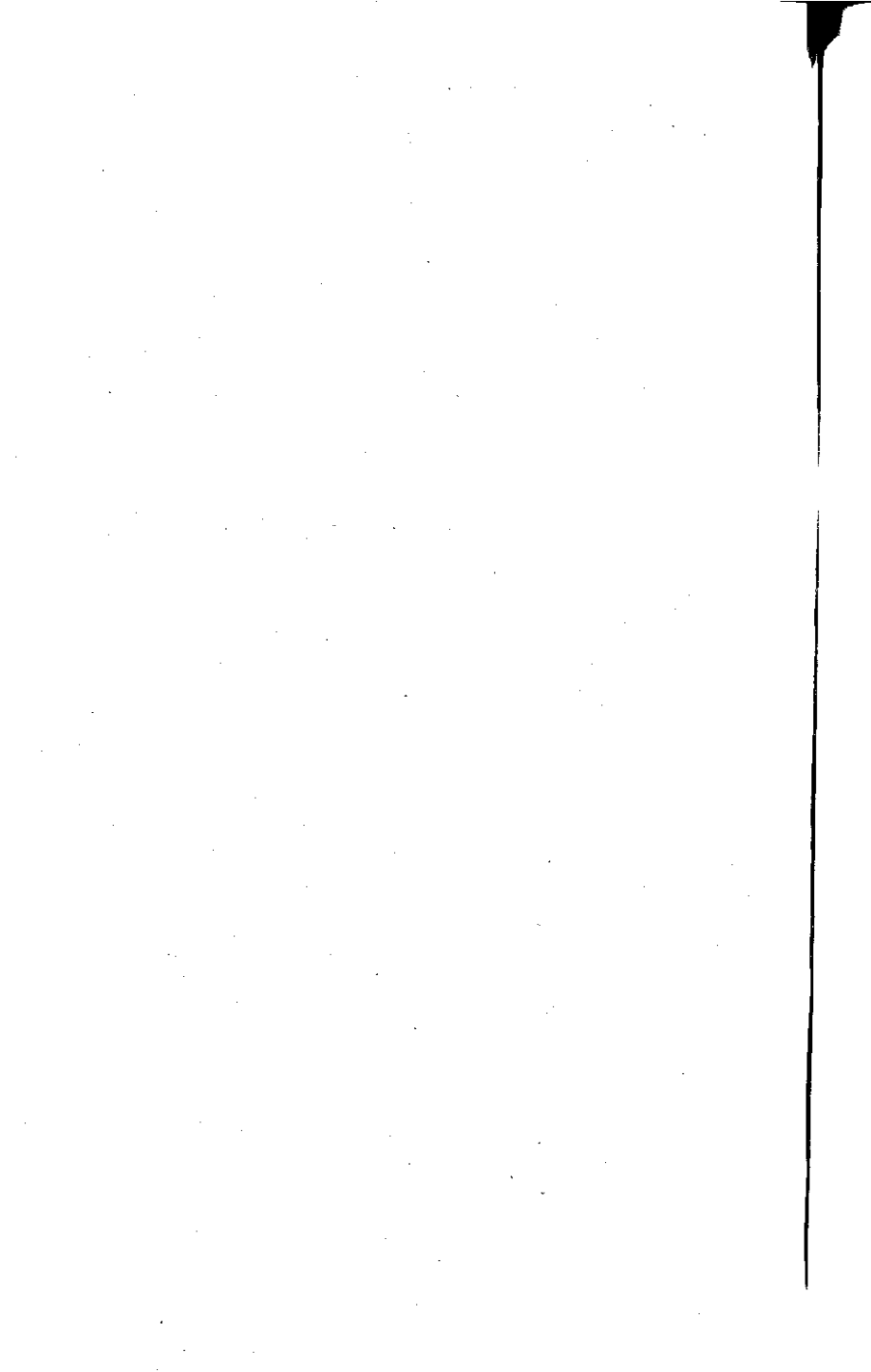
Трон был опрокинут, но вместе с ним падали его последние защитники, то меньшинство дворянства, которое развязало революцию и льстило себя надеждой умерить ее и руководить ею и которое одно время питало иллюзию, что правит страной — сперва с Лафайетом, потом с Ламетами.

Лафайет пытался поднять свою армию против Парижа. Ему сперва удалось увлечь Арденнский департамент и несколько городов; но покинутый большей частью своих войск, он должен был скоро бежать в Бельгию (19 августа) в сопровождении Александра Ламета и Латур-Мобура. Австрийцы встретили его плохо и заперли в Ольмюцком замке. Его друг, барон Дитрих, известный мэр Страсбурга, в гостиной которого Руже-де-Лиль спел марш рейнской армии, ставший затем Марсельезой, тоже не смог поднять Эльзас. Вызванный Законодательным собранием, он также перешел границу.

Но не только партия фейянов, т. е. высшая буржуазия и либеральное дворянство, была раздавлена вместе с королевской властью под пушечными выстрелами 10 августа; сама жирондистская партия, которая в крайности сговаривалась с двором и силилась воспрепятствовать восстанию, оказалась ослабленной после победы, не являвшейся ее делом и навязанной ей.

Пассивные граждане, т. е. пролетарии, завербованные Робеспьером и монтаньярами, с лихвой вознаградили себя за убийства на Марсовом поле в предыдущем году. Падение трона было равносильно новой революции. На горизонте показалась демократия.

ТОМ II
ЖИРОНДА
И
ГОРА

КНИГА ПЕРВАЯ

КОНЕЦ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
СОБРАНИЯ

(10 августа — 20 сентября 1792 г.)

КОММУНА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

есть недель, протекших с 10 августа по 21 сентября 1792 г., т. е. с момента взятия Тюильрийского дворца и заключения Людовика XVI в Тампль до созыва Конвента, играют чрезвычайно важную роль в истории революции.

До сих пор депутатам Национального собрания еще ни разу не приходилось отстаивать своих полномочий. Даже при кризисе в июле 1789 г., окончившемся взятием Бастилии, парижские мятежники покорно подчинялись распоряжениям Учредительного собрания. Они хотели только поддержать Собрание и оградить его от агрессивных выступлений абсолютизма. Спустя два года, когда, после задержания Людовика XVI в Варенне, республиканцы требовали общенародного решения по вопросу о

сохранении за Людовиком престола, Учредительное собрание легко преодолело их сопротивление. Кровавое столкновение на Марсовом поле увенчало его победу, победу законности и парламентаризма.

Но восстание 10 августа, совершенно отличное от прежних, было направлено не только против короля. Оно явилось актом недоверия и угрозы против самого собрания, которое только что оправдало мятежного генерала Лафайета и формально отвергло петиции о низложении монарха. Создалось новое положение. Законной власти была противопоставлена власть революционная. Борьба этих двух властей заполнила шесть недель, предшествовавших созыву Конвента.

Эта борьба продолжалась и после 20 сентября в состязании двух партий, боровшихся за преобладание в новом Собрании. Партия монтаньяров в своих существенных чертах являлась партией прежней революционной Коммуны, между тем как партия жирондистов образовалась из депутатов, заседавших на левой стороне Законодательного собрания и составивших правую сторону Конвента.

Отметим теперь же, предваряя более подробное исследование, что эти две партии отличались радикально противоположными воззрениями по всем основным проблемам. Жиронда — партия, придерживавшаяся принципа законности, — отклоняла все исключительные, революционные меры, которые осуществлялись в свое время Коммуной и были унаследованы от нее монтаньярами. Такими мерами в области экономической были: регламентации, учеты, реквизиции, принудительный курс бумажных денег, — словом, ограничение свободы торговли; в области политической: взятие под подозрение всех противников установленного режима, ограничение свободы личности, создание исключительных форм юрисдикции, концентрация власти путем полной субординации местных властей, — короче говоря, политика общественного спасения. Эта программа была полностью реализована лишь по прошествии целого года при введении террора, но намечена и установлена уже Коммуной 10 августа.

Противоположность двух программ отражала коренные противоречия интересов и чуть ли ни классовую борьбу. Коммуна и сменившая ее Гора представляли низшие классы (ремесленников, рабочих), страдавшие от войны и ее последствий: дороговизны, прекращения производства, неустойчивости заработной платы. Собрание и его наследница Жиронда представляли промышленную и земле-

дельческую буржуазию, стремившуюся защитить свою собственность от ограничений, обложений, конфискации, возможность которых она уже предвидела. Драматическая борьба, принимавшая самые разнообразные формы, борьба, которую надо проследить в деталях, чтобы понять всю ее сложность.

По низложении монархии перед победителями возник целый ряд затруднений. Они должны были позаботиться о признании совершившихся фактов Францией и армией, предупредить или подавить возможное сопротивление, отразить нападение на внешние границы, создать на развалинах опрокинутой монархии национальное правительство. Трудные проблемы, разрешение которых породило жестокую междоусобицу.

Комиссары парижских секций, организовавшие в ночь с 9 на 10 августа в Городской думе революционную Коммуну, считали себя избранными непосредственно самим народом. По отношению к Собранию, возникшему в результате не прямых и ограниченных цензом выборов, дискредитированному предательством и угрозами, неправленными против республиканцев, секретными переговорами его вождей с королевским двором, Коммуна являлась легальной организацией нового порядка. Сильная своим престижем, приобретенным кровавой победой над защитниками дворца, понимавшая огромное значение услуги, оказанной ею революции и Франции подавлением королевской измены, она не соглашалась ограничить свою деятельность узким кругом муниципальных полномочий. Она воплощала, по ее мнению, общественные стремления, она действовала во имя всей революционной Франции, и присутствие федератов рядом с парижскими революционерами при штурме Тюильрийского дворца знаменовало братскую солидарность столицы с нацией.

С трибуны Якобинского клуба Робеспьер советовал Коммуне, в самый вечер 10 августа, смело взять на себя ответственность за дальнейший ход событий. По его словам, было только одно средство извлечь всю возможную выгоду из победы: рекомендовать народу «поставить своих депутатов в совершенную невозможность наносить зред делу свободы», другими словами — учредить контроль над Собранием, т. е. упразднить его. Он старался доказать, что «народ поступил бы крайне неосторожно, если бы сложил оружие, не обеспечив своей свободы. Коммуна, добавлял он, должна принять неотложные меры, отправив своих комиссаров в 83 департамента, с тем,

чтобы они объяснили на местах положение дел. Этими словами он не только выражал принципиальное недоверие Собранию, но и предлагал Коммуне захватить диктатуру путем непосредственных сношений с департаментами.

Коммуна не нуждалась в увещаниях Робеспьера, чтобы предъявить свои притязания на диктатуру. Но, предъявив эти притязания, она не осмелилась провести их на практике во всей полноте. В разгаре борьбы она не отстранила от должности мэра Петюна, которого справедливо подозревали в нерадивости, и не осмелилась объявить роспуск Собрания, которое, как она знала, относилось враждебно к ее начинаниям. Эти маленькие люди, большей частью ремесленники, публицисты, адвокаты, держатели пансионеров, не боялись рисковать своей жизнью, поднимая возмущение, но находились всецело под впечатлением парламентского престижа блестящих ораторов Жиронды. Все они были известны только в своих кварталах. Их темные имена ничего не говорили Франции. Разгоняя Собрание, они рисковали скомпрометировать ту цель, которой хотели служить. Они решились на компромисс: решили оставить Собрание при условии, что оно согласится быстро исчезнуть, созвав в короткий срок граждан для избрания Конвента, другими словами — *нового Учредительного собрания, которое пересмотрело бы в демократическом духе уже пережившую себя монархическую конституцию.*

10 августа, в 11 часов, когда прекратилась пушечная пальба против побежденного дворца, делегация Коммуны, во главе с бывшим сборщиком пошлин гражданином Гюгэном, явилась в зал Законодательного собрания. «Народ, который послал нас к вам, — сказал Гюгэн, — уполномочил нас объявить вам, что он снова облакает вас своим доверием, но, вместе с тем, он поручил нам довести до вашего сведения, что может признать своим судьей в отношении исключительных мер, к которым привела его необходимость и борьба против притеснений, только весь французский народ, представленный на своих избирательных собраниях и являющийся нашим и вашим господином».

Собрание сделало гримасу, выслушав эту повелительную речь. Условное подтверждение его старых полномочий в этой новой форме ставило его в зависимость от рожденной народным возмущением власти

Ему пришлось все же признать законность этого воз-

мушения и придать ему соответствующую легальную форму. Оно утвердило революционную Коммуну, но подчеркнуло, что видит в ней лишь временную власть, которая должна исчезнуть вместе с обстоятельствами, ее породившими. Оно согласилось созвать Конвент, который должен был быть избран путем всеобщей подачи голосов без различения активных и пассивных граждан, но непременно путем двухстепенных выборов. Оно отрешило короля — временно, до созыва этого нового Учредительного собрания, но отказалось провозгласить полное ниспровержение монархии, которого требовали восставшие. Было очевидно, что Жиронда попытается спасти что возможно из монархической конституции. Отрешение короля заключало в себе, вместе с тем, как бы признание королевской власти. Путем нового голосования, которое было через два дня отменено, Собрание решилось даже по предложению Верньо пожаловать одному губернатору титул «королевского принца».

Король был отрешен от престола, но конституция еще оставалась в силе. Как и после Варенна исполнительная власть была разделена между шестью министрами, избранными не из числа депутатов Собрания — из уважения к принципу разделения властей — и назначенными открытым голосованием с целью устранить всякое недоверие. Ролан, Клавьер и Серван вновь получили портфели министерств внутренних дел, финансов и военного, отнятые у них 13 июня королем. К ним присоединили, по именному вызову, в качестве министра юстиции двучленного Дантона, на которого Бриссо и Кондорсе рассчитывали как на человека, способного удержать восстание в определенных границах; математик Монж, указанный Кондорсе, был назначен морским министром; журналист Лебрен, друг Бриссо, которого Дюмурье сделал начальником канцелярии, — министром иностранных дел.

Итак, вся власть была разделена между тремя инстанциями: Коммуной, Собранием и министрами, составившими Исполнительный совет — инстанциями, которые постоянно претступали границы своих полномочий. Обстоятельства, борьба против двойной опасности, внутренней и внешней, требовали диктатуры, но этой диктатуре не удалось принять определенную форму, воплотиться в каком-нибудь одном учреждении, одном человеке, одной партии или одном классе. Она осталась без соответствующего органа и без ясно выраженной индивидуальности.

Ее осуществление не было урегулировано каким-либо законом. Это была безличная диктатура, осуществлявшаяся поочередно разными конкурирующими властями, случайно, в зависимости от событий, диктатура хаотическая и изменчивая, подобно общественному мнению, от которого она заимствовала свою силу.

«Французский народ победил в Париже Австрию и Пруссию», — писала своему мужу жена будущего члена Конвента Жюльена из Дромы в самый день 10 августа, и она же воскликнула несколькими днями раньше, когда было получено известие о присоединении сардинского короля к коалиции: «Я боюсь савойцев не больше, чем австрийцев и пруссаков. Я боюсь только изменников». Это чувство разделялось всеми революционерами. Они боялись, что генералы последуют примеру Лафайета, поднявшего против Собрания городские власти Седана и Арденский департамент и пытавшегося увлечь свою армию в поход на Париж. Они предвидели сопротивление областей, находившихся под влиянием не присягнувших священников. Они знали, что большое число департаментских властей протестовало против 20 июня. Они не доверяли трибуналам и Орлеанской судебной палате, проявлявшей подозрительную медлительность при осуждении подсудимых, обвиненных в государственной измене. Собрание разделяло эти страхи. В самый день 10 августа оно делегировало 12 своих членов, по троё в каждую из 4 армий, «с полномочиями отрешать временно от должностей генералов, офицеров и чиновников военных и гражданских и даже, в случае надобности, подвергать их аресту, назначая временных заместителей на их должности». Таким образом, депутатам, назначенным комиссарами, вручалась значительная часть исполнительной власти, и эти комиссары Законодательного собрания были предвестниками проконсулов Конвента.

Вслед за тем Собрание предписало всем государственным чиновникам и пенсионерам, даже священникам, принести торжественную клятву защищать свободу и равенство или умереть на своем посту. 11 августа, по предложению Тюрио, оно возложило на муниципальные власти миссию расследовать преступления, направленные против безопасности государства, и вручило им право подвергать временному аресту подозрительных лиц. 15 августа, при известии об осаде Тионвилля, оно запретило отцам и матерям, женам и детям эмигрантов отлучаться из общин, в которых они проживали, с тем, чтобы исполь-

зовать их в качестве заложников. Оно предписало опечатать бумаги бывших министров, против которых Коммуна уже выпустила приказы об аресте и возбудила ряд обвинений. Исполнительный совет, со своей стороны, отрешил от должности администрацию департаментов Роны и Луары, Мозеля и Соммы. Наоборот, те городские власти, которые при старом режиме были отрешены от должностей, временно или навсегда, за проявление гражданских чувств, как например, мэр города Меца Антуан или лионский муниципальный чиновник Шалье, были возвращены на свои места.

Вскоре были опубликованы документы, найденные у управляющего королевскими имуществами Лапорта. Эти документы доказывали, что король не прекращал секретных сношений с эмигрантами, что он все время продолжал платить жалованье своим телохранителям, находившимся в Кобленце, что большая часть аристократических журналов и памфлетов получала субсидии из его личных средств.

Все эти меры, значительная часть которых была принята под давлением Коммуны, казались недостаточными раздраженному общественному мнению. Томас Линде 3 августа выражал удивление, что генерал Лафайет не был отрешен немедленно от должности. Дело в том, что Киронда, несмотря на очевидную измену этого генерала, колебалась устранить его; она вела с ним секретные переговоры и решила возбудить против него обвинение только 19 августа, когда он перешел границу. Подозрения озрастали, усиленные этой необъяснимой снисходительностью. Приближалась эра конфликтов между Коммуной и Законодательным собранием.

Коммуна, отказавшаяся управлять всей Францией, неограниченно властвовала в Париже. Она не допускала никаких посредников между собой и Собранием. Она послала в Собрание Робеспьера, который потребовал от имени прекращения уже начатых выборов в административное собрание Парижского департамента. «Генеральный совет Коммуны, — сказал Робеспьер, — должен охранить всю ту власть, которой его наделил французский народ в ночь с 9 на 10 августа для обеспечения общественного спасения и свободы. Назначение членов нового департамента при настоящих обстоятельствах ведет к изданию власти, которая будет соперничать с властью этого народа». Тюрио поддержал Робеспьера, но Дакруа добился менее радикального постановления:

новый департамент должен осуществлять свой контроль над действиями Коммуны лишь в отношении общественных податей и национальных имуществ. Коммуна подчинилась этому постановлению, но 22 августа Робеспьер представил от ее имени Собранию членов нового департамента, изъявивших его устами желание носить впредь скромное наименование комиссии по налогам. В ответ на это Делакура, совершенно изменивший свои воззрения после 12 августа, выразил резкий протест, заявив, что Коммуна не имеет права лишать департаментские власти их административных функций: «Это значило бы опрокинуть в один момент все департаменты королевства». Таковы были незначительные конфликты наряду с более серьезными.

Победа 10 августа стоила много крови. Секционисты и федераты потеряли перед дворцом огромное число убитыми и ранеными. Они хотели отомстить за них. Швейцарцы стали стрелять первыми, как раз в тот момент, когда национальная гвардия сделала попытку побрататься с ними. После битвы швейцарцы были истреблены в огромном количестве, те из них, которым удалось ускользнуть, укрылись в Собрании. Собрание могло спасти их лишь путем обещания предать их суду. Швейцарцев обвиняли не только в вероломстве. Уверяли, что инсургенты, павшие под их пулями, получили ужасные раны, причиненные обломками стекла, пуговицами, расплюснутым свинцом. 11 августа Сантерр объявил в Собрании, что он возьмет на себя ответственность за порядок лишь при условии безотлагательного учреждения военного трибунала для суда над швейцарцами. В принципе это требование было удовлетворено голосованием. Но раздраженная толпа требовала немедленного суда. Дантон должен был стать во главе швейцарцев, чтобы отвести их в тюрьму Аббатства.

Ему не удалось с первого раза пробиться сквозь ряды манифестантов. Швейцарцы принуждены были вернуться в помещение Собрания, чтобы укрыться от разъяренной толпы. Петион, в свою очередь, вмешался в дело. Он объявил, для того чтобы успокоить народ, об учреждении чрезвычайного трибунала для безотлагательного наказания не только швейцарцев, но и всех вообще врагов революции. В тот же вечер административный отдел городской думы послал Сантерру следующее сообщение: «Нам сообщают, милостивый государь, что существует проект обойти парижские тюрьмы, отбить всех заключен-

ных и учинить над ними скорый суд (sic!). Мы просим Вас немедленно принять меры к охране тюрем Шатлэ, Консьержери и Де-ла-Форс». Этот проект истребления заключенных был осуществлен через три недели после описанных событий. Марат в то время еще ничего не писал. Впоследствии он только схватил идею, которая уже носилась в воздухе.

Собрание могло бы избежать катастрофы, если бы ему удалось убедить толпу в искренности своего обещания учредить чрезвычайный трибунал для суда над контрреволюционерами. Необходимо было срочно организовать этот трибунал. Но Собрание колебалось и упустило время. Декрет, который оно вотировало 14 августа, оказался Коммуне недостаточным; на следующий день она послала в Собрание Робеспьера с изъявлением своего протеста. Декрет имел в виду лишь преступления, совершенные в Париже 10 августа. Его следовало распространить на подобные же преступления, совершенные во всей Франции, следовало привлечь к законной ответственности Лафайета. Робеспьер требовал, чтобы трибунал был сформирован из комиссаров, назначенных секциями, чтобы он обладал высшей судебной властью и чтобы его приговоры были окончательными. Собрание постановило, что судебные приговоры, относящиеся к преступлениям, совершенным 10 августа, не могут быть кассированы, но удержало свой прежний декрет, согласно которому эти преступления подлежали расследованию и суду обыкновенных трибуналов. Коммуна, считавшая эти трибуналы подозрительными и требовавшая их обновления, пришла в сильное раздражение. 17 августа она вновь потребовала специального трибунала, присяжные и судьи которого должны быть избраны самим народом в секционных собраниях. Один из членов Коммуны, Венсант Олливо, произнес в Собрании угрожающую речь: «Как гражданин, как народный судья, я предупреждаю вас, что сегодня в полночь загудит набат, и барабан забьет тревогу. Народ истомлен жаждой мести. Берегитесь, как бы он не учинил самосуда. Вы должны, не покидая своих мест, постановить, чтобы каждая секция назначила по одному гражданину для создания уголовного трибунала. Я требую, чтобы этот трибунал был помещен в Тюильрийском дворце. Я требую, чтобы Людовик XVI и Мария-Антуанетта, столь жадные до народной крови, были насыщены видом крови своих гнусных приверженцев». Собрание воспротивилось этому требованию. Еще в самый день 10 августа Верньо

воскликнул: «Париж — только секция государства!» На этот раз против насилия, учиняемого над национальным представительством, выразил протест Шудье, который обычно присутствовал на заседаниях Горы и принимал активное участие в восстании: «Все те, кто приходит сюда с трескучими фразами, вовсе не друзья народа. Я хочу, чтобы его просвещали, а не потворствовали ему. Теперь хотят учредить инквизиторский трибунал. Я протестую против этого всеми силами». Другой монтаньяр Тюрио присоединился к заявлению Шудье, но Собрание в конце концов подчинилось, хотя и очень неохотно. Благодаря его медлительности и сопротивлению, эти уступки не принесли ему никакой выгоды в моральном отношении. Оно становилось все более непопулярным.

Чрезвычайный трибунал был сформирован из судей и присяжных, избранных парижскими секциями. Робеспьер отказался от места председателя трибунала публичным письмом, в котором объявил, что так как большая часть политических преступников являются его личными врагами, он не может быть их судьей и обвинителем. Быть может, существовали и другие мотивы этого отказа, о которых он не говорил. Дело в том, что Жиронда, видевшая в Робеспьере, сумевшем подорвать доверие к ней, настоящего предводителя Коммуны, уже повела против него наступательную кампанию. Афиша «Опасности победы», получившая большое распространение в Париже и вдохновленная, по-видимому, Роланом, изображала его как «человека необычайно завистливого», который хотел «лишить Петиона популярности, занять его место и добиться среди общей гибели этой должности, постоянного объекта его безрассудных стремлений». Отказываясь от места председателя трибунала 17 августа, Робеспьер подчеркивал, в противовес этому вымышленному Жирондой обвинению в честолюбивых замыслах и стремлении к диктатуре, свою полную незаинтересованность.

Секции, в которых преобладала торговая буржуазия, не замедлили образовать оппозицию Коммуне. Ломбардская секция, под влиянием Луве, с 25 августа начала протестовать против узурпаций Коммуны, недоверия, выраженного ею Петиону и ограничения полномочий департамента. Она отозвала своих представителей из городской думы, и четыре другие секции последовали ее примеру: Мэзон Коммюн (Maison commune), Понсо (Ponceau) — 27 августа, Рынок невинных (Marché des innocents) и Хлебный рынок (Halle au blé) — 29 августа. Движение против

Коммуны перешло в провинцию и приняло форму кампании против Парижа. 27 августа монтаньяр Альбитт объявил в Собрании циркуляр департамента Северных берегов, предлагавший другим департаментам настаивать на созыве Конвента не в столице, а в каком-либо другом месте. Собрание не разделило негодования Альбитта; оно просто перешло к порядку дня. Проект перенести Конвент в провинцию имел, по-видимому, достаточное основание, так как монтаньяр Шабо 20 августа заклинал федератов остаться в Париже, «чтобы присматривать за национальным Конвентом», помешать ему восстановить королевскую власть и покинуть Париж.

Конфликт приобрел чрезвычайную остроту. Коммуна опечатала бумаги директора кассы чрезвычайных расходов Амело, заведомого аристократа, и заключила его в тюрьму. Раздраженный Камбон поднял вопрос, «имеет ли право Парижская коммуна арестовывать, под предлогом взяточничества, администраторов и чиновников, непосредственно подчиненных контролю Национального собрания» (21 августа). В результате был отдан приказ о немедленном снятии печатей.

27 августа, день спустя после того как было получено известие о взятии Лонгви, Коммуна приказала произвести обыски у подозрительных граждан и отобрать у них оружие. Жирондистский журналист Жире-Дюпре, редактировавший газету Бриссо, пустил слух, что Коммуна готовится произвести обыск у всех граждан без различия. Коммуна вызвала Жире-Дюпре к себе и потребовала у него объяснений по поводу его злостной инсинуации. Жиронда увидела в этом инциденте средство избавиться от своей соперницы.

Ролан начал атаку на заседании 30 августа. Он заявил, что Коммуна упразднила городской продовольственный комитет, пользовавшийся его доверием, а потому он уже не может более отвечать за регулярное снабжение Парижа продовольствием. Шудье обвинял Коммуну в том, что она все дезорганизует и, по существу, является нелегальной организацией. Камбон выразился еще более резко. Ролан снова взял слово и сообщил Собранию жалобу инспектора государственных мебельных складов Ресту, у которого агент Коммуны отобрал со склада отделанную серебром пушку (эта вещь была перенесена в комитет секции дю Руль (du Roule). Шудье взошел на трибуну и прочел повестку о вызове в суд Жире-Дюпре, подписанную за день перед тем. Гранженев

потребовал, чтобы прежний муниципалитет снова вступил в исполнение своих обязанностей; в заключение Гаде заставил Собрание вотировать без прений декрет о безотлагательном обновлении всего состава Коммуны. Шабо и Фоше настояли, тем не менее, на признании крупных заслуг перед отечеством этой нелегальной и дезорганизирующей коммуны.

Жирондисты предприняли эту атаку в обстановке патриотической лихорадки, вызванной успешным продвижением неприятеля — 19 августа прусские войска, во главе с самим Фридрихом-Вильгельмом и под командой герцога Брауншвейгского перешли границу, в сопровождении небольшой армии эмигрантов, которые с первых же шагов начали осуществлять угрозы знаменитого манифеста. 23 августа Лонгви сдалась после 15-часовой бомбардировки. Не без основания подозревали в измене командира крепости Лаверна, которого неприятель оставил в живых. Вскоре стало известно, что осажден уже Верден и что роялисты округа Шатильон на Севре в Вандее восстали в количестве нескольких тысяч, по случаю рекрутского набора. Во главе с Бодри д'Ассон они овладели Шатильоном и двинулись на Брессюир. Патриоты отбили их с большим трудом, употребив в дело пушки и дав им три сражения, в которых революционеры потеряли 15 человек убитыми и 20 ранеными, а инсургенты — 200 убитыми и 80 пленными. Только что был открыт крупный, готовый вспыхнуть роялистский заговор в Дофинэ; кроме того, стало известно, что заволновались аристократы Бретани. Нашествие неприятеля могло послужить сигналом к общему восстанию клерикалов и аристократов.

Это трагическое положение не помешало все же жирондистам обрушиться на Коммуну 10 августа. Между тем как Коммуна целиком ушла в организацию национальной обороны, предприняла спешные работы по возведению укреплений около Парижа, где предполагалось создать военный лагерь, приглашала всех граждан работать на траншеях, как они работали в свое время на полях Федерации¹, между тем как она заготовила 30 тыс.

¹ 14 июля 1790 г., в первую годовщину падения Бастилии, в Париже (на Марсовом поле) было устроено торжественное празднество, на котором присутствовали делегаты от всех департаментов в количестве до 60 тыс. человек, и которое получило название праздника Федерации. Подготовка этого грандиозного праздника потребовала обширных земляных работ. (Прим. ред.)

пик и приступила 27 августа, среди общего энтузиазма, к новому набору солдат, для обеспечения которых огнестрельным оружием обезоруживала подозрительных граждан,—Собрание думало только о том, чтобы добиться реванша за свои прежние унижения, устранить своих политических соперников и подчинить начавшиеся выборы в Конвент своему исключительному влиянию. Негодование Коммуны с каждым днем возрастало и возросло бы еще больше, если бы Коммуна знала, что наиболее видные лидеры Жиронды, совершенно потерявшие головы, считали военное положение безвыходным и намеревались вместе с правительством покинуть Париж, чтобы ускользнуть одновременно и от пруссаков и «от анархистов». Так, Ролан и Серван подготавливали эвакуацию за Луару. Этот проект они составили уже давно. Еще 10 августа Ролан говорил Барбару, что следовало бы удалиться в район центрального плоскогорья и основать «Южную» республику. Другие советовали вступить в переговоры с пруссаками. Журналист Карра 25 июля поместил в своих широко распространенных «Патриотических анналах» странную статью, полную интриг и опасений. Он превозносил в ней герцога Брауншвейгского: «Величайший полководец,—писал он,—и величайший политик Европы... Если он явится в Париж, я готов спорить, что он прежде всего направится в Якобинский клуб и наденет там красный колпак»¹. Карра когда-то был в сношениях с прусским королем и получил от него в подарок золотую табакерку с его портретом. Перед тем, а именно, с 4 января 1792 г., он внушал якобинцам идею призвать на французский престол английского принца. Его восхваления герцога Брауншвейгского свидетельствовали лишь о том, что он считал поражение неизбежным и считал необходимым заключить с Пруссией мир. Такое мнение не было единичным в жирондистской партии: Кондорсе также восхвалял в мае месяце герцога Брауншвейгского в своей газете «Парижская хроника». Не подлежит сомнению, что среди жирондистов, которые так легко отважились на войну, господствовало настроение, которое можно назвать «пораженческим». После капитуляции Лонгви министры и несколько влиятельных депутатов собрались в саду министерства иностранных дел, чтобы выслушать Керсена, вернувшегося из Седана и предсказывавшего, что герцог Брауншвейгский через пят-

¹ Красный колпак носили тогда сторонники революции. (Прим. ред.).

надцать дней будет в Париже «с такою же вероятностью, с какою клин входит в дерево, когда по нему ударяют сверху». Бледный и трепещущий Ролан заявил, что надо удалиться в Тур или Блуа, взяв с собою казну и короля. Клавьер и Серван поддержали его. Но Дантон возмутился: «Я выписал, — сказал он, — свою мать, которой 70 лет. Я выписал моих двоих детей — они прибыли сюда вчера. Я желал бы, чтобы моя семья погибла вместе со мной, прежде чем пруссаки войдут в Париж, чтобы 20 тысяч пожаров сделали из Парижа в одно мгновение груды развалин. Ролан, берегись говорить о бегстве, берегись, чтобы народ не услышал тебя!»

Несомненно, доблесть Дантона была не бескорыстна и не без задней мысли. В Париже он был популярен и имел большое влияние на секции и клубы. В Блуа или в Туре он не был бы человеком, способным освободить или сдержать, в случае надобности, мятежные силы. Но у него была и другая причина противодействовать бегству жирондистов. Он никогда не прерывал контакта с роялистами, у которых работал за деньги. Он позаботился достать себе у Талона, бывшего управляющего государственными фондами, паспорт, с которым мог ускользнуть от полиции Коммуны и бежать в Англию. Через посредство врача Шевтеля, который был послушным орудием в его руках, он поддерживал сношения с маркизом Ларуари, организовавшим как раз в это время восстание в Бретани. Противодействуя удалению правительства в провинцию, он сразу убивал двух зайцев. Если бы неприятель одержал победу, если бы война закончилась восстановлением монархии, Дантон мог бы указать роялистам на свои сношения с Ларуари через посредство Шевтеля, на протекцию, которую он оказал Ламету, Адриену Дюпору, Талону и многим другим роялистам, и потребовать свою долю в победе реакции. Если бы, наоборот, пруссаков отбили, он мог бы похвастаться перед революционерами своим мужеством в крайней опасности, он сделался бы спасителем отечества!

Но каковы бы ни были его мотивы, ему не удалось бы помешать эвакуации столицы, если бы такие влиятельные люди, как Петийон, Верньо и Кондорсе не поддержали его. Жиронда решила остаться в Париже и сокрушить Коммуну, используя патриотическое возбуждение, вызванное плохими вестями, привезенными Керсэном. Но она не приняла в расчет Дантона.

Вечером 28 августа, по окончании совещания, на ко-

тором он сумел отклонить малодушное предложение Ролана, он устремился на трибуну. Своим громовым голосом он заявил, что хочет говорить «как народный министр, как революционный министр». «Надо,— сказал он,— чтобы Собрание показало себя достойным нации. Судорожным движением опрокинули мы деспотизм, и только великим напряжением национальных сил мы заставим отступить деспотов. До настоящего времени мы вели только показную войну — войну, инсценированную Лафайетом; надо сделать ее более ожесточенной. Настало время сказать народу, что он всей массой должен броситься на врага. Когда корабль терпит крушение, экипаж бросает за борт все, что сулит ему гибель. Точно так же все то, что может повредить нации, должно быть отторгнуто ею, а все то, что может послужить ей на пользу, должно быть передано в распоряжение муниципальных властей, при условии удовлетворения претензий собственников». Из установленного таким образом, принципа он тут же вывел необходимые следствия: Исполнительный совет должен назначить комиссаров, «для того чтобы воздействовать на общественное мнение в департаментах», способствовать набору рекрутов, проведению реквизиций, приступить к надзору и чистке властей, выбросить за борт корабля революции все то, что может угрожать ему гибелью. Затем Дантон произнес хвалебный гимн Парижской Коммуне, которая закрыла въезд в столицу и арестовала изменников. «Если надо арестовать 30 тыс., пусть они будут арестованы завтра, и Париж завтра же соединится со всею Францией». В заключение Дантон потребовал декрета, разрешающего производить обыски у всех граждан, и предложил Собранию назначить нескольких депутатов для оказания комиссарам Исполнительного совета помощи при наборе рекрутов и производстве реквизиций.

Собрание вотировало без прений декрет, разрешающий производство обысков, но Камбон, при поддержке жирондистов, указал на неудобства, могущие возникнуть при параллельных действиях комиссаров Собрания с комиссарами Коммуны и Исполнительного совета. Потребовалось вмешательство Базира, чтобы Собрание согласилось делегировать шесть своих членов для производства набора

На следующий день, 29 августа, Дантон, как бы для того, чтобы подчеркнуть свою солидарность с Коммуной, отправился в Городскую думу и произнес речь о «прину-

дительных мерах, которые следовало принять при существующих обстоятельствах»¹. Обыски начались 30 августа в 10 часов утра и продолжались непрерывно в течение двух дней. Каждая секция командировала для этой цели 30 комиссаров. Все дома были обследованы один за другим. Обитателям домов было приказано не выходить на улицу до тех пор, пока их не посетят комиссары. 3 тысячи подозрительных граждан были отведены в тюрьму.

30 августа вечером обыски были в полном разгаре, когда Коммуна узнала, что вотируется декрет об ее роспуске и обновлении всего ее состава. Дарнодери, один из неизвестных членов Коммуны, красноречивыми словами выразил негодование своих товарищей и в заключение предлагал оказать противодействие декрету, губившему общественное дело, созвать народ на Гревскую площадь и, в сопровождении народной толпы, явиться в Собрание. Робеспьер, в свою очередь, восхваляя действия Коммуны 10 августа, громил ее врагов, «всех этих Бриссо и Кондорсе». Но в противоположность Дарнодери, он делал вывод, что Коммуна должна обратиться с воззванием к секциям, передать им свои полномочия и запросить их о средствах удержаться на своем посту или умереть.

На следующий день Тальен произнес в собрании защитительную речь от имени Коммуны. «Все, что мы сделали, санкционировано народом». И он гордо перечислил заслуги Коммуны: «Если вы хотите сразить нас, то разите и народ, который совершил революцию 14 июля, укрепил ее 10 августа и который сумеет ее удержать». Президент Делакура ответил, что Собрание рассмотрит петицию. 1 сентября не было произведено никаких попыток осуществить декрет о роспуске Коммуны. Вечером этого дня Робеспьер заставил Коммуну принять оправдательный адрес, представлявший собою резкую обвинительную речь против Жиронды, но вместе с тем предложил подчиниться закону и возвестить народу новую инвестиру. В первый раз Коммуна не последовала совету своего признанного вождя. Ее полномочный старшина Манюель воспротивился отставке членов Коммуны. Он напомнил совету его торжественную клятву умереть на своем посту и не покидать его до тех пор, пока отечество не будет в безопасности. Коммуна решила остаться на своем посту, и комитет надзора, подкрепленный присоединением Марата, уже готовил грозный ответ Жиронде.

¹ Баррьер, с. 18, и Буше и Ру, с. 17 (текст незнакомый гг. М. Турно и Андре Фрейбургу)

СЕНТЯБРЬ

тром 2 сентября в Париж пришло известие об осаде Вердена. Волонтер батальона Мэны и Луары привез текст требования, адресованного герцогом Брауншвейгским коменданту крепости Бореперу. Волонтер добавил, что Верден, последний укрепленный пункт между Парижем и границей, не сможет защищаться более двух дней. Другой курьер сообщил, что уланы вошли в Клермон Аргоннский на пути в Шалон. Коммуна немедленно обратилась с воззванием к парижанам: «К оружию, граждане; к оружию, враг у порога! Немедленно собирайтесь под ваши знамена, соединимся на Марсовом поле. Пусть немедленно составится армия в 60 тысяч человек». По приказу Коммуны стали стрелять из вестовой пушки, барабаны забили тревогу, загудел набат, заставы

были закрыты, реквизированы все лошади, способные служить войскам, отправлявшимся на границу; всех здоровых мужчин призвали на Марсово поле, чтобы немедленно сформировать их в походные батальоны. Члены Коммуны разошлись по своим секциям. «Они опишут в живых красках своим согражданам,— гласил протокол заседания,— опасности, угрожающие отечеству, измены, которые нас окружают или грозят нам в будущем, захват французской территории; они помогут им понять, что последняя цель всех начинаний наших врагов заключается в возвращении к самому позорному рабству, и что мы согласимся скорее погибнуть под развалинами нашего отечества и обратить наши города в груды обломков, чем снова пережить это рабство».

Коммуна, на которую столько клеветали, еще раз опередила Собрание в исполнении патриотического долга. Когда ее депутация появилась в полдень у решетки собрания, чтобы отдать отчет в принятых Коммуною мерах, Верньо не мог не выразить ей глубокого уважения. Наградив парижан энергичной похвальной речью, он кинул несколько презрительных слов по адресу трусков, которые сеют тревогу, и пригласил всех добрых граждан отправиться в лагерь, расположенный под Парижем, чтобы закончить руками добровольцев начатые фортификационные работы, «так как на рассуждения уже не остается времени; надо рыть могилу нашим врагам, ибо каждый шаг, на который они продвигаются, приближает нас к нашей могиле». Собрание вняло этому призыву к согласию. По предложению Тюрио, оно вотировало декрет, сохранявший Коммуну и уполномочивавший секции усилить ее назначением новых членов. Вслед за этим было прочтено письмо Ролана, сообщавшего об открытии роялистского заговора в Морбигане.

Наконец, на трибуну взошел Дантон в сопровождении всех министров: «Все волнуется, все колеблется, все кипит жаждою боя. Часть народа отправится на границу, другая останется здесь рыть окопы, третья, вооруженная пиками, будет защищать наши города изнутри». Париж оказал огромную услугу всей Франции. Дантон попросил Собрание делегировать двенадцать своих членов для содействия Исполнительному совету при осуществлении великих мер общественного спасения. Следовало издать декрет, что всякий гражданин, отказавшийся лично послужить общему делу или сдать свое оружие, будет приговорен к смерти. Дантон заключил свою короткую и

бурную речь известными, прославившими его, словами: «Набат гудит, но это не сигнал тревоги, это угроза врагам отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, смелость, и еще раз смелость, и Франция будет спасена». Он сел на свое место под оглушительный гром аплодисментов, и все его предложения были приняты без прений.

Благодаря Верньо, Тюрио и Дантону, согласие, казалось, было восстановлено, ввиду общей опасности, между всеми революционными властями. Но тень недоверия еще сохранялась в глубине сердец. Под гром пушек и звуки набата боязнь измены все возрастала. Казалось, весь Париж был опутан сетями предательства. С быстротой молнии распространялся слух о том, что подозрительные граждане, заключенные в тюрьмы, готовились поднять восстание, пользуясь поддержкой извне. Добровольцы, которые записывались на Марсовом поле, читали афиши Марата, прибывшие к стенам несколькими днями раньше. В этих афишах им советовали не уезжать на фронт, не совершив прежде суда над врагами отечества, заключенными в тюрьмах. Они читали также еще совершенно свежие афиши, в которых, под заглавием «Отчет суверенному народу», Фабр д'Эглантин опубликовывал список важнейших преступлений короля и двора. Их нервы еще были взвинчены многочисленными похоронными церемониями, которыми каждая секция в отдельности, а затем и вся Коммуна в целом прославляли убитых 10 августа — жертв вероломства швейцарцев. Последняя такая церемония происходила в виду Тюильрийского дворца, на самом месте сражения, всего восемь дней тому назад, и сопровождалась бурными речами, закончившимися призывами к мести.

Эта месть была обещана парижскому народу, но обещание еще не было выполнено. Чрезвычайный трибунал, созданный после долгих колебаний и с большой неохотой, проявлял крайнюю медлительность. Он приговорил к смерти только трех агентов двора, вербовщика солдат Голлено д'Ангремона, у которого нашли списки рекрутов-роялистов, управляющего королевскими имуществами Лапорта, главного казначея секретных агентов и журналиста де Розой, приветствовавшего в своей «Парижской газете» успехи неприятеля. Но после 25 августа деятельность трибунала замерла. 27 августа он оправдал полицейского Доссонвилля, имя которого было найдено в списке д'Ангремона 31 августа; он оправдал также управляющего замком Фонтенбло Монморена, записка кото-

рого, найденная в бумагах Тюильрийского дворца, возбудила подозрение. Это последнее оправдание вызвало бурю протестов. Толпа освистала судей и угрожала смертью подсудимому, которого удалось спасти только с большим трудом. Дантон своею властью отменил приговор, приказал пересмотреть дело, отрешил от должности национального комиссара Бото-Дюмениля и арестовал его. «Смею думать, — резко писал Дантон общественному обвинителю Реалю, — что оскорбленный народ, негодующий на тех, кто совершил преступление против свободы, и проявивший волю, достойную вечной свободы, не будет более поставлен в необходимость учинить самосуд, но добьется справедливого приговора от своих представителей и судебных властей». Дантон находил естественным, что народ «учинит самосуд», если судьи и присяжные откажутся легально наказать его врагов.

Новый комитет надзора Коммуны, в котором теперь заседал бывший клерк Дантона Дефорж, уже занялся сортировкой заключенных в тюрьмах. Он отпустил на свободу виновных в небольших преступлениях, несостоятельных должников, пойманных в драке и т. п. Возбужденные речами своих представителей в Коммуне, секции, организуя рекрутский набор, разжигали жажду национальной мести против заговорщиков. Секция предместья Пуассоньер решила, что все священники и подозрительные личности, заключенные в тюрьмы, должны быть уничтожены перед отъездом добровольцев в армию. Это мрачное решение было одобрено секциями Люксембурга, Лувра и Фонтэн-Монморанси.

Оно было приведено в исполнение. В тот же день полудни неприсягнувшие священники по дороге в Аббатство были убиты сопровождавшими их конвойными — марсельскими и бретонскими федератами. Только один из них спасся, аббат Сикар, основатель института глухонемых, которого признали в толпе. Банда, состоявшая из лавочников и ремесленников, федератов и национальных гвардейцев, бросилась в Кармелитский монастырь, где было заключено много непокорных священников. Их были выстрелами из ружей, пиками, саблями и палками. Затем, с наступлением ночи, пришла очередь заключенных в Аббатстве. Здесь вмешался комитет надзора Коммуны: «Товарищи, вам приказано судить всех заключенных в Аббатстве без различия, за исключением аббата Ланфан, которого вы должны отвести в безопасное место. — Панис, Сержан». Аббат Ланфан, бывший духовник короля,

имел брата который заседал в комитете надзора. Было симпровизировано подобие трибунала под председательством Станислава Майара. Майар, с тюремным списком в руках, допрашивал заключенных и совещался о форме их наказания со своими присяжными. «Освободить», произносил Майар в случаях осуждения, и количество жертв увеличивалось. Петион, отправившийся 3 сентября в Ла Форс, сообщает, что «те, кто судили, и те, кто выполняли приговоры, действовали с такою уверенностью, как будто были призваны законом к исполнению этих обязанностей». «Они хвастались,— говорит он,— своей справедливостью, умением отличать невинных от виновных, услугами, которые они оказали отечеству».

Бойня продолжалась в следующие дни в других тюрьмах; в Ла Форс в час ночи, в Консьержери утром 3 сентября, в башне Сен-Бернар, в Шатле, в Сен-Фирмен, в Сальпетриер 4 сентября и, наконец, в Бисетре. Опьянение убийством было так велико, что убивали без разбора уголовных преступников и политических, женщин и детей. Некоторые трупы, как например принцессы де Ламбаль, были страшно изуродованы. Число убитых, по приблизительным подсчетам, колебалось между 1100 и 1400.

Население относилось к этим ужасным сценам безучастно или с чувством удовлетворения. Г-жа Жюльен, жена депутата от департамента Дромы, писала своему мужу вечером 2 сентября: «Народ восстал, ужасный в своем бешенстве, и мстит за преступления трехлетних гнусных измен. Воинственный пыл, охвативший всех парижан, производит впечатление какого-то чуда. Отцы семейств, буржуа, войска, санкюлоты — все отправляются на фронт. Народ сказал: мы оставляем дома жен и детей среди врагов, очистим землю свободы. Если бы австрийцы и пруссаки были у ворот Парижа, я не отступила бы ни на один шаг. Я бы продолжала восклицать со спокойной уверенностью: победа за нами!» По экзальтации этой мирной буржуазки, ученицы Руссо, можно судить о настроении других классов.

Патриотическое возбуждение, близость врага, звон набата — усыпляли совесть. В то время как убийцы предавались своей ужасной работе, женщины проводили ночи в церквах за шитьем одежды для добровольцев и приготовлением корпии для раненых. В Коммуну и в секции непрерывно являлись граждане, предлагавшие отечеству самих себя или свое достояние. Многие брали на себя заботу о детях добровольцев, уходивших на фронт.

Азартные игры были запрещены постановлением мэрии. Свинцовые гробы шли на изготовление пуль. Все каретки были заняты изготовлением лафетов и артиллерийских повозок. Общий порыв производил грандиозное впечатление. Возвышенное проявлялось наравне с низким и подлым.

Власти предоставили события их течению. Командующий национальной гвардией Сантерр отвечал на требования, обращенные к нему Коммуной, что не может рассчитывать на повинование своих солдат. Коммуна вознаградила убийц за потерянное время. Собрание послало в места совершения убийств бессильные депутации. Министр внутренних дел писал Собранию 3 сентября: «События вчерашнего дня должны быть преданы забвению. Я знаю, что народ, ужасный в своей мести, сохраняет в ней некоторое подобие правосудия». Жирондистские газеты, олицетворявшие собою почти всю прессу этого времени, оправдывали убийц или приводили в их пользу смягчающие обстоятельства.

Министр юстиции Дантон не сделал ничего для защиты заключенных. Помощнику Ролана Гранпре, умолявшему его принять какие-либо меры, он ответил, если верить словам г-жи Ролан: «Мне наплевать на заключенных: пусть с ними будет все, что угодно». Несколькими днями позже, когда Алкье, президент уголовного трибунала Сены и Уазы, пытался заинтересовать его судьбою заключенных Орлеанской судебной палаты, которых банда Фурнье увела в Версаль с целью убийства, Дантон, пожалвав плечами, ответил: «Не мешайтесь в дела этих людей, иначе вы можете нажить крупные неприятности». Всем известны слова, сказанные им герцогу де Шартр, будущему Луи-Филиппу, в первые дни Конвента: «В тот момент, когда вся мужская часть населения устремилась к армиям и оставила нас без всякой вооруженной силы в Париже, тюрьмы были набиты заговорщиками и всякого рода отверженными, которые ожидали только приближения неприятеля, чтобы истребить нас самих. Я, со своей стороны, постарался предупредить их. Я хотел, чтобы вся парижская молодежь явилась в Шампань, обогрелая кровью, которая обеспечила бы мне ее преданность. Я хотел проложить между ними и эмигрантами кровавый поток». Стоит ли еще упоминать, что секретарь Дантона Фабр д'Эглантин во всеуслышание оправдывал убийц и приводил их в пример для всей Франции.

28 августа, т. е. с того дня, как Ролан и жирондисты

сделали предложение покинуть Париж, Дантон открыто перешел на сторону Коммуны и проникся ненавистью к ее врагам. Истребление заключенных, по его замыслу, должно было не только запугать тайных сторонников внешнего неприятеля, но и заставить задуматься жирондистов. Начинались выборы. Это был удобный случай нанести удар политическим соперникам. Расчет Дантона разделялся всей его партией.

В день 2 сентября, на вечернем заседании Коммуны, Билло-Варенн и Робеспьер донесли о «заговоре в пользу герцога Брауншвейгского, которого одна могущественная партия хочет возвести на французский престол». Они намекали не только на двусмысленные выступления Карра, но и на выступления аббата Анжу в Якобинском клубе, в мае месяце, в пользу герцога Йоркского. Они помнили, конечно, многозначительные слова, произнесенные 17 июля самим Бриссо в Комиссии двенадцати, слова, которые нам передает Барер: «Я вам докажу сегодня вечером,— сказал Бриссо одному из своих коллег,— на основании нашей корреспонденции с Сен-Джемским кабинетом, что от нас самих зависит сблизить нашу конституцию с английской, сделав герцога Йоркского конституционным королем, вместо Людовика XVI». На следующий день после выступления Робеспьера в Коммуне у Бриссо был сделан обыск по ордеру комитета надзора, а через день были подписаны приказы об аресте Ролана и восьми жирондистских депутатов. На этот раз Дантон нашел, что дело зашло слишком далеко. Ведь он был обязан своим портфелем Бриссо и Кондорсе. Он отправился в городскую думу и после энергичного объяснения с Маратом добился отмены приказов об аресте. Дантон слишком презирал человеческую жизнь, чтобы жаждать крови. Когда удар был нанесен и цель достигнута, он делался доступен чувству милосердия. Он способствовал побегу Адриена Дюпора, Талейрана, Шарля Ламета и многих других. Он протестовал против бесполезных жестокостей. Допустив гибель Ролана и Бриссо, он сильно затруднил бы свое положение в министерстве, а он еще не хотел порывать с Собранием. Достаточно было запугать Собрание. Дантону доставляло своеобразное жестокое удовлетворение разыгрывать роль его покровителя.

В этот момент революционная Франция не отказывалась от совершенных ею убийств. Один и тот же дух, одно и то же возбуждение господствовали на всей ее территории. Известным циркуляром, подписанным Дантоном и

разосланным по департаментам, комитет надзора Коммуны оправдывал совершенное злодеяние и предлагал с 3 сентября последовать примеру Парижа: «Парижская коммуна спешит уведомить своих братьев в департаментах, что часть кровожадных заговорщиков, содержащихся в ее тюрьмах, уничтожена народом. Этот акт правосудия оказался неизбежным, чтобы сдержать путем террора легионы предателей, скрывающихся в стенах Парижа, в тот момент, когда народ уходил на врага. Мы не сомневаемся, что вся нация после стольких измен, приведших ее на край гибели, поспешит применить это необходимое средство общественного спасения...»

Циркуляр был излишен. Провинциалы не нуждались в примере Парижа. В некоторых местностях они его опередили. Два священника были убиты в департаменте Орн 19 августа, один священник в департаменте Об — 21 августа, судебный пристав в Лизье — 23 августа и т. д. Всюду, где проходили волонтеры, направлявшиеся к границе, аристократы должны были дрожать за свою жизнь. В Реймсе — 3 сентября, в Мо — 4, в Орне — от 3 до 6, в Лионе — 9, в Кане — 7, в Витто — 12 произошло избие-ние офицеров, священников, подозрительных личностей всякого рода, заключенных в тюрьмах. В собрании департамента Устья Роны, происходившем под председательством Барбару, весть о парижских убийствах вызвала шумные рукоплескания. «Патриотизм», новое божество, требовал человеческих жертв так же, как и старые боги.

Самыми опасными из заподозренных считались всюду неприсягнувшие священники, составлявшие главную массу жертв народной мести. Все три власти — Коммуна, Собрание и Исполнительный совет — сходились на том, что необходимо лишить непокорное духовенство возможности наносить вред делу революции и национальной обороны.

Учредительное собрание закрыло только часть религиозных общин. Оно не трогало тех из них, которые были посвящены делам милосердия или народного просвещения. 31 июля один депутат заявил, что эти общины «монархические тюрьмы, в которых священники служат тюремщикам», а 4 августа Собрание постановило, что дома принадлежащие уже упраздненным религиозным орденам, должны быть очищены к 1 октября и поступить в продажу. Оставались так называемые светские конгрегации, которые Учредительное собрание пощадило, — общины, в которых не произносилось торжественных

обетов, как, например, Оратория, руководившая целым рядом коллежей — Лазаритяне, Сульпиции, Эвдисты или светские конгрегации, как, например, Братство христианских школ или, наконец, женские: сестры Мудрости, Провидения, Креста, Доброго пастыря и т. п. Все они были 18 августа упразднены, и имущества их ликвидированы. Но монахини, работавшие в госпиталях, могли продолжать свою работу на правах частных лиц.

Еще более опасными, чем монахи и члены религиозных общин, казались патриотам неприсягнувшие священники, многие из которых удержались в своих прежних приходах. Под гром пушек 10 августа Собрание постановило, что все декреты, приостановленные королевским veto, должны немедленно войти в силу. Среди них был декрет 27 мая о заключении в тюрьму и высылке в колонии неприсягнувших священников, сеявших смуты. 10 августа вечером Коммуна послала в секции список подозреваемых епископов и священников. Они немедленно были заключены в Аббатство, Кармелитский монастырь, семинарию Сен-Маглуар, где и сделались добычей сентябрьских убийц. Но декрет 27 мая касался только священников, находившихся на государственной службе, на которых распространилось постановление Учредительного собрания о принудительной присяге. Чтобы добраться до остальных, весьма многочисленных священников, Собрание 14 августа обязало их принести присягу в верности свободе и равенству. Значительная часть священников подчинилась этому требованию, чтобы сохранить содержание и продолжать свое прежнее служение. Но декрет 27 мая имел в глазах революционеров еще один крупный недостаток. Он распространялся лишь на священников, против которых возбуждалось обвинение, подписанное 20 активными гражданами. Во многих местностях, население которых относилось сочувственно к неприсягнувшим священникам, собрать 20 подписей было делом совершенно невозможным. 19 августа Камбон и Ланжюинэ потребовали нового закона, который позволил бы нанести решительный удар всем уклонявшимся от присяги без всяких исключений. 23 августа жирондист Ларивьер напутствовал чрезвычайную комиссию, уполномоченную составить новый закон: «Если вы не можете выносить вида тиранических эмблем, я не понимаю, как вы можете так спокойно смотреть на фанатиков, порождающих внутренние смуты, на бедствия и несчастия, которые они ежедневно причиняют. Я требую, чтобы

немедленно был сделан доклад о способе их выселения в колонии, так как каждая минута промедления равнялась новому убийству» (шумные аплодисменты). У революционеров было важное основание скорее покончить с этим вопросом. Выборы в Конвент приближались. Первые собрания должны были состояться 26 августа, а собрания выборщиков — 2 сентября. Следовало поторопиться с изгнанием неприсягнувших священников из Франции чтобы они не могли как-нибудь повлиять на выборы. Маран, Делакруа, Камбон прямо высказывали свои опасения. Маран — 24 августа: «Аристократические священники, загнанные вначале страхом перед революцией, осмеливаются теперь возвращаться в свои приходы и продолжают свою работу, подготавливая нам плохих выборщиков. Необходимо назначить их высылку на 28 число». Делакруа: «Чтобы священники, проникнув в народные собрания, не оказали своего вредного влияния на выборы в Национальный конвент... изгоним, изгоним их скорее». Камбон, под бешеные аплодисменты трибун, предложил немедленно перевезти священников в Гвиану, сельское хозяйство которой нуждалось в рабочих руках. Делонэ поддержал его, но бывший протестантский пастор Ласурс заявил, что отправить священников в Гвиану значило бы послать их на верную смерть. Это замечание подтвердили епископ Фоше и Верньо, и Собрание предоставило священникам выбрать самим места их высылки. Декрет 26 августа давал им 15 дней на отъезд из Франции. По истечении этого срока всех оставшихся во Франции ожидала ссылка в Гвиану. Но священники старше шестидесяти лет или больные были формально исключены из числа приговоренных к высылке; кроме того, декрет не касался духовных лиц, не подлежавших принудительной присяге. Последние подвергались высылке лишь по обвинению, подписанному шестью местными гражданами. Тысячи священников (около 25 тысяч) отправились в чужие страны, причем немногие из них встретили горячий и сердечный прием. В Испании к ним относились почти с подозрением. Лучше всего их принимали в Англии.

Несмотря на огромные размеры этой принудительной эмиграции, римская церковь еще сохранилась во Франции. Священников, не подлежавших принудительной присяге и не присягнувших, старше шестидесяти лет или больных оказалось очень много. Сарлатский епископ продолжал жить в Сарлате и был даже его мэром до самого террора, когда его заключили в тюрьму. Риецкий епископ

удалился в свой родной город Отэн; Марсельский епископ де Беллой — в селение в окрестностях Парижа, откуда продолжал управлять своей епархией; Анжерский епископ Куэ де Лорри переселился в Нормандию; епископ Се-Папуля, Майе де ла Тур Ландри — в Париж; там он рукополагал священников; епископ Санлиса — в Креп-ан-Валуа и т. д. Большинство этих прелатов и неприсягнувших священников, оставшихся во Франции, поклялись в верности свободе и равенству, к большому негодованию своих эмигрировавших собратьев, считавших их чуть не отступниками. Но папа не решился их осудить.

Неизбежным следствием высылки неприсягнувших священников была секуляризация гражданского состояния, которую собрание вотировало на своем последнем заседании 20 сентября 1792 г. За недостатком конституционных священников во многих департаментах, подобно департаменту Северных Берегов, неприсягнувшие священники по-прежнему служили до 10 августа в своих старых приходах. В их руках были записи гражданского состояния. После их высылки некому было выполнять эти смешанные гражданские и религиозные функции. Пришлось передать записи гражданского состояния муниципальным властям. Этой меры уже давно добивались фельяны, или конституционные монархисты, вследствие недовольства верных последователей римской церкви, принужденных обращаться по поводу крестин, свадеб и похорон к официальным священникам, которых они считали отступниками. Многие из них предпочитали лишить своих новорожденных детей всякого гражданского состояния, чем обращаться к этим «самозванцам». Долгое время революционеры противились настояниям неприсягнувших и фельянов, так как боялись ослабить положение конституционного духовенства, отняв у него право регистрировать рождения, браки и смерти.

Но после массовой высылки неприсягнувших священников осуществление этой меры уже не могло увеличить числа последователей контрреволюционной церкви. Революционеры передали записи гражданского состояния в светские руки. Во многих местностях чиновниками гражданского состояния стали сами конституционные священники. Следует заметить, что это отделение гражданского акта от религиозного повлекло за собою ряд важных последствий. Государство все более утрачивало свой религиозный характер. Закон, передававший записи гражданского состояния в светские руки, разрешал

вместе с тем развод, запрещенный церковью.

Конституционные священники были, конечно, обрадованы этим неожиданным избавлением от соперников, но наиболее рассудительные среди них, в свою очередь, сильно призадумались. 11 августа Эрский епископ Тома Линде писал своему брату: «Скоро уже не будет ни королей, ни священников». Да и как падение земного короля могло не поколебать авторитета короля небесного? Тома Линде следующим образом пояснял свою мысль 30 августа: «Парижане кончат тем, что будут кричать, подобно англичанам: долой епископов. Теизм и протестантизм ближе к республиканским учениям. Католицизм всегда был связан с монархией, и в настоящее время он обходится очень дорого». Несколько недель спустя арденский епископ Лафон де Савин писал в том же духе Ролану: «Считаю своим долгом заметить вам, что гражданское переустройство духовенства равносильно его гибели. Основные принципы этого переустройства приведут к тому, что государство станет совершенно чуждо религиозным делам, что жалованье, назначенное католическим священнослужителям, будет рассматриваться как своего рода пенсия после отставки или компенсация за прежнее имущественное положение; что законы о веротерпимости покажутся несовместимыми с материальной поддержкой, оказываемой из общественных средств одному привилегированному культу, и с установленными законом иерархическими делениями...» Оба епископа рассуждали вполне здраво. Дни конституционного духовенства были действительно сочтены. Логика революционных принципов и течение событий толкали революцию на путь смелых решений, перед которыми она два года тому назад с ужасом отступила бы.

Отношение к конституционной церкви становилось все более решительным. Ей пришлось отдать все свое духовное влияние, свои проповеди и благословения на служение новому государству, но и этого оказалось недостаточно: она должна была отдать ему свои материальные излишки. Декрет 19 июня, вызванный докладом финансового комитета, назначал в продажу бывшие епископские дворцы с принадлежащими к ним садами. Епископам пришлось устраиваться на свой счет в меблированных комнатах. Десятая часть их оклада предназначалась для расходов на квартиру. Один из составителей декрета заметил, что «роскошь епископских дворцов не соответствует простоте духовного звания». Епископов

обирали и одновременно читали им нравоучения.

После 10 августа эти тенденции еще более усилились. 14 августа, по предложению Делакруа и Тюрио, Собрание утвердило декрет, согласно которому все бронзовые предметы и памятники, относящиеся к феодальному времени, находящиеся в церквах, должны быть превращены в пушки. Парижская коммуна, примеру которой последовали и другие коммуны, дала этому декрету самое широкое истолкование и, воспользовавшись им, отобрала у церкви большую часть их убранства. 17 августа, «желая», как гласит ее постановление, «служить общественному делу всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении», и «убежденная, что можно извлечь большие ресурсы для защиты отечества из множества идолов, обязанных своим существованием плутням священников и народной темноте», она изломала «все бронзовые распятия, налои, всех ангелов, чертей, серафимов, херувимов», чтобы употребить их на отливку пушек, и все церковные решетки, чтобы изготовить из них пики. 18 августа депутация от братства св. Сульпиция вручила Собранию серебряную статую св. Рока, причем один из членов депутации произнес речь, которую смело можно было бы отнести к эпохе террора: «Различные братства являлись при прежней власти звеньями жреческой цепи, способствовавшей закабалению народа. Мы разбили эти звенья и присоединились к великому братству свободных людей. Мы призывали святого Рока против политической чумы, так сильно опустошившей Францию; но он не внял нашему зову. Тогда мы подумали, что его молчание зависит от его формы. И вот мы принесли его вам, чтобы вы превратили его в звонкую монету. В этой новой форме он безусловно поможет истребить зачумленную расу наших врагов». Собрание последовало этому призыву. 10 сентября оно реквизирировало всю серебряную и золотую церковную утварь, за исключением дароносиц и чаш, и приказало обратить их в звонкую монету, предназначенную на содержание войск. Таким образом, конституционный культ с каждым днем терял свой внешний блеск, действовавший на воображение простого народа. Он приближался все более к евангельской нищете.

12 августа Коммуна запретила священникам носить религиозную одежду вне богослужений. Собрание еще раз последовало примеру Коммуны. Через шесть дней оно повторило запрещение носить церковную одежду, принципиально утвержденное еще 6 апреля.

Коммуна уже установила принцип, что религия частное дело каждого гражданина. 16 августа она предписала «всем религиозным сектам не мешать уличному движению при выполнении своих обрядов», другими словами, она запретила всякие процессии и уличные церемонии. Таким путем Коммуна обобщила декрет, которым Собрание три дня тому назад отменило указ Людовика XVI о процессии 15 августа. Предписание Коммуны не распространялось на священников, участвовавших в похоронной процессии в честь жертв 10 августа.

Не заботясь о логичности своих действий, Коммуна нашла возможным вмешаться во внутреннюю организацию конституционного культа. На следующий день после восстания она отменила плату за требы «по жалобе нескольких граждан на вымогательства конституционного духовенства», и в том же постановлении установила единую форму погребения и упразднила церковных старост и их столы. С этого времени всех граждан хоронили по одинаковому церемониалу, в присутствии двух священников. У дверей церкви уже не было траурных драпировок. Послушное Собрание 7 сентября, в свою очередь, постановило, что священники, получающие содержание от государства и принявшие в той или иной форме плату за совершенные ими требы, будут привлечены к суду трибуналов и лишены места и содержания.

Собрание одобрило браки священников и ставило их даже в пример. 14 августа депутат Лежон потребовал, чтобы епископ Нижней Сены Гратьен, призывавший в своей проповеди священников к воздержанию, был предан суду трибунала, и чтобы священникам было объявлено, что они потеряют свое содержание, если будут печатать сочинения, противоречащие естественным правам человека. Оба предложения были отосланы в законодательный комитет.

В этих мероприятиях можно проследить возникновение теории, пользовавшейся успехом в эпоху Конвента. Конституционное духовенство уже по одному тому, что оно конституционное, должно проникнуться истинным духом конституции. Естественные права человека не допускают вечных обетов. Отсюда запрещение священникам проповедовать почитание таких обетов, запрещение епископам не только увольнять, лишать сана или тревожить женатых священников, но и порицать их публично делом или словом. Конституционное духовенство должно подчиняться государственному закону даже в тех слу-

чаях, когда эти законы противоречат католическим догматам или церковной дисциплине. Другими словами, конституционное духовенство не должно иметь собственного устава.

В эпоху Конвента войдут в силу санкции. Постановление Исполнительного совета от 22 января 1793 г. запретило епископам предписывать священникам, чтобы они вели записи крещений, браков и погребений и производили церковные оглашения, а также — «требовать от них каких-либо, не предусмотренных гражданскими законами, обещаний перед вступлением в брачный союз». Другими словами, епископы должны были венчать без всяких объяснений всех, кто явится к ним за получением таинства: и разведенных, и священников, и атеистов. Приговоры трибуналов возлагали на священников обязанность венчать своих собратьев. Епископов сажали в тюрьму, если они препятствовали этим бракам. Декрет от 19 июля 1793 г. присуждал их за такое преступление к высылке. По этому поводу Делакура воскликнул: «Епископы назначены выборными собраниями; они получают содержание от нации и должны поэтому подчиняться всем законам республики». А Дантон добавил: «Мы сохранили епископов для того, чтобы они подражали своим учителям: эти учителя отдавали цезарю то, что ему принадлежит. А нация выше всякого цезаря». Другими словами, нация главенствует даже в области религии. Она является источником всякого права, всякой власти, всякой истины. Тома Линде был прав, когда писал на следующий день после 10 августа, что падение короля предвещает гибель духовенства

ВЫБОРЫ В КОНВЕНТ

обрание и Коммуна легко пришли к соглашению по религиозному вопросу; зато по всем другим вопросам они вели жестокую открытую и тайную борьбу.

Коммуна рассматривала падение монархии как окончательный переход к республике. Собрание боялось высказаться и откладывало решение.

Чтобы помешать восстановлению королевской власти, Коммуна старалась устранить от выборов всех, кого она подозревала в симпатиях к Людовику XVI. 11 августа она решила отпечатать список парижских избирателей, собравшихся в прошлом году в клубе св. Капеллы, чтобы подготовить выборы в Законодательное собрание. На следующий день она запретила печатание всех роялистских газет и распределила принадлежавшие им печатные

станки между патриотическими газетами. Собрание не осмелилось протестовать против этого насилия, имевшего важные последствия. Роялизм, лишенный печатных органов, не мог пропагандировать своих идей как раз в тот момент, когда открывалась выборная кампания. 13 августа Коммуна ввела в свои акты новое исчисление времени, датируя их I годом всеобщего равенства; она хотела таким образом отметить, что начинается новая эра.

Собрание проявляло крайнюю медлительность. 2 августа один из его членов Сер протестовал против уничтожения статуй королей, которые были удаляемы в Париже и во всех больших городах. Он мотивировал свой протест возможностью несчастных случаев; но другой депутат Маран выразил сожаление уже непосредственно по поводу статуи Генриха IV. Но все было тщетно. Тюрио провел постановление о превращении всех бронзовых статуй в пушки и в звонкую монету. 2 дня спустя Робеспьер потребовал сооружения на месте статуи Людовика XV памятника жертвам 10 августа.

Коммуна пошла еще дальше. 14 августа она послала в Собрание депутацию с требованием вычеркнуть имя короля из списка общественных должностных лиц, а на следующий день Жансонне добился постановления, чтобы судебные приговоры и законы провозглашались отныне от имени нации. Дюко приказал прикрыть «постыдное» изображение Людовика XVI, украшавшее зал заседаний, декларацией прав человека.

Коммуна решила установить на выборах открытое голосование по именному вызову, и Собрание согласилось с ней. Робеспьер протестовал в своей секции против применения двухстепенных выборов, и Коммуна поспешила исправить закон, постановив под его диктовку, что выборы избирательного собрания подлежат ратификации первичных собраний. 17 августа Коммуна приказала опубликовать список лиц, подписавших роялистские петиции от 8 тыс. и 20 тыс. человек, поданные после 20 июня. 22 августа она побудила министров заменить обращение «мсье» обращением «гражданин». Демократы Коммуны и клуба якобинцев потребовали для народа права санкционировать конституцию и законы и отзываться депутатов: они хотели применить буквально предписания «Общественного договора», учредив референдум и императивный мандат.

Республиканское движение быстро распространилось

по провинции. Волонтеры в Вогезах, узнав о низложении Людовика XVI, кричали: «Да здравствует нация без короля!» Рошельские судьи закончили свои поздравления Собранию воззванием: «Самодержавная нация и больше никаких властей!» Страсбургские якобинцы воскликнули: «Да здравствует равенство, и да не будет короля!» Парижские якобинцы в своем выборном циркуляре превозносили республику.

Стало очевидно, что стремление сохранить монархическую форму правления столкнулось с могучим потоком противоположного течения. Депутаты уступили его напору. 22 августа Камбон сказал: «Народ не хочет королевской власти, возврат к старому невозможен». Карра, желая показать, что не думает больше о герцоге Брауншвейгском, советовал своим читателям потребовать от будущих депутатов «клятвы», что они никогда не предложат ни короля, ни королевской власти, под страхом быть зарытыми живыми в землю по возвращении в свои департаменты» (1 сентября). Кондорсе, в свою очередь, провозгласил себя 3 сентября республиканцем, добавив, что перемена династии была бы безумием. На следующий день, 4 сентября, депутаты, возмущенные «гнусной клеветой», что они мечтают возвести на престол герцога Брауншвейгского или герцога Йоркского, дали клятву бороться всеми силами против короля и королевской власти и обратились к нации с республиканской прокламацией от своего имени.

Трудно судить, насколько искренни были эти запоздалые манифестации. Тот же Шабо, который 3 сентября называл «гнусной клеветой» предполагаемый проект возвести на престол иностранного принца, 20 августа, с трибуны якобинцев, советовал федератам остаться в Париже, чтобы следить за Конвентом и помешать ему восстановить королевскую власть и покинуть Париж. И этот же Шабо, несколькими днями позже, подал голос в парижском выборном собрании за герцога Орлеанского, назначенного депутатом в Конвент сверх списка избранных депутатов, несмотря на противодействие Робеспьера. Дантон и его друзья голосовали вместе с Шабо за герцога Орлеанского. Добивался ли последний чего-нибудь большего, чем полномочий депутата Конвента? Его корреспонденция показывает, что он намеревался провести в депутаты своего старшего сына, герцога Шартрского, будущего Людовика-Филиппа, хотя он и не достиг еще к тому времени установленного законом возраста. Но в

конец концов герцог Шартрский не решился, и его отец сам выступил кандидатом на выборах. Перед тем, как выступить перед парижскими избирателями, он обратился к Коммуне с просьбой дать ему новое имя, и Коммуна формальным постановлением назначила ему имя Эгалите (равенство), которое он принял «с глубокой благодарностью» (14 сентября). Современники думали, что Дантон, не отличавшийся склонностью к политической метафизике, был подкуплен орлеанским домом. Недавно были найдены рукописные заметки, в которых король Людовик-Филипп рассказывает, что после Вальми Дантон предложил ему свою протекцию и посоветовал приобрести популярность в армии: «Это очень существенно для вас, для всех ваших и даже для нас, в особенности же для вашего отца». Дантон закончил разговор следующим замечанием: «У вас много шансов стать королем». Республика представлялась ему лишь временной формой правления во Франции.

Но в данный момент над королевской властью был поставлен крест. Жирондисты, чувствуя, что Париж и другие большие города ускользают из-под их влияния, старались обеспечить за собой выборы в деревне. 14 августа жирондист Франсуа (де Невшато) провел в Собрании декрет о разделе общинных земель между всеми гражданами и о разделении поместий эмигрантов на маленькие части с возможностью выплаты за них в течение 15 лет равными долями, чтобы бедным людям легче было их приобрести. 15 августа были прекращены все судебные преследования, возбужденные по поводу бывших феодальных прав. 25 августа Собрание отменило, без всякого вознаграждения, все феодальные права, обладатели которых не могли предъявить подлинных документов, доказывавших их происхождение. Падение монархии сопровождалось падением феодализма. Крестьянину не приходилось сожалеть о низложении короля.

Выборные собрания, начавшиеся 2 сентября, заседали по нескольку дней, а иногда и по нескольку недель. Несмотря на разрешение участвовать в выборах пассивным гражданам, движение к избирательным урнам было очень незначительно. Бедные люди не любили терять время на утомительные операции, к которым было мало подготовлены. Роялисты, фельяны, аристократы и просто робкие люди воздерживались от подачи голосов — частью из осторожности, частью из добросовестности. К выборам допускали только после присяги в верности свободе и

равенству. В департаменте Уазы участников первичных собраний 1792 г. было меньше, чем в 1791 и 1790 гг. Двенадцать, по крайней мере, департаментов (Устье Роны, Канталь, Шарант, Коррез, Дром, Эро, Лот, Жер, Уазы, Верхние Пиринеи, Сены и Марны) подражали Парижу, установив открытое голосование по именному вызову. То же происходило и на первичных собраниях Манса. Часто выборные собрания сами производили чистку, изгоняли граждан, заподозренных в противогражданских чувствах. Буржуа и крупные собственники везде получили преобладание почти без сопротивления. Если не считать Парижа и некоторых других городов, ремесленники и рабочие уклонялись от выборов или их приводили на собрание, как послушное стадо. В Quingey, в департаменте Дубе, владелец железодельного завода Луво явился на первичное собрание, приведя с собою толпу рабочих, во главе с музыкантом, играющим на кларнете. Он выгнал из выборной залы своих противников и заставил назначить себя выборщиком. Это был не единственный случай. Депутаты Конвента были избраны решительным меньшинством. Большая часть их принадлежала к буржуазии, интересы которой были тесно связаны с интересами революции. Следовало бы подсчитать, в каком количестве фигурировали среди выборщиков приобретающие национальных имуществ. Такого подсчета не было сделано. На 750 депутатов приходилось всего-навсего два рабочих: оружейный мастер Ноэль Пуэнт, избранный департаментом Роны и Луары, и чесальщик шерсти Армовилль, избранный департаментом Марны.

Если оставить в стороне Париж, в котором вся постановка выборов была в руках партии Коммуны с Робеспьером во главе, на выборах не сказалось влияние еще мало известного в то время антагонизма между Собранием и Коммуной, Жирондой и Горой. В департаментах революционеры, чувствуя свою слабость, стремились скорее выступать единым фронтом, чем разъединяться. Будущий жирондист Бюзо был выбран в департаменте Эр одновременно с будущими монтаньярами Робером и Тома Линде, с которыми он жил тогда в полном единомыслии. Выборщики заботились прежде всего о том, чтобы в Конвент попали люди, способные защитить революцию от внутренних и внешних врагов. Странников монархии не было вовсе. Так как жирондисты были более известны, так как в их руках была пресса и трибуна Собрания, так как они были еще сильны в Якобинском клубе, их

выбрали в большом числе. Бриссо воспевал победу в номере своей газеты от 10 сентября. Но выборщики не имели в виду голосовать за какую-нибудь партию. Они не давали своим депутатам наказа отомстить за раны, которые нанесла их самолюбию Коммуна 10 августа.

Жирондисты, к сожалению, оказались неспособными пожертвовать своей оскорбленной гордостью. Петион был сильно задет неудачей, понесенной им на парижском выборном собрании, которое предпочло ему Робеспьера. Г-жа Ролан, руководившая своим старым мужем, страдала от мысли, что Дантон занял преобладающее положение в Исполнительном совете. Бриссо, Карра, Луве, Гаде, Жансонне, Кондорсе — все вожди партии ненавидели Робеспьера за то, что он противился их воинственной политике, разоблачил их колебания и маневры до и после восстания, предъявил им обвинение в намерении примириться с двором и неприятелем и руководил дерзкой, узурпировавшей их полномочия, Коммуной; они мечтали получить реванш.

Частная переписка г-жи Ролан обнаруживает всю глубину ее ненависти и страха. Она была убеждена, что алмазы из короны, украденные в действительности ворам-профессионалами в Гард-Мебль, были похищены Дантоном и Фабром д'Эглантинном. Она презирала и ненавидела Дантона, хотя он только что заставил отменить приказ Коммуны об аресте ее мужа. Она видела единственное спасение в создании департаментской гвардии, которая стояла бы гарнизоном в Париже и защищала бы Собрание. «Мы далеко не в безопасности, писала она Банкалю, и если департаменты не пошлют свою гвардию в распоряжение Собрания и Совета, вы потеряете тот и другой. Спешите же выслать нам гвардию под предлогом защиты от внешних врагов, против которых отправлены все способные носить оружие парижане, и пусть вся Франция поможет сохранению двух властей, ей принадлежащих и ей дорогих». Эти слова дают возможность судить о происхождении той гибельной политики, которая, подняв департаменты против Парижа, привела через несколько месяцев к федералистской агитации и гражданской войне.

Г-жа Ролан была, к сожалению, услышана, в особенности теми, кто, испугавшись взятия Лонгви, проектировал перевести общественные власти в департаменты центра и юга. 4 сентября Камбон, придерживавшийся в то время политики жирондистов и всегда относившийся

к Коммуне с недоверием, даже и после своего присоединения к монтаньярам грозил Парижу мстостью южан: «Если бы эти презренные клеветники сделались, благодаря нашей слепоте и слабости, хозяевами положения, поверьте мне, господа — благородные граждане юга, поклявшиеся сохранить свободу и равенство в своей стране, пришли бы на помощь угнетенной столице (шумные аплодисменты)... Если бы, по несчастью, свобода была побеждена, и им пришлось бы отступить, не имея возможности излить на новых тиранов свою ненависть, жажду мести и смерти, я не сомневаюсь, что они дали бы в своих недоступных врагам домах священный приют всем несчастным, которым удалось бы ускользнуть от топора французских Сулл». Итак, по мнению Камбона, если бы помощь департаментов, которую он призывал, оказалась недостаточной, пришлось бы снова вернуться к проекту южной республики, проекту, уже обсуждавшемуся несколько дней тому назад на тайных совещаниях Керсена и Ролана. Камбон приводил в доказательство своих угроз слухи о диктатуре, которые он всюду собирал. Эти убийственные обвинения делали свое вредное дело.

Проект эвакуации Парижа, вынесенный на трибуну пылкими словами Камбона, был настолько порочен, что привел в волнение даже Анахарсиса Клоотса. Он не задумался отмежеваться от этого проекта, хотя и боялся в то время Коммуны. «Французам, писал он в «Патриотических анналах» 10 сентября, никогда не придет в голову прятать нас в южных горах, — это значило бы ускорить нашу гибель, это значило бы привлечь на нас внимание всех тиранов Европы, в частности мадридского султана... Париж — город французов; завоевание столицы совершенно разрушило бы весь политический организм». Эта статья поссорила Клоотса с супругами Ролан, а вскоре и с другими жирондистами.

Чтобы добиться учреждения департаментской гвардии, супруги Ролан всеми средствами старались терроризировать Собрание в последние минуты его существования. Они вызывали в нем ужас к Коммуне, которую изображали какой-то бандой убийц и бандитов. 17 сентября Ролан заявил Собранию, что кража в Гард-Мебль является следствием «огромной махинации» и без всякого перехода обрушился на собрание парижских выборщиков, предложившее накануне аграрный закон, т. е. общий передел земель. Он утверждал, что убийцы еще не удовле-

творены, и намерены возобновить свои подвиги: «В некоторых афишах народу советуют подняться снова, если он не растерял еще своих кинжалов. Я знаю авторов этих афиш и тех, кто дает на них деньги». Эта последняя инсинуация намекала, несомненно, на Дантона, который был коллегой Ролана по министерству. И вся эта обвинительная речь, построенная на ложных или искаженных фактах, имела целью подготовить Собрание к следующему заключению: «Необходимо, господа, создать многочисленную гвардию, которая находилась бы в вашем полном распоряжении». Ролан закончил трагическим заявлением об угрожающей ему смертельной опасности. На следующий день он возобновил свою попытку.

К несчастью, вожди Жиронды последовали совету этого высокомерного, трусливого и ограниченного старика. Ласурс 17 сентября в официальном докладе от имени Комиссии двенадцати превзошел Ролана своими мрачными пророчествами. «Существует,— сказал он,— проект помешать Конвенту собраться... Я выдам вам этот гнусный проект... В виде крайней меры предполагают сжечь или разграбить Париж, чтобы нельзя было создать вооруженный лагерь». Он видел в революционерах союзников или агентов герцога Брауншвейгского. Верньо, обычно более рассудительный подтвердил справедливость рассказа Ласурса. Он обвинял комитет надзора Коммуны, призывал к ответу убийц и провел декрет, согласно которому члены Коммуны отвечали своей головой за жизнь заключенных в тюрьмы. Петион, в свою очередь, осуждал фанатичных и вероломных патриотов, подготавливавших, по его словам, новые убийства. На следующий день, по докладу Гаде, был вотирован новый декрет, который увольнял, на этот раз окончательно, всех членов революционной Коммуны, назначал ее переѳормы и восстанавливал мэра Петиона во всех его административных правах, отнятых у него после восстания. Приказы об аресте могли быть отдаваемы впредь только мэром и администраторами полиции. Набат и вестовая пушка могли быть приведены в действие только по формальному приказу законодательного корпуса. В шестинедельном поединке между Коммуной и собранием Собранию принадлежало последнее слово.

Его конечная победа объясняется не только результатом выборов в конвент, который так обрадовал, «воодушевил» г-жу Ролан, но, главным образом, реакцией, произошедшей в настроении парижского населения, а затем и

всей Франции после зверского избиения заключенных. Жирондисты молчавшие во время убийств и предавшие забвению несколько месяцев тому назад жестокости Авиньонского погреба¹, постарались усилить эту реакцию и использовать ее. 10 сентября Бриссо заявил в своей газете, что убийства явились следствием монпаньярского заговора, имевшего, по его словам, своей конечной целью проведение аграрного закона, т. е. дележа земель и имуществ. По его почину и по примеру Ролана, жирондистские журналисты, многие из которых, подобно Луве, получали субсидии из средств министерства внутренних дел, предназначенных на пропаганду, стали призывать собственников к объединению против монпаньяров, Жиронда выставляла себя с этих пор партией порядка, стремящейся к сохранению социальных отношений. Она взяла под свою защиту бывших фейянов. Секция Ломбарда, вдохновленная Луве, и секции Мэль (Mail) и Марэ (Magais) (все эти три секции состояли из крупных коммерсантов) взяли под свою защиту подписавшихся под роялистскими петициями, т. е. те 8 тыс. и 20 тыс. человек, которых Коммуна объявила под подозрением и которые были исключены из числа избирателей. 8 сентября секция Ломбарда заявила Собранию, что она намерена создать из всех добрых граждан всех парижских секций «священную, охранительную конфедерацию» для обеспечения неприкосновенности личности и собственности. По формальному требованию подписавших петицию, Собрание постановило, чтобы подлинники петиций 8 тыс. и 20 тыс. были уничтожены. Реакция была настолько сильна, что сама Коммуна 19 сентября поклялась защищать собственность.

Угрожало ли что-нибудь праву собственности на самом деле? Были ли опасения жирондистов справедливы? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как обстояло тогда дело с социально-экономическим вопросом.

С началом войны положение ремесленников и рабочих и всех вообще потребителей заметно ухудшилось. Производство предметов роскоши прекратилось. Курс

¹ Во время борьбы за присоединение к революционной Франции папского города Авиньона был совершен ряд жестокостей враждующими сторонами. Так, Журдан Головорез (преступный тип и авантюрист, приставший к революции; позднее, в 1793 г., он был судим и казнен) сбрасывал людей в глубокий погреб, служивший складом мяса в прежнем папском дворце. Таким образом погибло более 70 человек.

бумажных денег упал в Париже в августе на 41% и почти настолько же в Марселе, Лилле, Нарбонне, Бордо. Заработная плата поднималась недостаточно быстро, чтобы компенсировать подъем цен на съестные припасы.

Несмотря на ожидавшийся хороший урожай, превосходивший урожай 1791 г., рынки были плохо снабжены съестными припасами. Зерно скрывали, хлеб был редкостью и очень дорог. Политика аристократов, — говорили революционеры. Фермеры предпочитали хранить хлеб и не отдавать его за бумажные деньги. Они знали, что сильная прусская армия приближается к Парижу. Будущее представлялось им полным случайностей, и они решили быть настороже и заготовить себе запасы. Они могли сделать это легче, чем когда-либо прежде, так как революция освободила их от десятины и соляного налога и дала им возможность сделать некоторые сбережения. Им уже не приходилось продавать хлеб по какой угодно цене, чтобы внести налоги и арендную плату. Кроме того, собственникам ферм не было никакого расчета получать ренту бумажными деньгами, и они просили фермеров не торопиться и обождать с уплатою денег. Огромные закупки для армии и флота также способствовали исчезновению съестных продуктов и подъему цен. Хлеб, употреблявшийся в армии в прежнее время, состоял наполовину из пшеницы, наполовину из ржи. Чтобы заинтересовать солдат в революции, Законодательное собрание 8 сентября постановило изготавливать солдатский хлеб из чистой пшеницы. Благодаря этому потребление пшеницы сильно увеличилось. Дороговизна жизни возрастала до того момента, когда развитие революции открыло народу более широкие перспективы и возможности.

Революционная Коммуна представляла интересы малых людей. 11 августа она решила ходатайствовать перед собранием об издании строгих законов против спекулянтов звонкой монетой. Она требовала отмены декрета Учредительного собрания, введшего свободный курс бумажных денег и звонкой монеты. «Смертная казнь, — гласит протокол, — казалась ей не слишком суровой мерой против людей, спекулирующих на народных бедствиях». Но Собрание, состоявшее из богатых людей, притворилось глухим. Депутация граждан, возобновившая 13 августа ходатайство Коммуны, также не имела успеха. Но Коммуна нашла все же средство помочь неимущему классу: она организовала работы по рытью траншей для парижского лагеря, оплачивая эту работу

по 42 су в день. Ремесленники занялись военными работами. Молодые люди записывались волонтерами.

Другие города не располагали такими ресурсами. В Туре после закрытия шелковых фабрик множество рабочих впало в нужду. Они заволновались в начале сентября, требуя таксы на хлеб. 8 и 9 сентября они осадили директорию департамента и заставили ее установить твердую цену на хлеб в 2 су, т. е. вдвое ниже курса. Директория подала ходатайство о перевыборах в избирательный корпус и протестовала против таксы, способной, по ее словам, превратить рынки в пустыню.

В Лионе смуты носили более серьезный характер; 30 тыс. виноградарей остались без работы. Чтобы помочь им в нужде, друг Шалье — Додье, бывший председателем секции еврейского квартала, предложил в конце августа приступить, по примеру Парижа, «к розыскам скупленной муки и зерна», продать их по твердой цене и назначить специальный трибунал для наказания скупщиков всякого рода. Его целью было «искоренить гнусное корыстолюбие и жадность скупщиков, поощряемых слабостью или моральным соучастием судей-аристократов». Центральный клуб, узнав, что Парижская коммуна водрузила постоянную гильотину, потребовал от властей такой же меры, чтобы воздействовать на спекулянтов деньгами и булочников, выпекающих плохой хлеб и грозящих прекратить работу. Муниципалитет отказался удовлетворить требование центрального клуба. В ночь с 25 на 26 августа толпа народа завладела гильотиной и водрузила ее на площади Терро против городской думы. Мятежники захватили тюрьму. В драке были серьезно ранены два заключенных, фабрикант фальшивых ассигнаций и булочник, обвинявшийся в продаже плохого хлеба. Постепенно приобретала ясные очертания идея установить террор для устрашения скупщиков и использовать гильотину для разрешения экономических затруднений. В ожидании ее осуществления лионские якобинцы прибегли к методу прямого воздействия. В сентябре один из них, комиссар полиции Бюсса, сделавшийся впоследствии судьей окружного трибунала, председателем которого был Шалье, составил таксу на продукты и другие предметы потребления, содержащую около 60 статей. Собралась толпа угрожающе настроенных женщин, и муниципалитет ратифицировал таксу, сохранившую силу в течение трех дней.

В деревнях царило такое же беспокойство, как и в

городах, так как в эту эпоху они были наводнены множеством поденщиков, принужденных покупать себе хлеб.

11 августа 1792 г. значительный транспорт хлеба, предназначенный для снабжения департаментов Гар и Эро, был остановлен толпою на Южном канале, близ Каркассонна. Национальная гвардия, вызванная департаментом Од для восстановления порядка, приняла сторону мятежников. В следующие дни толпа еще возросла, 6 тысяч человек собрались по звону набата. 17 августа, под влиянием слуха, что власти вызвали регулярные войска, колонна мятежников направилась в Каркассонн, завладела пушками и ружьями, собранными в городе, убила генерального прокурора-синдика Вердые и, в заключение, выгрузила зерно и сложила его в Каркассонне. Для восстановления порядка потребовалось 4 тыс. солдат.

Приблизительно в это же время пришлось расположить значительные вооруженные силы вдоль Сены, чтобы помешать прибрежным жителям захватывать транспорты хлеба, шедшие из Гавра или Руана к Парижу.

Выведенные из терпения местные власти почти всюду должны были принять меры регламентации, подобные тем которые применялись при старом режиме. Так, департамент Верхней Гаронны постановлением от 14 августа предложил муниципалитетам следить за скупщиками зерна, в особенности «за теми, которые раньше не занимались этим видом торговли, теперь же нахлынули в деревни, делая закупки хлеба». Это означало отменить свободу торговли хлебом, так как отныне ее можно было производить лишь с разрешения или под надзором властей. Указ департамента Верхней Гаронны возлагал на власти обязанность устанавливать личность производящих закупки без разрешения и представлять их в трибунал «дабы они были наказаны по всей строгости законов», — законов, которых еще не существовало. Они должны были также арестовывать всех «неблагоданмеренных, проникающих на рынки и скупающих тайком зерно не для собственного потребления, но с целью перепродажи, и поднимающих, таким образом, цены на съестные продукты». 14 сентября тот же департамент Верхней Гаронны установил принудительный курс бумажных денег.

Этих примеров достаточно, чтобы судить о тревоге, охватившей коммерсантов и собственников за последствия революции 10 августа. Они чувствовали, как вокруг них нарастала глухая ненависть пролетариата. Кроме

того, их постоянно подвергали обложению. Волонтеры соглашались поступать в солдаты лишь при условии, чтобы в момент отъезда им выдавали своего рода премию, которую оплачивали бы богатые люди. Они требовали, сверх того, денежной помощи своим женам и детям. Муниципалитеты добывали необходимые для этого суммы путем сборов, более или менее добровольных. Находили естественным, чтобы богатые, остававшиеся дома, вознаграждали тех, кто жертвовал собою, защищая их добро. Но богатые доказывали на основании законов, что они не обязаны платить эти бесконечные контрибуции, которые на них налагали. Они ожидали только сигнала и предложения, чтобы запротестовать и отказаться.

В момент всеобщего возбуждения, вызванного новостью о взятии Вердена, когда уже начались избиения в тюрьмах, в ночь со 2 на 3 сентября, революционная Коммуна в поисках средств на содержание созданной ею армии волонтеров решила потребовать у Законодательного собрания декрета о том, что фермеры обязаны обмолотить свой хлеб, подлежащий, в случае нужды, реквизиции. Дантон, по своему обыкновению, воспользовался идеей Коммуны и на следующий день, 4 сентября, заставил своих коллег по Исполнительному совету, за исключением Ролана, подписать прокламацию, которой предлагалось принять чрезвычайные меры, чтобы побудить собственников продавать свой хлеб военным агентам и снабжать их путем реквизиции необходимыми перевозочными средствами. Цены должны были фиксировать административные органы. Таким образом, вводилась не только принудительная продажа, но и таксация цен.

Немного времени спустя Законодательное собрание было принуждено декретами от 9 и 16 сентября распространить принципы, положенные в основание снабжения армии, на снабжение продовольствием гражданского населения. Муниципалитетам было предложено мобилизовать рабочих для молотбы зерна и обработки земли, а административным органам — снабжать провиантом рынки путем реквизиций у частных торговцев. Списки торговцев были при этом даны. В случае неподчинения декрету о реквизиции они подлежали наказанию до года принудительных работ, а все зерно их отбиралось в казну. Но установить твердые цены для снабжения провиантом гражданского населения так и не решились. Эти законы не содержали в себе ничего нового, так как многие муниципалитеты и административные органы уже принимали

указанные в них меры по собственному почину и собственной властью. Так, 3 сентября дистрикт Шомона предложил всем коммунам своего округа обмолотить хлеб нового урожая и отвезти его на рынки.

Комиссары, которых Исполнительный совет направил в департаменты, чтобы содействовать рекрутскому набору, следить за подозрительными личностями и поддерживать дух национальной обороны, уехали 5 сентября, захватив с собой прокламацию 4 сентября, предписывавшую реквизиции продовольствия. Деятельность этих комиссаров не замедлила вызвать резкую критику.

Большая часть их была назначена Дантоном из членов Коммуны. Исполнительный совет вручил им самые широкие полномочия. Они имели право «реквизировать у муниципалитетов, дистриктов и департаментов все, что найдут необходимым для спасения отечества» — формула чрезвычайно гибкая, допускавшая самое широкое истолкование. В департаменте Ионны Шартрэ и Мишель сочли необходимым «ввиду недовольства жителей дистриктов Сан, Вилльнев-на-Ионне, Жуаньи и Оксерр администраторами Ионнского департамента и директориями дистриктов» образовать комиссию надзора из 15 членов, уполномоченных следить за деятельностью администраторов дистриктов, принимать всякого рода жалобы и протесты населения против действий трибуналов и заносить их в протокол. Эта чрезвычайная комиссия надзора, члены которой были назначены местным клубом, работала под председательством негодянта Вильтара и помещалась с 10 сентября в одной из зал департаментского управления. Ее члены принесли присягу в присутствии Шартрэ и Мишеля «доносить под общей солидарной ответственностью на всех, кто чинит препятствия общественному делу». Они серьезно отнеслись к своей миссии и осуществляли ее еще в конце октября при видимом одобрении самих властей. Мне неизвестно, прибегали ли комиссары, работавшие в других департаментах, к подобного же рода мерам. Во всяком случае, некоторые из них относились с предубеждением к чрезвычайным мерам, считая их недопустимым превышением власти.

Департамент Верхней Соны отказался принять комиссаров Данжу и Мартена, задержал их и отправил этапным порядком в Париж под конвоем национальной жандармерии. Эти комиссары, по-видимому, не совершили никакого злоупотребления властью, так как Исполнительный совет 5 октября приказал их освободить и потребо-

вал объяснений от департамента.

В департаменте Эр комиссары Моморо и Дюфур распротранили, в целях оправдания реквизиций, декларацию прав собственного сочинения, в которой значилось: «1) нация признает промышленную собственность; она гарантирует ее неприкосновенность; 2) нация гарантирует также неприкосновенность того вида собственности, который неправильно называют собственностью на землю, впредь до издания новых законов по этому предмету». Этот намек на аграрный закон, на недолговечность поземельной собственности вызвал что-то вроде мятежа против комиссаров. Муниципалитет Берная арестовал их 8 сентября и представил в Эрское собрание выборщиков. Председатель собрания Бюзо приказал освободить комиссаров, посоветовав им быть осторожнее и ограничиться выполнением своих прямых обязанностей.

Через несколько дней после этого события комиссары Губо и Селлье были арестованы в Кальвадосе муниципалитетом Лизье, обвинившим их в возмущении населения и в превышении полномочий.

Департамент Финистер задержал Гермера, которого Исполнительный совет послал в Брест и Лориан, «чтобы разыскать в арсеналах оружие, назначенное для вооружения волонтеров». Гермер произносил речи, направленные против Ролана, Гаде и Верньо, восхвалял Робеспьера и распространял памфлеты Марата. Он был лишен свободы в течение нескольких месяцев. Потребовался особый декрет Конвента от 4 марта 1793 г., чтобы заставить власти Финистера освободить его.

Само собою разумеется, Жиронда использовала эти инциденты, чтобы усилить свою кампанию против Коммуны и Горы. Ролан воспользовался случаем нанести удар Дантону за спиной злосчастных комиссаров. 13 сентября он послал Собранию письменную жалобу на злоупотребления комиссаров властью. Они якобы распространяли тревогу, произвели в Анси-ле-Фран самовольный обыск в поисках серебра. Они явились на выборное собрание департамента Сены и Марны, которое под их влиянием допустило открытое голосование, назначение священников коммунами и дало обет отлить пушку калибром в голову Людовика XVI, чтобы, в случае неприятельского нашествия, послать врагам голову этого предателя. Собрание было сильно взволновано, и на следующий день Верньо провел декрет, ограничивавший полномочия комиссаров организацией рекрутского набора и запрещав-

ший им производить реквизиции и отрешать от должностей. Все уже произведенные ими увольнения были аннулированы, а местные власти получили предписание арестовывать комиссаров в случае неповиновения. 22 сентября приказом Исполнительного совета все комиссары были отозваны обратно, и Ролан в особом циркуляре выразил им общественное порицание за то, что они сеяли смуты и посягали на неприкосновенность личности и имущества.

Вся жирондистская пресса с удивительным единодушием выставляла членов Коммуны и монтаньяров «анархистами» и сторонниками аграрного закона, — Бриссо в своей газете, — 17 сентября, Карра в «Патриотических анналах» — 19-го. «Всякий, кто говорит об аграрном законе, — писал последний, — о дележе земель, является настоящим аристократом, врагом общества, злодеем, заслуживающим уничтожения». И он добавлял, что подобная проповедь может запугать собственников и затруднить продажу имущества, принадлежащих эмигрантам. Кералио в одном из номеров «Хроники» (от 22 сентября) резко обвинял Моморо и его сподвижников, «желающих унижить людей, доведя их до скотского состояния, и сделать землю общественным достоянием». Клоотс, банкир-космополит, выдвигал против возмутителей целый ряд обвинений: «Безрассудные или вероломные люди стремятся заронить страх в души собственников. Они хотели бы посеять раздор между французами, добывающими себе средства к существованию обработкой земли, и французами, занимающимися индустриальным трудом. Этот проект дезорганизации исходит из кобленцкой лавочки». Бриссо выражался более определенно, называя дезорганизаторов агентами пруссаков.

Были ли страхи жирондистов преувеличены, притворны или искренни, во всяком случае они имели под собой некоторое фактическое основание. Нет никаких доказательств, что комиссары Исполнительного совета подражали Моморо и отличали, по его примеру, индустриальную собственность от собственности поземельной, угрожая последней отдаленной и мифической опасностью. Но не подлежит сомнению, что существовало значительное число революционеров, требовавших углубления социальной революции и предлагавших для ликвидации экономического кризиса ряд мер более или менее коммунистического характера и более или менее значительные ограничения права собственности.

Кюре из Мошана Пьер Доливье, требовавший в петиции, поданной Собранию после серьезного возмущения в провинции Бос весной 1792 г., амнистии для крестьян, арестованных за убийство мэра Симоно в Этампе, осмелился противопоставить в этой петиции естественное право праву собственности, первобытную справедливость — справедливости законной: «Не восходя к истинным принципам, обосновывающим правомерность и необходимость существования собственности, можно утверждать, что те, кого мы называем собственниками, являются таковыми лишь в силу закона. Действительной собственницей земли может быть только сама нация. Предположим, что нация могла и должна была допустить обычай, устанавливающий частную собственность и право ее передачи; возникает вопрос: могла ли она это сделать, лишив себя права верховного распоряжения продуктами и отказав во всех правах, даже самых неотъемлемых тем, кто не имеет собственности?». Но можно было бы привести и другое соображение, гораздо более убедительное, чем все рассуждения Доливье. Чтобы подойти к нему, надо подвергнуть самостоятельному исследованию все, что входит в идею истинного права собственности, а этого Доливье не сделал. Руссо сказал в одном из своих сочинений: «Тот, кто ест не заработанный им хлеб, крадет его». Язык якобинского священника кажется чрезвычайно смелым. Доливье производит впечатление социалиста. Но этот социализм берет свое начало не только в свободомыслящей философии и естественном праве; в известном смысле он очень архаичен. Строго говоря, Доливье предлагает только использовать в интересах нации права, которые короли уже давно осуществляли на всей территории королевства. Нация наследует Людовику XVI. Социализм Доливье ставит себе скромную цель оправдать применение (и только в случаях крайней нужды) прежних таксаций и регламентаций, отмененных Учредительным собранием. Он кажется новым, благодаря новым способам выражения мысли, но он чрезвычайно консервативен в своей юридической форме, своим евангельском духе, своей цели и своих средствах.

Надо заметить, что все проявления социализма того времени вызваны стремлением разрешить продовольственный кризис.

Один муниципальный чиновник в Лионе, по имени Ланж, которого Мишле, как и Бабефа, считает пред-

вестником новейшего социализма, предложил летом 1792 г. систему общей национализации всех продовольственных продуктов. Его брошюра носит заглавие: «Простые и легкие средства изжить хлебный голод и фиксировать правильную цену на хлеб». Ланж исходит из принципа, что цены на съестные продукты должны регулироваться не претензиями собственников этих продуктов, а платежными средствами их потребителей. Государство должно закупить у хлеборобов весь урожай, установив твердую цену, которая гарантировала бы их от колебаний курса. Акционерная компания фермеров с капиталом в один миллиард двести миллионов, находящаяся под контролем государства и управляемая земледельцами и потребителями, располагающими определенным количеством акций, собирает жатву в 30 тыс. общественных магазинов и фиксирует среднюю цену на хлеб, одинаковую для всей Франции. Ланж подошел к вопросу не только теоретически, он дал систему, тщательно разработанную в мельчайших деталях. Акционерная компания должна быть одновременно компанией страхования от града, пожаров и убытков всякого рода. В предшествовавшем году Ланж уже заявил о своих социалистических убеждениях.

Разрушительные идеи распространялись преимущественно священниками. Летом 1792 г. в Париже объявился аббат Жак Ру, викарий церкви св. Николая на полях. 17 мая 1792 г. он произнес горячую речь о способах спасти Францию и свободу: «Требуйте,— говорил он,— смертной казни для скупщиков съестных припасов, для тех, кто торговлей деньгами, фабрикацией неполноценной звонкой монеты, дискредитирует наши бумажные деньги, невероятно взвинчивает цены на съестные припасы и быстро ведет нас к контрреволюции». Он добивался суровых полицейских мер в области торговли съестными припасами и мечтал о создании общественных магазинов, в которых цены на товары были бы вне конкурса. В его идеях не было ничего общего с коммунизмом, он требовал лишь террористических мер против злоупотреблений правом собственности.

Деревня уже была затронута этой пропагандой. В департаменте Шер юре Птижан из Эпине 10 августа говорил своим прихожанам: «Имущество будет общим; будет только один подвал и одна житница, откуда каждый может взять все, что ему необходимо». Он советовал устроить склады при подвалах и житницах, откуда все

сообща могли бы заимствовать средства к существованию, чтобы таким образом можно было обойтись без денег. Радикальное средство борьбы с денежным кризисом! Он предлагал также своим прихожанам «добровольно отказаться от собственности и согласиться на раздел всех имуществ». В заключение он убеждал их не платить больше налогов. Его «зажигательная» проповедь привела к тому, что 23 сентября 1792 г. он был арестован, а 18 декабря 1792 г. заочно приговорен уголовным трибуналом своего департамента к шести годам лишения свободы. Этот срок был заменен после апелляции одним годом тюрьмы.

Один туманный, но плодовитый публицист Николай де Боннвилль, основавший в 1790 г. газету «Железная глотка», объединивший в «Социальный кружок» «Друзей истины», среди которых проповедывал аббат Фоше, и находившийся, несомненно, в сношениях с фанатичными германскими франк-масонами, переиздал после 10 августа странную книгу «О духе религий», первое издание которой появилось на следующий день после вареннского инцидента и прошло незамеченным. На этот раз книга попала на хорошо подготовленную почву. Среди описаний общины будущего в ней обсуждалась необходимость аграрного закона, хотя и в темных, но весьма определенных по общему смыслу выражениях «Иегова! Иегова! Честные люди приносят тебе свое вечное поклонение. Твой закон¹ есть предмет вечного культа. Твой закон внушает ужас гордецам. Твое имя, веление и Закон Франков... закон аграрный». 39-я глава имела заглавие: «О средствах подготовки общего передела земли». В ней было написано: «Единственно возможное средство достигнуть великого социального сообщества заключается в разделении переходящей по наследству земли на определенной величины равные части между детьми покойного и в дележе остатка земли между остальными родственниками. Фиксируйте отныне наследственную долю для каждого: из детей или внуков покойного в пять или шесть арпанов, и пусть остальные родственники таким же образом разделят между собой остаток наследства. Вы все еще будете очень далеки от справедливости и от признания равных и неотъемлемых прав всех людей».

Итак, аграрный закон, которого так боялись жирондисты, не был ни мифом, ни призраком. Безвестные револю-

¹ Подчеркнуто в тексте, так же как и продолжение.

ционеры, большей частью священники, грезил о новой революции, более глубокой, чем та, которая была осуществлена, революции, издержки которой пришлось бы нести классу буржуа и собственников. Контрреволюционеры уже давно внушали этому классу, что за уничтожением привилегий рождения логически и неизбежно должно последовать уничтожение привилегий богатства. И разве факты не доказывали справедливости этого рассуждения? Без всякого вознаграждения были уничтожены феодальные права, не имевшие документального подтверждения, причем в самый момент дискуссии, 14 июня 1792 г., один депутат, по имени Шерон, употребил ловкий маневр, чтобы отклонить эту, внушавшую ему опасения меру: «Нельзя не признаться, — сказал он, — что многие земельные владения были узурпированы. Я предлагаю, в виде расширения уже примененного в декрете принципа, чтобы все земельные владения, документальное подтверждение которых не может быть воспроизведено, были национализированы». Аргумент подействовал, и Собрание утвердило декрет только после 10 августа. Но вот на богатых наложили контрибуцию, право собственности было ограничено реквизициями и твердыми ценами. Как же можно было не прийти к мысли, что аграрный закон является серьезной опасностью, тем более, что жирондисты, еще сходявшие в то время за революционеров, разражались проклятиями по адресу коммунистов? Страх перед аграрным законом охватил многие департаменты. В Ло избирательное собрание обратилось с воззванием к крестьянам, чтобы отговорить их от дележа поместий, принадлежавших эмигрантам.

Законодательное собрание потребовало от всех чиновников, магистратов и выборщиков присяги в верности свободе и равенству. Администраторы департамента Марны выразили опасение, как бы, принося присягу в верности равенству, они тем самым не выразили согласия на общий раздел имуществ. Многие собрания выборщиков, как, например, в Эр, в Кантале, в Эндр, протестовали против пропаганды аграрного закона и требовали сохранения собственности. Монтаньяр Тома Линде, эрский епископ, 20 августа 1792 г. писал своему брату Роберту: «Революция заведет нас далеко. Берегись аграрного закона».

Согласимся же с жирондистами, что их опасения имели некоторые основания. Но были ли они правы, мешивая монтаньяров с коммунистами?

У коммунистов не было никакой партии. Это были изолированные личности, ничем не связанные друг с другом. Уроженец Лиона Ланж был почти не известен в самом Лионе. Известность Жака Ру не вышла еще за пределы узких улочек мрачного квартала Гравильеров. Когда он попытался после 10 августа пройти депутатом в Конвент, он получил только 2 голоса и должен был удовольствоваться муниципальным шарфом. Доливье и Птижан были еще менее известны. Одни только Моморо и Боннвилль составили себе некоторую репутацию. Моморо был одним из самых влиятельных членов клуба Кордельеров. Вскоре он получил назначение в новую директорию Парижского департамента. Позднее он стал одним из вождей гебертизма. Боннвилль руководил журналом и типографией. Но смелый в своих писаниях, он был крайне робок в практической деятельности. Все его деловые отношения, все его дружеские связи влекли его к жирондистам. Впоследствии он, выполняя поручения Ролана, записался в ряды его приверженцев и атаковал монтаньяров в своем «Бюллетене друзей истины». Этот теоретик аграрного закона внушал жирондистам только доверие и симпатию. Бриссо, называвший его своим другом, рекомендовал его выборщикам для проведения в депутаты Конвента.

Коммуна поклялась охранять неприкосновенность личности и собственности. У нее не могло быть никаких точек соприкосновения с Моморо. Что же касается вождей монтаньяров, то все их симпатии и интересы побуждали их удовлетворять запросам своей клиентуры — санкюлотов; они были готовы на самые радикальные меры, чтобы ослабить продовольственный кризис и воздействовать на дороговизну жизни. Но нет никаких доказательств, чтобы ими руководили какие-нибудь коммунистические соображения. Они решились предпринять реквизиции, так как не видели другого выхода из положения, но долго сопротивлялись введению твердых цен, которого требовали народные агитаторы. Они хотели принять меры предосторожности против злоупотреблений правом собственности и подчинить его общественным интересам, но никогда не думали уничтожить его.

В июле 1792 г. Марат указывал на богатство и социальное неравенство как на источник порабощения пролетариата: «Прежде чем думать о свободе, — говорил он, — надо подумать о том, чтобы остаться живым». Он с негодованием восстал против наглых плутократов,

съедавших за одним обедом пропитание сотни семей. Во всех его сочинениях проступает особый, искренний и мягкий тон, когда он говорит о тяжелой судьбе бедняков, хорошо ему знакомой. Он осуждает скупщиков и грозит им народным правосудием, но было бы тщетно искать в его горячих речах изложения социальной системы.

Гебер, «Отец Дюшен» которого только что начал распространяться, неоднократно указывает богатым, что без санкюлотов, волонтеров и федератов они давно уже пали бы под ударами пруссаков. Он упрекает их в жадности, но в эту эпоху так же далек от всяких планов экономической реформы, как и Марат.

Робеспьер уже давно был признанным вождем монтаньяров. В эпоху Учредительного собрания он при всяком удобном случае оказывал защиту слабым и обездоленным. Он первый протестовал с неослабным жаром против системы цензовых выборов, потерпевшей, наконец, крушение под его настойчивыми ударами; он протестовал против закона о военном положении, требовал народного вооружения; он воскликнул по поводу отмены права первородства: «Законодатели, вы ничего не сделали для свободы, если ваши законы не имеют в виду сгладить осторожными, но действительными средствами крайне неравномерное распределение богатств!» Он хотел ограничить право наследования, и один коммунист, такой же неоспоримый, как Бабеф, возлагал на него все свои надежды (в письме к Купэ из Уазы от 10 сентября 1791 г.). Весьма знаменательно, что Робеспьер воспроизвел целиком в своей газете «Защитник конституции» всю петицию кюре из Мошана против Симоно и приложил к ней сочувственные комментарии. Он выразил при этом сожаление, что люди, извлекавшие выгоду из революции, презирают бедняков. Он нападал с холодной яростью на олигархию буржуазии. Но он формально отрицал коммунизм. Он называл аграрный закон «нелепым страшилищем, изобретенным злыми людьми для глупых людей», как будто бы защитники свободы настолько безрассудны, чтобы задумать проект одновременно опасный, несправедливый и непрактичный». В этом отношении Робеспьер никогда не менялся. Он всегда смотрел на коммунизм как на невозможную и безрассудную мечту. Он хотел ограничить право собственности, предупредить злоупотребления этим правом, но никогда не думал уничтожить его.

Что же касается Дантона, то на первом же заседании Конвента он устремился на трибуну, чтобы обличить ко-

миссаров Исполнительного совета, этих Моморо и Дюфувов, возбудивших возмущение среди собственников своими разрушительными проповедями. Во всем Конвенте не было ни одного явного коммуниста.

Но можно ли сказать, как это неоднократно легкомысленно утверждали, что между жирондистами и монтаньярами не было никакого принципиального разногласия, что их разделяло только соперничество отдельных личностей и концепция той роли, какую столица должна сыграть в общественной жизни? Мысль в корне неверная. Разногласия между жирондистами и монтаньярами были очень глубоки. Это был почти классовый антагонизм. Жирондисты, как это заметил Дону, заключали в себе «большое число собственников и просвещенных граждан»; они признавали иерархические деления общества и хотели их сохранить и упрочить. Они испытывали инстинктивное отвращение к грубому и некультурному народу. Право собственности было для них каким-то неприкосновенным абсолютом. Они считали народ неспособным к управлению государством и сохраняли за своим классом монополию этого управления. Все, что могло воспрепятствовать деятельности буржуазии, казалось им злом. Они исповедовали, подобно Ролану, экономический либерализм в наиболее полном его виде. Самое совершенное государство было, по их мнению, то, которое предоставляло наибольшую свободу отдельному индивидууму.

Монтаньяры, наоборот, являлись представителями маленьких людей, страдавших от военного кризиса, опрокинувших трон и добывших себе политические права путем восстания. Менее сильные в теории, чем жирондисты, но ближе стоящие к действительной жизни, они понимали, что тяжелое положение, переживаемое Францией, требовало исключительных средств. Праву собственности они легко противопоставляли право на существование, индивидуальным интересам — интересы общественные. Они не понимали, что под предлогом уважения к принципам можно противопоставить классовые интересы интересам отечества. Они были готовы прибегнуть, в случае нужды, к ограничению индивидуальной свободы и собственности.

Жирондисты ненавидели Париж не только за то, что он сначала вызвал их, а потом отверг, но, главным образом, за то, что он впервые ввел политику общественного спасения, формулировал и пустил в обращение меры диктатуры, всей своей тяжестью обрушившиеся на их

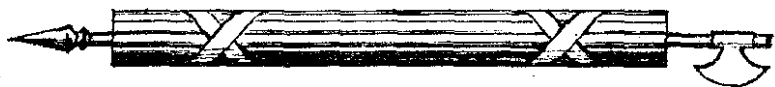
класс. Не столько страх, сколько инстинкт самосохранения восстанавливал их против монтаньяров.

Эта фундаментальная оппозиция двух партий нашла себе выражение в появившихся почти одновременно в октябре месяце произведениях Бриссо и Робеспьера.

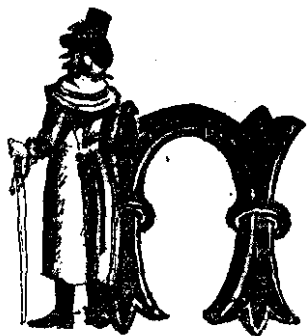
Бриссо писал в своем «Воззвании ко всем республиканцам Франции» по поводу якобинцев: «Дезорганизаторами мы называем тех, кто хочет все уравнивать: земли, имущества, цены на съестные припасы, различные услуги, оказываемые обществу, и т. п., кто хочет, чтобы солдат получал такое же вознаграждение, как и законодатель, кто хочет уравнивать даже таланты, знания, добродетели, так как сам не имеет ни тех, ни других». И Бриссо, взяв, таким образом, под свою защиту всех, включил в ряды дезорганизаторов Марата, Шабо, Робеспьера, Колло д'Эрбуа. Он не указал лишь на Дантона.

Робеспьер в первом номере «Писем к своим доверителям» изложил программу диаметрально противоположную: «Королевская власть уничтожена,— пишет он,— дворянство и духовенство исчезли, начинается царство равенства». И он тут же обрушивается на ложных патриотов, «которые хотели учредить республику только для себя самих», которые соглашались управлять государством лишь в интересах богатых людей и чиновников». Этим ложным патриотам он противопоставляет истинных, «которые стремятся основать республику на принципах равенства и общего интереса». «Заметьте,— говорит он еще,— эту вечную склонность соединять идею мятежа и разбоа с идеей народа и бедности».

Никто не мог бы ошибиться в истинном смысле этих речей. Соперничество Жиронды и Горы, порожденное проблемой войны, обостренное проблемой низложения монархии, после 10 августа уже перестало быть чисто политическим соперничеством. Начиналась классовая борьба. Но Бодо понимал хорошо, что для многих монтаньяров, к которым он принадлежал, политика сближения и сотрудничества с массами была лишь тактикой, вызванной требованиями войны. Большая часть монтаньяров была буржуазного происхождения, подобно жирондистам. Классовая политика, которую они проповедовали, не исходила целиком из народной гущи. Это была политика, вызванная обстоятельствами, плебейский способ, как говорит Карл Маркс, расправляться с королями, священниками, дворянами, со всеми врагами революции. Но этого уже достаточно, чтобы радикально противопоставить ее политике жирондистов.

ВАЛЬМИ

падение королевской власти, так же как и разыгравшийся годом раньше вареннский инцидент¹, неизбежно должно было увеличить трения между революционной Францией и монархическими державами, находившимися еще в мире с ней.

Англия отозвала из Парижа своего посла лорда Гоуэра (Gower). 23 августа, перед самым своим отъездом, он вручил Исполнительному совету довольно резкую ноту, в которой король Георг, подтверждая свой нейтралитет, выражал «заботу о положении их христианнейших вели-

¹ Имеется в виду неудачная попытка Людовика XVI бежать за границу; король был узнан и арестован в пути, в гор. Варенне (22 июня 1791 г.). (Прим. ред.).

честв и королевской семьи» в форме, до некоторой степени оскорбительной и угрожающей по отношению к новым хозяевам Франции. Несколько дней спустя, 2 сентября, английский поверенный в делах Линдсэй (W. Lindsay) также потребовал свои паспорта и уехал в Лондон. Гранвилль уведомил нашего посла Шовелена, что он не будет более принят при дворе.

Императрица российская Екатерина изгнала нашего поверенного в делах Жене.

Стало известно, что оба гессенских курфюрста присоединили свои войска к войскам Австрии и Пруссии, и каждый день можно было ожидать, что империя объявит нам войну.

Избиение швейцарских солдат, защищавших Тюльрийский дворец, вызвало по ту сторону Юрских гор сильный взрыв негодования против французов. Бернское правительство собрало войска и под предлогом, что нейтралитету свободного города Женевы угрожают войска, сконцентрированные Монтестью на Изере, послало в этот город свой гарнизон, вопреки всем договорам, регулировавшим его отношения с Францией. Можно было опасаться, что Берн увлечет за собой и другие кантоны.

11 августа испанский посол в Париже Ириарте (Iriarte) потребовал свои верительные грамоты обратно, а испанское правительство вскоре же сообщило Австрии, что приступает к военным маневрам вдоль Пиренеев.

Все державы, не исключая и самых незначительных, позволяли себе проявлять неуважение к нам и даже бросали нам открытый вызов.

Князь епископ Люттихский, член Священной Германской империи, отказался принять Поцци д'Обиньяна (Pozzi d'Aubignan), которого мы послали к его двору в качестве полномочного министра.

В докладе от 23 августа министр Лебрен был вынужден констатировать, что мы сохраняем удовлетворительные отношения только с Данией и Швецией, и выразить удовольствие по поводу того, что голландский посол все еще пребывает в Париже; впрочем, и он был вскоре отозван.

Кольцо сжималось вокруг революционной Франции, отвергнутой монархической Европой.

Коммуна и монтаньяры спокойно относились к создавшемуся положению. 21 августа прокурор Коммуны Манюель объявил Собранию, что венецианский посол в ближайшую ночь покидает Париж, в сопровождении

11 лиц. «Должно ли Собрание, — спрашивал он, — отпустить послов иностранных держав, не заручившись предварительно уверенностью, что французские послы, аккредитованные при различных европейских дворах, будут пользоваться соответствующим их званию уважением?» Он советовал, таким образом, задержать слуг короля в качестве заложников и проводить предупредительную политику репрессий. Собрание не рискнуло принять определенного решения. Фактически оно передало ведение дипломатических сношений Исполнительному совету.

Совет сначала был склонен к решительным мерам. 24 августа, на следующий день после отъезда лорда Гоуэра, он решил отозвать нашего посла в Лондоне — Шовелена. Но 6 сентября он отказался от своего решения и удержал Шовелена на его посту. За этот промежуток времени взятие Лонгви и Вердена охладило его пыл.

Сам Дантон, воспротивившийся эвакуации Парижа, предложенной Роланом и Серваном, одобрил, тем не менее, политику уступок и торговых сношений с монархическими державами и даже принял в ней активное участие. 28 августа он настоял на посылке в Лондон для секретных торговых сношений с Питтом одного из своих друзей, бывшего аббата Ноэля, сделавшегося журналистом в 1789 г., и назначенного Дюмурею весной 1792 г. начальником отделения по иностранным делам. Ноэль взял с собою в Лондон двух родственников Дантона — его двоюродного брата Рекордэна и другого родственника Мерже. Все время он аккуратно переписывался с Дантоном. Инструкции последнего предписывали ему какой угодно ценой сохранить нейтралитет Великобритании. Он был уполномочен уступить Великобритании остров Тобаго, возвращенный Франции недавним Версальским договором¹. Он должен был успокоить ее по поводу намерений Исполнительного совета в отношении Голландии. Тотчас же после своего прибытия в Лондон Ноэль, к которому вскоре присоединился другой секретный агент, — также тесно связанный с Дантоном, — Бенуа, потребовал денег, больших денег, чтобы купить содействие Англии. Лебрэн посоветовал ему распространить в английском обществе идею, что наступил благоприятный для Великобритании момент завладеть Луизианой и испанскими колониями в Америке. Франция не станет этому препятствовать и даже выразит свое официальное согла-

¹ Здесь имеется в виду договор 1783 г. (Прим. ред.)

сие. Но Питт презрительно отказался вступить в переговоры с Ноэлем.

Еще более наглядным примером растерянности министров может служить другая секретная миссия, которую Лебрэн возложил в это же время на другого агента Дантона — Феликса Депорта, совершенно неопытного, но обладавшего большими аппетитами молодого человека, послав его ко двору герцога Цвейбрюкенского. 3 сентября Депорту предложили завязать секретные переговоры с Пруссией, чтобы отклонить ее от участия в коалиции. «Мне восхваляли ваш гений и ваш патриотизм, — совершенно серьезно писал ему министр, — «вам предоставляется случай выказаться в полном блеске и тот и другой, склонив к стопам Франции наиболее страшного ее противника». И далее, в той же депеше Лебрэн утверждал, что герцог Брауншвейгский, — этот «герой», как он его называл, вслед за Карра и Кондорсе, — вел с нами войну скрепя сердце, и что при его содействии можно добиться мира не только с Пруссией, но и с Австрией. Само собою разумеется, что Депорт, несмотря на свой гений, имел также мало успеха, как и Ноэль.

Гораздо более, чем на эти тайные интриги, жирондисты рассчитывали для предотвращения внешней опасности на всемогущее, по их мнению, действие революционных принципов за границей. Тщетно Робеспьер предостерегал их, еще задолго до объявления войны, от этой опасной иллюзии. Они наивно воображали, что иностранные народы ждут только сигнала, чтобы последовать примеру французов и, в свою очередь, освободиться от своей знати, священников и «тиранов».

По примеру французской революции, которая была делом буржуазии, воспитанной философами, они рассчитывали, что главными деятелями европейской революции будут писатели и мыслители. 24 августа Мари-Жозеф Шенье, в сопровождении нескольких литераторов, явился в Законодательное собрание и потребовал, чтобы Собрание признало «союзниками французского народа» тех иностранных публицистов, которые своими произведениями уже подорвали «основы тирании и подготовили пути к свободе». Он предложил даровать им право французского гражданства с тем, чтобы «эти благодетели человечества» могли быть избраны депутатами. «Если выбор народа проведет этих знаменитых людей в Национальный конвент, какое внушительное и торжественное

зрелище представит собою это собрание, призванное к решению столь великих судеб! Составленное из людей, собранных со всех концов земли, не будет ли оно похоже на «Всемирный конгресс?» Два дня спустя предложение Шенье, несмотря на робкую оппозицию Ласурса, Тюрио и Базира, прошло по докладу Гаде в виде декрета. Права гражданства получили: англичане — Пристли, известный химик, Иеремия Бентам, знаменитый философ утилитаризма, Клэрксон и Вильберфорс, красноречивые защитники черной расы, Яков Мак-Кинтош и Давид Вилльямс, опровергнувшие памфлеты Берка против революции; американцы — Вашингтон, Гамильтон, Томас Пэн; немцы — Шиллер, Клопшток, Камп, Анахарсис Клоотс; швейцарец Песталоцци; итальянец Горани; поляк Тадеуш Костюшко; голландец Конейль Поов. Соответственно желанию Шенье, Пристли, Клоотс и Томас Пэн были избраны в Конвент; первый отказался от своего назначения, но остальные два заняли свои места.

Уже с давнего времени революционеры восторженно принимали иностранных выходцев, укрывавшихся во Франции от мести аристократов. Их принимали не только в клубы, но и в национальную гвардию, на административные должности, в избирательные органы и даже в бюро министерства по иностранным делам. Эти политические эмигранты образовали после объявления войны ядро иностранных легионов, которые должны были освободить после победы свои первоначальные отечества. В центральной армии был лютихский легион, в северной армии — бельгийский. После 10 августа сорганизовался батавский легион, потом аллоброгский, составленный из савойцев, женеццев, невшатальцев и жителей кантона Во и, наконец, германский легион, начальник которого, полковник Домбаш, служил в свое время под начальством Фридриха Великого.

Исполнительный совет содержал за границей многочисленных секретных агентов, пропагандировавших революционные идеи. Он субсидировал лондонские газеты и распространял в Швейцарии, Бельгии, Германии, Италии, Испании бесконечное множество брошюр. Эмигранты каждой нации имели свои клубы и специальные комитеты, которые издавали газеты для их соотечественников. Так, испанец Марчена (Marchena), друг Бриссо, издавал в Байонне на французском и испанском языках «Газету свободы и равенства».

Жирондисты надеялись вызвать массовое дезертир-

ство в австрийских и прусских войсках. 2 августа Гаде провел декрет, согласно которому неприятельским дезертирам назначалась пожизненная пенсия в 100 ливров, переходившая после смерти к их женам, и награждение в 50 ливров. Этот декрет получил широкое распространение на наших северных и восточных границах и был переведен на несколько языков. Предполагалось, что неприятельские армии разбегутся сейчас же после вступления на французскую территорию. На аванпостах собрали несколько десятков бедняков, среди которых оказалось немало шпионов, находивших более удобным устраивать свои дела под защитой трехцветной кокарды и красного колпака. Это удавалось им с тем большею легкостью, что с самого объявления войны не было принято никаких мер против неприятельских подданных. Между тем как Пруссия и Австрия изгнали или заключили в тюрьму всех французов, австрийские и прусские подданные передвигались по Франции совершенно свободно и пользовались даже особым покровительством, если проявляли хоть сколько-нибудь свои гражданские чувства.

Вера в действенность пропаганды была настолько сильна, что считавшийся реалистом Дюмурье послал 24 августа Лебрену составленный им план осуществления революции в Швейцарии с помощью эмигрантов, основавших в Париже Гельветийский клуб. Савойские эмигранты, во главе с врачом Доппе, основателем аллоброгского легиона, убедили Исполнительный совет, что завоевание Савойи будет простой военной прогулкой. 8 сентября маленькая армия Монтеस्कью получила секретный приказ атаковать сардинского короля, с которым в то время мы были еще в мире. 15 сентября министр Лебрен оправдал задним числом эту внезапную предупредительную атаку, ссылаясь на то, что сардинский король допускал стечение в своем королевстве французских эмигрантов, что он сосредоточил свои силы у Монмелиана, позволил австрийцам пройти через его территорию (?) и отказался принять наших дипломатических агентов. Собрание встретило доклад Лебрена шумными аплодисментами.

Австрийцы и пруссаки употребили с пользой трехмесячную отсрочку, которую им великодушно предоставили наши великодушные политики. Между тем как последние, пренебрегая полученными приказами, оставались в бездействии и занимались в свободное время составлением заговоров со двором или фейянами, пропуская удобный

случай захватить безоружную Бельгию, австрийцы и пруссаки смогли компенсировать задержку в мобилизации и концентрации своих сил.

30 июля методичный Брауншвейг выступил с главной армией, состоявшей из 42 тыс. пруссаков и 5 тыс. гессенцев, из Кобленца и направился вверх по Мозелю к французской границе. С правой стороны его прикрывал корпус эмигрантов в 5 тыс. человек и австрийский корпус Клерфэ в 15 тыс. человек. С левой стороны другой австрийский корпус, в 14 тыс. человек, под командой Гогенлоэ-Киршберга, направлялся к Тионвиллю и Мецу. Кроме того, в Бельгии, против Лилля, концентрировалась двадцатипятитысячная австрийская армия и 4 тыс. эмигрантов под командой герцога Саксен-Тешенского.

За границей не сомневались, что герцог Брауншвейгский к началу сентября будет в Париже. Разве французская армия не была дезорганизована массовой эмиграцией ее офицеров? Разве она не была парализована враждой между кадровыми солдатами в белых штанах и голубыми волонтерами?¹ Последние сами выбирали своих офицеров. Могли ли эти штатские люди, назначенные офицерами и не имевшие никакой подготовки, заставить солдат повиноваться себе? Могло ли избрание возместить недостаток опыта и компетентности? Самые старые волонтеры прослужили под знаменами не более года. Они рассеются с криками об измене при первом же ударе, как это имело место в начале войны, в схватках при Торнау и Монсе. Эмигранты повсюду распускали слухи, что имеют сторонников во всех крепостях. Они повторяли, что огромное большинство их прежних вассалов и слуг оставалось в глубине души роялистами, и что они сейчас же поднимутся против тирании якобинского меньшинства, как только увидят белые кокарды. Кампания будет очень непродолжительна — простая увеселительная прогулка.

Первые успехи коалиции подтвердили эти надежды. Пруссак перешли границу 16 августа. Они осадили Лонгви, комендант которой Лаверн, после некоторого подвоя сопротивления, сдался и был оставлен на свободе. Затем осадили Верден, дистрикт которого отрицательно отнесся к событиям 10 августа. Комендант крепости Боррепер, подполковник батальона Мэны и Луары, был патриот и хотел защищаться. Городские роялисты убили

¹ Волонтеры получили новую форму (голубого цвета), которая удержалась во французской армии до наших дней (Прим. ред.).

его и распространили слух, что он сам покончил с собой. Верден сдался 1 сентября. Городские дамы посетили лагерь победителей.

Австрийцы Гогенлоэ-Киршберга 4 сентября обложили Тионвилль. Комендант крепости Феликс Вимпфен, бывший член Учредительного собрания, охотно прислушивался к предложениям неприятеля, которые передавал ему еврей Годшо. Но решительное поведение войск и населения лишило его возможности капитулировать.

Если бы герцог Брауншвейгский проявил большую самоуверенность после взятия Вердена и немедленно выступил в поход на Шалон, он не встретил бы на своем пути никаких серьезных препятствий. Но герцог Брауншвейгский относился с презрением к своему противнику и не торопился.

Исполнительный совет потерял 15 дней в нерешительности и колебаниях. Когда Лафайет, покинутый своими войсками, 19 августа был вынужден бежать, Совет назначил на его место Люкнера. Это был старый хитрый немец, которого патриоты справедливо подозревали в интригах с Лафайетом. Его почти тотчас же возвели в звание генералиссимуса. 21 августа его перевели в Шалон и ограничили его деятельность исключительно организацией волонтеров нового набора, стекавшихся со всех концов Франции. Для надзора за ним приставили двух агентов Совета — Лакло и Билло Варенна, которые тотчас же обвинили его в неспособности и недоброжелательстве. 13 сентября он был отозван в Париж.

Командующим Центральной армией был назначен Келлерман, Рейнской — Бирон, Северной — Дюмурье. Эти три армии, вытянутые в одну линию вдоль границы, не покинули своих позиций. Бирон имел около 25 тыс. человек за Лотером, Келлерман — 28 тыс. в Лотарингии у Меца и Тионвилля. Северная армия была разделена на две группы: большая группа расположилась в Северном департаменте от Дюнкирхена до Мобежа, другая, силою в 19 тыс. человек, около Седана. Позади, между Реймсом и Шалоном, были сконцентрированы для прикрытия Парижа национальная гвардия и волонтеры.

Политические соображения преобладали над соображениями стратегическими. Опасаясь восстания в Париже, Серван и Исполнительный совет хотели во что бы то ни стало остановить герцога Брауншвейгского. Они предписали Дюмурье немедленно принять командование над седанской группой и соединиться с Келлерманом на

Аргоннской возвышенности. Но Дюмурье мечтал завоевать Бельгию и выставил ряд возражений: Он прибыл в Седан только 28 августа и даже тогда предлагал еще Сервану занять Бельгию, поднявшись вверх по Маасу. И только 1 сентября, в день взятия Вердена, он окончательно решил покинуть Седан и занять аргоннские проходы. Герцог Брауншвейгский находился ближе к ним и мог бы предупредить Дюмурье или, во всяком случае, серьезно затруднить его поход, беспокоя его с фланга. Но неприятель не двигался, и 3 сентября Дюмурье достиг Гранпре. Вызвав подкрепление из Фландрии, он баррикадировал лесные дороги и стал ожидать Келлермана, который должен был присоединиться к нему, придя из Меца через Бар-ле-Дюк.

Герцог Брауншвейгский атаковал французскую линию только 12 сентября. Он разбил ее с севера у Круа-о-Буа. Дюмурье, вместо того, чтобы отойти с боем к Шалону, как хотел Серван, отступил на юг к Сен-Менегулю. Дорога на Париж была открыта. Но 19 сентября Келлерман с мецевской армией наконец, присоединился к Дюмурье. Теперь у французов было 50 тыс. против 34 тыс. пруссаков.

Герцог Брауншвейгский не преследовал Дюмурье во время его отступления от Гранпре к Сен-Менегулю. Всегда медлительный и расчетливый, он намеревался выбить французов из их позиций путем остроумного маневра на Вьенн-ле-Шато и Шалад. Но прусскому королю надоели все эти задержки. Он приказал герцогу Брауншвейгскому немедленно атаковать санкюлотов. В полдень 20 сентября прусская пехота развернулась, как на параде, перед Ивронской горой и пригорком Вальми, который занимала армия Келлермана. Прусский король ожидал беспорядочного бегства карманьолов. Но они держались очень твердо. Правда, взрыв трех ящиков со снарядами вызвал некоторое смятение во второй линии. Но Келлерман, взмахнув своей шапкой, надетой на острие шпага, воскликнул: «Да здравствует нация!» Этот клич пронесся от одного батальона к другому. Прусская пехота остановилась. Герцог Брауншвейгский не рискнул возобновить атаку. День закончился артиллерийским поединком, в котором французы показали свое превосходство. Около шести часов вечера начался ливень. Обе армии укрылись на свои позиции. И та и другая понесли незначительные потери: пруссаки — 200 чел., французы — 300.

Победа при Вальми не была стратегической победой,

так как прусская армия осталась нетронутой и по-прежнему находилась между Парижем и французской армией. Это была моральная победа. Презренные санкюлоты выдержали неприятельский огонь. Пруссаки и австрийцы должны были отказаться от иллюзии легко и быстро победить санкюлотов.

Эти погрязшие в традициях люди наивно думали, что за пределами монархического строя может быть только анархия и полное бессилие. Революция впервые показала себя им со своей творческой, организующей стороны. Они испытали глубокое волнение, которое Гёте, присутствовавший в прусском лагере, выразил, как говорят, в следующих знаменательных словах: «С этого места и с этого дня начинается новая эра в истории мира». Великому поэту и философу истина открылась внезапно. Старый строй, покоившийся на догмате и авторитете, уступал место новому, основанием которому служила свобода. Вместо профессиональных армий, обязанных своим существованием пассивной дисциплине, появилась новая армия, одушевленная чувством человеческого достоинства и национальной независимости. С одной стороны, божественное происхождение королевской власти, с другой — права человека и народов. Победа при Вальми показала, что в этой столь неосторожно начатой борьбе права человека не обязательно должны потерпеть поражение.

Герцог Брауншвейгский, крайне неохотно продвинувшийся в Шампань, предпочел бы ограничиться методическим завоеванием всех пограничных крепостей, чтобы устроить себе в них спокойные зимние квартиры. Он не торопился возобновить наступление. Его солдаты были измучены тяжелыми походами по размягченной дождями почве. Шампанский виноград распространял среди них эпидемию дизентерии. К тому же припасы для войска поступали крайне нерегулярно, так как приходилось делать большой крюк от Вердена через Гранпре. И, наконец, крестьяне, лотарингцы и шампанцы, вместо того чтобы принять союзников как благодетелей, сопротивлялись их реквизициям, убегали в леса, убивали оставших солдат. Было очевидно, что широкие массы населения ненавидят эмигрантов и с содроганием приняли бы восстановление феодализма. Герцог Брауншвейгский докладывал королю, что его положение крайне рискованно и что следует отказаться от похода на Париж. Советники короля Лючезини, Манштейн, не сочувствовавшие союзу

с австрийцами, добавляли к словам герцога, что война с Францией не принесет ничего, кроме расходов и потерь, и что пруссакам придется только вытаскивать каштаны из огня для императора.

Дюмурье, со своей стороны, старался возобновить возможно скорее свои проекты относительно Бельгии. Он всегда думал, что для Пруссии и Франции было бы одинаково выгодно заключить союз против Австрии. Он не сделал ничего, чтобы превратить моральную победу при Вальми в победу стратегическую. Вместо того, под предлогом обмена секретаря прусского короля Ломбара, взятого в плен 20 сентября, на вареннского мэра Жоржа, задержанного противником в качестве заложника, он послал 22 сентября агента Исполнительного совета Вестермана в прусский лагерь и открыл с пруссаками секретные переговоры, которые продолжались несколько дней. Дюмурье надеялся отвлечь Пруссию от союза с Австрией. Герцог Брауншвейгский и прусский король, зная честолюбие и продажность Дюмурье, надеялись, в свою очередь, подкупить его и сделать своим орудием для монархической реставрации во Франции или, в крайнем случае, для освобождения Людовика XVI и его семьи. 23 сентября Манштейн, флигель-адъютант Фридриха-Вильгельма, обедал с Дюмурье и Келлерманом в главной квартире в Данпьерр на Ове. Он вручил им ноту, озаглавленную: «Существенные пункты для изыскания средства разрешить мирным путем все недоразумения, возникшие между французским и прусским королевствами»: «1) Прусский король и его союзники желают видеть представителя французской нации в лице ее короля, чтобы иметь возможность вступить с ним в переговоры. Речь идет не о том, чтобы вернуть Францию к старому порядку, но чтобы создать правительство, способное работать на благо всего французского королевства. 2) Король и его союзники желают прекращения всякой пропаганды. 3) Желательно, чтобы король получил полную свободу».

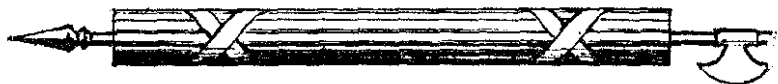
Лишь только Манштейн ушел, Дюмурье и Келлерман получили уведомление о провозглашении республики. Прежние основания для переговоров утратили всякую силу. Но все же удалось добиться перемирия, и Вестерман с прусскими предложениями отправился в Париж. Исполнительный совет, в котором все еще заседал Дантон, рассмотрел эти предложения 25 сентября. Он принял решение продолжать переговоры с пруссаками и просил Манюеля, оставшегося прокурором Коммуны, объединить

извлечения из постановлений Коммуны, обеспечивавших Людовику XVI и его семье приличное существование в Тампле. Коммуна, удивленная требованием Манюеля, доложила о нем Конвенту. Конвент, после небольших дебатов, во время которых Манюель необдуманно обозвал Вестермана агентом прусского короля, предоставил решение вопроса Исполнительному совету. Вестерман поехал обратно в лагерь Дюмурье с протоколами постановлений Коммуны, которые должны были успокоить Фридриха-Вильгельма относительно судьбы Людовика XVI, и с письмом Лебрена, настаивавшего на предложении пруссакам не только сепаратного мира, но и союза с Францией, при условии признания ими республики.

В ожидании Вестермана, Дюмурье продолжил перемирие и обменивался учтивостями и визитами с неприятельскими генералами. 27 сентября он послал Фридриху-Вильгельму кофе и сахар, которых не доставало в прусском лагере, в сопровождении любезного письма «доблестному Манштейну». В этом письме он все же заявил, что пруссакам надлежит признать республику и вести переговоры с Конвентом. Фридрих-Вильгельм не был склонен к такому решительному шагу. Он сухо ответил Дюмурье, что его подарки излишни: «Смею Вас просить более не утруждать себя», и 28 сентября заставил герцога Брауншвейгского подписать резкий манифест, в котором объявлялось всему миру об «ужасных сценах», предшествовавших заключению французского короля, о неслыханных убийствах и дерзости мятежников и, наконец, о «последнем преступлении Национального собрания», т. е. о провозглашении республики.

Получив этот манифест, Дюмурье, в свою очередь, пришел в сильное раздражение. Он ответил на него прокламацией, обращенной к войскам, в которой говорил: «Довольно перемирий, друзья, атакуем этих тиранов и заставим их раскаяться в том, что они пришли осквернить свободную нацию». Фразы для галерки. Дюмурье не атаковал пруссаков и продолжал поддерживать с ними сношения. Фридрих-Вильгельм, имевший всего лишь 17 тыс. здоровых солдат, воспользовался этим благодушным настроением. 30 сентября он выступил из лагеря и беспрепятственно совершил отступление, которое могло бы превратиться в полное поражение. Дюмурье медленно и вежливо следовал за ним, не пытаясь задержать его в Аргоннских ущельях и даже диктуя своим офицерам ложные движения, чтобы не подпустить их близко к неприятелю.

В эти первые дни существования Конвента все улыбалось жирондистам. Нападение было отбито, и наши войска вскоре могли перейти в наступление на других границах. Жирондисты, которые выказали особенное малодушие перед лицом опасности, пожинали теперь плоды этих неожиданных успехов. Но они думали только о том, чтобы вооружиться против своих политических противников. Бриссо сказал впоследствии, что наши успехи «вызвали муки и отчаяние у агитаторов». Таким образом, победа не только не сгладила борьбу партий, но еще более ее усилила.

ТРЕХДНЕВНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Живое Учредительное собрание — Конвент совмещал в себе по идее все власти. Только он имел право истолковывать желания нации. Парижская коммуна должна была ступать перед ним. Прошло время соперничества между национальным представителем и мятежным муниципалитетом. Начиналась эпоха суверенной законности.

От одной Жиронды зависело превратить бесплодную борьбу партий в плодотворное соревнование всех революционеров во имя общественного блага. Коммуна, понимая, что она дискредитировала себя сентябрьскими убийствами, развила усиленную деятельность, выразила порицание своему комитету надзора и переизбрала его, привела в порядок всю свою отчетность перед тем как

исчезнуть, — короче говоря, постаралась доказать провинцию, что ее оклеветали, изображая ее анархической и дезорганизующей властью.

Марат, констатируя поражение монтаньяров на выборах, объявил 22 сентября в своей газете, что намерен следовать «по новому пути». Он выражал доверие конвенту, обещал заглушить свои подозрения и действовать в согласии с защитниками народа.

Марат, по его собственным словам, подчинялся только тактике всей своей партии. Дантон за несколько дней до созыва Конвента разыскал Бриссо и попытался заключить с ним примирение и соглашение: «Он задал мне, — говорит Бриссо, — несколько вопросов относительно моей республиканской доктрины; он опасался, по его словам, вместе с Робеспьером, что я захочу основать федеративную республику, что таково намерение всей Жиронды. Я разубедил его». Монтаньяры сделали первый шаг к примирению, и их действия показывают, что они действительно пытались сдержать свои обещания.

Когда Конвент собрался — это было 21 сентября 1792 г., на следующий день после битвы при Вальми, два дня спустя после триумфального вступления Монтеスキю в Савойю, — Париж поразило своим спокойствием новых депутатов, представлявших себе столицу, по описаниям Ролана и провинциальных журналистов, очагом убийств и анархии. «Нам нужен внутренний мир, — писал 23 сентября Жанбон Сен-Андре муниципалитету Монтобана, — и, в особенности, чтобы добрые граждане не поддавались лицемерным патриотам, как это случилось в Лионе, население которого, в своем ослеплении, установило разорительные для торговцев цены на продукты, вследствие чего торговцы удалились из этого несчастного города, обреченного, благодаря своей несчастной ошибке, на все ужасы голода». Сент-Андре, фигурировавший впоследствии среди самых крайних монтаньяров, не возбуждает подозрений. И тем не менее он осуждает фанатиков, лицемерных патриотов — лионских борцов за твердые цены, друзей Шалье.

Жирондистам, казалось бы, было очень легко управлять в этой атмосфере доверия и согласия. Прежние их политические противники протягивали им руку и давали свидетельство своей искренности.

Но жирондисты, опьяненные победой наших армий, оправдывавшей их внешнюю политику, сильные своим большинством, достигшим в новом Собрании, по словам

Бриссо, двух третей всех мест, не удовлетворились тем, что господствовали в Исполнительном совете, полностью завладели канцелярией Собрания и поместили своих сторонников во все крупные комиссии. Увлеченные страстную, мстительной злобой, они с головой окунулись в политику репрессий. Перемирие, заключенное между Дантоном и Бриссо, длилось не более трех дней, но и за три дня был принят ряд памятных решений.

Конвент организовался 20 сентября, когда Законодательное собрание еще заседало. Он выбрал своим председателем Жерома Петюона, 235 голосами из 253, и учредил канцелярию, назначив секретарями Кондорсе, Бриссо, Рабо де Сент-Этьенн, Верньо, Камюса. Выбор весьма знаменательный! Петюон был отомщен за пренебрежение парижских выборщиков, которые предпочли ему Робеспьера. Все секретари были жирондистские вожди, исключая Камюса, которого считали фейяном. 24 сентября Бантаболь обвинил его перед якобинцами в том, что он подписал роялистскую петицию от 20 тысяч. Избранием Камюса жирондисты засвидетельствовали свое примирение с прежними роялистами.

На следующий день, 21 сентября, Конвент имел свое первое заседание. Франсуа де Невшато приветствовал его от имени умирающего Законодательного собрания и призывал к дружной работе: «Поводы к раздорам должны быть устранены». При этом он осуждал проекты федеративной республики, уже беспокоившие Дантона и Робеспьера: «Вы должны сохранить между всеми частями государства единство управления, центром и связью которого являетесь вы».

Выступивший вслед за ним Манюель предложил поместить председателя Конвента, которого он назвал президентом Франции, в один из дворцов и окружить его почестями. Шабо тотчас же выразил протест, напомнив, что члены Законодательного собрания поклялись бороться с королями и королевской властью. Франция хочет уничтожить не только имя короля, но и все то, что может вернуть королевскую власть. Конвент должен немедленно объявить народу, что подчиняет свои постановления его санкции. Тальен поддержал Шабо: «Я с удивлением слышу здесь споры о каком-то церемониале».

Предложение Манюеля было единодушно отклонено. Это решение означало, что Конвент не намерен подражать Америке и заместить короля президентом, облеченным исполнительной властью.

Кутон, развивая идею Шабо, потребовал, чтобы новая конституция, которую Конвент должен выработать взамен монархической конституции, была утверждена народом: «Я с ужасом прислушивался к разговорам об учреждении триумvirата, диктатуры, протектората», — добавил он. «Эти слухи несомненно являются средством вызвать смуту, изобретенным врагами революции». В заключение он потребовал, чтобы все члены Конвента клятвенно подтверждали свое отвращение и к королевской власти, и к диктатуре, и к триумvirату. Его речь была покрыта шумными аплодисментами.

Базир, желая превзойти Кутона, потребовал закона, угрожающего смертной казнью «всякому, кто осмелится предложить учреждение какой-либо личной и наследственной власти». Руйе и Матье одобрили его предложение. Дантон, в свою очередь, предложил, чтобы устранить «пустые призраки диктатуры, сумасбродные идеи триумvirата, все эти нелепости, изобретенные с целью запугать народ» — декрет об утверждении будущей конституции первичными собраниями. Отвергая всякие преувеличения, другими словами, отмежевываясь от Моморо, он предложил, кроме того, издать для успокоения собственников декрет о вечном сохранении всякой земельной, имущественной и промышленной собственности. Слово «вечное» показалось слишком сильным Камбону, который уже подозревал Дантона в демагогии. Он посоветовал не издавать столь непреложного декрета, и после небольшой дискуссии Конвент принял редакцию Базира: «1. Не может быть другой конституции, кроме той, которая утверждена народом. 2. Личность и ответственность находятся под охраной нации».

Собрание единодушно отвергло и диктатуру и аграрный закон. Так же единодушно оно отменило королевскую власть.

Предложение исходило от Колло д'Эрбуа. Епископ Грегуар поддержал его, воскликнув: «Династии всегда были хищной породы, они пожирали народную кровь». Инстинктивным движением все депутаты встали и заявили о своей ненависти к королевской власти. Один только Базир, напомнив предварительно, что он первый поднял голос против Людовика XVI и объявив, что намерен голосовать за отмену королевской власти, хотел предостеречь Собрание от голосования в обстановке энтузиазма. Его прервал ропот остальных депутатов. Грегуар с силой ответил ему: «Короли в мире моральном то же,

что уроды в мире физическом. Дворы — это мастерские преступления, очаги разврата, логовища тиранов. История королей — мартиролог наций». Декрет об отмене королевской власти был принят единогласно среди изъятий восторга со стороны депутатов и публики на трибунах.

Декрет был с большой торжественностью возвешен Парижу еще во время заседания Конвента, при свете факелов в сумерках наступавшего вечера. Монж, в сопровождении других министров, явился в Собрание и поздравил его с провозглашением республики. Он заявил о готовности всех министров умереть, в случае нужды, достойными республиканцами за свободу и равенство. В тот же день Ролан сообщил административным органам великую, долгожданную новость в особом циркуляре: «Благоволите, господа, провозгласить республику; тем самым вы провозгласите и братство». Повсюду торжественно провозглашали республику и отмену королевской власти. Слова «республика» не было в декрете, его вписали только на следующий день при проверке протокола первого заседания. Но это слово уже горело в сердцах и управляло действительностью.

Неприятель отступал. Победенные роялисты молчали. Республика предстала в ореоле славы, спасительницей революции и отечества.

В этот день, 21 сентября, Ролан обращался с призывом к братству. Казалось, перемирие между партиями установилось надолго. 22 сентября заседание Конвента открылось в обстановке полного согласия. Депутация от секций города Орлеана явилась с жалобой на орлеанский муниципалитет, покровительствовавший богатым и осуждавший 20 июня. Депутация добавила, что секции постановили переизбрать муниципалитет, но муниципалитет отказал им в повиновении. Монтаньяр Дантон и жирондист Мазюйе предложили послать в Орлеан трех членов Конвента, чтобы исследовать дело на месте и принять все надлежащие меры. Конвент принял это предложение. Кутон, расширяя вопрос, объявил подозрительными все административные и муниципальные органы и потребовал их переизбрания. Жирондист Луве горячо поддержал его и предложил переизбрать также и судей. Несколько депутатов высказались в том же смысле. Но Билло-Варенн неожиданно предложил упразднить всех судей и заменить их простыми арбитрами. Представитель умеренных Шассе воскликнул на это: «Я требую, чтобы оратора

призвали к порядку. Он хочет все дезорганизовать и бросить нас в пучину анархии». Обсуждение с этого момента приняло более страстный характер. Скрытая вражда стала явной. Монтаньяры и жирондисты начали нападать друг на друга. «Вы разрушаете административные органы и трибуналы, — сказал Ласурс, — вы хотите все обратить в развалины». Леонар Бурдон возразил ему, что прежде всего надо изгнать роялистов из администрации. Конвент постановил переизбрать все административные, муниципальные и судебные органы, за исключением тех, которые уже были переизбраны после 10 августа. Собрание приветствовало это решение шумными аплодисментами.

Но вскоре прения возобновились. Поводом послужило предложение Тальена, требовавшего, чтобы каждый гражданин мог быть судьей, независимо от того, значится ли он в списке юристов. Ланжюинэ, Гупилло потребовали отсрочки, но Дантон горячо возразил им: «Все законники принадлежат к мятежной аристократии. Если народу придется выбирать из числа этих людей, ему некого будет почтить своим доверием. Мне думается, что, проводя на выборах принцип исключения, следовало бы выключить именно законников, присвоивших себе эту гибельную для народа привилегию. Пусть народ выбирает по своему вкусу талантливых людей, заслуживающих его доверия... Те, кто сделал себя судебским сословием — подобны священникам: они всегда обманывали народ. Правосудие должно руководствоваться простыми законами разума».

Шассе снова заговорил об анархии и дезорганизации: «Назначая в трибуналы людей, не обладающих специальными знаниями, мы поставили бы на место законов произвол судьи. Угождая, таким образом народу, мы отдали бы его судьбу в руки людей, узурпировавших его доверие. Это — угодничество перед народом, — повторяю я». Задетый Дантон ответил личным выступлением против оратора: «Вы не угождали народу во время пересмотра». Шассе, бывший член Учредительного собрания, принадлежал к числу тех, кто, за спиной Барнава и братьев Ламетов, настаивал, после Вареннского инцидента, на пересмотре конституции в монархическом духе. Слова Дантона вызвали продолжительный ропот. Мазюйе потребовал, чтобы его призвали к порядку. Председатель Петион ограничился тем, что выразил Дантону порицание. Прения продолжались в очень повышенном тоне. В резуль-

тате жирондисты были побеждены, а предложение Дантона — принято.

Не этот ли удар возбудил тревогу в жирондистах и заставил их нарушить перемирие? Весьма возможно, так как уже на следующий день, 23 сентября, Бриссо писал в своей газете, что монтаньяры хотят уничтожить все существующие власти, что они угодничают перед народом и стремятся всех уравнять. Выбор судей из числа всех граждан, без различия, казался жирондистам очень серьезной угрозой. Держать в своих руках правосудие — значит распоряжаться и охраной собственности. Не завладеют ли трибуналами монтаньяры? Бриссо первый подал сигнал к тревоге, хотя и утверждал впоследствии, что Робеспьер нарушил мирное соглашение, заключенное между ним и Дантоном.

Бриссо не был одинок в своем выступлении: в этот же день на сцену выступил и Ролан. В длинном докладе Конвенту он обвинял анархистов, продавшихся герцогу Брауншвейгскому, и старался убедить Конвент в необходимости окружить себя значительной вооруженной силой, чтобы обеспечить свою безопасность и свободно продолжать совещания. «Я нахожу, что эта сила должна состоять из людей, не имеющих иного назначения, кроме военной службы, и регулярно ее отбывающих; только наемные войска отвечают этим условиям». На следующий день Ролан снова поднял шум по поводу незначительного происшествия — ареста курьера на Шалонской дороге. Жирондист Керсен, пользуясь текстом письма Ролана, потребовал в пылкой речи чрезвычайных мер для прекращения всяких эксцессов и насилий. «Настало время, — говорил он, — воздвигнуть эшафоты для тех, кто совершает убийства, и для тех, кто их вызывает. Назначьте четырех комиссаров для создания соответствующего закона и обяжите их завтра же представить его Собранию. Нельзя долее медлить с отмщением за права человека, нарушаемые всем, что происходит во Франции». Завязались горячие прения. Монтаньяры — Билло-Варенн, Базир, Тальен — утверждали, что Керсен и Ролан сгущают краски: «Законы существуют, — сказал Тальен, — уложение о наказаниях содержит постановления против убийств. Их применение входит в обязанности трибуналов». Но Верньо возразил, что отклонить проект Керсена — значило бы «объявить во всеуслышание, что убийства дозволены, что прусские эмиссары могут работать внутри страны, восстанавливая отцов против детей».

Гаррон де Кулон заявил в еще более сильных выражениях, что не существует ни одного закона, направленного против тех, кто вызывает преступления, против возбуждающих народ агитаторов. «Каждый день стены покрываются зажигательными афишами, призывающими к мятежу, содержащими проскрипционные списки и клеветнические наговоры на лучших граждан и намечающими новые жертвы». Колло д'Эрбуа выразил удивление, что уже на третий день заседаний Конвента выражается такое оскорбительное недоверие и предлагаются кровавые законы. Ланжюинэ возразил ему, что парижские граждане находятся в состоянии «ощепенения и ужаса». Но это утверждение настолько противоречило действительности, что Собрание возроптало. На трибуну взошел Бюзо. Он сидел в Учредительном собрании рядом с Робеспьером и слыл демократом среди тех, кто еще не знал, что красота и ласки г-жи Ролан, салон которой он часто посещал, увлекли это пустое сердце и беспокойный ум. Бюзо вынес на трибуну все озлобление четы Роланов.

Он начал с напоминания о сентябрьских убийствах. «Если бы эти сцены были известны отдаленным провинциям во всей их ужасной действительности, быть может, законодатели, наши выборные собрания поручили бы нам заседать где-нибудь в другом месте». Затем он попытался поддержать предложение Керсена, восхваляя Ролана и оскорбляя монтаньяров — «это сборище людей, ни принципов, ни цели которых я не знаю». Мало издать закон против подстрекателей к убийствам, надо еще окружить Конвент достаточно сильной стражей, чтобы департаменты могли быть спокойны за своих депутатов. Только при этом условии члены Конвента могут голосовать вполне независимо, не делаясь рабами нескольких парижских депутатов.

Бюзо сильно аплодировали. Базиру, который хотел ему возразить, помешали говорить, объявив прения законченными. Конвент постановил назначить комиссию для расследования общего положения республики и, в частности, столицы, для составления проекта закона против подстрекателей к убийствам и для изыскания средств доставить Конвенту охрану из 83 департаментов.

Жребий был брошен. Жиронда объявила Парижу войну.

Монтаньярам оставалось только принять вызов. Уже накануне один из них — Шабо — оспаривал на заседании клуба якобинцев резкую статью Бриссо, появившуюся

утром этого дня. Он предлагал потребовать у Бриссо объяснений относительно употребленного им выражения «дезорганизирующая партия». Но клуб, по-видимому, еще не хотел начинать враждебных действий. На этом же заседании он выбрал своим президентом Петюна.

Но 24 сентября, после заседания Конвента, якобинцы резко изменили свою тактику. Шабо обвинил «сект обманщиков» в намерении создать федеративное правительство. Фабр д'Эглантин напомнил о нападках Роланда Бюзо на Париж. Председательствовавший Петюн, желая защитить Бюзо, подлил только масла в огонь. Фабр заявил протест против несправедливых оскорблений, нанесенных парижским депутатам. Департаментская стража — мера инквизиторского недоверия — может вызвать гражданскую войну. Но верный примирительным тенденциям своего друга Дантона, Фабр закончил речь призывом к согласию. Петюн присоединился к этому заключению. Но Билло-Варенн, выступивший после Фабра, не удовольствовался отражением атаки жирондистов и предъявил им, в свою очередь, обвинение. Он напомнил все их ошибки и обвинял их в утаивании своих истинных намерений: «Теперь, когда враг продвигается, и у нас не хватает сил задержать его, вам предлагают кровавый закон и обвиняют самых честных людей в сношениях с неприятелем, обвиняют нас, неустанно боровшихся с наступающим врагом. И кто же нас обвиняет? Люди, которые вызвали это наступление; без сомнения, они обвиняют нас в своих собственных изменах». Колло поддержал Билло. Жирондист Гранженев пытался возразить, защищая Бриссо против Шабо. Тотчас же началось волнение. Заседание закончилось угрозой, брошенной Барбару: «800 марсельцев идут походом на Париж и вскоре придут. Этот отряд состоит из людей, вполне самостоятельных в отношении материальных средств; каждый из них получил от своих родителей два пистолета, саблю, ружье и ассигнацию в тысячу ливров». Удивительное действие партийного духа! Этот же самый Барбару, призывавший теперь марсельцев на помощь Конвенту, был председателем выборного собрания в департаменте Устья Роны, а это собрание, как он сам сообщает в своих мемуарах, встретило аплодисментами известие о парижских убийствах.

И в клубе и в Конвенте положение окончательно выяснилось. Обе партии стали на дыбы, возбуждая друг друга призраком проданного отечества.

В этот момент в Якобинском клубе было еще много жирондистов. Петион, бывший председателем клуба, все более склонялся в сторону Жиронды, несмотря на то, что всегда заявлял себя беспартийным. Жирондисты могли бы попытаться отстоять клуб у своих соперников. Но они держались в отношении клуба пренебрежительной тактики самоустранения, по совету Бриссо. Последний отказался явиться по приглашению якобинцев, чтобы дать объяснения относительно своей статьи, и 10 октября был почти единогласно исключен из числа членов клуба. Он ответил на это резким памфлетом, в котором советовал провинциальным клубам порвать всякую связь с центральным клубом. Некоторые клубы, например, марсельский, бордоский, последовали его совету, другие — в Шалоне, Мансе, Валоне, Нанте, Лориане, Байонне, Перпиньяне, Анжере, Лизье — ограничились только угрозой отделиться. Широкие массы революционеров остались верны парижским якобинцам. Жирондисты вышли из состава клуба¹, и монтаньяры могли господствовать безраздельно. Клуб заменил им партийную организацию. Они совещались в нем совершенно свободно и открыто.

Жирондисты, которые все настойчивее выдавали себя за людей порядка и хорошего тона, предпочитали публичным собраниям, слишком шумным и нескромным, по их мнению, частные совещания, тайные собрания вокруг хорошо сервированного стола или в элегантном салоне, среди раздушенного женского общества. Они могли бы соединить своих сторонников в новом клубе. Фейяны так и поступили после избиения республиканцев на Марсовом поле. Но фейяны потерпели плачевное поражение, и Бриссо, пытавшийся собрать вокруг себя остатки их партии, защищался от обвинений в фейянтизме, как от незаслуженного оскорбления. Наиболее видные депутаты его партии — Гаде, Жансонне, Верньо, Дюко, Кондорсе, Фоше — имели обыкновение встречаться почти каждый день перед заседаниями в салоне г-жи Доден, жены богатого администратора Индийской компании, проживавшей в том же доме, что и Верньо, на Вандомской площади, № 5. Эти же депутаты и кроме того, Бюзо, Барбару, Гранженев, Арди, Салль, Деперре, Лидон, Лесаж, Мольво встречались также у Дюфриш-Валазе, на улице Орлеан, Сент-Оноре, № 19. Часто обедали также у Клавьера,

¹ 5 октября в составе членов клуба осталось всего 115 депутатов (Buche et Roux, t. XIX, p. 234).

Петиона, у одного ресторатора в Пале-Рояле, у г-жи Ролан. Обеды у г-жи Ролан, происходившие регулярно два раза в неделю в министерстве внутренних дел, объединяли сливки партии, лидеров. Здесь-то и подготавливались крупные выступления Жиронды.

В те времена, когда все, что напоминало интригу или заговор, вызывало общее осуждение, тайные собрания жирондистских вождей не могли не унижить их в глазах общественного мнения. Монтаньяры, обсуждавшие все вопросы совершенно открыто в своем клубе, легко могли обвинить своих соперников в хитростях и интригах. И Бриссо с давних пор приходилось защищать своих друзей и самого себя от обвинений в стремлении образовать новую партию или заговор: «У Гаде слишком гордая душа,— писал он в своем памфлете против якобинцев,— Верньо слишком высоко ставит свою беззаботность, всегда сопровождающую талант и его обособляющую. Дюко слишком умен и честен, Жансонне слишком глубокомыслен, чтобы сражаться под знаменами какого-нибудь вождя». Бриссо играл словами. Без сомнения, жирондисты не организовали партии, подобной нашим активным группам. У них не было ни председателя, ни вождей. Они подчинялись исключительно моральной дисциплине. Но вопрос был не в этом. Жирондистов обвиняли в том, что они встречались до заседаний, конфиденциально распределяли между собою роли, старались внушить Собранию заранее установленный и разработанный план. Такое обвинение показалось бы странным в наши дни, но в то время оно было очень серьезно, так как народный представитель пользовался тогда совершенно особым престижем и считался как бы жрецом общественного блага. Предполагалось, что он должен следовать только указаниям своей совести и что гарантия общественного благополучия заключается в его полной независимости.

Остальные депутаты не принимали участия в собраниях жирондистских вождей. Они чувствовали себя оскорбленными и вскоре заметили, что сотрапезники г-жи Ролан и г-жи Доден не довольствуются преобладанием на трибуне Собрания, но приберегают для себя и своих друзей все наиболее значительные места в его комитетах и канцелярии. 11 октября был организован комитет по выработке конституции. Из девяти членов этого комитета по крайней мере, семь были друзьями г-жи Ролан: Томас Пэн, Бриссо, Петион, Верньо, Жансонне, Барер, Кондорсе. Восьмой Сизэйс считался умеренным, вполне пре-

данным партии. Девятый был Дантон.

На следующий день Кутон, всегда державшийся в стороне от политических партий и относившийся с недоверием к Коммуне, взошел на трибуну якобинцев, чтобы комментировать результаты голосования: «В Конвенте существуют две партии... — сказал он: — одна состоит из фанатиков и имеет тенденцию к анархии, другая — из тонких, ловких и крайне честолюбивых интриганов, требующих республики. Они требуют ее, подчиняясь ясно выраженному общественному мнению, но в то же время хотят создать аристократию, упрочить свое влияние, располагать по своему усмотрению всеми местами и должностями, в особенности же казною республики... Все места находятся под контролем этой партии. Обратите внимание на состав комитета по выработке конституции; он-то, в особенности, и открыл мне глаза. Эта партия хочет свободы для одной себя, и именно на нее и надо направить всю силу удара».

И Кутон, сделавшийся монтаньяром, несмотря на то; что называл еще монтаньяров фанатиками, объявил, что всякий, отделившийся от якобинцев, является лжебратом и заслуживает проклятий отечества. Он прибавил, что департаментская гвардия предназначена исключительно для содействия жирондистам: «Суверенитет народа будет уничтожен, и из магистратов народится новая аристократия». Многие другие депутаты последовали примеру Кутона. Жирондисты недостаточно остерегались подозрительности и обидчивости своих коллег, не посвященных в тайны их совещаний. Они подавали слишком много поводов к обвинению в организации секты или синдиката, пользуясь терминологией нашего времени. Но это была еще самая незначительная из совершенных ими ошибок.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ «ТРИУМВИРОВ»

Ссора между виновниками 10 августа и теми, кто не мог его предотвратить, заполнила первые восемь месяцев существования Конвента. Она сразу достигла крайнего напряжения. 25 сентября жирондисты решили перейти в наступление и смелым ударом удалить из Собрания двух главных монтаньярских вождей, которых они более всего ненавидели и боялись: Робеспьера и Марата. Они хотели таким образом поразить оппозицию в самое сердце и обеспечить себе безраздельное господство в послушном Собрании.

Наступление начал пастор Ласурс, который уже пытался привлечь Робеспьера к ответу перед верховным судом накануне 10 августа: «Я не хочу, чтобы Париж, управляемый интриганами, сделался во Франции тем же,

чем в Римской империи был Рим. Париж должен пользоваться одной восьмьдесят третьей властью, так же как и всякий другой департамент». И Ласурс дал волю своей ненависти к «этим людям, которые постоянно возбуждали народ против членов Законодательного собрания — действительных защитников свободы... людям, желавшим довести Францию до состояния анархии с помощью разбойников, присланных герцогом Брауншвейгским, и путем этой анархии добиться власти, которой они всегда жаждали». Ласурс не называл имен, но когда Осселен, пытаясь защитить парижских депутатов, к числу которых он сам принадлежал, потребовал, для устранения подозрений, чтобы все члены Конвента предали олигархию и диктатуру анафеме, молодой Ребекки, марсельский депутат, прервал его следующими словами: «Партия, которую только что обвиняли, партия, намеревающаяся учредить диктатуру, есть партия Робеспьера; в Марселе это знают все. Мой коллега Барбару может засвидетельствовать мои слова. Мы для того и присланы сюда, чтобы бороться с этой партией». Так неожиданно обнаружили замыслы Жиронды.

Дантон, понимая огромную политическую опасность таких выступлений, задевающих отдельные личности, раскапывающих их прошлое и способных сделать непримиримыми врагами вождей обеих партий, опасаясь, кроме того, подробного расследования своей собственной деятельности и своего образа жизни, попробовал ослабить взаимные обвинения путем одновременного теоретического осуждения и диктатуры и федерализма. Чтобы внушить Собранию доверие, он начал с того, что отказался от всякого общения с Маратом, «человеком», мнения которого имеют для республиканской партии такое же значение, какое имели для аристократической партии мнения Руайо». «Упорно и давно меня обвиняют в том, что я являюсь автором произведений этого человека... но не будем из-за нескольких фанатиков обвинять целую депутацию». Покончив с «другом народа», Дантон сделал Собранию двойное предложение, способное удовлетворить обе враждующие партии. Он потребовал смертной казни для всякого, провозглашающего диктатуру или триумvirат, и такого же наказания для всех, намеревающихся раздробить Францию. Он сошел с трибуны, закончив свою речь патриотическим призывом к единению: «Австрийцы с содроганием узнают об этой священной гармонии, и с этого момента, клянусь вам, наши враги

мертвы». Собрание шумно аплодировало ему.

Бюзо, опасаясь немедленного голосования предложенный Дантона, пытался убедить Собрание, что его собственный проект об учреждении департаментской гвардии внушен идеей согласия и единства. Робеспьер, со своей стороны, произнес длинную высокомерную речь, перечисляя оказанные им отечеству услуги: «Я смотрю на себя не как на обвиняемого, но как на защитника патриотизма... Никогда не будучи честолюбивым, я всегда боролся с честолюбцами». Он возмущался клеветой жирондистов, обвинявших его в том, что он совещался перед 10 августа с королевой и принцессой де Ламбаль. Он признался, что подозревал своих противников «в желании сделать из республики груды федеративных республик», когда они обвиняли героев 10 августа и лживо превращали их в сторонников аграрного закона. Он предлагал своим противникам выставить против него хотя бы одно обоснованное обвинение и закончил свою речь требованием немедленного голосования обоих предложений Дантона.

Барбару решил принять вызов Робеспьера. Пытаясь доказать, что Робеспьер стремился к диктатуре, он сослался на свой разговор с Панисом за несколько дней до восстания: «Гражданин Панис указал нам на Робеспьера как на человека добродетельного, достойного быть диктатором Франции». Это своеобразное доказательство вызвало ропот Собрания. Панис возразил Барбару: «Откуда он взял подобное обвинение? Кто его свидетели?» — «Я, сударь», — прервал Ребекки. — «Вы его друг, я вас отвожу», — ответил Панис и добавил: — «Да и как мы могли думать о диктатуре в тот момент, когда все патриоты готовились к смерти, когда нашей единственной заботой, нашей единственной мыслью была осада Тюильрийского дворца, и когда мы были совершенно убеждены в недостаточности наших сил... Разве я стал бы думать об учреждении диктаторской власти в ту минуту, когда Парижу угрожала неминуемая гибель».

Чувствуя, что обвинение Робеспьера принимает затяжной характер, другие жирондисты, между ними Буало и Камбон, сделали диверсию и подняли старый вопрос о более реальной диктатуре Парижской коммуны. Бриссо напомнил, что Коммуна во время сентябрьских убийств отдала приказ о производстве у него обыска. Это послужило Панису поводом оправдать комитет надзора: «Пусть только представят себе наше положение: мы были окру-

жены толпой, раздраженной предательствами двора... Многие граждане сообщали нам, что Бриссо уезжает в Лондон с письменными доказательствами дворцовых козней; я не верил, конечно, этому обвинению, но не мог отвечать за Бриссо своей головой. Мне приходилось умерять возбуждение лучших граждан, пользовавшихся доверием самого Бриссо. Я считал за лучшее послать к нему комиссаров с братскою просьбой сообщить содержание его бумаг, убежденный, что это сообщение докажет его невинность и рассеет подозрения; так это и случилось в действительности...» Это объяснение показалось правдоподобным. Возбужденное жирондистами обвинение, относившееся к тому же к старым делам, провалилось.

Марат потребовал слова. Жирондисты ответили криками: «Долой с трибуны!» Марат спокойно и презрительно бросил им: «У меня в этом Собрании много личных врагов.» — «Все, все!» — закричали жирондисты. Не обращая внимания на крики, он продолжал: «Я взываю к совести моих врагов и советую им не набрасываться с пустыми криками, свистом и угрозами на человека, посвятившего себя их же спасению и благу отечества». Эти слова возымели действие, и Марат получил возможность говорить. Обратившись прямо к обвинению в диктаторских замыслах, он с удивительной смелостью и искусством защищал Робеспьера и Дантона: «В целях восстановления справедливости, я должен заявить, что мои коллеги Робеспьер и Дантон и все остальные всегда относились с неодобрением к идеям трибунала и диктатуры. Если кто и виновен в распространении этих идей, то только я. Я считаю себя первым, а быть может, и единственным политическим писателем во Франции, предлагавшим после революции военного трибуна, диктатора или триумvirат как единственное средство искоренить изменников и заговорщиков». Он сослался в свою защиту на свободу печати и, не отрекаясь от своих убеждений, не унижая себя запирательством, снова изложил свою теорию диктатора — «сильного и мудрого человека, облеченного властью лишь для борьбы с преступлением и связанного с отечеством неразрывною цепью». С большим искусством он предостерег Собрание от происков тех, кто хочет посеять в нем раздоры и отвлечь его от занятий серьезными делами.

Речь Марата произвела сильное впечатление своей искренностью, и Верньо возбудил ропот Собрания, когда, поднявшись вслед за Маратом на трибуну, попытался

нанести ему оскорбление: «Для меня, как для представителя народа, является большим несчастьем выступать на этой трибуне вслед за человеком столь кровожадным, исполненным клеветы и злобы, человеком, против которого был издан обвинительный декрет и который дерзко пренебрег законами». Это мелодраматическое негодование показалось неуместным. Верньо перебили, и Петиюну пришлось вмешаться, чтобы сохранить за ним слово. Верньо прочел знаменитый циркуляр комитета надзора Коммуны, предлагавший департаментам последовать примеру сентябрьских убийств в Париже. В самый момент составления этого циркуляра Робеспьер донес Коммуне о мнимом заговоре жирондистских вождей, имевшем целью выдать Францию герцогу Брауншвейгскому. «Это неправда», — перебил Робеспьер. «У меня есть доказательства», — возразил Ласурс. Вместо того чтобы потребовать немедленного расследования дела, Верньо не стал настаивать: «Я искренне обрадовался бы опровержению этого обвинения: оно доказало бы мне, что и Робеспьер мог быть оклеветан». Верньо закончил свою страстную обвинительную речь против Коммуны, потребовав примерного наказания для лиц, подписавших циркуляр комитета надзора, в числе которых были Панис, Сержан и Марат.

Жирондист Буало прочел статью Марата, в которой он призывал к новому восстанию и советовал учредить диктатуру. Множество депутатов потребовали, чтобы Марата отправили в тюрьму Аббатства. Уже собрались приступить к голосованию обвинительного декрета, когда Марат совершенно спокойно заявил, что он был автором объявленной Буало статьи, но что эта статья была написана уже давно, в минуту сильного возмущения. С тех пор он изменил свое мнение, проникся уважением к Конвенту, доказательством чего может служить другая недавняя статья, в которой он намечает «свой новый путь». Чтение этой статьи произвело значительный эффект. В заключение Марат вынул из кармана пистолет и приставил его ко лбу: «Считаю долгом заявить, что если обвинительный декрет будет принят, я разможду себе голову у подножия трибуны. Таковы плоды трех лет тюрьмы и мучений, перенесенных для спасения отечества! Таковы плоды моих бессонных ночей, моей работы, нужды, страданий, опасностей, которых я избежал! Прекрасно! Я останусь среди вас и безбоязненно встречу вашу ярость».

Жирондисты проиграли сражение. Они не смогли одолеть Робеспьера и содействовали популярности Марата, дав ему случай открыть свое истинное лицо перед Конвентом и всею Францией. В заключение прений Кутон предложил провозгласить единство республики. Темой для споров послужила только редакция постановления: оно получило окончательное выражение в знаменитой формуле: «Французская республика едина и неделима». Эта формула обозначала отказ от федерализма, от проекта ввести во Франции конституцию Соединенных Штатов, проекта, который приписывали жирондистам. Кутон потребовал смертной казни для всякого, кто предложит диктатуру. Марат присовокупил: «и для всякого интригана, который провозгласит себя неприкосновенным». «Если вы вознесетесь над народом, он изорвет ваши декреты». Марат добивался отмены парламентского иммунитета. Камбон и Шабо протестовали против предложения Кутона во имя свободы мнений, неотъемлемого права мысли. Собрание согласилось с их доводами. Оно осудило федерализм, но отказалось осудить идею диктатуры.

На этом историческом заседании 25 сентября Дантон выказал себя замечательным политиком, в совершенстве владевшим искусством вести собрание, обращаясь попеременно к рассудку и чувствам участвующих. Именно ему была обязана Жиронда крушением своего плана. С тех пор она питала к нему затаенное чувство недоброжелательства, не проявляя это чувство никакими агрессивными действиями. Она хорошо понимала, что ей не удастся справиться с Горой без содействия Дантона.

Дантону хотелось бы, чтобы Конвент, в первую очередь обновил министерство, составив его из новых людей, незаинтересованных в прежних раздорах. Закон Учредительного собрания о несовместимости министерского портфеля со званием депутата оставался все еще в силе. Дантон заявил на первом же заседании, что выбирает депутатский мандат. Его примеру последовал и Ролан. Жалованье министра было значительно выше жалованья депутата. Мог ли Ролан показать себя менее бескорыстным, чем презируемый жирондистами агитатор? После некоторых колебаний, обусловленных тем, что его избрание в департаменте Соммы оспаривалось, Ролан подчинился народному выбору в патетической речи, украшенной изречениями, вроде следующего: «Легко быть великим, забывая о самом себе, и сильнее всех тот, кто не

боится смерти». Наметив обязанности своего преемника, он рекомендовал Конвенту одного из своих прежних служащих — Паша, достоинства которого описал в напыщенной речи: «Этот новый Абдолоним¹ должен занять место, на котором его мудрость сможет принести наибольшую пользу». Но Ролан подал в отставку только для вида. Его друзья в Собрании считали его уход «общественным бедствием» и добивались, чтобы Собрание специальным голосованием пригласило его остаться при исполнении своих обязанностей. Во время оживленной дискуссии, завязавшейся по этому поводу 27 сентября, увлекшийся Дантон промолвил: «Если вы пригласите Ролана, то пригласите также и г-жу Ролан, так как весь свет знает, что Ролан работал в своем департаменте, а нация нуждается в министрах, способных действовать не по указке своих жен». Собрание прекрасно знало, что Дантон говорит правду. Поднялся продолжительный ропот. В просвещенном XVIII веке нападать на женщину считалось некрасивым приемом, и почти вся пресса беспощадно осудила Дантона. Но Дантон и не выдавал себя за человека из общества. Общий ропот только усилил резкость его выражений. Он нанес Ролану новый тяжелый удар, заявив, что этот добродетельный старик после взятия Лонгви добивался эвакуации Парижа. Это было еще никому не известно, и протоколы заседания отмечают, что слова Дантона вызвали сильное движение. Дантон предложил в заключение заместить без дальнейших задержек Ролана Пашем. Но случилось как раз обратное. На следующий день муж г-жи Ролан заявил в длинном нравоучительном и беззастенчивом послании, что сохраняет портфель министерства за собой. «Я остаюсь, так как существуют опасности; я не боюсь ни одной из них, так как дело идет о спасении отечества». И он бросился в вероломную и безрассудную атаку против современных Сулл и Риенци², смело утверждая существование проектов диктатуры и триумvirата. Его письмо было встречено

¹ Абдолоним — обедневший потомок Сидонских царей, вынужденный довольствоваться скромной профессией садовника, — был восстановлен на троне предков Александром Македонским (IV в. до начала нашей эры).

² Сулла — римский диктатор, совершивший с помощью армии государственный переворот в интересах финансовой и земельной аристократии (82 г. до Р. Х.) и прославившийся беспощадными преследованиями своих политических противников (проскрипции) и конфискации их имущества. Риенци — римский «трибун» XIV в., глава народного восстания против знати. (Прим. ред.)

громом аплодисментов и разослано по департаментам.

Серван, покинувший министерство военных дел для командования сформировавшейся в Пиренеях армией, был замещен Пашем, но Паш был истинный революционер, чуждый всяким интригам, а тем более заговорам. Он жестоко обманул ожидания жирондистов и оправдал похвальную речь, в которой Дантон, по собственному побуждению, восхвалял его патриотизм. Что же касается самого Дантона, то 9 сентября он был окончательно замещен в министерстве юстиции незначительным литератором Гара, тесно связанным с жирондистскими вождями.

Последним казалось недостаточным поместить в Исполнительном совете преданных им, как они думали, людей. Они хотели еще утолить свою месть, осуществить ряд репрессий.

Уже Ролан, в письме от 30 сентября, в котором он брал свою отставку обратно, поместил одну многозначительную фразу: «Я глубоко убежден, что истинный патриотизм не может существовать там, где нет моральных устоев». Моральные устои были слабым местом Дантона, недостатком его вооружения.

Министр, уходивший в отставку, должен был дать, по тому времени, не только моральный, но и финансовый отчет в своей деятельности. И это не была пустая формальность. Мемуары министров служили оправдательными документами. Когда отчеты Дантона сделались, по докладу Малларме, 10 сентября предметом дискуссии, Камбон, всегда относившийся враждебно к Коммуне, выступил с обличительной речью: «Я замечаю, что действия министра юстиции нарушают обычный порядок отчетности, согласно которому расходы министров должны быть оплачиваемы по мере надобности и по особым указам, и, следовательно, у министров не должно оставаться никаких сумм на руках». Камбон не ограничился этим выговором, он предложил в заключение обязать министров представлять отчет не только в экстраординарных расходах, как это сделал Дантон, но и в расходах секретных — чего он не сделал. Призванный к ответу Дантон отговорился тем, что дал отчет в своих секретных расходах Исполнительному совету. Камбону шумно аплодировали. Дантон сошел с трибуны при гробовом молчании. Конвент предложил ему отчитаться вновь перед Исполнительным советом в расходовании тех 200 тысяч ливров, которые были выданы в его распоряжение на секретные

расходы. Ввиду его бездействия, Ролан 18 октября представил Собранию свой собственный отчет, с комментариями, которые метили прямо в Дантона: «У меня нет никаких секретов, я хочу, чтобы мое управление осуществлялось совершенно открыто; поэтому прошу Собрание прочесть этот отчет». Ребекки заявил: «Я требую, чтобы все министры дали такой же отчет, как Ролан». Дантону снова пришлось взойти на трибуну и оправдываться. Он запутался в объяснениях и закончил признанием: «...Когда неприятель овладел Верденом, когда отчаяние охватило даже самых лучших и самых мужественных граждан, Законодательное собрание сказало нам: не жалейте ничего, не шадите денег, чтобы поддержать доверие и поднять дух всей Франции. Мы так и сделали, мы были вынуждены к экстраординарным расходам, и, правда, на большую часть этих расходов мы не имеем законных оправдательных документов. Наша деятельность была стеснена обстоятельствами, все делалось с величайшей поспешностью; вы хотели, чтобы министры действовали сообща, мы так и сделали, и вот наш отчет». Послышался ропот. Камбон спросил Ролана, проверил ли он счета секретных расходов Дантона. Ролан ответил, «что он искал следы этих счетов в протоколах Совета, но так и не нашел». Сильное возмущение охватило Собрание. Камюс предложил «обвинительный декрет против министров, расхищавших государственные средства». В результате декрет, принятый по предложению Ларивьера, предписал Исполнительному совету в 24 часа представить «решение, которое он должен был принять с тем, чтобы установить счет сумм, выданных в его распоряжение на секретные расходы».

Совет не мог представить решения, которого не существовало. Он попробовал отделаться молчанием. Но когда Дантон 25 октября попытался говорить, жирондисты заглушили его голос своими криками и снова потребовали отчета. 30 октября новый декрет предложил министрам подчиниться распоряжению Конвента. 7 ноября Монж, Клавьер, Лебрен пошли на уступки. Они заявили, что 6 октября Дантон и Серван подробно ознакомили их со своими секретными расходами, но что они не считали себя обязанными вести соответствующие счета. Камбон и Бриссо не сложили оружия. Они возобновили свою критику, и Конвент отказался принять счет Дантона. Правда он отказался и возбудить против него обвинение. Но с этих пор при всяком удобном случае жиронди-

сты припоминали Дантону историю с отчетом. К сожалению, у них были в руках хорошие карты для того, чтобы обвинять его в нечестности. Дантон протезировал подозрительным поставщикам, вроде знаменитого аббата д'Эспаньяка. Он принял секретарем в министерство юстиции разорившегося поэта Фабра д'Эглантина, который, чтобы поправить свои дела, сделался поставщиком в армии и давал пищу критике Паша, так как не выполнял своих договоров, забирая многочисленные авансы. Дантон необъяснимым образом увеличил свое состояние. Он вел широкий образ жизни, скупал национальные имущества в департаменте Об, владел тремя домами в Париже и его окрестностях. Он был уязвим. Жирондистские газеты, памфлеты Бриссо, мемуары г-жи Ролан полны ясных намеков на его продажность. Ролан принял на службу в полицию одного авантюриста, по имени Рош-Маркандье, бывшего секретаря Камилла Демулена, и поручил ему очернить Дантона и его друзей в очень резком периодическом памфлете «История хищников», в котором не все было вымышлено. Из усталости, презрения, из тактических соображений или боязни ухудшить свое положение, Дантон не отвечал на эти яростные атаки. Он был сильно дискредитирован в глазах многих членов Конвента и не мог принести всю ту пользу, которую надеялся извлечь из своей политики примирения и объединения не только для себя, но и для республики. Умалая заслуги Дантона, жирондисты еще более отенили достоинства Робеспьера.

ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ПАРТИИ

гдаваясь политике репрессий против монтаньяров, жирондисты, по необходимости, должны были содействовать пробуждению консервативных сил. Как в области политической, так и в области социальной их поправление совершилось очень быстро. Они ополчились, прежде всего, против учреждений надзора и репрессий, созданных революцией 10 августа для борьбы с роялистскими заговорами и агентами неприятеля.

25 сентября Верньо в резкой форме привлек к ответу комитет надзора Коммуны, и через пять дней комитет представил Собранию свою защиту. Перейдя, со своей стороны, в наступление, он предъявил ряд обличительных документов: письмо управляющего королевскими имуществами Лапорта, требовавшего у королевского каз-

начея Септейля 1¹/₂ миллиона ливров, чтобы подкупить ликвидационный комитет Законодательного собрания и устроить королевскую гвардию на государственное содержание; расписки, показывавшие, что весьма значительные суммы в 500 тысяч и 550 тысяч ливров были розданы как раз накануне 10 августа; документы, доказывавшие, что «Логограф» Дюпора и Ламетов и другие газеты получали субсидии из королевских средств, и т. п. Робер Линде, Талльен поддержали комитет надзора, но жирондисты, при содействии депутатов-дельцов, вроде Ревбелля, Мерлена из Тионвилля и др., добились постановления, чтобы все бумаги комитета надзора были переданы комиссии, составленной из 24 членов Конвента. Тщетно Панис, Марат, Билло-Варенн протестовали против назначения этой комиссии и отобрания документов у комитета надзора. 24 члена комиссии были избраны на том же заседании, преимущественно из правых депутатов. Помимо других полномочий, они получили право выдавать ордера на аресты. Тотчас же после избрания члены комиссии выбрали своим председателем Барбару. Он разделял их намерение показать, что комитет надзора Коммуны руководствовался недостаточно обоснованными доносами, производил аресты невинных, тревожил мирных людей. Комиссия 24 только формально следовала инструкциям комитета надзора и продолжала возбужденные им преследования. Она выдала несколько ордеров на аресты, но сейчас же освободила арестованных, производя расследование лишь для видимости. Так, она приняла на веру оправдания некоего Дюрана, бывшего агентом Монморена и двора при якобинцах и Дантоне. Она не сделала ничего, чтобы проверить его показания, не устроила ни очной ставки, ни экспертизы почерка. Она бросила в корзину полученный ею 4 октября донос на английского банкира Бойда, в котором сильно подозревали агента Питта во Франции и против которого впоследствии были возбуждены очень серьезные обвинения. Она не потревожила даже членов ликвидационного комитета Законодательного собрания, сильно скомпрометированных бумагами Лапорта, и не предприняла ничего, чтобы вывести на чистую воду дело «Логографа», в котором были замешаны главные вожди феяйнов, и т. п.

Атакуя и парализуя комитет надзора Коммуны, жирондисты имели в виду не только отомстить за свои личные обиды. Они обезоруживали органы революционных репрессий, чтобы внушить доверие своим недавним про-

тивникам фейянов. Они протезировали им и старались убедить в своих добрых намерениях. Вследствие этого аристократы и богачи, бежавшие в августе из Парижа, в середине октября во множестве возвращались обратно.

Чрезвычайный трибунал, созданный 17 августа для борьбы с роялистскими заговорами и преступлениями против отечества, добросовестно выполнял свой долг: за недостатком улик, он оправдал несомненных роялистов, из которых некоторые, как, например, королевский нотариус Жибе, стояли близко ко двору и, наоборот, строго наказал воров из Гард-Мебль, на которых ему донесли. Но жирондисты не пощадили трибунал. Один из них на заседании 26 октября назвал его кровавым трибуналом. Трибунал попробовал оправдаться, но 28 октября Ланжюинэ отказал ему в помещении в печати его оправданий. 15 ноября министр Гара обвинил трибунал в превышении полномочий, что послужило Бюзо предлогом потребовать его упразднения: «Это революционное орудие следует уничтожить по окончании революции». Тальен возразил ему: «Вы не можете уничтожить трибунал, который держит в руках нити заговоров 10 августа, трибунал, который должен судить преступления жены Людовика XVI, трибунал, который оказал столько услуг отечеству». Барер провел декрет о том, что приговоры трибунала могут быть кассированы, а через пятнадцать дней, по докладу Гарран де Кулона, было объявлено упразднение трибунала. Это важное событие обозначало новое осуждение политики и деятелей 10 августа и способствовало безнаказанности врагов революционного режима, развивавших усиленную деятельность. Верховный суд был упразднен уже ранее, и, таким образом, не оставалось ни одного трибунала для суда над преступлениями против безопасности государства. А между тем война с внешними врагами все еще продолжалась и готовилась гражданская война.

Жирондисты пытались завладеть Коммуной, пользуясь пере выборами, назначенными Законодательным собранием. Быть может, это и удалось бы им, если бы они проявили немного более быстроты и решительности. 9 октября Петюан, без конкурентов, был переизбран в мэры 13 899 голосами из 15 474. Но он отказался. Выборы затянулись, так как баллотировка отличалась большою сложностью, мэр и муниципальное бюро избирались

отдельно и до Генерального совета¹, а жирондистские кандидаты отказывались один за другим. Д'Ормессон Фейьян, которого поддерживали жирондисты, был избран 21 ноября после трех баллотировок 4 910 голосами против 4.896, полученных монтаньяром Люлье. Он отказался. Врач Шамбон, протезируемый Бриссо, был избран, в свою очередь, 30 ноября 8.358 голосами против 3.906, полученных Люлье. Он принял назначение и в 1814 г. объяснял свое согласие желанием послужить с большей пользой роялистскому делу под маской республиканца. Благодаря Шамбону жирондисты удержали за собой мэрию, но муниципальное бюро и Генеральный совет ускользнули от них. Хотя они и добились от Конвента декрета, запрещающего открытое голосование, новая Коммуна, собравшаяся к концу ноября, отличалась столь же революционным характером, как и прежняя, от которой она заимствовала к тому же значительную часть своего состава. В муниципальном бюро, избранном в начале декабря, монтаньярские элементы усилились еще более. Шометт, председательствовавший в Коммуне 10 августа, был избран прокурором-синдиком; его заместителями были выбраны Реаль и Гебер. Люлье, потерпевший неудачу на выборах в мэрию, был избран генеральным прокурором-синдиком Парижского департамента.

Главной заботой жирондистов была департаментская гвардия, которой они хотели окружить Конвент. Но им не удалось осуществить эту идею. Доклад, представленный Бюзо 8 октября, не имел успеха. Большинство воспротивилось голосованию исключительной меры, направленной против Парижа, спокойствие которого представляло резкий контраст с яростными атаками группы Ролана.

Бюзо, отличавшийся наравне с упорством хитростью и гибкостью, не настаивал на голосовании своего проекта. Он предпочел обойти сопротивление. 12 октября он заявил Собранию, что некоторые департаменты, в том числе и департамент Эр, избравший его своим депутатом, набирают контингенты федератов и намереваются послать их в Париж для защиты своих представителей. Закон еще не существовал, но уже приводился в исполнение.

Жирондистские департаменты, действительно, послали федератов в Париж. 19 октября прибыли федераты из

¹ Муниципальное бюро состояло из мэра и 16 администраторов, заведывавших различными отделами городского управления. (Прим. ред.).

департаментов Устья Роны, призванные Барбару, и, два дня спустя, их представитель угрожал у решетки Собрания «агитаторам, жаждущим трибунала и диктатуры». 3 ноября федераты обошли улицы Парижа с песнею, кончавшейся припевом:

Голову Марата, Робеспьера и Дантона
И всех тех, кто их защищает,

Толпа, к которой примкнуло множество уличных зевак, отправилась в Пале-Рояль, громко требуя смерти Марата и Робеспьера и восклицая: «Долой процесс Людовика XVI!». Распространился слух, что федераты намерены освободить короля из Тампля с помощью многочисленных вернувшихся эмигрантов.

К середине ноября в Париже находилось около 16 тыс. федератов, прибывших из департаментов Устья Роны, Соны и Луары, Кальвадоса, Эр, Ламанша, Ионны и т. д. Они хотели служить в качестве гвардии Собрания вместе с парижанами. Если бы у последних не хватило хладнокровия, если бы они ответили на манифестации федератов контрманифестациями, то разразилась бы буря, которая послужила бы жирондистам долгожданным предлогом перевести Конвент в какой-нибудь другой город. Робеспьер в большой речи, произнесенной 29 октября, предостерегал якобинцев от «ловушки интриганов». Он советовал им быть терпеливыми и сохранять хладнокровие. Марат давал такие же советы. 23 октября он смело направился в казармы марсельцев, где проявил внимательное отношение к их нуждам, и, найдя, что они размещены недостаточно хорошо, обещал предоставить им все, что нужно. Пока что он предложил троим из них пообедать с ним за компанию. Парижское население не только не ответило на провокацию федератов, но постаралось даже своим ласковым отношением рассеять их предубеждения.

Военный министр Паш оказал Коммуне и секциям могущественную поддержку, объявив в открытом письме от 1 ноября, что не вызывал в Париж никаких вооруженных сил: «Я не знаю причин, которые делали бы их пребывание здесь необходимым; первый приказ, который они получают от меня, будет приказ об отъезде». Паш не поколебался осудить тех, кто посеял семена ненависти и раздора между парижанами и федератами. Он сделал несколько попыток отправить последних на фронт. Докладчик военного комитета Летурнер разделял его взгля-

ды и 10 ноября предложил издать декрет о прекращении выдачи жалованья тем волонтерам, которые не покинут столицы в течение пятнадцати дней. Но Бюзо при содействии Барера, ссылаясь на необходимость поддержания порядка, добился от Собрания разрешения волонтерам остаться в Париже. Расчеты жирондистов, тем не менее, не оправдались. Сношения с парижанами рассеяли предубеждения провинциалов, и они незаметно перешли в партию Горы. К концу декабря они образовали общество федератов 83 департаментов, нечто вроде военного клуба, находившегося под влиянием якобинцев.

В первые дни после прибытия федератов окрыленные новыми надеждами жирондисты сделали последнюю попытку устранить монтаньярских вождей. 29 октября Ролан передал Собранию полицейскую записку Роша-Маркандье, косвенно обвинявшую Робеспьера в диктаторских замыслах. Робеспьер ответил презрительной речью, под крики правых депутатов, поощряемых председателем Гаде. Затем на трибуну поднялся романист Луве и прочел бесконечный, старательно подготовленный, обвинительный акт, в котором риторика тщетно боролась с отсутствием доказательств: «Робеспьер, я обвиняю тебя в том, что ты клеветал на истинных патриотов... в то время, когда всякая клевета равнялась проскрипции... Я обвиняю тебя в том, что ты всегда выставлял себя предметом поклонения, терроризировал всякими средствами — интригами и запугиванием — собрание выборщиков Парижского департамента и явно добивался верховной власти...» Но, чувствуя сам слабость своих доказательств, Луве ограничился требованием, чтобы поведение Робеспьера было расследовано специальной комиссией. В виде компенсации он потребовал обвинительного декрета против Марата, о котором не сказал ничего существенного. Конвент не хотел принимать никакого решения до тех пор, пока Робеспьер не ответит своему обвинителю, и восемь дней спустя жалкое обвинение Луве было разбито вдребезги. Конвент, вначале настроенный враждебно, мало-помалу был покорен логикой и искренностью Робеспьера и перешел к порядку дня.

Бюзо также постигла серьезная неудача. Проект закона, которым он хотел обуздать монтаньярскую прессу, под предлогом борьбы с провокацией и убийством, обсуждался 30 октября. Беллелю пришла неудачная мысль внести в текст закона поправку, угрожавшую арестом всякому, кто стал бы призывать к неповиновению законам

или возмущению против общественных должностных лиц. Эта поправка показалась слишком неопределенной, допускающей произвольное истолкование и вызвала ропот. Даже жирондист Дюко не удержался от восклицания: «Эту статью следует отослать великому инквизитору!». Беллель имел неосторожность признаться: «Это закон на случай». Бывший член Учредительного собрания Лепеллетье из Сен-Фаржо произнес обстоятельную речь, заслужившую шумные аплодисменты: «Проект закона, — сказал он, — является покушением на свободу печати». «Свобода или смерть!» — крикнул Дантон. Тщетно Барбару пытался спасти положение, предложив декретировать, что Конвент покинет Париж, если сочтет свою безопасность необеспеченной, — его предложение показалось чрезмерным и необоснованным даже самому Петиюну. Жирондистам не удалось добиться голосования чрезвычайных мер, направленных против монтаньяров.

Влияние жирондистов на Собрание уменьшалось с каждым днем. Их постоянные доносы, яростные нападки за прошлые преступления скрывали, казалось, тайные замыслы, враждебные общественному благополучию. У депутатов, державшихся в стороне от политических партий, но полных предубеждения против Коммуны, все чаще возникала мысль, не сделались ли они жертвой обмана.

24 октября Фабр д'Эглантин констатировал в Якобинском клубе перемену, происшедшую в настроении Собрания: «В первые дни, — сказал он, — весь Конвент объединился против парижской депутации, но мы добились своего рода равновесия в соотношении сил благодаря тому, что многие попытки дали сомнительные результаты». Фабр не преувеличивал. 18 октября жирондисты едва не утратили председательское место в Конвенте. Из 466 голосов Гаде получил всего 218 голосов, Дантон же, которого противопоставили ему монтаньяры, — 207 голосов. Гаде был избран при вторичном голосовании 336 голосами.

Клоотс, в течение долгого времени сопутствовавший жирондистам и посещавший обеды г-жи Ролан, публично отказался от своих прежних друзей в брошюре, озаглавленной: «Ни Марат, ни Ролан», но касавшейся исключительно жирондистов. Он передавал слова Бюзо, произнесенные за столом у Роланов: «Республика должна быть не больше моей деревни», и обвинял Ролана в пропагандировании федерализма. Обвинения Клоотса имели боль-

шое значение, так как в сентябре он объявил себя решительным противником аграрного закона.

Возникновение третьей партии, занимавшей среднее положение между жирондистами и монтаньярами, следует отнести к 5 ноября. В этот день Робеспьер отвечал на обвинения Луве. Список ораторов, желавших принять участие в прениях, был разделен на три части. Некоторые ораторы хотели говорить за порядок дня, т. е., другими словами, отклоняли обвинения Луве. Другие требовали слова к порядку дня, т. е. не желали высказываться по существу дебатов. Наконец, третьи просили слова против порядка дня, т. е. поддерживали обвинения Луве.

Часть жирондистской прессы не одобряла выступления Луве. Кондорсе в своей газете «Хроника» отказывался верить Ролану, ежедневно открывавшему новые страшные заговоры.

Камилл Демулен отметил в № 25 своей «Трибуны патриотов», вышедшем в начале ноября, образование третьей партии, выделившейся из Жиронды: «Я должен сообщить читателю, что с некоторого времени в Конвенте образовалась третья партия, заслуживающая более точного определения... Ее можно было бы назвать партией «флегматиков». Петион, Барер, Рабо, Кондорсе и, я думаю, также Лакруа и Верньо составляют, по-видимому, ядро этой партии... настоящие ажиотеры, расположившиеся между Бриссо и Робеспьером, подобно аббату д'Эспаньяку, маневрирующему между повышением и понижением...»

Это было важное событие. Жиронда утратила свое безраздельное господство в Конвенте. 15 ноября она потеряла председательское место, доставшееся в этот день епископу Грегуару, одному из «независимых», произнесшему сильную речь против неприкосновенности короля (он был избран 246 голосами из 352).

Жиронда могла бы удержаться у власти, если бы отказалась от своей мстительной политики и согласилась бы стать на страже общественных интересов, олицетворявшихся теми «независимыми», которых Камилл Демулен презрительно называл «флегматиками»; но была ли она способна к подобному возрождению, которое могло еще спасти ее пошатнувшееся положение? Двусмысленная роль Жиронды в процессе короля заставила, в конце концов, заподозрить ее патриотизм и республиканизм.

ПРОЦЕСС КОРОЛЯ

Тюильрийском дворце среди бумаг королевского казначея были найдены документы, уличавшие Людовика XVI в том, что он продолжал оплачивать содержание своего расформированного и отправленного в Кобленц конвоя, основал в Париже агентство для подкупов и шпионажа и субсидировал аристократические газеты. Учрежденный 17 августа чрезвычайный трибунал по уголовным делам осудил несколько низших агентов — Лапорта, Коллено д'Ангремона, Казотта, Де Розой. Но Жиронда, с 10 августа хозяйничавшая в Собрании, не сделала ничего для подготовки процесса низложенного монарха. Она не позаботилась объединить все новые документы, произвести обыски и дознания у сообщников тех, кто уже был осужден, и пропустила удобный момент составить прочную цепь доказательств.

После созыва Конвента Жиронда не проявляла уже никакого усердия. Когда Бурбогг 16 октября выразил удивление, что Собрание не приступает к рассмотрению важного вопроса об ответственности короля, Барбару, председательствовавший в комиссии 24, в распоряжении которой находились все документы, ответил ему, что это дело требует обдуманного и серьезного отношения, и предложил поручить законодательному комитету выработать формы ведения этого сложного процесса. Манюель выразил опасение, что и эта мера окажется преждевременной, и предложил спросить предварительно мнения первичных собраний по поводу отмены королевской власти. Леарди поддержал его, и Дантону пришлось напомнить, что отмена королевской власти является одной из основ конституции, и что народ может выразить свое суждение о ней лишь по рассмотрении всей конституции в целом. Жиронда, по-видимому, хотела выиграть время. Процесс короля внушал ей опасения. Она делала вид, что боится заслужить неодобрение народа. Вместо того, чтобы действовать прямо, открыто высказать соображения, по которым она считала процесс несвоевременным, Жиронда укрывалась за процессуальными тонкостями, давая, таким образом, повод ко всякого рода обвинениям.

Для революции было очень важно ускорить решение этого вопроса, судить монарха под впечатлением 10 августа и победы при Вальми. «Весь мир был бы поражен внезапностью события и приведен в замешательство раскатами грома», — пишет один историк. Но Жиронда, пытавшаяся предотвратить восстание 10 августа, по-видимому, сомневалась в революции и в себе самой. Она запуталась в противоречиях. Желая погубить монтаньяров, как соучастников сентябрьских убийств, она лишила себя возможности просить пощады для короля.

Законодательный комитет, приступивший к делу 16 октября, долго изучал вопрос о судебной процедуре в процессе Людовика XVI. К концу месяца он назначил, наконец, докладчика Майля, расположенного, как говорили, к монтаньярам. Жиронда, чувствуя, что законодательный комитет уходит из-под ее влияния, поспешила предупредить Майля. 6 ноября Валазе представил от имени комиссии 24 скороспелый и слабо разработанный доклад о преступлениях короля. Он приводил в нем несколько давно известных и незначительных фактов из деятельности короля и самодовольно распространялся о коммерческой переписке королевского казначея Септейля с

иностранными банкирами и негодьями по поводу покупки и продажи различных продуктов: муки, кофе, сахара, рома. Он видел в этих коммерческих операциях доказательство того, что Людовик XVI спекулировал на дороговизне жизни и присоединил, таким образом, к преступлениям короля против отечества новое неожиданное преступление — скупку съестных припасов. Сам Петийон не мог не признать, что доклад разработан недостаточно, и Собрание согласилось с его мнением.

Майль руководствовался, по-видимому, совсем иными побуждениями, нежели Валазе. Представленный им 7 ноября основательный и ясный доклад являлся значительным шагом вперед в деле Людовика XVI. Возражая тем, кто для того, чтобы оградить короля от суда, ссылался на конституцию 1791 г., он указывал, что король не в праве пользоваться защитой конституции, которую сам же нарушил, и которая с созывом Конвента утратила всякую силу. Ведь нельзя же противопоставлять конституцию нации, возвратившей себе свои права. Людовик XVI после 10 августа стал простым гражданином, ответственным перед уголовными законами, как и всякий другой гражданин. Но его нельзя было предать суду обычного трибунала, так как конституционная неприкосновенность короля теряла силу лишь пред лицом всей нации. Нацию же представлял только Конвент. Только он мог судить первого из государственных чиновников. Не могло быть и речи о том, чтобы передать ведение процесса специальному трибуналу. Принцип разделения властей был в данном случае неприменим. Конвент, уполномоченный создать новую конституцию для Франции, совмещал в себе всю полноту народного самодержавия. Передать ведение суда над королем специальному трибуналу значило бы посягать на всемогущество Конвента, отрицать его авторитет, создавать ему затруднения и препятствия. Возражение, что депутаты не могут судить короля, так как являются одновременно обвинителями и судьями, отпадало: в деле Людовика XVI каждый француз был судьей и стороной. «Не искать же судей на другой планете!» — воскликнул один член Конвента. Майль предложил в заключение назначить трех комиссаров, чтобы собрать все доказательства преступлений Людовика и составить обвинительный акт. Это значило, что для законодательного комитета доклада Валазе как бы не существовало.

Дискуссия, начавшаяся 13 ноября, тянулась несколь-

ко дней с многочисленными перерывами. Жирондистские вожди избегали высказываться по вопросу о неприкосновенности. Они предоставили говорить за себя второклассным ораторам: Мориссону, утверждавшему, что за отсутствием действующих законов процесс невозможен; Фоше, доказывавшему, что казнь Людовика XVI сыграла бы на руку врагам революции, вызвав реакцию из сочувствия к королю; Рузе, смело напомнившему, что Людовик XVI отменил в своих владениях крепостное состояние, назначал министров-философов и созывал Генеральные штаты. Сен-Жюст ответил им уничтожающей речью. Он утверждал, что короля нельзя судить с точки зрения права. Дело идет не о судебном процессе, а о политическом акте. Людовик XVI — не обвиняемый по суду, а враг. К нему можно применить только один закон, — закон, основанный на праве народов, другими словами, закон военного времени. «Людовик боролся с народом и побежден. Он — варвар, военнопленный, чужеземец; вы убедились в его вероломных намерениях; вы видели его армию: он принадлежит к числу убийц Бастилии, Нанси, Марсова поля, Турнэ, Тюльрийского дворца; какой враг, какой чужеземец принес вам больше зла!»

Речь Сен-Жюста произвела особенно сильное впечатление, так как была произнесена человеком, едва вышедшим из юношеского возраста и еще вчера никому не известным. Собрание уже намеревалось вотировать заключительные требования Майля и провозгласить себя судебной палатой, когда молчавший до тех пор Бюзо выступил с неожиданным предложением. Он резко потребовал, чтобы Собрание отменило декрет от 13 ноября, в котором постановило решить вопрос об ответственности Людовика XVI перед судом: «Вы говорите только об одном Людовике, не касаясь его семьи. Я же, как республиканец, желаю уничтожения всего рода Бурбонов». Другими словами, Бюзо хотел включить в обсуждение процесс Марии-Антуанеты и Филиппа-Эгалите, члена партии монтаньяров. Этот коварный маневр имел целью сорвать дискуссию и под маскою непримиримого республиканизма спасти Людовика путем расширения обвинения.

Странное дело, и это наводит на размышление, — Дантон поддержал предложение Бюзо, и оно было поставлено на голосование. Обсуждение уже не ограничивалось более вопросом о неприкосновенности особы короля, оно охватило и сущность и форму процесса.

Разоблачения, сделанные Теодором Ламетом в его мемуарах, объясняют нам поведение Дантона. Теодор Ламет покинул Лондон в середине октября и, не пугаясь страшного наказания, которым ему угрожал закон об эмигрантах, прибыл в Париж, чтобы переговорить с обязанным ему Дантоном о средствах спасти Людовика XVI. Дантон обещал сделать все от него зависящее, чтобы помешать суду над королем, так как «если процесс начнется, то король неминуемо будет присужден к смерти» (слова Дантона).

Но расчет Бюзо и Дантона не оправдался вследствие неожиданного события, случившегося 20 ноября — обнаружения железного шкафа. Это был потайной шкаф, сделанный слесарем Гаменом по поручению короля в стене дворца. Ролан, осведомленный Гаменом, который воображал, что его отравили роялисты, совершил в своем самонии величайшую неосторожность. Он вскрыл этот шкаф без свидетелей и сам принес в Собрание заключавшиеся в нем бумаги, возбудив, таким образом, подозрения, что он предварительно рассортировал документы и удалил те из них, которые касались его друзей жирондистов. В железном шкафу была найдена переписка короля с Мирабо, с начальником тайной полиции Талоном, с королевским духовником епископом де Клермоном, с Дюмурье, Лафайетом, Талейраном и другими. Якобинцы разбили бюст Мирабо, украшавший залу их заседаний, а Конвент велел завесить его изображение. Против Талона, выполнявшего при Питте секретную миссию, которую на него возложил Дантон, был издан обвинительный декрет, но Талон был за пределами досягаемости. Арстовали его агентов и родных, Дюфрена Сен-Леон, Сен-Фуа, но с процессом их не торопились, так как пришлось бы привлечь к делу много влиятельных лиц, в частности — Дюмурье. Бриссо поспешил выгородить Дюмурье в своей газете, а несколько дней спустя Рюль оправдал его с трибуны Собрания.

С каждым днем становилось труднее предотвратить процесс Людовика XVI. 21 ноября Собрание назначило новую комиссию из 12 членов, чтобы обследовать документы железного шкафа. Эта комиссия была избрана по жребию, и влияние жирондистов было в ней значительно слабее, чем в прежней комиссии 24. Затем дало себя знать и заинтересованное тайной общественное мнение. 2 декабря делегаты 48 парижских секций протестовали у решетки Собрания против волокиты в вопросе о суде над

королем: «Не откладывайте дела из-за пустых опасений. Чего вы боитесь теперь, когда наши армии идут от триумфа к триумфу? Разве злодеяния вероломного Людовика недостаточно выяснены? Не давайте заговорщикам времени собраться с силами». Коммуна, поддерживая секции, пустила в ход тяжелое обвинение против Ролана, который имел-де возможность похитить часть документов, найденных в Тюильрийском дворце, и распространял в департаментах, за счет республики, множество пасквилей, позоривших Париж. Монтаньяры переходили от обороны к наступлению.

Жиронда должна была отказаться от надежды утопить процесс короля в общем процессе Бурбонов. 3 декабря сам Барбару потребовал, чтобы Людовика предали, наконец, суду. Робеспьер использовал мысль Сен-Жюста, расширив ее и подкрепив политическими соображениями: «Король вовсе не подсудимый, а вы не судьи. Вы должны быть только государственными людьми и представителями нации. Вам не придется оправдывать или осуждать человека; вам предстоит осуществить меру общественно-го спасения, акт, совершая который, нация должна сыграть роль провидения. Низложный король способен играть двоякую роль в республике: или нарушать спокойствие государства и подкапываться под свободу, или способствовать их укреплению... Какое же средство диктуется здоровой политикой, чтобы укрепить нарождающуюся республику? Глубоко запечатлеть в сердцах презрение к королевской власти и привести в замешательство всех сторонников короля». Затем Робеспьер указал на успехи реакции, приписывая их умышленной медлительности в процессе короля, и прямо обвинил Жиронду в роялистских замыслах: «Какие иные средства могли бы употребить те, кто желает восстановления королевской власти?»

Атака была настолько сильна, что Жиронда еще раз отступила и решила пустить в ход хитрость. Верный своей демагогической тактике коварный Бюзо потребовал на следующий день, чтобы Конвент для устранения подозрений издал декрет, угрожающий смертью «всякому, кто предложит восстановить во Франции короля или королевскую власть... Добавляю: под каким бы наименованием он это ни сделал — и требую поименного голосования». Этими словами он намекал, что в Конвенте имеются люди, желающие восстановить королевскую власть под новым наименованием, и в то же время оправдывал медлительность Жиронды. В самом

деле: зачем было торопиться с казнью монарха, если эта казнь могла только сыграть на руку тем, кто намеревался возродить королевскую власть в форме диктатуры? Мерлен из Тионвилля имел неосторожность, под предлогом уважения к народному суверенитету, внести поправку в предложение Бюзо: «Если только такое требование не будет исходить от первичных собраний». Гаде воспользовался случаем уточнить и развить инсинуацию Бюзо. Он увидел в предложении Мерлена доказательство тому, что существовал проект «заменить один деспотизм другим, т. е. провозгласить нового деспота, под эгидой которого все, способствующие его возвышению, могут быть уверены в безнаказанности своих прежних преступлений и в возможности совершать новые». Таким образом, всей Горе было предъявлено обвинение в скрытом роялизме. Процесс короля отступил на второй план; более важным казалось возвести на эшафот роялистов, скрывавшихся под красным колпаком. Робеспьеру, продолжавшему требовать немедленного суда над Людовиком XVI, Бюзо возразил, что те, кто пытаются ускорить ход процесса, имеют, конечно, основание помешать разоблачениям короля. Он превращал, таким образом, Робеспьера в сообщника Людовика XVI. Бюзо праздновал победу. Его предложение было принято.

Но 6 декабря монтаньяры взяли реванш. Конвент постановил пополнить комиссию 12, уполномоченную классифицировать документы железного шкафа, девятью новыми членами, выделенными в равном числе от комиссии 24, законодательного комитета и комитета общественной безопасности, с тем, чтобы эта новая комиссия 21 в кратчайший срок составила обвинительный акт против Людовика XVI. Кроме того, Конвент постановил, чтобы все вопросы в ходе процесса решались поименным голосованием. Это требование формулировал Марат, поддержанный Кинеттом. Огромное преимущество для партии смерти! Конвенту приходилось голосовать на глазах и под давлением трибун. Прений не было. Ни один жирондист не осмелился признаться, что боится открытого голосования.

9 декабря Гаде сделал новую попытку. Он предложил созвать первичные собрания «для отозвания депутатов, виновных в измене отечеству». Но Приер из Марны, поддержанный Барером, сумел отклонить это предложение, хотя Конвент уже приступил к его голосованию с большим энтузиазмом. Если бы предложение Гаде было

принято, Жиронда держала бы в своих руках всех депутатов, голосовавших вместе с Горой, под угрозой отозвания их первичными собраниями.

10 декабря Робер Линде представил от имени комиссии 21 доклад о преступлениях Людовика XVI. Это была своего рода история революции, в которой разоблачалось двусмысленное поведение короля во все критические моменты. На следующий день состоялся допрос короля, порученный Бареру. Король, отвечая на поставленные ему вопросы, ссылаясь на запечатывание или ограничивался простым отрицанием, или же, наконец, прятался за ответственностью своих министров. Валазе предъявил ему приложенные к обвинению документы за его подписью. Король отказался признать их подлинность. Он отрицал свое участие в устройстве железного шкафа, не узнавал ключа от шкафа, доставленного его камердинером Тьерри. Эта очевидная ложь разрушила то благоприятное впечатление, которое произвело сначала простодушие и внешнее спокойствие короля.

Чем больше опасностей грозило Людовику XVI, тем больше изощрялись жирондисты, стремясь предотвратить или отсрочить неизбежный исход. 16 декабря Бюзо предложил, чтобы раз навсегда воспрепятствовать восстановлению королевской власти, изгнать всех Бурбонов, в особенности же орлеанскую ветвь, «пользующуюся наибольшими симпатиями и потому особенно опасную для дела свободы».

Маневр был смел и остроумен. Если бы Гора отклонила предложение Бюзо, она подала бы повод к обвинению в орлеанизме. Если бы она пожертвовала Филиппом Эгалите, она тем самым признала бы, что республике опасен не только Людовик XVI и что жирондисты оказались лучшими защитниками свободы, чем монтаньяры. И, наконец, какой смысл в смерти Людовика XVI, если роялистская опасность сохраняется в лице Эгалите?

Раздраженные монтаньяры ответили ожесточенной защитой. Шабо привел остроумный аргумент. Филипп Эгалите был представителем народа; изгнать его — значило бы нарушить суверенитет народа и нанести удар Конвенту. Сен-Жюст разоблачил тайную мысль Жиронды: «Они стараются связать судьбу Орлеана с судьбою короля для того, чтобы спасти обоих или, по крайней мере, смягчить приговор над Людовиком Капетом». Якобинцы и парижские секции открыто выступили против предложения Бюзо, несмотря на то, что Робеспьер настаивал

вал на его голосовании, чтобы оградить монтаньяров от упреков в орлеанизме.

26 декабря Людовик вторично предстал пред Конвентом. Его адвокат, де Сез, прочел защитительную речь, хорошо построенную, изящную, добросовестную, но далеко не блестящую. В первой части речи он старался доказать — и это не представляло труда, — что все в процессе короля было необычно и противозаконно; во второй части оспаривал собранные обвинением улики, пытаясь оградить короля от личной ответственности. В патетическом заключении он превозносил добродетели короля и напомнил благие начинания первых лет его царствования. Отважный Ланжуйнэ хотел использовать впечатление от речи защитника и добиться отклонения обвинительного декрета. Но его выступление было неудачно. Он выразился иронически о «заговорщиках, которые выказали себя превосходными актерами в памятный день 10 августа». Монтаньяры назвали его роялистом, и он отказался от своих слов.

Подобно тому, как в вопросе о неприкосновенности жирондисты не хотели компрометировать себя какой-либо определенной политикой, точно так же они не осмелились открыто выступить и против смертной казни. Они предоставили своим более мужественным статистам опасную честь предложить изгнание или тюремное заключение, а сами укрылись за безопасной идеей обращения к народу, которую старались оправдать теоретическими и практическими соображениями. Верньо ссылаясь на конституцию 1791 г., на принцип неприкосновенности короля. Один только народ может лишить короля этого преимущества. Но Верньо забывал, что народ не участвовал в создании конституции 1791 г. Салль доказывал, что смерть короля выроет пропасть между французами и другими нациями и возбудит негодование даже в тех народах, которые примирились с республикой благодаря нашим победам. «В наших дебатах — сказал Бриссо, — мы слишком мало считаемся с Европой». Бриссо и Салль забыли, что несколько месяцев тому назад они призывали к войне, ссылаясь на быстрые успехи революционных идей. Да и зачем было прибегать к идее обращения к народу, если жирондисты были уверены, что смерть Людовика XVI поднимет Европу против республики? Почему они не сказали прямо, что жизнь короля необходима для безопасности Франции? Что за странная идея подвергать плебисциту вопрос о возможности европейской войны?

Но Жиронда рассчитывала не только на прения и голосования, чтобы добиться спасения короля. Министр иностранных дел Лебрен уверял нейтральные державы, что Конвент будет милосерд и великодушен. 28 декабря он заявил Собранию, что его переговоры с Испанией увенчались успехом: ему удалось добиться ее нейтралитета и обоюдного разоружения на границе. Он добавил, что обязан своим успехом политике испанского короля, живо интересующегося судьбой своего кузена, экс-короля Франции. В заключение он ознакомил Собрание с письмом испанского поверенного в делах Окарица, приглашавшего Конвент совершить акт великодушия ради сохранения мира. Это неудачное письмо было написано в поучительном тоне, оскорбившем недоверчивое и гордое Собрание. Его сдали без обсуждения в дипломатический комитет.

Английские либералы, с которыми жирондисты находились в переписке, Ланддоун, Фокс, Шеридан обратились 21 декабря к Палате общин с просьбой оказать давление на Конвент в пользу французского короля. Два дня спустя один из друзей Дантона Франсуа Робер развивал в Якобинском клубе мысль, что в политическом отношении было бы полезно отложить казнь Людовика Капета.

Мы знаем теперь из мемуаров Теодора Ламета, из писем агента Питта, Майля, из показаний Талона и мемуаров Годой, что был сделан ряд энергичных попыток добиться поддержки европейских правительств и купить голоса в пользу Людовика XVI. В 1801 г. Талон заявил перед судом консульства, что «Дантон обещал спасти всю королевскую семью путем декрета о высылке». «Но иностранные державы, за исключением Испании, отказались пойти на материальные жертвы, которых требовал Дантон».

Угрозы иностранным вмешательством и попытки подкупить Собрание не имели успеха. Робеспьер в блестящей речи, произнесенной 29 декабря, вскрыл те опасности, которые могло навлечь на страну обращение к народу. Как! В самом разгаре войны, когда роялисты составляют заговоры на западе, нам предлагают обратиться к первичным собраниям! Но кто пошел бы на эти собрания? Конечно, не рабочие, поглощенные своими ежедневными заботами и неспособные следить за долгими и сложными дебатами. И пока французы занимались бы спорами и дразгмами на всем протяжении своей территории, враг неуклонно продвигался бы вперед. Словно угадывая на-

мерения своих противников пустить в ход подкуп, Робеспьер обрушился на мошенников, смущающих народ, и произнес знаменитые слова: «Добродетель всегда была в меньшинстве на земле». Отвечая на аргументы дипломатического характера, он заметил, что чем больше революция обнаружит робости, тем больше она будет подвергаться угрозам и нападениям: «Победа решит вопрос, мятежники ли вы или благодетели человечества, а победу должна обеспечить сила вашей воли!»

Гора не ограничилась опровержением жирондистского тезиса по поводу обращения к народу. Чтобы поколебать авторитет жирондистов в глазах беспартийных депутатов, она сообщила Конвенту о сношениях трех жирондистских вождей — Гаде, Жансонне и Верньо — с двором накануне 10 августа. Это сообщение было сделано 3 января депутатом Гаспареном, другом художника Боза, служившего посредником между жирондистами и камердинером короля Тьерри. Боз, вызванный к решетке Собранин, подтвердил версию Гаспарена.

На следующий день, 4 января, Барер, желая, быть может, устранить подозрения, возникшие против него в связи с документами, обнаруженными в железном ящике, нанес последний удар идее обращения к народу; его критика имела тем большее значение, что он всегда отрекался от монтаньяров и, в данном случае, выразил своим мягким голосом сожаление в необходимости быть заодно с Маратом: «Можно, — сказал он, — требовать народной ратификации для какого-нибудь закона, но процесс короля не есть закон... Этот процесс является актом общественного спасения или мерой общественной безопасности, но акт общественного спасения не подлежит ратификации народа».

Голосование началось 14 января; оно производилось поименно, и каждый депутат имел право мотивировать свое мнение. По вопросу о виновности решение Конвента было единодушно (за исключением нескольких воздержавшихся). По вопросу обращения к народу жирондисты были побиты 424 голосами против 287. Несколько членов их партии — Карра, Буайе-Фонфред, Кондорсе, Дону, Дебри, Дюко, Ла-Ревельер, Мерсье, Пэн — вотировали вместе с монтаньярами. Сторонники обращения к народу принадлежали преимущественно к представителями западных департаментов. При решающем голосовании по вопросу о наказании 361 депутат высказались за смертную казнь без всяких оговорок, 26 — также за смерть, но

при условии обсуждения вопроса об отсрочке, 334 — за оковы, тюремное заключение или условную смерть. Абсолютное большинство выразалось цифрой 361. У 26 депутатов, выразивших пожелание, чтобы был обсужден вопрос об отсрочке, спросили, ставят ли они свое окончательное решение относительно смертной казни в зависимость от обсуждения вопроса об отсрочке. Депутат Майль, который первый предложил эту оговорку, буквально повторил свои слова. Остальные заявили, что голосовали за смерть, независимо от ходатайства об отсрочке. Общее количество голосов за смертную казнь возросло, таким образом, до 387.

Майля заподозрили в том, что он получил от испанского министра Окарица 30 тысяч франков за свою оговорку, которую думал истолковать соответственно результатам голосования. Из жирондистов Верньо, Гаде, Бюзю, Петион голосовали как Майль; Дюко, Буайе-Фонфред, Карра, Ласурс, Дебри, Инар, Ла-Ревельер голосовали за смертную казнь.

Бюзю, Кондорсе, Бриссо, Барбару предложили отсрочить выполнение приговора во внимание к внешнему положению республики. Барер возразил им, что отсрочка поставила бы вновь на очередь обращение к народу, ослабила бы революцию перед лицом иностранных держав, продолжила бы внутренние междоусобия. Предложение было отклонено 380 голосами против 310.

Раздраженные жирондисты провели 20 января, по предложению Гаде, декрет о возбуждении судебного преследования против виновников сентябрьских убийств. Но этот декрет был отменен уже на следующий день под влиянием возмущения, которое вызвало убийство члена Конвента Ле-Пеллетье из Сен-Фаржо королевским телохранителем Пари.

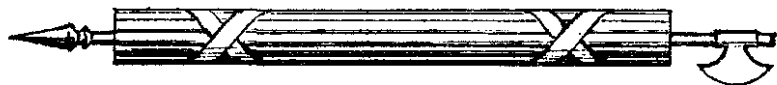
Убийство Ле-Пеллетье, совершенное за день до казни короля, успокоило робких царубийц. Оно явилось трагическим ответом на измышления жирондистов, которые в течение трех месяцев называли монтаньяров убийцами. «Это убийцы, которых убивают», — писал Сент-Андре. Монтаньяры устроили пышные похороны «мученику свободы». Вскоре бюст Ле-Пеллетье украсил залы их заседаний и их гражданские празднества.

За исключением убийства Ле-Пеллетье, совершенного в припадке бессильного отчаяния, роялисты не предприняли ничего серьезного для спасения короля. Брошюры, злободневные пьесы, покушения на дерево свободы, та-

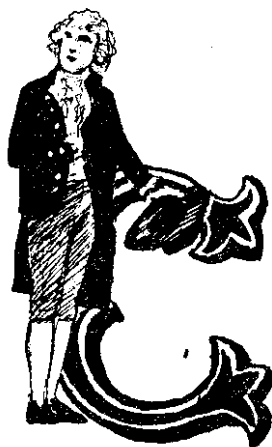
инственный заговор барона Батца, намеревавшегося освободить короля в тот день, когда его поведут на эшафот, более реальный заговор, организованный за несколько месяцев в Бретани авантюристом маркизом де ла Руари, который умер, не успев привести своего проекта в исполнение, бесплодные интриги Дюмурье, проживавшего в Париже с 1 по 24 января,— это было все.

Убийство Ле-Пеллетье и казнь Людовика XVI открывают новый период в истории Конвента: «Царство политических мошенников кончилось»,— писал Леба своему отцу в самый день 21 января. И он же, поясняя свою мысль, писал 19 февраля: «Я лично думаю, что этот акт (казнь короля) является спасительным для республики и свидетельствует об энергии Конвента...» Все представители, вотировавшие за смерть короля, были теперь лично заинтересованы в том, чтобы помешать реставрации, так как иначе им пришлось бы дорого заплатить за свой приговор. Они с удвоенной силой устремились в борьбу с монархической Европой. «Теперь представители должны проявить силу воли»,— сказал Леба 21 января,— «надо победить или умереть; все патриоты понимают необходимость победы». Он же писал накануне: «Мы брошены на произвол судьбы; пути позади нас разрушены: мы должны волей-неволей идти вперед, и теперь более чем когда-либо можно сказать: жить свободным или умереть!»

Смерть Людовика XVI разрушила традиционный мистический престиж королевской власти. Бурбоны могли теперь вернуться во Францию: они потеряли тот божественный ореол, которым прежде окружали их народные массы.

ФИНАНСЫ И ДОРОГОВИЗНА

Социальная политика Жиронды еще в большей степени, чем двусмысленное поведение ее в процессе короля, лишила ее популярности среди широких масс населения. Это была чисто отрицательная политика. Она заключалась в защите собственности, понятой в узком и абсолютном смысле.

Жирондисты рассчитывали разрешить экономический кризис с помощью внешних побед, но расчеты их не оправдались. Незначительные контрибуции, взятые Кюстином с рейнских городов, были только каплей в море расходов. 13 ноября Камбон объявил, что на ноябрь месяц предусмотренные расходы составляют 28 млн., фактические расходы — 138 млн.; дефицит — 116 млн. Яков Дюпон в этот же день заявил, что из 300 млн. поземель-

ного налога и налога на движимое имущество, полученных в 1791 г., теперь поступило всего 124 млн. В декабре 1792 г. доход казны составлял 39 млн., а одни только военные расходы достигали цифры в 228 млн. Откуда было взять средства для покрытия этих непомерных расходов, увеличивавшихся с каждым днем?

Если бы Жиронда не руководствовалась классовой политикой, она возложила бы военные расходы на вновь приобретенные состояния, обратилась бы к займам, провела бы новые налоги. Она приложила бы все усилия, чтобы приостановить эмиссию ассигнаций, имевшую своим следствием быстрое вздорожание жизни. Марат, Сен-Жюст, Шабо, Яков Дюпон тщетно рекомендовали эту политику финансового оздоровления, — никто их не слушал.

Главным финансистом Собрания был в этот момент и еще долгое время после него Жан Камбон, ненавидевший Коммуну и анархистов и прибегавший для разрешения затруднений к самому легкому средству — печатанию бумажных денег. 13 ноября он предложил, в противовес требованиям Якова Дюпона, уменьшить существующие налоги, отменить налог на движимое имущество и патенты и сократить поземельный налог до 40 млн. Правда, в виде компенсации он хотел упразднить бюджет культов, вся тяжесть которого пала бы, таким образом, на низший класс населения, так как народ в то время еще не мог обойтись без священников.

Яков Дюпон и монтаньяры добивались, чтобы ассигнации были изъяты из обращения путем сокращения длительных отсрочек, предоставленных приобретателям национальных имуществ, и выкупа ассигнаций на полученные таким образом средства; чтобы государственный долг погашался квитанциями министерства финансов, имеющими силу лишь при покупке имущества эмигрантов; чтобы были объявлены принудительные прогрессивные займы, введена уплата поземельного налога натурой. Эта антиинфляционная программа даже не подверглась серьезному обсуждению.

Большая часть церковных имуществ, оцененных в 2½ млрд., была уже продана. Оставались имущества эмигрантов, которые оценивались приблизительно в 2 миллиарда, леса, стоившие 1 200 млн., имущества мальтийского ордена — 400 млн. Это составляло более 3 млрд. запаса. К 5 октября 1792 г. под церковные имущества было выпущено 2 598 млн. ассигнациями; 617 млн. посту-

пили обратно и были погашены. В обращении к этому времени было около 1 972 млн. ассигнациями. 17 октября Камбон провел декрет о новой эмиссии, увеличившей общую сумму находившихся в обращении ассигнаций до 2 400 млн. Вскоре последовали и другие эмиссии. Уже Законодательное собрание принуждено было к моменту объявления войны прекратить уплату долгов прежнего режима, за исключением небольших обязательств, не превышавших 10 тыс. ливров, на погашение которых отпускало до 6 млн. в месяц. Рантье, так сильно пострадавшие за революцию, были принесены в жертву военным нуждам. Но рантье проживали преимущественно в Париже, и жирондисты мало о них беспокоились. Они предпочитали служить интересам торговли и земледелия.

Бумажные деньги делали свое дело. Рабочие терпели нужду. В деревнях они зарабатывали в среднем 20 су в день, в Париже — 40. Хлеб местами, например в Монпелье, стоил 8 су фунт, и все другие продукты питания соответственно поднялись в цене.

Городские жители с трудом доставали хлеб даже и по такой высокой цене. А между тем хлеба было достаточно. Урожай был хорош; все свидетельства сходятся в этом отношении. Но землевладельцы и фермеры не спешили вывозить свое зерно на рынки, чтобы обменять его на бумажные деньги, к которым относились с недоверием. Великое потрясение 10 августа, процесс короля, угрозы аграрного переворота, до крайности преувеличенные жирондистской прессой, война с внешними врагами, — все эти необычайные события, развертывавшиеся с такой быстротой, внушали собственникам глухую тревогу. Они ревниво оберегали свою муку, представлявшую более реальное богатство, чем какие бы то ни было денежные знаки.

Муки не было в обращении. Большие города страдали от недостатка хлеба. К концу сентября Руан располагал запасом муки только на три дня, и его муниципалитет был вынужден реквизировать зерно с военных складов. Он попросил у Конвента разрешения сделать заем в 1 млн., чтобы закупить хлеб за границей. Заем был разрешен 8 октября и размещен между обывателями, платившими не менее 500 ливров квартирной платы. Лион, в котором 30 тыс. станков остались без работы ввиду прекращения продажи шелковых тканей, был вынужден в ноябре заключить заем в 3 млн. Даже поденные рабочие в деревнях с трудом доставали себе хлеб, так как фермеры

предпочитали хранить его в снопах, не обмолачивая. Зерна в обращении не было, и поэтому цены резко колебались по департаментам. Сетье¹ в 220 ливров стоил в начале октября 25 ливров в департаменте Об, 43 — в департаменте Эн, 53 — в департаменте Нижних Альп и в Авейроне, 26 — в департаменте Эр, 58 — в департаменте Эро, 42 — в департаменте Жер, 34 — в департаменте Верхней Марны, 47 — в департаменте Луары и Шер. Каждая область замкнулась в себе и ревниво оберегала свои запасы. Если в Руане был голод, это значило, что Гавр перехватил предназначавшийся ему транспорт хлеба.

Законы, изданные под впечатлением кризиса, сопутствовавшего взятию Вердена, давали возможность сломить злую волю собственников посредством учета зерна и реквизиций. Но министр, уполномоченный применять эти законы, Ролан был ортодоксальным экономистом², считавшим всякое вмешательство власти ересью, всякую регламентацию и реквизицию — нападением на собственность, преступной уступкой анархии. Он не только не применял соответствующих законов, но даже умалял их престиж своею горячей критикой, парализовал их, прежде чем отменить.

Законодательство, впрочем, не соответствовало своему назначению; оно не учредило центрального органа для распределения хлеба между производящими и потребляющими департаментами. Департаменты управлялись как маленькие республики и часто закрывали свои границы. Это было причиной быстрого повышения цен.

Жирондисты не принимали никаких мер для облегчения участи престоиародья. Они считали свободную конкуренцию всеисцеляющим средством. Если продукты питания повышались в цене, рабочие должны были сами позаботиться об увеличении своего заработка. Но рабочие были не организованы и не могли произвести достаточного давления на своих хозяев. Им приходилось выпрашивать прибавку к заработной плате как подаяния. Они обращались с просьбами к общественным властям. Они не могли представить себе, чтобы новые, избранные ими власти были еще более безучастны к их нужде, чем

¹ Сетье — мера, содержащая 12 четвериков. Ливр в старой Франции — не только денежная единица, но и мера веса = 500 г. (Прим. ред.)

² «Ортодоксальной» экономической теорией, разделявшейся тогда идеологами буржуазии, было учение физиократов. (Прим. ред.)

старые, которые в аналогичных случаях все же оказывали поддержку.

В городах кризис ощущался особенно остро. Народные муниципалитеты изощрялись в поисках паллиативов.

Парижские работы по сооружению укрепленного лагеря, предпринятые после 10 августа, преследовали скорее благотворительную, чем военную цель. Но эти работы производились за счет казны. Жирондисты под предлогом экономии заменили 25 сентября сдельную работу поденной, а затем понизили заработную плату. Рабочие запротестовали, ссылаясь на дороговизну. Коммуна поддерживала их. В ответ на это жирондисты, в особенности Руйе и Керсен, заявили, что лагерные мастерские являются «очагом интриг и заговоров, местом свидания вероломных агитаторов». 15 октября Конвент декретировал прекращение работ и роспуск рабочих.

В Лионе, в котором кризис был значительно серьезнее, чем в Париже, прокурор Коммуны Нивьер-Шоль, друг Шалье и монтаньяр, ходатайствовал в ноябре перед фабрикантами об открытии фабрик. Не достигнув успеха, он попросил 21 ноября у Конвента аванс в 3 млн., чтобы пустить в ход некоторое количество станков за счет нации. Три комиссара, посланные Конвентом в Лион, — Вите, Алкье и Буасси-д'Англа, — хотели поддержать его просьбу, но заявили, что сумма слишком велика. Конвент не отпустил никаких средств.

Будучи правящей партией, Жиронда оставалась безучастной к жалобам рабочих. Она оправдывала свое бездействие или враждебность тысячи раз повторенным с трибуны и в прессе аргументом: авторы жалоб — «анархисты» или люди, ими обманутые. Бриссо объяснял дороговизну хлеба деятельностью «агитаторов»; в этом отношении он только повторял слова Ролана, вся социальная политика которого сводилась к тому, чтобы противопоставлять голодной толпе штыки.

Рабочие с полным правом могли противопоставить свою нужду неслыханной роскоши новых богачей. В эту эпоху отовсюду приходили жалобы на поставщиков, а честный Паш разоблачал постыдные сделки своего предшественника Сервана с известным аббатом д'Эспаньяком, протеже Дантона и Дюмурье, с евреем Яковом Веньямином, с Лайаром, Фабром д'Эглантинном, Серфбьером и др. «Революция, — воскликнул Камбон 1 ноября, — коснулась всех, исключая финансистов и партизан! Это хищное племя стало еще хуже, чем при прежнем режиме. У нас

есть комиссары, распоряжающиеся денежными выдачами, военные комиссары, грабительства которых не поддаются описанию. Я вздрогнул от ужаса, когда узнал, что для Южной армии закуплено свиное сало по 34 су за ливр». Конвент арестовал несколько поставщиков, но большинство из них, с д'Эспаньяком во главе, тотчас же было освобождено. Этот пример безнаказанности новых поставщиков только усилил народное недовольство.

В начале осени в деревнях и городах вспыхнули серьезные волнения, которые имели место в Лионе, куда Собрание послало трех комиссаров, чтобы сформировать наемную жандармскую роту и произвести аресты; в Орлеане, где в конце сентября был убит носильщик и разграблены семь домов в момент отбытия транспорта зерна в Нант; в Версале, Этампе, Рамбуе в октябре; во всей провинции Бос и почти во всех других провинциях в ноябре. 22 ноября дровосеки в Вибрайе в департаменте Сарты сговорились с рабочими стеклянного завода в Монмирайе и отправились вместе с ними в соседние местечки, чтобы установить твердые цены на съестные продукты. В следующие дни банды, предводительствуемые местными властями, наводнили департаменты Сарты, Эр, Эр и Луары, Луары и Шер, Эндры и Луары и Луары. 28 ноября толпа таксаторов в 3 тыс. человек, возглавляемая конным отрядом, явилась на рынок Вандома. В тот же день в Мансе департаментская администрация и муниципалитет установили твердые цены. То же самое произошло в Ножан-ле-Ротру, Ферте-Бернар, Бру, Клуа, Мер Боннетабль, Сен-Кале, в Блуа. В Блуа цена на хлеб была установлена в 20 су за буассо¹, весом в 12 ливров, рожь — 16 су, ячмень — 12 су, коровье масло — 10 су за ливр, дюжина яиц — 5 су. Таксаторы украсили шапки дубовыми ветвями и плясали вокруг деревьев свободы с криками: «Да здравствует нация! Цена на хлеб будет понижена!» В начале декабря толпа в 10—12 тыс. человек направилась в Тур, но, получив обещание, что муниципалитет и департамент поддержат ее требования, рассеялась.

Три комиссара, посланные Конвентом в департамент Эр и Луары,— Биротто, Мор и Лекуант-Пюраво, были окружены 29 ноября на большом рынке Курвилля воору-

¹ Буассо (равная приблизительно 13 литрам) старинная мера сыпучих тел, варьировавшаяся (по размеру) по различным провинциям. (Прим. ред.)

женной толпой в 6 тыс. человек, угрожавшей бросить их в реку или повесить, если они не утвердят таксу не только на хлеб и ячмень, но и на свечи, мясо, полотно, обувь и железо. Комиссары повиновались, но, когда они вернулись в Париж, жирондисты встретили их оскорбительным презрением. Петион кричал об анархии и аграрном законе. Он утверждал, что всякая таксация неизбежно ведет к голоду, и требовал немедленных и решительных репрессий. Несмотря на противодействие Бюзо и Робеспьера, требовавших, чтобы репрессии были поручены гражданским комиссарам, которые попытались бы сначала применить меры кротости, Конвент решил поставить во главе войск генерала. Кроме того, он выразил порицание трем депутатам, подчинившимся требованиям бунтовщиков, и в результате репрессия, столь же энергичная, как и в прошлом апреле, восстановила порядок в провинции Бос.

Могли ли городские и сельские рабочие не воспылать ненавистью к Жиронде с ее классовой политикой? Но замечательно то, что и сама Гора едва не возбудила подозрений у безвестных вождей, защищавших народные требования. Когда уполномоченный генеральный старшина Сены и Уазы Гужон явился 19 ноября от имени избирательного собрания своего департамента в Конвент и потребовал не только таксации продуктов питания, но и учреждения центрального административного органа по продовольствию, его предложение встретило лишь слабый отклик на скамьях Горы. Файо горячо поддержал создание центральной комиссии по продовольствию. Но монтаньяры боялись вручить своему злейшему врагу — министру внутренних дел Ролану — такое могущественное оружие, и Тюрио, пытаясь отклонить предложение, ссылаясь от их имени в Якобинском клубе на пример Террэ¹ и Неккера.

Ни один монтаньярский депутат не требовал таксы, ее не требовал Файо, сказавший 19 ноября: «Если бы богачи, так мало преданные революции, могли закрыть свои житницы на 8 дней, французы очутились бы в оковах... Что же это за республика, в которой жизнь бедняков находится в руках богачей?» Не требовал ее и Беффруа, горячо опровергавший 8 декабря либеральные теории

¹ Террэ — контролер финансов при Людовике XV, которому народная молва приписывала организацию «голодного заговора». (Прим. ред.).

Тюрго и Адама Смита; даже Левассер (из Сарты), сказавший 2 декабря: «Когда город осажден, магистрат имеет, конечно, право принудить жителей, владеющих несколькими ружьями, поделиться ими со своими согражданами, чтобы содействовать общей защите, и в то же время, если гражданам угрожает голодная смерть, неужели магистрат не в праве принудить земледельцев продать излишек их запасов!». Не требовал ее даже Робеспьер, развивавший в этот же день следующие принципы: «Пища, необходимая человеку, так же священна, как и сама жизнь. Все, что необходимо для сохранения жизни, является общим достоянием. Только излишек может быть предметом частной собственности». Монтаньяры ограничились требованием сохранить сентябрьскую регламентацию и потерпели поражение. Конвент согласился с жирондистскими ораторами — Феро, Серром, Крезе-Латушем, разоблачавшими политику анархистов и утверждавшими, что голод является следствием учетов и реквизиций, запугавших земледельцев. «Если не защитить их от произвольных обысков, — сказал Крезе-Латуш, — нельзя будет продать имущества эмигрантов, являющиеся единственным обеспечением новых ассигнаций». Этот аргумент решил судьбу голосования.

Якобинцы сохраняли во все время кризиса благоразумный и осторожный нейтралитет. Когда Коммуна и парижские секции 29 ноября потребовали таксы, они отказались высказать свое мнение. Неудивительно, что народные вожди прониклись недоверием к ним. Аббат Жак Ру, представитель мелких ремесленников, секции Гравилье в Париже, в сильной речи, произнесенной 1 декабря о «суде над Людовиком последним, о преследовании ажиотеров, скупщиков и изменников», атаковал весь Конвент в целом, осуждая его за «сенаторский деспотизм», как он выражался. «Деспотизм, пышно распутившийся под управлением немногих, сенаторский деспотизм так же страшен, как и скипетр короля, поскольку он имеет тенденцию поработить народ, причем народ и не подозревает своего порабощения до тех пор, пока не почувствует себя раздавленным и униженным теми законами, которые, казалось, исходили от него самого». Жак Ру призывал Конвент обуздать скупщиков и снизить цены. Его речь имела такой успех, что секция Обсерватории решила читать ее два раза в неделю в течение месяца.

Жак Ру не был одинок. Вместе с ним выступал и разжигал страсти молодой почтовый чиновник Жан Варле,

обладавший небольшим состоянием и успешно окончивший коллеж Гарнура. С 6 августа 1792 г. он предлагал законы против скупщиков и требовал принудительного курса для революционных денег. Несколько времени спустя он поместил в двух шагах от Собрания, на террасе Фейянского клуба вращающуюся трибуну, с высоты которой обращался к толпе. Очень скоро его проповедь, проповедь «апостола свободы», как он себя называл, приняла антипарламентарный характер. Как и Жак Ру, он обвинял членов Конвента монтаньяров и жирондистов в создании олигархии политиков, использовавших исключительно в свою пользу народный суверенитет. В конце декабря якобинцы лишили его слова, и он ушел из их клуба, упрекая их в том, что они не просвещали народ и не посещали братских обществ, организованных ремесленниками. Теперь он называл себя «апостолом равенства». Уже мятежники провинции Бос говорили, что все депутаты Конвента богаты и нажили эти богатства расхищением казны.

• Пропаганда Варле и Жака Ру — «бешеных» — быстро развивалась в парижских секциях, о чем свидетельствуют все более многочисленные и угрожающие петиции и памфлеты, направленные против Ролана, которого они считали виновником дороговизны. «Один из этих памфлетов выставлял г-жу Ролан второй Марией-Антуанетой: «Умертвить, говорю я, мечом голода добрый французский народ — идея приятная, в которой она находит большое удовольствие, а честный Конвент, такой же кровожадный, как и она, отпускает этому чудовищу, этой второй Галигаи¹, 12 млн. для покупки хлеба за границей, хотя во Франции, как говорят все отчеты, и нет недостатка в хлебе».

Таксаторы — «бешеные» уже не были изолированы, как в предшествующий период. Они сносились друг с другом из разных городов и стремились, по-видимому, согласовать свои действия. Лионцы находились в постоянном контакте с парижанами. Один из них, Додье, предложивший в августе учредить специальный трибунал для наказания скупщиков, в октябре явился в Париж и представил докладную записку, которую Конвент немедленно отклонил. Другой, Гиден, национальный комиссар при трибунале дистрикта, представил в декабре лионской

¹ Галигаи — фаворитка Марии Медичи, французской королевы, жены Генриха IV. (Прим. ред.).

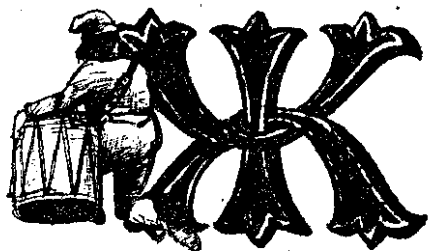
коммуне проект постановления в 25 статьях, запрещающий торговлю зерном, учреждающий национальное продовольственное управление, национализирующий мельницы и регламентирующий выпечку хлеба. Лионские якобинцы одобрили его предложение и делегировали в январе нескольких своих представителей в Париж, чтобы потребовать от Конвента таксации всех продуктов первой необходимости.

В Орлеане некий Табуро, секретарь секции Госпиталя, сыграл такую же роль, как в Лионе Додье и Гиден, в Париже — Варле и Жак Ру. После волнений в Бос он был подвергнут судебному преследованию. Но в тот день, когда мировой судья хотел его арестовать, 200 человек собрались для его защиты, и ему удалось скрыться.

Не подлежит сомнению, что «бешеные» еще не имели в то время своих газет. Сильвэн Марешаль оказывал им от времени до времени поддержку в «Парижских Революциях». Марат относился к ним враждебно, Эбер выжидал и шадил Гору. Но за «бешеных» был незримый инстинкт толпы, а продолжение или, скорее, ухудшение экономического кризиса сыграло им на руку. В условиях борьбы с Жирондой монтаньяры вынуждены были сделать им уступки, дать им удовлетворение. 6 января 1793 г один из них, депутат Дюруа, констатировал перед Конвентом полное крушение экономической политики Ролана: «Цены на продукты питания несколько не понизились. К сожалению, они, наоборот, повысились, и ваш декрет от 8 декабря не произвел того действия, какого вы ожидали. Хлеб, который исключительно дорог в моем департаменте (Эр), стоил раньше 30 ливров, а теперь — 36». Даже жирондисты защищали Ролана очень слабо. 22 января 1793 г. он подал в отставку, и можно было предвидеть, что его экономическая политика невмешательства едва ли его переживет. Конвент назначил на его место осторожного Гара, озабоченного тем, чтобы как-нибудь не скомпрометировать себя, и всегда готового примкнуть к более сильной партии. Дороговизна сыграла большую роль в падении Жиронды.

ЗАВОЕВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

иронда держалась у власти благодаря военным успехам. Как только счастье ей изменило, и победы превратились в поражения, она погибла. Битва при Вальми сопровождалась целой серией побед, перенесших наше оружие с неслыханной быстротой к Альпам и Рейну. Вступив в Савойю в ночь с 21 на 22 сентября, с 17 тыс. человек, большей частью волонтеров, Монтескью без сопротивления овладел редутами Шапорейлан, замком Де-Марш, крепостью Монмелиан. «Поход моих армий,— сообщал он 25 сентября Конвенту,— сплошной триумф. Население деревень и городов выбегает нам навстречу; трехцветная кокарда водружается всюду..» Это было не завоевание, а освобождение.

Испуганные женеvские аристократы просили помощи

у Цюрихского и Бернского кантонов, приславших им подкрепление в 1 600 человек. Исполнительный совет под влиянием Клавьера, изгнанного женевскими аристократами десять лет тому назад, предписал Монтестью потребовать, чтобы свободный город отослал бернцев и цюрихцев обратно. Конвент, по предложению Бриссо и Гаде, утвердил приказ Исполнительного совета, несмотря на протесты Тальена, Барера, Дантона, Гарран де Кулона и самого Петiona. Но Монтестью обманул ожидания жирондистов. Вместо того, чтобы занять Женеву, он вступил в переговоры. Женевские аристократы обещали отослать швейцарцев. Это не соответствовало желаниям Клавьера. Конвент отказался ратифицировать подписанный Монтестью договор, предъявил ему 9 ноября обвинение и принудил его эмигрировать. Женева сохранила свою независимость, но революция в ней была лишь отсрочена. Д'Ансельм с армией департамента Вар, состоявшей из 9 батальонов нового набора и 6 тыс. марсельских национальных гвардейцев, выступил в поход через восемь дней после своего начальника Монтестью. При поддержке флота адмирала Трюге он без боя вступил 29 сентября в Ниццу, на следующий день овладел крепостью Вилльфранш и нашел там многочисленную артиллерию, большие запасы провианта, один фрегат и один корвет.

На Рейне также велось наступление. Кюстин, командовавший в Ландау, обнаружив, что австрийцы и пруссаки, занятые в Аргоннах, оставили свои склады без достаточной охраны, выступил с 14 300 человек, из которых две трети были волонтеры, 25 сентября после горячего боя занял Шпейер, взял 3 тыс. пленных и вернулся с большою добычей. Ободренный своим успехом, он через несколько дней снова выступил в поход, 5 октября занял Вормс и 19 октября подошел к Майнцу с 13 тыс. человек и 45 полевыми орудиями, но без всяких осадных орудий. Сильная крепость имела трехтысячный гарнизон, снабженный в достаточном количестве артиллерией и продовольствием. Но у Кюстина были сообщники в городе, буржуазия которого 5 октября отказалась от службы на крепостном валу и надела трехцветную кокарду. После второго требования Майнц капитулировал. Главный инженер крепости Экмайер сейчас же перешел на французскую службу. Через два дня карманьолы вступили в Франкфурт.

Если бы Кюстин был хорошим тактиком, то вместо того, чтобы удаляться от Рейна, он спустился бы вниз по

реке и занял бы Кобленц, отрезав, таким образом, путь к отступлению прусским войскам, которые в этот момент эвакуировали Лонгви под давлением войск Келлермана.

Успев в удобный случай, Кюстин тщательно настаивал, чтобы Келлерман, преследуя пруссаков, соединился с ним. Келлерман, ссылаясь на усталость своих войск, отказался идти к Триру. Исполнительный совет послал его в альпийскую армию и назначил на его место Бернонвилля, который выступил в поход слишком поздно, с 6 по 15 декабря сражался около Трира с Гогенлоэ и отступил в беспорядке обратно на Саар. 2 декабря Кюстин потерпел первый удар во Франкфурте. Гессенцы неожиданно атаковали город, и восставшие против французов горожане открыли им городские ворота. Кюстин советовал эвакуировать Майнц, но Исполнительный совет приказал ему оставаться там и послал подкрепления, взятые из армии Бирона в Эльзасе.

Бельгия была завоевана одновременно с Савойей и средним Рейном. После Вальми австрийцы Сакс-Тешена должны были снять осаду Лилля, который они тщательно пытались терроризировать сильной бомбардировкой, продолжавшейся с 29 сентября по 5 октября. Дюмурье, получивший 11 октября поздравления Конвента и, устами Дантона, — якобинцев, вступил 27 октября в Бельгию в направлении от Валансьена к Монсу, с нашей лучшей армией, состоявшей преимущественно из линейных войск. 6 ноября он столкнулся около Монса с австрийцами Клерфэ и Сакс-Тешена, которые наскоро возвели редуты на лесистых холмах. Разгорелась жаркая битва, в особенности в центре, около деревни Жемаппы. К вечеру австрийцы, которых было вдвое меньше, чем французов, отступили, оставив на поле сражения 4 тыс. убитых и 13 пушек. Дюмурье не осмелился преследовать их; поражение австрийцев не превратилось в разгром. Тем не менее оно произвело очень сильное впечатление во Франции и в Европе. «Битва при Вальми была только местной битвой, сражение при Жемаппе — генеральное сражение, первая крупная победа французов за долгое время, как бы Рокруа¹ республики» (А. Шюкэ). Битва при Жемаппе имела гораздо более важные результаты, чем битва при Вальми. Менее чем за месяц австрийцы были изгнаны из всей Бельгии, из Брюсселя — 14 ноября, из Льежа —

¹ Победой при Рокруа (1643 г.) Франция была спасена от вторжения испанцев.

28-го, из Антверпена — 30-го, из Намюра — 2 декабря. Но вместо того, чтобы преследовать австрийцев, отступавших за Роер, уничтожить их и выручить Бернонвилля и Кюстина, сражавшихся с пруссаками, т. е. действовать согласно предписаниям Исполнительного совета, Дюмурье внезапно остановился.

Дюмурье вел открытую борьбу с военным министром Пашем и национальным казначейством, сильно интересовавшимся его финансовыми операциями. Он был окружен легионом спекулянтов, с которыми совершал незаконные сделки; среди них был знаменитый аббат д'Эспаньяк и брюссельский банкир Симон. Положение оказалось настолько скандальным, что Камбон провел декрет об аресте д'Эспаньяка и главного военного интенданта Малюса. Но Дюмурье открыто вступился за своих агентов и подал в отставку. Чтобы успокоить его, послали в Бельгию комиссаров, в их числе Делакруа и Дантона. Малюса и д'Эспаньяка освободили и замяли скандал. Жиронда уже не могла держать своих генералов в повиновении. Она хотела воспользоваться их популярностью для борьбы с монтаньярами и потому не решалась навязывать им свою волю.

Заключить ли мир? Удержать ли завоеванные земли? Жирондисты одно мгновение колебались. Некоторые из них понимали, что для сохранения завоеванных земель придется продолжить и распространить войну 2 сентября при чтении письма Монтескью, сообщавшего, что Савойя выразила желание образовать 84-й департамент, несколько жирондистов, Банкаль, Луве, Ласурс, поддержанные Камиллом Демуленом, высказались против всяких завоеваний. «Франция достаточно обширна», сказал Банкаль. «Не будем уподобляться королям, присоединяя Савойю к Франции», прибавил Камилл Демулен. Делакруа перебил его соображением практического характера: «Кто оплатит издержки войны?» Луве ответил под громкие аплодисменты всего собрания: «Издержки войны? Вы получите полное вознаграждение в навсегда обеспеченном пользовании свободой, в зрелище счастья «свобожденных вами народов». Но такое великодушие пришлось не по вкусу Дантону: «Даруя свободу соседним народам, мы имеем право сказать им: у вас не должно быть королей, так как, пока вы окружены тиранами, их коалиция может поставить в опасность нашу собственную свободу. В нашем лице французская нация создала великий комитет общего восстания народов против королей

всего мира». Собрание не захотело высказаться по существу вопроса, но было, по-видимому, склонно к созданию независимых братских республик.

Демократизация завоеванных стран казалась большеинству дипломатического комитета авантюристической политикой, от которой следовало отказаться. 24 октября жирондист Ласурс в большом докладе от имени комитета с силой оспаривал мнение Дантона и всех тех, кто подобно ему хотел оказать помощь и поддержку савойскому народу лишь под условием, что он откажется от королевской власти и феодализма. «Не посягаем ли мы на свободу народа, отказывая ему в выборе той или иной формы правления?» Ласурс осуждал Ансельма за то, что он муниципализировал Ниццкое графство, учредив в нем новые административные органы и новые трибуналы: «Дать законы — значит завоевать».

Мнение Ласурса совпадало с мнением правительства 30 октября Лебрен писал нашему агенту в Англии Нюзлю: «Франция отказалась от завоеваний; это заявление должно успокоить английское правительство относительно вступления Дюмурье в Бельгию». 11 ноября, после сражения при Жемаппе, он повторил ему: «Мы не хотим вмешиваться в чужие дела и навязывать другим народам ту или иную форму правления. Пусть бельгийцы избирают себе форму правления по своему вкусу; мы им не станем мешать».

Робеспьер и многие якобинцы разделяли мнение дипломатического комитета и Исполнительного совета Шабо под громкие аплодисменты Якобинского клуба описал затруднения, связанные с завоеваниями Бантаболь 12 декабря вызвал бурю восторгов среди публики на трибунах, выступив с требованием мира: «Не будем продолжать войну, в которой мы же окажемся одураченными». Робеспьер потребовал в «письмах к своим доверителям», чтобы «были поставлены разумные пределы нашим военным предприятиям», и указал на «опасность возобновления вместе с бельгийцами тяжелой и кровавой борьбы, которую нам пришлось уже вынести против наших собственных священников».

Но в Исполнительном совете и дипломатическом комитете были два влиятельных человека, посвятивших себя, по личным соображениям, политике завоеваний женевец Клавьер и уроженец Клеве, прусский подданный Анахарсис Клоотс. Оба они были политическими эмигрантами. И тот и другой жаждали освободить свою родную

страну от ига тиранов, своих прежних преследователей, и не видели иного средства добиться этой цели, кроме присоединения своей родины к Франции. В 1785 г. Клоутс писал в своих «Чаяниях галлофила», вышедших из печати на следующий год: «Версальский двор должен поставить себе целью отодвинуть границы Франции к устью Рейна. Эта река такая же естественная граница Галлии, как Альпы, Пиренеи, Средиземное море и океан». 29 сентября он потребовал аннексии Савойи.

За Клавьером и Клоутсом стояла могущественная партия, образованная многочисленными политическими эмигрантами, явившимися во Францию в поисках свободы и денег: савойцы — с врачом Доппе, основателем аллоброгского клуба и легиона, и аббатом Филибером Симоном, депутатом от Нижнего Рейна в Конвенте; женеvцы и швейцарцы — с Клавьером, Дессоназом и Греню; невшатальцы — с Кастелла, Жан-Поль Маратом, Руйе, основателем гельветического клуба; голландцы — с банкирами Коком, Ван-ден-Ивером, Аббема; люттихцы — с Фабри, Бассанжем, Фионом, Рансонне; бельгийцы партии «статистов», эмигрировавших в Дуэ, — с молодым графом Бэтьюн-Шаростом; бельгийцы партии «фонкистов»¹, эмигрировавшие в Париж, — с банкирами Проли и Валькирсом; немцы, бежавшие из рейнских земель, преимущественно в Страсбург, — с капуцином Евлогием Шнейдером, книгопродавцом Котта, негодциантом Бемером, врачом Ведекиндом и т. д. Эти интеллигентные и активные эмигранты были членами разных клубов, в особенности клуба кордельеров, в котором они образовали впоследствии ядро партии эбертистов. Многие из них занимали административные и военные должности. Победы, одержанные с такой быстротой осенью 1792 г., были в значительной степени результатом их деятельности.

Пришел момент после победы при Жемаппе, когда жирондисты дипломатического комитета и Исполнительного совета дали себя увлечь и, в свою очередь, одобрили завоевательную политику эмигрантов. Это был решительный поворот во внешней политике Франции. Оборонительную войну сменила уже не война в целях пропаганды, а завоевательная война. Переход этот совершился незаметно, под влиянием целого ряда соображений дипло-

¹ Статисты (statistes) — аристократическая партия, опиравшаяся на дворянство и католическую церковь, фонкисты — демократическая партия. (Прим. ред.)

матического, военного, административного и финансового характера.

То, что руководители Исполнительного совета и дипломатического комитета проявили сначала осторожность и воздержались от политики расширения территории, объясняется смутной надеждой, которую они питали на быстрое заключение мира путем разъединения коалиции. Неудачный исход предпринятых после Вальми переговоров с пруссаками не обескуражил их. 26 октября 1792 г. Валанс и Келлерман встретились, по их приказу, в Обанже с герцогом Брауншвейгским, Лючезини, Гогенлоэ и князем Рейсским. Они предложили пруссакам за признание республики союз Франции, австрийцам в обмен на Баварию — Голландию и срытие укреплений Люксембурга. Но Фридрих-Вильгельм 1 ноября дал знать французскому агенту Мандрильону, что он до открытия переговоров требует эвакуации французских войск с территории империи и гарантий, обеспечивающих судьбу Людовика XVI и его семьи. Австрия, по совету Кауница поставила следующие условия мира: освобождение королевской семьи и отправка ее к границе Франции, выделение специальных владений для французских принцев, восстановление папской власти в Авиньоне, вознаграждение немецким князьям, пострадавшим от декретов 4 августа. Всякая надежда на близкий мир исчезла.

Мало того, Испания, по-видимому, тоже готовилась вступить в войну. Бриссо и Лебрен уже подумывали об организации восстания в южно-американских колониях, при содействии креола Миранда, служившего в армии Дюмуре. Война с помощью пропаганды, революционная война, казалась неизбежным продолжением оборонительной войны.

Завоеванные страны сильно отличались друг от друга своей социальной структурой, языком, цивилизацией. Можно ли было применять к ним общие принципы управления?

Савойя, по языку и цивилизации ближе всего подходившая к Франции, была задержана в своем экономическом развитии таможенными пошлинами, отделявшими ее одновременно от Франции и Пьемонта. Ее буржуазия ненавидела режим полицейской и военной тирании сардинского короля. Ее крестьяне, принужденные эдиктами Виктора-Амедея выкупать феодальные права, завидовали французским крестьянам, освободившимся от феодальных повинностей без всякого выкупа. С прибытием фран-

цузов Савойя покрылась клубами, непосредственно выражавшими желание народа «броситься в лоно французской республики и составить с французами один братский народ». Аллоброгское национальное собрание, собравшееся 20 октября в Шамбери и состоявшее из делегатов всех коммун, низложило Виктора-Амедея, лишило его потомство прав на корону, отменило дворянство и феодальный режим, конфисковало имущества духовенства и объявило 22 октября желание страны присоединиться к Франции. Народ единодушно отдавал себя под защиту республики.

Бывшее епископство Базельское, оккупированное с момента объявления войны, находилось в аналогичном с Савойей положении. В большей части его сеньерий и общин жили народности, говорившие на французском языке и с 1789 г. стремившиеся уничтожить феодальный режим. Жители Порантю, столицы бежавшего князя-епископа, посадили в октябре дерево свободы и основали клуб. Делемонт, Сент-Урсан, Сейнележье поступили так же. Часть населения требовала присоединения к Франции, другая предпочитала образовать независимую республику.

В Ницце — стране итальянского языка, друзей Франции было гораздо меньше, чем в Савойе. Когда подошли войска Ансельма, все лавки закрыли окна ставнями. В отместку солдаты разграбили город, и этот грабеж, допущенный Ансельмом, еще более увеличил число врагов Франции. Для учреждения клуба и временной администрации пришлось обратиться к многочисленной Марсельской колонии Ниццы. Желание присоединиться к Франции, заявленное 21 октября, выражало, без сомнения, волю очень небольшой части населения.

В рейнских странах, говоривших на немецком языке, искренних друзей Франции или, вернее, революции можно было найти только в городах, в особенности в Майнце, среди профессоров университета, юристов, либеральных церковников и купцов, собиравшихся преимущественно в литературных салонах для чтения парижских газет. Деревенские округа, разделенные на многочисленные светские и церковные сеньерии, из которых не все принимали участие в войне с Францией, были настроены индифферентно или враждебно. В противоположность Монтескью, Дюмурье и Ансельму, не трогавшим население, Кюстин сейчас же после своего вступления в Шпейер наложил контрибуции на привилегированных лиц, следуя

формуле: «мир хижинам, война дворцам». Во Франкфурте такими привилегированными оказались банкиры, а городские власти Вормса, также обложенные контрибуцией, оказались малообеспеченными ремесленниками, и, таким образом, Кюстин частично потревожил самую буржуазию. Лебрен приветствовал этот способ ведения войны, при котором армия жила за счет завоеванной страны. Он даже рекомендовал Кюстину послать в Париж хорошие издания из библиотек занятых городов, «в особенности же Гуттенбергскую библию». Уже начинала выявляться хищническая политика Директории и Наполеона.

Кюстин прекрасно понимал, что его громкие воззвания, сопровождавшиеся посадкой деревьев свободы, сами по себе еще неспособны примирить общественное мнение с французами. Он решил дать немцам более существенное удовлетворение. Не осмеливаясь собственной властью отменить десятину, барщину, права сеньеров, привилегии всякого рода,— он попросил Конвент сделать соответствующее постановление, так как не рассчитывал на самостоятельное выступление местного населения. «Городские власти, прево, судьи,— писал он 4 ноября, все административные органы, состоящие из агентов мелких деспотов, которые угнетают эту несчастную страну, употребили все усилия, чтобы поднять у народа свой кредит»

Поведение Дюмурье в Бельгии представляло резкий контраст с деятельностью Кюстина на Рейне. Дюмурье хорошо знал страну, которую посещал в 1791 г по поручению Лафайета, когда восстание против Австрии носило еще победоносный характер. Он знал, что бельгийцы, которых было тогда около двух с половиной миллионов, разделялись на две партии: статистов, или аристократов, цепко державшихся за старые феодальные вольности и опиравшихся на очень богатое, фанатичное и могущественное духовенство, и фонкистов, или демократов, которые подвергались преследованиям первой партии, так как были настроены враждебно по отношению к духовенству и добивались коренной реформы старых учреждений. Он знал, что Люттихское церковное княжество, являвшееся членом Священной империи¹ и имевшее население в

¹ «Священная Римская империя германской нации» — конгломерат в виде весьма слабо связанных между собой государств (с 1648 г только немецких), существовавший со времен Оттона III (конец X века) до 1806 г. В конце XVIII в. империя была весьма непрочной конфедерацией немецких государств под номинальным главенством австрийской династии. (Прим. ред.)

500 тыс. человек, изобиловало демократами, твердо решившимися свергнуть феодальный режим. Он посоветовался с комитетом объединенных бельгийцев и лютихцев, состоявшим преимущественно из фонкистов, и задался целью соединить Бельгию и Лютих в одну независимую республику, шадя, по возможности, их национальное самолюбие. Эмигранты, сопровождавшие армию Дюмурье, созвали население завоеванных городов по церквям для назначения временных властей, которые провозгласили разрыв сношений с Австрией. Всюду образовались клубы. Но когда генерал Ла-Бурдоннэ захотел последовать примеру Кюстина и наложить на жителей Торнау контрибуцию, Дюмурье сделал ему строгий выговор: «Присваивая Франции общественные контрибуции Бельгии, вы возбуждаете недоверие к нашим операциям и сообщаете им оттенок подлой продажности. На развалинах австрийского деспотизма вы создаете военную тиранию». По его требованию Бурдоннэ был отозван и замещен Мирандой.

Дюмурье шадил бельгийцев. Он заставлял свой обоз уплачивать дорожные пошлины и не посягал на действующие бельгийские законы. Хотя он и разрешил производить реквизиции, но прибегал к ним крайне неохотно, предпочитая делать закупки и уплачивая за них звонкою монетою, а не ассигнатами. Путем займов он добывал необходимые для армии средства у представителей церкви. С помощью двух миллионов, занятых у гентского духовенства, он пытался создать бельгийскую армию и увеличить таким образом свои силы.

Во всех оккупированных странах образовались более или менее крупные ячейки из местных жителей, скомпрометировавших себя тем, что записывались в клубы и занимали места в новых административных органах. Эти сообщники французов опасались возвращения изгнанных князей. Французы советовали им образовать республики, но как эти маленькие республики смогли бы удержаться после заключения мира и ухода карманьолов¹. «Можем ли мы сохранить свободу, не будучи французами? — говорили делегаты Ниццы в Конvente 4 ноября. — Нет. Мы натолкнулись бы на неустранимые препятствия: наше

¹ Карманьола — революционная песенка, под которую одновременно танцевали; затем — короткая куртка, которую носили пьемонтские рабочие, среди которых возник танец карманьола. Карманьола (в смысле костюма) была занесена в Париж марсельскими федератами и вошла в моду как революционный костюм. (Прим. ред.).

положение таково, что мы должны быть либо французами, либо рабами». Они отдали богатства своих церквей, имущества своих монастырей. Что подумает Европа о французском народе «если он, истощив источники наших доходов приманкой свободы, оттолкнет нас от себя и предаст на бедствия нищеты и милость неумолимых тиранов?» Революционеры прирейнских областей выражали такие же опасения.

Призывая народы к восстанию, республиканская Франция взяла на себя ряд обязательств морального свойства, от которых не могла отказаться. Пропаганда логически приводила к поддержке восстаний, а лучшей поддержкой могла быть только аннексия.

Поощряемые клубом в Ландау, жители Бергцабернского округа герцогства Цвейбрюкенского, сохранявшего нейтралитет, посадили дерево свободы, отменили феодальные права и просили о присоединении к Франции. Восстание распространилось по всему герцогству, и герцогу пришлось послать войска для ареста зачинщиков. 19 ноября Рюль изложил эти события Конвенту и спросил, намерен ли Конвент оставить на милость деспотов патриотов, применявших его принципы: «Я требую, чтобы вы объявили всем народам, желающим побрататься с нами, что они могут рассчитывать на помощь французской нации». Множество ораторов — Дефермон, Лежандр, Ревбель, Майль, Биротто, Карра, Дентцель, Трейляр, Л. Бурдон, Сент-Андре поддержали Рюля. Тщетно Бриссо и Ласурс старались выиграть время, откладывая решение до рассмотрения доклада дипломатического комитета о поведении наших генералов в неприятельских странах. Конвент с энтузиазмом принял проект декрета, предложенный Ла-Ревельером-Лепо: «Национальный конвент от имени французской нации обещает братскую помощь всем народам, желающим вернуть себе свободу, и уполномочивает исполнительную власть предложить генералам оказывать поддержку этим народам и защищать граждан, которые пострадали или могут пострадать за дело свободы».

Этот памятный декрет, провозглашая солидарность революционеров всего мира, являлся, в силу этого, угрозой всем престолом и всем властям прошлого и мог вызвать всемирную войну, уже не войну державы против державы, но войну социальную, предпринятую и поддерживаемую свободной нацией, защитницей и покровительницей всех других еще угнетаемых наций. Революция,

отказавшаяся сначала от завоеваний и милитаризма, была вынуждена силой вещей взяться за оружие. Подобно старым религиям, она собиралась распространять свое евангелие с мечом в руке.

Первая аннексия последовала очень скоро. 27 ноября епископ Грегуар в большом докладе предложил ратифицировать желание савойцев. Он оправдывал эту меру не только неотъемлемым правом каждого народа свободно избирать себе национальность, но и соображениями практического характера: наши границы были бы сокращены и упрочены; экономия в служебном персонале таможни; савойцы с помощью французских капиталов могли бы использовать свои естественные богатства и т. п. Малодушным патриотам, боявшимся, что присоединение Савойи может бесконечно продлить войну, Грегуар гордо ответил: «Оно не прибавит ничего к злобе угнетателей, ненавидящих французскую революцию, оно усилит наше могущество и поможет нам прорвать их ряды. Впрочем, жребий уже брошен; мы отдались на волю судьбы, все правительства — наши враги, все народы — наши друзья». Аннексия была утверждена единогласно, за исключением жирондиста Пеньера, пытавшегося протестовать на заседании, и Марата, протестовавшего в своей газете. Хитрый Бриссо приберет, впрочем, запасный выход своим друзьям, потребовав, чтобы декрет был объявлен «статьей конституции», т. е. подлежал бы вместе со всей конституцией ратификации народа. Его прервал ропот Собрания и ему пришлось взять свою поправку обратно. Но Дантон поддержал его: «Я думаю, что подобный договор может приобрести вечную силу лишь по одобрении его всей французской нацией». При содействии Барера поправка прошла. Аннексия Савойи получила, таким образом, временный характер. Ловкий способ удовлетворить жителей Савойи, оставляя за собой возможность в неопределенном будущем вступить в переговоры с их прежними господами!

Но в этот момент большинство членов Конвента поддалось порыву энтузиазма епископа Грегуара. На сцену выступила политика расширения территории.

26 ноября Бриссо, руководивший дипломатическим комитетом, писал Сервану: «Я думаю, что наша свобода не будет обеспечена до тех пор, пока хотя бы один Бурбон останется на престоле. Долой мир с Бурбонами, пора подумать об экспедиции в Испанию. Я непрестанно напоминаю о ней министрам». Он хотел поднять восстание не

только в Испании и ее колониях, но и в Германии и во всей Европе: «Мы можем успокоиться только тогда, когда вся Европа будет в огне... Если мы отодвинем наши границы до Рейна, если Пиренеи будут разделять два свободных народа, наша свобода получит прочный фундамент». Бриссо прикрывал красным колпаком старую монархическую политику естественных границ.

Жирондистская политика расширения территории стояла в тесной связи с политикой социального консерватизма. Клавьер, как говорит М. Шюкэ, боялся мира. 5 декабря он писал Кюстину: «Приходится оставаться в состоянии войны; возвращение солдат увеличило бы всюду смуты и погубило бы нас». Такого же мнения держался и Ролан: «Приходится отправлять тысячи людей, которых мы держим под ружьем так далеко, как только их могут занести их ноги; в противном случае они вернулись бы и перерезали нам горло», признался он однажды.

Но такая политика обходилась очень дорого. «Чем далее мы продвигаемся в неприятельскую страну, — ворчал 10 августа Камбон, — тем более разорительной становится война, особенно с нашими философскими принципами и нашим великодушием. Положение таково, что надо принять определенное решение. Все повторяют, что мы несем нашим соседям свободу. Мы несем им не только свободу, но и нашу звонкую монету и наши запасы продовольствия; ведь они не берут ассигнатов». Камбону поручили составить проект декрета о поведении генералов в оккупированных странах. Проект был готов 15 декабря. В основу его был положен принцип, что целью революционной войны является уничтожение всех привилегий: «Всякое привилегированное лицо, всякий тиран является нашим врагом в той стране, в которую мы вступаем». Лишь благодаря тому, что этот принцип был забыт, что Кюстину слишком поздно дали разрешение уничтожить феодальный режим, жители прирейнских областей, сначала полные энтузиазма, неожиданно охладели, и стала возможна Сицилийская вечерня во Франкфурте¹. Если бельгийский народ оставался пассивным или враждебным, то виной этому был Дюмурье, не устранивший вовремя угнетавшего его ига. Без сомнения, было

¹ «Сицилийская вечерня» — восстание на острове Сицилия в 1782 г. во время пасхальной вечерни, сопровождавшееся массовым избиением находившихся на острове французов. Потом это слово стало нарицательным. (Прим. ред.)

бы очень хорошо, если бы народы оккупированных областей последовали примеру французов и сами покончили бы с феодализмом. Но пока это, к сожалению, невозможно, приходится объявить себя «революционной властью» и разрушить порабощающий их режим. Франция должна осуществить в их пользу и вполне открыто свою революционную диктатуру: «Было бы бесполезно скрывать нашу цель и наши принципы; тираны уже знают их... Когда мы вступаем в какую-либо страну, наше дело ударить в набат». Пусть же французские генералы немедленно отменяют десятину и феодальные права, все виды рабства. Пусть же они уничтожат все существующие власти и назначат выборы временных властей, среди которых уже не будет врагов республики, так как в выборах примут участие только те граждане, которые присягнули в верности свободе и равенству и откажутся от привилегий. Прежние налоги должны быть отменены, но имущества, принадлежащие казне, князьям, светским и церковным общинам, вообще всем сторонникам тирании, должны быть секвестрованы для обеспечения ассигнаатов с принудительным курсом. Если новые власти сочтут необходимым наложить контрибуции, то эти контрибуции не должны задевать трудящихся классов: «Только таким путем мы заставим народ полюбить свободу: ему ничего не придется платить, он будет всем управлять». 20 октября Анахарсис Клоотс предлагал аналогичные меры, но не имел никакого успеха. За два месяца идеи продвинулись далеко вперед. На этот раз Камбон стяжал громкие аплодисменты, и предложенный им декрет был немедленно вотирован.

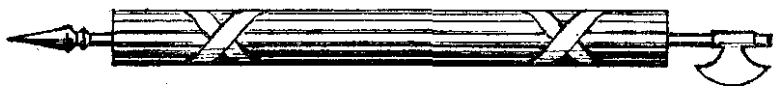
Декреты 19 ноября и 15 декабря резюмируют внешнюю политику Жиронды. Они дополняют друг друга. Первый обещает покровительство угнетенным народам, второй ставит предварительное условие этого покровительства: народы должны принять революционную диктатуру Франции.

Чтобы обеспечить этой политике успех, формулировавшее ее правительство должно было навязать ее народам, которые ее не просили, неприятельским державам, территориальную неприкосновенность которых она нарушала, и, наконец, нейтральным державам, которым она угрожала в их жизненных интересах. Другими словами, Жиронде необходимо было создать послушное орудие из французской армии, орудие к тому же настолько могущественное, чтобы оно могло преодолеть сопротивление всей Европы.

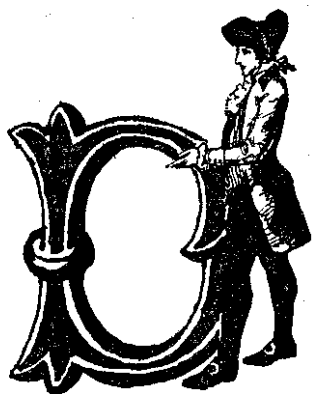
Была ли всемирная война, в зародыше содержащаяся уже в обоих декретах, неизбежным следствием общего хода событий? Несомненно, что Жиронда пыталась один момент добиться мира путем переговоров с Пруссией и Австрией. Но для успешного окончания этих переговоров ей следовало занять определенную и решительную позицию в процессе Людовика XVI. Если бы она, с первого же дня, указала на заинтересованность нации в помиловании короля и во всеуслышание заявила, что процесс короля может помешать заключению мира, если бы она в первый же день провозглашения республики мужественно предложила перевезти королевскую семью к границе, тогда, быть может, ей и удалось бы благополучно заключить переговоры. Мир стал бы возможен на основах status quo. Ведь и Австрия и Пруссия мечтали только о том, чтобы с честью выйти из затруднительного положения и заняться своими делами в Польше, которой угрожала Россия. Но у Жиронды не хватило мужества заплатить за мир настоящей ценой. Ей пришлось бы не только потребовать помилования короля, но и отказаться от революционной пропаганды, которую она так поощряла. Она не осмелилась порвать связь со своим прошлым и поддалась опьянению быстрых побед.

* Гора, которая годом раньше, под влиянием Робеспьера, мужественно высказывалась против войны, а теперь пыталась умерить аннексионистские порывы Жиронды, предостерегала от губительных последствий новой политики и протестовала, в лице Марата, против аннексии Савойи, не формулировала все же в конкретной и ясной форме свою оппозицию политике завоеваний. * Да и как она могла это сделать, упорно настаивая в то же время на процессе Людовика XVI и принимая в свои ряды перебежчиков из Жиронды, вроде Анахарсиса Клоотса, адвоката политических эмигрантов и апостола аннексий?

Резюмируя, можно сказать, что борьба партий, наравне с развитием внешних событий, препятствовала заключению мира и углубляла войну. *

ПЕРВАЯ КОАЛИЦИЯ

екретами 19 ноября и 15 декабря Конвент надеялся укрепить позицию Франции в оккупированных областях путем привлечения к делу свободы широких масс угнетенного населения. Но события не оправдали его ожиданий. Население испугалось «революционной власти», которую ему навязали. Оно увидело в ней только новое средство для расхищения его богатств, орудие произвола и господства, дерзкое покушение на его независимость.

Большая часть временных властей, учрежденных в Бельгии после ее завоевания, состояла из прежних статистов. Они решили водрузить в Брюсселе брабантские цвета. На запрещение, последовавшее со стороны французских властей, они ответили крупными манифестация

ми. Манифестация 7 декабря закончилась серьезной схваткой. Когда был опубликован декрет 15 декабря, множество фонкистов присоединилось к протесту статистов. 21 декабря администрация Геннегау обратилась к Конвенту с адресом, в котором заявила, что провозглашенная французами революционная власть всегда будет в ее глазах «узурпаторской властью,— властью, основанной на насилии». Сопротивление было почти единодушно, так как в деле были замешаны материальные интересы. Никто не хотел принимать ассигнатов, и многие, кроме того, потерпели материальный ущерб от секвестра имущества казны и церкви.

Это неожиданное сопротивление заставило некоторых министров например Лебрена и Ролана, и некоторых депутатов, находившихся под влиянием Дюмурье, например Бриссо, Гаде, Жансонне, задать себе вопрос: не лучше ли было бы вернуться к прежнему и отменить декрет 15 декабря. Но комиссары бельгийской армии, в особенности Камюс, Дантон и Делакура, поддержанные Камбоном и Клавьером настаивали на немедленном применении декрета с употреблением, в случае надобности, вооруженной силы. Это разногласие между руководителями внешней политики отняло много драгоценного времени и дало оппозиционерам возможность бороться с силами. Дипломатический комитет, под руководством Бриссо, задерживал целый месяц назначение агентов, которых Исполнительный совет намеревался послать в Бельгию, чтобы приступить к выборам и секвестрам. Эти агенты покинули Париж только во второй половине января. Но Камбон обошел все препятствия, обратившись непосредственно к Конвенту, который согласился с его мнением 31 января.

Декрет 15 декабря был осуществлен, но с применением вооруженной силы. Квази-народные собрания объявили, под охраной штыков, присоединение городов и деревень к Франции. Созвать, по примеру Савойи, общее собрание населения всей Бельгии не решились. Присоединение к Франции провозглашалось постепенно, одним городом за другим, в течение всего марта, среди угрожающего брожения, выражавшегося в покушении на наших солдат в Брюгге и в распространявшихся всюду мятежных воззваниях. 17 февраля посланные в Бельгию комиссары уведомили Конвент, что при первой же неудаче наших войск «все находящиеся в Бельгии французы переживут Сицилийскую вечерню, причем бельгий-

ские патриоты, дрожащие за свою собственную жизнь, не смогут оказать им никакой поддержки».

Население рейнских земель, разделенных между двадцатью различными государствами и сенъериями, владения которых вклинивались друг в друга, не отличалось особым патриотизмом. Но оно сильно страдало от бедствий, причиненных войной. Крестьяне жаловались на гаксы, реквизиции, барщину. Священники угрожали им муками ада за нарушение присяги прежним князьям, возвращение которых они предсказывали. Никто не хотел принимать ассигнаты. Все боялись, что присоединение к Франции повлечет за собой введение обязательной военной службы, к которой они испытывали глубокое отвращение. Верными Франции оставались только сильно скомпрометированные члены клубов в городах, но и между ними постоянно происходили разногласия, как, например, в Майнце.

Декрет 15 декабря мог быть осуществлен только силой. Комиссары Конвента Ревбель, Мерлен из Тионвилля, Османн нарушили нейтралитет герцогства Цвейбрюкенского, которое 8 февраля было оккупировано генералом Ландремоном. Герцог бежал, но его министра д'Эсбека бросили в военную тюрьму г. Меца, а затем перевезли в Париж, где к нему вскоре присоединились князья Лейнингенского княжества. Члены клубов с отрядами солдат отправились по деревням, чтобы руководить выборами. На выборах многие воздерживались от голосования. Местами комиссары встречали сопротивление, которое подавлялось арестами и массовыми высылками за Рейн. Но, несмотря на это, целые деревни отказывались принести присягу. Когда дошли слухи об отступлении французов из Бельгии, произошел ряд местных восстаний. Созванный при таких условиях Рейнский конвент, собравшийся в Майнце 17 марта, провозгласил на четвертый день своего существования, после речи Фостера, присоединение страны к Франции.

Другие завоеванные территории были присоединены к Франции при аналогичных условиях. Порантрию, объявленный в декабре рауракской¹ республикой, был превращен 23 марта, несмотря на оппозицию немецких окру-

¹ Раураки (гаугасі) — древне-кельтское племя, жившее некогда в области между Вогезами и горной цепью, которая связывает их с северной Юрой; иначе говоря, в большей части нынешнего французского департамента Верхнего Рейна и швейцарских кантонов Базеля и Берна. (Прим. ред.)

гов и даже некоторых французских деревень, в департамент Мон-Террибль.

Ницца была присоединена декретом 31 января 1793 г. На возражения, сформулированные Дюко, Ласурс, разделявший теперь политические воззрения Камбона, ответил, что Альпы являются естественной границей республики, и что рейд Вилльфранша необходим нам на случай разрыва с Англией. Население Ниццы относилось к нам все более и более враждебно. В пригороде Соспелло произошло в марте восстание. Деревни были тоже ненадежны. наших курьеров убивали. Призывники образовали банды — *les Barbets* — и терроризировали окрестности городов.

Даже Савойя, единодушно высказавшаяся в октябре за присоединение к Франции, стала проявлять признаки утомления и охлаждения.

Таковы были горькие плоды империалистической политики в оккупированных областях. В нейтральных странах она уничтожила все зарождавшиеся к нам симпатии и дала монархическим правительствам повод к особенно строгому надзору и все более настойчивому преследованию книг и газет, заподозренных в распространении французских идей. Некоторые малодушные иностранные писатели, сначала приветствовавшие революцию, публично отреклись от нее: Клопшток, Виланд, Кернер, Штольберг, Шлоссер в Германии, Артур Юнг, Ватсон в Англии, Альфьери, Пиндемонте в Италии. В предложениях недостаток не было, но чаще всего они ссылались на сентябрьские убийства и казнь Людовика XVI. Тем же, которые, несмотря ни на что, остались верны своим прежним убеждениям, как, например, Фихте и Рейхгардт в Германии, Вордсворт, Кольридж, Годвин, Роберт Бернс в Англии, приходилось молчать, скрываться под анонимами или подвергаться всякого рода преследованиям.

Питт, увидевший в завоевании Бельгии угрозу независимости Голландии, все более отклонялся от политики нейтралитета, которой по его указанию, следовал двор и часть его коллег по кабинету. 13 ноября он поручил объявить штатгальтеру, что в случае нападения французов на Голландию английское правительство выполнит все свои союзные обязательства. Нападения, в собственном смысле слова, не произошло, но 16 ноября Исполнительный совет провозгласил свободу навигации по Шельде и, подтверждая свои слова действием, отправил француз-

скую эскадру к устьям реки, к Антверпену. Это было насилие, предусмотренное Мюнстерским трактатом. Сторонники войны в Англии приобрели ценный предлог для обвинения Франции: она нарушила нейтралитет Голландии, гарантированный трактатами. Декрет 19 ноября, обещавший поддержку и помощь восставшим народам, послужил вторым доводом против Франции.

Английские либералы приветствовали французские победы. Их политические общества — Общество революции 1688 г., Общество друзей народа, Общество конституционной реформы — отправили в Конвент делегации с восторженными адресами, покрытыми тысячами подписей, которые были собраны преимущественно в фабричных районах. Отвечая двум делегациям, явившимся к решетке Собрания 28 ноября, председатель Конвента Грегуар произнес неосторожные слова: «Тени Пима, Гемпдена и Сиднея¹ покоятся на ваших головах; не подлежит сомнению, что близок момент, когда французы отправятся поздравлять национальный Конвент Великобритании». Все сторонники монархии в Англии, а их было очень много, увидели в этих словах доказательство того, что Франция вела пропаганду в их стране и готовила в ней революцию.

Питт созвал палаты на чрезвычайную сессию 13 декабря. Тронная речь потребовала голосования мер защиты против неблагонадежных лиц внутри страны и вооружений для противодействия агрессивной политике Франции. Секретный агент Лебрена Маре, принятый Питтом 2 и 14 декабря тщетно пытался объяснить, что декрет 19 ноября не имеет того значения, какое ему приписывают, и касается только воюющих с Францией наций. Питт отнесся к его словам с недоверием, так как Лебрен настаивал на продолжении переговоров с нашим послом Шовеленом, в котором двор после 10 августа уже не признавал официального представителя Франции. Затем Лебрен допустил неловкость. Отдавая 19 декабря отчет в характере наших отношений с Англией, он пытался отделить английское министерство от английской нации и угрожал обратиться к нации с призывом, направленным против министерства. Питт горячо реагировал на оскорбление и угрозу. 27 декабря он легко провел чрезвычайный билль против иностранцев, проживающих в

¹ Деятели Великой английской революции XVII в., боровшиеся с королевским абсолютизмом

Англии, подвергавший их полицейскому надзору, стеснявший их в свободе передвижения и допускавший их высылку. Лебрен выразил протест против нарушения торгового договора 1786 года, гарантировавшего французам, проживающим в Англии, такие же права, какими пользовались англичане во Франции. Питт отклонил протест и наложил эмбарго (запрещение) на груз хлеба, предназначенный для Франции.

При известии о казни Людовика XVI лондонский двор облачился в траур, и Шовелен получил приказ немедленно покинуть Англию. 13 января Конвент, по докладу Керсена, постановил вооружить 30 кораблей и 20 фрегатов. Но в последнюю минуту Лебрен и дипломатический комитет сделали попытку сохранить мир. Маре вернулся в Лондон и попытался добиться приема у Питта. По словам агента Питта, Майльса, Маре был уполномочен обещать от имени Франции, что она откажется от своих рейнских завоеваний и удовлетворится независимостью Бельгийской республики. Франция готова была отказаться даже от аннексии Савойи. Но Питт не захотел принять Маре и в то же время не решался объявить войну. 1 февраля Бриссо провёл в Конвенте декрет о войне с Англией и Голландией.

На этот раз войну уже нельзя было приписать интригам монархистов. Питт и Гранвилль не дали себя увлечь своим политическим симпатиям. Конфликт был совершенно иного рода. Он напоминал прежние торговые войны — войны, которые велись для сохранения европейского равновесия. Как и во времена Людовика XIV и Людовика XV, коммерсанты из Сити, представителем которых был Питт, не хотели допустить, чтобы Антверпен достался Франции. С другой стороны, члены Конвента смотрели на войну с Голландией как на средство овладеть Амстердамским банком. Бриссо был прав, когда говорил своим соотечественникам, что бой начинается не на жизнь, а на смерть. Эта борьба уже не была войной против королей, дворян и священников, но войной нации против нации. Короли, при благоприятных условиях, могли вступить в переговоры с революционной Францией, но английская нация решила бороться до конца.

Разрыв с Испанией имел совсем другой характер. Главной причиной его было оскорбленное чувство семейной и монархической чести. Король Карл IV и его недостойная супруга были настроены мирно, так как казна их пустовала, и война нарушила бы их спокойствие

Карл IV безуспешно пытался спасти своего кузена Людовика XVI путем переговоров с Францией о взаимном разоружении. После 21 января французский поверенный в делах Бургуен получил предупреждение премьер-министра Годоя, любовника королевы, воздержаться от ответного визита. Бургуен переслал ему ноту Лебрена, требовавшего объяснений по поводу начатых Испанией вооружений, и получил обратно свои паспорта. 7 марта, по докладу Барера, Конвент единогласно вотировал войну. «Одним врагом больше для Франции, — сказал Барер, одним триумфом больше для свободы». Члены Конвента говорили с королями языком римского сената.

Бурбонский двор в Неаполе отказался признать нашего дипломатического агента Макко. Его представитель в Константинополе очернил в глазах султана нашего посланника Семонвилля, которого республика намеревалась послать на место эмигрировавшего Шуазель-Гуфье. Тулонский флот немедленно подошел к Неаполю. Фердинанд IV, король обеих Сицилий, представлял собою такое же ничтожество, как и его кузен, правивший в Испании. Его жена Мария-Каролина, сестра Марии-Антуанеты, афишировала свою связь с премьер-министром Актоном. Королевская чета затрепетала при виде французского флота, появившегося 17 декабря 1792 г. Она подчинилась всему, чего от нее требовали. «Еще один Бурбон в числе побежденных. Короли здесь в порядке дня», — воскликнул председатель конвента Трейляр, когда гренадер Бельвилль доставил торжествующие депеши Макко.

Папа заключил в тюрьму двух французских художников, Шинара и Ратера, воспитанников нашей римской школы, под предлогом, что они принадлежат к франкмасонам и произносят непристойные речи. Тогда нашему флоту был отдан приказ крейсировать у берегов церковной области. Папа поспешил освободить художников. Но секретарь Макко Гюгон де Бассвилль, отправившийся в Рим, чтобы поддержать мужество наших соотечественников, был убит 13 января простонародьем, пытавшимся на следующий день сжечь гетто, обитатели которого считались сообщниками французов. Конвент усыновил ребенка Бассвиля и отдал приказ жестоко отомстить за его убийство. Но тулонский флот только что потерпел крупную неудачу в Сардинии, где пытался высадить войска у Маддалена, и месть пришлось отложить.

Этот инцидент, случившийся через месяц после Сицилийской вечерни во Франкфурте, ясно показал, что в новой

войне революционная Франция может рассчитывать только на свои силы. Народы еще не созрели для восстания. Франции приходилось расплачиваться за свое интеллектуальное превосходство над другими нациями. Когда военные операции возобновились, она осталась без союзников. Она была довольна и тем, что ей удалось сохранить нейтралитет швейцарцев, скандинавов и итальянских государств. Одна против всех наиболее могущественных держав Европы, она никогда еще, даже во времена Людовика XIV, не вела такой грандиозной борьбы, так как при Людовике XIV, в эпоху наиболее критическую для Франции, она все же имела на своей стороне Испанию. Но тогда ей приходилось бороться за честь королевского дома. Теперь же ей предстояло защищать не только свою независимость, но и свое национальное достоинство, свое право на народовластие и прежде всего, огромные преимущества, которые она извлекла из своей революции.

ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

стественные границы, завоеванные осенью 1792 г., были утрачены весной 1793 г., в течение нескольких недель. К концу марта, после поражения при Неервиндене, была эвакуирована вся Бельгия, а несколько дней спустя та же участь постигла и оккупированные нами области на левом берегу Рейна. К началу апреля наши владения за северо-восточной границей ограничивались крепостью осажденного Майнца. Чем объяснить эту внезапную перемену счастья после стольких блестящих побед?

• Вследствие ошибки Дюмурье, отказавшегося направить свои войска к Рейну, армия Кюстина оказалась отрезанной от бельгийской армии обширной территорией, занятой австрийцами и пруссаками. • Последние продви-

гались в виде угла между двумя главными французскими армиями, вдоль всего Мозеля от Кобленца до Люксембурга. Они занимали, таким образом, чрезвычайно сильную центральную позицию, позволявшую им маневрировать по внутренним линиям.

• Державы, входившие в коалицию, воспользовались предоставленным им Дюмуре отдыхом, чтобы усилить свои действующие армии и укрепить свой союз. Фридрих-Вильгельм, жаждавший отомстить за неудачу при Вальми, отдал своим генералам приказ завязать более тесное сотрудничество с австрийцами.

Победы французской армии в предшествовавшую фазу войны объясняются их численным превосходством и поддержкой части бельгийского и прирейнского населения. Этого двойного преимущества теперь уже не было. Благодаря хищениям протезируемых Дюмуре поставщиков, волонтеров плохо кормили и одевали; многие из них воспользовались правом, которое им предоставлял закон, и разошлись по домам. Освободив французскую территорию от неприятеля, они считали свою миссию законченной. Французские армии не обладали теперь ни моральным, ни численным превосходством над противником.

1 декабря они насчитывали около 400 тыс. человек. К 1 февраля 1793 г. осталось только 228 тыс. Больше всего пострадала бельгийская армия. «В некоторых батальонах, — сказал Дюбуа-Крансе 7 февраля, — осталось не более 100 человек волонтеров». В некоторых ротах было по пяти человек. Оставались только бедняки или профессионалы, предававшиеся грабегам и мародерству и плохо подчинявшиеся дисциплине.

• Если бы, по крайней мере, правительство и командование действовали согласно! Но никогда еще не было более острого соперничества и разногласия между управлявшими государством людьми. Учрежденный 1 января 1793 г. слишком многолюдный (24 члена) Комитет общественной обороны обсуждал свои дела публично, в крайне беспорядочной обстановке. Подчиненный ему Исполнительный совет не мог придти ни к какому решению. Дела бесконечно затягивались. Генералы, сильные своими прежними победами, отказывались подчиняться. Кюстин, всегда отличавшийся послушанием, последовал теперь примеру Дюмуре и, в свою очередь, писал Лебрёну письма о бездарности Паша. Лебрён предоставлял ему говорить, не призывая его к повиновению и соблюдению при-

личий. Дюмурье долгое время сидел в Париже и в течение всего процесса короля, с 1 по 26 января, занимался всякого рода интригами. Камбон, которого он пробовал обойти, остался непоколебим, но Дантон, Клоотс и жирондистские вожди оказали ему самую горячую поддержку. Дантон не задумался примкнуть к противникам Паша, хотя и выражал лицемерное сожаление. Под предлогом, что руководство военным министерством не по силам одному человеку, Паша уволили 4 января и заменили Берновиллем, другом и орудием Дюмурье, снабдив его шестью помощниками, разделившими между собою различные отделы министерства. Военное управление находилось, таким образом, в состоянии полной реорганизации как раз накануне возобновления враждебных действий. Получился невероятный сумбур. Генералы, добившиеся увольнения Паша, не были расположены отнестись более мягко к его преемнику. Кюстин не любил Берновилля.

* Одним из крупных недостатков организации армии было разделение ее на линейные полки и батальоны волонтеров, подчинявшиеся разным статутам и постоянно друг с другом соперничавшие. Волонтеры сами избирали своих офицеров, получали более высокое жалованье и подчинялись менее строгой дисциплине. Желая уничтожить эту вредную для армии двойственность, Дюбуа-Крансе предложил 7 февраля коренную реформу, «амальгаму», заключающуюся в том, чтобы одна и та же часть, называемая полубригадой, содержала в себе два батальона волонтеров и один линейный батальон. Линейные солдаты получали такие же преимущества и права, как и волонтеры. Подобно волонтерам, они могли претендовать на вакантные офицерские места. Треть этих мест сохранялась для них, а две другие трети замещались по особой искусной системе кооптации. Как только место освобождалось, представители непосредственно подчиненных должностей избирали трех кандидатов; окончательный выбор из числа этих трех производили офицеры или унтер-офицеры соответствующего чина. Таким путем достигалась «национализация» армии, воодушевленной единым духом, обладающей равными для всех правами, подчиненной одинаковым для всех законам. Линейные солдаты проникались гражданским духом волонтеров, а волонтеры, общаясь со старыми солдатами, приучались к войне. Все генералы, за исключением Валанса, отнеслись к реформе враждебно. Большая часть жирондистов

и сам Барер оспаривали ее с трибуны. Усилиями монтаньяров, в особенности Сен-Жюста, она все же прошла на голосование, но слишком поздно, когда кампания уже началась. Полное свое применение она получила только зимою 1793/94 г., причем дала самые лучшие результаты. А до этого времени линейные полки и батальоны волонтеров по-прежнему несли свою службу отдельно.

* Несмотря на заведомо тяжелое положение французских армий, Комитет общественной обороны и Исполнительный совет приняли план наступления, предложенный Дюмуре. Наступление, вынужденное отчаянием. 3 февраля Дюмуре писал из Антверпена: «Если бельгийская армия не предупредит неприятеля, то погибнет» и добавил: «Если нам окажут помощь и отнесутся к бельгийцам разумно и по-братски, я берусь еще предсказать победу; в противном случае я сумею умереть, как подобает солдату». Он не имел ни малейшего желания умирать, но хотел, чтобы с бельгийцами обращались осторожно, так как боялся восстания в тылу своих войск. План Дюмуре был таков: оставить корпус Миранды осаждать Маастрихт и охранять Роэрские проходы; другой корпус, под командой Валанса, противопоставить на среднем Маасе австрийцам из Люксембурга или из Роэра; самому же с третьей армией, голландской или северной, броситься из Антверпена на Голландию, вдоль по Нижнему Маасу, по направлению к Амстердаму и Дордрехту. Другие армии — рейнская, мозельская, альпийская, итальянская, пиренейская, должны оставаться на своих местах в оборонительном положении. Дюмуре пишет в своих мемуарах, что если бы ему удалось победить, он соединил бы Бельгию и Голландию в одно государство, провозгласил бы его независимость и пошел бы походом на Париж, чтобы распустить Конвент и уничтожить якобинцев. Он доверил свой проект только четырем лицам, среди которых, по словам Миранды, были Дантон, Делакруа и Вестерман.

• План Дюмуре имел тот недостаток, что он рассеивал слабые силы республики, вместо того чтобы сосредоточить их в одном месте. Если бы Миранда отступил под напором австрийцев, коммуникационные линии Дюмуре оказались бы под угрозой, и его экспедиция в Голландию потерпела бы полную неудачу.

† Сначала все шло хорошо. 16 февраля Дюмуре с 20 тыс. человек вступил в Голландию и быстро овладел тремя крепостями — Бредой, Гертруденбергом и Клун-

дертом, капитулировавшими почти без сопротивления. Но 1 марта армия герцога Кобургского бросилась на бельгийскую армию, расквартированную в Розере, и захватила ее почти врасплох. Разгром был ужасен. Войска в беспорядке эвакуировали Ахен, даже и не пытались оказать сопротивление. Миранда немедленно снял осаду Маастрихта. Льеж был эвакуирован, в свою очередь, в невыразимом беспорядке. Прибывший на помощь Валанс с большим трудом собрал остатки армии.

Дантон и Делакруа, бывшие свидетелями этого бедствия, отправились в Париж не столько для того, чтобы успокоить умы, сколько для того, чтобы поднять тревогу. 8 марта Делакруа, резко опровергая оптимизм Бернонвилля, нарисовал самую мрачную картину нашего военного положения, и Дантон горячо поддержал его. Конвент постановил немедленно командировать в парижские секции и в департаменты комиссаров, назначенных из числа его членов, чтобы ускорить набор 300 тыс. человек, который был только что декретирован. В тот же вечер парижские секции собрались, в порыве патриотической лихорадки, подобной той, которая их потрясла в конце августа, в момент взятия Лонгви. Некоторые из них, подобно Луврской секции, подстрекаемые другом Дантона Дефье, потребовали учреждения революционного трибунала для наказания агентов неприятеля внутри страны. На следующий день, 9 марта, Каррье сделал соответствующее предложение в Конвенте. Дантон энергично поддержал его и добился голосования этой меры, несмотря на резкую оппозицию жирондистов. С наступлением вечера волнение в Париже усилилось. Общество защитников республики, секция четырех наций, клуб кордельеров выпустили угрожающий манифест против Дюмурье и жирондистов, которых считали ответственными за поражения. Образовался революционный комитет, пытавшийся увлечь за собой якобинцев и Коммуну. Банды мятежников разграбили типографии «Парижской хроники» и «Французского патриота».

На следующий день, 10 марта, Дантон взошел на трибуну и атаковал министров, требуя их переизбрания из числа членов Конвента. Жирондисты обвинили его в диктаторских замыслах, и предложение его было отклонено. Но в тот же вечер возобновились волнения. Агитаторы, находившиеся в близких отношениях с Дантоном, пытались поднять парижские секции. Дождь, отказ Сан-

терра и Паша¹ в содействии мятежу, твердое поведение федератов рассеяли мятежников.

Современники думали, что волнения 9 и 10 марта были организованы Дантоном с согласия Дюмурье. В то время как Дантон атаковал министров в Конвенте, агент Дюмурье де Мольд атаковал их в Якобинском клубе. Но Дантон горячо защищал Дюмурье, между тем как мятежники требовали отрешения его от должности и изгнания «апеллянтов» из Конвента. Очевидное и умышленное противоречие. Во главе мятежников стояли люди, вроде Дефье и Проли, которые еще недавно восхваляли Дюмурье, а впоследствии были замешаны в интригах, предшествовавших его измене. Они, разумеется, не были искренни, порицая генерала, которого еще накануне превозносили и с которым через некоторое время вступили в соглашение. Их темное прошлое было хорошо известно. Современники думали, что эти люди играют роль по указаниям подкупившего их Дантона.

Вызывающее поведение Дюмурье окончательно укрепило эти подозрения. Растерявшийся Валанс обратился к нему 2 марта с просьбой о помощи: «Спешите сюда, необходимо переменить план кампании, минуты равняются столетиям». Дюмурье сначала ничего не хотел слушать. Он утверждал, что лучшее средство для защиты Бельгии — продолжать поход на Роттердам. Когда же по категорическому приказу Исполнительного совета он отправился 10 марта на соединение с Мирандой, то поехал один, оставив в Голландии всю свою армию, которая могла бы оказать существенную поддержку при ликвидации последствий разгрома. И пока Дантон оправдывал его перед Конвентом, он вел себя как диктатор, пренебрегая всеми законами. Целым рядом последовательных прокламаций он приказал возвратить отобранное у бельгийских церквей серебро, закрыть все клубы, некоторые из которых были подвергнуты обыску, арестовать нескольких комиссаров Исполнительного совета, как например, Шепи. Короче говоря, он одним росчерком пера уничтожил все результаты революционной деятельности после декрета 15 декабря. Когда присоединившиеся к нему в Лувене комиссары Исполнительного совета Камюс и Трейлар упрекнули его за его поведение, он написал

¹ Паш — парижский мэр с 14 февраля 1793 г.; Сантерр — парижский пивовар, командовавший национальной гвардией Парижа. (Прим. ред.).

12 марта Конвенту исключительно дерзкое письмо. Он возлагал ответственность за поражение на военные комитеты, утверждая, что присоединение Бельгии к Франции было осуществлено путем насилия и даже взывал к памяти герцога Альбы. Письмо Дюмурье было прочитано Комитетом общественной обороны 15 марта, вместе с сообщением Трэйлара и Камюса, обращавших внимание Комитета на действия и угрозы генерала, которые они квалифицировали как «серьезные события». Барер тотчас же потребовал обвинительного декрета против Дюмурье. Но Дантон воспротивился этой мере, которая одна только могла спасти армию. Он сказал, что Дюмурье пользуется доверием солдат и что его увольнение может оказаться губительным. Комитет поддался его убеждениям. Дантон и Делакруа снова отправились в Бельгию. «Мы его излечим или свяжем по рукам и ногам», — говорили они перед отъездом. Пустые слова.

Дюмурье, перегруппировав армии Валанса и Миранды, 16 марта прогнал имперские войска из Тирлемонта, но два дня спустя потерпел сильное поражение при Неервиндене на Жете. Его деморализованные войска с боем отступили к Брюсселю. В ночь с 20 на 21 марта к нему присоединились в Лувене Дантон и Делакруа. Они потребовали, чтобы он отказался от своего письма Конвенту от 12 марта. Дюмурье пытался восстановить их против жирондистов и не согласился отречься от своего письма. Комиссарам ничего не удалось добиться от Дюмурье, кроме короткой записки, в которой он просил Собрание не делать никаких выводов из его письма до тех пор, пока не станут известны результаты его переговоров с комиссарами. Делакруа остался в ставке, а Дантон отправился в Париж, чтобы информировать Комитет. Его возвращение имело загадочный характер. Казалось бы, он должен был вернуться возможно скорее, чтобы отдать отчет о поражении при Неервиндене и восстании Дюмурье. А между тем он появился в Комитете только 26 марта вечером, хотя на переезд из Брюсселя, из которого он выехал ранним утром 21 марта, достаточно было двух дней. В течение пяти долгих дней он где-то пропал, его нельзя было найти. И Дюмурье воспользовался этой отсрочкой, чтобы сбросить маску и превратить восстание в измену. 23 марта он вступил в переговоры с герцогом Кобургским, при посредничестве своего адъютанта Монжуа. Он сообщил ему свой проект разогнать Конвент силой и восстановить монархию. Он обещал эвакуировать Бельгию и

сдать неприятелю три крепости: Антверпен, Бреду и Гертруденберг, что и было немедленно исполнено. 26 марта Дюмурье встретился в Торнау с тремя очень подозрительными якобинцами — Дюбюиссоном, Перейрой и Пролли, секретными агентами Лебрена, которые сыграли большую роль в парижских волнениях 9 и 10 марта и, что весьма вероятно, имели совещание с Дантоном перед своим отъездом к Дюмурье. По словам последнего, они предлагали ему войти в контакт с якобинцами для уничтожения Конвента. А по их словам, это предложение исходило от самого Дюмурье, и они его отклонили. Кроме того обсуждался вопрос об освобождении королевы.

И вот, в то время как Дюмурье совещался в Торнау с этими подозрительными эмиссарами, Дантон упорно продолжал защищать его в Комитете общественной обороны против Робеспьера, требовавшего немедленного отозвания Дюмурье из армии. Только 29 марта вечером Комитет решился, наконец, принять энергичные меры. Он послал в армию четырех новых комиссаров — Камюса, Кинетта, Ламарка и Банкаля с военным министром Берновиллем, чтобы отрешить Дюмурье от должности и арестовать его. Но арестованы были министр и комиссары. 1 апреля Дюмурье выдал их неприятелю. Они оставались два года в плену.

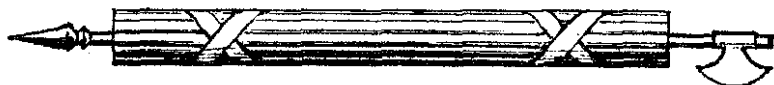
Дюмурье пытался увлечь свою армию на Париж с целью восстановления монархии.* Но не все комиссары Конвента были арестованы. Оставшиеся в Льеже обвинили его вне закона и запретили своим офицерам повиноваться ему. Венер, командовавший лагерем в Мольде, послал своего адъютанта Лазаря Гоша в Париж, чтобы уведомить Конвент о действиях Дюмурье. Даву, командовавший 3-м батальоном волонтеров из департамента Сены, 4 апреля приказал своим солдатам стрелять в Дюмурье. Чтобы укрыться от пуль, Дюмурье пришлось бежать к австрийцам, и когда он вернулся 5 апреля в австрийский лагерь в сопровождении имперских драгун, то, возмущенная его низкой изменой, отправилась по общественному почину походом на Валансьен. Дюмурье бежал к австрийцам с Эгалите-сыном, Валансом и тысячей солдат.

Комитеты подозревали, что Дюмурье имел сообщников в Париже и даже в Конвенте. В ночь с 31 марта на 1 апреля Комитет общественной обороны и общественной безопасности приказал арестовать Филиппа Эгалите и друга маркиза де Силлери, бывшего также депу-

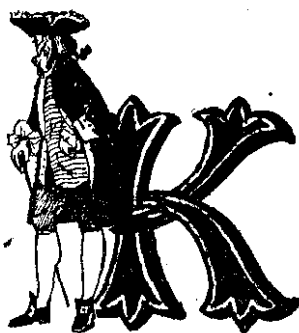
татом, и пригласил Дантона дать разъяснения по поводу положения в Бельгии. Это приглашение носило характер приказа о явке, так как подобные же письма были отправлены Филиппу-Эгалите и де Силлери. Ходили слухи, что Дантон был тоже арестован. В тот же вечер Марат упрекал его у якобинцев в «непредусмотрительности». 1 апреля в Конвенте Ласурс обвинил Дантона в сообщничестве с Дюмурье, имевшем целью восстановление монархии. Биротто заявил, что Фабр д'Эглантин предложил Комитету общественной безопасности восстановить королевскую власть. Ни Ласурс, ни Биротто не знали о тайных сношениях Дантона с эмигрантом Теодором Ламетом, описавшим эти сношения в своих мемуарах. Дантон держал себя очень смело. Из обвиняемого он превратился в обвинителя. Настоящие друзья Дюмурье, заявил он, это — Бриссо, Гаде, Жансонне, имевшие с ним постоянную переписку, а действительные сторонники королевской власти — это те, кто хотел спасти тирана и клеветал на Париж — цитадель революции. Гора покрыла его слова шумными аплодисментами. Марат подсказал ему новые обвинения: «А их интимные ужины?» Дантон подхватил: «Они устраивали секретные ужины с Дюмурье, когда он был в Париже...» — Марат: «Ласурс! Ласурс принимал в них участие». Дантон: «Да, только они и были участниками заговора». Этот маневр увенчался успехом. Комиссия по расследованию, которой добивались жирондисты, так и не была образована. Мало того, Дантон и Делакура вошли членами в Комитет общественного спасения, учрежденный 5 апреля, взамен Комитета общественной обороны, на совершенно новых началах. Новый комитет состоял всего из девяти членов, обсуждал дела секретным порядком и получил исключительно широкие полномочия.

* Год спустя те же монтаньяры, которые оправдали Дантона за то, что он отомстил за них Жиронде, предъявили ему обвинения, являвшиеся повторением обвинений Биротто и Ласурса. Они тоже уверовали в сообщничество Дантона с Дюмурье и предали его за роялизм суду революционного трибунала.*

Коалиция отомстила за свои прошлогодние поражения. Ее войска снова перенесли войну на территорию Франции. А Франция, перед лицом этой страшной опасности, отдавалась борьбе политических партий. Уже началась вандейская эпопея.

ВАНДЕЯ

лерикальное и роялистское восстание, разразившееся 10 марта 1793 г. в Вандейском и смежных с ним департаментах, было только страшным отголоском и наиболее ярким проявлением возмущения и недовольства широких масс населения во всей Франции. Брожение носило почти общий характер, и всюду оно вызывалось причинами экономического и социального характера. Политические и религиозные соображения приходили потом, как следствие указанных причин. Отмена продовольственной регламентации декретом 8 декабря¹

¹ Декрет 8 декабря 1793 г. воспрещал вывоз зерна и муки за границу и в то же время устанавливал полную свободу циркуляции хлеба внутри страны. Тем самым отменялся важный декрет от 16 сентября 1792 г., в силу которого муниципалитеты получали право реквизировать хлеб у торговцев и принуждать землевладельцев к доставке хлеба в город. (Прим. ред.)

и смерть короля сопровождалась быстрым вздорожанием съестных продуктов и усилением нужды.

В феврале ассигнации упали в среднем на 50%. Все свидетельства сходятся в том, что несоответствия между заработной платой и дороговизной жизни достигли ужасающих размеров.†

25 февраля депутат Шамбон заявил, что в Коррезе, Верхней Вьенне и Крезе черный хлеб стоит от 7 до 8 су за ливр, и добавил: «Неимущий класс в этих несчастных департаментах зарабатывает не более 9—10 су в день», — другими словами, весь его заработок уходит на покупку одного ливра черного хлеба. В департаменте Ионны цена на хлеб утроилась, и зарплата здесь тоже едва хватало на покупку хлеба. «Лучшим доказательством, — говорит М. Поре, — несоответствия заработной платы с ценами на продукты питания может послужить тот факт, что заработок рабочего, пользовавшегося хозяйскими харчами, уменьшался на две трети. Слесарь, зарабатывавший при своих харчах 3 ливра 10 су, получал при хозяйских харчах не более 1 ливра 10 су. Ничтожный заработок, который он приносил вечером домой, целиком уходил на покупку хлеба для жены и детей».

† Города страдали еще более, чем деревни. В Париже голод стал обычным явлением. После процесса короля возобновились волнения. Особенно серьезный характер они приобрели 24, 25 и 26 февраля. Началось с возмущения прачек, которые жаловались, что не в состоянии покупать мыло, так как цена его поднялась с 14 до 22 су за ливр. Разграбили бакалейные лавки; ввели в революционном порядке твердые цены на предметы первой необходимости. Конвент получил ряд угрожающих петиций с требованием принудительного курса ассигнаций, смертной казни для скупщиков, максимума. Жак Ру в самый разгар волнений 25 февраля оправдывал разграбление бакалейных лавок: «Мне кажется, — сказал он Коммуне, — что бакалейные торговцы только вернули народу те излишки, которые собирали с него в течение долгого времени».

В Лионе было еще более тревожно. 26 января 4 тыс. рабочих шелковых фабрик потребовали, чтобы муниципалитет установил тариф на изделия для фабрикантов. Чтобы оказать сопротивление рабочим, поддержанным муниципалитетом, фабриканты и богачи организовались. Мэр-жирондист Нивьер-Шоль подал в отставку. 18 февраля его вторично избрали, и по этому случаю централь-

ный клуб, которым руководил президент трибунала дистрикта Шалье, был разгромлен, статуя Ж. Ж. Руссо разбита, дерево свободы сожжено. Волнение приобрело столь угрожающий характер, что Конвент послал в Лион трех комиссаров, Базира, Ровера и Лежандра, которые тщетно пытались лавировать между двумя борющимися партиями или, вернее, классами. Рабочие, платившие шесть су за ливр хлеба, требовали прогрессивного налога на капитал, таксы на заработную плату и продукты питания и учреждения революционной армии для осуществления таксации.

Не ожидая, чтобы эти требования были превращены в законы, преданные народу местные власти, а за ними и комиссары Конвента решили, под давлением необходимости, действовать за свой страх. Дистрикт Шомона, несмотря на закон 8 декабря, продолжал снабжать рынки провизией путем реквизиций. В Авейроне представители Бо и Шабо обложили богатых буржуа военным налогом, чтобы поддержать нуждающихся. Сент-Андре в Лот ввел в действие старые, отмененные законы о ревизиях и реквизициях зерна.

Все комиссары указывали, что вздорожание жизни является главной причиной волнений и увеличивающегося охлаждения населения к революционному режиму. «Совершенно необходимо облегчить участь бедняков, если вы хотите, чтобы они помогли вам закончить революцию», — писал Сент-Андре Бареру 26 марта. «В исключительных случаях надо считать только с великим законом общественного спасения». Его письмо чрезвычайно интересно, так как оно подчеркивает не только экономические, но и политические причины всеобщего недовольства. Установить их было не трудно. Ожесточенные споры жирондистов с монтаньярами распространяли тревогу, недоверие, упадок духа. Собственники охотно верили жирондистам, в течение нескольких месяцев убеждавшим их, что монтаньяры добираются до их поместий.

Из боязни анархии и аграрного закона они сильно поправились. Они уже склонны были оплакивать монархию, которая казалась им теперь лучшей гарантией сохранения порядка. Что же касается городских ремесленников и сельских рабочих, то нужда и бедствия предрасполагали их прислушиваться с одинаковым вниманием и к убеждениям реакции, и к призывам новой революции. Образование первой коалиции, сопровождавшееся поражениями

в Бельгии и на Рейне, возвратило, наконец, роялистской партии энергию и доверие к своим силам. Такова была экономическая и моральная атмосфера, в которой подготавливалось вандейское восстание. Сигналом к нему послужил набор 300 тыс. человек.

Надо заметить, что закон о рекрутском наборе во многих отношениях заслуживал критики: «В случае, если добровольное зачисление,— гласила статья 11-я, составленная Приером из Марны, не даст того количества людей, которое намечено для каждой коммуны, граждане обязаны немедленно пополнить его, определив большинством голосов лучший способ такого пополнения». «Каков бы ни был способ,— гласила статья 13-я, принятый гражданами для укомплектования своего контингента, объектами его могут быть только холостые мужчины или вдовцы, не имеющие детей, в возрасте от восемнадцати до 40 лет». Таким образом, в назначение рекрутов вводилась политика и принуждение. Монтаньяр Шудье предложил даже во время дебатов, чтобы рекрутов назначали по выбору: «Я предложил выборы,— сказал он, так как предполагаю, что граждане будут избирать преимущественно богатых людей, семьи которых обеспечены и могут обойтись без работника. Замечу, кроме того, что богатые сделали еще очень мало для революции и что пора уже им уплатить свой долг. Послужить родине — великая честь, а поскольку последующая статья закона разрешает производить замену рекрутов, возможность не быть избранным в первую очередь явится двойным благодеянием для бедного гражданина, так как, получив премию от богача, он сможет принести большую пользу своей семье и в то же время послужить отечеству». Нарушая принципы декларации прав, Конвент освободил богачей от личного отбывания военной службы, а монтаньяр произнес похвальную речь принципу замены рекрутов.

Но эта привилегия, дарованная богачам, не могла не вызвать возмущения в народе, в котором чувство равенства достигло после 10 августа высокой степени развития. Кроме того, предоставляя назначение рекрутов произволу большинства, Конвент подвергал рекрутский набор влиянию местных страстей. Даже в наиболее патриотичных департаментах раздавались протесты и жалобы, вызванные громкими злоупотреблениями. В департаменте Сарты, который в августе 1792 г. поставил 14 рот вместо назначенных на его долю 6, молодые рекруты

протестовали против освобождения от службы выбранных при наборе поставщиков и женатых мужчин. Многие коммуны требовали, чтобы приобретатели национальных имуществ, извлекавшие наибольшую выгоду из революции, были привлечены в первую очередь к отбыванию воинской повинности. Почти во всех департаментах имели место важные злоупотребления. Если большинством обладали аристократы,— к отбыванию службы привлекались республиканцы, и наоборот. Образовались коалиции богачей и бедняков. Нередко случалось, что сторонники неприсягнувших священников, как, например, в департаменте Нижнего Рейна, избирали конституционных священников. И только в очень немногих коммунах набор производился путем жеребьевки, напомилавшим наборы прежней милиции, но не сопровождавшимся прежними злоупотреблениями. В городах и местечках нередко облагали налогом богачей и на полученные таким образом деньги покупали людей для пополнения контингента. Чтобы избавиться от затруднений, связанных с применением закона о наборе, департамент Эро постановлением от 19 апреля 1793 г. учредил специальный комитет из местных властей и поручил ему назначение рекрутов путем прямой и личной реквизиции. Налог на богатых дал возможность вознаградить назначенных таким путем граждан. Этот способ набора не был предусмотрен законом, но он имел то большое преимущество, что отдавал дело набора в руки революционных властей. 13 мая 1793 г., по докладу Барера, он был одобрен Конвентом и поставлен в пример. Многие департаменты — Дуб, Шер, Аллье, Коррез, Верхняя Вьенна — последовали этому примеру. Так же поступил и Париж, когда ему пришлось набрать 12 тыс. волонтеров для борьбы с вандейцами. Каждый из этих волонтеров или, скорее, рекрутов, получил премию в 500 ливров, откуда и произошло название «герой 500 ливров».

На западе сопротивление закону о наборе вылилось в грозное восстание. В день, назначенный для избрания рекрутов, воскресенье 10 марта, и в последующие дни, на всем протяжении от западных берегов до городов Шоле и Брессюир на востоке, одновременно начались крестьянские восстания. Вооруженные цепями, болтами, ружьями, нередко под предводительством своих мэров, крестьяне входили в местечки с криками: «Мира! Мира! Довольно стрельбы!» Национальная гвардия была обезоружена, все конституционные священники и муниципальные вла-

сти преданы смерти, официальные документы сожжены, дома патриотов разгромлены.

В Машекуле, прежней столице области Рес, бывшим сборщиком пошлин Сушю были организованы избиения, продолжавшиеся более месяца и стоившие 545 жертв. Председателю дистрикта Жуберу отрезали кисти рук, а затем убили его вилами и штыками. Несколько патриотов зарыли живыми в землю. В один день, 23 апреля, 50 буржуа, связанные наподобие четок, были расстреляны на соседнем лугу.

Вандейские крестьяне с восторгом убивали революционных буржуа, которых часто встречали на ярмарках, этих господ, которые всегда относились к ним со снисходительным презрением, этих неверующих, посещавших сатанинские клубы, этих еретиков, служивших черные мессы. «Так неистова была народная ярость, — говорит неприягнувший священник Шевалье, — что достаточно было посетить мессу самозванцев, чтобы быть сначала заключенным в тюрьму, а затем зарезанным или расстрелянным, под предлогом, что тюрьмы переполнены, как 2 сентября».

Первыми бандами руководили бывшие солдаты, контрабандисты или контрабандные торговцы солью, бывшие соляные приставы, восставшие против революции вследствие упразднения их должности, слуги дворян. Вождями были сначала люди из народа; в Може — извозчик Кателино, пономарь своего прихода, смотритель за охотой Стоффлз, бывший солдат; в Марэ бретонском — парикмахер Гастон, прокурор Сушю, хирург Жоли. Дворяне, менее религиозные, чем их арендаторы, появились только со временем, иногда после долгих упрашиваний: жестокий Шаретт, бывший морской лейтенант в Марэ; рыцарский Боншан в Може; д'Эльбе, саксонец, принявший французское подданство в 1757 г., — также в Може; в Бокаже — бывший подполковник Ройран, гвардеец Сапино Бодри д'Ассон, Дю-Ретайль; в Пуату — Лескюр и Ла-Рошжакелен, которые присоединились к восстанию только в конце апреля, после измены Дюмурье.

Неприягнувшие священники немедленно покинули свои тайные убежища, чтобы воспламенить усердие бойцов. Один из них, аббат Бернье, заседал в совете католической и королевской армии. Другой, авантюрист де Фоллевиль, выдавал себя за заштатного епископа Агр-

ского (*in partibus d'Agra*¹) и совершал в этом звании торжественные молебствия.

Быстрые успехи восставших объясняются не только их фанатизмом и воодушевлявшей их жаждой мученичества. Они обитали в малодоступной стране, в лесах, окруженных скалами, удобных для засад, почти лишенных всяких дорог, причем население было разбросано по отдельным хуторам. Буржуа патриоты, проживавшие в редких поселках, представляли собою незначительное меньшинство.

Влияния священников на восставших нельзя отрицать, но оно проявлялось лишь косвенным путем. Едва ли четвертая часть всех священников, функционировавших в момент гражданского переустройства духовенства, принесла присягу. Множество приходов осталось без конституционных священников. Конгрегация миссионеров, основное местопребывание которой находилось в самом сердце Бокажа у св. Лаврентия на Севре, организовала в 1791 и 1792 гг. многочисленные паломничества. В нескольких часовнях объявились чудеса. Восставшие вандейские крестьяне боролись не только против ненавистной военной службы, но и за своего бога и короля. Они носили на своих коротких куртках изображение «сердца Иисусова», сделанное из материи. Жакерия приняла вид крестового похода.

С самого начала крестьяне пошли на приступ, под прикрытием живой стены из своих пленников, которых они толкали перед собой. Искусно скрываясь и хорошо стреляя, они предпочитали действовать враспынную, заставляя голубых вытягивать свой фронт и окружая их цепью своих стрелков. Командовавшие ими дворяне привыкли к войне. Они умели завладеть стратегическими пунктами и разрушали мосты. Они пытались ввести дисциплину в беспорядочных толпах своих людей, организовали приходские и дистриктные советы, отчетность, резервы; добывали оружие, пушки, экипировку в местечках, захваченных врасплох; пытались создать ядро постоянной армии из республиканских дезертиров и пленных. Но им плохо удавалось координировать свои усилия. Шаретт отвергал всякую дисциплину и не хотел выходить за пределы своего Марэ. Другие вожди соперничали друг с

¹ *In partibus (infidelium)* — это название прилагалось к епископу, носившему чисто почетный титул, не дававший права на юрисдикцию. Отсюда ироническое выражение: «министр *in partibus*» — министр без министерства.

другом. Чтобы согласовать свои действия, они возвели в звание генералиссимуса монаха из Анжу, Кателино, который был лишь номинальным вождем. Крестьяне отказывались удаляться от своих приходов и оставлять на произвол судьбы свои поля. Интендантство, к тому же, все время оставалось в зачаточном состоянии. Израсходовав свои продовольственные запасы, крестьянин вынужден был покинуть армию. При таких условиях вождям трудно было организовать последовательные и методические крупные операции. Приходилось ограничиваться незначительными ударами. Только это и спасло республику.

При первом известии о волнениях Конвент вотировал 17 марта грозный декрет о смертной казни всем восставшим, взятым с оружием в руках, и о конфискации их имуществ. Декрет был принят единогласно. Ланжюинэ даже усилил редакцию первого текста, который Марат находил слишком суровым. Но жирондисты делали, вместе с тем, вид, что не придают серьезного значения восстанию. Они уже пытались скрыть тяжесть наших поражений в Бельгии. Бриссо удвоил в своей газете кампанию против анархистов и в номере от 19 марта заявил, что вандейское восстание организовано секретными эмиссарами монтаньяров, которые, в свою очередь, являются агентами Питта. Жиронда усыпляла бдительность революционеров и, казалось, была уже неспособна жертвовать своими личными счетами общественному интересу.

Защита границ поглощала почти все линейные войска. В первый момент для Вандеи можно было уделить только один кавалерийский полк, немного артиллерии и 35-й жандармский легион, сформированный из бывших гвардейцев и победителей Бастилии. Большая часть республиканских сил, не превышавших 15—16 тыс. человек, состояла из национальной гвардии, спешно собранной в соседних департаментах.

К счастью, портовые буржуа оказали блестящее и победоносное сопротивление. В Сабль д'Олони они отразили в два приема 23 и 29 марта яростные штурмы восставших. То же случилось в Порни и Пенбеф. Благодаря этому восставшие не могли войти в сношения с Англией и принцами, которые еще и не подозревали всего значения восстания.

После побед Кателино и д'Эльбе при Шемиле 11 апреля Ла-Рошжакелена при Обруа 13 апреля, армии из Анжу при Короне 19 апреля, после капитуляции республиканского генерала Кэтино в Туаре 5 мая с 4 тыс. ружей и

10 пушками Исполнительный совет решился, наконец, послать на запад регулярные войска. Сначала Северный легион, под командой Вестермана, затем специальные батальоны, сформированные путем отделения 6 человек из каждой роты во всех армиях. Были организованы две армии: одна — со стороны Бреста на севере Луары, под командой Канкло, другая — со стороны Рошель на юге, под командой Бирона.

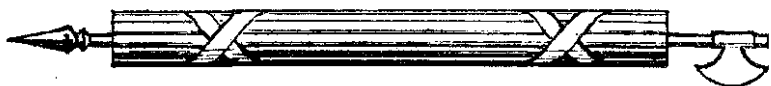
В первое время можно было опасаться, что мятеж распространится по всей Франции. Роялисты предприняли наступление в связи с набором. В департаменте Иль-и-Виллен всюду организовались к 20 марта многочисленные сборища вооруженных людей, под лозунгом: «Да здравствуют король Людовик XVII, дворяне и священники!» В Морбигане создалось еще более критическое положение. Два главных местечка дистрикта — Ла Рош-Бернар и Рошфор — попали в руки восставших, учинивших там страшную резню. К счастью, комиссары Конвента, делегированные декретом 9 марта, были уже на местах, когда разразился мятеж. Севестр и Билло-Варенн проявили такую энергию, что крестьяне были разбиты городскими национальными гвардейцами при Редоне и Рошфоре, и вожди их были взяты в плен. Восстание в бретонской Вандее было, таким образом, подавлено в самом начале. Впоследствии оно возобновилось в форме шуанского восстания.

В департаменте Эндры-и-Луары Шупилло и Тальен заключили в тюрьму всех мятежных священников и подозрительных лиц и принудили всех родственников эмигрантов явиться в главное местечко дистрикта. В департаменте Вьенны пришлось разогнать силой несколько мятежных сборищ. В Нижнем Рейне, области чрезвычайно фанатичной, имело место серьезное восстание у Мольсгейма, продолжавшееся два дня — 25 и 26 марта. Но самое крупное после Вандей восстание произошло в департаменте Лозер и смежных с ним департаментах. Те же священники и дворяне, которые в конце 1790 и 1791 гг. организовали лагерь при Жалесе, приоры Клод Аллье и Солье и бывший член Учредительного собрания Мари Шаррье составили к концу мая отряд в 2 тыс. человек и защищались в течение нескольких дней. Один момент Марвежоль и Манд были в их руках, и буржуа патриоты подверглись погрому и избиениям. Но из Пиренейской армии пришло подкрепление. Республиканцы тотчас же отняли города и захватили Шаррье, которого отравили на эшафот.

Вандея и связанные с ней роялистские восстания оказали большое влияние на дальнейшее развитие революции. Испуганные республиканцы в большом числе покидали Жиронду, противившуюся энергичным мерам, и переходили в партию монтаньяров, которая приобретала все большее значение как партия революционного сопротивления. Монтаньяры, в свою очередь, эволюционировали в смысле полевения. До сих пор они высказывались против таксации, которой требовали «бешеные». Сам Марат нападал на Жака Ру по поводу волнений, имевших место в Париже 25 февраля. Теперь монтаньяры поняли всю важность экономического кризиса. Чтобы сохранить свою связь с широкими массами, они провели скрепя сердце большую часть мероприятий, предложенных «бешеными»: сначала принудительный курс ассигнаций — 11 апреля, затем максимум цен на зерно — 4 мая.

Такие чрезвычайные, или «революционные» меры проводились не только в экономической области, но и в области политической, 20 марта были учреждены комитеты надзора, сделавшиеся впоследствии поставщиками революционного трибунала, который уже был основан 10 днями раньше. Полномочия представителей Конвента, командируемых на места, были значительно расширены, — они получили власть проконсулов, диктаторов.

* Вандея вызвала к жизни террор. Но террор мог быть осуществлен только создавшими его систему монтаньярами. Таким образом, Вандея подготовила падение Жиронды. *

ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ

оражения в Бельгии и на Рейне, измена Дюмурье, вандейское восстание довели борьбу между Жирондой и Горой до высшей степени напряжения. Обе партии беспрестанно обвиняли друг друга в предательстве. Ласурс на трагическом заседании 1 апреля бросил это обвинение в лицо Дантону. Дантон и якобинцы обратили его на своих противников.

5 апреля якобинцы предложили всем связанным с ними обществам подать Конвенту петиции с требованием лишения депутатских полномочий и отозвания тех членов Конвента, которые изменили своему долгу, пытаясь спасти тирана. Идея отозвания «апеллянтов» не была новостью. Уже мятежники 10 марта — Варле, Дэфье, Фурнье, иначе говоря, «бешеные» — формулировали ее несколько

раз. Но в то время монтаньяры отмежевывались от «бешеных». Теперь же, пять дней спустя после обвинения Ласурсом Дантона, якобинцы поддержали эту идею своим авторитетом. Нетрудно догадаться, что Дантон явился посредником между монтаньярами и «бешеными», работая в пользу их сближения. И это сближение в дальнейшем стало еще более прочным. Якобинцы и монтаньяры, добиваясь поддержки «бешеных» против Жиронды, согласились на хлебный максимум.

Якобинский адрес от 5 апреля имел чрезвычайно важные последствия. До этого времени инициатива требований об исключении членов Конвента принадлежала жирондистам; так, они требовали исключения Робеспьера, Марата, герцога Орлеанского, Дантона. Теперь Гора, в свою очередь, перешла в наступление. И она имела за собой поддержку агитаторов, замешанных во все прежнее восстания, постоянных вождей голодной толпы.

* Если моральное положение Жиронды было сильно поколеблено многочисленными неудачами ее внутренней и внешней политики, то ее парламентское положение было еще очень прочно. Правда, время ее исключительного господства в правительстве миновало. Исполнительный совет, состоявший в первые дни из одних жирондистов, был почти целиком переизбран. Ролан покинул министерство внутренних дел на следующий день после казни короля, а его заместитель Гара был человек осторожный, боявшийся себя скомпрометировать. Гойе, получивший 20 марта портфель министра юстиции, также не отличался храбростью. Преемник Бернонвилля в военном министерстве полковник Бушотт был вторым Пашем и заполнял свои канцелярии «бешеными». Наконец, новый морской министр Дальбард, назначенный 10 апреля вместо Монжа, был рекомендован Дантоном.

* Жиронда могла рассчитывать вполне только на Лебрена и Клавьера, министра иностранных дел и министра финансов: Но Исполнительный совет уже не мог принимать окончательных решений. Он был подчинен Комитету общественного спасения, которому обязан был давать отчет, а Комитет общественного спасения, учрежденный 5 апреля, ускользнул от влияния Жиронды. Из десяти составлявших его вначале членов семь принадлежали к центру, а два — Дантон и Делакруа — к Горе; последний был еще совсем новым человеком в якобинской партии.

Итак, в правительстве преобладали представители центра, хвалившиеся своей независимостью и не желав-

шие присоединиться ни к той, ни к другой партии. Их вождями были Барер и Камбон. Они голосовали вместе с монтаньярами всякий раз, когда дело шло о принятии энергичных мер для спасения революции. Но они сохраняли непобедимое недоверие к парижской Коммуне и вдохновлявшему ее Дантону.³ По всем вопросам, касавшимся личностей или парижской политики, они голосовали вместе с Жирондой. Благодаря этому Жиронда, утратившая свое значение в правительстве, обладала в Собрании большинством голосов. До измены Дюмурье Собрание нередко избирало своим председателем представителя центра. С 1 апреля по 31 мая все председатели были жирондисты: 18 апреля Ласурс, 2 мая Буайе-Фонфред, 16 мая Инар. Якобинский циркуляр от 5 апреля напугал Равнину и возбудил ее недоверие к Горе. Когда Жиронда, пытаясь спасти короля, обратилась с воззванием к департаментам, Равнина осудила ее и голосовала вместе с Горой против обращения к народу. Теперь Гора обращалась к первичным собраниям с требованием об исключении жирондистов из Конвента.⁴ Равнина осталась верна себе и обвинила Гору так же, как раньше обвиняла Жиронду. Она поставила себе целью представлять общественные интересы и защищать их от всяких заговоров.⁴

Гора была к тому же ослаблена отъездом 76 комиссаров, командированных для производства набора 300 тыс. человек. Почти все эти комиссары были назначены из ее рядов умышленно, как говорили потом монтаньяры, чтобы лишить возможности выступать с трибуны ее лучших ораторов. И действительно, 14 марта Бриссо писал в своей газете: «В Конvente отсутствие наиболее пылких голов дает возможность обсуждать дела с большим спокойствием и, следовательно, с большею продуктивностью». Но Жиронда ошибалась, радуясь отъезду монтаньярских комиссаров. Она не предвидела, что эти комиссары войдут в сношения с ее сторонниками в департаментах, рассеют их предубеждения против Парижа и постепенно привлекут их в свою партию.

Жиронда могла бы пренебречь якобинским циркуляром от 5 апреля, но ей казалось недостаточным оправдаться от обвинения в сообщничестве с Дюмурье. Она считала, что наступил удобный момент расправиться с монтаньярами. Она видела или хотела видеть в монтаньярах тайных агентов герцога Орлеанского. Арест Филиппа Эгалите, обвиненного в сообщничестве с Дюмурье, как

будто подтверждал ее подозрения.

12 апреля Гаде прочел в Конвенте якобинский циркуляр от 5 апреля и потребовал обвинительного декрета против Марата, подписавшего этот циркуляр в качестве председателя Якобинского клуба. После горячих дебатов Марат был обвинен на следующий день путем поименного голосования 226 голосами против 93 и при 47 воздержавшихся. Триумф на час! Судьи и присяжные революционного трибунала все без исключения были на стороне монтаньяров. Коммуна и многие парижские секции устроили манифестацию в честь «друга народа», и их примеру последовали некоторые провинциальные клубы, как, например, в Боне и Оксерре. Огромная толпа провожала его в трибунал. Допросив для формы, его оправдали 24 апреля, в самых лестных выражениях. Толпа увенчала его цветами и на плечах отнесла к его депутатскому креслу, продефилировав через весь Конвент. Марат стал еще более популярен и более опасен, чем когда-либо. Бессильная месть жирондистов только разожгла в монтаньярах ответное чувство мести.

15 апреля, два дня спустя после обвинения Марата, 35 парижских секций (из 48) в сопровождении муниципалитета, во главе с мэром Пашем, подали Конвенту петицию, направленную против 22 наиболее видных жирондистских вождей: Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Гранженева, Бюзо, Барбару, Салля, Биротто, Петиона, Ланжюинэ, Валазе, Лэарди, Луве, Горса, Фоше, Ласурса, Понтекулана и т. д. Петицию прочел молодой Русселен, открытый сторонник Дантона. Ласурс был, следовательно, прав, обвиняя Дантона в составлении списка 22.

В ответ на заявление секций жирондисты потребовали, устами Ласурса и Буайе-Фонфреда, созвать первичные собрания, которые высказались бы относительно всех депутатов без исключения. Но даже Верньо признал эту меру слишком опасной. Она могла бы вызвать гражданскую войну.

Жиронда употребила все усилия, чтобы привлечь на свою сторону большинство населения в самом Париже и снова поднять департаменты против Горы.

Петион в «Письме к парижанам», появившемся в конце апреля, призывал всех сторонников порядка к борьбе: «Ваша собственность находится под угрозой, а вы закрываете глаза на эту опасность. Готовится война между собственниками и теми, кто не имеет собственности, а вы не предпринимаете ничего, чтобы предупредить

се. Несколько интриганов, кучка заговорщиков предписывают вам законы, вовлекают вас в слишком крутые и безрассудные мероприятия, а у вас не хватает мужества оказать им сопротивление; вы боитесь показаться в ваши секции, чтобы бороться с ними. Вы видите, что все состоятельные и мирные люди покидают Париж, вы видите, что Парижу грозит гибель, и остаетесь спокойными... Парижане, выйдите, наконец, из летаргии и заставьте этих ядовитых насекомых вернуться в свои гнездилища...» Тот же Петион годом раньше в «Письме к Бюзо» убеждал богачей и часть бедняков — две партии третьего сословия — соединиться против общего врага. Теперь для Петиона врагом была уже не аристократия, а анархия.

Его призыв упал на благодатную почву. Богатые буржуа были сильно раздражены материальными жертвами, которые на них возложили в связи с рекрутским набором. Вновь учрежденные революционные комитеты установили за ними строгий надзор и подвергли их целому ряду притеснений. Состоятельные буржуа отправились на собрания секций, попытались завладеть их канцеляриями, строить в революционные комитеты своих сторонников освободиться от военных налогов, которые наложили на них санкюлоты. В будничные дни рабочие, занятые своей работой, не имели возможности посещать политические собрания. Богачам удалось завладеть большинством голосов в нескольких секциях (Бютт де Мулэн, Аэль, Елисейских полей). В Люксембурге и Елисейских полях «франты» (мюскадены) организовали манифестации против рекрутского набора. Газета Бриссо поздравила их с тем, что они протестовали против «несправедливых постановлений муниципалитета».

Но санкюлоты вернули себе свое влияние, организовав помощь одной секции другой. При этом Коммуна и якобинцы оказали им сильную и искусную поддержку. Коммуна выдала множество ордеров на аресты и старалась оживить славные воспоминания из эпохи 10 августа. В воскресенье, 28 апреля, она устроила под руководством художника Давида торжественные похороны одного из победителей при Тюильрийском дворце, бывшего фабричного инспектора и капитана канониров предместья Сен-Марсо Лозовского. Эти похороны явились поводом для демонстрации монтаньярских сил.

Робеспьер, который никогда не был «беспочвенным мечтателем» и, обладая реалистическим складом мышления, внимательно прислушивался к малейшим движениям

общественного мнения, понял сразу, что Жиронду можно победить только при том условии, что санкюлоты будут прямо заинтересованы в этой победе. В конце апреля он прочел — сначала якобинцам, потом Конвенту — декларацию прав, подчинявшую собственность общественному интересу и теоретически оправдывавшую политику реквизиций, поддерживаемую «бешеными». Он беспрестанно возбуждал рабочие массы против «позолоченных штанов», как он выражался, пытавшихся завладеть секциями. «В ваших секциях есть аристократы, — говорил он 8 мая в Якобинском клубе, — прогоните их. Вам надлежит спасти свободу, провозгласите же права свободы и проявите всю вашу энергию. В вашем распоряжении огромные массы истинных и могучих санкюлотов, они не могут оставить свою работу, заставьте богатых платить за них». И он советовал секциям организовать на средства богачей, следуя примеру департамента Эро, революционную армию для устрашения неблагонадежных. Он требовал в той же речи ареста подозрительных лиц и, чтобы облегчить пролетариату выполнение гражданского долга — вознаграждения неимущим за потерянное на секционных собраниях время. В тот же день, 8 мая, Робеспьер предложил Конвенту задержать подозрительных лиц в качестве заложников и вознаградить бедняков, вступающих в гвардию.

Эта социальная политика, проводимая Робеспьером с замечательной определенностью, была, конечно, классовой политикой. В эпоху Учредительного и Законодательного собраний санкюлоты бескорыстно отдали революционной буржуазии свои силы для борьбы со старым режимом. Время этого идеалистического увлечения прошло. Санкюлоты видели, как богатели собственники путем покупок национальных имуществ и продажи своих продовольственных запасов и разных товаров по чудовищным ценам, и извлекли из этих наблюдений урок. Они не хотели более разыгрывать дурачков и требовали, чтобы революция кормила тех, кто ее осуществил и поддерживал.

Робеспьер был только эхом народного голоса. Социальная политика, план организации поддерживаемого из государственных средств пролетариата, который он развивал 8 мая в Якобинском клубе, был уже сформулирован лионскими демократами, друзьями Шалье. 3 мая они добились от департамента Роны и Луары постановления о формировании революционной армии в 5 тыс. человек, оплачиваемых из расчета по 20 су в день, посред-

вом чрезвычайного налога в 5 млн., возложенного на богачей. Шалье предполагал составить эту армию из безработных рабочих.

Весьма вероятно, что Робеспьер, который лично знал лионского революционера, был тотчас же информирован об этом мероприятии. Но в Париже санкюлоты одержали победу, в Лионе же случилось обратное. Дело в том, что в Лионе департамент был на стороне богачей и проявил необычайную медлительность при создании революционной армии, которая так и осталась на бумаге. Лионские жирондисты соединились с бывшими аристократами. С помощью этого подкрепления они овладели большинством голосов в секциях и революционных комитетах и изменили постановление монтаньярского муниципалитета, который вскоре же разогнали.

В Париже дело приняло иной оборот, так как санкюлотам, поддержанным Коммуной и департаментом, удалось сохранить свое господство в революционных комитетах — органах надзора и репрессий.

Но жирондисты торжествовали не только в Лионе, они захватили в свои руки органы местной власти во многих торговых городах, например в Марселе, Нанте, Бордо.

В Марселе, как и в Лионе, жирондисты соединились с аристократами. Получив преобладание в секциях, они выразили протест против объявленного депутатами Бэйлем и Буасселем отрешения от должности мэра Мурийя и прокурора Коммуны Сейтре. Захватив в свои руки городскую думу, они изгнали из Марселя наивных, обманутых их хитрыми маневрами депутатов и учредили для борьбы с монтаньярами революционный трибунал.

В Нанте и Бордо близость Вандей помешала сближению жирондистов с аристократами. Торговая буржуазия, понимавшая, что в случае победы вандейских крестьян она будет подвергнута погрому и избиениям; осталась верна республике. Но все же она послала в Конвент направленный против анархистов и монтаньяров адрес.

Не подлежит сомнению, что сопротивление или, вернее сказать, наступление жирондистов в департаментах явилось результатом заранее установленного в Париже плана. 4 и 5 июня Верньо написал бордосцам горячие письма, упрекая их в индифферентности и призывая на помощь: «Если меня к этому вынудят, я призову вас на помощь с трибуны, когда наступит время отомстить за свободу и истребить тиранов. Люди Жиронды! Восстаньте! Поразите ужасом наших Мариев!» Призыв был услы-

шан. Бордосцы немедленно послали в Париж делегацию, которая прочла у решетки Собрания резкую филиппику против анархистов. Барбару отправил своим друзьям в Марсель письма, подобные письмам Верньо.

Сопrotивление жирондистов сильно затрудняло работу деуутатов внутри страны. Оно уже принимало форму федерализма, т. е. местного партикуляризма, находящегося в борьбе с центральной властью. Гарро 16 мая сообщал из Аден: «Нередко приходится слышать, даже публично, что если Париж хочет господствовать, то следует отделиться от него и образовать самостоятельные государства. Поэтому-то так трудно достать оружие для рекрутов, отправляющихся на границы. Никто не хочет его отдавать». Классовая борьба преобладала над патристическими соображениями. Дартигуайт и Ишон жаловались 23 мая из Лектура на недружелюбное отношение департаментских властей в департаменте Жер. Левассер и его товарищи обвиняли 26 мая Мозельский департамент в неблагонадежности и снисходительности к врагам революции. Борьба двух партий парализовала революционную оборону. Надо было положить этому конец.

В начале мая Жиронда составила окончательный план кампании. Она уничтожит парижские власти, вызовет из департаментов вооруженную силу, чтобы сломить возможное сопротивление, а в случае неудачи ретируется в Бурж. Абсурдный план. Уничтожить парижские власти значило рисковать, что при новых выборах в Городскую думу пройдут «бешеные», которые уже жаловались на мягкость и слабость монтаньяров (устами Леклерка из Лиона, 16 мая, в Якобинском клубе). Завязать борьбу с Коммуной было бы безумием, так как Коммуна располагала единственной организованной силой — национальной гвардией и революционными комитетами секций. Рассчитывать на помощь департаментов не приходилось, так как уже набор 300 тыс. человек вызвал сильное сопротивление, и буржуазия проявляла крайнее отвращение к военной службе. Жирондисты тем не менее попытались осуществить свой план.

17 мая Коммуна приняла отставку Сантерра, объявившего о своем отъезде в Вандею, и назначила его временным заместителем по командованию национальной гвардией Буланже, состоявшего помощником командира в одной из наиболее революционных секций — секции Хлебного Рынка, которой принадлежала инициатива знаменитой, направленной против 22 петиции 15 апреля.

В тот же день Камилл Демулен вызвал шумные аплодисменты в Якобинском клубе чтением своей «Истории бриссотинцев» — кровожадного памфлета, в котором он изображал жирондистов наемными агентами Англии и Пруссии. На следующий день, 18 мая, Гаде обвинил в Конвенте парижские власти, «анархические власти, добивающиеся одновременно и денег и господства». Он предложил немедленно, в течение 24 часов, устранить их и заменить муниципалитет председателями секций. Кроме того, он предложил собрать в Бурже депутатов-заместителей, которые могли бы заменить Конвент в случае какого-либо насилия. Но Барер вмешался от имени Комитета общественного спасения. Он признал предложенные Гаде меры неполитичными. Если Коммуна составляла заговоры против Конвента, надо было произвести соответствующее расследование, и Барер предложил назначить для этой цели комиссию из 12 членов.

Комиссия 12 состояла из одних жирондистов, некоторые из которых фигурировали в списке 22, обвиненных Коммуной в предательстве: Буайе-Фонфред, Рабо Сент-Альбени, Кервелеган, Ларивьер, Буало и т. д. Она немедленно принялась за расследование. Во время одного собрания делегатов революционных комитетов в мэрии муниципальный чиновник, по имени Марино, предложил умертвить 22 депутата. Паш с негодованием отклонил его предложение. Жирондистская секция Братства донесла об этом инциденте Конвенту. Теперь этот инцидент послужил комиссии 12 предлогом принять энергичные меры. 24 мая она приказала всем революционным комитетам секций представить свои списки — прелюдия к судебному следствию над наиболее пылкими революционерами. В тот же день комиссия провела, по докладу Виже, крет, отменявший, в скрытой форме неправильное значение заместителя Санterra. Принять командование должен был старейший из батальонных командиров. Тот же декрет усиливал охрану Конвента и фиксировал время закрытия секционных собраний в 10 часов вечера.

Когда этот декрет был принят без особого сопротивления со стороны монтаньяров, комиссия 12 приказала арестовать Эбера за статью из «Отца Дюшена», в которой он обвинял «государственных людей» в организации грабения бакалейных лавок и булочных с целью овоцировать беспорядок, чтобы получить, таким образом, предлог для клеветы на парижан. В тот же вечер ксеру присоединили Варле, апостола равенства, кото-

рый в течение нескольких месяцев возбуждал народ против Жиронды, и Марино. Два дня спустя был арестован Добсан — председатель секции Сите и судья революционного трибунала, вместе с секретарем той же секции то, что они отказались представить комиссии 12 свои списки. Декрет 26 мая устранил революционный комитет секции Единства, запретил комитетам надзора именоваться впредь революционными комитетами, ограничил их функции надзором над иностранцами и уполномочил министра внутренних дел произвести расследование над их действиями.

Эти репрессивные меры разрешили кризис, назревавший в течение всего времени после измены Дюмурье. Коммуна и монтаньярские секции немедленно взяли под свое покровительство Эбера, Варле, Марино и Добсана. 25 мая Коммуна потребовала освобождения своего сотрудника. «Произвольные аресты,— сказала она, являются гражданскими венцами для добрых людей». Инар, председательствовавший в Конвенте, дал петиционерам неловкий и высокопарный ответ: «Выслушайте правду, которую я вам скажу... Если бы Конвент был когда-нибудь унижен, если бы, благодаря одному из беспрестанно возобновляющихся после 10 марта восстаний, о которых магистраты никогда не уведомляли Конвент, дело дошло до того, что было бы произведено покушение на национальное представительство, то — я объявляю вам это от имени всей Франции — Париж был бы немедленно уничтожен, на берегах Сены не осталось бы и следа его существования». Инар возобновил против революционного города угрозы герцога Брауншвейгского.

Как только ответ Инара стал известен, волнение в Париже вдвое усилилось. 26 мая клуб революционных республиканских женщин, в котором председательствовала Клэр Лакомб, устроил уличную манифестацию в честь Эбера. 16 секций потребовали его освобождения. Вечером в Якобинском клубе Робеспьер, который все относился с отвращением к идее покушения на нечуждую косновенность национального представительства, привал народ к восстанию: «Когда народ притеснен, когда находит защиту только в самом себе — было бы тоскостью отговаривать его от возмущения. Когда все законы нарушены, когда деспотизм достигает своей вершины, когда попораны и совесть и стыд,— тогда народ должен восстать. И этот момент пришел». Якобинцы объявили восстание против подкупленных депутатов.

Вмешательство Робеспьера и монтаньяров имело решающее значение. На следующий день, 27 мая, Гора предприняла серьезный шаг в Конvente. Марат потребовал упразднения комиссии 12 «как врага свободы, пытающегося провоцировать народное восстание, которое, действительно, угрожает нам в ближайшем будущем благодаря вашей халатности, имеющей своим следствием небывалое повышение цен на съестные продукты». Секция Сите потребовала освобождения своего председателя Добсана и обвинения комиссии 12. Инар ответил в высокомерных и насмешливых выражениях. Робеспьер хотел ему возразить. Инар лишил его слова. Поднялся страшный шум, продолжавшийся в течение нескольких часов. Многочисленные депутации поддерживали энергию Горы. Гора, оставшаяся только с Равниной, вотировала глубокой ночью, по предложению Делакруа, отмену комиссии 12 и освобождение заключенных в тюрьму патриотов. Эбер, Добсан, Варле с триумфом вернулись в Коммуну и секции.

Жиронда продолжала упорствовать. 28 мая Ланжюинэ протестовал против незаконного, по его словам, декрета, отменявшего комиссию 12. Гаде поддержал его. Комиссия 12 была восстановлена путем поименного голосования 279 голосами против 238. Дантон комментировал это постановление следующими словами: «Доказав нашим врагам, что мы превосходим их осторожностью, мы докажем им теперь, что превосходим их революционным мужеством и силой».

В тот же день секция Сите, где председательствовал Добсан, пригласила другие секции собраться на следующий день в епископстве, чтобы организовать восстание. Собрание в епископстве, под председательством инженера Дюфурни, друга Дантона и основателя клуба Кордельеров, решило назначить тайный повстанческий комитет сначала из 6, потом из 9 членов, постановлением которого обещало беспрекословно повиноваться. Среди 9 членов комитета были Добсан и Варле.

30 мая департамент примкнул к движению, созвав на 9 часов утра следующего дня общее собрание всех парижских властей в Якобинском клубе. Марат отправился в епископство, и повстанческий комитет решил ударить в набат в первый час следующего дня.

Восстание началось 31 мая и протекало под руководством секретного комитета в епископстве по испытанным методам восстания 10 августа. В 6 часов утра делегаты

33 монтаньярских секций под предводительством Добсона явились в Городскую думу, предъявили свои неограниченные полномочия и распустили Коммуну, члены которой удалились в соседний зал; затем революционные делегаты временно восстановили Коммуну в ее правах. Повстанческий комитет, заседавший теперь в Городской думе, написал вновь облеченной народным доверием Коммуне принять надлежащие меры, назначив Анрио, командира батальона Ботанического сада, командующим парижской национальной гвардией. Неимущие национальные гвардейцы должны были получить вознаграждение в размере 40 су в день. В полдень был произведен выстрел из сигнальной пушки. Собрание парижских властей, созванное департаментом в Якобинском клубе, решило действовать совместно с Коммуной и повстанческим комитетом, число членов которого было доведено до 21 путем присоединения делегатов собрания Якобинского клуба. Комитет 21 немедленно объявил собственность под охраною граждан.

Жирондисты были охвачены страхом. Некоторые из них не решились ночевать у себя дома в ночь с 30 на 31 мая. Они не присутствовали на заседании Конвента 30 мая, что дало монтаньярам возможность завладеть большинством голосов. Инар был лишен своих полномочий, и председателем Конвента был избран 30 мая монтаньяр Малларме 189 голосами против 111, которые получил Ланжюинэ.

31 мая Конвент собрался под гул набата и барабанный бой. На этот раз жирондистов было больше, чем накануне. Они протестовали против закрытия застав, набата и сигнальной пушки.

Собрание находилось в колебании, когда у решетки появились около пяти часов вечера петиционеры от секций и Коммуны. Они потребовали обвинения 22, министров Лебрена и Клавьера, создания революционной армии, твердой цены на хлеб в 3 су за ливр для всей республики путем налога на богатых, увольнения всех дворян, занимавших высшие должности в армии, создания оружейных мастерских для вооружения санкюлотов, чистки всех административных органов, ареста подозрительных лиц, временного сохранения права голосования за одними лишь санкюлотами, пособий для родственников защитников отечества, вспомоществования старикам и больным.

Это была обширная программа революционной обороны и специальных мер. Новая депутация, состоявшая

из делегатов парижских властей, во главе с Люллье, выразила протест против угроз Инара Парижу. Петиционеры проникли за ограду и сели на стороне Горы. Жиронда протестовала против этого вторжения, и Верньо со своими друзьями вышел из зала, но сейчас же вернулся. Робеспьер взошел на трибуну и поддержал требование Барера об упразднении комиссии 12, но отклонил его предложение предоставить Конвенту право непосредственно распоряжаться вооруженной силой. Верньо предложил Робеспьеру высказаться до конца, и Робеспьер, повернувшись к нему, сказал: «Да, я выскажусь, и выскажусь против вас. После революции 10 августа вы хотели возвести на эшафот тех, кто ее осуществил, вы беспрестанно провоцировали уничтожение Парижа, вы хотели спасти тирана и составляли заговоры с Дюмурье, вы ожесточенно преследовали патриотов, смерти которых требовал Дюмурье... Хорошо же. Мое заключение сводится к обвинительному декрету против всех сообщников Дюмурье и против всех тех, на кого указывают петиционеры...» Верньо ничего не ответил на эту жестокую отповедь. Конвент распустил комиссию 12 и утвердил, по предложению Делакура, постановление Коммуны о вознаграждении рабочих, находящихся под ружьем, в размере 2 ливров в день. Монтаньярские секции братались около Тюильрийского дворца с жирондистской секцией Бютт де Мулэн, ложно обвиненной в ношении белой кокарды.

День 31 мая закончился без определенных результатов. Вечером, в Коммуне, Варле обвинил Шометта и Добсана в слабости. Эбер констатировал, что день пропал даром благодаря излишней торопливости секретного комитета. Билло-Варенн выразил якобинцам свое разочарование: «Отечество еще не спасено, надо было принять решительные меры общественного спасения; именно сегодня надо было нанести последние удары заговору. Я не понимаю, как могли патриоты покинуть свой пост, не добившись обвинительного декрета против министров Лебрена и Клавьера». Шабо выразил сожаление о недостатке энергии у Дантона.

1 июня национальная гвардия оставалась под ружьем. Коммуна и повстанческий комитет после посещения Марата подготовили новый адрес, представленный вечером в Конвент Гассенфратцем. Адрес требовал обвинения 27 депутатов. Лежандр поддержал его и потребовал обвинения всех апеллянтов. Камбон и Марат настояли

на передаче петиции в Комитет общественного спасения. Барер посоветовал депутатам, отмеченным в проскрипционном списке, «проявить мужество и подать в отставку». Большинство жирондистов не присутствовало на заседании. Жирондистские вожди собрались у Мейана и тщетно старались выработать план сопротивления.

Пока жирондисты, по своему обыкновению, изобретали уловки, революционный комитет развивал усиленную деятельность. В ночь с 1 на 2 июня он приказал арестовать Ролана и Клавьера. Ролану удалось бежать, и вместо него арестовали его жену. Революционный комитет, с согласия Коммуны, приказал Анрио «окружить Конвент вооруженной силой, чтобы вождей заговора можно было арестовать днем, в случае если Конвент откажется удовлетворить справедливое требование парижских граждан». Были отданы приказы о запрещении жирондистских газет и аресте их редакторов.

2 июня было воскресенье. Подчиняясь приказу Анрио, 80 тыс. вооруженных людей с пушками окружили Тюильрийский дворец. Заседание Конвента началось серией плохих известий. Главный город Вандейского департамента попал в руки восставших. То же случилось с Марвежом в департаменте Лозер, Манд находился под угрозой. В Лионе роялистские и жирондистские секции завладели городской думой после кровопролитного боя, в котором погибли 800 республиканцев. Монтаньярский муниципалитет и Шалье были взяты в плен. Сент-Андре в нескольких словах извлек урок из этих грозных событий: «Надо принять великие революционные меры. В спокойные времена можно подавить мятеж при помощи обычных законов; но когда движение принимает крупные размеры, когда дерзость аристократии достигает своей высшей точки, приходится прибегать к законам военного времени. Эта мера, конечно, ужасна, но она неизбежна; всякие другие меры были бы бесполезны...» Ланжюинэ, никогда не терявший самообладания, обвинил Коммуну, при слабой поддержке правой стороны, в организации восстаний и потребовал ее устранения. Лежандр хотел сбросить его с трибуны. Депутация революционного комитета потребовала в угрожающих выражениях немедленного ареста 22 и 12. Требование было передано в Комитет общественного спасения.

Петиционеры вышли, показывая собранию кулаки и призывая к оружию. Анрио немедленно отдал строгий приказ не выпускать и не впускать ни одного депутата.

Левассер из Сарты оправдывал арест жирондистов, а Барер, безусловно с согласия Дантона, предложил от имени Комитета общественного спасения мировую сделку. 22 и 12 не будут арестованы, но зато они должны добровольно отказаться от своих полномочий. Инар и Фоше тотчас же повиновались. Но Ланжюинэ и Барбару решительно отказались от этого незаконного предложения. «Вы не дождетесь от меня,— сказал Ланжюинэ,— ни отставки, ни отречения». Барбару повторил за ним: «Не ждите от меня прошения об отставке. Я поклялся умереть на своем посту, и я сдержу свою клятву». Марат и Билло-Варенн, в свою очередь, отказались от мировой сделки: «Конвент не в праве требовать отставки своих членов,— сказал Билло,— если они виновны, их надо передать трибуналам».

Дискуссия была прервана жалобами нескольких депутатов на распоряжение Анрио. Барер выразил протест против тирании повстанческого комитета. Делакруа и Дантон поддержали его. Делакруа провел декрет, требовавший удаления вооруженной силы. Дантон провел другой декрет, приказывавший Комитету общественного спасения разыскать виновника распоряжения, отданного национальной гвардии, и строго наказать его за оскорбление величия нации.

Затем, по предложению Барера, весь Конвент поднялся и проследовал в театральном шествии за своим председателем Эро де Сешелем, чтобы прорвать окружающий его железный круг. Эро направился к Анрио, который дал ему иронический ответ и скомандовал: «Канониры, по местам!» Собрание прошло вокруг дворца, всюду наталкиваясь на штыки. Униженное, оно вернулось в зал и подчинилось. По предложению Кутона оно выдало своих членов, но настояло, чтобы они были подвергнуты домашнему аресту под охраной одного жандарма. Марат вычеркнул из списка Дюссо — «старого пустомелю», Лантена — «бедного разумом»; и Дюко — «искренно заблудившегося».

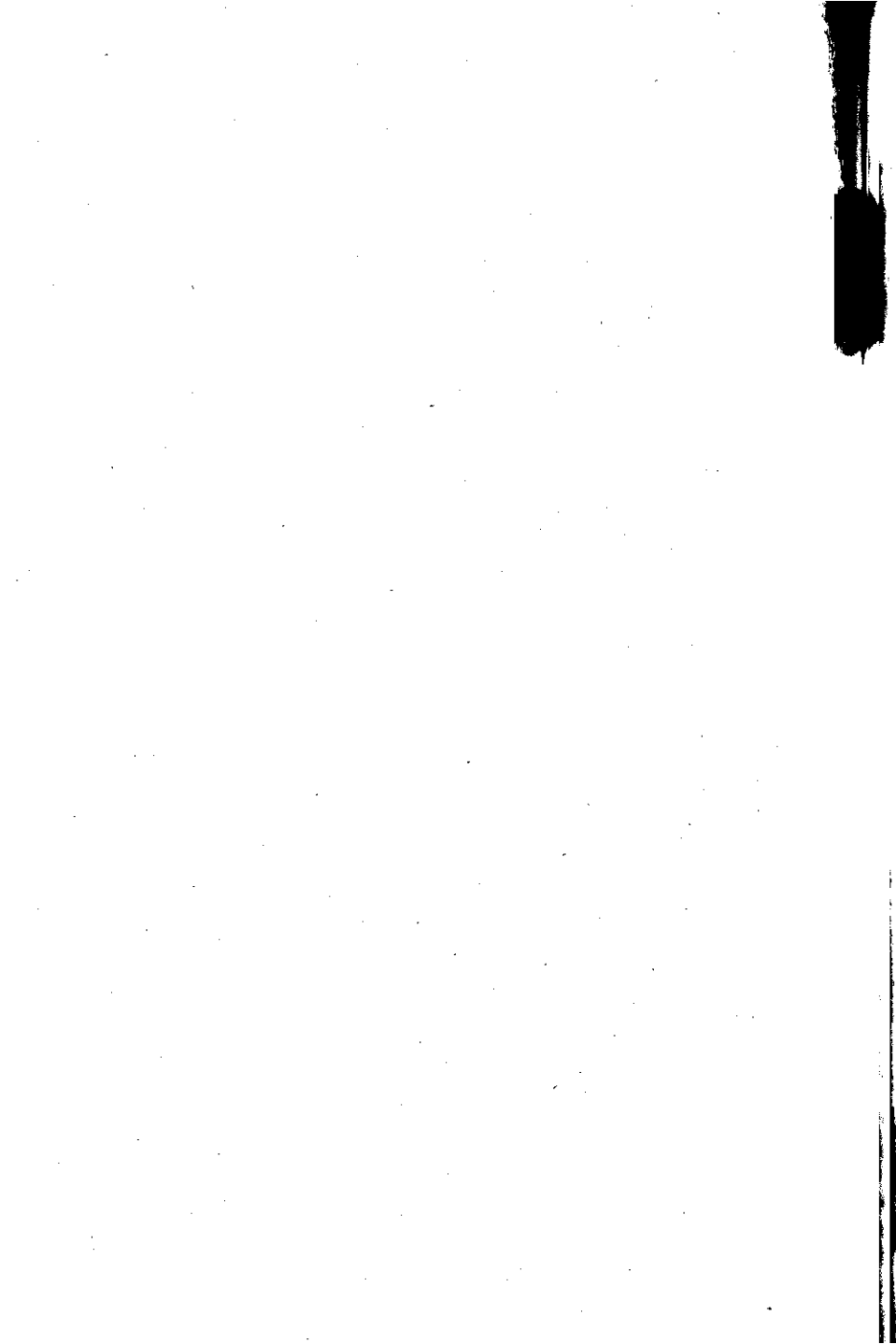
Так закончилась борьба, которая началась с учреждения Законодательного собрания. Жирондисты были сами виноваты в своем поражении. Завязав внешнюю войну, они не сумели добиться победы и мира; обвинив короля и потребовав республики, они не решились низложить монарха и провозгласить республику; они колебались во все решительные моменты: накануне 10 августа, накануне 21 января; своей двусмысленной политикой они вызы-

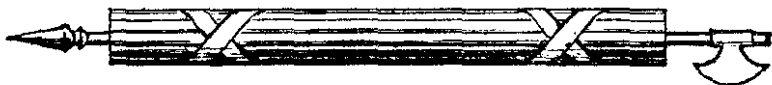
вали подозрение в эгоистичных тайных намерениях: в стремлении занять министерские посты, в намерении учредить регентство или создать новую династию; в обстановке жестокого экономического кризиса они не сумели предложить ни одного целебного средства и с удивительной узостью и желчью восставали против всех требований класса санкюлотов, права и силу которого они не признавали; со слепым упорством они противились всем чрезвычайным мерам, которых требовало положение, и старались затруднить их осуществление; одним словом, они пренебрегали делом общественного спасения и замкнулись в классовую политику, проводимую в интересах одной лишь буржуазии.

• Революция 2 июня была не только политической революцией. Санкюлоты ниспровергли не только партию, но, в известном смысле, целый социальный класс. За поражением дворянства, павшего вместе с престолом, последовало поражение крупной буржуазии.

Уже революция 10 августа была запечатлена явным недоверием к парламентаризму. Но она пощадила Собрание. На этот раз, наученные горьким опытом, санкюлоты сделали шаг вперед. Они не поколебались нарушить неприкосновенность национального представительства, следуя примеру своих противников, обвинивших Марата. Классовая политика, которой отдались, в свою очередь, виновники 2 июня, выходила из рамок прежней законности. Фикция парламентаризма была поколеблена. Надвигалась эпоха диктатуры. ♦

TOM III
TEPPOP

ВОССТАНИЕ ФЕДЕРАЛИСТОВ

революция 2 июня, так же как и революция 10 августа, была прежде всего патриотической революцией. Парижские санкюлоты, поддержанные санкюлотами других больших городов, устранили Жиронду по тем же соображениям, по которым низвергли королевскую власть: они обвинили ее в том, что она чинила препятствия делу революционной обороны. Но революция 10 августа была кровавой, революция же 2 июня не стоила ни одной человеческой жизни. Виновники 10 августа не поколебались захватить в свои руки всю муниципальную власть. Виновники 2 июня, утвердив свое право на переизбрание городских властей, оставили их при исполнении их обязанностей. Повстанческий комитет посвятил себя организации новых рекрутских наборо-

ров, назначенных департаментскими и коммунальными властями. Восстановленная им легальная Коммуна постаралась ослабить его влияние и сохранить связь с правительством, которое отпустило средства для уплаты жалования национальным гвардейцам, остававшимся под ружьем в течение трех дней. Замечание одного историка, что революция 2 июня была не столько восстанием, сколько государственным переворотом, заключает в себе значительную долю истины. †

Общее положение носило совсем иной характер, чем в предшествующем году. После 10 августа все правительство было переизбрано, так же как и Коммуна. И если это переизбрание не удовлетворило революционную власть, если с самого же начала обнаружился антагонизм между Законодательным собранием и новой Коммуной, Коммуна, удерживая в своих руках Городскую думу, могла все же оказывать постоянное давление на законную власть. После 2 июня Повстанческий комитет удалился почти без сопротивления. Большая часть его членов удовлетворилась участием в новом органе, созданном по их инициативе — Комитете надзора Парижского департамента, выполнявшем функции политической полиции в Париже и его пригородах под руководством и на жалованьи у Комитета общественного спасения. Вчерашние бунтовщики превратились в полицейских.

Восстание 10 августа достигло непосредственно своей главной цели: король был заключен в Тампль. 2 июня восставшие одержали только частичную и временную победу. Двадцать девять жирондистских вождей, объявленных под домашним арестом, каждый под надзором одного жандарма, свободно разгуливали по городу, принимали гостей и устраивали обеды. Двенадцать из них бежали в первый же день, восемь — в последующие дни. Оставшиеся не считали свое дело проигранным. 5 июня Валазе в высокомерном письме заранее отказался от амнистии, слухи о которой распространились по городу, а на следующий день Верньо в повелительном тоне потребовал суда и угрожал своим обвинителям эшафотом.

Комитет общественного спасения, который в продолжение трех дней восстания прилагал все усилия к мирному разрешению конфликта, был, по-видимому, подавлен тяжестью своей новой ответственности. Уплатив расходы по восстанию и предоставив его вождям синекуры, он пытался уклониться от выполнения их программы и мечтал восстановить 29 арестованных жирондистов в их

депутатских правах. 5 июня он предложил Пашу представить ему в течение дня документы, уличающие задержанных депутатов,—«в противном же случае он будет вынужден объявить Конвенту, что таковых не существует вовсе». Паш, разумеется, притворился глухим. Комитет не понимал, что лучшим средством помешать жирондистам прибегнуть к восстанию было бы призвать их со всею твердостью к выполнению патриотического долга и не поднимать полемики вокруг последних событий. Он сохранил министерские портфели за Клавьером и Лебреном, хотя они были объявлены под домашним арестом. Клавьер был замещен только 13 июня Детурнелем, а Лебрен — 21 июня Дефоржем. Вместе с тем, как бы желая заслужить доверие умеренных, Комитет «принял отставку» военного министра Бушотта, сторонника монтаньяров, и заместил его, несмотря на сопротивление Робеспьера, дворянином Богарне, который, впрочем, был настолько умен, что отказался. Все эти назначения носили на себе следы работы Дантона. Другой протее Дантона министр внутренних дел Гара сообщает нам, что Дантон защищал в Комитете идею переговоров с побежденными во избежание гражданской войны, причем эти переговоры предусматривали амнистию.

6 июня в большом докладе Конвенту Барер предложил отменить революционные комитеты, учрежденные для надзора за подозрительными лицами и проведения в жизнь закона о рекрутском наборе, «эти орудия анархии и мести», немедленно переизбрать Главный штаб парижской гвардии, отрешить от должности ее начальника Аярио, восстановить свободу прессы и отослать задержанных в качестве заложников депутатов Конвента в их департаменты. «Дантон первый предложил эту меру», — сказал он, и, действительно, Дантон на следующий день поддержал его предложение, причем открыто восхвалял бордоских граждан. Эта слишком искусная политика могла только поощрить жирондистов к сопротивлению и вызвала в самом Париже сильное волнение, успокоить которое было очень трудно. 6 июня 75 правых депутатов подписали протест против покушения на неприкосновенность Конвента. Некоторые из них тотчас же покинули Париж, чтобы помочь бежавшим жирондистам поднять департаменты. 15 июня Собрание постановило произвести поименную переключку депутатов, угрожая отсутствующим вызовом их заместителей. Участники парижского восстания говорили, что их обманывают. 4 июня

Дантон подвергся резким нападкам в Кордельерском клубе, 7-го — в Якобинском. Робеспьер был убежден, что переговоры с жирондистами являются только бесполезной потерей времени. Так как гражданская война неизбежна, думал он, надо вести ее с максимумом шансов на успех, заинтересовав санкюлотов в исходе борьбы.

Во время восстания он занес в свою записную книжку следующие знаменательные слова: «Нужна единая воля. Она должна быть или республиканской или роялистской. Для того чтобы она была республиканской, нужны республиканские министры, республиканская печать (т. е. газеты), республиканские депутаты, республиканское правительство. Внутренние опасности исходят от буржуазии: чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ. Все это было подготовлено к тому, чтобы отдать народ в рабство буржуазии и погубить защитников республики на эшафоте. Они торжествовали в Марселе, Бордо, Лионе. Они восторжествовали бы и в Париже, если бы не было восстания. Надо, чтобы это восстание продолжалось до тех пор, пока не будут приняты меры, необходимые для спасения республики. Надо, чтобы народ присоединился к Конвенту, и чтобы Конвент воспользовался помощью народа. Надо, чтобы восстание распространялось все далее и далее, причем санкюлоты получали бы вознаграждение и оставались бы в городах. Надо снабдить их оружием, просветить, возбудить их гнев, воспламенить республиканский энтузиазм всеми возможными средствами».

Робеспьер пытался осуществить эту программу действий, внушая ее по частям Комитету общественного спасения и Конвенту.

8 июня он с силой оспаривал меры, предложенные накануне Барером и поддержанные Дантоном. Он доказывал, что контрреволюция уже добилась преобладания в Марселе, Лионе и Бордо, и что она предшествовала парижским событиям. Отрешить от должности Анрио, переменить состав его главного штаба — значило бы отречься от восстания 2 июня и рисковать вызвать новое. Отменить революционные комитеты — значило бы действовать в интересах аристократии и обезоружить республиканцев. Речь Робеспьера была встречена ропотом, но в конце концов вызвала аплодисменты. Сент-Андре открыто поддержал его: «Надо знать, что под предлогом свободы можно убить самую свободу». Лежен упрекал Комитет общественного спасения в слабости и ослеплении. Барер и Дантон уступили и сами потребовали отсрочить выполнение предложенных ими мер. «Исправляя результаты 2 июня, — сказал Мишле, — Конвент поставил бы себя в унижительное положение. Это значило бы поддаться страху и насилию и аннулировать все то, что было сделано в этот день».

Когда факты оправдали опасения Робеспьера, когда

13 июня пришло известие о восстании нормандских департаментов, и пришлось подумать о его подавлении, Дантон произнес похвальное слово Парижу и провел декрет, в котором Париж был провозглашен спасителем республики. С этого дня правая сторона была приведена к молчанию, но медлительность и нерешительность Комитета общественного спасения способствовали развитию жирондистского восстания.

Это восстание было задумано и разработано еще до 31 мая. 24 мая Юрский департамент пригласил депутатов-заместителей съехаться в Бурж и образовать там новое Собрание в замену Конвенту. 27 мая Энский департамент присоединился к этому решению. Еще 15 мая лионский депутат Шассе писал своему другу Дюбо: «Дело идет о сохранении жизни и имущества. Спешите же воодушевить ваших друзей». 25 мая секции Бордо обсуждали на общем собрании проект о наборе войск с тем, чтобы отправить их на Париж и т. п.

Известие о парижском восстании только ускорило и расширило начавшееся движение. Жирондистские вожди распределили между собою роли. «Их бегство,— говорит историк Жиронды Клод Перру,— явилось следствием задуманного и разработанного ими плана, они сами в этом признались».

Бюзю, бежавший в свой Эрский департамент, распространял слухи о том, что готовятся диктатура Марата и новые избиения. Под его влиянием департамент 7 июня решил сформировать корпус в 4 тысячи человек. Кальвадосский департамент последовал его примеру 9 июня. Он арестовал членов Конвента Ромма и Приера (из Марны), уполномоченных организовать защиту берегов против Англии. Под влиянием Дюшателя, Мелана и Кервелегана бретонские департаменты Финистер, Илль-э-Вилен, Кот-дю-Нор, Морбиган, Майен присоединились к Эрскому и Кальвадосскому департаментам в общем собрании, организованном для противодействия притеснением. Кан сделался столицей жирондистского Запада. Феликс Вимпфен, командующий армией Кот-де-Шербур, присоединился к восстанию с двумя кавалерийскими полками. Он получил подкрепление в виде трех превосходных батальонов, набранных в Бретани и состоявших, по словам Вольтье, сражавшегося вместе с ними, «не из оборванных и растрепанных бретонцев, но из молодых людей лучших фамилий Ренна, Лориена и Бреста, одетых по форме в мундиры из тонкого сукна и в совершенстве экипированных».

Бордосцы изгнали 7 июня депутатов Ишона и Дартигойта, постановили 9 июня организовать департаментскую вооруженную силу в 1.200 человек, создали на 16 июля в Бурже собрание представителей всех восставших департаментов, завладели 350 тыс. пиастров, назначенными для колоний и флота, 27 июня снова изгнали депутатов Матье и Трейлара, присланных Комитетом общественного спасения с мирными предложениями, и, наконец, 30 июня отправили написанное Гранженевом письмо Кюстину, командующему нашей главной армией, приглашая его присоединиться к правому делу. Но Кюстин ответил Гранженеву патриотическим выговором.

Восстание охватило весь юг. Тулуза освободила заключенных в тюрьмы роялистов и посадила на их место последователей Марата. Она оставила отряд войска в 1000 человек. В Ниме, который посетил Рабо Сент-Этьенн, клуб был закрыт, последователи Марата разоружены и заключены в тюрьмы. Марсель, возмущившийся еще до 31 мая, задержал 6 тыс. человек, предназначенных для итальянской армии, и вступил в сношения с южными городами.

Тулон 12 июля восстал против депутатов Пьера Бэйля и Бове и заключил их в крепость Ламальг, предварительно заставив их принести торжественное покаяние со свечами в руках. Адмиралы Трогоф и Шосгро присоединились к восстанию. В середине мая Корсика под влиянием Паоли избрала чрезвычайный Совет, и французы удержались только в Бастии и в нескольких портах.

Южное восстание было тесно связано с лионским восстанием, которое имело разветвление на востоке и в центре. Не отвечая на мирные предложения, привезенные из Парижа Робером Линде, лионские жирондисты заключали в тюрьмы всех, кого подозревали в симпатиях к Горе. Чтобы внушить страх якобинцам-рабочим, населявшим некоторые кварталы, они приговорили к смерти их вождя Шалье, который был казнен 16 июля. Командование лионскими войсками было вскоре поручено эмигранту графу де Преси.

К середине июня около 60 департаментов более или менее открыто примкнули к восстанию. К счастью, пограничные департаменты остались верны Конвенту. Восстание распространилось более в ширину, чем в глубину. Оно было, в сущности, созданием департаментской и дистриктской администрации, состоявшей из крупных собственников. Коммуны, стоявшие по своему составу

ближе к народу, в большинстве случаев проявляли полное равнодушие или даже враждебность. Рекрутские наборы, назначенные восставшими властями, наталкивались на непреодолимые затруднения. Рабочие и ремесленники не хотели жертвовать собой для богачей, которые не сделали ничего для облегчения их участи. Несмотря на многократные воззвания депутатов Шамбона и Лидона, бордосцы собрали только 400 человек. Когда Вимпфен, делая смотр 7 июля национальной гвардии Кана, вызвал добровольцев, из рядов вышли только 17 человек.

Но восстание федералистов имело против себя не только безразличное или враждебное отношение простого народа: сами вожди его, несмотря на свои громкие фразы, не верили в свое дело и с самого начала разъединились.

Те из них, которые были искренними республиканцами, опасались вторжения внешних врагов и Вандей, и эти опасения парализовали их. Те, которые отличались честолюбием, порвав свою связь с народом, искали поддержки у фейянов и даже у аристократов. В Кане Феликс Вимпфен, несомненный роялист, который уже завязал сношения с неприятелем в сентябре 1792 г. во время осады Тионвилля, предложил жирондистским депутатам призвать на помощь англичан. Депутаты отклонили его предложение, но сохранили командование за ним. Начальником его главного штаба был граф де Пюизе, бежавший после крушения восстания к вандейцам вместе с уполномоченным генеральным старшиной Кальвадосского департамента Бугон-Лонгре, другом Шарлотты Корде.

Преси послал из Лиона в Швейцарию кавалера д'Арте просить помощи у бернцев и сардинцев. Жозеф де Местр, руководивший в Женеве шпионской организацией сардинского короля, обещал 4 августа диверсию на Альпы, и эта диверсия была выполнена. Но лионские роялисты скрывали свои истинные намерения и не решились провозгласить Людовика XVII, как это сделали тулонцы.

Сколько непредусмотрительности проявил Конвент в первые дни восстания, столько же энергии и искусства выказал он при организации подавления восстания. Мятежные вожди Жиронды были объявлены под судом, администраторы восставших департаментов отрешены от должностей, главный город департамента Эр перенесен

из Эвре в Бернай; чтобы разделить интересы Авиньона и Марселя, был образован новый Воклюзский департамент; из департамента Роны-и-Луары был выделен департамент Луары, чтобы противопоставить Лиону Сент-Этьенн.

Конвент тщательно отделял вождей от сбитых с толку их сторонников. 26 июня, по инициативе Робера Линде, восставшим властям был предоставлен трехдневный срок, чтобы отказаться от восстания. Отрешенные 14 июня от должностей администраторы Соммы представили свои объяснения. Комитет общественного спасения отослал их 17 июня обратно, не причинив им никакого вреда. Сен-Жюст, которому был поручен доклад по делу «объявленных под арестом» депутатов, проявил чрезвычайную умеренность. «Все задержанные,— заявил он 8 июля,— не виновны, огромное большинство их только заблуждалось». Он различал между ними три категории предателей; в числе девяти человек (Биротто, Бергоен, Барбару, Бюзо, Горса, Ланжюинэ, Луве, Петгон и Салль), их сообщников, в числе пяти человек (Гардьен, Жансонне, Гаде, Молльво и Верньо) и просто заблуждавшихся, в числе четырнадцати человек, которых он предлагал вернуть в Конвент. Эта умеренность помогла Конвенту склонить общественное мнение на свою сторону.

Гора в свою очередь поняла, что необходимо объединить широкие массы населения, дав им существенное удовлетворение по проекту Робеспьера. Она провела с этой целью три важных закона: 1) закон 3 июня о способе продажи имущества эмигрантов. Эти имущества должны быть разделены на маленькие части, причем бедным приобретателям предоставляется рассрочка платежа на десять лет; 2) закон 10 июня, регулирующий раздел общинных имуществ. Раздел должен быть произведен по принципу равенства на каждую душу населения. Эта мера дала свыше 8 миллионов десятин, стоимостью до 600 миллионов; 3) закон 17 июля, закончивший полное разрушение феодального режима, отменил без выкупа все права и подати, основанные на первоначальных правах. Последние феодальные грамоты были уничтожены, чтобы лишенные владений собственники не могли в один прекрасный день возобновить свои притязания. Таким образом, падение Жиронды обозначало для крестьян окончательное освобождение земли.

Декрет 8 июня увеличил оклады служащих, а чтобы успокоить волнение средних классов по поводу принуди-

тельного займа в один миллиард, был издан, по предложению Робеспьера, декрет 23 июня, освобождавший от уплаты налога женатых, чистые доходы которых не превышали 10 тыс. ливров, и холостых, доходы которых были ниже 6 тыс. ливров. Прекрасное средство для разделения и уничтожения жирондистской партии, состоявшей по преимуществу из зажиточных людей.

Это наступление морального характера было завершено и увенчано спешным голосованием весьма либеральной конституции, которая явилась красноречивым ответом на сформулированные жирондистами обвинения в диктатуре. Между тем как конституция, подготовленная Кондорсе, усиливала значение Исполнительного совета, предоставляя его избрание народу и делая его независимым от Собрания, монтаньярская конституция, составленная Эро де Сешеллем, подтверждала зависимость министров от национального представительства. Она отменила двухстепенные выборы, которые Кондорсе сохранил для избрания депутатов, и постановила избирать их не путем баллотировки целого списка, что являлось крайне сложной процедурой, но абсолютным большинством при прямой и всеобщей подаче голосов.

Одни лишь административные органы подлежали избранию в избирательных коллегиях, представлявших Собранию список 83 кандидатов, из которых Собрание должно было выбрать 24 министров. Кроме того, монтаньярская конституция обещала всеобщее образование, гарантировала право на жизнь и ставила объявление войны в зависимость от предварительного решения всей страны. Представленная на ратификацию народа, она была принята 1 801 918 голосами против 17 610. Но около 100 тыс. голосовавших приняли ее только с федералистскими оговорками, требуя освобождения 22 и 12, т. е. депутатов, подвергнутых аресту, отмены законов, вотируемых после их задержания, созыва нового Собрания, вызова депутатов, находившихся в командировках, отмены хлебного максимума и т. д. Плебисцит вызвал повсюду расстройство в рядах жирондистской партии. Но окончательное поражение Жиронда потерпела лишь при втором Комитете общественного спасения, назначенном 10 июля. Нормандские повстанцы, совершая поход на Париж под командой Пюизе, натолкнулись на отряд парижских волонтеров, которые рассеяли их при Брекуре у Вернона несколькими пушечными выстрелами. Робер Линде, отправленный в Кан, быстро умиротворил всю

местность, сведя репрессивные меры к минимуму.

В Бордо сопротивление имело более продолжительный характер. Изабо и Талльен, проникнув в первый раз в город 19 августа, принуждены были бежать в якобинский город Ла-Реоль. Но в Бордо секции санкюлотов, возбужденные депутатами, разогнали 18 сентября жирондистский муниципалитет, после чего начались репрессии.

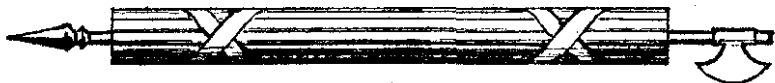
На юго-востоке повстанцы Марсея и Нима едва не соединились с лионскими мятежниками. Нимские отряды продвинулись до моста св. Духа, марсельцы, под предводительством бывшего офицера Вилльнев-Туретта, перешли Дюрансу, овладели Авиньоном и дошли до Оранжа. Но Дромский департамент остался верен Горе. С 24 по 26 июня в Валенсе состоялся конгресс 42 народных обществ департаментов Ардеш, Дром, Гар, устьев Роны, и этот конгресс, душой которого был Клод Рейан, организовал сопротивление. Карто подоспел на помощь с отрядом войск из альпийской армии, в которой служил Бонапарт. Он взял обратно мост св. Духа, отделил нимские отряды от марсельских и отодвинул последние к югу. 27 июля он был в Авиньоне. 25 августа вступил в Марсель и успел спасти этот город от англичан, которых призвал на помощь Вилльнев-Туретт. Но два дня спустя англичане вошли в Тулон, по приглашению адмиралов Трогофа и Шоссгро, которые отдали им нашу лучшую эскадру. Для возвращения Тулона потребовалась долгая осада, продолжавшаяся до конца декабря.

Лион был изолирован. Департаменты Юры и Эн, которые могли бы подать ему помощь, были быстро усмирены членами Конвента Бассалем и Гарнье (из Сента), собравшими небольшую армию в 2 500 человек в Кот д'Оре и Дубе. Но Лион оказал более сильное сопротивление, чем Бордо. Он не испугался бомбардировки, предпринятой Дюбуа-Крансе 22 августа. Пути сообщения с Форе оставались свободными. Обложение города стало полным только 17 сентября, когда Кутон, Менье и Шатоннеф-Рандон привели национальную гвардию из Канталя, Аверона, Пюи-де-Дома и Верхней Луары. Лион сопротивлялся до 9 октября. Преси удалось бежать в Швейцарию с горстью людей. Мщение должно было быть очень жестоким.

Восстание имело угрожающий характер, преимущественно в тех местностях, в которых осталось много роялистов. Между Горой, которая была идентична с респуб-

ликой, и роялизмом — союзником внешних врагов, не было места третьей партии. Если бы восстание роялистов, явившееся выражением злобы потерпевших поражение политиков и классового эгоизма, достигло успеха, оно несомненно повлекло бы за собой монархическую реставрацию.

• Уже вандейское роялистское восстание вынудило Конвент сделать крупный шаг по направлению к террору, т. е. к диктатуре центральной власти и отмене свобод. Жирондистское восстание заставило его сделать новый решительный шаг в том же направлении. До сих пор роялистами были только отдельные подозрительные лица. Теперь же целая значительная фракция бывшей революционной партии записалась в свою очередь в категорию союзников внешнего врага. Подозрения возрастали. Все труднее становилось провести демаркационную линию между добрыми и плохими гражданами. Как различить истинных патриотов, искренних друзей свободы, если все эти Верньо, Бриссо, Бюзо и Петioniны, впервые поколебавшие королевский престол и провозгласившие республику, были только предателями. Невольно приходила мысль, что все, играющие какую-нибудь роль в республике, должны постоянно находиться под надзором, под контролем как бы инквизиции. Клубы должны быть очищенными. Так же должны быть очищены и административные органы, и путем такой чистки круг истинных революционеров суживался с каждым днем. Жирондисты опирались на состоятельные классы, поэтому состоятельные классы сразу сделались подозрительными. Богатство стало признаком аристократических тенденций. Революционная партия сделалась вскоре меньшинством, пылким, ревнивым, энергичным. Ведь только меньшинство и имеет нужду в диктатуре и насилии. Но якобинское меньшинство могло прикрыть свои действия исполинской фигурой отечества, которое оно взялось защищать и спасти.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЕЛИКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(Июль 1793 г.)

Первый Комитет общественного спасения, Комитет Камбона — Барера — Дантона, учрежденный 6 апреля 1793 г., после измены Дюмурье, пал 10 июля под тяжестью совершенных им ошибок. Он унизил республику бесплодными секретными переговорами с союзными державами (миссии Проли, Матьюса, Депорта и т. д.). Он не сумел отразить неприятеля на границах и предупредить угрожающее распространение вандейского и федералистского восстаний. Он терпеливо сносил наглые выходы Кюстина, простил ему его поражения в Эльзасе и назначил его, несмотря на противодействие Бушотта, командующим нашей главной северной армией, которую Кюстин оставил в состоянии полного бездействия. Комитет не сумел или не захотел обуздать бес-

совестное грабительство поставщиков, находивших себе защитников даже среди его членов. Он так и не приступил к серьезному изучению финансовой проблемы и проблемы дороговизны жизни. Единственной более или менее действительной мерой, предпринятой по его инициативе для изъятия бумажных денег из обращения, был декрет 7 июня 1793 г., который предоставлял приобретателям национальных имуществ, погашавшим свой долг до срока, премию в $\frac{1}{2}\%$ на каждый аннуитет. Тот же декрет уполномочивал дистриктовых сборщиков пускать в продажу векселя приобретателей. Оплаченные ассигнациями векселя предполагалось заменить облигациями, приносившими доход в 5%; предъявители этих облигаций могли надеяться получить за них со временем настоящие деньги от приобретателей, аннуитеты которых они купили. Система эта была не лишена остроумия, но она увидела свет слишком поздно, когда доверие к бумажным деньгам и государственному кредиту было уже сильно подорвано. Эта мера содействовала возвращению ассигнаций, но в количестве слишком недостаточном, для того, чтобы хоть сколько-нибудь воздействовать на дороговизну, прогрессировавшую с каждым днем. «Бешеные», выразители народного недовольства, подняли к концу июня сильное волнение по поводу голосования конституции. Жак Ру подал Собранию угрожающую петицию, а на парижских пристанях были разграблены суда, нагруженные мылом. Комитет общественного спасения, по видимому, уже был неспособен поддержать порядок в столице. Темный роялистский заговор, в который в начале июля оказался замешан генерал Артур Диллон, друг и протезе Камилла Демулена, усилил подозрения против Дантона и Делакруа, которые не без основания считались ненадежными.

- Новый Комитет, избранный 10 июля путем именованного вызова, состоял всего из девяти членов: Жанбон Сент-Андре, Барер, Гаспарен, Кутон, Эро, Тюрио, Приер из Марны, Сен-Жюст и Робер Линде. Этим людям было поручено спасти государство путем применения энергичных мер, которых тщетно ожидали от их предшественников. Полные благих намерений, они были тем не менее далеки от того, чтобы выработать общую программу действий. Сент-Андре, Кутон, Эро, Приер из Марны и Сен-Жюст образовали левое крыло Комитета. Они были убеждены, что следует сохранять постоянную связь с объединенными в клубах революционерами, удовлетворять

их требования, кормить и помогать парижским санкюлотам, находившимся в нужде, бороться с предательствами, переизбрать главные штабы и административные органы, словом — искать поддержки в массах, чтобы положить конец анархии, восстановить единство управления и принудить всех к повиновению. Они готовились проводить классовую политку, так как увлеченные жирондистами состоятельные классы отрешились от революции и даже перешли к роялизму. Но другие члены Комитета — Тюрио, Робер Линде и Гаспарен испугались смелости этих мероприятий и боялись ухудшить положение, оттолкнув всю буржуазию, благодаря слишком энергичным репрессиям, в ряды оппозиции, и дезорганизовав армию систематическими преследованиями дворянских генералов, без которых республика, по их мнению, не могла обойтись. Что же касается Барера, то этот плодовитый гений эволюционировал, смотря по обстоятельствам, от одной тенденции к другой.

* Отсутствие согласия между членами Комитета обнаружилось в первые же дни. 11 июля был принят ряд энергичных мер, предложенных левым крылом Комитета. Сент-Андре предложил отозвать командовавшего в Вандее Бирона. Кутон обвинил депутатов Биротто и Шассе, вдохновлявших лионское восстание. Он предложил арестовать всех депутатов Роны и объявить Биротто вне закона. Конвент вотировал соответствующий декрет. На следующий день Комитет приказал Кюстину немедленно вернуться в Париж, чтобы дать отчет о положении своей армии. Но в этот же день Комитет потерпел неудачу в лице Бушотта. Конвент отказался утвердить назначение Дитмана, предложенного Комитетом на место Бирона. Он назначил, по предложению Камбона, Бейссера, которого вскоре же пришлось устранить за соглашение с федералистами. На том же заседании произошло еще более серьезное событие: Тюрио, отделившись от своих товарищей по Комитету, добился отмены вотированного, по инициативе Шабо, декрета, согласно которому управления департаментов должны были представить в Комитеты полученные ими письма от членов правых партий. «Этот декрет, — сказал Тюрио, — может послужить только предметом раздора, между тем как мы должны объединить все умы». В противоположность Кутону, Тюрио, верный выжидательной политике своего друга Дантона, не хотел увеличивать ответственности, которой подвергались жирондистские депутаты.

Первые шаги великого Комитета не могли дать никакого представления о том, чем он сделался впоследствии. Но роковая необходимость толкала его вперед. «Революционером нельзя родиться, им можно только сделаться», — говорил Лазарь Карно. И в самом деле, диктатура была навязана этим людям. Они ее не желали и не предвидели. Террор был «вынужденной диктатурой», сказал Ипполит Карно, и в этих словах заключается глубокая истина.

13 июля Эро де Сешелль объявил от имени Комитета плохие новости. Конде, лишенный съестных и боевых припасов, был вынужден к сдаче. Та же участь ожидала и Валансьен. К концу заседания было получено известие об убийстве Марата Шарлоттой Корде.

Внучка великого Корнеля была роялисткой в глубине души. Она читала «Друга короля» и «Маленького Готье», но не отличалась ортодоксальностью своих убеждений. Она не посещала церковной службы и отказалась принять священника в последние минуты своей жизни. Жирондистское восстание представлялось ей средством к восстановлению королевской власти. Римлянка по духу, она возмущалась, когда канцы, во время смотра национальной гвардии, отказались записаться в армию Вимпфена, и решила дать этим трусам урок, посвятив себя уничтожению якобинца, которого считали главным врагом собственности и которого жирондисты в течение нескольких месяцев выставляли кроваваждным анархистом: «Я убила одного человека, — сказала она судьям, — чтобы спасти сто тысяч».

Шарлотта Корде была твердо убеждена, что поразила насмерть анархию, т. е. партию монтаньяров. На самом же деле она только вдохнула в нее новые силы.

В тот же вечер Шабо представил Конвенту убийство «друга народа» как результат роялистского и жирондистского заговора, который должен был разразиться на следующий день, в годовщину 14 июля. Он добился постановления об аресте Делере, которого Шарлотта посетила перед самым убийством. Кутон заявил, что роялисты и жирондисты намеревались разогнать Конвент, освободить молодого дофина и провозгласить его королем. Он потребовал ареста кальвадосских депутатов и предания суду революционного трибунала уже арестованных жирондистских депутатов в отплату за смерть Марата. Но и на этот раз Комитет обнаружил свое разномыслие, Тюрио, защищавший накануне скомпрометированных перепиской депутатов, воспротивился аресту кальвадосских депутатов; Делакруа поддержал его. Конвент вотировал арест одного лишь Фоше, но уже вскоре был увлечен по пути дальнейших репрессий.

Марат был очень популярен среди простого народа, трагизмом которого он склонялся с суровой, но истинней нежностью. Его насильственная смерть вызвала боковое возмущение. Якобинцы, в лице Бантаболя, требовали почестей Пантеона для этого мученика своим: Робеспьеру стоило большого труда отклонить это предложение под тем предлогом, что сначала следует мстить врагам революции. Конвент в полном составе присутствовал на похоронах Марата 16 июля. «Друг ода» был погребен в Тюильрийском саду, в искусственном гроте, декорированном тополями. Его сердце было подвешено к сводам Кордельерского клуба. В течение нескольких недель парижские секции и большая часть провинциальных городов устраивали в его честь торжественные торжества, заканчивавшиеся призывами к ти. Его бюст был присоединен к бюстам Ле Пеллетье Шалье на стенах клубов и республиканских собраний. Кровь требует крови. Казнь Шалье и убийство Марата, разыгравшиеся на протяжении трех дней, доставили грозный аргумент тем, кто уже требовал применения репрессивных мер для обуздания контрреволюции, изнывающей от внешнего врага! Надо было отомстить за понесенные жертвы, обеспечить жизнь патриотических вождей от покушений аристократов, покончить с нерешительностью и снисходительностью к побежденным врагам. Народные вожди Леклер, Жак Ру, Варле оспаривали друг у друга наследство Марата, который при жизни объявлял их в контрреволюционных преувеличениях. Жак поспешил выпустить 16 июля продолжение газеты Марата под дерзким заглавием: «Публицист французской республики, издаваемый тенью Марата, друга народа». Молодой Леклер решил не уступать ему, 20 июля начал издавать газету под названием первой газеты Марата «Друг народа».

«Бешеные», не располагавшие до этого времени печатными органами, приобрели теперь сразу два. Леклер следовал купеческую аристократию. Дороговизна съестных продуктов была, по его мнению, результатом воровства богачей. Он обвинял «общественных грабителей», пользующихся под защитой закона плодами своих воровств, и удивлялся, что «добрый и терпеливый народ не обрушился на эту кучку убийц» (23 июля). Он требовал смертной казни скупщикам съестных продуктов. Жак Ру вскоре стал подражать его примеру, но, — что еще важнее, — Гебер, чтобы поддержать популярность

своей газеты «Отец Дюшен», которой угрожала опасная конкуренция, стал в свою очередь оспаривать титул наследника «Друга народа», которым завладели его соперники. «Если нужен преемник Марату, — воскликнул он в Якобинском клубе 20 июля, — если нужна еще одна жертва, то она уже готова и безропотно покорится своей участи: эта жертва — я». Не отказываясь от своей личной ненависти к вождям «бешеных», он постепенно присоединился к их программе. В № 267 своей газеты, он потребовал, чтобы все подозрительные лица были заключены по церквам, чтобы республика для обеспечения городов хлебом, завладела урожаем, вознаградив земледельцев, чтобы хлеб, вино и все съестные продукты были разделены между департаментами соразмерно с количеством населения.

Эти зажигательные речи, которые могли вызвать восстание парижских секций, упали на подходящую почву. Голод к концу июля ощущался особенно остро. Восставшие бретонские и нормандские департаменты прекратили снабжение столицы. У дверей булочных, с самого рассвета, образовывались хвосты. На рынках происходили беспорядки. Положение было настолько серьезно, что Комитеты общественного спасения и общественной безопасности соединились в ночь с 20 на 21 июля, чтобы принять чрезвычайные меры.

Комитету общественного спасения угрожала опасность остаться за флагом. Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа в спешном порядке провели знаменитый декрет 27 июля для обуздания скупщиков.

Понятие «скупа» определялось как изъятие торговцами из обращения товаров и съестных продуктов первой необходимости с тем, чтобы «не выпускать их в ежедневную, публичную продажу», и как «добрвольная, активная или пассивная порча частными лицами товаров и съестных продуктов первой необходимости». Владельцы таких товаров и продуктов должны были в течение 8 дней представить соответствующие декларации в мэрию. Муниципалитеты были уполномочены назначать комиссаров по делам скупщиков, имевших право производить продажи и конфискации. Этим комиссарам вменялось в обязанность проверять декларации и следить, чтобы купцы продавали съестные продукты «небольшими количествами и всем приходящим». В случае отказа они должны были приступать к продаже сами, предоставив прибыль от этой продажи торговцам. Коммерсанты, не представившие декларации или представившие неверные сведения, а также чиновники, уклонившиеся от выполнения закона, подлежали смертной казни. Доносчикам предоставлялась в вознаграждение третья часть конфискованных товаров. Приговоры уголовных трибуналов, касающиеся преступлений, предусмотренных законом 27 июля, не подлежали обжалованию.

С этого времени все продукты первой необходимости находились под контролем властей. Торговой тайны более не существовало. Погреба, амбары, житницы посещались комиссарами по делам скупщиков, которые имели право просматривать фактуры. Таким образом был сделан крупный шаг по направлению к системе «бешеных».

То, что такой важный закон был предложен, рассмотрен и вотирован без содействия Комитета общественного спасения, которому даже не пришлось формулировать свое мнение, показывает с полной очевидностью, что Комитет еще не успел утвердить свою власть над Собранием.

Комитет натолкнулся на глухую парламентскую оппозицию. 19 апреля он отозвал многих нерадивых и вызывавших подозрение депутатов: Куртуа, заподозренного в спекуляции на поставках для армий, Лесажа-Сеноля и Дюгема, у которых возник конфликт с лильским клубом, Гупилло из Фонтенэ, враждебно относившегося к генералам санкюлотам, отправленным в вандейскую армию. На следующий день Рюль, умеренный и друг Дантона, обвинил комиссаров Исполнительного совета, которые, по его словам, затрудняли работу командированных депутатов, обходились республике очень дорого и не приносили ни малейшей пользы. Другой дантонист Бодо поддерживал предложение Рюля, имевшее характер выражения против постановления Комитета общественного спасения об отозвании депутатов. Билло Варенн отстоял комиссаров Бушотта, и предложение было отослано в Комитет. Но Рюль не считал себя удовлетворенным. Он потребовал, чтобы Комитет сообщал Конвенту списки своих заграничных агентов с подробными сведениями о каждом из них. Это предложение было вотировано оговоркой Тайлефера и Камбона, потребовавших, чтобы Комитет в течение 24 часов доставил сведения о комиссарах Исполнительного совета.

Узнав, что Кюстин, оставленный после своего возвращения в Париж на свободе, явился объектом сочувственных манифестаций, организованных завсегдаями Палерояльских кабачков, Комитет приказал арестовать его в ночь с 21 на 22 июля; кроме того, в тот же день он отрешил от должности его старшего офицера Ламорлиера, временно командовавшего северной армией. Обе эти меры послужили предметом новых дебатов в Конвенте. Дантон на этот раз выступил лично. Он сделал вид, что аплодирует аресту Кюстина, но добавил: «Я требую, чтобы военный министр и Комитет общественного спасения

дали отчет в том, что лежит на ответственности этого генерала, и чтобы Конвент высказал по этому поводу свое мнение». Девар хотел, чтобы Комитет сделал доклад на том же заседании, но Друе настоял, чтобы срок фиксирован не был.

Отрешение от должности Ламорлиера и арест Кюстина вызвали в самом Комитете горячий протест Гаспарена, который один из всех девяти членов Комитета был военным и ведал на этом основании управлением армиями. Гаспарен не явился на заседание Комитета 23 июля и на следующий день подал в отставку под предлогом слабости здоровья. Несколько дней спустя, а именно 27 июля Кюстин обратился к Конвенту с требованием сообщить ему причины его ареста, и Тюрю, единомышленник Гаспарена, предложил отправить его письмом уже не в Комитет общественного спасения, но в Военный комитет. Потребовалось вмешательство Робеспьера, чтобы отстоять права Комитета общественного спасения.

Разъединенный, ослабленный отставкой Гаспарена и открытым сопротивлением Тюрю, Комитет общественного спасения пал бы в самом непродолжительном времени, если бы на помощь ему не явилось могущественное подкрепление.

24 июля он подвергся новому нападению. Республиканские войска, оперировавшие против вандейцев, потерпели 18 июля поражение у Виера и были отодвинуты на северный берег Луары. Один из членов прежнего Комитета Бреар, используя эту неудачу, потребовал, чтобы Комитет сделал на следующий день доклад о положении дел в Вандее и о поведении Бушотта и его комиссаров, которые всюду вносили дезорганизацию. Сержан добавил, что Комитет должен также дать отчет в отрешении от должности Бирона и назначении Россиньоля, «человека, по общему мнению, недобросовестного и лишенного всяких способностей». Конвент вотировал оба предложения. Затем было прочтено письмо, полученное от находившихся при северной армии депутатов Дюгема и Лесажа-Сеноля, которые только что отрешили от должности и арестовали республиканского генерала Лавалетта и его адъютанта Дюфресса — главных виновников отставки Ламорлиера. Депутаты, которых Конвент уже отозвал, отомстили этой решительной мерой за Ламорлиера.

Но на этот раз у Комитета нашелся защитник: Робеспьер напомнил, что Лавалетт в момент измены Дюмурье

помешал Мячинскому отдать австрийцам Лилль. Его противник Ламорлиер считался у северных республиканцев изменником. Он не повиновался приказам Бушотта и хотел вывезти из Лилля пушки. Робеспьер потребовал освобождения Лавалетта и Дюфресса и немедленного возвращения в Конвент депутатов, которые подвергли их аресту. Возражений не было, и дело отослали в Комитет.

Борьба продолжалась еще два дня. 25 июля Камбон потребовал, чтобы Барер дал исчерпывающие объяснения по поводу положения в Вандее, ничего не утаивая. Дартигойт предъявил обвинение Бушотту, которого Барер не посмел защищать. Было решено избрать на следующий день заместителя Бушотту. Затем Собрание выбрало своим председателем Дантона и назначило Дартигойта секретарем.

Но Робеспьер еще раз заставил отступить своего противника. Уже накануне он разоблачил в Якобинском клубе интригу, направленную против Лавалетта и Бушотта, и восхваляя Комитет общественного спасения, который не следовало водить на помочах, так как «надо полагать, что он состоит из умных и опытных в политике людей и заслуживает безусловно большого доверия».

На следующий день клубы, действуя несомненно под влиянием Робеспьера, явились к решетке Собрания. Кордельеры потребовали, чтобы Бушотт был оставлен на своем посту, «так как ему одному удалось санкюлотизировать армию. Он только что разрушил ужасный план контрреволюции, составленный вероломным Кюстином. Его честность и патриотизм находятся вне всякого сомнения». Революционеры 10 августа повторили похвалы Бушотту и упрекали Гору в том, что «она хранит ледяное молчание во время сильнейшей бури, которая треплет республику». Робеспьер выступил в свою очередь. Те, кто требовали замены Бушотта, были «обмануты людьми, желавшими видеть в военном министерстве нового Бернонвилля, который поспешил бы найти новых Дюмурье». Робеспьер намекал на Дантона, содействовавшего назначению Бернонвилля на место Паша. Дантон промолчал; все остальные тоже. Конвент без прений отменил свой вчерашний декрет относительно избрания премьера Бушотту. Партия была выиграна. Барер не пытался протестовать, представляя свой доклад о Вандее. Оппозиция улетучилась.

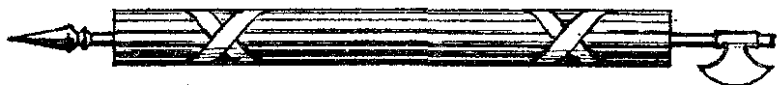
В тот же вечер Комитет общественного спасения при-

гласил Робеспьера принять участие в его работах. Если верить Бареру, инициатива этого приглашения исходила от Кутона. Через несколько дней Робеспьер заявил, что принял это приглашение «против своей воли».

Вступление Робеспьера в Комитет открывает новую эру. Он принес Комитету не только свои редкие личные качества, свое хладнокровие и мужество, острую проницательность, грозное красноречие, замечательные организаторские способности и совершенное бескорыстие, но и многое другое, еще более ценное. Со времени Учредительного собрания Робеспьер пользовался исключительной популярностью и неограниченным доверием среди ремесленников и бедного люда. Он был бесспорным вождем санкюлотов, в особенности после смерти Марата. Он вошел в Комитет не один: за ним было большинство воинствующих, все, кто составлял способное к сопротивлению ядро клубов, все, кто бесповоротно связал свою судьбу с революцией, все, у кого не оставалось иной альтернативы, кроме победы или смерти.

Сохранение министерского портфеля за Бушоттом означало дальнейшую республиканизацию главных штабов. Вступление его покровителя Робеспьера в правительство означало, что во всех частях гражданской и военной администрации санкюлоты получают преобладание, а их противники будут вынуждены к молчанию; что правители республики уже не посмеют хитрить с народом; что они будут прислушиваться к его жалобам, обратят внимание на его нужду, приобщат его к своему усилию спасти отечество.

Такова была одновременно национальная и демократическая политика, которую готовился проводить Робеспьер. В виде пробного камня ему пришлось начать борьбу в самом Париже с представителями крайней левой, смешанными с представителями крайней правой, и дать им генеральное сражение в обстановке усилившегося голода, между тем как со всех границ приходили дурные известия. То, что он не отчаялся и принял власть в такой момент, не ослабевая понес на себе это непосильное бремя и сумел вывести республику из бездны, — должно было покрыть его неувядаемой славой.

**КРИЗИС
В
АВГУСТЕ
1793 г.**

обеспьер вступил в Комитет общественного спасения 27 июля 1793 г., в момент исключительно тяжелый для республики. Положение республики казалось отчаянным. На северо-восточных границах ее армии всюду отступали; 28 июля было получено известие о капитуляции Майнца; рейнская и мозельская армии отступили на Лотер и на Саар. Через день пришла весть о капитуляции Валансьена. Если бы лагерь Сезара уступил давлению неприятеля, Уазская дорога, дорога на Париж была бы открыта сильнейшей неприятельской армии. Г. Альпах Келлерман, силы которого значительно уменьшились, так как ему пришлось отрядить несколько корпусов против федералистов Роны и юга, с большим трудом защищал Мориенские и Торентезские проходы. На Пире-

неях наступали испанцы. Депутаты Экспер и Прожан доносили 28 июля из Перпиньяна, что жители Вилльфранш-де-Конфлан обратились с призывом к неприятелю. Вандейские мятежники овладели 27 июля Пон де Се и угрожали Анжеру.

Замаскированные роялисты осмелели даже в оставшихся верными республике городах. Все, кто был утомлен войной, жаждали в глубине души победы неприятеля и восстановления монархии, чтобы положить конец затянувшейся войне. Депутаты Дельбре, Летурнер и Левассер писали 26 июля из Камбре, который, в свою очередь, находился под угрозой: «Деревенское население этого края отличается таким корыстолюбием, что неприятель всегда и в значительной степени осведомлен о том, что происходит в наших армиях. Целые селения держат сторону неприятеля». Депутат Бассаль доносил 13 июля из Безансона, что полученные из Майнца новости возбудили смелость роялистов, и выражал опасение, что не сумеет обуздать фанатиков. И действительно, через некоторое время в Дубских горах вспыхнуло клерикальное восстание.

«Армии переживали тяжелый моральный кризис. В северной армии солдаты роптали по поводу отставки Кюстина. Дворянские генералы и офицеры, не эмигрировавшие за границу, находясь под постоянным подозрением, были связаны по рукам и ногам. Заменить их было чрезвычайно трудно. Командование переходило из рук в руки. Солдаты не имели доверия к новопеченым начальникам, которых еще не знали. Начальники сами сомневались в своих способностях. Находясь под строгим надзором, они боялись проявить инициативу и старались только как-нибудь спрятаться. Лучшие из них были глубоко подавлены. В рейнской армии генерал Богарне и Спарр подали 2 августа в отставку. Они заявили о своей преданности республике, но добавили, что, по их мнению, «в этот период революции, когда измены с каждым днем множатся, а бывшие люди почти всегда являются вождями заговоров, направленных против свободы, истинный долг каждого из тех, кто заклеймен пороком своего происхождения, но в то же время хранит в своем сердце печать свободы и равенства, заключается в том, чтобы самому осудить себя на изгнание».

Беспорядок достигал своего кульминационного пункта в вандейской армии, особенно в парижских батальонах, сформированных из «героев пятисот ливров». Коман-

довавшие ими новоиспеченные начальники думали больше о кутежах, чем о битвах. Депутаты, уполномоченные надзирать за этими начальниками, плохо координировали свои действия. Один из них, как, например, Гупилло из Фонтенэ и Бурдон из департамента Уазы, поддерживали старых офицеров, другие, как Шудье и Ришар, доверяли только новым начальникам-санкюлотам. Все слагали с себя ответственность за неудачи. В результате получился полный хаос.

Положение в целом было несравненно более критическое, чем в предшествующем году, после взятия Вердена, так как городские ремесленники, которые были до сих пор лучшей поддержкой революции, начали проявлять признаки усталости и раздражения. К концу июля повсюду в городах отмечают серьезные смуты на почве голода: в Руане, в котором Энюлавалле и Лекуантр опасались восстания, в Амьене, в котором были установлены произвольные твердые цены на продовольствие, и в который пришлось послать Шабо и Андре Дюмона для восстановления порядка, в Аттиши, в департаменте Эн, и в окрестностях Санлиса, в которых сформировались небольшие отряды, внушавшие сильные опасения Колло д'Эрбуа и Изоре и т. п. Несколько раз в периоды высыхания рек приходилось прибегать к ручным мельницам, чтобы спасти Париж от голодной смерти.

«Бешеные», чувствуя, что пришел их час, разжигали всеобщее недовольство.

29 июля Жак Ру потребовал набора значительных военных сил для разрешения продовольственной проблемы; 6 августа — гильотины для депутатов трех Собраний, получивших золото тиранов; 8 августа — ареста всех банкиров, которые, по самому своему положению, — говорил он, — были слугами короля, скупщиками звонкой монеты и виновниками голода. Они добивались также «реквизиции имущества у всех недостойных граждан, наживших за четыре года революции несметные состояния, этих эгоистов, обогатившихся за счет общественных бедствий, этих депутатов, которые прежде, до своего неожиданного возвеличения в звание законодателей, не имели часто ни гроша в кармане, теперь же являются крупными собственниками, этих депутатов, которые раньше были мясниками в зловонных улицах, а теперь занимают отделанные панелью апартаменты (намек на Лежандра), этих депутатов, которые прежде чем объехать Савойю и Бельгию, обедали в маленьких трактирах, — теперь же имеют открытый стол, посещают спектакли, содержат кокоток и имеют панегиристов на жалованьи» (намек на Дантона, Делакруа, Симона). Жак Ру надеялся, что федерация 10 августа окажется могилой для скупщиков и взяточников.

Теофиль Леклерк, со своей стороны, потребовал 27 июля ареста всех подозрительных лиц, «чтобы празднество 10 августа могло быть отпраздновано с подобающей торжественностью». Тем, кто его обвинял в кровожадности, он ответил 31 июля вызывающими словами: «Меня

называют кровожадным человеком, — сказал он, — потому что я объявил во всеуслышание, что каждый истинный революционер должен в случае надобности хладнокровно принести сто тысяч извергов в жертву революции. Пусть будет так! Французы, узнайте всю глубину моей души. Я вам предсказываю: вас доведут до того, что вам уже не придется выбирать между своей смертью и смертью своих врагов... Я утверждаю, что одно лишь сохранение дворян во главе наших армий погубило 150 000 наших борцов». Он повторял свои призывы к насилию в следующих номерах газеты и в заключение 6 августа стал обвинять Конвент: «Народ, не приходишь ли тебе жаловаться на своих законодателей? Ты потребовал у них введения твердых цен на все съестные продукты первой необходимости, но тебе в этом требовании отказали; ты потребовал ареста всех подозрительных лиц, но и это требование не было удовлетворено; ты требовал увольнения дворян и священников со всех гражданских и военных должностей, но голос твой не был услышан. А между тем отечество может ждать своего спасения лишь от революционного потрясения, которое сообщит электрический толчок всем его многочисленным обитателям».

В предшествующем году, после взятия Вердена, парижские революционеры для устрашения союзников неприятеля произвели массовое избиение заключенных в тюрьмах подозрительных лиц. Теперь распространялись настойчивые слухи о предстоящих новых убийствах. Вывешенные на стенах афиши приветствовали новую резню, и 24 июля *Journal de la Montagne* («Газета Горы») с годовым ванием обрушилась на авторов этих афиш.

, Параллельно «бешеным» бывшие жирондисты, оставшиеся в Париже, и тайные роялисты тоже пытались использовать голод, чтобы возбудить население сначала против Коммуны, а затем и против Конвента.

Друг Ролана, архитектор Александр-Пьер Кошуа, опираясь на секцию Борепер, одну из наиболее умеренных секций Парижа, собрал 31 июля в Епископстве делегатов 39 секций из 48, чтобы потребовать реестры сделок, заключенных Коммуной с поставщиками, и открытия муниципальных складов зерна и муки. На следующий день Кошуа, назначенный секретарем, явился с 24 комиссарами Епископства в директорию департамента, Коммуну, бизнес угрожающую речь, объявил себя выразителем народной воли и потребовал немедленного отчета. Будучи выведен из Коммуны, он покрыл стены угрожающими афишами и в течение нескольких недель продолжал собирать своих сторонников в Епископстве. Заключенный в тюрьму аббатства жирондистский депутат Карра следил с большим интересом и симпатией за борьбой Кошуа и секций против Коммуны, получая некоторое удовлетворение.

Чтобы понять всю серьезность создавшегося положения, следует помнить, что в этот момент Комитет общественного спасения далеко не мог рассчитывать на обеспеченное большинство в Конвенте, и что его полномочия были ограничены. Он еще не контролировал в то время другие Комитеты Собрания, которые в принципе были ему

равны. Ему принадлежало только право надзора за министрами и осуществления временных мер. Право отдавать приказы об аресте он получил только 28 июля. До тех пор ему приходилось обращаться по поводу каждого обыска в Комитет общественной безопасности, в значительной своей части состоявший из друзей Дантона и поэтому далеко не склонный поощрять его начинания.

• Кроме того, Комитет общественного спасения не располагал никакой вооруженной силой, которая находилась бы в его личном распоряжении и могла бы защитить его от внезапного нападения извне. Линейные полки и батальоны волонтеров находились на границах, в Париже оставалась только национальная гвардия, которая была в непосредственном распоряжении Коммуны. Если бы Коммуна, единственная реальная власть того времени, отказалась поддержать правительство, ему пришлось бы капитулировать при самом незначительном мятеже. Но и самой Коммуне приходилось считаться с секциями, многие из которых находились под влиянием скрытых жюрондистов, а также и «бешеных». Национальные гвардейцы были ненадежны. Они проявили излишнюю мягкость при подавлении «мыльного» мятежа. Они страдали от голода так же, как и недовольные. Сила Комитета была исключительно моральная, основанная на поддержке общественного мнения, сила весьма эфемерная, когда она распределена между несколькими лицами. Тревожное внимание, с которым Коммуна и Комитет следили за малейшими проявлениями общественных настроений, посредством целой армии «наблюдателей», свидетельствует о том, что их постоянно преследовали опасения внезапного нападения.

• К счастью, Комитет приобрел в лице Робеспьера солидную моральную поддержку и неиссякаемый источник красноречия. Робеспьер был живой связью между Коммуной и Конвентом, между Конвентом и клубами, между Парижем и Францией. Потребовался весь его громадный престиж, чтобы ослабить столкновение между различными элементами революционной партии и добиться примирительных решений. В августе 1793 г. Робеспьер проявил исключительную энергию.

Прежде всего он оказал революции значительную услугу, освободив ее от демагогии «бешеных». Но он боролся с ними не из страха перед их социальной политикой. Он резюмировал свою собственную политику следующими словами, записанными в его памятной книж-

ке: продовольствие и народные законы. Но «бешеные» являлись сеятелями подозрений, зачинщиками насилий и анархии. Они вошли в союз с сомнительными элементами, подобными тем, которых вербовал сторонник Ролана Кошуа.¹

Робеспьер начал эту борьбу 5 августа у якобинцев, в своем ответе Венсану, атаковавшему весь Конвент, в особенности же Дантона и Делакруа. Венсан требовал, чтобы якобинцам было предложено составить списки патриотов для всех вакантных должностей. Сделавшись, таким образом, распорядителями назначений, они стали бы хозяевами правительства. Робеспьер пришел в негодование. Он жаловался, что «новые люди, патриоты сегодняшнего дня, хотят очернить в глазах народа его старых друзей». Он защищал Дантона, которого, по его словам, оклеветали, «Дантона, которого может дискредитировать только тот, кто докажет, что у него больше энергии, талантов и любви к отечеству». Затем, не уделяя внимания Венсану, он обрушился на тех, кого считал его вдохновителями, на Леклерка и Жака Ру, «двух людей, работающих на жалованьи у врагов народа, двух людей, которых разоблачил уже Марат», и которые призывают теперь имя Марата, чтобы успешнее дискредитировать истинных патриотов.

Он возобновил попытку 7 августа, предостерегая якобинцев против слишком крутых мер, способных погубить республику. Он объявил о заговоре, составленном «бешеными» с целью возобновить сентябрьские ужасы. Он горячо восхвалял Паша, Анрио и Коммуну, атакованных Кошуа и вождями секций. Его речь произвела такое впечатление, что якобинцы в тот же день избрали его своим председателем. На следующий день он послал к решетке Конвента вдову Марата Симону Эврар, которая изобличила «всех лицемерных сочинителей пасквилей, бесчестивших имя ее мужа», проповедуя от его имени всякие сумасбродные идеи. «Они стараются увековечить после его смерти убийственную клевету, выставляющую его безумным апостолом беспорядка и анархии». Робеспьер добился того, чтобы петиция Симоны Эврар была помещена в «Бюллетене», а Комитету общественной безопасности было поручено расследовать поведение Жака Ру и Леклерка.

Торжество 10 августа могло быть отпраздновано беспрепятственно и без пролития крови только благодаря Робеспьеру.

В отношении представителей секций, собравшихся в Епископстве, Комитет общественного спасения искусно маневрировал. Он принял их депутацию в ночь с 1 на 2 августа, дал множество обещаний, но вместе с тем дал им понять, что ввиду приближающегося праздника 10 августа было бы лучше отложить ревизию муниципальных складов, которой они требовали, на 12 или 15 августа. Представители секций пошли на эту уловку, и когда 10 августа миновало, Коммуна, уверенная в поддержке Комитета, отказалась открыть склады. Она согласилась только на переизбрание своей администрации по продовольствию. Паш обвинил Кошуа в том, что он требует отчета с тайным намерением открыть истинное положение дел хищным спекулянтам, «которые воспользуются этими сведениями, чтобы поднять цены, и контрреволюционерам, которые используют их, чтобы задержать местное зерно и помешать привозу зерна в Париж». Отвергнутый гравильерами Жак Ру был арестован и содержался под стражей в арестантской Городской думы с 22 по 27 августа. Вместе с тем 25 августа Конвент распустил, по предложению Тальена, собрание представителей секций, заседавшее в Епископстве в течение трех недель. Собрание разошлось без сопротивления.

Такого результата не удалось бы достигнуть, если бы Комитет общественного спасения не принял решительных мер к снабжению Парижа продовольствием. Он выдал в распоряжение Комитета значительные денежные суммы: 540 тыс. франков 24 июля для закупки мяса и риса; 2 миллиона — 7 августа для закупки зерна и муки; 3 миллиона — 14 августа и т. д. Но одних денег оказалось недостаточно. Пришлось преодолеть сопротивление земледельцев. Комитет делегировал в соседние департаменты энергичных членов Конвента, назначивших обследование запасов, как в момент взятия Вердена, заставивших обмолотить хлеб в снопах, мобилизуя для этой цели рабочих и т. д. Бонваль и Ру в департаменте Эры и Луары писали 26 июля Конвенту, что каждый кантон отправит в Париж к 10 августа мешок муки, и этому примеру последовали многие федераты, которые прибыли в Париж в сопровождении нагруженных продовольствием возов. Таким путем столица получила продовольствие, и «бешеные» утратили свой главный аргумент против Коммуны и Конвента.

Уже 9 августа Барер провел знаменитый декрет, организовавший в каждом дистрикте житницу хлебных

излишков, которые должны были состояться из контрибуций натурой, наложенных на владельцев хлеба, и путем кредита в 100 миллионов, открытого Конвентом для закупки зерновых хлебов. Булочники были отданы под строгий надзор коммун, которые имели право реквизировать их хлебные печи. Те из них, которые прекратили бы свою работу, лишались гражданских прав и подлежали наказанию до одного года принудительных работ. Правда, эти житницы хлебных излишков остались только на бумаге. Где можно было найти зерно для их пополнения, когда все население едва перебивалось со дня на день? Но этот декрет, как и многие другие, имел своей целью успокоить боязливых и дать голодным хотя бы луч надежды.

Конституция была торжественно провозглашена 10 августа перед делегатами первичных собраний. Если бы ее немедленно ввели в действие и приступили к новым выборам, не подавив предварительно внутренних мятежей и не победив внешнего врага, какой это был бы прыжок в неизвестность! Комитет не составлял себе иллюзий относительно действительных сил партии монтаньяров. Он знал, что многие выборщики голосовали за конституцию с задней мыслью выпроводить монтаньяров, как только она вступит в силу.

26 июля Дебуа-Крансе и Готье советовали Комитету из Гренобля лишить на десять лет права на избрание «всех тех, кто находится в Конвенте или секциях, или занимая должности в административных и судебных учреждениях», принимал участие в восстании федералистов. «Если вы не примете этого решения теперь же, прежде чем разойтись, вы увидите, что все эти вероломные люди, которые затаили сейчас злобу, начнут проводить в первом же законодательном собрании, под предлогом охраны порядка, самые губительные для свободы меры и фабриковать кровожадные и мстительные законы против всех, кто осуществил и защищал революцию». Комитет разделял мнение этих депутатов, но пошел дальше, чем они предлагали. Он решил вообще не устраивать выборов. Быть может, он не хотел декретом о лишении прав на избрание нарушить провозглашенные им в конституции принципы и дать таким путем жирондистам прекрасный предлог обвинить его в двоедушии. Когда Шабо 11 августа формально предложил лишить права на избрание всех тех, кто без уважительных причин отсутствовал на первичных собраниях, и всех, кто не подал голоса за конституцию, это предложение было передано Комитету, и Комитет его провалил.

Лантена, бывший друг Ролана, присоединившийся к Горе, предложил сделать из федерации 10 августа «братский юбилей, торжество общего примирения всех республиканцев», другими словами, — протянуть руку федералистам и даровать им всеобщую амнистию. Эта идея была принята благосклонно, по словам депутата Блад. Но

Гебер и Робеспьер пошли напролом. Гебер заявил, что амнистия, которой требуют «усыпители», могла бы повлечь за собой восстановление королевской власти.

Комитет присоединился к мнению Робеспьера и Кутона, отвергавших всякие мировые сделки, пока не будет уничтожен федерализм. 2 августа Кутон, при поддержке Робеспьера, возбудил обвинение против жирондиста Карра в том, что он предлагал когда-то восстановить королевский престол в пользу герцога Йоркского.

Комитету приходилось опасаться, что сторонники амнистии и введения в действие конституции сумеют привлечь на свою сторону федератов, собравшихся со всех концов Франции к торжеству 10 августа. Он не колебался принять решительные меры. Он разместил по дорогам секретных агентов, обыскивавших федератов, вскрывавших их письма и задерживавших тех из них, которые казались им подозрительными. Когда депутат Тибо заявил 5 августа протест против таких приемов запугивания, Кутон обвинил его в участии в заговоре федералистов, а Робеспьер заставил его замолчать. Комитет выдал 300 тыс. ливров в распоряжение Анрио для организации тайного надзора над федератами и 50 тыс. ливров в распоряжение Паша, чтобы вознаградить малоимущих членов комитетов надзора по секциям (7 августа).

Эти предосторожности увенчались успехом. Распропагандированные якобинцами, отдавшими в их распоряжение зал своего клуба, очарованные любезным приемом монтаньяров секций и Коммуны, — федераты отказались от своих предубеждений против Парижа. Они не только не создали затруднений Комитету общественного спасения, но в нескольких памятных случаях оказали ему самую существенную поддержку, а по возвращении в свои провинции стали миссионерами монтаньярского евангелия. Они казались такими надежными союзниками, что особым формальным декретом были приобщены к правительственной работе.

6 августа их представитель Клод Руайе, кюре из Шалона-на-Соне, энергично высказался против введения в действие конституции. «Это желание фейянов, умеренных, федералистов, аристократов и контрреволюционеров всякого рода!» Умеренные не осмелились просить амнистии, но рискнули потребовать введения в действие конституции, рассчитывая, несомненно, на поддержку гебертистов. Идея приступить к новым выборам была по душе гебертистам: они надеялись заполучить законода-

тельные мандаты и заместить стоявших во главе правительства людей, которые, по их словам, уже отслужили свое время, и от контроля которых они хотели избавиться. Они, конечно, хотели бы, чтобы федералисты были лишены перед выборами права на избрание.

11 августа Делакруа, чтобы пристыдить, по его словам, тех, кто обвинял Конвент в желании продлить свое существование, предложил приготовить созыв нового Собрания, немедленно приступив к переписи участвующего в выборах населения и к разделению страны на выборные округа. Это неожиданное предложение, сделанное в значительно опустевшем зале собрания, в отсутствии членов Комитета, было принято без прений. Но в тот же вечер в Якобинском клубе Робеспьер подал апелляцию на это неожиданное постановление. При этом он проявил редкую для него горячность: «Призванный против моего желания в Комитет общественного спасения, я увидел там такие вещи, о которых никогда не осмелился бы подозревать. Я увидел, с одной стороны, патриотов, направляющих все свои усилия, порою безрезультатно, к спасению страны, с другой стороны, предателей, составляющих заговоры даже в самом Комитете, с тем большей смелостью, что они могли это делать вполне безнаказанно¹... Я слышал, я читал предложение, сделанное сегодня утром в Конвенте, и, признаюсь, мне до сих пор трудно в него поверить. Я не останусь прозябать бесполезным членом Комитета или Собрания, которое должно вскоре исчезнуть. Я сумеем пожертвовать собою для блага отечества... Я заявляю, что никто не сможет спасти республику, если будет принято сделанное сегодня утром предложение о роспуске Конвента и замене его Законодательным собранием. («Нет! Нет!» — воскликнуло все собрание). Предложение, которое я оспариваю, направлено только к тому, чтобы заместить членов нашего очищенного Конвента агентами Питта и герцога Кобургского».

Негодование Робеспьера можно объяснить только тем, что некоторые его товарищи по Комитету разделяли мнение Делакруа и соглашались на переизбрание Конвента. Но поведение федератов и якобинцев, предлагавших Собранию остаться на своем посту, расстроило маневр умеренных. Декрет, изданный по предложению Делакруа, остался мертвой буквой. Тщетно Госсюэн и Делакруа снова предприняли 12 августа атаку против Бушотта, тщетно требовали они замещения отсутствующих членов Комитета, Приера из Марны и Сент-Андре, находившихся в то время в командировке при армиях, —

¹ Чтобы понять намеки Робеспьера, надо вспомнить, что Конвент поручил накануне Комитету проверить донос, сделанный Монто на Ревбелля и Мерлена из Тионвилля, которых он обвинял в сдаче неприятелю Майнца. Робеспьер и Кутон были убеждены в виновности обоих депутатов. Они обратились в Комитет с требованием, чтобы он сделал соответствующий доклад, но ничего не добились. Тюрио, защищавший Ревбелля и Мерлена с трибуны, протезировал им и в Комитете.

оддержка федератов сломила сопротивление оппозиции. На следующий день полномочия Комитета были проплены.

По требованию федератов, наконец, была проведена великая мера поголовной мобилизации. Идея этой мобилизации была высказана 28 июля Себастьяном Лакруа, агитатором, оперировавшим в секции Единства: «Пусть в час, когда загудел набат во дворце тирана и трон его разбился вдребезги, пусть в этот час снова зазвучит набат, и барабан поднимет тревогу по всей республике. Пусть все друзья отечества вооружатся и сформируют ювые батальоны, а те, кому не хватит оружия, доставят припасы. Пусть женщины доставят продовольствие или запекут хлеба, и патриотический гимн послужит сигналом к битве — восемь дней энтузиазма могут сделать больше для отечества, чем восемь лет борьбы!» Идея имела большой успех. Коммуна приняла ее вслед за секциями. 5 августа она потребовала декрета о немедленной мобилизации всех граждан в возрасте от 16 до 25 лет. Два дня спустя федераты пришли в движение, но Робеспьер, осведомленный о жалких результатах произведенного в смежных с Вандеей департаментах беспорядочного набора крестьян, указал им на бесполезность массового набора: «Мы ощущаем недостаток не в людях, а в генералах и их патриотизме». Федераты продолжали упорствовать. 12 августа их представитель Руайе заявил Конвенту: «Следует, наконец, подать великий пример всему миру и грозный урок объединенным тиранам. Обратитесь с призывом к народу, чтобы народ поднялся всей своей массой, только он один может уничтожить столько врагов!» На этот раз Дантон и Робеспьер поддержали предложенную меру. Дантон заметил, что набор солдат должен сопровождаться соответствующей хозяйственной мобилизацией. Он потребовал, чтобы федераты были уполномочены наблюдать в своих округах за инвентарем оружия, провиантом, военными припасами, а также руководить набором людей. Робеспьер предложил, чтобы федераты наметили, кроме того, активных, энергичных и надежных патриотов для замены подозрительных членов административных органов. Так как Комитет общественного спасения не торопился провести соответствующий декрет, федераты 15 августа снова появились у решетки, на этот раз в сопровождении депутатов от 48 секций. Комитет уступил, и 23 августа Конвент

вотировал знаменитый декрет, составленный Барером при содействии Карно: «С этого момента до тех пор, пока враги не будут изгнаны с территории республики, все французы состоят на постоянной военной службе. Молодые люди пойдут на поле сражения, женатые будут ковать оружие и перевозить продовольствие. Женщины будут шить палатки, платье и служить в госпиталях, стариков будут выносить в общественные места, чтобы возбуждать мужество в борцах, проповедовать ненависть к королям и единство республики. Дома, принадлежащие нации, будут превращены в казармы, общественные места — в оружейные мастерские, грунт подвалов будет выщелочен для извлечения селитры» и т. д. Все молодые люди, в возрасте от 18 до 25 лет, неженатые или вдовы и не имеющие детей, составят первый кадр рекрутов. Они должны безотлагательно собраться в главных городах дистриктов и сформировать там батальоны под знаменем со следующими словами: «Французский народ, восстань против тиранов!»

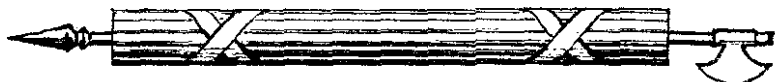
Первый раз в истории нового времени все ресурсы воюющей нации, люди, съестные припасы, товары — находились в распоряжении правительства. Республика, по выражению Барера, была одним большим осажденным городом, обширным лагерем.

† События чрезвычайно расширили роль Комитета общественного спасения. Он же не мог более ограничиться функцией надзора, которую ему первоначально присвоили. Теперь он уже управлял государством и даже выполнял административные функции, главенствуя над министрами, которые сделались простыми служащими. И это было настолько очевидно, что он сам почувствовал необходимость увеличить свой состав, обратившись с призывом к техническим силам, которых ему недоставало! После отставки Гаспарена, среди его членов не осталось ни одного военного специалиста. Когда массовый набор прошел в принципе через голосование, он поспешил отозвать из Северной армии находившегося там в командировке капитана инженерных войск Карно, чтобы предложить ему общее руководство военными операциями, и одновременно предложил управление военным производством другому инженеру, другу Карно, Приеру из Кот д'Ор. 14 августа Карно и Приер были назначены членами Комитета.

Дантон хотел было дать юридическую санкцию фактически создавшемуся положению, превратив Комитет

общественного спасения во временное правительство. 1 августа он сделал соответствующее предложение и потребовал, чтобы в распоряжение Комитета было выдано 50 миллионов из секретных фондов. Но Робеспьер заметил, что, уничтожая активность министров, нельзя добиться лучшего управления государством. Скорее, наоборот: таким путем его можно только дезорганизовать. Эро де Сешелль доказал на следующий день, что предложение Дантона было бесполезно и опасно: «Если нас заставят входить в детали управления, увеличив наш состав, нас погубят». Комитет принял 50 миллионов из секретных фондов на том условии, что возьмет на себя их распределение, сами же фонды останутся в казначействе. По-видимому, Комитет, оберегая Дантона, предполагал у него все же какие-то тайные намерения. И разве не друзья Дантона, а отчасти и сам Дантон причинили ему наибольшие затруднения в момент тяжелого кризиса в августе 1793 г.?

Комитету удалось расстроить интриги умеренных только благодаря поддержке Коммуны и якобинцев. Он все более и более сближался с самыми пылкими революционными элементами. Удастся ли ему удержать их в определенных границах? Прежде чем добиться прочного положения, ему придется преодолеть еще много препятствий!

ГЕБЕРТИСТЫ И НАЧАЛО ТЕРРОРА

пираясь на военные комитеты и агентов, которых Бушотт посылал в армию для надзора за генералами, а иногда и за депутатами, сильной своей клиентурой, состоявшей из политических эмигрантов, которых преждевременный мир отдал бы в руки их прежних властелинов, — Гебер был прежде всего за безусловное продолжение войны, за войну до победного конца. Всякую мирную политику он рассматривал как политику восстановления монархии. Клоотс, желавший расширить границы Франции до Рейна, помогал ему всеми силами, и «Батавец» повторял речи «Отца Дюшена».

Эро де Сешелль, руководивший вместе с Барером дипломатической частью Комитета общественного спасения, разделял убеждения своего друга Клоотса. 18 авгу-

ста он послал в Мюльгаузен секретного агента Катюса, чтобы подготовить присоединение к Франции этой маленькой фабричной республики, союзницы 13 кантонов. Особенный интерес он проявлял к Савойе, которую ему после аннексии поручили организовать. Савойя была снова захвачена пьемонтцами. 25 августа Эро предложил послать туда двух депутатов Дюма и Симона, чтобы изгнать врага и укрепить население в верности Франции. Но умеренные члены Конвента, все те, кто аплодировал попыткам Дантона заключить мир с тиранами, отнеслись недоброжелательно к этому предложению. Дюгем, только что вернувшийся из своей командировки на север, оспаривал его, выказывая недоверие к патриотизму савояров. Госсюен поддержал Дюгема. Тщетно напоминал Симон, по происхождению савояр, что его соотечественники составили шесть батальонов волонтеров, которые оказались прекрасными солдатами. Тщетно восклицал Талльен, что Франция обесчестит себя, покинув отдавшихся ей савояров. Собрание осталось непоколебимым. Потребовалось вмешательство Приера из Марны и Барера, чтобы Конвент согласился оказать помощь Монблану.

После этих дебатов гебертисты уже не сомневались, что в Конвенте имеется сильная партия пацифистов, т. е. переодетых роялистов. Они приписывали им медлительность в процессе Кюстина; оправдание Ревбелля и Мерлена из Тионвилля, капитулировавших в Майнце; преследования, которым подвергался в Вандее Россиньоль, отрешенный одно время от должности Бурдоном из департамента Уазы, и Гупилло из Фонтенэ; сплетни, которые распускали некоторые депутаты относительно агентов Бушотта.

Правда, Робеспьер защищал Россиньоля и превозносил услуги, оказанные комиссарами Исполнительного совета, командированными в армии (23 августа), но гебертисты считали себя достаточно сильными, чтобы самим перейти в наступление против своих противников. «Отец Дюшен» уже не ограничивался атакой на Дантона и его друзей «изменников, заседающих в партии Горы», как он их называл. Он хотел теперь восстановить власть министров и сделать их и их агентов независимыми от Собрания, от депутатов в командировке и комитетов. «Монтаньяры, — писал он в № 275, — пока комитеты будут по-прежнему узурпировать все полномочия, у нас не будет никакого правительства, или будет отвратительное правительство. Короли сделали так много зла на

земле только потому, что ничто не противостояло их воле, так же как и воле наших комитетов... Мы никогда не получим свободы, и наша конституция останется пустою мечтою, пока министры будут на посылках у последних метельщиков Конвента». Эбер смело потребовал, чтобы немедленно была введена в действие та часть конституции, которая предписывала избрание министров. У него сохранилось неприятное впечатление от неудачи, которую он потерпел 20 августа, когда Конвент назначил министром внутренних дел Паре, бывшего клерка Дантона. Он еще отомстит за себя, когда народ приступит к избранию министров! Робеспьеру стоило многих усилий помешать якобинцам последовать примеру Гебера и требовать вместе с ним переизбрания Исполнительного совета народным голосованием.

Эбертисты открыли свою кампанию. Они жаловались на сохранение должностей за дворянами, на преследования патриотов в некоторых районах, например, в Нанси (дело Може), на покровительство Комитета общественной безопасности аристократам, на промедления, которые он допускал в суде над жирондистами и Марией-Антуанеттой: они указывали на роялизм, господствовавший в театральных представлениях Парижа, в котором под шумные аплодисменты разыгрывались пьесы, подобные «Памеле», превозносившей дворянство и английское правительство, или «Адель де Саси», изображавшей королеву и ее сына, заключенных путем низких происков в тюрьму, потом освобожденных и восстановленных в своих правах и чести. Комитет запретил обе сомнительные пьесы.

Вследствие засухи, остановившей мельницы, в конце августа снова появился голод. Страсти разгорались. Эбер обвинял уже не только скупщиков, но весь торговый класс населения в статье, возбуждившей зависть его соперников «бешеных».

«У купцов, черт их дери, нет отечества. Пока они думали, что революция будет им полезна, они поддерживали ее; они протягивали руку санкюлотам, чтобы уничтожить дворянство и парламенты, но все это только для того, чтобы самим занять место аристократов. С тех пор как активные граждане более не существуют, с тех пор как несчастный санкюлот пользуется теми же правами, что и богатый вымогатель, все они, будь они прокляты, отвернулись от нас и употребляют всякие меры к уничтожению республики. Они скупили все продовольственные припасы, чтобы продавать их потом на вес золота или вызвать голод...» (№ 279).

Сверх того, из провинций приходили дурные новости. Роялисты и умеренные старались помешать поголовной мобилизации: народные скопища в департаментах Сены и Марны в конце августа; брожение в Ренне; мятеж в дистрикте Сен-Поль (27 августа); бунт в Абевиле с целью освобождения подозрительных (27 августа); заговоры в Руане; возмущение 5-го драгунского полка в Лане (28 августа); скопища непокорных и дезертиров в департаменте Верхней Гаронны и в Арьете (30 августа) и т. д.

Эбертисты уже не ограничивались более нападками на Конвент и правительство. Они подготавливали новое сражение. Пришло время, — думали они, — взять власть в свои руки. *28 августа Эбер предложил якобинцам составить адрес Конвенту с требованием чистки в штабах, отрешения от должностей всех дворян и проведения мер общественного спасения. К петиции должны присоединиться 48 секций и парижские народные общества. Федерат Буа произнес угрожающую речь против Конвента. Его призвали к порядку, но трибуны выразили ему шумное одобрение. Бывший представитель федератов Руайе поддержал петицию, и в принципе она была решена.

На следующий день Билло-Варенн, вернувшийся из Северной армии, донес о беспорядках, следовавших за гибелью Фамарского лагеря. Он жаловался в Конвенте на бездействие правительства и предложил учредить особую комиссию, которая следила бы за исполнением законов и отправляла бы виновных на эшафот. Тщетно Робеспьер пытался парировать удар, нанесенный Билло Комитету общественного спасения: предложенная комиссия неизбежно стала бы соперницей Комитета, она парализовала бы его и сделалась бы источником раздоров и конфликтов. «Есть основание опасаться, что эта комиссия будет заниматься не столько надзором за выполнением законов, сколько личными дрызгами, и делается, таким образом, настоящим комитетом доносов. Сегодня не в первый раз я замечаю, что существует предательская система, старающаяся парализовать Комитет общественного спасения под видом содействия его работе». Собрание осталось непоколебимым и даже начало роптать. Дантон пришел на помощь Робеспьеру, защищавшему его три дня тому назад у якобинцев. «Уже Комитет общественного спасения оказывает давление на Исполнительный совет. Если вы создадите комиссию, она будет давить на Комитет, и вместо нового средства воздействия вы учредите только новую инквизицию». Но, сказав это,

Дантон, верный своей привычной тактике, предложил мировую сделку: пусть к Комитету будут присоединены три новых члена. Предложение Дантона было передано в Комитет. Последний не торопился представить имена трех новых членов, так как не мог бы исключить из их числа Билло. Он притворился глухим.

Но эбертисты завладели Якобинским клубом, и Дантон, спасая свою популярность, перешел на их сторону. 30 августа он объявил в Якобинском клубе, что Конвент в случае нужды совершит третью революцию вместе с народом, «чтобы закончить, наконец, полное преобразование и добиться таким путем благополучия, которому препятствовали до сих пор предававшие его чудовища». Затем Руайе призвал в свидетели Марата. Почему не слушали его советов? «У нас не принято слушать тех, кто говорит в данный момент. Надо умереть, чтобы быть услышанным. Пусть террор будет поставлен в порядок дня. Это единственное средство предостеречь народ и принудить его спасти самого себя». Руайе поручили составить новую редакцию (четвертую по счету) петиции, инициатива которой принадлежала Эберу.

Робеспьер делал отчаянные усилия, чтобы предотвратить начинающуюся борьбу. Но обстоятельства складывались в пользу эбертистов. 2 сентября комиссар Исполнительного совета Суле, вернувшийся с юга, привез известия, что англичане 26 августа вошли в Тулон. Билло-Варенн тотчас же взошел на трибуну, чтобы изобличить комитет общественного спасения, утаивший эту важную новость. В тот же вечер эбертисты добились согласия якобинцев на «усыновление»¹. Общества революционных республиканок, несмотря на связь председательницы этого Общества Клер Лакомб с Теофилом Леклерком. Кроме того, по инициативе Эбера, было решено, что клуб соберется на следующий день в 9 часов, чтобы отправиться в Конвент вместе с секциями и народными обществами.

Робеспьер выиграл еще два дня. Якобинцы не появились в Конвенте ни 3-го, ни 4 сентября. Но 4 сентября известие о вступлении англичан в Тулон получило официальное подтверждение. Эбертисты с утра привели свои полчища в движение. Слесаря и строительные ра-

¹ Связь между клубом якобинцев и другими обществами и клубами устанавливалась путем «усыновления» якобинцами клубов как провинциальных, так и столичных.

бочие собрались на улицах Тампля и Сент-Авуа и явились в Коммуну с требованием повышения заработной платы. Их представитель обратился к Пашу с запросом: «Имеется ли в Париже продовольствие? Если имеется, отдайте его в общее пользование; если нет, объясните нам причину его отсутствия. Народ поднялся, санкюлоты, совершившие революцию, предлагают вам свои силы, свое время и свою жизнь». Чтобы успокоить манифестантов или чтобы сложить с себя ответственность, Шометт отправился в Конвент. Он вернулся с декретом, в котором Конвент обещал установить твердые цены на все съестные припасы и товары первой необходимости, другими словами, всеобщий максимум. Этот декрет не произвел никакого эффекта: «Нам нужны не обещания, а хлеб, и притом немедленно», — кричала увеличившаяся за это время толпа. Шометт влез на стол: «Я сам был беден и, следовательно, понимаю, что значит быть бедным. Это открытая война богатых против бедняков, они хотят нас раздавить. А если так, необходимо их предупредить. Мы сами должны раздавить их, сила в наших руках». И Шометт предложил Коммуне потребовать у Конвента немедленной организации революционной армии, «которая отправилась бы по деревням за реквизированным хлебом, обеспечила бы проведение наборов, способствовала бы доставке продовольствия, расстроила бы маневры богатых эгоистов и предала бы их возмездно законам». Эбер предложил рабочим не выходить завтра на работу, а отправиться всей массой вместе с народом в Собрание: «Пусть народ окружит Собрание, как окружил его 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и не покидает своих мест до тех пор, пока национальное представительство не примет действительных мер для нашего спасения. Пусть революционная армия выступит немедленно после издания декрета, а главное, пусть гильотина последует за каждым отрядом, за каждой колонной этой армии». Большая часть секций заседала до глубокой ночи, и одна из них, секция санкюлотов, объявила войну богачам.

Чтобы добиться успешных результатов подготавливавшегося восстания, надо было привлечь на свою сторону якобинцев, подобно тому как это было сделано накануне великих событий 10 августа и 31 мая. Тщетно Робеспьер, при содействии Ренодена, предостерегал Якобинский клуб против смуты, которая наполнила бы радостью сердца аристократов. Тщетно заявлял он о существовании «заговора, имевшего целью вызвать голод в

Париже и утопить его в крови». Тщетно обязался он от имени Комитета общественного спасения помочь народу в его нужде и обуздать скупщиков. Его призывы к успокоению не были услышаны. Руайе напал на Комитет, среди членов которого были развращенные люди: Барер «держался кривых путей в революции», Робеспьер пытался защитить Барера, слабого, но активного и полезного гражданина. Руайе продолжал свою атаку и стыдил якобинцев за их боязливость: «Что вы сделали за 8 дней?— Ничего. Покажите себя такими, какими вы были в те трудные дни, когда вы спасали свободу. Перемените тактику, заклинаю вас, не говорите, а действуйте». Ему бешено аплодировали. Робеспьер промолчал. Остановить движение было невозможно. На следующий день, 5 сентября, длинная процессия во главе с Пашем и Шометтом двинулась из Городской думы к Конвенту. Манифестанты несли плакаты с надписями: «Война тиранам!», «Война аристократам!», «Война скупщикам!».

Собрание, ожидавшее этого визита, только что вотировало без прений, по докладу Марлена из Дюе, разделение революционного трибунала на 4 секции, которые должны были функционировать одновременно. Паш заявил от имени Коммуны и секций, что народ устал от голода, причиной которого был эгоизм состоятельных граждан и маневры скупщиков. Шометт прочел петицию. Она требовала формирования революционной армии, которая уже была декретирована после 2 июня; но интриги и опасения виновных лиц отсрочили ее образование. Гильотина должна сопровождать армию. Робеспьер, председательствовавший в Собрании, отвечал Шометту, что народ может рассчитывать на поддержку Конвента. «Пусть добрые граждане соединятся вокруг него»,— заключил он, как бы желая сказать, что Конвенту что-то угрожает.

Билло-Варенн превзошел в своей речи требования петиционеров. Он потребовал ареста подозрительных лиц и возобновил свое прежнее предложение об учреждении комиссии по надзору за выполнением законов. «Революции затягиваются только потому, что принимаются половинчатые меры!» Тщетно Сент-Андре заявлял, чтобы выиграть время, что Комитет подвергнет обсуждению предложенные меры. Билло-Варенн резко перебил его: «Было бы очень странно, если бы мы стали забавляться обсуждениями. Надо действовать!» Тщетно Барер пытался прийти на помощь Комитету, предостерегая Собрание

против секционных вождей, которые могли оказаться агентами аристократии по организации смут, как в Лионе, Марселе, Тулоне. Его прервал ропот Собрания. Дантон, жаждавший упрочить свою популярность, бросился на трибуну. Надо использовать, сказал он, великий порыв народа, желания которого продиктованы национальным духом. Надо немедленно декретировать революционную армию, не ожидая доклада. Чтобы расстроить козни аристократов, о которых говорил Барер, он предложил уплачивать вознаграждение в сорок су санкюлотам, участвующим в секционных собраниях, которые должны устраиваться впредь только два раза в неделю. Кроме того, он предложил открыть кредит в сто миллионов для изготовления оружия и ускорить производство судебных дел в революционных трибуналах. Все меры были вотированы.

Неутомимый Билло-Варенн вернулся к вопросу об аресте подозрительных лиц и добился постановления, чтобы члены революционных комитетов, уполномоченные следить за ними, получали впредь особое жалованье. Кроме того, он добился предания суду революционного трибунала бывших министров Клавьера и Лебрена. Наконец, после того как Билло-Варенн был избран председателем Собрания вместо Робеспьера, мандат которого кончился, долгое и шумное заседание было закрыто.

На следующий день Комитет общественного спасения уступил и попросил Конвент присоединить к нему трех новых членов: Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и Гране. Гастон жаловался, что Комитет не поощрял с достаточной энергией осаду Лиона. Дантон упрекал его в излишней экономии денег: «Прикрепите рукоятку к большому колесу и приведите, таким образом, политическую машину в движение. Употребите для этого великие средства, которые внушает вам любовь к отечеству, иначе вы недостойны тех функций, которые на нас возложены!» Пришедший в энтузиазм Гастон предложил присоединить обладавшего таким революционным духом Дантона к Комитету. Конвент одобрил это предложение. Но только Билло-Варенн и Колло приняли свое назначение, Дантон и Гране отказались. Отказ Дантона, который он мотивировал желанием доказать обвинителям свою незаинтересованность, был важным событием, так как Дантон в то время «был тем, чем в наше время оказался бы могущественный кандидат в министры, отказавшийся от власти. Против собственной воли он становился цент-

ром оппозиции. Даже в тех случаях, когда он, по-видимому, поддерживал Комитет общественного спасения, к его содействию относились с недоверием» (Жорес). Не возможно, что Дантон отказался и по другим мотивам. Он принимал такое же большое участие, как и Билло, в важных решениях, вотированных 5 сентября. Почему же Комитет общественного спасения не выставил его своим кандидатом в Конвенте, как он это сделал по отношению к Билло? Дантон должен был признаться, что Комитет не желает его помощи.

В лице Колло д'Эрбуа и Билло-Варенна гебертизм был представлен отныне в правительстве. Это повлекло за собой некоторые преимущества. Комитет был теперь в контакте с кордельерами и маленькими клубами, влияние которых с каждым днем возрастало. Ему уже не приходилось опасаться, что он будет наводнен и затоплен народной рекой, которую он пытался теперь запрудить и отвести при помощи каналов.

Первый параграф гебертистской программы, из которого вытекало все остальное ее содержание, предусматривал войну до конца. Англичанин Метью, которого Дантон использовал для секретных переговоров с Гранвиллем, был арестован 6 сентября, после своего возвращения из Лондона. Услужливый журналист Дюма, протеже Баррера, предпринял в «Монитере» кампанию против пацифистов, и 24 сентября Комитет решил оставить постоянных посланников только у двух свободных народов — у американцев и швейцарцев, а во всех остальных государствах содержать только секретных агентов. Чтобы подчеркнуть свое решение прервать всякие, даже официальные сообщения с неприятелем, он постановил, кроме того, не вести переговоров ни с одним иностранным агентом или министром, который не проявит «положительного отношения к Французской республике».

Принимая гебертистскую программу войны до конца, Комитет был вынужден принять также и средства для ее осуществления. До сих пор террор не имел постоянного характера. Подозрительных арестовывали без всякой системы и почти сейчас же освобождали. Отныне террор сделался перманентным. Марлен из Дюе дал ему юридическое выражение в законе о подозрительных, который был вотирован 17 сентября.

До сих пор термин «подозрительные лица» не имел точного определения. Закон заполнил этот пробел. «Подозрительными лицами считаются: 1) те, кто своим поведением или своими отношениями, или

своими речами и писаниями выказал себя сторонником тирании или федерализма и врагом свободы; 2) те, кто не смогут доказать предписанным в декрете от 21 марта способом свои средства к существованию и выполнение своих гражданских обязанностей; 3) те, кому было отказано в свидетельстве о гражданственности; 4) общественные должностные лица, отрешенные национальным Конвентом или его комиссарами на время или навсегда от должностей и не восстановленные в этих должностях; 5) те из бывших дворян, включая мужей, жен, отцов, матерей, сыновей или дочерей, братьев или сестер и агентов эмигрантов, кто не выказал неизменной преданности революции; 6) те, кто эмигрировал в период времени от 1 июля 1789 г. до момента опубликования декрета от 30 марта 1792 г., хотя бы они и вернулись во Францию в срок, указанный этим декретом или даже ранее срока». Этот текст был настолько эластичен, что представлял страшную угрозу не только для действительно подозрительных лиц, но и для всех, кто мешал правительству, даже для беспартийных или робких людей, так как распространялся на граждан, которые имели неосторожность не принимать участия в выборах. Он представлял угрозу и для чиновников, так как заменил отозвание нерадивых или недостаточно преданных делу лиц — заключением их в тюрьму.

Революционным комитетам прибавилось много работы. Но Комитет общественной безопасности, руководивший их деятельностью свыше, казался подозрительным яacobинцам, которые упрекали его в снисходительности к поставщикам, хорошеньким просительницам, аристократам и иностранным банкирам. 13 сентября, после оживленных прений, Конвент декретировал переизбрание Комитета общественной безопасности и постановил, чтобы список кандидатов в его члены представлял впредь Комитет общественного спасения. Кроме того, было решено, что все остальные комитеты будут переизбраны таким же способом, при участии Комитета общественного спасения. Мера решительная. Комитет общественного спасения был облечен отныне особой прерогативой — правом контроля и надзора над всеми другими комитетами, которые прежде были ему равны. Он обладал теперь всею полнотою действительной власти, поскольку мог составлять другие комитеты по своему вкусу, производить в них чистки и руководить ими.

Таким образом, гебертистское движение не только имело своим результатом включение террора в порядок дня, организацию постоянного надзора и системы репрессий путем закона о подозрительных, введение твердых цен (максимума), которых требовали санкюлоты, организацию революционной армии для отобрания продовольственных запасов у земледельцев, — но, кроме всего этого, оно сообщило революционному правительству энергический импульс. •

Комитет общественного спасения, наталкивавшийся прежде на недоверие, зависть, открытую или тайную оппозицию части Конвента, получил теперь исключительно твердую власть. 11 сентября Барер восстановил в Конвенте право министров посылать своих агентов в департаменты и к армиям. Кроме того, декрет 13 сентября уполномочил народные общества указывать Комитету на всех недобросовестных или заподозренных в недостатке гражданских чувств агентов, «в особенности на тех из них, которым поручали продажу продуктов или снабжение армии, чтобы подобные агенты не узурпировали более вознаграждений и должностей, предназначенных для истинных республиканцев». Клубы вошли благодаря этому в правительственный механизм. Можно сказать, что с этого момента началась диктатура Комитета, но было бы большой ошибкой предполагать, что эта диктатура утвердилась без новых потрясений. Оппозиция умеренных, вынужденная под давлением гебертизма отступить, еще не была окончательно побеждена.

ГОНДШООТ И ВАТИНЬИ

есмотря на все красноречие покровительствовавшего ему Робеспьера, великий Комитет общественного спасения не устоял бы против опасных атак левых сторонников войны до конца и правых пораженцев, если бы ему не удалось одержать несколько быстрых побед над врагом.

Хотя и малочисленный по своему составу, — сначала 9, потом 12 членов, — Комитет во все критические моменты делегировал кого-нибудь из своих членов на театр военных действий, чтобы ознакомиться с положением вещей. На следующий день после взятия Валансьена он поручил Сент-Андре и Приеру из Марны, в сопровождении Леба из Комитета общественной безопасности, спешно обследовать северо-восточный фронт и обсудить

вместе с генералами необходимые мероприятия. Они добились от генералов мозельской и рейнской армий, собравшихся на совещание в Биче 8 и 9 августа, немедленной отправки подкрепления в северную армию, в размере 11 тыс. человек, за которым должно было последовать новое подкрепление из 2 тыс. человек. Для замены отбывающих в северную армию частей предполагалось изъять часть войск из гарнизонов внутри страны. Затем депутаты отправились в северную армию, реорганизовали по пути производство оружия в Шарлевилле и посетили Перронскую крепость, которую нашли в плачевном состоянии. По возвращении в Париж 23 августа они доложили Комитету, что необходимо изменить тактику, сделать армии более подвижными, действовать быстро и массами, распустить штабы армий и строго следить за поставщиками. Эти штатские люди с первого же раза наметили програму, которую Карно уже собирался осуществить.

Карно и Приер из Кот д'Ор, вступившие в Комитет 14 августа, остались бы, не будь революции, мирными учеными и выдающимися инженерами. Карно, получивший известность благодаря своему знаменитому труду «Опыт о машинах», появившемуся в 1783 г., питал отвращение к шуму и работал в тишине. Получая командировки в армии со времени Законодательного собрания, он посетил границы и ознакомился с военным начальством и солдатами. Чрезвычайно трудолюбивый, отличавшийся необыкновенно твердым характером и способностью к сосредоточенному мышлению, он получил в наследство военное бюро, основанное Сен-Жюстом еще до его прибытия. Он расширил это бюро и пригласил в него специалистов, не считаясь с их политическими взглядами, требуя от них только добросовестной работы, например, Кларка, которому было поручено заведывание картами и топография; Монталамбера, занимавшегося преимущественно артиллерией. Мишо д'Арсона, искусного в атаках и защите крепостей. Карно собственноручно переписывался с генералами. Планы кампаний и назначения подлежали решению Комитета. Гражданские члены его, подобно Сен-Жюсту, Сент-Андре, Приеру из Марны, Робеспьеру, подробно разбирали и обсуждали предложенные специалистом Карно соображения и меры и утверждали их с полным знанием дела. Карно относился с особым доверием к Бушотту, и последний вполне этого доверия заслуживал. Бушотт «отличался всеми качествами превосходного администратора, неутомимой деятельностью, постоянным и разумным прилежанием» (А. Шюке). Он обладает также и инициативой. Он первый использовал почту для переброски войск и употреблял телеграф для военной корреспонденции. Он отличался честностью, боролся с расточительностью и умел выбирать людей. Было бы, впрочем, трудно сказать, что именно в общей работе приходилось на долю Бушотта и что на долю Карно, но последнему можно поставить в заслугу, что он защищал своего сотрудника от яростных, постоянно возобновлявшихся атак.

Что же касается Приера из Марны, то он с самого начала заведовал всей материальной частью, т. е. военным производством, изготовлением пушек, ружей, холодного оружия, боевых припасов, а также постоянными и походными госпиталями.

Недостаток ощущался решительно во всем: в сырье, в заводах, в инженерах, в мастерах, в рабочих. Арсеналы, умышленно оставленные в бездействии последними министрами Людовика XVI, были пусты. К 15 июля под ружьем находилось 479 тыс. человек. Предполагалось к набору еще 500 тыс. рекрутов. Для этих рекрутов не имелось ни ружей, ни экипировки. Их не хватало даже для войск, находившихся на фронте. Английские крейсера блокировали наши берега. Приходилось извлекать из собственной почвы все, что раньше покупалось за границей: селитру, которая поступала к нам из Индии, медь — из Испании, Англии и России, сталь — из Швеции, Германии и Англии. К счастью, члены Комитета любили науку не только за ее непосредственные, практические услуги, но и за свойственные ей величие и красоту. Карно и Приер из Марны тотчас же обратились к ученым. Они заручились содействием первых химиков, первых инженеров того времени: Монжа, Бертоле, Фуркруа, Шапталь, Перрье, Гассенфратца, Вандермонда и др., причем не только спрашивали их советов, но теснейшим образом приобщили их к своей работе, давая им самые ответственные поручения. Вандермонду было доверено управление производством холодного оружия. Гассенфратц был назначен 27 брюмера комиссаром оружейных заводов. Шапталь, протеже Робеспьера, принимал участие в управлении производства пороха и селитры. Фуркруа, ученик Лавуазье, изобрел способ извлечения меди из бронзы колоколов. Колокола стали для нас источником меди. Монж составил популярный обзор «Искусства приготовления пушек», служивший руководством нашим металлургам и т. п. Комитет отдал в распоряжение ученых замок Медон и примыкающий к нему парк для производства опытов. Там, в величайшем секрете, был испытан порох из гремуче-кислой соли, полые ядра, зажигательные ядра, сигнальный телеграф, изобретенный Шаплом, первые военные аэростаты. Монж организовал в Париже большой ружейный и пушечный завод, и в департаментах были основаны другие заводы.

Но понадобилось несколько месяцев, чтобы осуществить все эти благие начинания. Только к концу 1793 г. различные производства начали давать результаты. Первые шесть ружей, вышедшие из парижского завода, были представлены Конвенту 3 ноября. В ожидании надо было проявить лихорадочную деятельность и победить неприятеля во что бы то ни стало, чтобы поднять дух в войсках и у начальников.

Комитет был убежден, что победа возможна только в том случае, если вся армия будет воодушевлена республиканским духом. Он не ограничился распространением среди солдат патриотических газет и старался изгладить у линейных солдат все следы старого режима. Он приказал, чтобы не позднее 15 августа они сменили окончательно свою прежнюю белую форму на голубую форму волонтеров. Новая армия, составленная преимущественно из молодых солдат, была недостаточно сплочена и нередко поддавалась панике. Массовое наступление могло искупить недостаток терпения и хладнокровия. Генералы получили приказ атаковать неприятеля.

Ирландец Кильмен, командовавший северной армией, после отставки Ламорлиера, не оправдал оказанного ему доверия. 7 августа он покинул лагерь Цезаря и отступил на Аррас, оставив дорогу на Париж открытой. Его поступок вызвал большую тревогу. Зять Паша Ксавье Одуен заявил в Якобинском клубе, что неприятель, если захочет, будет через четыре дня в столице. Отряды австрийской кавалерии прошли через департаменты Эны-и-Соммы и дошли до Нуайона. Ферзен и Мерси-Арженто уговаривали герцога Кобургского бросить всю свою кавалерию прямо на Париж, чтобы освободить королеву, которую 1 августа перевезли в Консьержери. Но герцог Кобургский уже не располагал всеми силами коалиции. Повинуясь приказам Питта, предписывавшего ему завладеть Дюнкирхеном, чтобы иметь опорный пункт на континенте, герцог Йоркский 10 августа отправился к морю с 37 тыс. англичан, ганноверцев и голландцев. Это отделение герцога Йоркского от герцога Кобургского, вызванное эгоистическими соображениями, спасло республику.

Комитет общественного спасения отстранил от должности Кильмена и назначил на его место Гушара, выслужившегося, покрытого ранами солдата, которого считали надежным, так как он был плебейского происхождения и обязан был своим возвышением революции. Карно ознакомил Гушара с его новыми обязанностями, ободрял его, был его руководителем. Узнав 17 августа о походе англичан на Дюнкирхен, он поручил Журдану преследовать их. Журдан безуспешно пытался задержать англичан на следующий день у Ленселля. Герцог Йоркский ускользнул от него, 21 августа неожиданно перешел Изер, захватил 11 наших пушек у Ост-Капелля и 23 августа потребовал сдачи Дюнкирхена. Но комендант Берга

Карпон приказал открыть шлюзы и затопить примыкающие к крепости поля. Полная блокада крепости была невозможна. Она получила подкрепления от Журдана, и Сугам и Гош мужественно защищали ее. 25 августа Гушар получил приказ воспользоваться отсутствием герцога Кобургского, занятого осадой Кенуа, и герцога Йоркского, занятого осадой Дюнкирхена, чтобы прервать их сообщение, атаковав голландцев, которые охраняли Лис. Он недостаточно точно следовал этим инструкциям. Он рассеял свои силы, вместо того чтобы сконцентрировать их, и, заняв 28 августа Туркуен, отправился ближайшим путем, т. е. через Кассель, на помощь Дюнкирхену, вместо того чтобы направиться в Ипр и Ньюпорт и отрезать англичанам путь отступления на Бельгию. Он бросился на помощь Дюнкирхену самой короткой дорогой, т. е. через Кассель. Он бросился, таким образом, на наблюдательный корпус Фрейтага, расположенный у подступов к Большой Муре для защиты герцога Йоркского от нападения с юга. Отброшенный 6 сентября к Ост-Капеллю и Рекспоеду, Фрейтаг отступил в ночь с 6 на 7 сентября на Гондшоот. Вокруг селения разыгралась битва; селение несколько раз переходило из рук в руки. В 10 часов утра 8 сентября Гушар считал битву проигранной. Не будь депутата Дельбреля, он приказал бы отступить. Атака возобновилась. Депутаты Дельбрель и Левассер (из департамента Сарты) вместе с генералами вели колонны на приступ. Под Левассером была убита лошадь. В час пополудни Фрейтаг отступил с боем на Фюрн. Гушару следовало бы энергично его преследовать. У него была совершенно свежая дивизия, еще не принимавшая участия в бою, дивизия Гедувилля. Он упустил случай уничтожить гессенскую и ганноверскую армии, которые в беспорядке отступали. Он не взял Фюрна и не отрезал путь отступления английской армии, осаждавшей Дюнкирхен. Герцог Йоркский поспешно удалился по дороге к дюнам, оставив на месте часть своей тяжелой артиллерии.

Победа была не полная, но это была первая победа, одержанная республиканскими войсками за долгий промежуток времени. Она изгладила воспоминания об Альденгофене, Неервиндене, Реймсе и Фоморе. «Карманы» обрели вновь свою гордость и веру в революцию.

К несчастью, Гушар продолжал делать ошибки. Он не явился вовремя на помощь Кенуа, капитулировавшему 12 сентября. Дельбрель спас Бушен и Камбре, доста-

вив им по собственной инициативе провиант и подкрепление. Обескураженный Гушар, вместо того чтобы собрать все свои силы для нападения на герцога Кобургского, который еще не соединился с герцогом Йоркским, отступил на Аррас и увел свои войска в Гаврельский лагерь. Он ослушался, таким образом, полученного им приказа о наступлении. Депутаты обвинили его в Париже, и 20 сентября Комитет отрешил его от должности. Произведенный в его бумагах обыск обнаружил письма неприятельских генералов, в которых шла речь об обмене пленными и других маловажных делах. Так как эти письма были составлены в вежливых выражениях, они могли послужить основанием для обвинения в дружественных сношениях с неприятелем и в измене. Бедный Гушар был передан революционному трибуналу.

Комитет не ограничился увольнением штабов северной армии. Он отрешил от должности одного за другим командующих рейнской и мозельской армиями: Ландремона — за письмо от 12 сентября, в котором он сообщал Комитету, что ему трудно защищать вейсенбургский фронт, и что, в случае если этот фронт будет форсирован, Страсбург не продержится более трех дней, а Шауенбурга за то, что он 14 сентября потерпел поражение при Пирмазане, оставив неприятелю 20 пушек и 2 тыс. пленных. Эти увольнения и полное обновление штабов трех главных армий вызвали яростную атаку в Конвенте против Комитета, продолжавшуюся два дня — 24 и 25 сентября. Уже 20 сентября Тюрио подал в отставку, не желая согласиться на отрешение от должности Гушара. Около него сгруппировались отозванные депутаты: Дюгем, Брие, Бурдон из департамента Уазы, Гупилло из Фонтенэ, Дюруа и бывшие члены Комитета общественной безопасности, отставленные от должности 14 сентября. Оппозиционеры могли торжествовать. Конвент присоединил одного из них — Брие к Комитету общественного спасения. Но Барер, Билло, Сент-Андре, Приер из Марны взяли Комитет под свою защиту, а затем на трибуну возшел Робеспьер. Он обратился не к Конвенту, а ко всей стране, указывая на огромную работу, лежавшую на плечах Комитета: «Руководить одиннадцатью армиями, нести на себе тяжесть всей Европы, повсюду разоблачать изменников, разрушать козни эmissаров, подкупленных золотом иностранных держав, наблюдать за недобросовестной администрацией и преследовать ее, устранять повсюду препятствия и помехи к проведению самых муд-

рых мер, бороться со всеми тиранами, устрашать всех заговорщиков». Затем он перешел в наступление: «Те, кто нас обвиняет, сами разоблачены Комитетом; из обвинителей, которыми они являются теперь, они вскоре обратятся в обвиняемых». И неумолимо он продолжал их разоблачать: «Первый (Дюгем) объявил себя сторонником Кюстина и Ламорлиера, он преследовал патриотов в важной крепости (Лилль) и, в заключение, осмелился еще высказаться за оставление территории, присоединенной к республике (Савойя)... Второй (Брие) еще не смыл бесчестия, которым покрыл себя, возвратившись из доверенной ему крепости после сдачи ее австрийцам (Валансьен). Если таким людям удастся доказать, что Комитет состоит не из добрых граждан, свобода, несомненно, погибла; ведь просвещенное общественное мнение подарит, конечно, не их своим доверием и не им вручит бразды правления».

Ядовитая ипровизация Робеспьера, преисполненного презрения к своим обвинителям, повергла их в смущение. Пристыженный Брие отказался от своего назначения членом Комитета общественного спасения. Комитет добился единогласного постановления, в котором Конвент выражал ему доверие и одобрял все его действия.

Это большое парламентское сражение имело важные последствия. Отныне было решено, что депутаты, находящиеся в командировках, сносившиеся прежде непосредственно с Конвентом, должны быть подчинены Комитету, и что Комитет, уже избиравший с 14 сентября членов других комитетов, получает отныне право отзывать депутатов, не рискуя своим существованием. Оппозиция была укрощена, по крайней мере, на время. Дантон, молчавший во все время дебатов, попросил 10 октября отпуска для поправления здоровья в Арсис-сюр-Об.

Последние препятствия, воздвигнутые умеренными с целью отсрочить проведение революционных мер, были устранены. Революционная армия, декретированная в принципе 5 сентября, начала формироваться. Судебное преследование жирондистских вождей, которое все время отсрочивалось, стало приводиться в исполнение. Амар представил обвинительный доклад 3 октября. Но самым важным событием было введение твердых цен на съестные продукты, обещанное в принципе 4 сентября и осуществленное великим законом 29 сентября. Экономический террор шел в ногу с политическим.

Последствия парламентской победы 25 сентября ощу-

щались также и в области военных начинаний. Комитет получил теперь полную возможность санкюлотизировать штабы. Он воспользовался завоеванной им свободой действий, чтобы назначить командующими тремя главными армиями трех молодых выслужившихся из рядовых генералов, вполне оправдавших его ожидания, Журдана — в северную армию, 24 сентября; Пишегрю, 28 сентября, — в рейнскую армию; Гоша, 22 октября, — в мозельскую армию. Этот выбор был очень смел, гораздо рискованнее, чем выбор Гушара. Гушар был старый солдат по профессии, проделавший все кампании старого режима, начиная с Семилетней войны. Вновь назначенные генералы были совсем молодые люди, никогда не проходившие школы, самоучки, бывшие унтер-офицерами в 1789 г. (Журдан родился в 1762 г., Пишегрю — в 1761 г., Гош — в 1768 г.). Комитет был вознагражден за свою смелость. Эти молодые генералы, обязанные всем революции, были неразрывно связаны с ней. Они прилагали все усилия, чтобы победить неприятеля. К тому же они были в том возрасте, когда страсти еще сильны, когда человек без оглядки устремляется вперед. Без их участия наступательная тактика Карно была бы невыполнима. Они не считались в своих порывах со школьными теориями, обязанные всеми своими познаниями практике и опыту. Своею смелостью, неожиданностью своих операций они озадачили старых, осторожных и придерживавшихся рутины генералов коалиции. Для новой войны были необходимы именно такие новые люди, для национальной войны, — вожди, принадлежавшие всеми фибрами своего существа к нации.

За неполной победой при Гондшооте последовала через короткий промежуток времени другая победа — при Ватиньи, явившаяся результатом деятельности Журдана и Карно.

После взятия Кенуа герцог Кобургский, по свойственной ему привычке, некоторое время колебался, не зная, что предпринять. Он потерял пятнадцать дней на перегруппировку своих сил между Самброй и Шельдой. Карно использовал эту передышку для защиты Перонны и Гиза. 28 сентября герцог Кобургский решил, наконец, отправиться походом на Мобеж с ганноверцами и голландцами, которых он снова вызвал к себе. Он легко опрокинул дивизию Дежардена, на следующий день перешел Самбру у Омона, отрезал пути сообщения Мобежа с Авенном и осадил Мобеж в котором находились депу-

таты Генц, Друе и Бар с сильным гарнизоном в 22 тыс. человек.

Карно, отправившийся в армию Журдана, с поразительной быстротой сконцентрировал с 6 по 10 октября 45 тыс. человек в Гизе. 4 тыс. человек явились из Седана, пройдя в три дня 65 миль, и 8 тыс. человек совершили такой же переход из Арраса. Концентрирование закончилось 11 октября. Генерал Мереню, командовавший артиллерией, был отрешен от должности за то, что не доставил с достаточной быстротой боевых припасов. Журдан и Карно двинулись тотчас же к Мобежу. Они руководили атакой 15 октября, атакой, произведенной с флангов, между тем как французский центр поддерживал артиллерийский огонь. Первый день неприятель держался стойко. Ночью Карно перевел 7 тыс. человек с левого фланга на правый, и на рассвете следующего дня возобновил атаку на селение Ватиньи усиленным правым флангом. Вместе с Журданом он стал во главе наступавших колонн. Ватиньи переходило несколько раз из рук в руки и, наконец, осталось за нами. 16 октября вечером герцог Кобургский приказал отступать, оставив на поле сражения 2 200 человек. Мобеж был освобожден. Комендант Мобежа Шансель, не сделавший ни одной вылазки во время битвы, был отрешен от должности.

Победу, конечно, нельзя было назвать решительной. Герцога Кобургского не преследовали. Он мог призвать к себе на помощь англичан из Фюрна и спокойно расположиться на левом берегу Самбры, прикрывая Брюссель. Но победа при Ватиньи была второй значительной победой, одержанной санкюлотами после весенних поражений. Мобеж был второй крепостью, которую они освободили. Их доверие к своим силам возросло, и доказавший свои способности Карно упрочил свое положение. Это событие оправдывало смелую политику Комитета общественного спасения. Его уже не упрекали в том, что он дезорганизует армию, увольняя старых генералов и назначая на их место желторотую молодежь.

К успеху при Ватиньи Комитет мог присоединить взятие у мятежников Лиона. Он всеми силами ускорял осаду, торопясь использовать принимавшую в ней участие армию против Тулона. Его раздражала медлительность, проявленная Дюбуа-Крансе при бомбардировке Лиона. Дюбуа-Крансе был дворянин. Комитет вообразил, что он изменник. 6 октября он отозвал его и его товарища Готье, так как в последнем письме они заявили, что не

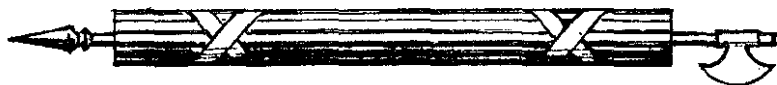
в состоянии помешать уходу Преси, между тем как из предшествовавших докладов адъютанта генерала Сандоза явствовало, что «франты» могут уйти только на воздушных шарах. 9 октября, через три дня после издания приказа об отозвании Дюбуа-Крансе, республиканские войска вступили в побежденный Лион. Но Преси бежал с тысячью людей. Комитет был убежден, что это бегство, предсказанное Дюбуа-Крансе, свидетельствовало лишь раз о его сговоре с мятежниками.

В Париж поступали хорошие новости. 17 октября, на следующий день после битвы при Ватиньи, вандейцы потерпели серьезное поражение при Шоле и перешли на правый берег Луары у Сен-Флоран. Пьемонтцы в конце сентября были изгнаны из Мориенны из долины Ара, а испанцы принуждены были эвакуировать Руссильон и страну басков.

Комитет мог с гордостью оглянуться назад и оценить результаты своей двухмесячной деятельности. 23 октября он обратился к армиям с воззванием, в котором звучала уже нотка торжества: «Трусливые приверженцы тирании бежали от вас... Они покинули Дюнкирхен и свою артиллерию и поспешили улизнуть от полного разгрома, укрывшись за Самброй от ваших победоносных колонн. Федерализм потерпел поражение в Лионе. Республиканская армия вступила в Бордо, чтобы нанести ему последний удар. Пьемонтцы и испанцы изгнаны с нашей территории. Защитники республики только что уничтожили мятежников Вандей».

Конечно, еще не все затруднения были преодолены. Оставались еще большие черные пятна. Тулон все еще держался. Вурмзер угрожал Эльзасу. Вандейцы, направившиеся к северу Луары, навстречу английским подкреплениям, еще не были сокрушены. Герцог Кобургский на Самбре и Шельде представлял еще серьезную угрозу.

Но, учитывая все обстоятельства, Комитет к концу октября 1793 г. имел полное основание относиться к будущему с доверием. На великом заседании 25 сентября он потребовал диктатуры для спасения отечества. Отечество еще не было спасено, но оно находилось уже на пути к выздоровлению. Разум вернулся к больному. ✦

УЧРЕЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

20 сентября после отставки Тюрио Комитет, освободившийся от последнего дантониста, которого насчитывал еще в числе своих членов, стал более однородным по своему составу. С 3 октября после обвинительного доклада Амара против жирондистов, Конвент удалил 136 своих членов (41 были преданы революционному трибуналу, 19 бежавших объявлены вне закона, 76 подписавших протест против 2 июня объявлены под арестом и спасены от эшафота Робеспьером). Эта солидная чистка имела своим непосредственным результатом соответственное ослабление оппозиции, не перестававшей бороться с Комитетом с самого первого дня его существования. Обеспечив свою безопасность, Комитет мог разослать половину своих членов с разными поручениями

(Приера из Марны и Сент-Андре — реорганизовать флот в Бресте и Лорiente: Кутона — в Лион; Сен-Жюста — в Страсбург; затем, по возвращении Робера Линде из Нормандии, Колло д'Эрбуа — в Лион). Но если Комитету и удалось увеличить свою власть в Париже, ему оставалось еще много работы, чтобы распространить и утвердить ее во всей Франции.

* Учреждение революционного правительства, т. е. объединение всех исключительных мер в руках одного Комитета, было осуществлено в два периода, под влиянием двойного ряда соображений: сначала, в сентябре и октябре 1793 г., по соображениям преимущественно политического характера; затем, в ноябре и декабре 1793 г., по соображениям преимущественно экономического характера. В первый период надо было обеспечить прежде всего массовый набор путем воздействия на местные власти и преодоления последнего сопротивления федералистов. Во второй период главная задача заключалась в том, чтобы сделать возможным применение всеобщего максимума, вотированного 29 сентября, но вошедшего в силу только в середине октября.

Запертая в ящичке кедрового дерева перед бюро председателя Конвента монпаньярская конституция ожидала заключения мира. Старая конституция 1791 г. оставалась в силе во всех своих частях, не измененных новыми законами. Эта конституция, основанная на принципе децентрализации, не соответствовала условиям военного времени. Повсюду административные и судебные власти были выборного происхождения. Даже революционные следить за подозрительными, обязаны были своим первоначальным происхождением выборам. Выборные власти в периоды внешней и гражданской войны — ненадежны. И в самом деле, даже в разгаре террора, когда выборы были отменены, встречались революционные комитеты, состоявшие из замаскированных аристократов.

Чтобы устранить опасность, Конвент широко использовал командировки депутатов, наделенных неограниченными полномочиями. Эти проконсулы, столь же могущественные, как и интенданты Ришелье, легко сломали сопротивление упрямых властей. Не будучи в состоянии поспеть повсюду, где требовалось их присутствие, они воспользовались при первом наборе рекрутов помощью федератов 10 августа, которым передали часть своих полномочий.

Например, Мор, работавший в департаменте Ионны, приказом от 27 сентября уполномочил своих делегатов составить списки молодых людей, подлежащих набору, приступить к учету и реквизициям зерна, составить опись огнестрельного оружия и позаботиться о доставке его в главные города дистриктов, собирать сведения о подозрительных лицах. Эти исключительно широкие полномочия снизили значение революционно выбранных властей почти до роли совещательных органов. Лапланш, уполномоченный произвести массовый набор в департаменте Шеры, пошел гораздо дальше Мора. Приказом от 27 сентября уполномочил своих делегатов не только мобилизовать людей, организовать продовольствие, но и производить домовые обыски, обезоруживать, недоброжелательных и подозрительных лиц, захватить «продовольственные излишки», найденные у этих людей, и распределить их между нуждающимися; он уполномочил их, кроме того, арестовывать подозрительных лиц, налагать на них революционные контрибуции и использовать эти контрибуции в пользу беднякам. Над делегатами Мор он поставил дистриктовых комиссаров с еще более широкими полномочиями. Они могли «отрешать от должностей слабых, неспособных или вероломных гражданских и военных администраторов» именно их, не прибегая к выборам. Комиссары Лапланша использовали на деле предоставленные им полномочия. Они отрешали от должностей даже присягнувших церковнослужителей, предписывали дачи должностей, наложили контрибуции на богатых (249 тыс. франков в дистрикте Вьерзон, 313 тыс. — в дистрикте Сансерр и т. д.), доход от этих контрибуций употребили в пользу бедняков, в особенности тех из них, которые имели сыновей в армии, сделали пожертвования госпиталям и народным обществам. Один из этих комиссаров даже изъясил из церквей святыне чаши. Он не осмелился еще запретить богослужения, но уже агитировал против католицизма, уничтожил приходские школы и заявил в начале октября, что достаточно одного дня Свободы и Равенства.

Другие командированные депутаты применяли или аналогичные приемы Лапланша или осторожный метод.

Фуше был одним из тех, которые думали, что революция может быть спасена только энергичной классовой политикой в пользу санкюлотов. Он основал в каждом главном городе дистриктов департамента Ниевры комитет наблюдения и филантропии, уполномоченный наложить на владельцев гачей контрибуции, пропорциональные числу немущих (приказ от 19 сентября). 26 сентября он предписал булочникам в Мулене выпекать только один сорт хлеба, хлеба Равенства, который должен был продаваться по цене в три су за ливр, посредством уплаты булочникам компенсационного вознаграждения, возложенного на владельцев гачей. Рыночная цена на хлеб равнялась в то время пяти су за ливр. Уничтожив нищету, Фуше запретил празднество и праздничность: «Всякий нищий или праздничношающий будет заключен в тюрьму» (24 сентября). Властителей хлеба, отказывавшихся подчиниться реквизициям, выставляли на людных площадях с надписью:

«Губитель народа, предатель отечества!» При повторном отказе их сажали в тюрьму до заключения мира и секвестровали все их имущество, за исключением минимума, необходимого для пропитания их самих и их семей (2 октября). Фуше предписал, кроме того, принудительный обмен звонкой монеты на ассигнации. Он угрожал фабрикантам, закрывавшим свои мастерские, что возьмет эти мастерские в свои руки и будет эксплуатировать их за счет фабрикантов. «Стыдно быть теперь богатым», — писал он 13 октября. Подобно Лапланшу, бывшему епископскому викарию, Фуше, принадлежавший раньше к братству Оратории, выделялся своими антицерковными мерами. Он реквизировал церковную утварь и отослал в Париж. Он придал кладбищам светский характер своим знаменитым приказом, предписывавшим помещать на воротах кладбищ натуралистические изречения: «Смерть — это вечный сон». Когда декретом от 5 октября был введен революционный календарь, Фуше организовал гражданский праздник десятого дня декады, чтобы заменить богослужения. Для проведения своих приказов он собрал небольшую революционную армию.

Дюбуше — в департаменте Сены и Марны, Карпантие — в департаменте Ла-Манша, Бодо — в департаменте Верхней Гаронны, Тейлефер — в департаменте Лот, Ру-Фазиллак — в департаменте Шаранты, Лекинио и Ленъело — в департаменте Нижней Шаранты, Андре Дюмон — в департаменте Соммы — подражали более или менее действиям Лапланша и Фуше. Но другие депутаты ограничились, подобно Мору, чисто административной работой по проведению массового набора и даже порицали нововведения своих коллег. Были, наконец, и такие департаменты, которых депутаты еще не посещали, и в которых применение революционных законов о скупщиках, реквизициях, подозрительных лицах и т. д. было поневоле предоставлено прежним выборным властям. В результате получилась удивительная пестрота административных мероприятий. В некоторых районах процветали террор и режим клубов, опирающихся на санкюлотов. В других все, по-видимому, осталось по-прежнему: богачей не тревожили, никого не заключали в тюрьму, никого не отрешали от должностей, священники пользовались полным спокойствием.

Комитет общественного спасения старался руководить и регулировать деятельность депутатов, что ему не всегда удавалось. Депутаты работали вдали от Парижа.

Они не имели времени, в силу медленности сообщений, ждать инструкций из центра и только в редких случаях оносили в Париж о тех трудностях, которые им представлялись; обычно же принимали немедленные решения, действуя по собственному вдохновению — хорошо или плохо.

Комитет сначала приветствовал классовую политику Лапланша и Фуше. Он поздравил Фуше с идеей наложить контрибуции на богатых: «Это средство общественного спасения является в то же время мерой ограждения личности от справедливого гнева народа, который уже не в состоянии более сносить свою непомерную нужду» (29 августа). Робер Линде разделял мнение своих коллег, ставшихся в Париже: он написал им 29 августа из Кана, что было бы опасно вооружить бедняков, не обуздав предварительно богачей.

Комитет одобрял также тюремные заключения и отчисления от должностей (см. письма к Карпантье от 7 сентября и к Каррье от 8 сентября). Но уже с самого начала его тревожила антицерковная, или, вернее, антихристианская политика некоторых проконсулов: «Нам кажется, — писал он Андре Дюмону 6 брюмера, — что в ваших последних мероприятиях вы слишком сильно затронули объекты католического культа... Остерегайтесь доставить контрреволюционерам, которые ищут повода разжечь гражданскую войну, какой бы то ни было предлог, подверждающий, с первого взгляда, их клеветнические разговоры. Не следует давать им повода сказать, что мы насилюем свободу вероисповедания и объявляем войну елигии как таковой». Даже Робеспьер был встревожен секретом 5 октября, установившим новый календарь, записал в своей памятной книжке: «Отсрочить на неопределенное время декрет о календаре». Эти слова оказывают, что у Робеспьера было намерение воспрепятствовать применению нового закона, который мог послужить предлогом для борьбы с христианской религией. Как проводить классовую политику в пользу санкюлотов, не осягая в то же время на их религиозные убеждения?

Одобряя решительные меры проконсулов, Комитет почувствовал вскоре опасность, которой они угрожали. Он одобрил поведение Мора, обуздавшего самоуправную деятельность федератов 10 августа, своих делегатов и революционных комитетов (14 брюмера). Он предложил Горану, находившемуся в командировке на севере, распустил собранную им революционную армию: «Контр-

революционная тактика, захватив в свои руки эту движущуюся силу террора, может сразу возродить систему департаментской вооруженной силы, уже угрожавшей однажды свободе. Очистите национальную гвардию, она может сослужить вам ту же службу, не возбуждая никакой тревоги» (2 фримера). Два дня спустя он приказал Мору распустить его революционную армию, как только он покинет департамент Ионны.

Когда массовый набор был закончен, и Комитет отозвал организовавших его депутатов, он позаботился, чтобы в декрете было оговорено немедленное прекращение полномочий делегированных этими депутатами лиц (13 брюмера). Декрет 19 брюмера уполномочил Комитет потребовать у этих делегатов отчета в использовании ими своих полномочий.

Когда депутаты были отозваны, и делегаты их отпущены, прежние выборные власти остались единственными исполнителями революционных законов. Комитету пришлось позаботиться об установлении гармонии между различными властями — теми, которые были назначены по выборам, и теми, которых породила революционная диктатура. Надо было разграничить области их влияния и подчинить их центру, другими словами, заменить хаотическую и прерывистую централизацию, сложившуюся без всякой системы, централизацией упорядоченной и постоянной. Такой централизации требовало и экономическое состояние страны.

Закон 29 сентября о всеобщем максимуме установил твердые цены на все съестные продукты, подпадавшие под действие закона 27 июля о скупщиках. За исключением зерна, муки и кормовых трав, табаку, соли и мыла, на которые была установлена одна цена для всей Франции, все остальные съестные продукты и товары первой необходимости подлежали таксации по дистриктам, исходя из средней цены 1790 г., увеличенной на одну треть; таким образом, цена на то, что стоило в 1790 г. 3 ливра, не должна была превышать в 1793 г. 4 ливров. Нарушители этого закона — как продавцы, так и покупатели, отвечали денежным штрафом в размере двойной стоимости проданного тайком товара, поступавшего в пользу доносчика. Кроме того, их вносили в списки подозрительных лиц. Было бы нелогично таксировать съестные продукты, не установив в то же время твердой заработной платы. Закон фиксировал максимум заработной платы, исходя из цены 1790 г., увеличенной наполовину, так что

рабочий, зарабатывавший 20 су в 1790 г., должен был получать теперь 30 су. Твердая заработная плата устанавливалась муниципалитетом, между тем как таксация продуктов входила в компетенцию дистриктов. Рабочие, отказывавшиеся работать за официальную плату, подлежали принудительной мобилизации через муниципалитеты и наказанию до трех дней тюрьмы.

Комитет прекрасно понимал затруднения, связанные с применением этого закона, принуждавшего владельцев продавать свои товары с убытком, без всякой компенсации, втрое или вчетверо дешевле той цены, которую они получали за них прежде. Предшествующий закон 4 мая, установивший максимальную цену только на зерно, имел своим непосредственным результатом опустошение рынков. Как продовольствовать города и армии, если снабжение продовольствием останется в руках выборных местных властей, относящихся втайне враждебно к революционному законодательству? Проведение всеобщего максимума неизбежно требовало усиления принудительных мер, т. е. террора, и решительного прогресса в смысле более строгой, более организованной и диктаторской централизации власти.

10 октября, за два дня до того как таблицы максимума были расклеены в Париже, Сен-Жюст в мрачной, проникнутой горечью и полной решительных сентенций, речи изложил Собранию план новой организации республики, нечто вроде временной конституции, необходимой, по его мнению, для преодоления грозных препятствий, которые он предвидел. «Законы имеют революционный характер, но те, кто их выполняет, не революционеры... Республика получит твердое основание только тогда, когда воля суверенного народа обуздает монархическое меньшинство и воцарится над ним по праву победителя. Вам уже нечего делить с врагами нового порядка вещей, и свобода должна победить какой бы то ни было ценой. Вы должны наказать не только изменников, но и всех индифферентных, всех, кто относится пассивно к событиям и ничего не делает для республики... Надо подчинить оружием тех, кто не хочет подчиниться правосудию, надо обуздать тиранов!» Сен-Жюст иллюстрировал эту программу вызванного отчаянием терроризма ужасающей картиной гражданского и военного бюрократизма, а также экономического и морального положения страны. Он указал на заведующих госпиталями, снабжающих мукой вандейских мятежников; на чиновников, уполномоченных выполнить

закон о скупщиках, которые сами занимаются скупкой; на приобретателей национальных имуществ, покупающих их за бесценок и расплачивающихся ничем не стоящими бумажками; на богачей, увеличивающих свои состояния за счет снижения ассигнаций и дороговизны жизни. «Патриотизм — это торговля словами, каждый жертвует всеми другими и никогда не жертвует своими интересами». Он предвидел, что закон о всеобщем максимуме вызовет новые спекуляции и находил единственный выход в том, чтобы дать правительству тот нерв, которого ему недоставало. Надо поместить на всех ступенях ответственность рядом с исполнительной властью: «всюду надо поместить меч рядом с возможным злоупотреблением». Надо искать поддержки у бедных классов населения и у простых солдат, страдания которых должны быть облегчены. «Несчастный солдат несчастнее всех других людей: зачем он сражается, когда ему нечего защищать, кроме правительства, которое он покидает?» Депутаты, командированные в армии, должны быть отцами и друзьями солдат, спать в палатках вместе с ними, делить их тяжелую жизнь. Чтобы добиться выполнения приказов Комитета, надо отдать под его непосредственный надзор не только Исполнительный совет, как было до сих пор, но и генералов и все органы власти. Пусть будет провозглашено, что правительство останется революционным до заключения мира, т. е., что вотированная в июле конституция будет решительно отстранена, что диктатура будет легализована, что выборный принцип будет временно подчинен принципу твердой власти. Пусть Комитет получит возможность осуществлять свой надзор, т. е. сокрушать существующие выборные власти. Чтобы добиться быстрого выполнения революционных законов, Комитет будет непосредственно сообщаться уже не с администрациями департаментов, как прежде, но с дистриктами, которые сделаются подсобной пружиной новой организации.

Чтобы обеспечить проведение максимума, все зерновые запасы республики будут взяты на учет: это даст возможность использовать полностью право реквизиции. Вся территория будет разделена на продовольственные зоны, и Париж со своим округом будет обеспечен продовольствием на год. Всякое сопротивление будет преодолено центральной революционной армией, отряды которой будут размещены в непокорных общинах за счет богачей. Сен-Жюст предусматривал также создание спе-

циального трибунала вроде «chamber ardente», который принудил поставщиков и всех располагавших после 1789 г. общественными суммами вернуть все, неправильно ими присвоенное.

Все предложенные Сен-Жюстом меры были приняты без прений. Опасения, которые он выражал по поводу успешного проведения максимума, немедленно оправдались. Как только твердые цены стали известны в Париже и во всех городах Франции, жадная толпа немедленно опустошила все склады. Торговцы, не имея товара, начали закрывать свои лавки. В Париже Шометт угрожал им экспроприацией имущества, и Коммуна под его влиянием потребовала, чтобы Конвент «обратил внимание на сырье и фабрики, в целях их реквизиции, угрожая наказанием всем владельцам или фабрикантам, которые оставят их в бездействии, или даже предоставив сырье и фабрики в распоряжение республики, которая располагает достаточными средствами, чтобы их использовать». Целью экспроприации являлся коллективизм: республика сама поднимет земледельческую и промышленную продукцию. Но ни Конвент, ни Комитет не хотели прибегать к таким решительным мерам, осуществить социальную революцию для проведения максимума, к которому сами они подчинялись скрепя сердце.

Коммуна проявляла лихорадочную деятельность. Она контролировала распределение существующих съестных припасов путем осуществления права реквизиций и введения карточек на хлеб, мясо, сахар, мыло и т. п., другими словами, — путем установления пайков. Она боролась с участившейся фальсификацией вин посредством учреждения должности специальных комиссаров для пробы вина. Она уполномочила комиссаров по борьбе со скупкой производить домовые обыски даже у частных лиц. Она принуждала к соблюдению твердых цен полицейскими мерами, угрожая виновным законом о подозрительных. Большая часть городов подражала примеру Парижа или даже превосходила его.

Но если с распределением существующих продуктов дело обстояло более или менее сносно, то дальнейшее снабжение продовольствием становилось все более затруднительным, так как у рынков уже не было побудительных причин поддерживать количество выставленных на продажу товаров. Чтобы восстановить циркуляцию товаров, которая могла бы усилить продукцию и обеспечить быструю доставку недостающих продуктов, надо

было сделать еще один шаг по пути к централизации. 22 октября Комитет добился учреждения продовольственной комиссии из трех членов, снабженной самыми широкими полномочиями. Пользуясь правом реквизиции, она могла завладеть всеми съестными продуктами по твердым ценам и распределить их между дистриктами. Она получила высшую власть над всей земледельческой и промышленной продукцией, над транспортом, фабриками, рудниками, углем, лесами, над импортом и экспортом. Она могла требовать вооруженную силу. Она должна была подготовить ревизию твердых цен, установление которых уже не зависело от произвола местных властей, а подчинялось твердым принципам, изложенным Барером 11 брюмера. Твердые цены устанавливались на таких основах: «1) для складов сырья, 2) для фабрик, 3) для оптовых торговцев, 4) для розничных торговцев»; кроме того, вырабатывалась транспортная такса соответственно расстояниям. Чтобы подготовить эту новую, единообразную и последовательную таксу, соблюдающую интересы фабриканта, оптового торговца и розничного торговца, чтобы восстановить циркуляцию товаров, Продовольственная комиссия предприняла грандиозную анкету, порученную специальному бюро — «бюро максимума». Анкета должна была занять несколько месяцев, и новые расценки могли появиться только весной 1794 г. В ожидании приходилось довольствоваться временными средствами, т. е. реквизициями и пайками.

Робер Ленде, отозванный из своей командировки в Кальвадосский департамент, принял руководство Продовольственной комиссией 2 ноября. Он возражал, по его словам, против того, чтобы революционную армию употребляли для реквизиций. Ограничились тем, что разместили ее в виде отдельных гарнизонов по городам Ильде-Франса. Ввиду ее бездействия специальный революционный трибунал, который должен был сопровождать ее при всех ее передвижениях, так и не был основан.

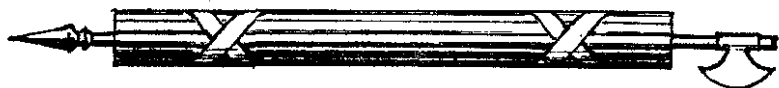
Вместо того чтобы употребить вооруженную силу для проведения реквизиций и твердых цен, Комитет предпочел усилить административную централизацию. Билло-Варенн повторил 28 брюмера критические замечания Сен-Жюста по поводу злонамеренного бездействия местных властей, не применявших на практике таких популярных декретов, как декрет о пособиях родственникам волонтеров, и декреты, касающиеся продовольственной проблемы. Он предложил обязать местные власти представлять

каждые десять дней отчет о своих действиях, публиковать законы в специальном бюллетене, возложить на всех чиновников денежную и уголовную ответственность, уполномочить депутатов и Комитет замещать всех слабых или подозрительных представителей власти, помимо выборов. Кроме того, 9 фримера он предложил запретить депутатам передавать свои полномочия, чтобы не было никаких посредников между Комитетом и дистриктами, распустить всю департаментскую вооруженную силу и отменить все отзывавшие федерализмом департаментские комиссии по надзору. Его проект был окончательно вотирован 14 фримера с оговоркой, которая его еще более усилила. Дантон заявил, что выполнение законов не следует доверять выборным магистратам: «Я требую, чтобы в каждом департаменте был национальный прокурор и чтобы, во избежание всякого воздействия со стороны случая, родства или богатства, — этих надсмотрщиков, этих агентов всего народа назначал Комитет общественного спасения. Пусть они не будут, как были до сих пор, местными людьми, но представителями всей республики» (3 фримера). После некоторых колебаний Комитет согласился на учреждение таких национальных агентов, назначаемых правительством, а не по выборам, и уже предвещавших префектов Наполеона. Файо и Мерлену из Тионвилля, защищавшим выборный принцип, Кутон ответил: «В настоящий момент надо избегать назначения не только опасных, но даже сомнительных общественных должностных лиц».

• Благодаря закону 14 фримера, который после некоторых изменений сделался конституцией республики на время войны, все управление Францией сконцентрировалось в Париже, как это было до 1789 г. Существовавшие еще выборные власти находились под надзором национальных агентов, назначенных Комитетом и пользовавшихся правом доносить на магистрат и чиновников, которые знали, что при малейшей оплошности будут отозваны, внесены в списки подозрительных лиц и подвергнуты тюремному заключению. Для замещения властей уже не прибегали к выборам; как это делалось еще в период массового набора, — депутаты в командировках, или национальные агенты ограничивались тем, что спрашивали совета у народных обществ и затем составляли список заместителей.² Декрет 5 брюмера отменил выборы муниципалитетов. На практике суверенитет народа, право выбора, сосредоточилось в клубах, т. е. в партии,

стоявшей у власти. Самые клубы были очищены. Революционное правительство превратилось в диктатуру партии, осуществляемую в пользу одного класса населения — класса потребителей, ремесленников, мелких собственников и бедняков, — и руководимую людьми буржуазного класса, неразрывно связавшими свою судьбу с революцией, в особенности же теми из них, которые разбогатели на производствах, связанных с войной.

Диктатура партии или класса устанавливается чаще всего силой, и это является необходимостью во время войны. Революционное правительство имело своим роковым спутником террор. |

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

очти не бывало примера, чтобы в стране, ведущей одновременно внешнюю и гражданскую войну, правительство не ввело сокращенного и ускоренного судопроизводства для предотвращения сношений с врагом, заговоров и возмущений.

Для суда над преступлениями против безопасности государства Учредительное собрание создало Верховную палату, назначаемую по выборам избирательными коллегиями департаментов. Новая судебная власть, которая оправдывала или избегала судить обвиняемых, переданных ей Законодательным собранием, обманула ожидания революционеров. После восстания 10 августа победоносная Коммуна потребовала образования чрезвычайного уголовного трибунала, вроде военного суда, судьи и при-

сяжные которого были избраны парижскими секциями. Этот трибунал, трибунал 17 августа, произнес несколько смертных приговоров, смягченных оправдательными приговорами. Он не противодействовал сентябрьским убийствам. Жирондисты, подозревавшие его за монтаньярское происхождение, упразднили его 29 ноября 1792 г., между тем как Верховная палата исчезла еще 25 сентября. Революция не имела более политической судебной власти. Обвиняемые в заговорах против безопасности государства, как, например, приказчики королевских имуществ Сен-Фуа и Дюфрен-Сен-Лион, мадам де Роган-Рошфор, обвиненная в сношениях с эмигрантом Бертрамом-де-Мольвиллем, бывший страсбургский мэр Дитрих, соучастник мятежа Лафайета, и многие другие — привлекались к суду обыкновенных уголовных трибуналов, которые, большей частью, их оправдывали. Жирондисты стояли во главе правления, наши победоносные армии заняли Бельгию, — революция думала, что сможет безопасно проявить великодушие.

Но в начале марта пришли известия о поражении при Альденховене, об утрате Льежа, затем о вандейском восстании. Так же, как после взятия Лонгви, были спешно предприняты рекрутские наборы. 8 марта парижские секционеры потребовали «немедленного учреждения трибунала, приговоры которого не подлежали бы апелляции, — чтобы положить предел дерзости главных виновников и всех врагов общественного дела». Комиссары, которых Конвент только что назначил для проведения набора 300 тыс. человек по департаментам, заявили, что они не отправятся к местам своего назначения, пока не будут учрежден революционный трибунал. День и ночь Собрание шумно обсуждало этот вопрос. Оно решило учредить чрезвычайный уголовный трибунал, судьи и присяжные которого будут назначены самим Конвентом, а не народом: «Трибунал будет ведать всеми контрреволюционными делами, всеми покушениями на свободу, равенство, единство и неделимость республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства и всеми заговорами, направленными к восстановлению королевской власти или созданию всякой другой власти, посягающей на свободу, равенство и суверенитет народа, независимо от того, будут ли обвиняемые гражданскими или военными чиновниками или простыми гражданами». Его приговоры не подлежат ни апелляциям, ни кассациям. Имущества приговоренных к смерти поступают в пользу рес-

публики под условием, что будет оказана помощь их несостоятельным родственникам. С целью ускорить создание нового трибунала было решено назначить временных судей и присяжных из жителей Парижа и соседних департаментов, и 13 марта это назначение состоялось.

Но жирондисты, подчинившиеся учреждению трибунала, немедленно вознаградили себя избранием комиссии из шести членов, которая одна только имела право привлекать обвиняемых к суду политического трибунала. Комиссия, состоявшая из шести жирондистов и одного монтаньяра (Приер из департамента Марны), не выставила ни одного обвиняемого. Трибунал был парализован.

Но 2 апреля пришло известие об измене Дюмурье. Судьи и присяжные трибунала тотчас же отправились в Конвент и выразили протест против бездействия, к которому их принудили. «Народ знает заговорщиков и требует их наказания». По предложению Альбитта, Комиссия шести была упразднена. Через три дня Шарлье предложил, чтобы общественный обвинитель был уполномочен привлекать непосредственно к суду революционного трибунала, без предварительного декрета Конвента, всех обвиненных в заговорах. Дантон дал понять, что преступники этого рода настолько многочисленны, что Конвент фактически не имел бы времени расследовать их дела и потерял бы слишком много драгоценного времени на голосование против них обвинительных декретов. «Если бы деспотизм одержал победу,— добавил он,— вы вскоре увидели бы превотальные трибуналы во всех департаментах, учрежденные для того, чтобы снять головы со всех патриотов, даже с тех, которые не проявили особого патриотизма». И в самом деле, в 1815 г. можно было наблюдать деятельность таких превотальных судов. Дантон, тем не менее, добился оговорки, согласно которой ни один генерал, министр или депутат не мог быть привлечен к суду трибунала без предварительного декрета Конвента. Все эти предложения были вотированы, несмотря на заявление Бартару, протестовавшего против судебной диктатуры, предоставленной одному человеку — общественному обвинителю.

На следующий день, 6 апреля, трибунал имел свое первое заседание. Он рассмотрел дело одного вернувшегося эмигранта, найденного в Бург-ла-Рейн с двумя паспортами и белой кокардой. Эмигрант был приговорен к смерти. Судьи и присяжные плакали. Эти представители правосудия не были жестоки. Выполняя свой тяжелый

долг, они твердо надеялись спасти революцию и Францию.

Жирондисты имели неосторожность отправить в трибунал Марата, обвинив его в подстрекательстве к грабежам, убийствам и роспуску Конвента. Процесс Марата закончился 24 апреля торжественным оправданием. Трибунал оправдал одного за другим многих генералов: «23 апреля — д'Арамбюра, обвиненного в передаче муниципалитету Нёфбриаша роялистских прокламаций; д'Еспарбеза, заместившего в управлении Сан-Доминго Бланшеланда, уже приговоренного к смерти за то что, он заключил в тюрьму патриотов и поддерживал восстание аристократов; затем в мае — Миранду, Стенжеля, Лану, замещанных в бельгийских неудачах. Только два генерала, Мячинский и Лескиер, соумышленники Дюмурье, были приговорены к смерти: над ними тяготели неопровержимые улики. Последующие заседания протекали в тишине, формы были соблюдены. Защитники и подсудимые могли свободно выражать свои мнения.

Несмотря на федералистское восстание, трибунал не ускорил своей деятельности. С 4 по 18 июня он посвятил ряд длинных заседаний процессу бретонского заговора; он произнес по этому делу 12 смертных приговоров соумышленникам Ла Руари и 13 оправдательных приговоров. 12 осужденных на смерть воскликнули: «Да здравствует король!» и обнялись на эшафоте. Философски настроенный полицейский Дютар пишет в своем отчете об этой экзекуции: «Должен вам сказать, что в области политики такие экзекуции производят наиболее сильное впечатление, но самое значительное их действие заключается в успокоении народного недовольства, вызванного его тяжелыми бедствиями. Народ осуществляет, таким образом, свою месть. Жена, потерявшая мужа; отец, потерявший сына; торговец, вынужденный прикрыть свою торговлю; рабочий, расплачивающийся за все по таким высоким ценам, что от его заработка почти ничего не остается, — способны примириться со своими бедствиями только при виде людей еще более несчастных, которых они считают к тому же своими врагами».

Председатель трибунала Монтане попытался спасти Шарлотту Корде. Третий вопрос, поставленный присяжным, были формулирован следующим образом. «Действовала ли она предумышленно, с преступными и контрреволюционными намерениями?» Монтане вычеркнул в черновике слова «предумышленно» и «контрреволюционными» в надежде, что преступление Шарлотты Корде

будет рассмотрено как акт умышленного убийства или как обыкновенное убийство. В предшествующем процессе, процессе убийц Леонара Бурдона, члена Конвента, замученного и убитого во время своей командировки в Орлеан, Монтане вычеркнул в черновике приговора, отправленного в набор, даже освященную законом фразу: «имущества осужденных поступают в пользу республики», так что никакой конфискации не могло быть произведено, хотя между осужденными, по словам Приера из Марны, было несколько миллионеров. Обе фальсификации Монтане были тотчас же обнаружены. Он погиб бы на эшафоте, если бы Фукье-Тенвилль не забыл его преднамеренно в тюрьме.

Процесс Кюстина занял почти всю вторую половину августа. Генерал Мусташ защищал каждый свой шаг, отвечал каждому свидетелю, заставил вызвать в суд многих генералов, находившихся в действующей армии, допросить которых ему не разрешили. Аудитория была явно на его стороне. Присяжные начали колебаться. Якобинцы взволновались. «Трибунал, учрежденный с целью развития революции,— заявил Робеспьер в Якобинском клубе 25 августа,— не должен задерживать ее своей преступной медлительностью, пусть он будет так же активен, как само преступление, и всегда остается на одном с ним уровне». Осужденный два дня спустя Кюстин 28 августа с твердостью встретил смерть. Он был виновен только в неподчинении приказам Бушотта, в необдуманных речах, в плохих военных распоряжениях. Он был искусительной жертвой за капитуляции Майнца и Валансьена.

5 сентября восторжествовал эбертизм. Новый период открылся в истории трибунала, число членов которого, по докладу Мерлена из Дуэ, было увеличено и разделено на четыре секции, причем две из них функционировали одновременно. Список новых судей и присяжных составил Комитет общественного спасения, соединенный с Комитетом общественной безопасности.

И те и другие принадлежали большей частью к буржуазии или к свободным профессиям. Здесь были бывшие священники, например, Лефец и Руане художники и граверы — Шатле, Топино-Лебрен, Самба, Приер, Жирар; банкир Энуен; врачи и хирурги — Субербийль, Бенко, Мартин; торговцы и промышленники — Дюплеи, Биллон; серебряники и ювелиры — Клиписис, Жирар, Компань; портные — Обри, Гримон, Пресселен; слесарь Дидье; сапожник Лешерьев; печатник Никола; шляпочник Борон; бакалейный торговец Лошф; искусный мастер Гравье и др. Санкюлотов в собственном смысле слова не было, если только не причислять к ним таких бюрократов, как Клеманс,

работавший по изготовлению ассигнаций. В числе членов трибунала были и два маркиза — Антонелли и Леруа де Монфлабер, присвоивший себе имя «Десятое августа». Почти все они получили образование.

После того как орудие репрессий было усовершенствовано и получило окончательную форму, следовало подумать о расширении его деятельности. Контрреволюция боролась с существующим режимом не только путем восстаний, заговоров, измен и шпионажа, — она употребляла в дело, пожалуй, еще более грозное оружие — голод, мошенничества со съестными продуктами и поставками. 29 сентября Конвент, вотируя великий декрет о всеобщем максимуме, постановил, что с недобросовестными поставщиками будут поступать так же, как с заговорщиками и, следовательно, они будут привлечены к суду революционного трибунала. Этот грозный декрет был вотирован по жалобе молодых рекрутов, положивших на бюро Конвента пару сапог с подошвами из дерева и картона. Комиссия торговых сделок проявила энергичную деятельность. Поставщиков, привлеченных к суду трибунала за мошенничества, за недозволенное повышение цен, за нарушение максимума, было очень много.

С октября начались крупные политические процессы. Сначала процесс королевы, продолжавшийся с 14 по 16 октября, затем процесс жирондистов, потребовавший целой недели, с 24 по 30 октября.

Королева, уроженка Австрии, была осуждена заранее. Она мужественно умерла под крики несметной толпы: «Да здравствует республика!»

Жирондисты, в количестве 21, пытались защищаться. Только один из них, Буало, лишился присутствия духа, покаялся в своих заблуждениях и объявил себя искренним монтаньяром, но это его не спасло. Остальные держались твердо. Верньо, Бриссо, Жансонне произнесли целые речи в ответ свидетелям, который были их врагами. Якобинцы пришли в раздражение. Они потребовали у Конвента закона, который освободил бы трибунал «от форм, заглушающих сознание и противодействующих убеждению», который «предоставлял бы присяжным право заявить, что они составили себе определенное мнение». Осселен предложил текст закона, который Робеспьер нашел слишком неопределенным. «Я предлагаю декретировать, — сказал Робеспьер, — чтобы после трех дней дебатов председатель трибунала спрашивал у присяжных, составили ли они себе достаточно ясное представление о деле. В случае отрицательного ответа след-

ствие в суде будет продолжено до тех пор, пока присяжные не заявят, что могут вынести свой приговор». Декрет был вотирован и немедленно сообщен на заседание революционного трибунала. Запрошенные присяжные сначала ответили, что еще не составили себе ясного представления о деле. Был уже шестой день процесса. Но в тот же вечер присяжные заявили, что их убеждение окончательно установилось. Жирондисты, присужденные к смерти единодушным вердиктом, встретили приговор криками и ругательствами. Валазе, при выходе из зала заседания, закололся кинжалом. Трибунал распорядился, чтобы труп был доставлен на телеге к месту казни. Огромная толпа с криком «Долой изменников!» смотрела на смерть жирондистов.

Закон об ускорении приговоров имел своим роковым следствием увеличение числа осуждений. С 6 августа по 1 октября было произнесено 29 смертных приговоров, 9 приговоров к ссылке и 24 оправдательных приговора, не считая 130 арестов без всяких последствий. В следующие три месяца, до 1 января 1794 г., из 395 обвиняемых 194 были оправданы, 24 приговорены к ссылке, тюремному заключению и принудительным работам, 117 осуждены на смерть, из них 51 — в октябре, 58 — в ноябре и 68 — в декабре.

Политические процессы следовали один за другим. Филипп-Эгалите, засвидетельствовавший столько раз свою преданность революции, был осужден как соумышленник жирондистов и Дюмурье, так как его старший сын, будущий Луи-Филипп, принял участие в измене генерала. Монтаньяры, предавая его казни, надеялись очиститься от обвинения в орлеанизме, которое так часто выставляли против них их противники. Затем мадам Ролан пришлось поплатиться за своего бесследно скрывшегося мужа; кроме того, она скомпрометировала себя перепиской с Барбару и Дюпре. Узнав о ее смерти, ее муж лишил себя жизни, не столько, может быть, от огорчения, сколько для того, чтобы помешать конфискации своих имуществ, так как у него была дочь. Бывший парижский мэр Байи поплатился за избивание республиканцев на Марсовом поле. Байи был казнен на Марсовом поле, на месте своего «преступления», посреди оскорбительных криков многочисленных зрителей. Затем последовали: жирондист Пьер Манюель, фейьяны Барнав и Дюпор-Дютертр, генералы Брюне, Гушар, Ламорлиер, Бирон. Последний выразил на эшафоте свои роялистские чувства, оправдав, таким образом, до некоторой степени приговор, осудивший его на смерть. Кроме этих известных осужденных, был еще целый ряд неизвестных — жертв

разных законов об эмигрантах, скупщиках, сношениях с неприятелем, призывах к мятежу.

Револьюционный трибунал, учрежденный в тот момент, когда известие о вандейском восстании еще не дошло до Парижа, должен был один, по первоначальному замыслу, обслуживать всю Францию. Затем восстали другие области Франции. Парижский трибунал не мог удовлетворить потребности в репрессиях. В местах, охваченных гражданской войной, прибегали к военным методам. Закон 19 марта 1793 г., направленный против вандейцев, создал военные комиссии из пяти членов, присуждавшие к смерти мятежников, взятых с оружием в руках, ограничиваясь удостоверением их личности. Мятежников, арестованных без оружия, предавали большей частью суду обыкновенных уголовных трибуналов, которые судили их революционным порядком, т. е. без применения апелляций и кассаций.

Репрессии в провинциях находились в прямом отношении к опасности восстания. Восстание в Нормандии, распространившееся после бескровной битвы при Верноне, повлекло за собой только несколько отрешений от должности и арестов. За все время террора в Кальвадосе не было вынесено ни одного смертного приговора. Конвент удовлетвовался символическим жестом. По предложению Делакура и Тюрио он постановил 17 июля, «чтобы дом, которым Бюзю владел в Эвре, был срыт, и на его развалинах поставлен столб с надписью: «Здесь было убежище злодея Бюзю, который, будучи народным представителем, замышлял гибель республики».

Более позднее восстание в Лионе имело несравненно более серьезный характер. Мятежники заключили в тюрьму и казнили многих монтаньяров. Репрессии были очень суровы. Они приобрели не только политический, но и социальный характер. 12 октября Конвент постановил по докладу Барера: «Город Лион будет разрушен. Все дома, населенные богачами, будут разрушены. Останутся только дома бедняков, изгнанных патриотов, здания, отведенные специально для торговли, и памятники, посвященные человечеству и народному просвещению».

Пока в Лионе, получившем новое название «Освобожденного города», оставались Кутон и Менье, репрессии не заключали в себе ничего экстраординарного. Кутон отметил на площади Беллькур несколько домов, которые начали медленно разрушать. Но в начале ноября явились Колло д'Эрбуа и Фуше с отрядом революционной армии,

под командой Рожена. Колло организовал большое икупительное празднество в память Шалье на площади Терро. Были провозглашены новые назначения. Прежняя комиссия народного правосудия, созданная Кутоном, была упразднена за излишнюю снисходительность и заменена революционной комиссией под председательством Парена. Расстрел залпами и картечью заменил гильотину, признанную слишком медленной. 14 фримера (4 декабря) 60 осужденных молодых людей были поставлены под пушки на равнине Бротто. Их связали по двое между двумя параллельно вырытыми рвами, предназначенными для их трупов. Пушечный залп убил только треть из них. Остальных пришлось прикончить ружейными выстрелами. На следующий день на том же месте были расстреляны 208 осужденных 18 фримера — 67, 23-го — 32. Расстрелы прекратились только 22 плювиоза (10 февраля). Комиссия Парена вынесла 1.667 смертных приговоров. Эти гнусные убийства нельзя было оправдать даже боевою горячкой. Они начались через два месяца после окончания осады. Они не могли быть полезны и в качестве примера, так как сам Колло писал Комитету 17 брюмера: «Самые экзекуции не произвели того впечатления, которого можно было бы от них ожидать. Длительные осады и ежедневная опасность, которым подвергался каждый житель города, внушили своеобразное безразличное отношение к жизни, которое можно даже назвать презрением к смерти. Вчера один зритель, возвращаясь с места казни, сказал: «Это не слишком страшно. Что бы мне сделать, для того чтобы быть гильотинированным? Оскорбить депутатов?» Хладнокровно рассуждавший человек вывел бы заключение, что не следует злоупотреблять смертной казнью. Но Колло, любивший театральные жесты, вывел обратное заключение, а именно, что гильотине следует дать подкрепление. Он даже предложил Робеспьеру, впрочем без успеха, рассеять по всей Франции 60 тыс. лионских рабочих, которые, по его мнению, никогда не могли сделаться республиканцами.

Гражданская война на западе отличалась жестокостью, и репрессии были там особенно суровы. В главных городах функционировали военные комиссии, судившие вандейцев, взятых с оружием в руках. Такие комиссии были в Анжере, Ренне, Лавале, Туре, Нанте и др. Комиссия в Анжере расстреляла в Дуэ 3 нивоза 69 мятежников, на следующий день — 64, 6 нивоза — 208, в Анжере 23 нивоза — 100 и т. д. В Анжере осужденные были приведены

на место казни, «Изгородь добрых людей», которое называем теперь «Полею мучеников», с музыкой, власти были в парадной форме, солдаты стояли шпалерами.

В Нанте репрессии, организованные Каррье, превзошли своей жестокостью лионские расстрелы. Каррье, жестокий уроженец Оверни, отличавшийся склонностью к крепким напиткам, прибыл на следующий день после поражения майнцев у Торфу и взятия Нуармутье, отданного Шаретту жителями. Он думал, что окружен изменниками и, может быть, боялся за свою жизнь. Чтобы добиться выполнения своих приказов и защитить свою жизнь, он окружил себя красной гвардией, ротой Марата, солдаты которой, в количестве 40 чел., получали 15 ливров вознаграждения в день. Он организовал вместе с тем тайную полицию под руководством настоящих мошенников — Фуке и Ламберти, присужденных впоследствии к смертной казни за взяточничество. Пленные вандейцы прибывали в Нант сотнями и тысячами. В тюрьмах, в которые они были набиты, появились тиф и холера. Эпидемия грозила распространиться среди жителей Нанта, несших стражу. И вот, чтобы ускорить очистку тюрем, Каррье организовал массовые потопления. Рота Марата набила в грузовые суда и маленькие лодки, отверстия в которых были сделаны заранее, сначала священников, затем вандейцев, вывезла этот человеческий груз на середину Луары, открыла отверстия и потопила его. 27 и 29 фримера Каррье собственноручно подписал приказ о предании смерти без суда и без всяких формальностей сначала 24 «разбойников», из которых двоим было 13 и двоим 14 лет, а затем 27 «разбойников» обоего пола. Надо было очень пристрастным или полным невеждой, чтобы отрицать его личную ответственность за этих убийства. Несомненно только одно, что эти жестокости не произвели в тот момент никакого впечатления на жителей Нанта, сделавшихся добычей голода. Каррье пощадил буржуазное население. Он ограничился отправкой в парижский революционный трибунал 132 скупщиков и федералистов, которые были оправданы после термидора. Возмущение против деятельности Каррье стало выявляться только к концу его командировки, когда массовые убийства начали угрожать здоровью городского населения. Жертв потопления по самому скромному подсчету было до 2 тыс. Военная комиссия, комиссия Виньона, расстреляла 4 тыс. вандейцев, спасшихся в битвах при Мансе и Савеней. Их трупы зарыли на каменоломне Ми-

зери под тонким слоем земли, и трупный запах проник в город и терроризировал его.

В эпоху, которую мы описываем, в конце 1793 г. кровавый террор ограничивался областями, опустошенными гражданской войной и тылом армейских фронтов. Центр Франции, значительно большая часть департаментов познала террор только в форме отрешений от должностей, арестов, иногда таксаций и борьбы с религией. Гильотина функционировала очень редко в этих мирных краях. Случайные смертные приговоры касались только эмигрантов, скупщиков или фальшивомонетчиков, которых судили обыкновенные трибуналы.*

Террор был роковой необходимостью переживаемого момента, и сами роялисты установили бы его против республиканцев, если бы оказались сильнее, как это и было на 3-й год республики и в 1815 г.* Переписка эмигрантов не оставляет в этом отношении никакого сомнения. «Я считаю необходимым подвергнуть Париж террору», — писал 13 июля 1792 г. бывший министр, наперсник королевы, Монморен графу де ла Марш. «Чем больше пощады, тем больше полумер», — восклицает герцог де Кастри в своих мемуарах, в апреле 1793 г.: «Необходимо, чтобы разбойники, опустошившие Францию; мятежники, возмутившие Европу; чудовища, убившие короля, — были стерты с лица земли». Граф де Фланшланден добавляет: «Я держусь того мнения, что пока Конвент не будет истреблен, сопротивление не прекратится». Таково было общее мнение эмигрантов. «Их намерения ужасны, — говорил секретарь прусского короля Ломбар, сопровождавший эмигрантов во время аргоннской кампании. — Если бы их соотечественники были преданы их мести, Франция превратилась бы вскоре в чудовищное кладбище» (23 июля 1792 г.). Революционеры, следовательно, убивали, чтобы не быть убитыми самим. Даже во Франции, всюду, где революционеры были недостаточно сильны, в Вандее, Марселе, Лионе, Тулоне, — их беспощадно истребляли. Они действовали в условиях самообороны. Но они защищали не только свои идеи, свою личную неприкосновенность и свои имущества. Они защищали вместе с тем отечество. Жозеф де Местр произнес следующий безапелляционный приговор: «Чего хотели роялисты, когда они добивались внезапной, насильственной контрреволюции? Они хотели завоевания Франции, ее разделения, уничтожения ее влияния и уничтожения ее короля». А между тем Жозеф де Местр руководил в 1793 г. шпионами сардинского короля, своего господина.

ИНОСТРАННЫЙ ЗАГОВОР

айные враги революции внушали Комитету не меньше опасений, чем его открытые враги. Он чувствовал себя окруженным шпионами. Бывший член Учредительного собрания д'Антрег, игравший при претенденте Людовике XVIII роль министра полиции, содержал в Париже агентов, регулярно осведомлявших его о положении дел посредством писем, написанных симпатическими чернилами. Эти агенты проникали под демагогической маской даже в канцелярии управлений. С целью навести шпионов на ложный след, Робеспьер записал в своей памятной книжке: «Иметь два плана; один для канцелярских служащих».

С давних пор подозревали, что иностранное золото предназначалось не только для выведывания наших во-

енных тайн, но и для возбуждения смут и создания всякого рода затруднений правительству. #11 июля 1793 г. в большом докладе, представленном от имени первого Комитета общественного спасения, который только что был упразднен, Камбон утверждал, что даже экономический и финансовый кризисы были усилены, если не вызваны, маневрами неприятеля. «С тех пор как я знаю,— сказал он,— что Питт ассигновал 5 млн. фунтов стерлингов на секретные расходы, я уже не удивляюсь, что с помощью этих денег сеют смуты на всем протяжении республики.

Если с помощью фонда в 120 млн. ассигнациями добились снижения нашего курса, то Питт со своими 5 млн. фунтов стерлингов добыл себе 500 млн. ассигнациями, при помощи которых ведет с нами жестокую войну. Некоторые администраторы департаментов помогают ему. Как уничтожить республику?— сказали они,— дискредитируя ассигнации».

Слова Камбона выражали только гипотезу. Но в конце июля в Комитет общественного спасения был доставлен портфель, потерянный одним английским шпионом на валу Лилля. Из находившихся в портфеле документов можно было заключить с полной уверенностью, что после января шпион распределил значительные денежные суммы между своими агентами, рассеянными по всей Франции. Он уплатил одному французу, по имени Дюплан, месячный оклад в 2.500 ливров. Он выдавал деньги в Лилле, Нанте, Дюнкирхене, Руане, Аррасе, Сент-Омере, Булони, Туаре, Туре, Кане, в городах, в которых именно и вспыхнули беспорядки. В виде инструкции он предписал своим корреспондентам заготовить фосфорные фитили, чтобы поджечь арсеналы и склады фуража. И пожары, действительно, принесли значительные убытки в Дуэ, Валансьене, в парусных мастерских лорианского порта, на патронных заводах Байонны, в артиллерийском парке Шемилле.

«Поднимите курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов,— писал он тому же корреспонденту:— Уплатите Гютнеру хорошее вознаграждение и уверьте его от имени милорда, что все его убытки компенсированы вдвойне и даже более... Надо понизить, насколько возможно, курс ассигнаций и не принимать ассигнаций без изображения короля. Поднимите цены на все съестные продукты. Прикажите вашим торговцам скупить все продукты первой необходимости. Если вы сможете убедить Котт .. скупить сало и свечи по любой цене, заставьте публику платить по 5 ливров за фунт».

Прочитав эти документы Конвенту на великом заседании 1 августа, Барер сделал вывод, что следует выслать

всех английских подданных, приехавших во Францию после 14 июля 1789 г. Камбон нашел эту меру слишком мягкой; она касалась только английских подданных. Он предложил арестовать временно, в виде меры общественной безопасности, всех подозрительных иностранцев без исключения. «Неужели вы думаете, что австрийцы, находящиеся во Франции, не являются, подобно англичанам, агентами Питта? Достаточно выделить из общего числа американцев и швейцарцев». Кутон напомнил, что английское правительство объявило изменниками отечеству всех английских подданных, поместивших свое имущество во Франции.

«Я требую, чтобы вы в свою очередь декретировали: 1) что все французы, которые поместят свои капиталы в лондонских банках, будут присуждены к денежному штрафу, равному помещенной сумме, половина которого поступит в пользу доносчика; 2) что все, поместившие свои капиталы в Лондоне до опубликования настоящего декрета, должны заявить об этом в течение месяца; в противном случае они подлежат взысканию такого же штрафа и будут, кроме того, признаны подозрительными и подвергнуты как таковые аресту».

Все эти предложения были вотированы.

*До сих пор революция проявляла большую снисходительность по отношению к неприятельским подданным, проживавшим во Франции. Многие из них получали административные места. Они встречались даже в революционных комитетах и заседали в Конвенте, как, например, Анахарсис Клоутс, Дентцель или Томас Пейн. Шпионам легко было выдать себя за иностранных патриотов, преследуемых за свои идеи. Этих мучеников свободы встречали с восторгом. Они добывали себе могущественных покровителей не только в клубах, но и в комитетах Конвента, даже в правительстве.

Английский банкир Уолтер Бойд, бывший банкиром Питта и английского министра иностранных дел, открыл со своим компаньоном Кером отделение своего лондонского дома в Париже. Он сумел снискать благоволение депутатов Делоне из Анжера и Шабо, защищавших его, когда он находился в опасности. Посредством взноса 200 тыс. ливров Шабо, бывший членом Комитета общественной безопасности, добился снятия печатей, наложенных на его банк в ночь с 7 на 8 сентября. И когда, спустя месяц, Бойду угрожал арест, Шабо достал ему паспорт, с которым он мог бежать и вернуться в Англию.

Когда Дантон был арестован, в его бумагах нашли письмо, адресованное Английским министерством иностранных дел невшательскому банкиру Перрего, прусского подданному, обосновавшемуся в Париже, с предложением передать различным лицам, обозначенным инициалами С. Д., W. T., Де М., значительные денежные суммы (3 тыс., 12 тыс. и 10 тыс. ливров) в благодарность за «существенные услуги, которые они нам оказали, раздувая огонь возмущения и доводя якобинцев до пароксизмов ярости». Это письмо могло фигурировать в бумагах

Дантона только потому, что Перрего сообщил его Дантону как лицу непосредственно заинтересованному. Есть много оснований думать, что Перрего имел постоянные сношения с английским правительством.

Бельгийский банкир, австрийский подданный Берхтольд Проли, которого считали незаконным сыном канцлера Кауница, был уполномочен венским правительством подкупить бельгийцев, принадлежавших к партии фонкистов. Обосновавшись в Париже, он основал там газету «Космополит», защищавшую английскую политику. Эта газета исчезла после объявления войны, так как уже не могла принести никакой пользы. Проли завязал сношения с журналистами вроде Камилла Демулена. Он вел широкий образ жизни в своей квартире в Пале-Рояле. Ему удалось снискать доверие Эро де Сешелля, который подобно ему отличался склонностью к чувственным наслаждениям. Эро держал его при себе в качестве секретаря даже после вступления в Комитет общественного спасения. Министры Лебрен и Дантон поручили Проли секретные дипломатические миссии. Он сделался закадычным другом Дефье, главного лица в якобинском комитете корреспонденций, в котором он был казначеем. Через Дефье, субъекта очень подозрительного, Проли проник во все тайны Якобинского клуба. Дефье был почти неграмотен. Проли составлял его речи. Проли имел связь со многими монтаньярскими депутатами, например, с Бантаболом, Жанбон Сент-Андре, Жеем из Сен-Фуа. Дефье пользовался покровительством Колло д'Эрбуа, хотя и был скомпрометирован документами железного шкафа, и хотя его считали пайщиком игорного дома мадам де Сент-Амарант.

Другой бельгийский банкир, австрийский подданный Валькирс, сыгравший, подобно Проли, двусмысленную роль в революции своей страны, обосновался в Париже после измены Дюмурье. Так как он был очень богат, его подозревали в распределении денежных сумм между журналистами и членами клубов в интересах австрийской политики.

Деклассированный испанский дворянин Гюцман, также отдавшийся банковским операциям и интригам, составил себе, благодаря своей щедрости, многочисленную клиентуру в секции Лик. Он сумел проникнуть в Повстанческий комитет, подготавливавший революцию 31 мая; но уже в то время он возбуждал такие подозрения, что его прогнали из комитета. Сен-Жюст упрекал впоследствии Дантона за то, что он устраивал с Гюцманом обеды по сто экю с персоны.

Два моравских еврея, Зигмунд Готлоб и Эммануил Добруска, бывшие поставщиками императора Иосифа II в его войну с турками и получившие за это дворянство вместе с именем Шенфельд, прибыли во Францию на следующий день после объявления войны. Они выдали себя в Страсбургском клубе за преследуемых патриотов и под именем Фрей (свободные) добились, путем своевременной щедрости, покровительства члена клуба Шарля Лаво, редактора «Страсбургского курьера», боравшегося в то время с фейьемом Дитрихом, мэром города. Они проводили Лаво и федератов Нижнего Рейна в Париж, накануне 10 августа, и не замедлили завязать в Париже прекрасные отношения с влиятельными депутатами, вроде Луи из департамента Нижнего Рейна, Бантоболя, Симона, Ришара, Гастона, Пиорри, Шабо. Они представили ряд проектов министру иностранных дел Лебрену и часто получали заемные письма из-за границы. Они были заинтересованы и в каперских судах республики, давали займы деньги, покупали национальные имущества, держали открытый стол в прекрасном отеле эмигрантов, в котором остановились. Чтобы избежать репрессий, касавшихся иностранных подданных, они пытались добиться французского гражданства, усыновив одного старика. Они проникли к якобин-

цам благодаря Шабо, который служил им поручителем. Обвиненные с самого начала в шпионаже, они долго скрывались от розысков. Их не беспокоили даже после того, как Шабо был изгнан из Комитета общественной безопасности. Шабо присутствовал при обыске в их квартире 26 сентября. Несколько дней спустя, 6 октября, он женился на их молодой сестре, имевшей 200 тыс. ливров приданого, и поселился в их отеле. Он имел наглость объявить об этом браке в Якобинском клубе, выставляя его как свидетельство того, что он остепенился и отказался от своего распутного образа жизни. Но якобинцы его оставили, и между ними пронесся слух, что Шабо сам доставил Леопольдине Фрей приданое в 200 тыс. ливров, чтобы скрыть таким образом прибыль от своих хищений.

Все эти подозрительные иностранцы, многие из которых были агентами неприятеля, играли в политическом движении важную роль, беспокоившую вскоре Комитет общественного спасения. Даже те из них, которые связали на время свою судьбу с судьбою Лафайета и Дюмурье, как, например, Проли и его неразлучный друг Дефье, проявляли теперь самый яркий патриотизм и проповедовали самые крайние меры. Они составляли существенное подкрепление партии эбертистов. «Отец Дюшен» был близок с голландским банкиром Коком, угощавшим его хорошими обедами в своем доме в Пасси. Анахарсис Клоотс, «оратор человеческого рода», заседавший в Конвенте, руководил крупной газетой «Батавец», которая была органом иностранных эмигрантов и проводила кампанию, параллельную кампании «Отца Дюшена». Клоотс, верный политике жирондистов, постоянно проповедовал необходимость революционизировать соседние страны. В манифесте, который он объявил 5 октября с трибуны Якобинского клуба, он требовал естественных границ для Франции, т. е. рейнскую границу. Его друг, Эро де Сешелль, подобно ему бывший жирондист, руководивший вместе с Барером иностранной политикой Комитета общественного спасения, отправил в Швейцарию секретных агентов, пропаганда которых встревожила наших соседей. Но Робеспьер и другие члены Комитета, озабоченные в то время доставкой продовольствия и сырья для нашего военного производства, поняли всю опасность неосторожной политики Эро, которая могла закрыть для нас швейцарский рынок. Они отвергли проект аннексии Мюльгаузена и отозвали секретных агентов, посланных за Юрские горы. Вместе с тем они отозвали Жене, нашего посланника в Соединенных Штатах, беспокоившего Вашингтона своими политическими интригами, и дали приказание 11 октября его арестовать. В большой речи, произнесенной в Конвенте 27 брюмера,

Робеспьер старался успокоить нейтральные державы, американцев, датчан, турок, а также швейцарцев — относительно намерений революционной Франции. Франция не мечтает покорить весь мир. Она хочет только защитить свою свободу и независимость маленьких наций. О завоеваниях мечтают только члены коалиции. Эта речь, встреченная аплодисментами Конвента, должна была утешить иностранных эмигрантов и их покровителей эбертистов, видевших спасение только в войне до конца, до создания всемирной республики.

Но иностранные эмигранты причиняли Комитету общественного спасения еще и другие заботы. Когда Конвент положил 5 сентября конец постоянной деятельности секций и ограничил их собрания двумя заседаниями в неделю, а потом в декаду, — эбертисты обошли закон, создав в каждой секции народные общества, собиравшиеся каждый вечер. Изобретательный Проли с помощью своих друзей, Дефье, бордоского еврея Перейры, драматического писателя Дюбюиссона нашел способ объединить эти народные общества в Центральном комитете, в котором он играл главную роль. Эта могущественная организация, находившаяся в непосредственном контакте с санкюлотами секций, сделалась соперницей по власти не только Якобинского клуба, но и Коммуны и даже Конвента. Эти объединенные народные общества, претендовавшие на представительство всего народа, могли породить секционное восстание, подобное тем, которые имели место в Лионе, Марселе, Тулоне, повторить 31 мая в обратном смысле, которое снова произвело бы чистку в Конвенте и ввергло бы Францию в анархию, предвестницу поражения и восстановления монархии. Проли, Перейра и их друзья не скрывали своего презрения к Конвенту и недоверия ко всем вообще депутатам. В середине брюмера Центральный комитет народных обществ распространил по секциям петицию, требовавшую у Конвента отмены жалованья священникам и уничтожения конституционного культа.

Со времени учреждения революционного календаря многие города устроили гражданские празднества в честь последнего дня декады, который играл роль республиканского воскресенья, так, в Гавре, 21 октября (30 число 1 месяца), в Клермоне-на-Уазе — 10 брюмера. Но хотя эти празднества и конкурировали с религиозными праздниками, они все же не могли их отменить. Ньеврский епископ Толле принял даже участие в первых гражданских

церемониях, организованных Фуше. Некоторые священники уже поженились и отказались от своего служения, некоторые церкви были закрыты, но конституционное духовенство осталось в целом нетронутым. Уже Камбон добился постановления Конвента, что священники не являются государственными чиновниками, и их заработок — не жалованье, а только пенсия. Оклад епископов был уменьшен в этот же день, до 6 тыс. ливров, а епископских викариев — до 1.200 ливров (18 сентября 1793 г.). После 5 сентября все неженатые священники были исключены из комитетов надзора, а после 7 брюмера церковнослужителям запретили быть общественными наставниками. Наконец, 13 брюмера актив церковных имений и пожертвованные вклады были конфискованы, и, таким образом, содержание служителей культа зависело теперь от щедрости верующих. Некоторые из командированных депутатов сделали кладбища светскими, поощряли браки священников, председательствовали на светских церемониях, но все же не закрыли церквей. Священники в Ньевре, женившиеся под давлением Фуше, продолжали служить мессы. Ленъело и Лекинио превратили церковь Рошфора в храм Истины, но все же оставили священников при выполнении их обязанностей. Андре Дюмон в департаменте Соммы оскорблял священников, заставил их перенести свои богослужения на десятый день декады, но самых богослужений все же не отменил.

Несмотря на все, культ сохранился. Петиция Центрального комитета народных обществ угрожала самому его существованию, лишая его последних ресурсов. Авторы этой петиции не скрывали своего намерения путем отмены жалованья священникам нанести последний удар «жреческому деспотизму». Вечером 16 брюмера они обратились в сопровождении депутатов Клоотса, Леонара Бурдона и еврея Перейры к парижскому епископу Гобелю, разбудили его и заявили, что он должен пожертвовать собой для общественного блага, отказавшись от своего служения и приказав подчиненному ему духовенству закрыть церкви. Гобель обратился с запросом к своему епископскому совету, который 14 голосами против 3 высказался за подчинение приказу, и на следующий день, 17 брюмера, Гобель заявил сначала Парижскому департаменту, затем Конвенту, что его викарии и он сам отказываются от отправления своих обязанностей представителей католического культа. Он положил на бюро свой крест и кольцо и, под общие аплодисменты, накрыл

голову красным колпаком. Многие депутаты, которые были епископами или кюре, немедленно последовали его примеру, и этот пример нашел отклики во всей Франции. Спустя три дня, 20 брюмера, Парижская коммуна отпраздновала в Нотр-Дам, превращенном в храм Разума, большое гражданское торжество, на котором фигурировала артистка, одетая в трехцветное платье и символизовавшая Свободу. Приглашенный Коммуной Конвент присутствовал на празднестве в полном составе. Борьба с религией разгорелась. Ограбленные церкви закрывались тысячами и становились республиканскими храмами.

Комитет общественного спасения, борющийся с голодом, озабоченный проведением в жизнь таких трудных для выполнения законов, как максимум и реквизиции, стремившийся упрочить общественный порядок, испугался этого внезапного, могущественного движения, которое могло возобновить гражданскую войну и которое, действительно, возбудило многочисленные смуты,— движения, безответственные авторы которого, подданные чужих, враждебных республике держав, подобно Проли и Клоотсу, уже давно возбуждали подозрения.

В тот же вечер, 17 брюмера, когда Клоотс вернулся в Комитет общественного спасения после отречения Гобеля, Робеспьер обратился к нему с горячими упреками: «Ведь вы же говорили нам в последний раз, что следует занять Нидерланды, вернуть им независимость и обращаться с населением по-братски... Почему же вы хотите отделить от нас бельгийцев, затрагивая предрассудки, к которым, как вы знаете, они сильно привязаны?»—«О, о! — ответил Клоотс,— дело уже сделано. Нас уже тысячу раз называли нечестивцами». — «Да,— ответил Робеспьер,— но тогда к этому не было оснований». Клоотс побледнел, не нашел, что ответить, и вышел. Два дня спустя он добился председательского места в Якобинском клубе.

Робеспьер был убежден, что религиозная революция, которая могла сыграть наруку только членам коалиции, явилась результатом интриг их агентов, как и все крайние и неполитичные меры, навязанные Конвенту демагогией, вроде учреждения революционной армии и максимума. В большой речи 27 брюмера он подробно описал роль Питта в наших внутренних смутах, начиная с 1789 г., и ясно намекнул, что те, кто разрушает церкви, легко могут быть контрреволюционерами под маской демагогов.

Хотя Конвент был чист по своему составу, в его рядах

все же встречались корыстолюбивые люди и мошенники. 14 сентября пришлось изгнать из Комитета общественной безопасности депутатов Шабо, Жюльена из Тулузы, Базира, Осселена, которых всеобщая молва обвиняла в покровительстве поставщикам, аристократам и подозрительным банкирам. Обыск, сделанный 18 сентября у Жюльена из Тулузы, подтвердил эти подозрения. Шабо был настолько испуган, что сжег множество бумаг в своем камине.

Комитеты следили за поставщиками и их покровителями. 20 июля докладчик Комитета перевозок и Комитета общественного спасения Дорнье донес о скандальном утверждении бывшим министром Серваном договоров с подрядчиком по перевозкам д'Эспаньяком, который нашел способ получать 5 443 504 ливра звонкой монетой в месяц за услуги, на которые мог израсходовать только 1 502 059 ливров ассигнациями, упавшими к тому же на 50%. Несмотря на покровительство Делакура, Шабо и Жюльена, д'Эспаньяк был арестован. 29 июля Вилльтар представил уничтожающий доклад, направленный против Сервана, который также был отрешен от должности и арестован. Прежние договоры были аннулированы, и перевозки переданы в ведение управления. В сентябре разразилось дело депутата Робера. Этот друг Дантона, бывший журналист, держал в своем погребе бочки с ромом, которым торговал. Под предлогом, что ром не водка, он не объявил о своих запасах, как этого требовал закон о скупщиках. У него возник конфликт с секцией Марата, которая сделала на него донос в Конвент. После горячих прений, из которых он вышел морально осужденным, ему пришлось, для того чтобы избежать репрессий, пожертвовать ром в дар своей секции. Затем возникло дело депутата Перрена из департамента Об, который заключил договор на поставку холста для армии более чем на 5 млн. и в то же время принял назначение в члены Комитета торговых сделок, так что должен был сам следить за выполнением своей поставки. Разоблаченный Шарлье и Камбоном 23 сентября, Перрен признался в своем преступлении, был привлечен к суду революционного трибунала и приговорен к 12 годам тюремного заключения.

Самым серьезным из всех этих скандальных дел было дело Индийской компании, разразившееся как раз в тот момент, когда иностранцы предприняли ожесточенную борьбу с христианской религией. И по общественному весу скомпрометированных в нем лиц и по волнению,

которое оно возбудило, оно значительно превосходило обычные дела о мошенничествах. Оно получило важное политическое значение и сделалось источником раздоров в среде монтаньяров. Оно сообщило реальные, осязаемые формы иностранному заговору, существование которого давно подозревал Комитет общественного спасения. Оно усиливало борьбу партий, поставив между ними призрак преданного и проданного отечества.

В период больших опасностей, в июле и августе 1793 г., когда свирепствовал голод, когда наш курс катастрофически падал, депутаты-дельцы, о которых мы уже говорили, стараясь создать себе, с небольшими издержками, популярность и вместе с тем обогатиться, возымели идею возбудить обвинение против финансовых компаний, акции которых котировались на бирже выше государственных процентных бумаг. Делоне из Анжера, при поддержке Делакура, донес о мошенничествах, к которым прибегали эти компании, чтобы ускользнуть от налога. Фабр д'Эглантин обвинил их в том, что они сбывали французские деньги в неприятельские страны и понижали стоимость ассигнаций, меняя их на реальные ценности, уходившие за границу. Жюльен из Тулузы пошел еще дальше. Он обвинил Индийскую компанию в том, что она снабжала деньгами покойного тирана. На кассы и бумаги Индийской компании были наложены печати. Фабр угрожал компаниям по страхованию жизни от огня, Водной компании, Учетной кассе, и 24 августа был вотирован принципиальный декрет, запретивший акционерные компании. Учетная касса была опечатана.

Угрожая финансовым обществам, Делоне и его соумышленники — Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, Фабр д'Эглантин — играли на понижение акций с помощью капиталов, предоставленных в их распоряжение д'Эспаньяком.

Они были недостаточно компетентны в финансовых вопросах, чтобы составлять самим те речи, которые выносили на трибуну. За именами Делоне, Шабо, Базира, Жюльена из Тулузы скрывался опытный в делах авантюрист, знаменитый барон де Батц.

Этот молодой гасконец, раздобывший себе фальшивые дворянские грамоты, чтобы поступить в армию до 1789 г., составил себе большое состояние путем удачных спекуляций. Он владел большей частью акций Парижской водной компании и компании по страхованию жизни, основанной братьями Перье за несколько лет до революции. Он вел широкий образ жизни и содержал самых модных артисток. Делегированный в Учредительное собрание, он был назначен, благо-

даря своим знаниям в области финансов, членом Ликвидационного комитета, в котором занял председательское место. Он задержал, насколько это было в его власти, ликвидацию пенсий старого режима, так как был в душе роялистом. Его подозревали в выдаче двору секретных денежных сумм. Когда была объявлена война, он эмигрировал и служил некоторое время в княжеской армии, в качестве адъютанта князя Нассау-Зигенского. Но после 20 июня он вернулся во Францию, чтобы предложить королю свои услуги. И на следующий день после его возвращения Людовик XVI записал в своей счетной книге: «Возвращение и прекрасное поведение господина де Батц, которому я должен 512.000 ливров». Достойно замечания и наводит на размышления то обстоятельство, что Батц, этот роялист до мозга костей, пользовался неограниченным доверием жирондистского министра Клавьера, защищавшего его от всяких нападок. Перед 10 августа он переехал в Англию, в начале января 1793 г. вернулся во Францию и в самый день 21 января сделал, вместе с маркизом де ла Гиш, попытку освободить короля. С невероятной смелостью он перешел проезд бульвара в момент прибытия телеги, отвозившей Людовика XVI к эшафоту, восклицая: «Да здравствует король!» Он ускользнул от всех розысков. Генеральный прокурор, синдик Парижского департамента, Люлье был ему предан всей душой. Кроме того, он нашел покровителей в полиции и Коммуне. В мае 1793 г. Клавьер, который был еще министром общественных податей, снабдил его аттестатом в гражданственности. Он держал в то время при себе, в качестве секретаря и доверенного лица, бывшего агента Дантона — Бенуа, земляка и близкого друга Делоне из Анжера. Этот Бенуа получил секретную командировку от Дюмурие в Германию к герцогу Брауншвейгскому накануне объявления войны, затем от Дантона в Лондон на следующий день после 10 августа и к герцогу Брауншвейгскому после Вальми. Он был посредником между Батцем и депутатами дельцами, орудием шантажа, направленного против финансовых компаний, и орудием биржевых операций, явившихся следствием этого шантажа. В середине августа Батц собрал у себя за столом в своем Шаронском доме своих друзей и соумышленников: Шабо, Базира, Делоне, Жюльена из Тулузы, Бенуа, присоединив к ним литераторов Лагарпа, банкира Дюруа и нескольких дам: бывшую маркизу де Жансон, искавшую средств спасти королеву, мадам де Бофор, любовницу Жюльена, актрису Гранмэзон, любовницу барона, и гражданку де Бокер, любовницу Лагарпа. Очень возможно, что за этим обедом занимались не только делами. Барон был поверенным князей. Он пытался заинтересовать членов Конвента, своих соумышленников, в спасении королевы и жирондистов. Шабо показал впоследствии, что он предлагал миллион тем, кто поможет ему устроить бегство королевы, и что маркиза де Жансон содействовала его усилиям. На один момент этот умысел был обнаружен. 9 сентября, в заявлении, адресованном полицейскому комиссару секции Люксембурга, слесарь Зенгреде показал, что, находясь накануне в доме маркиза ла Гиш, куда он зашел навестить одного из своих приятелей — слугу маркиза, он услышал, как ла Гиш говорил Батцу: «Друг мой Батц, если департаментской федерации не будет оказана поддержка, Франция погибнет, Гора и санкюлоты уничтожат нас всех». Батц ответил на это: «Я пожертвую федерации все мое состояние. Надо во что бы то ни стало спасти Гаде, Бриссо, Верньо и всех наших друзей. Если департаменты решатся нас поддержать, мой план таков: уничтожить Гору и этих мошенников — санкюлотов». И жена Фонтанжа сказала: «Если Батц осуществит наши проекты, мы спасем Францию». Вследствие этого доноса в Шаронском доме Батца был произведен, для соблюдения формы,

обыск. Чичего, разумеется, не нашли. Батц отделался тем, что переменил свое местопребывание. Арестованы были только статисты. Что же касается барона, он продолжал по-прежнему встречаться с депутатами — своими единомышленниками. Шабо говорит сам, что Батц навестил его 19 брюмера.

Будем помнить, что дело ажиотажа усугублялось роялистской интригой. Обработав в течение двух месяцев Индийскую компанию, Делоне 8 октября предложил декрет, регулировавший ее ликвидацию. Этот декрет был составлен таким образом, что давал компании возможность избежать уплаты налога с четвертой части ее дивидендов и штрафа, которому она подлежала за свои прежние мошенничества. Кроме того, декрет давал компании право самой ликвидировать свои дела под надзором комиссаров, назначенных министром общественных сборов. Фабр д'Эглантин, который вел до тех пор энергичную борьбу против компании, был удивлен снисходительностью докладчика Делоне и добился изменения декрета, согласно которому ликвидация компании поручалась уже не самой компании, а государственным агентам. Окончательная редакция декрета была поручена особой комиссии. Через двадцать один день Фабр д'Эглантин и Делоне передали секретарю собрания Луи из департамента Нижнего Рейна окончательный текст декрета, появившийся в «Бюллетене» и содержащий два существенных изменения, выгодных для компании, на которые первое время никто не обратил внимания. В формальном противоречии с оговоркой Фабра Д'Эглантина ликвидация поручалась заботам самой компании. Кроме того, она должна была уплатить штраф только за такие мошенничества, относительно которых не могла доказать свою добросовестность.

Почему Фабр так резко изменил свое мнение? Он пользовался очень плохой репутацией. В 1789 г. он выпросил у короля охранную грамоту, чтобы ускользнуть от своих кредиторов. В момент вторжения неприятеля, в 1792 г., будучи секретарем Дантона в министерстве юстиции, он заключил с военным министром Серваном договор на поставку сапог для армии, и выполнение этой поставки вызвало серьезные упреки со стороны преемника Сервана — Паша. У Фабра были любовницы и роскошные выезды. Он посещал банкиров всех национальностей. Для объяснения своей подписи под фальсифицированным декретом он сделал впоследствии во время своего процесса следующее смехотворное признание: «Я подписал декрет, не читая».

Из признаний Шабо и документов, фигурировавших на процессе, можно заключить, что Делоне и его сообщники, — Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, — выудили у Индийской компании сумму в 500 тыс. ливров в возна-

граждение за декрет, предоставлявший компании самой ликвидировать свои дела и лишавший казну значительных штрафов и налогов, которые она должна была бы уплатить. Сначала Фабр д'Эглантин не принимал участия в этой афере. Он не присутствовал на обеде в августе у барона де Батц в Шаронне. Шабо сообщает, что он спекулировал отдельно, и Проли добавляет, что он пользовался советами лионского уроженца, банкира Левра. Он высказался сначала против декрета, предложенного Делоне, несомненно только для того, чтобы принудить Делоне вступить с ним в соглашение. И его подпись под окончательной редакцией декрета объясняется только тем, что Делоне согласился выделить ему долю из 500 тыс. ливров.

Фабр был хитрый человек, имевший в запасе немало уловок. Он видел, что Эбер и якобинцы сурово обвиняли мошенников, заседавших в Конвенте. Даже его друг Дантон подвергался нападениям. Фабр решил, что эти докучливые эбертисты уязвимы, так как в их рядах много подозрительных иностранцев, и при поддержке своих друзей из Парижского департамента, Дюфурни и Люлье, смело перешел в наступление против эбертиского авангарда, составленного из этих иностранцев. В конце сентября Дюфурни отдал приказ об аресте Проли и его закадычного друга Дефье, которые были освобождены только 12 октября, благодаря вмешательству Колло д'Эрбуа и Эро де Сешелль. Чтобы отвлечь подозрения, Фабр всеми силами содействовал Комитету общественного спасения в его борьбе с иностранцами. В то время как Шабо и Делоне из Анжера пытались воспрепятствовать секвестру их имуществ, Фабр перещеголял самого Робеспьера, который считал эту меру необходимой и, наконец, добился ее осуществления 10 октября. Как можно было подозревать Фабра в соглашении с банкирами, когда он способствовал опечатанию их касс и бумаг? В то самое время, когда он вел с Делоне переговоры об отказе от своей оппозиции декрету о ликвидации Индийской компании, он задумал смелый маневр, который должен был обеспечить ему доверие правительства и увенчался сначала полным успехом. 12 октября он потребовал, чтобы его выслушали десять специально отобранных им членов обоих Комитетов правительства — Робеспьер, Сен-Жюст, Леба, Панис, Вадье, Амар, Давид, Моис, Байль и Гюффуа, и объявил им о крупном заговоре, организованном против республики крайними революционе-

рами, которые являются, по всем вероятностям, агентами неприятеля. Он указал на Проли и его друзей Дефье, Перейру, Дюбюиссона, выведавших, по его словам, правительственные тайны, имевших постоянные и близкие сношения с самыми опасными банкирами, как, например, Валькиром Симоном, Де Мон — уроженцами Брюсселя, агентами императора, или такими, как Греню из Женевы и Греффюель. Он донес, что Проли и Дефье руководили газетами, которые имеют вид патриотических газет, но для опытных глаз ничем не отличаются от газет, подобных «Батавцу». Затем он обрушился на покровителей иностранных агентов — Жюльена из Тулузы, Шабо и, наконец, Эро де Сешелля. Оба первые были только орудиями в руках Дефье и Проли, познакомивших Шабо с брюссельским банкиром Симоном и его женщинами. Они женили Шабо «на сестре некоего Юниуса Фрей, настоящее имя которого барон де Шенфельд; он — австриец и имеет родственников, командующих в настоящее время прусской армией». Не является ли приданое в 200 тыс. ливров, в получении которого признался Шабо, ценою его предательства?

Эро де Сешелль был, по словам Фабра, также простым орудием в руках Проли, который знал через него все, что происходило в Комитете общественного спасения. Эро де Сешелль употреблял для секретных командировок за границу целый ряд подозрительных лиц, например, Перейру, Дюбюиссона, Куендра, Лафайя. Фабр намекнул, что и сам Эро легко мог участвовать в иностранном заговоре. Члены Комитета не заметили того любопытного и многозначительного обстоятельства, что Фабр, предъявивший такие суровые обвинения Шабо и Жюльену из Тулузы, не сказал ни слова о Делоне из Анжера, который был их другом и сообщником. Последний только что принял его в долю при дележе 500 тыс. ливров Индийской компании.

Члены Комитетов были вполне подготовлены к сообщениям Фабра д'Эглантина:

«В республике существуют заговоры, — сказал Сен-Жюст 10 октября в большой речи, в которой требовал секвестра имуществ английских подданных. — Заговор ее внешних врагов, заговор воров, которые служат ей только для того, чтобы сосать ее грудь и влекут ее к гибели от истощения. Существуют также несколько человек, жаждущих занять должности, заставить говорить о себе и использовать в собственных выгодах войну». На том же заседании, отвечая Шабо, высказавшемуся против секвестра, Робеспьер добавил: «С самого начала революции можно было заметить, что во Франции существуют два совершенно различных заговора: англо-прусский заговор и австрий-

ский заговор; оба они направлены против республики, но отличаются друг от друга своими особыми намерениями. Вы уже нанесли тяжелый удар англо-прусскому заговору, но другой заговор еще цел, надо уничтожить и его». Англо-прусский заговор был заговором Бриссо, который пытался посадить на французский престол герцога Йоркского или герцога Брауншвейгского. Австрийский заговор, который в свою очередь следовало уничтожить, был заговором Проли, Гюцмана, Симона, Фрея, которым протезировал Шабо. И Робеспьер пояснил свою мысль: «Я питаю недоверие ко всем иностранцам без исключения, которые прикрыли свое лицо маской патриотизма и стараются казаться более республиканцами и более энергичными, чем мы. Это агенты иностранных держав; я знаю хорошо, что наши враги всегда говорят: пусть наши эмиссары проявят самый горячий и самый фанатичный патриотизм, чтобы легче проникнуть в Комитеты и Собрания. Это они сеют раздоры, обходят самых почетных граждан, самых неподкупных законодателей; они употребляют как яд модерантизма, так и искусство преувеличения, чтобы внушить идеи, более или менее благоприятствующие их тайным намерениям...»

Фабр д'Эглантин знал, что найдет внимательных слушателей, когда решил открыть Сен-Жюсту, Робеспьеру и восьми их коллегам из Комитета общественной безопасности существование иностранного заговора. Все они были настолько убеждены в правдивости его показаний, что поспешили арестовать в тот же день и в следующие дни нескольких эбертистских вождей и агентов Эро де Сешелля, которые возбудили их подозрения преувеличенным выражением своего патриотизма. В числе арестованных фигурировали: Луи Конт, бывший агент Комитета общественного спасения, обвинивший Дантона в сношениях с федералистами и роялистами, Кальвадоса; Майяр, этот знаменитый «Здоровый тумак»¹, руководивший после 10 августа чрезвычайной тайной полицией, разоблачений которого Фабр д'Эглантин несомненно опасался; агитатор Рютледж, по происхождению англичанин, игравший важную роль в клубе кордельеров и знавший прошлое Фабра д'Эглантина, которого он некогда обвинял в дружбе с Неккером и Дельсаром; голландский банкир Ван ден Ивер, бывший банкиром Дюбарри и другом Анахарсиса Клоотса; все они были арестованы 11 и 12 октября по доносу Фабра.

Робеспьер записал в своей памятной книжке: «Гессен, в Орлеане, отрешился от должности». И бывший немецкий князь Карл Гессенский, засвидетельствовавший столько раз свою преданность революции (его называли «генерал

¹ Активный участник всех крупных событий революции: взятия Бастилии, октябрьского похода на Версаль, восстаний как в августе, так и в мае-июне.

Марат»), 13 октября был отрешен от командования.

С тех пор иностранный заговор сделался главным предметом правительственных забот.

Робеспьер не питал особого доверия к Эро де Сешеллю, который был последовательно феййяном, жирондистом, и, наконец, эбертистом. Он знал элегантный скептицизм этого бывшего богача и развратника, который начал теперь подлаживаться к подозрительным демагогам. Эро имел неосторожность приблизить к себе Проли, поместить его в своем доме и сделать своим секретарем. Кроме того, он привез из своей командировки в Савойю черноволосую Адель де Беллькард, жену полковника, служившего в армии Сардинского короля. Он покровительствовал политике войны до конца, горячим сторонником которой был Анахарсис Клоотс. Робеспьер и его коллеги по Комитету общественного спасения были убеждены, что усердие Эро не бескорыстно. Робеспьер записал в своей памятной книжке: «Гнусное разглашение секретов Комитета либо со стороны канцелярских служащих, либо со стороны других лиц... Изгоните, прежде всего, предателя, который заседает вместе с вами». Эро де Сешелль был исключен из правительственных совещаний постановлением, подписанным Карно, который послал его в командировку в департамент Верхнего Рейна. Прибыв в Бельфор 14 брюмера, Эро пытался войти в сношения со своими коллегами Сен-Жюстом и Леба, которые только что были отправлены с чрезвычайной миссией в Страсбург. Леба 15 брюмера писал Робеспьеру: «Эро только что нам заявил, что послан в департамент Верхнего Рейна. Он предлагает нам завязать с ним письменные сношения. Мы крайне удивлены...». Сен-Жюст добавил в том же письме: «Доверие не имеет цены, если его приходится делить с подкупленными людьми». Эро уже не пришлось более заседать в Комитете общественного спасения. Обвинения Фабра д'Эглантина уронили его в глазах коллег.

Менее счастливые, чем Фабр д'Эглантин, — Базир, Шабо, Жюльен из Тулузы, его сообщники по фальсификации декрета о ликвидации Индийской компании, подвергались почти ежедневным атакам в Якобинском клубе и в прессе — в особенности Шабо, афишировавший свой австрийский брак. Этот монах пребывал теперь в постоянном страхе. 14 октября (23 первого месяца) Комитет общественной безопасности подверг его продолжительному допросу по поводу доноса, сделанного против него служащим предприятия д'Эспаньяка, неким Росеном, который обвинял Шабо в содействии мошенничествам этого уже арестованного поставщика. Его допрашивали также по поводу сожжения им своих бумаг, освобождения из-под ареста роялистов Диллона и Кастеллана, которое он предписал, будучи еще членом комитета общественной безопасности, по поводу его отношений с биржевыми маклерами и быстрого роста его богатства. Шабо увидел себя на краю пучины. Понимая, что правительство относится к нему крайне враждебно, он попытался:

создать себе партию в Конвенте, обрушиваясь на диктаторские и инквизиторские тенденции Комитетов общественного спасения и общественной безопасности. В начале он добился некоторого успеха.

17 брюмера, в день отречения Гобеля, Амар от имени Комитета общественной безопасности потребовал у Собрания приказа об аресте депутата Лекуент-Пюираво, на имя которого было адресовано анонимное письмо, перехваченное секцией Хлебного рынка; это письмо заставляло подозревать депутата в сношениях с вандейцами. Базир, друг Шабо, стал защищать обвиняемого, причем с большою находчивостью указал, что если депутата предадут суду революционного трибунала на основании такой ничтожной улики, ни один член Конвента не сможет считать себя впредь в безопасности. Собрание отказалось вотировать приказ об аресте, которого требовал Амар.

Через два дня Дюбарран потребовал от имени Комитета общественной безопасности предания суду депутата Осселена, против которого имелись тяжелые улики. Хотя Осселен сам составил закон об эмигрантах, он избавил от применения этого закона маркизу де Шарри, которую сделал своей любовницей. Он взял ее под свое поручительство в то время, когда был еще членом Комитета общественного спасения, и нашел ей убежище сначала у Дантона, потом у своего брата, женатого кюре, жившего в окрестностях Версаля. Факты были настолько очевидны и репутация Осселена настолько плоха — он был завзятым спекулянтom — что на этот раз предание суду было вотировано.

Но на следующий день Шабо, Базир, Тюрио и все друзья Осселана чувствовавшие себя столь же виновными, как и он, снова обрели мужество. Филиппо, при поддержке Ромма, предложил, чтобы Собрание обязало всех своих членов дать сведения о своем материальном положении после революции.

Базир высказался против этого предложения, «пригодного только для того, чтобы содействовать планам аристократов и возбудить раздоры среди патриотов». «Патриотов, — сказал он, — не следует мучить и огорчать судебными преследованиями. Нет ни одного франта, который не порадовался бы, увидев на эшафоте тех, кто начал революцию, кто первый положил основание свободе». Он восстал против «системы террора», которой угрожали патриотам. После вмешательства Тюрио предложение Филиппо было отклонено.

одренный этим первым успехом, освобождавшим депутатов от нескромных вопросов относительно их богатств, Шабо за- большого. Он вернулся к вопросу о вотированном накануне и суду депутата Осселена и потребовал, чтобы ни один депутат быть предан суду революционного трибунала, не будучи пред- льно выслушан Конвентом. В выражениях еще более сильных х, чем Базир, он в свою очередь обрушился на тиранию Коми- з отношении депутатов: «Смерть меня не испугает; если моя го- еобходима для спасения республики, пусть она падет! Мне важно , чтобы восторжествовала свобода, чтобы террор не сокрушил парламента, чтобы Комитет обсуждал доклады, перед тем как ретировать, чтобы все декреты проходили через обсуждение. Конвенте нет правой стороны, я один образую ее, хотя бы ценой головы, чтобы существовала хотя какая-нибудь оппозиция, чтобы было сказать, что мы издали декреты на веру без осуждения». не ограничился поддержкой Шабо. Он напал, не называя имен, эра и его сторонников, на тех, кто проповедует «идеи, направлен- уничтожению таланта и всего, что имеет отношение к торговле мышленности», на людей, «которые хотят купаться в крови себе ных». После оживленных прений предложение Шабо было воти- о.

аким образом мошенники, заседавшие в Конвенте, ялись ускользнуть от надзора Комитетов, которые змелились бы арестовать ни одного из них, если бы ый раз приходилось устраивать публичные, полные иворечий, дебаты перед Собранием, уже выказав- Комитетам свое недоверие.

ю они не приняли в расчет якобинцев, которые на ующий день, устами Дюфурни, Монто, Ренодена и го Гебера, выразили резкий протест против декрета, печивавшего безнаказанность мошенникам и возбу- пего смелость контрреволюционеров. Шабо, Базир, ио подверглись усиленным атакам. Эбер настоял, ы для расследования их дел была составлена комис- по назначению якобинцев.

Когда Дюбарран и Барер потребовали 21 и 22 брю- а, чтобы Осселен был предан суду без предваритель- о расследования Конвента, и чтобы декрет, вотиро- ный 20 брюмера, был отменен, никто им не противо- ал. Тюрио, Шабо, Базир малодушно отказались от их слов. На следующий день, 23 брюмера, Тюрио и исключен из Якобинского клуба.

Позеленевший от страха Шабо боялся, по его соб- енному признанию, что у него будет произведен обыск. рток с ассигнациями на сумму в 100 тыс. ливров, ко- ые уделил ему Бенуа из выданных Индийской компа- й 500 тыс. ливров, сильно его стеснял. Надо было объ- ить происхождение этого свертка. И вот Шабо решил-

ся на отчаянный поступок. Чтобы оправдать себя, он последовал примеру Фабра д'Эглантина, но крайне неискусно. Он сделал донос на своих сообщников сначала Робеспьеру, потом Комитету общественной безопасности. Он рассказал, что барон де Батц и его агент Бенуа подкупили Делоне и Жюльена из Тулузы, чтобы поживиться от Индийской компании, что они выдали ему, Шабо, 100 тыс. ливров для подкупа Фабра д'Эглантина, но этого поручения он так и не выполнил; что барон де Батц подкупил также эбертистов, чтобы обвинить депутатов, которых он тщетно пытался подкупить. Он намекнул, что Эбер, Дюфурни, Люллье, его собственные обвинители, были только агентами Батца. Последний, по его словам, стремился не только к обогащению. Он хотел погубить республику и обесчестить подкупленных им депутатов. Его заговор имел две ветви: одну ветвь, в лице Делоне, Бенуа, Жюльена из Тулузы, действовавшую путем подкупов; другую — в лице эбертистов, действовавшую путем диффамации. Батц уже пытался спасти королеву и жирондистов. Шабо, со своей стороны, принимал его предложения только для того, чтобы ознакомиться с его планами и впоследствии о них донести. Он рисковал своей репутацией для спасения республики! Базир, в свою очередь, подтвердил рассказ Шабо в отношении шантажа с Индийской компанией, учиненного Делоне и Жюльеном из Тулузы по наущению барона де Батц. Он неоднократно впутывал в дело Дантона, повторяя, что Делоне рассчитывал на его содействие. Но Базир воздержался от обвинения эбертистов. Шабо обвинил Гебера в том, что он содействовал переводу Марии-Антуанетты в Тамплль, по просьбе бывшей герцогини де Рошшюар. Он изображал все революционные меры, подобные максимуму, которых требовали и добились эбертисты, как средство внушить народу отвращение к республике и побудить его к восстанию. Базир держался по-прежнему дела об ажиотаже.

Члены Комитетов были убеждены, что в рассказах Базира и Шабо заключалась значительная доля истины. Но они не сомневались также, что эти два доносчика, за которыми они уже давно следили, были так же виновны, как и их сообщники — Делоне и Жюльен из Тулузы. Они отдали приказ об аресте всех четверых, присоединив к ним банкира Батца, Бенуа, Симона, Дюруа и Бойда и знаменитого Проли вместе с его другом Дюбюиссоном. Делоне был помещен в Люксембургскую тюрьму одно-

Ободренный этим первым успехом, освобождавшим депутатов-дельцов от нескромных вопросов относительно их богатств, Шабо захотел большего. Он вернулся к вопросу о вотированном накануне предании суду депутата Осселена и потребовал, чтобы ни один депутат не мог быть предан суду революционного трибунала, не будучи предварительно заслушан Конвентом. В выражениях еще более сильных и ясных, чем Базир, он в свою очередь обрушился на тиранню Комитетов в отношении депутатов: «Смерть меня не испугает; если моя голова необходима для спасения республики, пусть она падет! Мне важно только, чтобы восторжествовала свобода, чтобы террор не сокрушил все департаменты, чтобы Комитет обсуждал доклады, перед тем как их декретировать, чтобы все декреты проходили через обсуждение. Если в Конвенте нет правой стороны, я один образую ее, хотя бы ценой своей головы, чтобы существовала хотя какая-нибудь оппозиция, чтобы нельзя было сказать, что мы издали декреты на веру без осуждения». Тюрио не ограничился поддержкой Шабо. Он напал, не называя имен, на Эбера и его сторонников, на тех, кто проповедует «идеи, направленные к уничтожению таланта и всего, что имеет отношение к торговле и промышленности», на людей, «которые хотят купаться в крови себе подобных». После оживленных прений предложение Шабо было вотировано.

Таким образом мошенники, заседавшие в Конвенте, надеялись ускользнуть от надзора Комитетов, которые не осмелились бы арестовать ни одного из них, если бы каждый раз приходилось устраивать публичные, полные противоречий, дебаты перед Собранием, уже выказавшим Комитетам свое недоверие.

Но они не приняли в расчет якобинцев, которые на следующий день, устами Дюфурни, Монто, Ренодена и самого Гебера, выразили резкий протест против декрета, обеспечивавшего безнаказанность мошенникам и возбудившего смелость контрреволюционеров. Шабо, Базир, Тюрио подверглись усиленным атакам. Эбер настоял, чтобы для расследования их дел была составлена комиссия по назначению якобинцев.

Когда Дюбарран и Барер потребовали 21 и 22 брюмера, чтобы Осселен был предан суду без предварительного расследования Конвента, и чтобы декрет, вотированный 20 брюмера, был отменен, никто им не противоречил. Тюрио, Шабо, Базир малодушно отказались от своих слов. На следующий день, 23 брюмера, Тюрио был исключен из Якобинского клуба.

Позеленевший от страха Шабо боялся, по его собственному признанию, что у него будет произведен обыск. Сверток с ассигнациями на сумму в 100 тыс. ливров, которые уделил ему Бенуа из выданных Индийской компанией 500 тыс. ливров, сильно его стеснял. Надо было объяснить происхождение этого свертка. И вот Шабо решил-

ся на отчаянный поступок. Чтобы оправдать себя, он последовал примеру Фабра д'Эглантина, но крайне неискусно. Он сделал донос на своих сообщников сначала Робеспьеру, потом Комитету общественной безопасности. Он рассказал, что барон де Батц и его агент Бенуа подкупили Делоне и Жюльена из Тулузы, чтобы пожить-ся от Индийской компании, что они выдали ему, Шабо, 100 тыс. ливров для подкупа Фабра д'Эглантина, но этого поручения он так и не выполнил; что барон де Батц подкупил также эбертистов, чтобы обвинить депутатов, которых он тщетно пытался подкупить. Он намекнул, что Эбер, Дюфурни, Люллье, его собственные обвинители, были только агентами Батца. Последний, по его словам, стремился не только к обогащению. Он хотел погубить республику и обесчестить подкупленных им депутатов. Его заговор имел две ветви: одну ветвь, в лице Делоне, Бенуа, Жюльена из Тулузы, действовавшую путем подкупов; другую — в лице эбертистов, действовавшую путем диффамации. Батц уже пытался спасти королеву и жирондистов. Шабо, со своей стороны, принимал его предложения только для того, чтобы ознакомиться с его планами и впоследствии о них донести. Он рисковал своей репутацией для спасения республики! Базир, в свою очередь, подтвердил рассказ Шабо в отношении шантажа с Индийской компанией, учиненного Делоне и Жюльеном из Тулузы по наущению барона де Батц. Он неоднократно впутывал в дело Дантона, повторяя, что Делоне рассчитывал на его содействие. Но Базир воздержался от обвинения эбертистов. Шабо обвинил Гебера в том, что он содействовал переводу Марии-Антуанетты в Тампль, по просьбе бывшей герцогини де Рошшуар. Он изображал все революционные меры, подобные максимуму, которых требовали и добились эбертисты, как средство внушить народу отвращение к республике и побудить его к восстанию. Базир держался по-прежнему дела об ажиотаже.

Члены Комитетов были убеждены, что в рассказах Базира и Шабо заключалась значительная доля истины. Но они не сомневались также, что эти два доносчика, за которыми они уже давно следили, были так же виновны, как и их сообщники — Делоне и Жюльен из Тулузы. Они отдали приказ об аресте всех четверых, присоединив к ним банкира Батца, Бенуа, Симона, Дюруа и Бойда и знаменитого Проли вместе с его другом Дюбюиссоном. Делоне был помещен в Люксембургскую тюрьму одно-

именно с Шабо и Базиром. Жюльену удалось ускользнуть от розыска, он нашел убежище в самом Комитете общественной безопасности, у одного служащего этого комитета, — что дает своеобразную характеристику служебной деятельности непосредственных агентов революционного правительства. Бойд уже бежал, Батцу удалось, по обыкновению, выведать все от полиции. Он бежал на юг Франции. Симон был в Дюнкирхене и отправился оттуда в Гамбург. Вместо него арестовали знаменитого Бен-Симона, будущего теоретика социализма, спекулировавшего вместе со своим другом, прусским подданным, графом де Редери, национальными имуществами. Бенуа и Проли нашли. Проли скрывался в окрестностях Парижа, где был найден много времени спустя.

Замечательно, что оба Комитета, вопреки надеждам Шабо и Базира, не потревожили ни Гебера, ни Дюфурни, ни Люллье, ни вдохновителя и друга двух последних — Абрама д'Эглантина. Напротив, они были вполне убеждены, что Фабр, подписавший подложный декрет вместе с елоном, был, тем не менее, совершенно невиновен. И это убеждение их основывалось не столько на изучении документов, которые они просматривали довольно рассеянно, сколько на доносе, который Фабр сделал два месяца тому назад против Шабо, Эро де Сешелля, банкиров и иностранных агентов. Они наивно думали, что этот друг правосудия оказался пророком. В показаниях Шабо и Базира они видели только подтверждение его подозрений. И в своем чистосердечии они поручили Фабру произвести, вместе с Амаром, следствие по делу, в котором он сам был непосредственно замешан. Что же касается Дантона, на которого особенно усердно указывал Базири, то его они ставили в покое и даже просили Базира отказаться от оказаний против Дантона при окончательной формулировке своего доноса.

Членов Комитета заботила не столько финансовая сторона дела, которой они пренебрегали, сколько сторона политическая и патриотическая. Они действительно веровали в реальность иностранного заговора. Биллоаренн в своей речи, произнесенной 28 брюмера в Конвенте, предостерегал против «нездоровой экзальтации», коварно преувеличенного рвения» тех, кто сеет клевету, подозрения и получает золото от Питта, чтобы разделить и опозорить патриотов.

Эбер и его друзья ни одной минуты не думали о заците Проли, Дефье, Дюбюиссона, на которых бесчест-

ный Шабо донес как на агентов Питта. Гебер дрожал за самого себя. Колло д'Эрбуа, находившийся в командировке в Лионе, не мог отстоять своих друзей и защитить их от нападений Шабо. Клоотс, промолчавший, когда арестовали его друга банкира Ван ден Ивера, не прерывал своего молчания. Никто не осмеливался сомневаться в реальности заговора. 1 фримера в Якобинском клубе Эбер униженно поблагодарил Робеспьера за то, что он защитил его от обвинений. Он сделал даже больше: он отрекся от своих прежних атак против Дантона и, чтобы замаскировать свое отступление, настоятельно потребовал выдачи Фуке-Тенвиллю оставшихся в живых сообщников Бриссо вместе с мадам Элизабет¹. Выступивший после него Моморо донес, что кордельеры намеревались поднять тревогу, восстать в защиту Дюбуиссона и Проли. И, подобно Эберу, Моморо закончил свою речь браваурным выпадом против священников: «Пока останется хотя бы один из этих, некогда столь лживых людей, не отказавшийся торжественно от своего обмана, придется всегда опасаться, как бы не осталось хоть одного священника, так как теперь они переменяли свою тактику, чтобы удержаться на местах, и хотят заставить народ платить за свои фарсы. Надо их наказать, и все зло прекратится». Эбер и Моморо хотели сыграть на руку Робеспьеру, но Робеспьер презрительно отклонил их политику насилия: «Правда ли, что самыми опасными нашими врагами являются порочные остатки поколения наших тиранов?.. Кого можно убедить в том, что казнь презренной сестры Капета сыграет для наших врагов более важную роль, чем казнь самого Капета и его презренной компании?» «Пусть не будет новых и бесполезных жертв гильотины, — ответил Робеспьер Эберу и обратился к Моморо: — Довольно выпадов против религии! Вы боитесь, по вашим словам, священников! Священники гораздо больше боятся прогресса нашего просвещения. Вы боитесь священников! А они торопятся сложить с себя сан, чтобы переменить его на звание муниципальных властей, администраторов и даже председателей народных обществ. Поверьте только в их патриотизм на основании их внезапного отречения, и они останутся очень довольны вами... Я вижу только одно средство возродить фанатизм: проявить веру в его могущество. Фанатизм — свирепое и своенравное чудовище: оно убегает от света

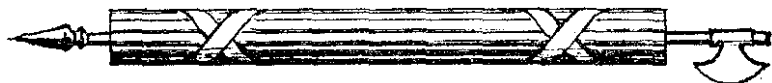
¹ «Madame и monsieur» — титулы сестры и брата короля.

разума; попробуйте преследовать его громкими криками, и оно вернется обратно». Робеспьер мужественно вскрыл деятельность преследователей христианства, демагогические расчеты которых он ясно прозревал. Он не хотел, чтобы под предлогом борьбы с фанатизмом был создан новый фанатизм. Он отвергал антицерковные маскарады и выявил серьезные опасности религиозной революции. Он утверждал, что Конвент заставит почитать свободу культов. Он доказал, что преследование христианской религии было коварно подготовленным ударом «трусливых эмиссаров иностранных тиранов», которые хотели возбудить во Франции мятеж и сделать ее ненавистной всем народам. Он назвал и осудил в страстной филиппике тех, кого считал виновными: Проли, Дюбюиссона, Перейру, Дефье. Он заставил исключить их из клуба, причем председательствовавший Клотц не проронил ни слова в их защиту.

Речь Робеспьера произвела огромное впечатление. В течение десяти дней преследование религии распространялось беспрепятственно. Затем пресса резко изменила свой тон. Конвент обрел силы для борьбы с демагогией. 18 фримера он подтвердил свободу культов.

Эбертисты пали духом. Накануне они обвиняли Базира и Шабо. И когда Базир и Шабо предъявили им, в свою очередь, обвинения, они испугались и укрылись под эгидой Робеспьера, который их защитил, но вместе с тем унизил и дискредитировал их политику.

Донос Шабо, последовавший за доносом Фабра д'Эглантина, сыграл, благодаря этому, чрезвычайно важную роль. Он руководил поединком партий и возбудил до крайности патриотическую тревогу. Иностранному заговору получил осязаемые формы. Впоследствии он сделался разъедающей язвой, уничтожившей тело Горы.

«СНИСХОДИТЕЛЬНЫЕ»¹

о возникновения громкого дела по доносу Шабо и Базира оппозиция революционному правительству носила спорадический и перемежающийся характер. Она не вылилась в форму определенной системы. Она критиковала применение революционных мер, но не касалась их принципа. Это была замаскированная, косвенная оппозиция — оппозиция хитростей и интриг.

Один только Жак Ру рискнул в середине сентября выразить прямой и откровенный протест в своей газете: «Нельзя требовать любви и уважения к правительству,

¹ Во французском подлиннике эта глава называется «Les indulgents» — так называли лиц, выступавших против террористических мероприятий.

осуществляющему свою власть над людьми путем террора, — писал он в № 265. — Наша революция не сможет завоевать мир путем возмущения, разрушения, огня и крови, превращая всю Францию в одну огромную тюрьму... Вменить человеку в вину его происхождение — значит воскрешать фанатизм... В наших тюрьмах больше невинных, чем виновных...» Жак Ру писал это из тюрьмы Сен-Пелажи, в которую был заключен. Но какую силу могла иметь эта запоздавшая мудрость в устах человека, который постоянно призывал к эксцессам, пока не сделался их жертвою сам? Сформулированные Леклерком аналогичные протесты также не нашли никакого отклика. Обе газеты исчезли.

Оппозиция «снисходительных» была много опаснее. Их вожди были талантливыми ораторами, большинство которых принимало участие в правительственных делах, работая в комитетах или заграничных миссиях. Они неизбежно должны были сгруппировать вокруг себя всех, кого беспокоил террор, а таких было великое множество.

Они нуждались в вожде. С первого же момента Шабо подумал о Дантоне. Выходя 26 брюмера из Комитета общественной безопасности, он разыскал Куртуа и описал ему положение вещей. Куртуа поспешил уведомить Дантона. Понимая, что расследование дела Индийской компании может его затронуть, утомленный трибун поспешил вернуться в Париж, в который прибыл 30 брюмера вечером. Он возвращался, полный ненависти к эбертистам, которые направили на него свои яростные атаки, полный страха перед Комитетом общественного спасения, который выслушал обвинения, возбужденные против него Луи Контон. Он с давнего времени осуждал политику Комитета. Он осуждал процесс Кюстина, отрешение от должностей дворянских генералов, процесс королевы, «который разрушил надежду, — говорил он Дюплону, — на мирные переговоры с иностранными державами». Он видел спасение только в быстром заключении мира, как бы дорого он нам ни обошелся. Он плакал от бессилия спасти жирондистов.

Гара сообщает, что по возвращении из Арсиса Дантон доверил ему свой план действий, который Гара справедливо называет заговором, так как этот план предусматривал падение революционного правительства и полную перемену режима. Дантон намеревался посеять раздоры в Комитетах, привлечь на свою сторону Робеспьера и

Барера, затем, разделив и окружив Комитеты, произвести их переизбрание, прибегнув в случае нужды к насилию и, наконец, добившись преобладания, решительно повернуть вправо, заключить мир, открыть тюрьмы, пересмотреть конституцию, вернуть богачам их влияние, разрешить эмигрантам возвращение во Францию и ликвидировать революцию, заключив мировую сделку со всеми ее врагами.

События подтвердили рассказ Гара. Дантон продолжал политику, уже намеченную Базиром, Шабо, Тюрио, Фабром д'Эглантинном и др., но проводил ее с большей осторожностью и искусством. Чтобы привлечь на свою сторону Робеспьера и заманить его в западню, Дантон поспешил 2 фримера осудить применение насилия против католицизма и искусно выдвинул идею, что наступило время положить террору конец: «Я требую, чтобы берегли человеческую кровь!» 6 фримера он потребовал срочного доклада о заговоре, открытом Шабо и Базиром, причем, характеризуя этот заговор, включил в него всех, кто доби- вался террористических законов. Защищая Шабо и Базира, он защищал не только самого себя, но и всех депутатов-дельцов: Гюффруа, Куртуа, Ревбелля, Мерлена из Тионвилля, Тюрио, Бурсо, Фрерона, Барера, Тальена, Бантаболя, Ровера и многих других. Ободренные депутаты сейчас же высказались против Бушотта, ставленника гебертистов. 11 фримера Дантон отважился оспаривать такую популярную меру, как принудительный обмен звонкой монеты на ассигнации — меру, одобренную кордельерами и Камбоном и уже применявшуюся депутатами и в командировках: «Теперь, когда федерализм сломлен,— сказал он,— революционные меры должны быть необходимым следствием ваших положительных законов... С этого момента всякий человек, вступающий на путь ультра-революционеров, так же опасен, как самый отъявленный контрреволюционер... Отзовем тех из наших комиссаров, которые, несомненно, с лучшими намерениями, приняли меры, о которых нам только что доложили, и пусть с этих пор депутаты применяют только такие постановления, которые не противоречат нашим революционным декретам... Вспомним, что если с помощью оружия разрушат общественный строй,— возвести и утвердить его можно только с помощью разума и таланта». Богачей больше не принуждали менять свое золото на республиканскую бумагу. Постановления, сделанные по этому поводу депутатами в командировках,

были отменены. Собственники облегченно вздохнули.

Волна реакции была уже настолько сильна, что непостоянный Шометт отдался ей, покинув знамена Эбера. В тот самый час, когда Дантон с успехом боролся против принудительного обмена звонкой монеты на ассигнации, он обвинял в Коммуне революционные комитеты секций, которые, по его словам, предавались самоуправствам всякого рода и арестовывали время от времени аристократов только для того, «чтобы доставить себе право нападать на самых уважаемых патриотов». Он хотел созвать в Городскую думу членов этих комитетов, чтобы они отдали там отчет в своем поведении и получили соответствующие инструкции. Но Билло-Варенн, возмущенный его модерантской¹ манерой выражаться, произнес похвальное слово закону о подозрительных, доставившему нам победы на границах, подавляя измены, и упрекнул Шометта в желании добиться популярности, «предоставляя Конвенту всю тяжесть суровых мер». Постановление Шометта было отменено (14 фримера), а сам Шометт исключен из клуба кордельеров (27 фримера).

«Снисходительные» попытались завладеть Якобинским клубом. Дантон, который давно уже не появлялся на заседаниях клуба, начал усердно их посещать. Он горячо восстал 13 фримера против передачи Гаврской церкви в распоряжение клуба этого города для заседаний. «Я требую, чтобы остерегались тех, кто хочет увлечь французский народ за пределы революции и предлагает ультра-революционные меры». Бывший священник Купе, из департамента Уазы, сухо ответил ему, что церкви принадлежат народу, и что народ может «располагать своим имуществом по своему усмотрению и собираться во всех помещениях, которые найдет удобными для себя». Дантон хотел возразить. Сильный ропот прервал его слова. Ему пришлось не только заявить, что он не имел намерения «порвать революционный нерв», но и представить оправдания в отношении как политической, так и частной своей жизни. «Разве я уже не тот человек, который находился рядом с вами во все критические моменты? Разве я не тот, кого вы часто обнимали, как своего друга, и кто должен умереть вместе с вами?» Тщетно призывал он в свою защиту имя Марата — слушатели на трибунах освистали его, и члены клуба «качали головами, — по словам Камилла Демулена, — и сострадательно улыбались, слов-

¹ Модерантизм — умеренность.

но слушая человека, осужденного всеми голосами». После упорного сопротивления он принужден был смириться и потребовать назначения комиссии для расследования возбужденных против него обвинений. Без Робеспьера он погиб бы. Робеспьер отклонил комиссию для расследования, тщательно отметив, что не всегда разделял мнения Дантона и даже высказывал ему иной раз упреки, как, например, в период измены Дюмуре и Бриссо. Робеспьер хотел избежать раздоров между революционерами: «Дело у всех патриотов общее, так же как и у тиранов, все они связаны круговой порукой». Его вмешательство было тем более похвально, что по вопросу, послужившему причиной дебатов, он разделял всецело мнение Купе из департамента Уазы и подписал на следующий день вместе с Билло постановление, передававшее якобинцам Гаврскую церковь капуцинов.

У «снисходительных» была до сих пор только одна газета «Rougyff», или «Франк¹ настороже» депутата Гюффруа, которая старательно подражала простонародному стилю «Отца Дюшена». Камилл Демулен снова взялся за перо и выпустил 15 фримера газету «Старый кордельер». Ему тоже приходилось подумать о своей защите. Скомпрометированный своими сомнительными отношениями с д'Эспаньяком, брат которого, подвергавшийся преследованиям еще при Учредительном собрании за скандальный обмен графского титула Сансерр, пользовался его услугами, с арендатором игорного дома Дитюрбидом, интересы которого он поддерживал против Бриссо, с журналистом-роялистом Рише де Серизи, его товарищем по развлечениям, с генералом Артуром Диллоном, арестованным за участие в заговоре, и со многими другими, Камилл давно возбуждал подозрения якобинцев. Этот старый кордельер был только состарившимся кордельером. Свою простую тактику он заимствовал непосредственно от Шабо и Базира. Всех своих противников он называл агентами Питта. «О Питт, я отдаю должное твоему гению!» — таковы первые слова его газеты. Все, кто подвергался нападениям гебертистов, были жертвами Питта. Шабо сказал: «Среди монтаньяров есть подкупленные и подкупившие». Демулен поправляет его: «Нет ни подкупленных, ни подкупивших, все стоят выше подозрений». Это невин-

¹ Имеются в виду древние франки — германское племя, — бывшие отчасти предками французов.

ные жертвы гебертистов, получающих от Питта вознаграждение за диффамацию национального представительства. Демулен требовал полной свободы печати. Сколько бы он ни говорил, что воспользуется ею умеренно, на деле он предлагал роялистам трибуну в момент смертельного кризиса, переживаемого всей страной. Номер его газеты жадно читали все более или менее замаскированные аристократы, еще остававшиеся в Париже.

«Снисходительные» начали свою атаку. 15 фримера Мерлен из Тионвилля потребовал, чтобы был открыт секрет ареста Шабо и Базира. Его требование не было удовлетворено, но через день Тюрио выразил желание, чтобы были изысканы средства освободить патриотов, задержанных в силу закона о подозрительных. Затем, 19 фримера, Симон, близкий друг Шабо и Фрей, предложил в Якобинском клубе даровать народным обществам право требовать освобождения задержанных патриотов. Если бы его предложение было принято, в революционных комитетах больше уже не было бы нужды. Члены клубов стали бы неприкосновенными. Якобинские карточки предохраняли бы их от всяких розысков. Робеспьер обнаружил эту западню. «Ваше быстрое движение хотят остановить, словно вы достигли конца вашей работы... Вы наверно не знаете, что в ваших армиях множатся измены, что, за исключением нескольких верных генералов, вы можете положиться только на солдат. Внутри страны аристократия опаснее, чем когда-либо прежде, так как никогда еще она не была так вероломна. В прежние времена она атаковала вас в открытом бою, теперь она находится среди вас, в вашей груди, и, скрытая под покровом патриотизма, она наносит вам втайне удары кинжалом, которых вы не можете предвидеть». «Снисходительные» поняли, что Робеспьера труднее обойти, чем они думали вначале.

Они удвоили свои удары, направленные против гебертистов. Во втором номере своей газеты Демулен принял сильную атаку против Клоотса, ответственного за преследование христианской религии, подготовленное Питтом. «Клотц — пруссак, он двоюродный брат бесчестного Проли. Он работал в «Универсальной газете» (газета роялистов), в которой вел войну с патриотами... Гаде и Верньо были его восприемниками и добились от Законодательного собрания декрета о его натурализации... В течение пяти лет он всегда надписывал в своих письмах: Париж, столица мира, и это не его вина, что датский и шведский короли сохраняют нейтралитет и не обращают

внимания на то, что Париж надменно называет себя метрополией Стокгольма и Копенгагена».

На следующий день наступила для Эбера очередь сесть на скамью подсудимых в Якобинском клубе. Бангаболь, собутыльник Шабо и Фрея, упрекнул его в том, что он проявляет излишнюю горячность в своих обвинениях. «Я спрашиваю его: не держит ли он в руках тайну заговоров; я спрашиваю его: почему он сказал, говоря об одном депутате, что он покинул бы монаха Шабо так же, как и рогоносца Ролана? Почему он как бы осуждает Шабо и уверен в его виновности, хотя суда над ним еще не было? Почему он напал на Лаво за то, что он говорил в пользу Высшего Существа? Что же касается меня, врага всякого суеверия, я объявляю, что буду верить всегда в Высшее Существо». В первый раз за все время в Якобинском клубе осмелились защищать Шабо. Эбер униженно отрицал, что проповедовал когда-либо атеизм: «Я заявляю, что проповедую жителям деревень чтение Евангелия». Этот инцидент показывает, до какой степени возросла смелость «снисходительных».

Они считали себя уже достаточно сильными, для того чтобы внезапно переизбрать Комитет общественного спасения, полномочия которого истекали на следующий день, 22 фримера. Внезапное наступление было тщательно подготовлено повторными атаками против Бушотта и его агентов. Филиппо, наивный гордец, которого Комитет оскорбил, выказав пренебрежение к его обвинениям против Россиньоля и Ронсена, обратился 16 фримера к Комитету с чрезвычайно дерзким открытым письмом: «Если бы люди, которым вы протезируете, — писал он в этом письме, — не были виновны, комиссия расследования (которой я требовал) обнаружила бы их невиновность. Если же они виновны, то вы сделали их сообщниками, обеспечив им безнаказанность, и кровь двадцати тысяч патриотов, умерщвленных в результате этой ложной меры, вызывает к месту против вас самих».

22 фримера Бурдон из департамента Уазы потребовал переизбрания Комитета: «Если большинство и пользуется полным доверием Конвента и народа, в Комитете все же заседают несколько членов, которых было бы лучше там не видеть». Мерлен из Тионвилля предложил, чтобы Комитет переизбирали по третям — каждый месяц. Вопреки мнению Комбасереса, большинство решило назначить выборы на следующий день.

В тот же вечер Фабр д'Эглантин добился исключения

из Якобинского клуба Купе из департамента Уазы, под гем предлогом, что он порицал браки священников, на деле же потому, что он в предшествующие дни осмелился возражать Дантону. Один «снисходительный» упрекнул Клоотса за его связи с Ван-ден-Ивером, голландским банкиром, скомпрометированным своими отношениями с Дюбарри. Робеспьер уничтожил Клотца в грозной обвинительной речи, материал и самые выводы которой были заимствованы из последнего номера «Старого кордельера». Уничтоженный Клоотс не знал, что ответить и был исключен.

Если бы Комитет был переизбран, «снисходительные», несомненно, удержали бы в нем Робеспьера и ограничились исключением членов, связанных с эбертистами, т. е. Эро, Колло, Билло, Сент-Андре, имевших, подобно Клоотсу, продолжительные отношения с Проли, Дефье и Эбером. Но 23 фримера переизбрание было отсрочено благодаря вмешательству приятеля Сент-Андре, Жэе из Сен-Фуа, доказавшего, что было бы неpolitично менять состав Комитета в тот момент, когда аристократия напрягла свои последние силы, а иностранные державы поместили Конвент «между двумя одинаково опасными рифами — преувеличенным патриотизмом и модерантизмом».

Эта отсрочка дала возможность Робеспьеру отдать себе отчет в истинном положении вещей. Если он до сих пор еще не видел, к чему клонилась политика «снисходительных», то № 3 «Старого кордельера» должен был открыть ему глаза. На этот раз Демулен не ограничился нападением на гебертистов: целью, в которую он метил за ними, был весь революционный режим, и этому режиму он нанес удар тарана. Он начал с того, что коварно провел параллель между монархией и республикой и, под предлогом описания преступлений римских цезарей, заклеил преступления республики. Прием этот не отличался новизной. Это был прием энциклопедистов — скрытый намек, ложная ирония. Действительная мысль автора скрывалась в самом отрицании этой мысли. Он не хотел, по его словам, тешить роялистов и, прикрываясь авторитетом Тацита, рисовал им ужасающую картину республики. Впрочем, он скоро бросил Тацита и прямо назвал ультра-революционеров такими же преступными, как и вольноотпущенники цезарей. Так, Монто потребовал у Конвента 500 человеческих голов, выражая желание, чтобы рейнская армия расстреляла майнцскую, предлагал заключить в тюрьмы половину французского народа и подложить под

эти тюрьмы бочки с порохом. Под конец, Демулен атаковал непосредственно весь революционный строй: «В настоящий момент во Франции только 1 200 000 солдат наших армий не издают, к великому счастью, законов, так как комиссары Конвента издают законы, департаменты, дистрикты, муниципалитеты, секции, революционные комитеты издают законы, и, да простит меня бог, я думаю, что и братские общества тоже издают законы!» Он обрушился, кроме того, на комитеты Конвента, виновные в глупости и высокомерии. Их патриотическое невежество наделало больше зла, чем контрреволюционное искусство Лафайета и Дюмурье.

Этот дерзкий номер «Старого кордельера» произвел огромное впечатление. Революционный режим был осужден одним из тех, кто его создал; — террор заклеял тем, кто побуждал народ «превращать фонари в виселицы» Какая радость для аристократов, какая скорбь для истинных революционеров! Это событие разразилось как раз в тот момент, когда Шабо, Базира и Дантона допрашивали относительно их преступлений. Как было не подумать, что «снисходительные» хотели отменить террор только потому, что сами его боялись, что они хотели сломать эшафот, который ожидал их самих?

Атака была настолько энергична, что правительство сначала отступило. 27 фримера Фабр смело обвинил в Конвенте генерального секретаря Бушотта, Венсана, одного из крупных деятелей Кордельерского клуба, начальника революционной армии Ронсена, которого обвинял уже Филиппо, начальника Майара, прозванного «Здоровый тумак», который в брюмере уже был заключен в тюрьму при содействии Фабра, но отпущен за недостатком улик. Венсану он предъявил неопределенное обвинение в том, что последний содержал агентов для противодействия деятельности депутатов и устраивал своим приятелям отсрочки по призыву. Ронсену он ставил в вину афишу о репрессиях над лионскими мятежниками, «ужасный плакат, который нельзя читать без содрогания». Конвент немедленно отдал приказ об аресте троих обвиненных, несмотря на то, что они занимали высшие должности. Если бы Вадье не защитил Герона, своего агента по Комитету общественной безопасности, его постигла бы та же участь. Три других агента исполнительного совета были также подвергнуты аресту без всякого соблюдения форм. Явление необычайное, Конвент наносил удар высшим агентам революционного правительства без всякого расследова-

ния, даже не спрашивая мнения несущих ответственность Комитетов, которые их избрали.

В тот же вечер в Якобинском клубе гебертисты осмелились выразить слабый протест. Голос Рессона, поднявшийся в защиту Ронсена, был заглушен Лаво, Дюфурни, Фабром, которые попирали ногами побежденных. 29 фримера Бурдон из Уазы радостно воскликнул, что «контр-революционный заговор военных бюро будет вскоре разрушен». Но они не приняли в расчет Колло и Робеспьера.

Колло, уже затронутый делом Проли и Дефье, которых он сначала защищал, чувствовал себя после ареста своего агента Ронсена под непосредственной угрозой. Из Лиона выехала в Париж депутация с намерением донести об ужасных расстрелах, которые были предприняты по его приказу. Он также поспешил в Париж, чтобы предупредить депутацию, причем захватил с собой, чтобы поразить воображение парижского населения, голову Шалье. С большими церемониями он передал эту реликвию Коммуне. Все пылкие патриоты Парижа сопровождали его 1 нивоза в торжественном шествии от площади Бастилии до Конвента. Один из них потребовал почестей Пантеона для мученика Шалье, останки которого были доставлены в Конвент. Кутон поддержал это требование и предложил даже исключить из Пантеона генерала Данпьера, друга Дантона, убитого в неприятельской стране; он был, по его словам, только изменником. Дантон, которому предназначался этот меткий удар, выразил протест, взял Данпьера под свою защиту и добился того, что предложения Кутона были переданы в Комитет.

Затем Колло взял слово, чтобы оправдаться. Он призывал в свое оправдание декреты Собрания, приказы Комитета. Он признался в расстрелах картечью, но постарался ослабить впечатление и восхвалял две военные комиссии, осудившие мятежников. Дантонины не осмелились ему возражать. Его действия были одобрены. Но Фабр д'Эглантин напал на лейтенанта Ронсена Мазюеля и добился приказа об его аресте.

В тот же вечер Колло укорял якобинцев в слабости: «Прошло два месяца, с тех пор как я вас покинул; все вы пылали тогда жаждою мести против гнусных лионских заговорщиков... Теперь же, если бы я вернулся в Париж тремя днями позже, меня, быть может, встретили бы обвинительным декретом!» Он поручился за Ронсена, которого горячо восхвалял, и описал радость аристократов при известии об его аресте: «Ваши товарищи, ваши друзья,

ваши братья окажутся вскоре под ножом!» Он закончил свою речь выступлением против «снисходительных». Мужество заразительно. Гебертисты, которые в течение целого месяца покорялись и отступали, последовали примеру Колло, перешли в наступление и обвинили, в свою очередь, Гупилло, Никола, Демулена, который долгое время с трудом избегал гильотины, Бурдона из Уазы, который был врагом Марата, Филиппо с его гнусным памфлетом, Фабра д'Эглантина, находившегося в сношениях со всеми аристократами. Якобинцы поручились за Ронсена и Венсана и потребовали их освобождения.

Колло добился успеха только благодаря поддержке Комитета. Робеспьер пережил эволюцию. Не то, чтобы он одобрял действия Колло в Лионе. Скорее наоборот. Он не ответил ни на одно из настойчивых писем, которые ему писал Колло из своей командировки. Но Робеспьер, относившийся в первое время сочувственно к выступлению «снисходительных», так как приветствовал изгнание деятелей насилия и беспорядка, проникся постепенно недоверием к ним, когда увидел, что они предались делу злобы и личной мести, подготовляли реакцию (№ 3 «Старого кордельера»), нападали на таких верных слуг революции, как Герон и Бушотт, пользовавшихся его доверием, как его товарищ Сент-Андре, характер и талант которого он высоко ценил.

Затем, 29 фримера дело о доносе Шабо, порученное расследованию Амара, далеко подвинулось вперед. Амар и Жаго рассмотрели оригинал подложного декрета о ликвидации Индийской компании. Они установили, что на оригинале имелась подпись Фабра д'Эглантина, который принял текст, противоречивший предложенному им изменению декрета. Их удивление было так велико, что в нивоза они решили отстранить Фабра от расследования дела. Робеспьеру пришлось задать себе вопрос, не был ли он одурачен Фабром, этим ловким плутом, еще более виновным, чем те, на кого он донес, для того чтобы ввести правительство в заблуждение.

Для Робеспьера существовали только интересы революции. Можно ли было освободить подозрительных лиц и заключить, вместо них, в тюрьмы лучших патриотов, ослабить или отменить революционные законы, когда вандейцы, перешедшие на север департамента Луары, нанесли одно поражение за другим преследовавшим их республиканским войскам, когда Вурмзер, прорвав линию Виссембурга, расположился лагерем у ворот Страсбурга, когда

англичане и испанцы продолжали владеть нашим лучшим портом на Средиземном море? Можно ли было дезорганизовать революционное правительство, когда Продовольственная комиссия только что приступила к работе, когда начал применяться великий закон 14 фримера?

3 нивоза в Якобинском клубе Робеспьер встал выше всех партий. В зале господствовало необычайное оживление. За места на трибунах предлагали до 25 ливров. «Снисходительные» хотели, чтобы было объявлено решение Общества взять под защиту Ронсена и Венсана. Они потерпели первую неудачу. Колло трагически объявил о смерти лионского патриота, друга Шалье, Гайара, покончившего с собой под влиянием охватившего его отчаяния. Вот до чего доводит модерантизм! Левассер из департамента Сарты произнес обвинительную речь против своего земляка Филиппо, которого обозвал лжецом и болтуном. Филиппо возразил ему в том же тоне. Он подтвердил все свои обвинения против генералов-санкюлотов, командовавших в Вандее, обвинил их в расхищении казны, в стремлении хорошо пожить, в неспособности, трусости и предательстве. В зале началось волнение. Дантон, с видом полного беспристрастия, вмешался, чтобы водворить тишину в пользу Филиппо: «Быть может, здесь виновны только события; во всяком случае я требую, чтобы выслушали всех, кто может высказаться по этому поводу». Робеспьер, упрекнув Филиппо за его необдуманные выпады против Комитета общественного спасения, не хотел видеть в этой ссоре ничего, кроме личных счетов. Он убеждал Филиппо пожертвовать своим самолюбием. В противоположность Дантону, требовавшему, несомненно для того, чтобы затянуть инцидент, расследования, Робеспьер старался положить ему конец призывом к единению. И, обратившись к эбертистам, так же как обращался к Филиппо, он просил их спокойно дожидаться суда Комитетов над Ронсеном, Венсаном, Майяром. «Разве Марат не сохранял спокойствия перед революционным трибуналом? И разве он не вернулся с триумфом? Разве Шабо, оказавший величайшие услуги общественному делу, не арестован?»

Но Филиппо, отклонив мирные предложения Робеспьера, выступил с более прямым обвинением против Комитета общественного спасения, и Дантон повторил свое предложение о назначении комиссии для расследования. «Я спрашиваю Филиппо,— сказал Кутон,— верит ли он, по совести, что в вандейской армии существует измена?»

Филиппо ответил: «Да». «Тогда, — сказал Кутон, — я тоже требую назначения комиссии». Мост между «снисходительными» и Комитетом был сожжен!

Гебертист Моморо, воспользовавшись случаем, предложил Комитету содействие своих друзей, но под условием: «Пусть патриотизму окажут поддержку, пусть патриотов не притесняют, и все республиканцы, объединенные в Комитетах общественного спасения и общественной безопасности, в Конвенте и Горе, будут защищать республику до последней капли крови!» Сохранивший присутствие духа Робеспьер энергично указал на серьезную угрозу, которую почувствовал в этом предложении: «Неужели вы хотите сказать, что Конвент притесняет патриотов? Разве вы забыли, что бриссотинцев в Конвенте уже нет, что там заседает Гора, которая всегда окажет республиканцам справедливость?» Он добавил, что Конвент выполнит свой долг до конца, не боясь возмущений. Этими словами он хотел указать гебертистам, что они ошибаются, если надеются запугать Конвент.

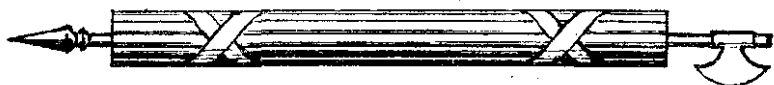
Таким образом, Робеспьер держался на одинаковом расстоянии от Филиппо и от Моморо — позиция очень сильная, создавшая ему исключительную популярность в народе, так как народ понимал, что спасение революции заключалось в единении всех революционеров. На следующий день после великого заседания 3 нивоза в Якобинском клубе в Париж пришло известие о взятии Тулона республиканскими войсками Дюгоммье. Положение Комитета было усложнено, и Робеспьер воспользовался этой новостью, чтобы произнести 5 нивоза в Конвенте горячую похвалу революционному правительству — искусный ответ «Старому кордельеру». Из основного различия между конституционным и революционным правительством, между состоянием войны и мирным состоянием, он с большим искусством вывел оправдание террора. Опираясь на несокрушимую идею общественного интереса, он громил обе крайности: «Модерантизм, который относится к умеренности так же, как бессилие к целомудрию, и стремление к эксцессам, которое похоже на энергию так же, как тучность больного водяной — на здоровье... Демократические бароны являются братьями маркизов из Кобленца, и нередко красные колпаки стоят гораздо ближе к красным каблукам, чем это можно предполагать». На следующий день Барер обвинил «Старого кордельера», и Билло-Варенн добился отмены вотированного несколько дней тому назад, по предложению Робеспьера, декрета об

организации Комитета правосудия, который должен был сортировать заключенных и освобождать несправедливо арестованных.

С тех пор как вандейцы были разгромлены при Мансе и Савене, а Гош обратил австро-пруссиков в бегство при Гейсберге и отнял у них Ландау, Комитет укрепился и осмелел. «Снисходительные» отступали с каждым днем.

Открытие 15 нивоза под печатями у Делоне черновика первого проекта декрета о ликвидации Индийской компании окончательно доказало виновность Фабра д'Эглантина. 19 нивоза Робеспьер разоблачил в Якобинском клубе мошенника, который его обманул, и через четыре дня Фабр был арестован. Когда Дантон на следующий день совершил чрезвычайную неосторожность, выступив в защиту своего друга, Билло-Варенн сурово ему ответил: «Горе тем, кто сидел около него и кто еще будет им одурачен!»

«Снисходительные» не только потерпели неудачу в своей попытке остановить террор, но еще сами оказались под угрозой. Их могли привлечь к процессу мошенников, которых они защищали. Они дискредитировали милосердие, требуя его для недостойных.»

ОТ УМЕРЕННЫХ К КРАЙНИМ

нисходительные» имели за собой тайное сочувствие большинства депутатов, которых революция 2 июня только по наружности убедила в справедливости доктрины Горы, доктрины общественного спасения. Если бы Комитет не оказал революции столь важных услуг, он уже давно был бы свергнут. Он удержался только благодаря тому, что сумел доказать свою необходимость. Но он мог действовать и привести в движение огромную машину революционного правительства лишь при поддержке и доверии вождей санкюлотов, которые не только ораторствовали в клубах, но и заполняли теперь кадры новой бюрократии. Эти новые люди, порожденные войной, в большинстве молодежь, только что вышедшая из школ, где им ставили в пример героев Греции и Рима, защищали в революции столько же свой

идеал, сколько и свою карьеру. Они наполняли военные бюро, надзирали в качестве комиссаров Исполнительного совета или Комитета общественного спасения за генералами и самими депутатами, заседали в большом числе в революционных комитетах и карательных трибуналах, исполняли приказы, приходившие из Парижа, и осведомляли Париж об общем положении дел. Революционный режим держался их преданностью и усердием.

Выступление «снисходительных» было направлено непосредственно против этих людей. Оно угрожало не только их благополучию, но и их личной безопасности. Многие из них были причислены к опасной категории иностранных агентов или ультра-революционеров. Нередко депутаты, за которыми они наблюдали или которых беспокоили, подвергали их арестам. Междоусобная борьба революционеров не ограничивалась замкнутым полем парижского *Якобинского клуба или Конвента*, она распространилась по всей Франции. Эта борьба разразилась как раз в тот момент, когда начал применяться великий закон 14 фримера, когда повсюду производилась чистка властей и клубов, когда организовалась Продовольственная комиссия; угрожала серьезная опасность, что новый режим будет парализован, прежде чем успеет принять правильные формы. Всю серьезность кризиса можно себе представить, лишь покинув столицу и познакомившись с положением страны.

Конфликты происходили всюду. В Эльзасе Сен-Жюст и Леба, на которых была возложена чрезвычайная миссия, после занятия линии Виссембурга, не входили в сношения с депутатами, прикомандированными к рейнской и мозельской армиям, Ж.-Б. Лакостом и Бодо, вследствие чего последние сочли себя оскорбленными. Сен-Жюст арестовал вождя иностранных эмигрантов Евлогия Шнейдера, бывшего епископского викария конституционного епископа Бренделя, сделавшегося общественным обвинителем. Шнейдер только что женился. Он торжественно вступил в Страсбург со своей молодой супругой в коляске, эскортируемой всадниками с саблями наголо. Прежде чем отправить его в революционный трибунал, Сен-Жюст выставил его на несколько часов на помосте гильотины: «Это наказание, — писал Леба Робеспьеру 24 фримера, — которое он навлек на себя своим наглым поведением, было вызвано, кроме того, необходимостью обуздать иностранцев. Не будем верить космополитическим шарлатанам, положимся только на самих себя». Сен-Жюст упразднил

вместе с тем «Пропаганду», нечто вроде походного клуба, организованного депутатами, прикомандированными к рейнской армии, чтобы республиканизировать деревню.

Лакост и Бодо выразили шумный протест. 28 и 29 февраля они написали Конвенту, что позорное наказание, которому был подвергнут Шнейдер, привело патриотов в ужас и сделало аристократов более опасными и дерзкими, чем когда-либо прежде. Они восхваляли ораторов «Пропаганды», закаленных на огне «Отца Дюшена», и просили, вместе с тем, чтобы их отозвали.

Конфликт в Лотарингии. Балтазар Фор, арестовав за растрату казенных денег вождя местных гебертистов Мара Може и предав его суду революционного трибунала, очистил клуб в Нанси посредством ареста главных революционеров. Но Ж.-Б. Лакост и Бодо обвинили своего коллегу в том, что он сделался кумиром аристократов, поспешили в Нанси, очистили клуб в обратном смысле и заключили в тюрьмы сторонников Фора, которые заместили в тюрьмах освобожденных патриотов. Фор потребовал расследования (3 плювиоза).

Конфликт в Седане, где Перрен (из Вогезского департамента) арестовал в нивозе руководителя клуба, мера города Вассана как ультра-революционера. Его коллеги Массье и Эли Лакост выразили протест и взяли Вассана под свою защиту.

Конфликт в Лилле. Гентц и Флоран Гио, заменившие Изоре и Шалья, арестовали Лавалетта и Дюфресса, которых последние поставили во главе своей департаментской революционной армии. Они освободили, кроме того, многих подозрительных. Шаль, оставшийся в Лилле, чтобы залечить рану, полученную в сражении, выразил протест и обвинил их в покровительстве аристократам.

Конфликт в департаменте Верхней Соны, где Робеспьер-младший освобождал сотнями подозрительных, арестованных за федерализм и фанатизм. Его коллега Бернар из Сенты, ожесточенно боровшийся с культом и наполнивший тюрьмы, вступил с ним в энергичную борьбу.

Конфликт в департаменте Луары. Пылкий Жавог составил обвинительный акт против Кутона и Комитета общественного спасения. Он разоблачал декрет о свободе вероисповеданий, учреждение должности «национальных агентов», указал на преследования патриотов и заканчивал: «В Комитете общественного спасения существует контрреволюция: он послал бесчестного Гули сеять контрреволюцию в департаменте Эн» (письмо от 16 плювиоза,

ресованное Колло). Кутон выразил протест с трибуны плювиоза. Жавог был отозван и осужден. Фуше приказал арестовать его агента Лапаллю, преданного революционному трибуналу.

Гули, уже обвиненный Жавогом, был своим заместителем Альбиттом в департаменте Эн снова обвинен в поведении аристократам. Он заключал в тюрьмы лучших патриотов, освобождал священников, дворян, монахов и не применял революционных законов (письмо от плювиоза).

Но тот же Альбитт, который обвинил Гули в умеренности, несколькими неделями раньше был, в свою очередь, обвинен Баррасом и Фрероном за снисходительность, оявленную им в отношении марсельских мятежников (письмо от 20 октября). Он не наложил контрибуции на гачей и окружил себя только дворянчиками.

Баррас и Фрерон считались «снисходительными», так как были друзьями Дантона. Эти «снисходительные» ководили после взятия Тулона кровавыми репрессиями. Первые дни после нашего вступления патриоты, затонные на корабле «Фемистокл» (т. е. подвергнутые тюмному заключению во время осады), указали нам главных мятежников, которых мы приказали немедленно расселять... Мы учредили комиссию из храбрых парижских нкюлотов, комиссаров исполнительной власти... Она нкционировала уже в течение двух дней и развивает ергичную деятельность... 800 тулонских изменников уже еданы смерти» (письмо от 16 нивоза). В Марселе они именяли те же методы, что и в Тулоне. Они приказали езоружить всех жителей города без исключения, органивали революционную комиссию, составленную, подобно лонской комиссии, исключительно из парижан, и эта миссия в течение 10 дней приговорила 120 человек к ерти. Они хотели разрушить самые красивые здания и шить город его славного имени, назвав его «Безымянный». Марсельские патриоты выразили протест, потребовали, чтобы им вернули их оружие, напомнили, что облегли победу Карто, и хотели организовать в Марселе конесс всех клубов юга. Баррас и Фрерон разогнали конесс, закрыли помещения секций, арестовали и отослали революционный трибунал двух патриотов — Майе, предателя, и Жиро, общественного обвинителя уголовного ибунала... Марсельские патриоты ответили правдоподобным обвинением Барраса и Фрерона в том, что они огатились за счет богачей, которых заключили в тюрь

мы и потом освободили, получив с них взятки звонкой монетой. Уже Робеспьер-младший и Рикор, их товарищи по командировке, обвинили их перед Комитетом общественного спасения. Комитет оставил городу его имя и отовал Барраса и Фрерона (4 плювиоза). Они представили себя жертвами ультра-революционеров и, по возвращении в Париж, вступили в ряды «снисходительных». Вполне очевидно, что суть дела заключалась здесь не в политических распрях, а в личных дрязгах и в борьбе влияний местных властей и делегатов центральной власти. Слова *ultra* и *citra* прикрывали нередко совершенно разнородные события и интересы.

В Лионе, как и в Марселе, борьба между крайними и умеренными революционерами прикрывала борьбу местных патриотов, друзей Шалье, с чиновниками, явившимися из Парижа. Марино обвинил лионских патриотов (в Якобинском клубе, 14 плювиоза) в том, что они сеяли раздоры между отрядом революционной армии, приведенным Колло д'Эрбуа, и линейными войсками, составлявшими гарнизон города. Линейные солдаты упрекали солдат Ронсена за то, что они получали более высокое жалованье. «В течение трех дней и трех ночей,— говорит Марино,— пушки были наведены, дома освещены, и наши братья готовились резаться друг с другом». Фуше, содействовавший сначала расстрелам картечью, после ареста Ронсена переменял свою тактику. 18 плювиоза он приказал прекратить казни и 24 плювиоза запретил производить новые аресты. Это была амнистия за прошлое. В то же время он успокоил аристократов при посредстве Молле, принадлежавшего прежде к братству Оратории. Кроважидный Фуше обвинял теперь друзей Шалье, как ультра-революционеров, а эти так называемые ультра-революционеры боролись с Марино и Толедом, т. е. со сторонниками Ронсена и Эбера, которым Фуше попрежнему давал назначения и покровительствовал.

В Бордо, где Талльен и Изабо уже давно начали обвинять ультра-революционеров, дело шло, главным образом, о том, чтобы зажать рты непрошеным наблюдателям, расстраивавшим личные комбинации депутатов. Военная комиссия, которую они учредили, под председательством человека с запятнанной репутацией, Лакомба, выказала сначала большую суровость. Бывший мэр Сеж, богатство которого исчислялось в 10 миллионов, и член Конвента Биротто были отправлены на эшафот. Но вскоре депутаты и их комиссия сделались снисходительнее.

Четыре брата Раба, богатые купцы, были освобождены после уплаты штрафа в 500 тыс. ливров, банкир Рейзото должен был уплатить 1 200 тыс. ливров, купец Лафон и биржевой маклер Лайар — по 300 тыс. ливров каждый и т. д. Эти освобождения не ускользнули от внимания агентов Исполнительного совета, которые донесли в Париж о роскошном образе жизни депутатов и отметили, что Талльен жил во внебрачном союзе с освобожденной им из тюрьмы красавицей Терезой Кабаррю, дочерью директора испанского банка в Сен-Шарль, «современной Дюбарри», надевшей красный колпак и принимавшей участие в гражданских празднествах. Изабо и Талльен обвинили, в свою очередь, своих доносчиков, этих агентов Питта, интриганов, прикрытых мундирами, выходивших целыми стаями из военных бюро. По поводу Терезы Кабаррю они развязно добавили: «Предполагают, что Талльен должен был жениться на некоей иностранке. О вздорности такого, якобы, совершившегося брака спросите у генерала Брюна, находившегося в более тесных, чем Талльен, отношениях с этой гражданкой. Он должен знать, насколько честен этот дом, в котором он бывал ежедневно» (письмо от 2 нивоза). Чтобы заставить замолчать своих доносчиков, они арестовали 12 плювиоза членов Комитета надзора в Бордо, виновных, по их словам, в злоупотреблении властью. «Мы преследуем интриганов, ложных патриотов, ультра-революционеров с тем же мужеством, с каким преследовали всех врагов свободы» (17 плювиоза). С тех пор модерантизм укрепился в Бордо, так же как и в Лионе.

В департаменте Гар депутат Буассе уволил от службы всех пылких патриотов, отрешил от должности их вождя Курби, нимского мэра, «Марата Юга», освободил множество подозрительных, что, впрочем, не помешало ему закрыть церкви и осудить декрет 18 фримера о свободе вероисповеданий. Это лишний раз подтверждает, что разрушение католицизма не было исключительно делом того политического течения, которое мы называем эбертизмом.

В Авиньоне революционер Агрикола Муро, судья трибунала, был отправлен в революционный трибунал депутатами Ровером и Пультье, которых он обвинял в спекуляциях национальными имуществами. В Орлеане патриот Табуро, в Суассоне патриот Лербон, в Амбуазе братья Жербуен, в Блуа комиссар Исполнительного совета Мог и многие другие были заключены в тюрьмы как ультра-революционеры.

Не надо удивляться, что в самом разгаре террора ари-

стократам и даже переодетым роялистам удалось завладеть органами революционного правительства. В те времена, когда широкие массы населения были безграмотны, когда образование являлось роскошью, когда социальная иерархия была еще очень сильна, культурное меньшинство волей-неволей имело значительное влияние. Богачи сохранили свою клиентуру и свой престиж. Им было не трудно, путем нескольких патриотических даров, заслужить себе звание патриотов. В клубе Безансона председательствовал в плювиозе брат эмигранта, бывший граф Вьенно-Воблан, изображавший из себя последователя Марата, и этот пример не является исключением.

В департаменте Крез депутату Вернерю удалось вырвать у революционного трибунала и спасти от эшафота примерного республиканца Гравелуа, мэра сельской коммуны дистрикта Ла Сутеррэн, которого аристократические судьи трибунала Гере признали опасным анархистом.

Надо ознакомиться со всеми этими фактами, чтобы отдать себе отчет в глубине пертурбации, произведенной во всей Франции борьбой между крайними и умеренными революционерами. Всюду происходили конфликты, угрожавшие самому существованию революционного режима. Вместо того чтобы выступать в роли третейских судей, депутаты нередко сами бросались в битву и обвиняли друг друга в самых темных делах. Доносы, отрешения от должностей, аресты, чистки самого разнообразного характера следовали одни за другими с удивительной быстротой. А между тем надо было править, управлять, разрушать заговоры, снабжать продовольствием города и армии, побеждать Европу. Комитеты продвигались ощупью среди туч интриг. Надо удивляться, что они не подвергались еще более частным обманам, и что им удалось избежать тех беспрестанно появлявшихся западней, которые расставлялись на их пути. Если бы между ними возникли несогласия, они погибли бы, а вместе с ними и республика.

Комитеты не понимали, что под флагом борьбы с действительными ультра-революционерами преследовали искренних патриотов, виновных только в бескорыстной экзальтации. Они боялись утратить контакт с республиканскими массами населения. В ударах, угрожавших агентам Исполнительного совета, они предчувствовали хитрые маневры, направленные против них самих. Умеренные казались им еще более опасными, чем ультра-революционеры.

Отозвав Шаля декретом от 27 нивоза, они пытались

есяц спустя удалить его обвинителя, Флорана Гио, отправив его в департамент Финистер (30 плювиоза). Они удовлетворили марсельских патриотов, отозвав Барса и Фрерона (4 плювиоза). Каррье, обвиненный агентом Комитетов Жюльеном младшим за свой роскошный образ жизни сатрапа, за свой деспотизм в отношении местных властей и наконец, за свои преступления, был гозван 18 плювиоза, несмотря на противодействие Карр. Балтазар Фор был отозван 5 плювиоза, и патриоты еверо-востока освобождены и возвращены на свои места. Уассе был отозван в свою очередь 3 вантоза, и его жертва Курби восстановлен в звании мэра города Нима т. п.

Комитеты защищали патриотов, но не хотели вместе тем допускать неопределенных и неразумных репрессий против бывших федералистов, присоединившихся к оре. Два «снисходительных» — Делакруа и Лежандр отравили во время своей командировки в Нормандию муниципальных чиновников Конше в революционный трибунал как федералистов. Робер Линде написал Фукье-Тениллю, что он выступит в их процессе в качестве свидетеля. Он потребовал, чтобы трибунал отложил дело, и трибунал 15 нивоза удовлетворил его требование. В тот же вечер Линде заявил на общем заседании обоих Комитетов, что подаст в отставку, если процесс будет возобновлен. Большинство стало на его сторону. 24 плювиоза Фуллан добился декрета, избавившего федералистских администраторов соседних с Лионом департаментов от суда резвычайной комиссии Фуше и Колло д'Эрбуа. Процесс 32 жителей Нанта, отправленных Каррье к Фукье, был отложен и т. п.

Стремясь положить конец репрессиям, Комитеты не предполагали ослабить в той же мере террор. Наоборот, они считали его более необходимым, чем когда-либо прежде, так как все время чувствовали себя окруженными агговорами и изменами. «Долой мир, долой перемирие с еспотами, долой помилование и амнистию в отношении агговорщиков и изменников — таково требование всей нации!» (Кутон, письмо от 4 плювиоза).

Между тем как Эбер и его друзья щадили Комитет, «Отец Дюшен» умерил порывы своего негодования, снисходительные», наоборот, усилили свои удары. 12 нивоза Бурдон из департамента Уазы обвинил помощника Бушотта Добиньи. 18 нивоза, под предлогом, что министры асточают общественные фонды на субсидии гебертист-

ской прессе, он добился от Конвента декрета, лишавшего их права производить какие бы то ни было расходы без предварительного и ясно выраженного разрешения Комитета — мера чрезвычайно важная, грозившая парализовать работу общественных должностных лиц во время войны. Комитет общественного спасения не задумался нарушить этот декрет, приказав комиссарам казначейства выдавать денежные суммы, как прежде, по распоряжениям министров.

После того как Вестерман был отрешен Комитетом от должности за выдачу жителям Ванден 30 тыс. ружей, с помощью которых они возобновили гражданскую войну, Лекуантр произнес хвалебную речь генералу, своевременно появившемуся у решетки Собрания, и добился того, что он был формально исключен из действия декрета, подвергавшего отрешенных от должности чиновников тюремному заключению, и мог пользоваться полной свободой. В тот же вечер Робеспьер произнес громовую речь в Якобинском клубе против «новых бриссотинцев, еще более опасных, вероломных и низких, чем прежние».

Еще 3 пювиоза Бурдон из Уазы выразил негодование по поводу того, что накануне, когда Конвент отправился на площадь Революции, чтобы отпраздновать годовщину смерти тирана, в его присутствии были совершены четыре казни. «Это система, изобретенная нашими недоброжелателями, чтобы национальные представители заслужили прозвище каннибалов». Под его влиянием Конвент обязал Комитет общественной безопасности представить соответствующие объяснения, словно этот инцидент был подготовлен умышленно.

Не проходило дня без того, чтобы Комитеты не привлекались к ответу. 5 пювиоза по поводу ареста тестя Камилла Демулена Дантон настоял, чтобы Комитеты представили исчерпывающий доклад об освобождении задержанных. 9 пювиоза Рюль добился декрета, предлагавшего Комитету общественного спасения расследовать поведение Бушотта по отношению к одному французу, задержанному в Майнце в качестве заложника; 10 пювиоза, по жалобе одного капитана торгового флота, который не получил на службе в военном флоте повышения, обещанного ему Конвентом за оказанные им услуги, морской министр Дальбарад был подвергнут допросу у решетки Собрания, и понадобилось тройное вмешательство Барера, Сент-Андре и Кутона, чтобы спасти его от революционного трибунала и т. п.

Эти беспрестанные атаки, нередко увенчивавшиеся успехом, показывают лучше всего, насколько непрочно было положение революционного правительства.

Силою обстоятельств Комитеты обратились к ультра-

революционерам и клубам. Уже 23 ниво́за Комитет общественной безопасности освободил жертву Фабра д'Эглантина — Мазюеля. На следующий день Фабр снова засадил его в тюрьму. 14 плювиоза Ронсен и Венсан были, наконец, освобождены, по докладу Вуллана, несмотря на энергичное противодействие Бурдона из Уазы, Филиппо, Лежандра, Дорнье, Луазо, Клозеля, Шарлье, Лекуантра. Дантон поддержал требование об освобождении, но заявил во всеуслышание, что будет настаивать также на освобождении Фабра д'Эглантина, когда поступит доклад по его делу. Это была своего рода торговая сделка, взаимная амнистия, которую Дантон косвенно предлагал Комитетам. Но Комитеты притворились глухими. Если Дантон хотел примирения, забвения прошлого, согласия, почему он не потребовал его, в первую очередь, от своих сторонников? Почему они беспрерывно продолжали нападать на правительство и его агентов?

Робеспьер изложил им 17 плювиоза точку зрения правительства: «Нам приходится гораздо меньше думать о защите от эксцессов энергии, чем от эксцессов слабости. Быть может, самая большая опасность, которой нам следует избегать, заключается не в избытке усердия, а в усталости и боязни собственного мужества». Революционное правительство должно быть сохранено до заключения мира. И Робеспьер угрожал «шайке», которая стремится «поселить раздоры между депутатами, разосланными по департаментам, и Комитетом общественного спасения» и «ожесточить депутатов по их возвращении».

Террор, по словам Робеспьера, должен был продолжаться столько же, сколько и война. Но «снисходительные» находили, что наступила пора заключить мир. 29 фримера Бурдон из Уазы объявил, что англичане готовы предложить нам мир. Дантон вскоре получил письма от агента Питта — Миля, который сообщался с ним через посредство нашего посла в Венеции, Ноэля, и предлагал открыть в Швейцарии конференцию по вопросу о прекращении враждебных действий. Подобные же косвенные предложения были сделаны Голландией и Испанией нашим агентам Кайару и Грувеллю. Даже Австрия пыталась завязать переговоры с нашим агентом в Базеле, Баше. Нет сомнения, что, если бы Дантон был у власти, он жадно схватился бы за эти первые предложения. В № 7 «Старого кордельера», появившемся только после его смерти, Демулен энергично высказался за мирную политику.

Но Комитет общественного спасения в двух громовых речах, произнесенных Барером 3 и 13 плювиоза, встретил насмешкой тайные предложения тиранов, которые скрывали, по его мнению, западню и имели единственной целью — возбудить мужество всех находившихся во Франции открытых и тайных врагов революционного правительства и остановить продвижение наших армий. «Кто смеет говорить о мире? Те, кто надеется отсрочить контрреволюцию на несколько месяцев или несколько лет, давая иностранным тиранам время восстановить свои силы, высосать последние соки из народа, запастись продовольствием, отвести свои армии... Монархиям нужен мир, республике — воинственная энергия, мир нужен рабам, республиканцам же — укрепление свободы». Война необходима не только для очищения еще занятой неприятелем территории, но и для укрепления внутреннего положения республики. Мира не должно быть до окончательной победы над врагами, в особенности же над англичанами. Робеспьер обращал внимание якобинцев на преступления английского правительства не столько для того, чтобы отвлечь парижан от междоусобной борьбы, сколько для того, чтобы убедить общественное мнение в невозможности заключить с Питтом мир.

Но чтобы продолжать войну, которая продлила бы страдания санкюлотов, Комитету приходилось проводить все более смелую социальную политику, еще более отдалявшую от него «снисходительных» — постоянных защитников имущих классов. «Снисходительные» саботировали закон о скупщиках в самой его основе, отказываясь вносить штрафы, неизбежные при его применении. 2 нивоа им удалось поразить этот закон в самом чувствительном месте, добившись по поводу процесса торговца вином Годона, спасенного ими от эшафота, нового декрета, запрещавшего судьям смертные приговоры, т. е. единственное предусмотренное законом наказание. Они, несомненно, надеялись, что наспех составленный и постоянно подменявшийся переработкам закон о максимуме будет уничтожен этим декретом, так же как и закон о скупщиках. Но Комитет не хотел возвращаться назад. Он оказал давление на Продовольственную комиссию, и 3 вантоза Барер мог представить Конвенту всеобщую таблицу максимума, регулировавшую цены для всей Франции и исправлявшую недостатки первоначального закона. Санкюлоты почувствовали, что их защищают.

Кампания должна была начаться. Комитеты задумали

решительный удар, который должен был повергнуть их противников и воодушевить широкие массы. 8 вантоза Сен-Жюст произнес от их имени блестящую речь, наметившую программу новой революции.

Террор рассматривался до сих пор даже самыми ревностными его почитателями как временное средство, которое должно исчезнуть после заключения мира. Сен-Жюст определил его с совершенно иной точки зрения, как необходимое условие для создания демократической республики.

Республика, — гласил основной принцип его речи, — может быть быстро упрочена, только если располагает гражданскими учреждениями, очищающими нравы граждан и укрепляющими в них естественные добродетели. «Государство, в котором такие учреждения отсутствуют, является лишь иллюзорной республикой. И так как каждый там понимает под свободой необузданность своих страстей и корыстолюбия, — эгоизм и завоевательный дух распространены между всеми гражданами, а идея о свободе, которую каждый из них составляет в своих интересах, является причиной всеобщего порабощения». До тех пор, пока эти гражданские учреждения, план которых Сен-Жюст в дальнейшем намечает, не будут созданы и не искоренят эгоизм в сердцах граждан, террор необходимо сохранить. «Республика создается путем разрушения всего, что ей противостоит». После страстного оправдания карательной деятельности революционного трибунала, являющейся лишь самым слабым ответом на бесчеловечные жестокости монархического режима, Сен-Жюст, которого Мишле называет архангелом смерти, взмахнул косой над головами тех, кто говорит о милосердии, и в прозрачных намеках обрисовал главных из них: «Есть один среди нас, который питает в своем сердце замысел заставить нас отступить и сократить нашу деятельность». Все взгляды должны были обратиться на Дантона, тем более, что Сен-Жюст продолжал: «Он разжирел на народных бедствиях, он наслаждается всеми благами, оскорбляет народ и совершает триумфальное шествие, увлекаемый преступлением, к которому старается возбудить наше сочувствие, так как уже нельзя замолчать безнаказанность главных виновников, которые хотят сломать эшафот, потому что боятся попасть на него». Затаив дыхание, Собрание ожидало заключение этой речи. Не потребуют ли, чтобы оно выдало Фуке намеченные головы? Сен-Жюст круто повернул свою речь. Он не потребовал голов, он потребовал революции собственности. «Сила обстоятельств приведет нас, быть может, к таким выводам, о которых мы никогда и не думали. Богатство сосредоточено в руках многочисленных врагов революции, нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Не думаете ли вы, что государство может существовать, когда гражданские отношения противоречат форме его правления? Те, кто осуществляет революцию наполювину, лишь роют себе могилу. Революция научила нас тому, что всякий, кто показал себя врагом своей страны, не может быть в ней собственником. Необходимо еще несколько гениальных ударов, чтобы нас спасти... Собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно пойти в пользу нуждающихся. Нуждающиеся — властители мира. Они имеют право говорить тоном хозяев с правительствами, которые их игнорируют».

Сен-Жюст поставил на голосование декрет, согласно которому собственность лиц, признанных врагами республики, подлежала конфискации. Он предусматривал при этом не только теоретический декрет, но и определенную практическую меру, подлежащую осуществлению, так как 13 вантаза провел новый декрет, предписывавший всем коммунаам составить список неимущих патриотов, а всем комитетам надзора — доставить в Комитет общественной безопасности список всех арестованных по политическим делам с 1 мая 1789 г. с характеристикой каждого из них. Оба Комитета, снабженные этой пространной анкетой, решат окончательно вопрос о конфискации имущества врагов революции, и параллельно Комитет общественного спасения составит список неимущих патриотов, между которыми будут распределены конфискованные имущества.

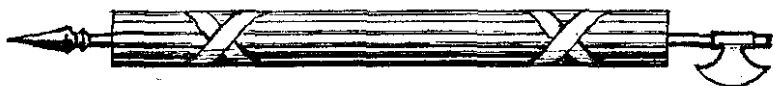
Уже конфисковав имущества духовенства и эмигрантов, революция завладела теперь всем, что еще принадлежало ее врагам. Имущества двух первых категорий она пустила в продажу, и эти продажи принесли пользу только тем, кто имел средства для покупки. Имущества новой категории она распределила безвозмездно среди революционного пролетариата.

Ни гебертисты, ни даже «бешеные» никогда не имели в виду такой радикальной меры, такой широкой передачи собственности одного политического класса другому. В новых тюрьмах было до 300 тыс. арестованных по подозрению, 300 тыс. семей находились под угрозой экспроприации. Террор принимал непредвиденный и грандиозный характер. Дело шло уже не о временном насилии над враждебной партией, а о том, чтобы навсегда лишить ее собственности, уничтожить ее средства к существованию и на полученное от нее наследство поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных. Дело шло также о том, чтобы продлить, как повторял Сен-Жюст за Робеспьером, революционную диктатуру до тех пор, пока не будет основана республика, в области фактов, посредством этой новой великой экспроприации, и в области духа, посредством гражданских учреждений. Террор уже не стыдился самого себя. Он сделался режимом, кровавым горнилом, в котором вырабатывалась будущая демократия на развалинах всего того, что было связано со старым порядком.

Казалось, что Комитет, который в продолжение двух месяцев искал пути между умеренными и крайними революционерами, принял на этот раз определенное решение. Он решительно перешел на сторону ультра-революционе-

ров и даже превзошел их. Все усилия Сен-Жюста были направлены против «снисходительных». Его выводы были грозной попыткой выявить из смутных стремлений гебертизма социальную программу.

Странное обстоятельство, которое сильно поразило Сен-Жюста: его не поняли и не поддержали даже те, кого он хотел удовлетворить. §

ПАДЕНИЕ ПАРТИЙ

Комитет ожидал, что его социальная программа встретит противодействие справа, но не слева. Дантон собирался, по-видимому, выйти из своего оцепенения. Когда 4 вантоза Эли Лакост от имени Комитета общественной безопасности предложил отослать к Фукье-Тенвиллю судей Арденнского военного трибунала, заподозренных в сношениях с аристократией, он восстал против этой меры и добился того, что ее отложили: «Мы издаем декреты, не зная, в чем дело, на веру, по простым докладом. Я заявляю, что не могу понять того, что было сказано, и не могу выполнить моих функций политического присяжного. Пришло время Конвенту занять подобающее ему место и произносить свои приговоры только с полным знанием дела. Нация не должна погибнуть из-за на

шего малодушия, слабости или нежелания говорить. Все это является лишь предисловием к моему политическому *specto*. Я его выскажу в свое время». Предисловие, полное угроз.

Когда Сен-Жюст провел через голосование декрет о конфискации имущества подозрительных, Дантон попытался парировать этот удар, потребовав, чтобы революционные Комитеты были предварительно очищены Комитетом общественной безопасности, который изгнал бы из них «ложных патриотов в красных колпаках». Предложение Дантона было отослано Комитетам, которые положили его под сукно.

Если бы эбертисты хоть сколько-нибудь обладали политическим чутьем, они соединились бы вокруг Комитетов, проявлявших свое расположение к ним до такой степени, что Колло д'Эрбуа произнес 3 вантаза в Якобинском клубе хвалебную речь Каррье. Но большинство из них жаждало не столько осуществить ту или иную социальную программу, сколько удовлетворить свое честолюбие и мстительную злобу. У них не было, строго говоря, никакого представления о социальной политике. Эбер отличался в этом отношении крайним убожеством мысли. Все зло, по его словам, происходило от скупщиков, и единственное целебное средство, которое он рекомендовал, заключалось в гильотине. Последние номера его газеты были наполнены яростными атаками на коммерсантов. «Я не пощажу торговца морковью, так же как и самого крупного негоцианта, потому что вижу единую линию фронта, образованного всеми, кто продает, против всех, кто покупает, и встречаю столько же недобросовестности в маленьких лавочках, сколько и в крупных магазинах» (№ 345). Было большой неосторожностью нападать так на мелких лавочников, которые не забыли, конечно, этих угроз. Жак Ру провидел мгновениями социальную проблему. Эбер не видел ничего за продовольственной проблемой, которую надеялся разрешить ребяческими, но сильными средствами.

Гордые, обладавшие неукротимым характером, Ронсен и Венсан хотели отомстить своим доносчикам — Фабру д'Эглантину и Филиппо. Они не доверяли ни Конвенту, ни его Комитетам. Робеспьер, воспрепятствовавший исключению Демулена из Якобинского клуба, казался им опасным и лицемерным сторонником умеренных. Они с горечью вспоминали изгнание своего друга Брише, которого Робеспьер исключил 19 плювиоза из клуба за то,

что он предложил исключить из Конвента «жаб Болота» и предать суду революционного трибунала 75 арестованных жирондистов. Они негодовали, вместе с Моморо, по поводу отказа якобинцев принять в свой клуб Венсана (23 и 26 плювиоза). Моморо увидел в провале кандидатуры Венсана доказательство интриги, о существовании которой объявил в Кордельерском клубе. 24 плювиоза он обрушился на «изношенных людей со сломанными ногами», называвших кордельеров фанатиками за то, что они были патриотами, от звания которых эти люди отказались.

С тех пор кордельеры вступили в ряды оппозиции. 4 вантоза Гебер объявил им о существовании новой партии «усыпителей», т. е. робеспьеристов. «Нам изобразили Камилла ребенка, Филиппо — безумцем, Фабра д'Эглантина — честным человеком. Граждане, не доверяйте усыпителям... Нам говорят, что бриссотинцы уничтожены, а между тем остался 61 виновный, подлежащие наказанию...» Кордельеры решили возобновить издание газеты Марата. Призывая Марата, сердце которого сохранялось в клубе как священная реликвия, они не только укрывались за великим и популярным именем, но и провозглашали решительную политику. Марат, которого прославляли, был Маратом, призывавшим к сентябрьским убийствам, Маратом, советовавшим народу выбрать диктатора.

• Эбер и его друзья надеялись использовать для своих целей нужду, увеличившуюся в столице с наступления зимы.

На рынках и у дверей булочных снова происходили побоища. «Париж начинает производить ужасающее впечатление, — писал 4 вантоза наблюдатель Латур ла Монтань. — На рынках и на улицах можно видеть огромную толпу бегущих граждан, кидающихся друг на друга, испускающих крики, заливающихся слезами и представляющих повсюду картину полного отчаяния; при виде этого волнения можно подумать, что Париж уже во власти всех ужасов голода». «Нужда достигла крайней ступени, — констатировал на следующий день наблюдатель Сире, — предместье Сент-Антуан рассеялось по Венсенской дороге и расхило все продовольствие, предназначенное для Парижа. Некоторые платили за него, другие уносили, ничего не заплатив. Разоренные крестьяне клялись не привозить больше в Париж никакого продовольствия. Необходимо немедленно водворить порядок, иначе эти разбой в ближайшее время вызовут голод в столице». Комиссары по борьбе со скупщиками производили многочисленные обыски, отбирали на улицах съестные продукты и распределяли их. Однажды Дюкроке, комиссар секции Марата, отобрал 36 яиц у гражданина, имевшего на иждивении семь человек, и разделил эти яйца между 36 различными лицами.

Кордельеры потребовали увеличения революционной армии для наказания скупщиков (4 вантоза). Коммуна и

секции подали петиции о строгом и неуклонном применении закона о скупщиках (5 вантоза): Вследствие отсутствия продуктов рабочие мастерских военного обмундирования прекратили работу Рабочие железодельных заводов и мастерских по изготовлению оружия забастовали, требуя повышения заработной платы. Волнение приняло угрожающий характер. 10 вантоза на собрании секции Рынков сапожник Бо, член революционного комитета, заявил, что в случае продолжения голода надо обойти тюрьмы, перерезать арестованных, зажарить и съесть. Повсюду говорили о повторении 2 сентября. Анонимные плакаты советовали разогнать бездарный Конвент и заменить его диктатором, который сумеет разрешить продовольственную проблему.

Кордельеры думали, что им легко удастся выиграть новое сражение и захватить власть в свои руки. 14 вантоза Каррье подал сигнал к открытию боя: «Восстание, священное восстание — вот что вы должны противопоставить этим злодеям!» Эбер снова обвинил в длинной речи «усыпителей» Комитетов, честолюбцев, защищавших Шабо, Фабра и 75 жирондистов. Подбодренный Буланже, помощником командира Парижской национальной гвардии, восклицавшим: «Отец Дюшен, не бойся ничего. Мы сами будем отцами Дюшен, чтобы поразить наших врагов»; поощряемый Моморо и Венсаном, упрекавшими его в слабости, он решил назвать имена: Амара, дворянина, бывшего казначея французского короля, купившего дворянство за 200 тыс, ливров, министров Паре и Дефорга, Карно, желавшего прогнать Бушотта и заместить его своим «слабоумным и неблагонадежным» братом. Гебер все же не осмелился назвать Робеспьера, но ясно на него намекнул и заключил свою речь, подобно Каррье: «Да, восстание, и кордельеры первые подадут сигнал, который должен нанести нашим угнетателям смертельный удар!» Кордельеры завесили траурным крепом декларацию прав, символизируя угнетение, жертвами которого они себя считали.

Их призыв упал в пустоту. Широкие массы уже не верили в пригодность гильотины для разрешения продовольственной проблемы, а комиссары по борьбе со скупщиками были крайне непопулярны вследствие тех стеснительных мер, которые они применяли. Моморо, правда, увлек за собой секцию Марата, которая попыталась 15 вантоза возбудить Коммуну. Но Коммуна осталась холодна и враждебна. Ее председатель Любен сделал выговор пети-

ционерам, восхваляя деятельность Комитетов. Шометт призывал к спокойствию. Анрио осуждал агитаторов. Комитет надзора Парижского департамента, хотя и состоявший из пылких революционеров, принимавших участие в восстании 2 июня, распространял афиши, предостерегавшие население.

Внезапное выступление гебертистов удивило Комитет общественного спасения, но не застало его врасплох. Он решил предать их немедленно суду, но, предвидя, что умеренные попытаются извлечь выгоду из преследований ультра-революционеров, объявил с самого начала во всеуслышание, что будет беспощадно бороться с обеими партиями.

В докладе от 16 вантоза Барер доказал, что голод является результатом деятельности тех, кто на него сетует, и потребовал судебного процесса. Общественный обвинитель должен был немедленно допросить авторов и распространителей зажигательных афиш, а также виновников недоверия, внушенного торговцам и земледельцам, снабжающим Париж продовольствием: «Пусть содрогнутся все заговорщики!.. Надо следить за партией «снисходительных» и пацифистов столько же, сколько и за партией мнимых инсургентов!» И он объявил, что Амар представит, наконец, доклад по делу Шабо и его сообщников.

Комитет не арестовал сразу проповедников восстания только потому, что Колло д'Эрбуа выговорил себе право сделать последнюю попытку примирения. Виновник расстрелов в Лионе не мог выдать виновника потоплений в Нанте, не подвергая опасности самого себя. В тот же вечер в Якобинском клубе он предложил послать к кордельерам, как во времена Жака Ру, депутацию, чтобы «понудить их учинить правосудие над интриганами, которые ввели их в обман». Интриганы, имена которых Колло гнушался произнести, присутствовали на заседании. Еще за день перед тем они призывали к восстанию. Теперь же они унизили себя пошлыми оправданиями. «Призывая к восстанию,— сказал Каррье,— мы имели в виду только тот случай, когда оно вынуждено обстоятельствами. Ручаюсь головой, что никто не внес предложения против Комитета».

17 вантоза делегация якобинцев, во главе с Колло, отправилась к кордельерам, Моморо, Гебер и сам Ронсен, один за другим, принесли повинную. Черный креп, прикрывавший декларацию прав, был разорван и передан в знак братской солидарности якобинцам. Оба клуба поклялись друг другу в «неразрывном союзе». Колло, казалось, добился успеха.

Но все кордельеры отнеслись с неодобрением к отступлению своих вождей. Венсан обрушился 19 вантоза на кромвелистов, хитрых ораторов с громкими речами, подразумеваемая Колло. В клубе произошли бурные объяснения. В некоторых секциях, в которых преобладали друзья Венсана, агитация продолжалась. Так, секция Брута заявила 21 вантоза Конвенту, что она останется настороже до тех пор, пока не будут уничтожены все скрытые роялисты, все федералисты, все умеренные, все «снисходительные», и в тот же день секция Финистер, состоявшая из поденных рабочих, потребовала, устами Буллана, декрета, который вывел бы «из состояния бездействия» революционную армию и учинил бы скорый суд над скупщиками.

21 вантоза Комитеты узнали с разных сторон, в особенности же от офицера германского легиона Генделя, что эбертисты в действительности подготавливали то восстание, от которого отреклись. Они намеревались проникнуть в тюрьмы, перерезать аристократов, завладеть Новым мостом и арсеналом, убить Анрио и его штаб, поджечь Комитеты Конвента и, в заключение, назначить великого судью, т. е. диктатора, который санкционировал бы смертные казни и распределил бы между народом деньги, найденные на Монетном дворе и в казначействе. Гендель назвал имена людей, которые пытались привлечь его к участию в заговоре: изучавшего хирургию студента Армана, врача Бейссе и т. д. Заштатный генерал Ломюр сообщил под секретом Вестерману, содействия которого он требовал, что в Париж тайно посылают людей из революционной армии и что великим судьей намереваются назначить Паша.

Вооруженные этими уликами, Комитеты решили действовать без промедления, чтобы уничтожить заговор в самом зародыше. Вернувшись из своей командировки в Пор-Мало, Билло-Варенн и только что оправившиеся от болезни Кутон и Робеспьер присутствовали на заседании 22 вантоза, на котором были одобрены заключения обвинительного доклада, представленного на следующий день Сен-Жюстом против обеих партий, действовавших в пользу неприятеля. В тот же вечер Фукье-Тенвилль был вызван в Комитет, и на следующий день, в ночь с 23 на 24 вантоза, главные эбертистские вожди были арестованы в обстановке всеобщего равнодушия. Большая часть секций явилась в ближайшие дни в Конвент с поздравлениями, к которым присоединилась, хотя и с некоторым запозданием, сама Коммуна.

Процесс гебертистов, продолжавшийся с 1 по 4 жерминаля был, прежде всего, политическим процессом. Обвинение в намерении вызвать голод, которое возбудили сначала против гебертистов, уступило место новому, несравненно более серьезному обвинению в организации восстания. С помощью первого обвинения к Эберу присоединили его друга, комиссара по борьбе со скупщиками, Дюкроке и агента по продовольствию Антуана Декомба. Чтобы доказать существование связи с внешним врагом, так как без Питта и герцога Кобургского не мог обойтись в то время ни один заговор, в ряды обвиненных включили Анахарсиса Клоотса, Проли, Кока и секретных агентов министерства по иностранным делам — Дефье, Перейру и Дюбюиссона. Другие обвиняемые: Ронсен, Мазюель, Венсан. Леклерк и Буржуа, начальники военных бюро, Моморо и др. — были вождями, подготавливавшими переворот.

Все они были приговорены к смерти, за исключением полицейского шпиона Лабура, который был оправдан. Экзекуция была выполнена среди несметной толпы, поносившей побежденных. Они умерли мужественно, исключая Гебера, который проявил признаки слабости.

Комитеты решили расправиться с ультра-революционерами лишь скрепя сердце. Они запретили Фукье преследовать Анрио, Буланже, Паша, скомпрометированных некоторыми показаниями, и не привлекли к делу Каррье. Они боялись реакции, которой могли воспользоваться «снисходительные» — их злейшие враги. «Всего опаснее, — сказал Робеспьер в Якобинском клубе 25 вантоза, — было бы замешивать патриотов в процесс заговорщиков». Декрет 23 вантоза, предавший гебертистов суду революционного трибунала, содержал обоюдоострые, искусно составленные Сен-Жюстом определения. Он объявлял, например, предателями отечества тех, кто давал приют эмигрантам и, вместе с тем, зачислял в ту же категорию всякого, кто сделает попытку открыть тюрьмы. Первое определение можно было применить к Дантону, принявшему у себя эмигрантку маркизу де Шарри. Второе могло коснуться всех, кто требовал милосердия.

26 вантоза Амар представил, наконец, обвинительный доклад против мошенников, т. е. Шабо, Базира, Делоне, Фабра и т. д.

Этот доклад прокурора, ограничивавшийся одной лишь финансовой стороной дела, не удовлетворил ни Билло, ни Робеспьера, сожалевших, что Амар не обратил вни-

мания на политический характер заговора, связанного с подкупом. В то время как гебертисты держали ответ перед Фукье по обвинению в желании унижить и разогнать Конвент, Билло и Робеспьер возбудили то же обвинение против мошенников и «снисходительных».

Если не предполагать, что Дантон внезапно оглох и ослеп, то он должен был знать о том, что подготавлилось. 4 и 8 вантоза он в угрожающем тоне выразил намерение потребовать у Комитета отчета. Затем он вдруг замолчал. Следует ли предположить, что он с удовлетворением следил за восстанием кордельеров и пытался завязать сношения с Ронсеном в целях ниспровержения правительства? Многочисленные и согласные показания свидетельствуют о том, что тайное соглашение, существовавшее, по утверждению Комитетов, между двумя ветвями заговора, не было плодом воображения. Генерал Ломюр был близок с Вестерманом, которого посвящал во все свои тайны. Свидетели на процессе показали, что Вестерман намечал Дантона на роль великого судьи. С тех пор как Дантон поддержал месяц тому назад требование об освобождении Ронсена и Венсана, эбертисты его щадили. Среди них были заведомые клиенты Дантона. Каррье восхвалял Вестермана.

Как бы то ни было «снисходительные» пробудились, повидимому, только тогда, когда начались преследования гебертистов. Заговор рушился, опасность приближалась. Камилл Демулен снова взялся за перо. Между тем как в №№ 5 и 6 «Старого кордельера» он отказывался от своих прежних слов, № 7 носил совершенно иной характер. Здесь Демулен стыдил Конвент за его унижения перед Комитетом и восхвалял с энтузиазмом британские учреждения, в противовес поносившему их Робеспьеру, напоминал, что английский суд только что оправдал гражданина Беннета, способствовавшего победе французов, между тем как во Франции отправляли на эшафот за одни лишь пораженческие разговоры. В заключение он горячо обвинял Барера, отказавшегося выслушать мирные предложения держав. В черновых рукописях, найденных среди его бумаг, он выражался еще сильнее. Комитет общественного спасения выбирал, по его словам, самых неспособных генералов, систематически отрешая от должности и отправляя на эшафот тех из них, которые могли принести какую-нибудь пользу: Диллона, Кюстина, Дюбайе, Гарвилля и Ламорлиера. Демулен снова призывал к борьбе всех, кто устал от террора и от войны. № 7 «Старого

кордельера» явился обвинительным актом против Комитетов, которые Демулен прежде щадил. Но Комитеты бодрствовали. У типографа Демулена Дезенна был произведен обыск, и 24 вантоза его арестовали. Комитеты были в курсе дела и хорошо подготовлены.

«Снисходительные» попытались возобновить свои вечные атаки против Бушотта и агентов Комитета (28 и 30 вантоза). Они добились на одно мгновение декрета об аресте Герона, одного из главных агентов Комитета общественной безопасности. Но Кутон, Моис Бейль и Робеспьер — один за другим отразили это нападение. Кутон заявил, что «умеренные, у которых совесть не чиста и которые боятся поэтому решительных революционных мер... хотят погубить правительство», лишая его лучших агентов. Робеспьер в угрожающем тоне заявил, что Комитеты не потерпят, чтобы меч тирании коснулся хотя бы одного патриота. Он обвинял тех, кто хотел погубить самых пылких революционеров, зачисляя их в ряды гебертистов. «Еще вчера один член Конвента ворвался в Комитет общественного спасения и с неопишуемой яростью потребовал трех голов». Робеспьер не имел нужды называть этого кровожадного «снисходительного», и Герон был спасен.

Не вследствие ли этой тревоги Билло потребовал у своих коллег по Комитетам ареста Дантона, который, по его словам, был центром всех контрреволюционеров? И только противодействие Робеспьера, который не хотел выдавать своих старых товарищей по оружию, отсрочило на несколько дней эту неизбежную меру. Чтобы доказать широким массам патриотов, что процесс гебертистов не сыграет наруку реакции, необходимо было осуществить ту угрозу, которая уже долгое время висела над сторонниками милосердия.

По-видимому, эти сторонники милосердия, приведенные в замешательство голосованием обвинительного декрета против Базира, Шабо и Фабра, возложили свою последнюю надежду на Робеспьера. Дантон встречался с ним два или три раза у Леньело и у Гюмбера. По словам Куртуза, Дантон со слезами протестовал против злостных сплетен, распространявшихся по поводу его командировки в Бельгию и по поводу его крупного состояния: «Поверь мне, Робеспьер, отвергни интригу и присоединись к истинным патриотам» (согласно Добиньи) Робеспьер остался непоколебим.

Вестерман посоветовал Дантону принять меры предосторожности «Они вас убьют». — «Они не посмеют напасть на меня», — ответил Дантон. Вестерман настаивал и предлагал совершить нападение на Комитеты. Дантон отказался. — «Лучше быть сто раз гильотинированным, чем сделаться самому палачом!» Было ли это самонадеянностью или усталостью, или убеждением, что после неудачи гебертистского

восстания всякая новая попытка восстания обречена на неудачу? Смелый Дантон, хотя и был предупрежден об опасности, ожидал событий, ничего не предпринимая.

Билло удалось, наконец, поколебать последние сомнения Робеспьера. На вечернем заседании 10 жерминаля оба Комитета, выслушав обвинительную речь Сен-Жюста с последующими поправками Робеспьера, отдали приказ об аресте Дантона, Делакруа, Филиппо и Камилла Демулена как сообщников Шабо, Фабра д'Эглантина и других мошенников, которых они защищали. Все присутствующие члены подписали приказ, за исключением Рюля и Линде.

Комитеты предприняли решительный шаг, в исходе которого не были уверены. После казни эбертистов умеренные добились крупных успехов. Лежандр председательствовал в Якобинском клубе, Талльен — в Конвенте.

С самого начала заседания 11 жерминаля Дельмас потребовал присутствия Комитетов. Собрание отдало соответствующий приказ, и Лежандр, получивший утром письмо от Делакруа, произнес горячую речь, восхвалявшую Дантона. «Я верю, что Дантон так же чист, как и я сам». Послышался ропот, и Клозель воскликнул: «Председатель, сохрани свободу мнений», а Талльен театрально ответил: «Да, я сохранию свободу мнений, каждый может говорить все, что он думает, мы все оствнемся здесь, чтобы спасти свободу». Шумные аплодисменты покрыли эти угрожающие слова, и Лежандр потребовал, чтобы арестованные депутаты были вызваны к решетке Собрания и выслушаны, прежде чем слово будет предоставлено их обвинителям. Файо возмутился: это предложение создавало привилегию. Жирондисты не были выслушаны так же, как и Шабо, Фабр и др., прежде чем их отвели в революционный трибунал. Почему же два разных способа действия? Нерешительное Собрание колебалось. Жан Дебри, Куртуа, Дельмас воскликнули, указывая на членов Комитетов: «Долой диктаторов, долой тиранов!» (Согласно Куртуа). Но Робеспьер взошел на трибуну и произнес громовую речь, глубокая искренность которой взволновала и покорила Собрание:

«...Они хотят вас испугать призраком злоупотребления властью, той национальной властью, которой вы облечены, и которая не сосредоточена в руках нескольких человек... Они боятся, что арестованных будут притеснять, они не доверяют, следовательно, национальному правосудию и людям, пользующимся доверием Национального конвента, не доверяют Конвенту, который облек этих людей своим доверием, и общественному мнению, санкционировавшему решение Конвента. Я заявляю, что всякий, кто чувствует себя беспокойно в настоящий момент, — в чем-нибудь да виновен, потому что невинный никогда не

боится общественного надзора... И мне также хотели внушить страх, говоря, что опасность, угрожающая Дантону, может коснуться и меня; мне описали Дантона, как человека, к которому я должен присоединиться, как щит, который может меня охранить, как оплот, разрушение которого открыло бы меня вражеским ударам. Друзья Дантона прислали мне письма, осаждали меня речами. Они думали, что воспоминание о старой дружбе, старая вера в притворные добродетели побудят меня умерить мое рвение и страстную любовь к свободе... Что мне за дело до опасностей! Моя жизнь принадлежит отечеству, мое сердце свободно от страха, и я сумею умереть безупречной и честной смертью». Перед овацией, сопровождавшей эти слова, Лежандр позорно отступил: «Робеспьер плохо меня знает, если думает, что я способен пожертвовать личностью свободой».

Сен-Жюст прочел среди глубокого молчания свой обвинительный доклад, вскрывавший темное прошлое обвиняемых, их интриги с Мирабо, их тайные переговоры с двором, их связи с Дюмуре, их соглашение с жирондистами, их двусмысленное поведение во все великие критические моменты — 10 августа, 31 мая; их усилия спасти королевскую фамилию, их предательскую кампанию в пользу мира, их тайное противодействие всем революционным мерам, их сообщничество с мошенниками, их тесные связи с подозрительными иностранцами, их вероломные нападения на правительство. Почти по всем этим пунктам правдивая история подтвердила мнение Сен-Жюста. Конвент единогласно санкционировал его доклад.

Но последняя партия должна была быть сыгранной в революционном трибунале. Процесс продолжался, подобно процессу гебертистов, четыре дня — с 13 по 16 жерминаля, — но произвел несравненно больше шума. 14 обвиняемых были соединены в одну группу далеко не случайно. Чтобы присоединить Делакура, Дантона и Демулена к Шабо, Базиру, Делоне и Фабру, имелось достаточно оснований. Эро де Сешелль мог бы занять место в рядах гебертистов, поскольку он был другом и покровителем Проли и Клотца, но он фигурировал также в доносах Базира и Шабо, и Комитеты, присоединяя его к его первому доносчику Фабру, хотели показать на этом наглядном примере интимную и тайную связь ультра-революционеров с умеренными, их тайное сообщничество в деле разрушения революционного правительства. Что же касается Филиппо, то он расплачивался за свои обвинения Комитета в измене и за преувеличенные похвалы Демулену. К этим главным героям присоединили ряд статистов, иностранных агентов. Присутствие братьев Фрей на ряду с их зятем Шабо было вполне естественно. Поставщик д'Эспаньяк — протеже Шабо, Жюльена из Тулузы и самого Дантона — также нашел свое место в рядах мошенни-

ков. Авантюрист Гюзман, близкий друг Дантона, присутствовал на суде в роли обличителя Дантона. Наконец, Вестерман, замешанный во все интриги Дюмурье и Дантона, имевший репутацию грабителя и вора, не нарушал общего впечатления, которое производила эта компания.

В первый день процесса была рассмотрена финансовая сторона дела. Сначала выслушали свидетеля со стороны обвинения — Камбона, затем председатель Герман прочел уличающие письма д'Эспаньяка. Обвиняемые энергично отрицали свою вину и сваливали ответственность на Жюльена из Тулузы.

Второй день почти целиком ушел на допрос Дантона. Трибун проявил все свое высокомерие. Не удовлетворяясь защитой, заключающейся в смелой лжи, он напал на своих обвинителей, насмеялся, угрожал, отвечал дерзостями: «Презренные клеветники, покажитесь, и я сорву с вас маску, которая укрывает вас от публичного обвинения!» Раскаты его голоса были слышны на улице. Собралась возбужденная толпа. Присяжные и судьи пришли в замешательство. Обеспокоенный Комитет общественного спасения отдал Анрио приказ арестовать председателя и общественного обвинителя, которые казались ему виновными в слабости. Фукье, дальний родственник Демулена, был обязан ему своим назначением. Но потом Комитет одумался и вернул приказ, уже переданный Анрио. Несколько членов Комитета общественной безопасности отправились в трибунал, чтобы поддержать своим присутствием ослабевших судей и присяжных.

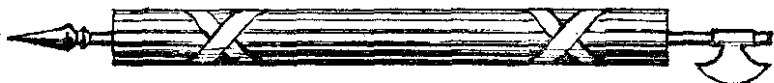
Третий день был посвящен допросу других обвиняемых, которые подражали тактике Дантона, требуя допроса свидетелей, указанных ими в Конвенте, и провоцируя бурные инциденты. Выведенный из терпения Фукье, которому Герман оказывал лишь слабую поддержку, написал Конвенту отчаянное письмо, спрашивая его совета относительно вызова в суд свидетелей по требованию обвиняемых. Когда Комитеты получили его письмо, они уже имели в руках донос заключенного в Люксембургской тюрьме бывшего посла республики во Флоренции Лафлотта, который сообщал, что накануне два товарища его по камере, генерал Артур Диллон и член Конвента Симон, убеждали его вступить в заговор, имевший целью освобождение Дантона и его друзей. Диллон сообщался письменно с женой Демулена, которая отпустила тысячу экю, чтобы собрать толпу вокруг трибунала. Диллон, Симон и их сообщники намеревались завладеть ключами Люк-

сембургской тюрьмы, отправиться затем в Комитет общественной безопасности и перерезать его членов. Мы знаем теперь, что генерал Сагюге, двоюродный брат д'Эспаньяка, находившийся в то время в отпуске в Лимузине, получил от Диллона и д'Эспаньяка записку с просьбой поспешить в Париж и содействовать их освобождению. Баррас сообщает, что несколько друзей Дантона, в том числе генерал Брюн, обещали ему ворваться силою в трибунал и освободить его. Но они так и не откликнулись на призыв.

Имея в руках письмо Фукье и донос Лафлотта, Комитеты поручили Сен-Жюсту выступить с трибуны, чтобы описать Конвенту смуту, производимую обвиняемыми, и добиться декрета, который позволил бы трибуналу лишать права участвовать в прениях всякого подсудимого, оказывающего сопротивление или оскорбляющего национальное правосудие. Декрет был принят единогласно без прений и в тот же вечер передан трибуналу самолично Вадье.

На следующий день, 16 жерминаля, Фукье прочел обвиняемым вотируванный накануне декрет и донос Лафлотта. Затем допросили последних обвиняемых, т. е. статистов, и Фукье спросил присяжных, составили ли они себе достаточно ясное представление о деле. Дантон и Делакрыа горячо запротестовали: «Нас хотят осудить, не выслушав! Пусть судьи не совещаются! Мы достаточно прожили, чтобы почить на лоне славы, пусть нас отведут на эшафот!» Затем они бросили в судей комками бумаги. Трибунал, применяя декрет, лишил их права участвовать в прениях. Все были приговорены к смерти, за исключением Люллье, который через несколько дней закололся в тюрьме кинжалом. Если поверить показаниям, сделанным на процессе Фукье присяжными Ренодемом и Толино-Лебренем, а также секретарем суда Пари, то Герман и Фукье вошли в комнату судей во время совещания и передали им секретный документ, определивший окончательное решение тех, кто еще колебался.

Осуждение «снисходительных» и мошенников не вызвало в народе никакого волнения. Их отвели на место казни среди всеобщего равнодушия. Да и почему бы французы, каких бы политических убеждений они ни держались, стали интересоваться судьбою авантюристов, которые, служа в различных партиях и предавая их одну за другою, работали только в своих собственных интересах? Даже термидорианский Конвент отказался реабилитировать Дантона, Делакрыа, Фабра д'Эглантина, Шабо, Базира и Делоне.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ломив партии, одну за другой, Комитеты освободились на несколько месяцев от стеснявшей их оппозиции. Столь беспокойный прежде Конвент соглашался теперь на все, что ему предлагали. Самые важные декреты вотировались почти без прений! Депутаты молчали и не проявляли никакой инициативы. Чтобы заполнить чем-нибудь время заседаний, секретарь подробно разбирал корреспонденцию. Начинаясь настоящая диктатура правительства.

Парижские власти были очищены и составлены из верных людей (Пайан, Муен, Любен заменили Шометта, Гебера и Реалья, позднее Леско-Флерио заменил Паша). Новые власти были послушны, но, имея в своем составе одних лишь чиновников, уже не являлись больше пред-

ставительными органами населения. Народные общества секций, умножившиеся за лето 1793 г. и заподозренные в том, что заключали в себе значительное число аристократов, исчезли в флореале под давлением якобинцев, которые отказались присоединить их к своему клубу. Помимо секционных трибун, открытых два раза в декаду, существовала только одна свободная трибуна, трибуна якобинцев. Но эта трибуна, находившаяся под строгим надзором, была занята большую часть времени чиновниками из революционного трибунала и различных управлений. Новая террористическая бюрократия завладела всеми местами. Злоупотребления властью приняли такие размеры, что Дюбуа-Крансе предложил исключить бюрократию из клубов. Его письмо, прочитанное в Якобинском клубе, вызвало настоящую бурю. Дюбуа-Крансе был тотчас же обвинен в Комитете общественного спасения как «снисходительный» и дезорганизатор. Комитеты, в особенности Сен-Жюст, видели зло, но были связаны по рукам и ногам. Кто остался бы в клубах, если бы из них изгнали чиновников? Основание режима суживалось по мере его концентрации.

Пресса, которая до жерминаля сохраняла еще всю свою энергию и страстность, утратила теперь всякую самостоятельность! В обращении были только официальные или официозные газеты, получавшие более или менее крупные субсидии. За преступные мнения постаралось уже столько журналистов, что оставшиеся в живых хорошо знали ценность осторожности. В театрах разыгрывались только патриотические, одобренные цензурой пьесы.

Комитеты правили, казалось бы, беспрепятственно. Но они не делали себе иллюзий. Они знали, что скрывалось за этим назревающим молчанием. «Революция окончена, — писал Сен-Жюст в своем сочинении «Республиканские учреждения», — все принципы ослабли, остались только красные колпаки, прикрывающие интригу. Террор притупил преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус».

Что сделали правители со своим всемогуществом, завоеванным такой дорогой ценой? Сначала они развили энергичную деятельность. Революционная армия Кромвеля — Ронсена внушала им опасения. Они ее упразднили (7 жерминаля). Три министра были скомпрометированы в деле партий: Бушотт в деле ультра-революционеров, Дефорж и Паре — в деле умеренных. Карно добился упразднения министров и замены их 12 исполнительными

комиссиями, состоявшими из двух или трех членов и организованными по образцу двух уже существовавших комиссий: продовольственной комиссии и комиссии по изготовлению оружия и пороха. В свое время, когда дантонисты требовали этой меры, Комитеты неоднократно восставали против нее. Теперь, когда дантонисты находились в трибунале, Комитеты сами настаивали на этой мере, и не нашлось никого, кто повторил бы их прежние возражения.

Командированные депутаты проводили в департаментах часто совершенно разнородную и даже противоположную политику. 30 жерминаля Комитет отозвал 21 депутата. Он хотел управлять исключительно через национальных агентов, которых держал в руках. Сен-Жюст, проникнутый идеей единства, писал в своих «Учреждениях»: «Надо пересмотреть систему коллективных магистратур — муниципалитетов, администраций, комитетов надзора и т. п. и обсудить вопрос, не будет ли лучшим средством к действительному упрочению революции — передать функции этих органов отдельным должностным лицам». Но время еще не созрело для Бонапарта с его префектами и мерами. Сен-Жюст не решился высказать своих тайных мыслей.

Комитет хотел отнять у командированных депутатов, по крайней мере, главный атрибут их революционной власти — право учреждать чрезвычайные трибуналы. Декретом 27 жерминаля, вотированным по докладу Сен-Жюста, постановлялось, что все обвиняемые в заговорах подлежат суду парижского революционного трибунала. Декрет 19 флореаля, предложенный Кутоном, отменил созданные депутатами трибуналы и революционные комиссии. Комитеты все же выговорили себе право сохранить, в виде исключения, некоторые из них, например, — трибунал, организованный Жозефом Лебоном в Камбре в тылу северного фронта, комиссию, функционировавшую в Нуармутье, и др.

Комитет не хотел ослабить террора, но лишь сконцентрировать его под своим непосредственным наблюдением. Он негодовал и угрожал, когда после ареста Эбера в Париж дошли слухи об исчезновении бюстов Марата и Шалье. Чтобы успокоить террористов, он усилил репрессии по отношению к их преследователям. Так, Комитет отозвал Фуше, чтобы наказать его за то, что он включил в число сторонников гебертизма друзей Шалье (7 жерминаля). Он предписал открыть вновь закрытый Фуше клуб в Лионе. Приказ, подписанный Робеспьером, запретил

всякие преследования лионских патриотов, которые подвергались преследованиям во время осады. Когда Фуше, по возвращении в Париж, оправдывался в Якобинском клубе, Робеспьер предостерегал членов клуба против его лживых речей.

То же, что в Лионе, происходило всюду: в Седане, в Лон-ле-Сонье, в Лилле и т. д. Патриоты пользовались покровительством, и усиливались репрессии против врагов революционного режима. Декрет 27 фримера удалил из Парижа, из местностей, охваченных войной, и из приморских городов всех бывших дворян и подданных враждебных держав, не получивших специального разрешения на пребывание в этих местах. Для наказания контрреволюционеров Воклюзы Комитет организовал 21 флореаля грозную Оранжевую комиссию, судившую без присяжных и приговорившую на 42 заседаниях 332 из 591 обвиняемых к смерти. Он одобрил поступок Менье, предавшего огню контрреволюционное селение Бедуен, в котором было срублено дерево свободы и в котором нельзя было найти ни одного свидетеля-республиканца.

Комитет поставил на очередь не только террор, но и смягчавшую его добродетель. Он жестоко наказывал вероломных революционеров. Менье обнаружил в Воклюзе огромную воровскую банду, заседавшую в административных учреждениях с целью разграбления национальных имуществ. Он знал, что его предшественники, Ровер и Пультье, покровительствовали этим вора, скрывшимся под красными колпаками. Он не поколебался захватить их вождя, Журдана-головореза, в пользу которого Талльен тщетно взывал к якобинцам (16 флореаля). Журдан был гильотинирован. Изабо, продолжавший в Бордо брать взятки по примеру Талльена, был отозван 25 флореаля. Бернара из Сента, спекулировавшего в Монбельяре и Дижоне, постигла 15 жерминаля та же участь. Предостережение порочным остаткам партии Дантона! Комитет прославлял добродетель не только на словах.

Он рассчитывал склонить таким путем на свою сторону общественное мнение. Он не хотел, чтобы его агенты внушали страх широким массам населения. «Надо восстановить доверие граждан, — сказал Сен-Жюст 26 жерминаля. — Пусть они поймут, что революционное правительство не ищет войны и не преследует завоевательной политики, но стремится обратить все дурное в хорошее и из развращенных людей сделать честных граждан». Мирные граж-

дане должны быть защищены от злоупотреблений властью и даже от преувеличенного усердия. Депутаты, командированные на Запад, продлили шуанское движение действиями своих адских колонн, предававших огню имущества не только мятежников, но и мирных людей; Комитет их отозвал. Неуязвимый для «снисходительных» Россиньоль был отрешен от должности 8 флореаля. Тюрро, совершивший ряд опустошений, и все его офицеры были отозваны 24 флореаля из западной армии, а 4 прериаля новый приказ положил конец системе искоренения и заменил ее методом деклараций и переписи населения и восставших.

Фусседуар в департаменте Верховного Рейна хотел принудить эльзасцев к обмену звонкой монеты на ассигнации. Он попросил разрешения учредить революционный трибунал и наложить налог на богачей. Вместо ответа он был отозван 12 прериаля. Фусседуар не понимал, что террор сохранялся теперь только для заговорщиков и не должен был касаться тех, кто не принимал участия в заговорах.

Действия эбертистов способствовали усилению голода. Комитет их осудил и обуздал. Он принял все меры к тому, чтобы успокоить коммерсантов. Декрет 12 жерминаля упразднил комиссаров по борьбе со скупщиками, которых ненавидели так же, как прежних агентов по сборам налогов, прозванных «погребными крысами», и смягчил закон о скупщиках в отношении предусматриваемых им карательных мер и предъявляемых им требований. Только крупные торговцы были по-прежнему принуждены представлять декларации и оправдательные документы. 6 прериаля были отменены продовольственные зоны, за исключением хлебных и фуражных зон. Продовольственная комиссия поощряла вывоз предметов роскоши, привлекла негоциантов к своей работе, гарантировала их от доносов, доверяла им заграничные миссии, пыталась учредить вексельный кредит, чтобы рассчитаться по своим закупкам. Комитет, конечно, сохранил регламентацию и твердые цены. Он контролировал всю внешнюю торговлю посредством своих агентств и реквизированного торгового флота. Но он смягчил законы и начал проводить покровительствующую промышленности политику. Он поощрял промышленников путем вознаграждений и премий, торговцев — посредством авансов. Голод уменьшился.

Больше всего забот причиняла теперь проблема рабочих рук. В результате первой мобилизации количество

свободных рабочих рук значительно уменьшилось как раз в тот момент, когда увеличение числа мастерских и заводов, работавших на армию, сильно увеличило спрос. Рабочие воспользовались этим обстоятельством, чтобы поднять заработную плату в размерах, значительно превосходивших повышение цен на продукты. Введение максимума заработной платы вызвало, конечно, недовольство всего рабочего класса. Особенное же недовольство оно возбудило среди многочисленных рабочих военных производств, которые подчинялись строгой дисциплине и не могли обойти закон с такой легкостью, как свободные рабочие. Сблaзн сравнить официальную заработную плату со свободной был для них очень велик. В Париже простые рабочие, комиссионеры, извозчики, водовозы — зарабатывали в день от 20 до 24 ливров, между тем как на оружейных заводах рабочие-специалисты первого класса с трудом вырабатывали 16 ливров, рабочие второго класса — 8 ливров 5 су, плохой рабочий — 3 ливра. Неудивительно поэтому, что рабочие военных производств, весьма многочисленные в Париже, находились в состоянии постоянного возбуждения. Комитет, испытывавший настоятельную нужду в их работе, повысил их заработную плату и разрешил им назначить комиссаров для обсуждения вопроса о заработной плате с его агентами, но ему все же не удалось их удовлетворить, так как разница между их требованиями и предписаниями закона была слишком велика. Комитет чувствовал, что если он уступит в вопросе о максимуме заработной платы, то ему придется уступить и в вопросе о максимуме цен на съестные продукты, и тогда обрушится на финансовое и экономическое здание, которое он возвел с таким трудом. Поэтому он занял оборонительную позицию в отношении рабочего класса. Если он и уступал иногда, то только против воли, и новая Коммуна подражала его примеру. Пейан сделал от ее имени выговор свободным рабочим, вступившим в союз (см. заседания Коммуны от 2, 13, 16 флореаля и т. д.). Пришлось приостановить работы, предпринятые Парижским департаментом, так как поденные рабочие, которым хотели платить только 48 су, потребовали 3 ливра 15 су, а плотники — от 8 до 10 ливров (9 мессидора, Нац. Арх. F. 10451).

Выступление рабочих распространилось, по-видимому, по всей стране. Отказы от работы были так часты, что Бареру пришлось 15 флореаля поставить на голосование декрет, который мобилизовал всех, кто участвовал в из-

готовлении транспорта и продаже товаров первой необходимости, угрожая революционным трибуналом тем из них, которые своим бездействием создавали преступную коалицию, дезорганизовавшую дело народного питания.

«Режим максимума,— по остроумному замечанию М. Ж. Лефевра,— способствовал развитию у пролетариата классового чувства и чувства солидарности. Он противопоставлял собственников наемникам». Но он делал и больше того. Он разрушал класс мелких торговцев и ремесленников, превращая их в работников по найму. Булочники, например, получавшие муку от правительства, были только муниципальными чиновниками. Сен-Жюст, желавший передать имущества подозрительных беднякам, отдавал себе отчет в том, что финансовая проблема доминирует над социальной. Он хотел бы изъять из обращения ассигнации — эту смертельную язву на теле республики, причину дороговизны, ажиотажа, твердых цен, вызывавших голод в городах, реквизиций, возмущавших собственников. Но как можно было обойтись без ассигнаций, которые являлись, если можно так выразиться, единственным ресурсом казны? Расходы возросли в флореале до 283.419.073 ливров при 42.255.048 ливрах дохода, в мессидоре до 265 миллионов при 39 миллионах дохода. Количество ассигнаций, находившихся в обращении, беспрестанно увеличивалось, и к 25 флореаля оно достигло суммы в 5.534.160.385 ливров и, несмотря на твердые цены, поддерживающие принудительный курс, несмотря на закрытие биржи и постановление от 21 плювиоза, фиксировавшее законные проценты,— республиканские деньги постепенно обесценивались. Камбон пытался сэкономить на государственном долге. Подобно тому как в предшествующем году он завел большую книгу государственного долга, чтобы изменить название и республиканизировать, таким образом, постоянный долг старого режима, законом 23 флореаля он ликвидировал пожизненную ренту, унифицировал ее и уменьшил путем сокращения, рискуя вызвать шумное негодование кредиторов, уже сильно пострадавших от обесценения ассигнаций, которые они получали в уплату невыплаченных процентов. Камбон, по мнению Робеспьера, увеличил число врагов республики.

Крестьяне, обремененные реквизициями и подводной повинностью; рабочие, истощенные хроническим недоеданием и ожесточенные борьбой за повышение заработной платы, в котором закон им отказывал; коммерсанты, на-

половину разоренные твердыми ценами; рантье, ограбленные введением ассигнаций, — скрывали под внешним спокойствием глубокое недовольство. Из революционного режима извлекли пользу только многочисленные агенты новой бюрократии и фабриканты военного времени.

Правители не делали себе никаких иллюзий. Они напрягли свои последние силы. Они решили во что бы то ни стало заложить основы республики, в которую вложили всю свою веру и которую любили тем больше, чем меньше были уверены в завтрашнем дне. Они вспоминали, что монархия была поколеблена восстанием бедняков, понукаемых голодом.

Применение изданных в вантозе законов, передававших имущество подозрительных нуждающимся санкюлотам, требовало обширного расследования, которое могло занять несколько месяцев. 22 флореаля Барер объявил, что революционные комитеты разослали уже 40 тыс. решений в отношении заключенных. Но надо было рассмотреть 300 тыс дел. Барер надеялся, что до истечения шести недель будет составлен список нуждающегося населения. Этот список так и не был составлен, хотя Комитет учредил для этой цели бюро из бедняков. Барер, несмотря на свой оптимизм, отметил нежелание некоторых коммун выполнить закон. Прошел слух, что Комитет вышлет внесенных в список бедняков в Вандею. В ожидании окончания расследования Комитет учредил 22 флореаля книгу национальной благотворительности, в которую были внесены немощные и увечные бедняки для назначения градуированных пособий и вспомоществований на случай болезни. Приказ Комитета, датированный 5 прериаля, установил для немощных и увечных нищих Парижа ежедневное пособие в 15—25 су. Но во всей остальной стране книга национальной благотворительности заполнялась очень медленно, и 9 термидора наступило раньше, чем был выполнен этот закон. Эти частичные мероприятия были, по мысли правителей, только первыми шагами к общему переустройству. «Пусть не будет ни богатых, ни бедных, — писал Сен-Жюст... — богатство позорно». Он проектировал сделать государство наследником тех, кто не имел родственников по прямой линии, отменить право завещаний, обязать всех граждан представлять ежегодно сведения об употреблении ими своих материальных средств. Чтобы изъять ассигнации из обращения, он хотел наложить особый налог «на тех, кто заведывал делами и работал на жалованьи у госу-

дарственной казны». Эти проекты остались мечтами; они натолкнулись не только на индивидуалистический дух времени, но и на нужды, вызванные войной. Как мог Комитет решительно проводить классовую политику, когда после жерминаля он старался соблюсти интересы всех классов населения? Толпа безграмотных бедняков, на которую он простирал свои заботы, являлась для него скорее бременем, чем поддержкой. Она безучастно присутствовала при событиях, которых не понимала. Вся правительственная политика основывалась по существу на терроре, переносить который заставляла только война. Террор же разрушал в умах уважение к революционному режиму.

Комитет перенес свое главное внимание на молодое поколение. 13 прериаля Барер заявил, что надо революционизировать молодежь, подобно тому как революционизировали армию. Руководствуясь удачным опытом с оружейной школой, которая обучила в вантозе в течение трех декад молодых людей, собранных со всех концов Франции, изготовлению пороха, селитры, пушек и т. п. и распределила их затем в качестве подмастерьев по различным военным мастерским, — он добился учреждения Марсовой школы, предназначенной для военной и одновременно гражданской подготовки 3 тыс. юношей, избранных наполовину из детей мелких землевладельцев или ремесленников, наполовину из сыновей волонтеров, раненых в боях, по шести человек на каждый дистрикт. Марсова школа работала в палатках, на Саблонской равнине.

Проектировали создать по этому же образцу нормальную школу для подготовки профессоров и наставников, проникнутых новыми идеями, но этот проект был осуществлен только после термидора: В ожидании были употреблены все усилия к действительному применению закона 5 нивоа, провозгласившего обязательность обучения в начальных школах и содержания общественных наставников на средства государства. Но за недостатком учебного персонала школы открывались очень медленно. К концу 1794 г. их было более или менее достаточно только в 180 дистриктах. Сен-Жюст хотел пожертвовать на содержание школ национальные имущества. Он развивал идею, что ребенок в первую очередь принадлежит не родителям, а отечеству, и начертал план коммунального воспитания по спартанскому методу.

Наиболее сильное сопротивление революции было оказано в местностях, население которых не знало французского языка: в Эльзасе, в стране басков, на Корсике,

в Ниццском графстве, в Бретании, во Фландрии. Барер добился назначения для этих стран учителей французского языка, которые должны были организовать клубы и, обучая языку свободы, проповедовать вместе с тем гражданские добродетели. Но и этот декрет за недостатком персонала получил ограниченное применение. Грегуар хотел искоренения провинциальных наречий наравне с иностранными языками, так как «единство языка является неотъемлемым элементом революции» 16 прериаля от имени Конвента он составил прекрасное воззвание к французам: «Вы ненавидите политический федерализм, откажитесь же от федерализма языка».

Таким путем происходила работа для будущего, но настоящее требовало усиленного внимания. Религиозный вопрос еще не был разрешен. Теоретически существовала свобода вероисповеданий. На деле же во многих местностях она была уничтожена. Многие депутаты считали всех священников подозрительными, заключали их в тюрьмы, если они не слагали с себя сана, и даже приказывали иногда ломать церкви. Другие, более терпимые, разрешали продолжать отправление богослужений. Последний день декады пытался всюду вытеснить воскресенье, но это ему не удалось. Население, оставшееся очень благочестивым, скорбело о своих священниках и негодовало на патриотические празднества. Даже в национальных мастерских трудно было заставить работать в воскресенье. Если бы все церкви были закрыты одновременно, несомненно, вспыхнуло бы крупное народное восстание, так как за несколько недель до издания так поздно обнародованного декрета 18 фримера фанатические выступления значительно увеличились в числе (в Куломмье, в Амьене, в Лозере, в департаменте Верхней Луары и Луары, в Коррезе, в Эро, Шер, Ньевр, в Масском и Арденнском департаментах и т. д.). Волнения продолжались целую зиму и не успокоились с началом весны. Если они не приобрели более значительных размеров, то только благодаря отсутствию связи в деятельности депутатов. Преследование ни разу не принимало общего характера, и потому верующим не приходила мысль согласовать свои действия. Когда у них отнимали священников, они нередко служили «слепые» мессы под управлением пономаря или школьного учителя. Даже в Париже отправление культа ни разу не было полностью прервано.

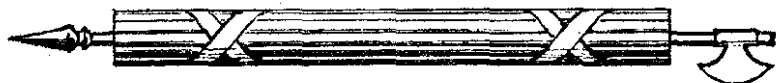
Комитет, который вначале видел в дехристианизации только хитрый маневр иностранцев, не думал возвра-

щаться назад теперь, когда она была уже почти закончена. Но он хотел очистить ее, усовершенствовать, сделать ее приемлемой для широких масс населения, сообщив ей положительное содержание. Праздники декады выросли случайно. Они были посвящены свободе, отечеству и разуму. Надо было придать им единообразную организацию и общую доктрину. Люди того времени, даже не признававшие христианских догматов, даже атеисты, подобно Сильвену Марешалю, думали, что государство не может обойтись без символа веры и культа. Государство, подобно старой церкви, должно было заботиться о душах. Оно уклонилось бы от своей первоначальной обязанности, если бы отнеслось безучастно к духовной жизни своих граждан. Надо было соединить политическую мораль, заключавшуюся в гражданских церемониях, с философской моралью, родоначальницей частных добродетелей. Вера в бога считалась по общему убеждению основанием общества.

25 жерминаля, на следующий день после казни Шометта, Конвент вотировал декрет о перенесении праха Виктора Савояра, автора нового исповедания веры, в Пантеон. Робеспьера уполномочили объявить этот долгожданный декрет на празднествах декады: Перед объявлением декрета Робеспьер произнес 18 флореаля потрясающую речь, возбуждавшую энтузиазм собрания и всей страны. В этой речи он утверждал, что революции, обладающей теперь своей собственной философской и моральной доктриной, уже не приходится бояться возврата и нападения старых положительных религий: Он предсказывал близкую гибель всех священников и объединение всех французов вокруг простого и чистого культа Высшего Существа и Природы, так как для него природа и бог совпадали. Каждый десятый день декады будет отныне посвящен прославлению какой-либо гражданской или социальной добродетели, и, кроме того, республика будет праздновать четыре великие годовщины: 14 июля, 10 августа, 21 января и 31 мая.

Единогласно избранный 16 прериаля председателем Конвента, причем количество голосов никогда еще не было так многочисленно (485), Робеспьер, с букетом и колосом ржи в руке, председательствовал в троицын день 20 прериаля на великолепном празднестве, посвященном Высшему Существо и Природе. Во всей Франции в этот день были отпразднованы подобные же торжества с таким же успехом. Всюду на фронтонах республиканских храмов

красовалась надпись: французский народ признает Высшее Существо и бессмертие души. Комитет, казалось, достиг своей цели, объединив всех французов в общем чувстве умиротворения и братства. Члены всех партий присылали Робеспьеру восторженные поздравления. Буасси д'Англа сравнил его публично с «Орфеем, наставляющим людей в принципах цивилизации и морали». Известный литератор Лагарп превозносил его в частном письме. Атеисты, подобно Лекинио и Марешалю, присоединились к общему восторгу. Многие католики также признали себя удовлетворенными, так как взамен священников им возвращали бога. Они видели в раннем и обильном урожае знак того, что бог покровительствует республике. Последние совершаемые священниками богослужения бесшумно исчезали, уступая место гражданским мессам. Дряхлые и немощные священники, оставшиеся на свободе, были заключены в тюрьмы, согласно декрету от 22 флореаля. Впечатление за границей было чрезвычайное. «Многие, действительно, верили, — говорит Малле дю Пан, — что Робеспьер заполнил бездну революции». Этому убеждению способствовали повсеместные победы наших армий. Никто не слышал сарказмов и угроз, брошенных некоторыми депутатами председателю Конвента в самый день торжества, посвященного Высшему Существо. Никто не видел, что за блестящими декорациями гирлянд, цветов, гимнов, адресов и речей прятались ненависть и зависть, и что люди, которым угрожал террор и которые не имели ничего общего с добродетелью, ожидали только случая для реванша.

ФЛЕРЮС

евolutionная Франция не вступила бы на путь террора, если бы не была убеждена, что без отмены свобод победа невозможна. Она решилась на диктатуру Конвента, потом Комитетов, в надежде, что ее жертва не окажется бесполезной, и ее ожидания, действительно, оправдались.

Весною 1794 г. Франция могла гордиться армией, подготовленной революционной властью. Это была совершенно однородная армия. Всякие различия между линейными солдатами и волонтерами, даже в отношении формы, исчезли. Предпринятое правительством соединение полков в бригады быстро подвигалось. Полубригада, состоявшая из двух батальонов волонтеров и одного батальона линейных солдат и снабжения легкою артилле-

рией, являлась боевой единицей в 3 тыс. человек, гораздо более подвижной, чем прежние полки. Полки чистки в штабах между солдатами и вождями воцарилось взаимное доверие. Вожди, многие из которых вышли из солдатских рядов, показывали пример терпения и воздержания. Они спали в палатках и вели жизнь санюлотов. Прежних трений между генералами и депутатами более не существовало. Отвечавшие своему назначению депутаты умели заставить повиноваться себе, не прибегая к жестокостям. Они заботились о благополучии солдат, заражали их своим гражданским пылом, становились во главе наступающих колонн. Примерные наказания восстановили всюду дисциплину. Женщины, наполнявшие прежде лагерь и истреблявшие запасы продовольствия, были изгнаны. За поставщиками учредили строгий надзор. Управления заменили поставки по подрядам, и генеральные обозные инспектора, действовали по двое, положили конец хищениям. Очищенная, воодушевленная пылким патриотизмом армия сделалась гибким и послушным орудием в руках Карно. Ее наличный состав был удвоен первым набором, рекруты которого, обученные в течение зимы, были размещены весной по старым батальонам. 800 тыс. включенных в кадры армии, пылких, приученных к войне, полных презрения к наемным войскам коалиции, солдат стали на защиту республики. Они уже не могли быть остановлены в своих успехах, подобно Гошу после Кайзерслаутерна, из-за недостатка вооружения и боевых запасов. Военные заводы, организованные лихорадочной быстротой, но вместе с тем на строго научной основе, начали работать с полной нагрузкой. Один только парижский завод изготовил с 21 по 30 вантаза 2 699 новых ружей и исправил 1 497 старых. Семь других провинциальных заводов показали почти такую же производительность. Благодаря революционному производству селитры, самый большой в Европе, огромный Гренелльский пороховой завод поставлял в прериале от 6 до 8 тысяч фунтов пороха в день, в мессидоре — 20 тысяч.

Комитет чувствовал, что победа близка. Его дипломатическая часть не бездействовала, но она ставила себе только определенные и доступные цели. Вначале она обслуживала экономические нужды. Франции угрожала герметическая блокада. Она не могла содержать свои армии и поддерживать свою промышленность, не имея сношений с внешним миром! Поэтому она старалась сохранить дружеские отношения со швейцарцами, скандинавами, ганзейскими городами, американцами, бербе-

ами, генуэзцами и турками. Швейцарию постоянно об-
зжали агенты Комитета — Перрего, Швейцер, Гюмбер,
приобретавшие лошадей, скот, фураж, ткани, железо,
ожу и т. п. Через Швейцарию съестные припасы из
Лвабии и даже из Австрии направлялись в Бельфор.
англичане, флот которых господствовал в Средиземном
море и которые только что завладели Корсикой, пытались
заставить генуэзцам снабжать провиантом наши южные
порты и нашу альпийскую армию. Комитет сохранил
нейтралитет Генуи, угрожая ей нашей армией, продви-
вшейся через Апеннины. Чтобы привлечь ганзейцев,
американцев и скандинавов к нашим океанским портам,
Комитет освобождал их корабли, подвергнутые эмбарго
или объявленные законной добычей, оплачивал их грузы
выше максимума, облегчал им вывоз французских
товаров, вина, водки, шелковых тканей, кофе и т. п. Он
отправил в Соединенные Штаты чрезвычайную миссию
для закупки хлеба, оплачиваемого с помощью кредита,
которым мы пользовались в этой стране после войны за
независимость. Вашингтону, успокоенному отозванием
Жене, было предложено в свою очередь отозвать
американского посла в Париже Морриса, который, по
сведениям Комитета, враждебно относился к Франции.
Вашингтон подчинился и назначил Монроэ, прибывшего
только на следующий день после 9 термидора.

Английские крейсера беспокоили нейтральные суда,
направлявшиеся к французским берегам. Комитет убеж-
дал датского министра Бернсторфа образовать вместе со
Швейцарией и Соединенными Штатами лигу вооруженно-
го нейтралитета, которая заставила бы уважать свободу
морей. Бернсторф подписал соглашение со Швецией. Но
наш агент в Копенгагене Грувелль имел неосторожность
доверить обыкновенной почте нешифрованные депеши,
которые он посылал в Париж. Английские крейсера
захватили их. Питт, ознакомившийся таким образом
с содержанием уже значительно подвинувшихся перегово-
ров, прибегнул к угрозе и устранил опасность. Ему помог
в этом друг Вашингтона американец Гамильтон, который
боялся скомпрометировать свою страну сношениями
с якобинцами.

Англия, со своими союзницами Испанией и Голлан-
дией, обладала огромным преимуществом в отношении
морских сил. Но Комитет не приходил в отчаяние даже
после тулонской катастрофы. Под энергичным давлением
Сент-Андре и Приера из Марны, поселившихся в Бресте,

было усердно приступлено к постройке новых судов; недостаток в командном составе, образовавшийся вследствие эмиграции дворянских офицеров, был заполнен офицерами торгового флота, жалование матросов и рабочих в арсенале увеличено, с тем чтобы понудить их работать день и ночь; отсутствие дисциплины, причинившее значительные расстройствa, ликвидировано суровыми мерами; снасти, деготь, дерево, кожа реквизируются во всей Франции. Весной флот, сосредоточенный в Бресте, был в состоянии не только защищать берега от неприятельских десантов, которые могли снова возбудить восстание в Вандее, но и эскортировать грузы и даже перейти в наступление. Между тем наши каперы наносили неприятельской торговле чувствительные потери.

Быстрый прогресс французской армии и флота привел в изумление нейтральных и неприятельских наблюдателей. Американский агент Вильям Джексон подробно описал наши успехи своему другу Пинкнею в длинном рапорте от апреля 1794 г. Описав «чудеса» революционной Франции, он выразил даже опасение, как бы опьяненная победами которая он предвидел, она не дала себя увлечь на путь завоевательной политики. В то же время проникательный Мерси-Аржанто¹ послал своему патрону императору пророческое уведомление (9 марта 1794 г.). Он видел спасение коалиции только в употреблении тех средств, которые увенчались таким блестящим успехом у французов, и советовал обратиться с воззванием к немецкой нации.

20 января 1794 г. император удивил Имперское собрание предложением о всеобщем вооружении немецких народов. Но его предложение не имело никакого успеха. Как ни были пассивны народы Центральной Европы, они все же обладали неясным сознанием, что дело королей — не их дело. Несмотря на суровую цензуру, якобинские лозунги нашли отклик среди этих народов. В Венгрии демократический священник Мартинович, член общества иллюминатов Вейсгаупта и бывший офицер Лацкович, ненавидевший германское иго, основали тайное общество, вербовавшее своих членов в среде буржуазии и даже дворянства и приветствовавшее французские победы. Проведение рекрутских наборов становилось с каждым днем труднее. Займы также не имели успеха. Буржуа не хотели давать денег. В Пруссии, промышленность которой

¹ Австрийский посол в Лондоне.

ила недавно создана Фридрихом Великим, война вызвала сильный застой в делах. Силезские ткачи волновались от озмущения в Бреславле, апрель 1794 г.). В некоторых частностях крестьяне отказались платить своим сеньерам рнту. Эти волнения послужили Фридриху-Вильгельму предлогом, чтобы отклонить массовый набор, предложенный Австрией. Бельгийцы проявляли полное равнодушие. Богатые аббатства реагировали очень слабо на просьбы о денежной помощи. Война против Франции приобрела национальный характер только в Великобритании, и там, особенно в Шотландии, держалась упорная позиция, которую Питту удалось сломить лишь чрезвычайными законами и суровыми репрессиями.

Коалиция, вся сила которой заключалась в наемных армиях, никогда не сохраняла полного единства. Теперь она была накануне развала.

Как Фридрих-Вильгельм ни ненавидел санкюлотов, он все же прислушивался к словам тех своих советников, которые указывали ему, что его главный враг не Франция, Австрия. Он требовал, чтобы союзники возместили ему все военные расходы и угрожал отозвать свои войска, если они не сделают этого теперь же. Тугут¹ отказался: «У нас нет, в буквальном смысле слова, ни гроша» (1 апреля 1794 г.— слова, сказанные Мерси, но Питт, чтобы предупредить отпадение Пруссии, решил пожертвовать денежными суммами. Голландия последовала примеру Пруссии и, при поддержке Англии, потребовала у Австрии ректификации нидерландской границы. Испания будировала. Ее адмиралы и генералы сильно поссорились в Тулоне со своими английскими коллегами. Годой² отказался согласовать с Питтом предложенный ему торговый договор. Аранда³ советовал заключить мир. Его удалили от двора по обвинению в заговоре. Одни только английские деньги сдерживали расплывавшуюся коалицию.

Неожиданный удар еще более увеличил трещины. 24 марта Костюшко вступил с небольшим, вооруженным в Саксонии отрядом в Польшу и призвал к оружию своих соотечественников, 4 апреля нанес поражение русским,

¹ Тугут — влиятельный австрийский политический деятель, потерявший значительное состояние, заключавшееся во французских ценных бумагах, был заклятым врагом революции. В 1794 г. был фактически руководителем внешней политики австрийской империи.

² Годой — фаворит испанского короля, первый министр.

³ Аранда — президент государственного совета при испанском короле.

напав на них врасплох у Расловича, 19 выгнал их из Варшавы, 23 — из Вильны. Но польский народ не двигался. Костюшко, не осмелившийся уничтожить крепостное право и оберегавший интересы дворян, так как только дворяне откликнулись на его призыв, сумел объединить не более 17 тыс. человек, к тому же плохо вооруженных. Его авантюристическое выступление не поставило ни Пруссию, ни Австрию в необходимость отозвать войска с французского фронта. В течение нескольких недель польские отряды были рассеяны. Но польский вопрос, неожиданно вставший между двумя союзниками, Берлином и Веной, усилил их тайные разногласия.

Распри между членами коалиции отразились на их плане кампании и на их операциях. Между генералами происходили постоянные пререкания: каждый из них повиновался приказам только своего двора (ср. депешу Траутмансдорфа к Кауницу от 19 мая 1794 г.). Англичане, отпускаяшие средства на содержание прусской армии, хотели использовать ее для защиты Голландии. Император воспротивился этому, так как не доверял намерениям берлинского двора, который хотел воспрепятствовать слишком решительному разделению французской территории и лишить Австрию плодов ее победы: «Послав прусскую армию на Маас, установив с ней успехи, которые сочтет слишком быстрыми, остановить нас как раз в тот момент, когда какое-либо удачное стечение обстоятельств внушит нам некоторую надежду достигнуть великой цели — ослабления Франции» (Тугут — Штаренбергу, 1 мая). Прусская армия осталась, таким образом, в Пфальце, лицом к Саару. Герцогу Кобургскому пришлось удовлетвориться небольшим отрядом Бланкенштейна, защищавшим Трир и установившим связь с Нидерландами.

Тем не менее герцог Кобургский получил приказ идти на Париж со всеми своими силами. В его руках уже были Конде, Валаньсен, Кенуа, другими словами — подходы к Уазской долине. Его фронт вошел клином во французскую территорию между Самброй и Шельдой, между двумя республиканскими армиями, северной и арденнской. Он мог маневрировать по внутренним линиям, но не мог свободно распоряжаться своими силами; ему приходилось считаться с присоединившимися к нему герцогствами Йоркским и принцем Орлеанским. Кроме того, санкюлоты имели количественный перевес, причем силы их беспре-

но увеличивались. В конце мая герцог Кобургский требовал подкреплений. Питт отказал и посоветовал трийцам использовать пруссаков, помощи которых они хотели. Вместо подкреплений, которые так и не пришли, цог Кобургский должен был принять молодого императора, который явился, чтобы ободрить войска своим присутствием. Еще с середины мая Макк, начальник штаба герцога Кобургского, советовал Францу II заключить мир. После первых неудач англичане, голландцы, нидерландцы хотели покинуть главную армию, чтобы спешить на помощь к находившимся под угрозой прибрежным городам (Вальдек — Тугуту, 14 июня). «арманьолы» получали решительный перевес.

Карно предписал направить решительный удар на герцога Кобургского. Журдан остановился после своей победы при Ватиньи, так же как Гош после взятия Вормса. Карно, утомленный бесплодными попытками понуждать его к наступлению на Фландрию, 20 нивоза отстранил его от должности, так же как два месяца спустя отстранил Гоша, чтобы наказать его за отказ от наступления на Трир. Но между тем как считавшийся эбертистом Гош был заключен в тюрьму, Журдан был назначен 20 вантоза командующим мозельской армией. Более стоворчливого, но и более скрытного Пишегрю поставили 17 плювиоза во главе северной армии и подчинили ему арденнскую армию. Он держал, таким образом, в руках обе стороны тисков, которые должны были сжать герцога Кобургского между Лисом и Шельдой. Карно увеличил наличный состав своих войск. В жерминале он располагал более чем 250 тыс. людей под командой Марсо, Клебера, Вандома, Сугана, Макдональда. Чтобы поощрить их к деятельности, в армию были командированы Сен-Жюст и Леба, заразившие их своим революционным пылом. Карно напомнил всем генералам свою инструкцию от 11 плевиоза: «Наносите главные удары с севера. Рейнская и мозельская армии должны координировать свои движения. Общее правило: действовать массами и наступательно. Употреблять во всех случаях штыковую атаку. Давать большие сражения и преследовать неприятеля до полного уничтожения». Карно держался наступательной тактики не только по стратегическим соображениям. Внутри страны свирепствовал голод. 11 жерминаля Карно писал депутатам, находившимся в северной армии: «Не стану от вас скрывать, что мы погибнем, если вы не вступите как можно скорее в неприятельскую страну, чтобы запасти продо-

вольствия и припасов всякого рода, так как Франция не сможет выдержать долго того тяжелого положения, в котором находится в данный момент... Надо жить на средства неприятеля или погибнуть. Оборонительная тактика нас опозорит и погубит». Карно беспрестанно убеждал Пишегрю предупредить неприятеля, но Пишегрю потерял целый день на инструкторование армии. Только 9 герминаля он атаковал Ле Като и был отбит с потерями. Герцог Кобургский осадил Ландреси. Все попытки снять осаду с крепости потерпели неудачу, и 11 флореаля, после четырех дней бомбардировки, Ландреси капитулировала. Неприятель овладел новым предместным укреплением на Самбре.

Сен-Жюст и Леба немедленно организовали укрепленный лагерь в Гизе, чтобы загородить неприятелю дорогу на Париж. Так как Камбре был осажден многочисленными роялистами, Карно заподозрил измену. Месяц тому назад Вандом переслал ему два письма, в которых ему обещали 240 тыс. ливров за содействие. Сен-Жюст и Леба послали в Камбре своего коллегу Жозефа Лебона, чтобы привести в действие гильотину против внутренних врагов. Затем Карно приказал Журдану идти на помощь арденнской армии со всеми силами, которые он сможет взять из мозельской армии; последняя останется в оборонительном положении за Сааром до прибытия подкреплений с запада. В то же время Карно предписал Пишегрю начать обоими крылами энергичное наступление на Куртре и Ипр с одной стороны и на Шарлеруа — с другой. 7 флореаля республиканцы вступили в Куртре, 10 в Фюрн, 29 они нанесли поражение имперским войскам при Туркуене, захватив добычу в 60 пушек и 2 тысяч пленных. Воодушевляемая Сен-Жюстом арденнская армия пять раз с жестоким боем переходила Самбру. Шарлеруа несколько раз подвергался осаде. Наконец прибыл Журдан. 10 прериала он прогнал имперские войска от Динана и через три дня соединился с арденнской армией. Республиканцы перешли Самбру в шестой раз. 7 мессидора Шарлеруа капитулировал. Герцог Кобургский, поспешивший на выручку крепости с главной армией, пытался на следующий день прогнать республиканцев с укрепленных позиций, которые они подготовили на фронте в тридцать километров в виде дуги, упирающейся обоими концами в Самбру. 5 колонн, которые он отправил на штурм, были отбиты на левом фланге Клебером, на правом — Марсо и Лефебром, в центре — Шампюанне и изрублены в промежутке между

двух кавалерией Готпуля. Французы остались на Шерюсском поле сражения и сохранили Шарлеруа.

29 прериаля северная армия взяла Ипр, захватив 3 пушек и 5.800 пленных. 15 мессидора она вступила в Остенде. Обе победоносные армии Пишегрю и Журдана предприняли общий поход на Брюссель и вступили в него 30 мессидора. Антверпен и Льеж пали 6 термидора.

Не проходило недели без того, чтобы «карманьола» Каррера не превозносила в Конвенте новые успехи наших армий на всех границах: 5 флореаля Баделан отобрал пьемонтцев Сен-Бернар, 9 флореаля альпийская армия взяла Саорджио, 15 прериаля, — взятие Колиура, Сент-Альна и Порт-Вандреза восточно-пиренейской армией т. д.

25 прериаля Сент-Андре и Приер донесли, что большой транспорт хлеба, ожидавшийся из Америки, прибыл в Брест. Чтобы прикрыть переход транспорта, французский флот, которым командовал Вилларе-Жуайез, вступил 1 прериаля с английским флотом под командой Гау в горячий бой, во время которого «Народный мститель» погиб в волнах под крики: «Да здравствует республика!» Англичане понесли такие потери, что не смогли преследовать французов и должны были вернуться в свои порты.

В начале прериаля рейнская и мозельская армии подверглись жестокому нападению. Меллендорф со своими пруссаками прогнал французов из Кайзерслаутерна. Но спешно присланные Генти в Гужон поставили в порядок дня лозунг «победа или смерть». 14 и 15 мессидора обе французские армии предприняли одновременно наступление под общим командованием Моро. 25 мессидора пруссаки, укрывшиеся за траншеями, были прогнаны бешеными атаками от Триппштадта. Французы вступили в Пирмазанс и в Кайзерслаутерн.

К концу мессидора война была перенесена на неприятельскую территорию за Альпы и Пиренеи. Ожеро завладел Ампурданом, между тем как Мюллер предпринял поход на Фонтараби, в которую вступил 14 термидора. Усиленная итальянская армия готовилась занять Пьемонт.

Война изменила свой характер. Дело шло уже не о том, чтобы революционизировать народы и сделать их союзниками республики, как в 1792 г. «Мы должны жить за счет

¹ Сообщения о победах встречались Конвентом пением революционной песни «карманьола»

неприятеля, мы не понесем ему наших богатств», — писал Карно депутатам 8 прериаля. С пропагандой было уже покончено. Ж.-Б. Лакост и Бодо организовали систематическую эксплуатацию Пфальца. «Агентства по вывозу» отправили во Францию 2 тысячи мешков зерна, 4 тысячи быков, миллион пинт вина, 120 тыс. мер сена, 600 тыс. мер соломы и т. д. 80 тыс. человек в течение двух месяцев жили за счет населения, помимо наложенных на него военных контрибуций: трех миллионов на герцогство Цвейбрюкенское, двух миллионов на Бизкастель, четырех миллионов на богатый Нейштадский округ — все, разумеется, звонкой монетой. Те же методы применялись в Бельгии. «Надо обобрать эту страну», — писал Карно 15 мессидора, — и лишить ее возможности снабдить неприятеля средствами к возвращению... Вспомните, что бесчестный Дюмурье оставил там миллиард наших денег». Журдан, командовавший армией Самбры и Мааса — новое название арденнской армии, получил 26 мессидора приказ наложить на Брюссель контрибуцию в 50 миллионов звонкой монетой. Торнау уплатил 10 миллионов и т. д.

«Тем не менее Комитет не мечтал о завоеваниях. Он хотел, чтобы война велась на свои собственные средства, но не думал аннексировать занятые области.»

«Мы идем не для завоеваний, но для победы, сказал Билло 1 флореаля, не для того, чтобы упиваться триумфами, но чтобы прекратить войну в тот момент, когда смерть неприятельского солдата будет уже бесполезна для дела свободы». Комитет не хотел губить республику в сетях милитаризма. Когда Милло и Субрани предложили ему завоевать Каталонию и присоединить ее к Франции, Кутон ответил им 7 прериаля: «Мы находим более совместимым с нашими интересами и принципами попытаться сделать из Каталонии маленькую независимую республику, которая под протекторатом Франции послужит нам барьером в тех местах, где кончаются Пиренеи. Такая система полстит самолюбно каталонцев, и они согласятся на нее еще более охотно, чем на присоединение к Франции... В горах вы должны продвигнуться возможно дальше и, следовательно, прочно обосноваться во всей Сердани¹, занять Аранскую долину — словом, все, что находится по эту сторону гор... Но если Каталония делается французским департаментом, ее будет так же трудно сохранить, как и бывший Русильон». Комитет, борющийся с иностранными языками в провинциях, завоеванных бывшей монархией, не стремился аннексировать области, население которых не поддавалось ассимиляции в отношении языка и нравов. Он хотел, чтобы Франция осталась единой и неделимой.

«В Бельгии, — пояснял 2 термидора Карно депутатам, прикомандированным к северной армии и к армии Самбры и Мааса, — мы хотим удержать только то, что может упрочить нашу собственную границу, т. е. слева всю Западную Фландрию и голландскую Фландрию, справа —

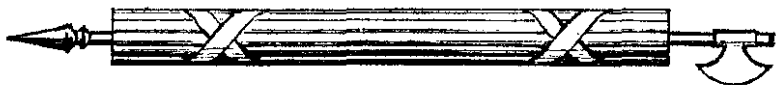
¹ Местность в восточных Пиренеях.

власть между Самброй и Маасом и в середине только то, что находится к эту сторону Шельды и Эна с тем, чтобы Антверпен и Намюр были главными опорными пунктами, и чтобы граница представляла собою замкнутый, прикрытый реками круг, в котором наступающий неприятель казался бы окруженным со всех сторон».

Но мы видим теперь, на каких основах Комитет согласился бы на мир, если бы оставался еще у власти при его заключении. Англия, несомненно, наложила бы свое veto на присоединение Антверпена к Франции. Но Австрия, которая не особенно держалась за Бельгию, могла бы получить хорошую компенсацию в Германии за небольшие уступки, которых требовал Карно. Если бы граница Эльзаса и Лотарингии осталась без изменения, Австрия могла бы подписать континентальный мир вместе с Пруссией и Испанией, которые проявляли все большее желание продолжать войну в британских интересах.

9 термидора было роковой датой не только для укрепления демократии внутри страны. Оно продолжило внешнюю борьбу и бросило Францию в пучину завоевательной политики, которая возбудила к ней ненависть народов, и в заключение ее истощила.

Комитет общественного спасения победил только благодаря террору. Но террор показал себя на практике самым действенным орудием лишь потому, что те, кто им руководил, были объединены общим чувством национальных потребностей. В тот день, когда это единомыслие, к несчастью, прекратилось, когда частные интересы возобладали в их сердцах над общественными интересами, позорный террор превратился в гнусное орудие, которым воспользовались недостойные, чтобы поразить лучших граждан.

ТЕРМИДОР

эволюционное правительство представляло собою двуглавую гидру, так как составлявшие его Комитеты общественного спасения и общественной безопасности обладали в принципе одинаковой властью и по всем серьезным вопросам должны были выносить свои постановления сообща. Но мало-помалу это равенство было нарушено в пользу Комитета общественного спасения. Билло и Робеспьер не поколебались публично указать докладчику Комитета общественной безопасности Амару на неудовлетворительность его доклада по делу Шабо и даже добились от Конвента постановления, чтобы этот доклад был отпечатан лишь после пересмотра и исправления. Амар, оказавшийся в положении школьника, затаил против них чувство мстительной злобы тем более, что он не

не знать тех невысказанных публично критических замечаний, которыми его цензоры обменивались между собой по поводу его странного образа действий при следовании этого важного, доверенного ему дела (в мою книгу «Дело Индийской компании»). Подозреваемый, объектом которого сделался Амар, распространилось Комитет, избравший его своим орудием. С тех пор члены Комитета общественного спасения оставляли все важные доклады за собой даже в тех случаях, когда они касались предметов, относившихся непосредственно к ведению Комитета общественной безопасности. Сен-Жюст исследовал эбертистский и дантонистский заговоры. Он представил доклад по поводу великого закона жерминаля «О репрессиях над заговорщиками, удаленными дворян и генеральной полицией», и этот закон санкционировал новые привилегии Комитета общественного спасения. Ограниченный до сих пор административными функциями, Комитет получил, согласно 1-й статье закона, те же права, что и Комитет общественной безопасности, в отношении розыска сообщников заговорщиков и предания их суду революционного трибунала. Эта статья уполномочивала его, кроме того, «следить за действиями и общественными деятелями, принимающими участие в управлении», а статья 19-я налагала на него обязанность «требовать строгого отчета от всех агентов подвергать преследованиям тех из них, которые будут действовать заговорам и обратят доверенную им власть против свободы». Комитет общественной безопасности получил, таким образом, право надзора над многолюдной армией поставщиков. Комитет общественного спасения тотчас же организовал бюро административного надзора и генеральной полиции, поручив руководство этим бюро Сен-Жюсту, которого замещали во время командировок Кутон и Робеспьер. Амар и его друзья из Комитета общественной безопасности горько жаловались на этот триумvirат», лишивший их прежних полномочий. Они утверждали, вопреки действительности, что полиция триумvirата препятствует действиям их полиции. Началась разногласия.

Если бы Комитет общественного спасения сохранил свое единство, он мог бы пренебречь недоброжелательством Комитета общественной безопасности. Но составившие его одиннадцать членов были личности слишком умные, слишком проникнутые сознанием оказанных ими услуг, чтобы не почувствовать раздражения при мысли

о том, что один из них выдвинулся из общего ряда и как бы затмил остальных. Хотел он этого или нет, но Робеспьер сделался истинным вождем правительства для всей революционной Франции. Его популярность, которая всегда была очень значительна, достигла необычайных размеров после падения смело атакованных им партий. Робеспьер же, отличавшийся страстной искренностью, не всегда щадил самолюбие своих коллег по правительству. Строгий по отношению к самому себе, он так же относился и к другим. Упреки и критические замечания срывались с его уст чаще чем комплименты. Жестоко обманутый в своих дружеских связях, он не легко сходил с людьми, вверялся кому-либо очень редко, и к большинству своих товарищей относился осторожно, с холодной сдержанностью, которая могла показаться расчетливой или тщеславной. Он чувствовал себя непонятым и страдал от этого сознания. По слабости, показывающей отсутствие властолюбия в его характере, он часто оправдывался, отвечал на тайные упреки, которые подозревал, и, говоря таким образом о самом себе, давал повод к мучительному для него обвинению в честолюбии.

Это легкомысленное и грозное обвинение, сформулированное в первый раз жирондистами и возобновленное эбертистами, продолжало циркулировать среди тех, кто имел или думал, что имеет основание жаловаться на влиятельного человека, могущество которого сильно преувеличивали. В этой тяжелой атмосфере нарастало недоверие. Резкий Карно писал в своем докладе от 12 жерминаля: «Горе республике, для которой достоинство и даже добродетели какого-нибудь человека сделались необходимыми!» И прямолинейный Билло повторял за ним 1 флореаля: «Всякий народ, ревнивый к своей свободе, должен держаться настороже даже против добродетелей тех людей, которые занимают высокие места». Карно не настаивал. Билло, словно опасность, от которой он предостерегал, была уже близка, долго распространялся о тиранах древней Греции: «Лукавый Перикл употреблял народные цвета, чтобы прикрыть те оковы, которые он ковал для афинян. По его словам, перед тем как взойти на трибуну, он говорил самому себе: помни, что ты будешь говорить свободным людям. И этот же Перикл, добившись абсолютной власти, сделался самым кровожадным деспотом». Слушатели понимали, что Билло намекал на Робеспьера.

Конвент по наружности хранил молчание, но под этим

олчанием тлели интриги Проконсулы, отозванные за их оимство, были обеспокоены декретом, поставившим на передь добродетель и честность. Их союзниками были все из коллег, которые принимали какое-либо участие эбертистском или дантонистском заговорах и боялись перь попасть в руки Фукье-Тенвилля. Постепенно образовалась тайная оппозиция, движимая и спаянная страхом. Если бы Робеспьер был только честолюбцем, ему представлялся теперь прекрасный случай создать себе беданную клиентуру из этих шкурников. Они искали его кровительства. Фрерон, Баррас, Талльен, Фуше, сделавшиеся впоследствии его злейшими врагами, навещали о и писали умоляющие письма. Успокоив их, он мог бы свергнуть их к своим стопам, связать их судьбу со своей дьбою. Но он с презрением их оттолкнул и даже не рывал, что будет настаивать на их наказании. Они скредитировали своими преступлениями террор, искази- лицо республики, и Робеспьер, стремившийся всей шой создать истинную демократию, был убежден, что лько великими примерами можно направить на верный ть растерянное общественное мнение. Ничтожные люди, оупотреблявшие неограниченными полномочиями, даронными им в целях общественного спасения, не должны ли избегнуть революционного правосудия. Это правосу- е могло осуществить свою грозную власть лишь до тех р, пока оставалось справедливым и беспристрастным торажало одинаково всех виновных как самых ничтож- х, так и самых могущественных.

Отозванные проконсулы потребовали одобрения своих йствий. Конвент отослал их к Комитетам. Робеспьер не лько отказался оправдать наиболее скомпрометиро- нных, но даже потребовал передачи четырех или пяти из х революционному трибуналу.

Если поверить оправданиям, представленным после термидора в живых членами Комитетов, то они, согласившись сначала арест Алкье, тотчас же одумались и постановили не соглашаться ее ни на один арест депутатов Конвента. Баррас, наоборот, рждает в своих мемуарах, что Робеспьер отказался подписать список еченных к аресту 32 депутатов, составленный в Комитете обще- нной безопасности. Робеспьер сам объявил в Якобинском клубе, что приписывают по недоброжелательству составление проскрипционных жков, в котором он не принимал никакого участия. Из противоречий их свидетельствах можно без сомнения заключить, что разногласия ли своей причиной единичные случаи. Никто не был арестован только му, что не могли прийти к соглашению относительно отдельных лиц, лежащих аресту

Верно, во всяком случае, то, что члены Конвента,

которым угрожал арест, считали Робеспьера, имея к тому основания или нет, самым опасным своим противником. Робеспьер получал многочисленные анонимные письма, в которых ему угрожали смертью. После процесса дантонистов Лежандр и Бурдон из департамента Уазы объявили, что им предлагали убить Робеспьера во время заседания Конвента. Подобные проекты убийства были рассчитаны не только на запугивание. Баррас, Мерлен из Тионвилля всегда выходили на улицу вооруженными. Они встречались с другими смельчаками в кафе Корацца или у трактирщика Дауйена в Елисейских полях, где к ним присоединялся Куртуа, Экзальтированный Талльен прятал под одежду кинжал.

3 прериала Комитет общественного спасения отдал, по инициативе Робеспьера, приказ об аресте Терезы Кабаррю. В тот же день у выхода из Комитета Робеспьера поджидал в течение нескольких часов некто Адмирал, бывший служащий королевской лотереи, защищавший 10 августа дворец в батальоне «дочерей св. Фомы». Не встретив Робеспьера, которого он хотел убить, Адмирал в тот же вечер разрядил свои пистолеты в Колло д'Эрбуа. В Колло он не попал, но ранил слесаря Жеффруа, который бросился на помощь депутату. Не успело еще утихнуть волнение, вызванное этим покушением на убийство, как пришло известие, что 4 прериала вечером в доме Дюпле явилась Сесиль Рено, девушка 20 лет, настоятельно потребовавшая свидания с Робеспьером. При аресте у нее были найдены нож и перочинный ножик. Она заявила, «что готова пролить свою кровь за королевскую власть, а к Робеспьеру пришла только за тем, чтобы посмотреть, как выглядит тиран».

Между тем как Колло и Робеспьер получали тысячи поздравлений с избавлением от подготовленной Питтом опасности, Талльен, Фуше и их друзья искусно обрабатывали прессу и общественное мнение.

В докладе о покушении Барер привел следующую выдержку из перехваченного письма одного англичанина: «Мы очень опасаемся влияния Робеспьера. Чем больше сконцентрируется французское республиканское правительство, говорит министр (Питт), тем оно будет сильнее и тем труднее будет его низвергнуть». «Монитор» и «Бюллетень» Конвента подчеркнули, что эта фраза была написана агентом Комитета. Бареру на следующий день пришлось оправдываться: «Изолировав одного члена Комитета, хотели сосредоточить на нем всю власть революционного правительства, которая распределяла между всеми членами Комитета. Это могло повлечь за собою опасные заблуждения и навести на мысль, что Конвент уже более не существует, не имеет никакой власти, что армии борются за благополучие одного человека, к которому мы

и отнестись с большею справедливостью. Этот человек обладает совестью». Такое оправдание подчеркивало исключительное значение Робеспьера и давало пищу всякого рода толкам, тем более, Робеспьер прочел вслед за тем выдержки из английских газет, в которых английских солдат называли солдатами Робеспьера. Талльен мог быть и Барером.

Интрига проникла в Якобинский клуб, так же как и в Конвент. 6 прериаля, бывший агент Дантона Русселен, ставший впоследствии секретарем Барраса, коварно решил окружить членов Комитета общественного спасения для охраны их жизни личной гвардией и воздать ответственному Жеффруа гражданские почести на предстоящем празднестве Высшего Существа. Робеспьер попал в ловушку и понял, что на него хотят навлечь заговор и клевету, осыпая его преувеличенными почестями, унижая его, чтобы уронить в глазах общественного мнения. Он добился изгнания Русселена из Якобинского

клуба. Русселен был только орудием в руках других. 5 прериаля, накануне заседания в Якобинском клубе, депутат Конвента, сильно скомпрометировавший себя вместе с Дантоном из департамента Уазы своими выступлениями в Конвенте, по профессии негоциант, на котором лежало обвинение в скупке угля и соды, составил проект постановления подписать восемь своих коллег обвинительный акт против Робеспьера, опубликованный им лишь после прериаля, но распространившийся тайком с самого начала своего появления. Девяти храбрецам было предложено убить Робеспьера «в присутствии всего сената». Робеспьерист Бодо говорил, что один из подписавшихся, Робеспьер, сообщил ему содержание обвинительного акта и тайно уговаривал его принять участие в заговоре.

Возможно, кажется вероятным, что Робеспьер с самого начала знал о заговоре в руках Лекуантра и Талльена и подозревал их в том, что они являются убийц. 7 прериаля в горячей импровизированной речи он выступил с трибуны Конвента на те обвинения, о которых шептались его враги. «Хотите знать, — сказал он, — кто эти честолюбцы? Исследуйте, кто представляет собою те, кто покровительствует мошенникам, кто контрреволюционеров, оправдывает все покушения, презирает мораль и искажает общественную мораль!» И он принялся клеймить врагов «людей мятежников и интриганов». «Пока это нечистое отродье будет существовать, республика останется несчастной и непрочной. Вам не удастся спасти ее энергичной деятельностью и ненарушимым согласием, кто старается нас разделить, кто препятствует деятельности правительства и клеветает на него в ежедневных речах, в ложных заявлениях, кто пытается создать против него опасную коалицию из различных страстей, из раздраженных самолюбий, из интересов, противоположных общественному интересу, — являются нашими врагами и врагами отечества. Это — агенты иностранцев». Беспольный призыв.

Комитет общественной безопасности уже завязал сношения с Лекуантром, Талльеном, Фуше, которые были немедленно информированы обо всем, что обсуждалось правительством. 13 прериаля Фуше удалось пробраться на председательское место в Якобинском клубе.

Робеспьер дал опасное оружие в руки своих врагов своим участием в подготовке и вотировании закона 22 прериаля о революционном трибунале. Не подлежит сомнению, что этот закон был на очереди уже в течение двух месяцев, с тех пор как декрет 27 жерминаля, подтвержденный 19 флореаля, упразднил революционные трибуналы департаментов и сконцентрировал всех политических обвиняемых в Париже, а его основные статьи заключались уже в постановлении, учредившем Оранскую комиссию. Но Комитет общественной безопасности, отстраненный от участия в составлении декретов 27 жерминаля и 19 флореаля, мог на законном основании уклониться от консультации по поводу нового декрета, предложенного Кутоном. Робеспьер и Кутон руководствовались, несомненно, существенными соображениями, отстраняя Комитет общественной безопасности, имевший непосредственный надзор над революционным трибуналом, от обсуждения столь важного вопроса. Их главная мысль, получившая выражение в декретах от 8 и 13 вантоза, заключалась в том, чтобы использовать террор для передачи имущества аристократов беднякам. Сен-Жюст включил в декрет 27 жерминаля статью, предписывавшую создать к 15 флореаля «народные комиссии», которые рассортировали бы заключенных и составили бы список тех из них, имущества которых подлежали конфискации в случае их высылки или осуждения революционным трибуналом на смерть. Оба комитета не спешили с учреждением этих комиссий, которые должны были вызвать новую социальную революцию. Декрет 23 вантоза предусматривал шесть комиссий. Первые две, предназначенные для обзора парижских тюрем, были созданы только 25 флореаля приказом, подписанным Билло-Варенном. Члены бывших Комитетов в своем ответе Лекуантру после термидора ставили себе в заслугу, что задерживали, насколько могли, учреждение народных комиссий. Они говорили, что комиссии 25 флореаля были учреждены лишь по настояниям Сен-Жюста, и хвалились, что парализовали их деятельность, систематически отказываясь подписывать их постановления. Гракх Вилат, сторонник Барера, справедливо указывал, что одной из главных причин, породивших оппозицию триумvirату, была его социаль-

ная программа. «Триумвират,— говорит он,— хотел осудить несколько депутатов только потому, что видел в них препятствия к осуществлению аграрной системы и к продолжению террора, являвшегося орудием этой системы». Следует ли предположить, что Кутон и Робеспьер, раздраженные медлительностью Комитета общественной безопасности в применении Вантозских законов и вменявшие ему эту медлительность в преступление, решили ускорить ход событий и поставить Комитет перед совершившимся фактом, освободив закон 22 прериаля от его предварительного рассмотрения? Робеспьер упрекал впоследствии Комитет общественной безопасности в том, что он выбирал своих агентов среди крайне подозрительных лиц, а Дюма объявил 26 мессидора в Якобинском клубе, что четыре аристократа из его департамента, имена которых он назвал, были приняты Комитетом на службу. К этому же времени было обнаружено, что один субъект, эмигрировавший пять раз, выполнял функции канцелярского служащего в революционном трибунале. Его устроил на это место его дядя Нолен, занимавший место судьи в трибунале.

Кутон представил таким образом новый закон от имени одного Комитета общественного спасения. Институт защитников был упразднен, так как дать обвиняемому защитника значило бы открыть трибуну роялизму и внешнему врагу, значило бы дать преимущество богатым за счет бедняков. «Естественными защитниками и друзьями обвиняемых патриотов являются патриотические присяжные, заговорщики же не должны иметь ни защитников, ни друзей». Предварительный допрос обвиняемых был также отменен. При отсутствии письменных доказательств или свидетельских показаний присяжные могли руководствоваться моральными доводами. Понятие врагов революции было расширено до такой степени, что под ними понимали теперь «всех, кто пытается ввести в заблуждение общественное мнение, воспрепятствовать народному просвещению, развратить нравы и общественную совесть...» Революционный трибунал был реконструирован и персонал его увеличен. Кутон не скрывал, что предложенный им закон был не столько законом правосудия, сколько законом искоренения: «Чтобы подвергнуть наказанию врагов отечества, достаточно их обнаружить; дело идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении».

Когда Кутон закончил свое чтение, выслушанное в глубоком молчании, Рюамп воскликнул: «Это важный

декрет, я требую, чтобы он был отпечатан и отсрочен. Если он будет принят немедленно, я всажу себе пулю в лоб». Лекуантр потребовал отсрочки на неопределенное время, но Барер запротестовал, соглашаясь отсрочить декрет не более чем на три дня. Менее уступчивый Робеспьер потребовал немедленного обсуждения декрета: «В течение двух месяцев,— сказал он,— Конвент находится под угрозой убийства, и в тот момент, когда свобода добилась, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества организуют самые дерзкие заговоры». У Робеспьера еще звучали в ушах те угрозы, которыми Лекуантр, Тирион и Бурдон из департамента Уазы осыпали его накануне в момент его величайшего торжества на празднестве Высшего Существа. Он указал в своей речи, что отсрочка декрета могла бы навести на мысль о существовании разногласия между Конвентом и Комитетом — «граждане, вас хотят разделить и запугать» — и искусно напомнил о том, что защищал в свое время 75 жирондистов против эбертистов. «Преследуя общественных убийц, мы подвергнем себя опасности со стороны частных убийц. Мы готовы умереть за спасение Конвента и отечества». Раздались аплодисменты, и закон был вотирован на том же заседании почти без прений.

Но на следующий день Бурдон из департамента Уазы потребовал объяснения по поводу статьи закона, представлявшей общественному обвинителю и Комитетам право непосредственно привлекать всех граждан к суду революционного трибунала. «Конвент не соглашался, чтобы власть Комитетов распространялась на его членов без предварительного декрета». «Нет! нет!» воскликнули со всех сторон, и Бурдон продолжал: «Я ожидал этого благодетельного ропота. Он доказывает, что свобода — непобедима». Бернар из Сенты поддержал Бурдона, а Мерлен из Дуэ провел на голосование текст, охранявший права Конвента. Депутаты облегченно вздохнули. Они изъяли из ненавистного закона только то, что касалось их лично.

Не умышленно ли вставили Робеспьер и Кутон, отчаявшиеся добиться согласия Конвента на арест продажных проконсулов, эту двусмысленную, отклоненную Бурдоном из департамента Уазы, статью и текст закона? На следующий день, во время второго чтения закона, они выразили негодующий протест против обвинения в коварном расчете, который им приписывали. Они потребовали в высокомерном тоне отмены оскорбительной

для них оговорки, сохранявшей привилегии Собрания, и обвинили Бурдона в злых умыслах. Произошла бурная сцена. «Пусть члены обоих Комитетов знают,— воскликнул Бурдон,— что мы такие же патриоты, как и они!» Робеспьер обвинил интриганов, пытавшихся возбудить отозванных депутатов и привлечь на свою сторону часть Горы, чтобы составить новую партию. Бурдон прервал его: «Я требую доказательств, меня достаточно ясно назвали злодеем!» Робеспьер возразил: «Я не называл Бурдона, горе тому, кто сам себя называет. Но если он узнает себя в том портрете, который я обрисовал по долгу моей службы, то я не в силах этому помешать». Затем, обратившись к Талльену, но не называя его по имени, он напомнил, что за день перед тем один депутат при выходе из Конвента обвинил нескольких служащих Комитета общественного спасения, обозвав их шпионами. «Если бы патриоты, на которых он напал, стали защищаться, их словам, как вы и сами понимаете, немедленно придали бы гнусный смысл, и на следующий день вам заявили бы, что представители народа были оскорблены людьми, связанными с Комитетом общественного спасения». Робеспьер видел в этом инциденте доказательство существования интриги, направленной против Комитета: «Кто сказал тем, кого я только что назвал, что Комитет общественного спасения имел намерение их атаковать? Кто им сказал, что существуют доказательства их виновности? Разве Комитет угрожал только им одним?.. Граждане, если бы вы знали все, вы убедились бы, что нас можно обвинить скорее в слабости!» Талльен хотел возразить. Робеспьер и Билло заставили его замолчать. Робеспьер: «300 свидетелей слышали это. Граждане, вы можете судить, на что способны эти люди, поддерживающие преступление ложью. Не трудно угадать, кто жертвы и кто убийцы». Билло: «Бесстыдство Талльена достигает крайних пределов. Он лжет Собранию с невероятной дерзостью». Робеспьер и Кутон добились постановления, которого требовали. Но это заседание оставило в сердцах неизгладимый след.

Не подлежит сомнению, что противники Робеспьера предприняли в то время тайную попытку его низложить. Бывший полицейский шпион Рош Маркандье, служивший секретарем в редакции Камилла Демулена, составил адрес к 48 парижским секциям с призывом к восстанию против диктатуры Робеспьера. «Если бы этот коварный демагог более не существовал, если бы он поплатился головой за

свою честолюбивую политику, нация была бы свободна, каждый мог бы выражать свои мысли публично, и Париж никогда бы не увидел такого множества убийств, получивших пошлое и ложное название приговоров революционного трибунала». Выданный Лежандром Маркандье был арестован 25 прериала, причем у него были найдены подготовленные к печати памфлеты, в которых Робеспьер сравнивался с Суллой. В самый день ареста комиссар национального казначейства Селье письменно уведомил Робеспьера, что Лекуантр распространял составленный против него обвинительный акт.

Знаменательно было уже то, что ни один член Комитета общественной безопасности не принял участия в обсуждении закона 22 прериала. Не прошло еще пяти дней, как Комитет отомстил Робеспьеру за его пренебрежение, сделав на него, через посредство Вадье коварное нападение, которое еще более усложнило и без того напряженное положение. Старый распутный скептик Вадье, убежденный атеист, не простил Робеспьеру декрета, установившего культ Высшего Существа. 27 прериала он донес Конвенту о новом заговоре, организованном фанатиками, объединившимися вокруг фанатичной старухи Екатерины Тео, называвшей себя богородицей и провозглашавшей в своей тесной квартире на улице Контрескарп всем нуждающимся скорое избавление от нужды через пришествие Мессии, который преобразует весь мир. На основании самых ничтожных улик Вадье замесил в этот заговор врача герцога Орлеанского Ламота, маркизу де Шатенуа и члена Учредительного собрания священника Жерля, бывшего духовником Екатерины. Его целью было не только осмеять религиозную идею, воспрепятствовать успокоению умов, которого Робеспьер надеялся достигнуть своим декретом о национальных празднествах, но и задеть рикошетом самого Робеспьера. Расследование дела обнаружило бы, что Жерль получил удостоверение в гражданственности от Робеспьера, и что среди сторонников Екатерины Тео была невестка столяра Дюпле. По словам полицейских, наблюдавших за собраниями у Екатерины, она называла Робеспьера тем преобразователем, Мессией, пришествие которого она предсказывала. Если бы все это было объявлено в революционном трибунале, первосвященник Высшего Существа сделался бы всеобщим посмешищем. Понятно, что Вадье рекомендовал Лекуантру запастись терпением.

Но Робеспьер был не такой человек, чтобы попасться

эти какого-нибудь Вадье. Он затребовал дело у Фукьевилля, перенес его в Комитет общественного спасения мессидора вырвал у своих коллег приказ об отсрочке (а). Это стоило ему многих усилий. Подозрительный (а) указал, что подобный образ действий нарушает (а) формальный декрет Конвента. Обсуждение перешло (а) в горячий спор, отголоски которого были слышны на (а) площади. Комитет решил заседать отныне этажом выше, (а) чтобы обеспечить себя от нескромных ушей. В предшеству- (а) ющие и последующие дни разыгрывались подобные же (а) сцены. Робеспьеру не удалось добиться отозвания Фукьевилля, о связях которого с Лекуантром он был точно (а) ведомлен.

Уже в начале флореаля между Карно и Сен-Жюстом произошло (а) ясное объяснение по поводу одного агента по изготовлению пороха (а) элитры, которого Карно намеревался арестовать. Сен-Жюст, не (а) дививший своей жизни на службе в войсках, не хотел подчиниться (а) новой диктатуре Карно. Оба сильно увлеклись и обменялись угрозами. (а) Говоря его слова, Карно воскликнул, подразумевая Сен-Жюста (а) Робеспьера: «Вы смехотворные диктаторы!» На следующий день после (а) вы при Флерюсе между обоими противниками произошло еще более (а) ясное объяснение. Вернувшись из армии, Сен-Жюст упрекал Карно (а) тем, что он, не посоветовавшись с Сен-Жюстом, приказал Пишегрю (а) взять 15 тыс. человек пехоты и 1500 кавалерии из армии Журдана. (а) бессмысленная мера, — сказал он, — которая привела бы к поражению (а) и Флерюсе, если бы была осуществлена». Присутствовавший при этом (а) генерал Левассер (из департамента Сарты) утверждает, что объяснение (а) имело очень бурный характер и постепенно перешло в общую ссору. (а) Карно и Колло снова назвали Робеспьера диктатором. Вмешательство (а) Карно объясняется, несомненно, тем Парижа, комитет секции «Неделимо- (а)». Не подлежит сомнению мятежников на равнине Бротто. (а) следуя Фуше, нельзя было не затронуть Колло. На заседании (а) мессидора Билло упрекал Робеспьера в том, что он арестовал «лучший (а) революционный комитет Парижа, комитет секции «Неделимости». Не (а) подлежит сомнению, что этот арест вызвал горячие прения в Комитете (а) в начале мессидора, когда Робеспьер добивался его санкции (7 мессидо- (а)). В действительности, члены этого революционного Комитета были (а) избранны сами председателем их секции, обвинявшим их в мошенниче- (а) ских делах. Робеспьер имел основание думать, что его коллеги, защищавшие (а) их мошенников, действовали по указанию его врагов.

После 15 мессидора Робеспьер уже не появлялся более (а) в Комитете. С этого момента до 9 термидора он дал только (а) несколько подписей, за которыми к нему, без сомнения, (а) приходили на дом. Он был оскорблен и обвинен (а) в диктаторских замыслах своими коллегами, в то время (а) как ему угрожал кинжал убийц. Еще 12 мессидора (а) революционный агент Пейн представил в Комитет обще- (а) ственной безопасности протокол допроса одного аристо- (а) крата по имени Рувьер, который проник в дом Дюпле, (а) вооруженный ножом, перочинным ножиком и бритвой

(Нац. Арх. F⁷ 3822). Сердце Робеспьера было полно горечи. Каждый день вероломные журналисты искажали его слова или осыпали его преувеличенными похвалами еще более опасными, чем критика. Так, редакор «Газеты Горы», передавая речь, произнесенную Робеспьером 3 мессидора в Якобинском клубе, присоединил к ней следующие комментарии: «Каждое слово оратора стоит целой фразы, каждая фраза — целой речи, столько смысла и энергии заключается во всем, что он говорит».

Робеспьер укрылся в Якобинском клубе, — последнем своем оплоте против врагов. 13 мессидора он сообщил клубу, что утратил всякий авторитет в правительстве: «В Лондоне меня выставляют перед французской армией диктатором, ту же клевету повторяют и в Париже. Вы содрогнулись бы, если бы я сказал вам, в каком месте! В Лондоне говорят, что во Франции провоцируют покушения на убийство, чтобы окружить меня личной гвардией. Здесь утверждают, говоря о Рено, что это романтическая история, и что я гильотировал ее любовника. Если бы меня принудили отказаться от части возложенных на меня обязанностей, за мной осталось бы все же звание народного представителя, и я объявил бы войну не на жизнь, а на смерть всем тиранам и заговорщикам». Догадался ли Робеспьер, что его коллеги по Комитету воспользуются его отсутствием, чтобы потребовать у Конвента его замещения? Готовился ли он к дебатам, которые должны были произойти в тот же день? Хотел ли он вынудить к открытой атаке всех этих Вадье, Амаров, Билло, Колло? В таком случае он сделал неверный расчет, так как все они притворились, что ничего не слышали, и их протезе, все эти Фуше и Талльены имели время воздействовать на колеблющихся членов Конвента и запугать их, распространяя слух, что Робеспьер требовал их казни и что он один ответственен за кровь, стекавшую потоками с помоста гильотины.

Именно теперь и была эпоха великого террора. С 23 прериаля по 8 термидора революционный трибунал вынес 1 285 смертных и только 278 оправдательных приговоров, между тем как за предшествовавшие 45 дней было вынесено 577 смертных и 182 оправдательных приговора. Несмотря на это, тюрьмы наполнялись быстрее, чем освобождались. К 23 прериаля в Париже было 7 321 заключенных в тюрьмах, к 10 термидора — 7 800. Приговоры быстро следовали один за другим. Нередко к одному и тому же делу привлекали обвиняемых,

ые совершенно не знали друг друга. Шпионы
ьмах, подслушав какие-нибудь неосторожные слова,
вляли наобум списки мнимых заговорщиков. Головы
и с плеч, как спелые плоды: были гильотинированы
и бывших магистратов Парижа и Тулузы, выра-
е в свое время протест против отмены парламентов,
31 человек; жители Вердена, слишком радушно
ившие пруссаков в 1792 г.— в числе 35; Лавуазье
пные откупщики «народные кровопийцы» — в числе
дмираль, Сесиль Рено и еще 52 человека, возве-
е на эшафот в красных рубашках, как убийцы;
орщики Бисетры — в два приема, по 37 и 36 человек;
ителей Коссады, носившие траур по Людовику XVI;
орщики Люксембургской тюрьмы в числе 156 чело-
Фукье-Тенвилль хотел, чтобы последних судили
ин прием, на огромном помосте, воздвигнутом в зале
дания, но Комитет заставил разделить их на две
ты.

бщественная совесть возмутилась против этой оргии
ств. Прошло то время, когда толпа спешила к месту
и, как на спектакль. Теперь лавки закрывались при
лижении зловещих телег с осужденными, катившихся
лостовой. Пришлось переменить место гильотины,
ив ее к решетке тронной залы. Общественное
роение — отвращение к крови — было, несомненно,
им козырем в игре противников Робеспьера. Они
льзовали отсрочку, которую дал им Робеспьер.
шине они подвели мину под революционное прави-
ство. Одна Парижская секция, секция Горы, решила
ссидора открыть список, в который внесли бы свои
а все те, кто принял конституцию 1793 г. Этот список
ро собрал 2 тыс. подписей. Ловкий маневр, чтобы
ебовать прекращения террора путем введения в дей-
е конституции. 11 мессидора секция извинилась перед
вентом, заявив, что она была введена в заблуждение
иганами.

Новые «снисходительные» извлекли, конечно, большую
зу из непосредственно следовавших друг за другом
д. Чтобы отпраздновать эти победы, на улицах были
низованы братские обеды: богачи и бедняки приноси-
вой припасы и проявляли свое товарищеское отноше-
говоря друг другу «ты». Быстрый успех этих братаний
спокоил Коммуну и правительство. «Далеки от нас,—
вал 27 мессидора Пейан,— все эти попытки сближения
сторонниками деспотизма! Далека от нас та система,

посредством которой нас хотят убедить, что в республике уже нет врагов!» Барер объявил на следующий день о новой хитрости аристократов. Эти так называемые братские обеды были, по его мнению, лишь «преждевременной амнистией». Аристократы восклицали, чокаясь с санкюлотами: «Наши армии всюду одерживают победы, нам остается только заключить мир, жить добрыми друзьями и отменить это революционное правительство, которое наводит такой ужас».

Но как можно было сохранить революционное правительство, противостоять напору «снисходительных» и обманутых ими, опиравшихся на общественное мнение, если Комитеты были по-прежнему разделены, и Робеспьер продолжал свое противодействие у якобинцев? Слух о внутренних распрях между членами правительства распространился даже в провинциях и встревожил депутатов (письма Ришо 27 прериаля, Жилле — 23 мессидора, Бо — 3 термидора и т. д.). Энгран, бывший проездом в Париже, в ответ на уговоры Рюампа принять участие в заговоре против Робеспьера с негодованием отказался и предсказал, что за низвержением Робеспьера последует низвержение революционного правительства и самой республики. Члены Комитета общественного спасения разделяли мнение Энграна. В конце мессидора, несомненно под влиянием Барера, они пытались сблизиться с Робеспьером. Барер несколько раз заявлял о необходимости сохранения террора. 9 мессидора он угрожал обманутым: «Народные представители, соблюдающие народные интересы и свою собственную безопасность, сумеют использовать внешние победы для уничтожения незаконных коалиций и преступных заговоров внутри страны, организованных кучкой людей, которые свою личную усталость принимают за усталость всего народа и свою запятнанную совесть за народную совесть». 16 мессидора, добившись голосования декрета об истреблении неприятельских гарнизонов в Конде, Валансьене, Кенуа, Ландреси, если они не сдадутся в течение 24 часов после требования о капитуляции, Барер с энтузиазмом восхвалял террор и предостерегал против преждевременной снисходительности: «Примиритесь с ними (внутренними врагами) сегодня, они завтра же нападут на вас и безжалостно вас уничтожат. Нет, нет, пусть враги погибнут! Я уже говорил однажды, что не возвращаются только мертвецы».

Робеспьер разделял мнение Барера. Он также думал,

ррор должен продолжаться до тех пор, пока
тва контрреволюционеров не будут распределены
бедняками, и пока не будут созданы и упрочены
нские учреждения, план которых подготовил Сен-
23 мессидора он добился исключения Дюбуа-
из Якобинского клуба и приглашения Фуше
для оправданий. Фуше не повиновался этому
звлению и 26 мессидора был в свою очередь
ен из клуба. Комитеты не только отказались
жать исключенных членов клуба, но даже проявили
шению к ним определенную враждебность. 26 мес-
Дюбуа-Крансе был отозван из своей командировки
ань. Что же касается Фуше, который 25 мессидора
я постановления Конвента, предписывавшего Ко-
м представить в кратчайший срок доклад о его
ировке, то он тщетно ожидал этого доклада.

5 термидора оба Комитета собрались на торже-
ое заседание. Чтобы засвидетельствовать в решим-
м акте свою твердую волю продолжать террор
сти его до его социальных последствий, они создали,
ц, четыре народных комиссии, оставшиеся до сих
удом, но необходимые для проведения вантозских
в о рассортировании подозрительных и распределе-
имуществ. Постановление было подписано Барером
идора. По словам Лекуантра, они хотели помирить-
им путем с триумвиратом. Робеспьер, действительно,
и на следующий день на заседание. Произошло
ление. Сен-Жюст доказал, что только агенты
ителя могли выставлять Робеспьера диктатором, так
его распоряжении не было ни армии, ни финансов,
министрации. Давид поддержал Сен-Жюста. Билло
и Робеспьеру: «Мы твои друзья, мы всегда шли
с тобою». Чтобы ликвидировать предубеждение
ета общественной безопасности, решили передать
распоряжение бюро административной помощи,
нное при Комитете общественного спасения. Сен-
был уполномочен обоими Комитетами представить
нту доклад о политическом положении, с поручением
цать революционное правительство. Билло и Колло
ендовали ему все же не говорить о Высшем
стве.

тот же вечер Барер, обрадованный тем, что ему
сь вернуть согласие, заявил в Конvente, что только
рожелатели могли распространить слухи о разделе-
и раздорах в правительстве и об изменении

революционных принципов. Он рассказал, что в предшествующие дни был задержан порох, предназначавшийся для армии, прорваны кузнечные мехи, сделана попытка нападения на тюрьму в Бисетре, умножились случаи саботажа, и угрожающе закончил: «Но меры, принятые вчера обоими Комитетами для осуждения в кратчайший срок всех врагов народа, задержанных во всей республике, приведены в действие и возвратят нации ту безопасность, которой ее беспрестанно хотят лишить, то величественное спокойствие, которое является признаком силы укрепившейся республики!»

На следующий день Кутон ответил ему в Якобинском клубе, прославляя «пылких» и энергичных, способных к величайшим жертвам для отечества людей», входивших в состав Комитетов. «Если между отдельными лицами и бывали разногласия, их никогда не было в отношении принципов». И Кутон приписывал происхождение туч, которые хотел рассеять, окружавшей правителей среде. Он надеялся, что Конвент вскоре уничтожит «пять или шесть маленьких человеческих фигур, руки которых полны богатств республики и вызывают отвращение, так как обagrены кровью невинных, которых они умертвили». Вместе с тем он пожаловался на то, что в северную армию отправили несколько рот парижских канониров и выражал опасения по поводу Марсовой школы. Но Леба его успокоил.

Тем не менее приходится думать, что в обоих враждебных лагерях не все сложили оружие и приняли лозунги Барера и Кутона. Начальник военного бюро Сижас беспрестанно обвинял в Якобинском клубе комиссара, военных передвижений Пилля, принимавшего, по его словам, аристократов на службу, восстанавливавшего в должности подозрительных генералов, удалившего из Парижа канониров и окружавшего свои действия тайной. Пилль был ставленником Карно. Слова Сижаса нашли отклик. 6 термидора у дверей Конвента кричали: «Надо повторить 31 мая!» На следующий день Барер похвалил Робеспьера за то, что он осуждал в Якобинском клубе эти мятежные крики. Но это не помешало якобинцам представить Конвенту в тот же день петицию с обвинением Пилля и мнимых «снисходительных», намеревавшихся истребить патриотов. Они потребовали суда над изменниками и мошенниками и неким Мажанти, который потребовал, в целях осмеяния декрета о Высшем Существо, смертной казни для всякого, кто осквернит имя

ства божбой. Следовало ли Комитетам, чтобы истребить якобинцев, отозвать Пилля и выдать их продажных депутатов, смерти которых Кутон и Робеспьер беспрестанно требовали в течение двух месяцев? На том же заседании 7 термидора Дюбуа-Крансе представил свои оправдания и предложил Робеспьеру признаться в своем заблуждении. Конвент постановил, чтобы Комитеты представили доклад о действиях Робеспьера в течение трех дней. Робеспьер принужден был, таким образом, выйти из Якобинского клуба, чтобы объяснить перед Собранием.

Присоединился ли Робеспьер во время торжественного заседания 5 термидора к программе примирения, сформулированной Барером и, по-видимому, принятой Сен-тоном и Кутонем? Позволительно в этом сомневаться. Его жалобы оказались недостаточными. Он хотел вернуть руководство войной из рук Карно, не выполнив декрет 7 прериаля, запрещавший брать в плен англичан и ганноверцев, и окружившего себя техническим штатом, состоявшим из аристократов. Подобно Сижасу, он шел в удалении части канониров из Парижа хитрым путем, направленный против Коммуны и его сторонника Дюбуа-Крансе. Он не простил Комитету общественной безопасности так же как и Билло и Колло, их постоянного преследования этим Фуше и Талльенам. В последнее время на улицах кричали об аресте Робеспьера, и Комитет считал нужным вмешаться. Из доклада директора дирекции Фаро, Робеспьер только что узнал, что Амар и Вуллан навели 5 термидора в тюрьме заключенных якобинских депутатов и задали им ряд вопросов: «Не читают ли вашу корреспонденцию? Не отказывают ли вам во всех удовольствиях — в кофе, сиропе, шоколаде, табаке? Признают ли здесь ваше достоинство?» Назовите имена, дорогие товарищи, тех, кто унижил национальное представительство. Они будут наказаны. Комитет учинит над ними суд». Отдав приказ о применении к депутатам не снисходительного обращения, Амар и Вуллан вследствие спохватились и сохранили по отношению к ним прежний режим, но Робеспьер подозревал, что его приверженцы из партии Горы и Болота, которые до сих пор поддерживали, готовы были вступить в соглашение. Это еще в большей степени, чем дело Дюбуа-Крансе, ставило его нарушить молчание.

3 термидора, не сговорившись предварительно ни с Сен-Жюстом, ни с Кутонем, которые, несомненно, его

отговорили бы, Робеспьер попытался добиться непосредственно от самого Конвента реализации всей своей программы. Выразив в длинной и страстной речи протест против клеветы, изображавшей его диктатором, питающим злые умыслы против Собрания, он приписал своим противникам, террористам, превратившимся в «снисходительных», все эксцессы гильотины: «Разве это мы заключили патриотов в темницы и содействовали распространению террора? Это сделали чудовища, которых мы обвинили!» Он подтвердил необходимость революционного правительства, но оговорился, что оно должно поражать быстро и беспощадно одних лишь заговорщиков. А его клеветники, называвшие себя «снисходительными», на деле же бывшие просто мошенниками, разрушали авторитет революционного правительства в общественном мнении, подвергая преследованиям мирных людей, чтобы получить возможность покровительствовать аристократам. «Революционный трибунал сделали ненавистным, чтобы подготовить его упразднение». Затем он смело напал на Комитет общественной безопасности и его служащих, эту «шайку мошенников, которым покровительствуют Амар и Жаго». Он упрекал Вадье за дело *Екатерины Тео и требовал, чтобы подозрительный Комитет был не только переизбран, но и подчинен Комитету общественного спасения*. Робеспьер не остановился на этом. Комитет общественного спасения тоже следовало очистить. Он не сумел добиться выполнения декрета об английских военнопленных, сеял раздоры между генералами, покровительствовал военной аристократии, которая стояла за Карно. И Барер, несмотря на сделанные им за последнее время попытки к примирению, не был пощажён: «Вам много говорят о наших победах с академической легковесностью, которая заставляет думать, что они не стоили нашим героям ни крови, ни трудов. Если бы о победах говорили с меньшей помпой, они показались бы более великими». Дипломатическая часть, которой руководил Барер, находилась в совершенном пренебрежении. Агенты, получавшие командировки за границу, были изменниками. Робеспьер порицал, кроме того, Камбона за его жалкую, расточительную, мелочную и хищную финансовую систему. Декрет о пожизненных рентах вызвал сильное и справедливое недовольство. Робеспьер заключил свою речь вызовом шайке мошенников, добившихся власти.

Эта речь произвела настолько сильное впечатление, что

сам Лекуантр, один из обвиненных Робеспьером мошенников, потребовал ее отпечатания. Барер поддержал это требование, и оно было вотировано, несмотря на протест Бурдона из департамента Уазы. По предложению Кутона, было постановлено разослать ее по всем секциям. Означало ли это победу Робеспьера? Его противники спохватились. Вадье попытался дать объяснения по делу Екатерины Тео. Камбон страстно вмешался в дебаты: «Прежде чем быть опозоренным, я обращусь ко всей Франции!» Он обвинял Робеспьера в том, что он парализует Конвент. Пылкость его речи возбудила мужество Билло, потребовавшего, чтобы речь Робеспьера, до разослания ее по Коммунам, была отдана на рассмотрение Комитетов. «Если справедливо, что мы не пользуемся свободой слова, я лучше предпочту, чтобы мой труд послужил престолом для честолюбца, чем сделаться, благодаря своему молчанию, сообщником его злодеяний». Он коснулся чувствительного места. Панис предложил Робеспьеру и Кутону назвать депутатов, которых они обвиняли. Робеспьер отказался ответить и этим погубил себя. Все, кто мог себя в чем-нибудь упрекнуть, почувствовали себя под угрозой. Бантаболь и Шарлье потребовали отмены декрета об отпечатании речи Робеспьера. Барер, почувствовав перемену ветра, повернул свой флюгер. Он упрекнул Робеспьера за то, что последний отсутствовал на заседаниях Комитета, иначе он не написал бы свою речь. Конвент решил не рассылать его речь по Коммунам. Робеспьер уже не имел за собой большинства. Он бросил свой щит.

Правда, в тот же вечер Робеспьер, явившийся в Якобинский клуб, чтобы прочесть свою речь, был встречен бесконечными овациями. Его противники, Колло и Билло, пытавшиеся ему отвечать, были заглушены свистками и должны были покинуть клуб под крики: «Заговорщики, на гильотину!» Но якобинцы приняли только решение поставить «заговор» в первую очередь своих дебатов. Робеспьер не хотел повторения 31 мая. Несмотря на свою неудачу, он надеялся вернуть на свою сторону большинство Конвента. Он хотел удержать борьбу на парламентской почве. Он не предвидел, что ему уже не удастся более говорить в Собрании.

Члены Комитетов растерялись. Вернувшись ночью из Якобинского клуба, Билло и Колло устроили Сен-Жюсту бурную сцену, но весь результат обсуждения, продолжавшегося до самого рассвета, свелся к составлению Барером

прокламации, которая предостерегала от влияния некоторых людей и честолюбия военных вождей, имена которых не были названы.

Решение явилось со стороны продажных проконсулов, которым Робеспьер угрожал в течение двух месяцев и которые знали, что его победа повлечет за собой их гибель. Талльен получил от своей любовницы, привлеченной к суду революционного трибунала, безумное письмо. Вместе с Фуше он предпринял ряд попыток привлечь на свою сторону Болото. Сначала отвергнутые Паланом Шампо, Буасси д'Англа, Дюран-Майаном, которые не доверяли раскаянию террористов, они приняли на себя такие обязательства, что их третья попытка все же увенчалась успехом. Болото выдало Робеспьера под условием, что кровожадные монтаньяры помогут ему отменить террор. Еще до открытия заседания были приняты при участии председателя Собрания Колло д'Эрбуа все меры к тому, чтобы заглушить голоса Робеспьера и его друзей.

Когда Сен-Жюст в самом начале заседания хотел прочесть подготовленную им искусную речь, в которой слагал всю вину на Билло, Колло и Карно, Талльен горячо перебил его, обвинив в том, что он изолировал себя от Комитета, поскольку говорил от собственного имени: «Я требую — сказал он под аплодисменты, повторившиеся три раза, — чтобы завеса была полностью разодрана». Билло рассказал о вчерашнем заседании в Якобинском клубе и угрожал Собранию новым 31 мая, которое закончится его избиением. Он обвинял Робеспьера в покровительстве эбертистам, дантонистам, дворянам, мошенникам, в преследовании патриотов, в составлении декрета 22 прериала, словом — в образе действий тирана. «Да погибнут тираны!» повторял за ним хор. Робеспьер хотел ответить. Колло отказал ему в слове, которое передал Талльену. Талльен, размахивая кинжалом перед новым Кромвелем, громил окружающих его Верресов¹ и требовал ареста их креатур. Были вотированы аресты Анрио, Буланже, Дюфресса, Дюма, Барер провел отмену должности командующего национальной гвардией. Новая попытка заговорить со стороны Робеспьера была заглушена звоном колокольчика в руках Тюрио, занявшего председательское место после Колло. Луше и Лозо

¹ Веррес — римский проконсул, разоривший своими грабежами и злоупотреблениями Сицилию. Против него выступил Цицерон.

потребовали ареста «властителя». Робеспьер младший предложил разделить участь своего старшего брата. Было постановлено арестовать кроме обоих Робеспьеров, Сен-Жюста и Кутона. Леба потребовал чести фигурировать в проскрипционном списке. Его желание было удовлетворено. «Республика погибла,— сказал Робеспьер спускаясь к решетке,— разбойники торжествуют».

Было пять часов вечера. Но положение оставалось еще невыясненным. По собственному почину Коммуна и Анрио объявили восстание, приказали закрыть заставы, пробить тревогу, ударить в набат, созвали секции, предложили им послать своих канониров к Городской думе и поклясться в том, что они будут защищать свободу и отечество. В половине шестого, не слушая никаких увещаний, храбрый Анрио с кучкой жандармов попытался освободить арестованных депутатов. Стараясь пробиться в двери помещения Комитета общественной безопасности, в котором находились арестованные депутаты, он был сразу окружен и связан на глазах у тех, кого хотел освободить. Этот прискорбный инцидент определил дальнейший ход событий. Робеспьер и его друзья решили, что восстание, лишившееся своего вождя, не имеет никаких шансов на успех. С этого момента они возложили всю свою надежду на революционный трибунал и, когда их развели по разным тюрьмам, они уже покорились своей судьбе.

Но восстание разрасталось с часу на час. Канониры секций собрались со своими орудиями на Гревской площади. Гражданские и революционные комитеты восточных и южных рабочих секций и центральных секций ремесленников принесли присягу. Якобинцы собрались и установили связь с Коммуной. К 8 часам вечера энергичный Коффингаль с частью канониров направился к Конвенту, освободил Анрио и увлек за собою даже гвардию Собрания. Он мог бы закончить борьбу, легко захватив членов Комитетов, которые растерялись и обратились в бегство. «Граждане,— восклицал председательствовавший Колло,— настал момент умереть на своем посту!» Но Коффингаль не довершил своей победы. Он ограничился тем, что с триумфом увел Анрио в думу.

Конвент облегченно вздохнул. Он поспешил уполномочить Барраса доставить ему вооруженную силу, и Баррас, с помощью шести других депутатов, собрал умеренные секции. Призванные своими эмиссарами, купцы секции Ломбарда, банкиры секции Ле Пеллетье, ажиотеры Палерояля, богатые буржуа западных секций — сбежались

к Конвенту. К ним присоединились последние остатки эбертизма и дантонизма, вызванные обоими Бурдонами, Талльеном, Ровером и Фрероном. Но понадобилось время, чтобы собрать эти рассеянные и разрозненные силы. В ожидании Барер провозгласил вне закона мощенников Коммуны и всех, кто не подчинился от данным Комитетами приказам об аресте. Он рассчитывал, что эта грозная мера напугает колеблющихся и парализует восстание. Он не ошибся.

После выступления Коффингаля восстание приостановилось. Коммуна хотела, по-видимому, передать руководство восстанием осужденным депутатам. Но освобожденные один за другим администраторами полиции депутаты не торопились действовать. Робеспьер старший сначала отказался перейти в здание Коммуны. Кутон хотел остаться в тюрьме и вышел из нее лишь после полуночи. Один лишь Робеспьер младший сразу отправился на заседание Коммуны и обратился к ней с воззванием. Когда пришло известие о провозглашении осужденных депутатов вне закона, Робеспьер старший последовал примеру своего брата. Он заседал вместе с другими депутатами в Исполнительном комитете, созданном Коммуной. Леба отправил письмо командиру Саблонским лагерем. Робеспьер подписал воззвание к секции Пик. Муниципальные чиновники были посланы в секции, чтобы привлечь их на сторону Коммуны. Наконец, было принято решение арестовать главных членов Комитетов. Но была уже поздняя ночь. Утомленные тщетным ожиданием, распропагандированные кроме того агентами Барраса канониры и национальные гвардейцы постепенно разошлись. Приходилось думать скорее о защите, чем о нападении. Чтобы предотвратить измену, Коммуна приказала в полночь осветить фасад Городской думы.

Баррас колебался приступить к решительным действиям. К двум часам утра он, наконец, решил. Один предатель сообщил ему пароль, данный Анриу. Войска Конвента выступили двумя колоннами. Левая колонна, во главе с Леонардом Бурдоном, увеличенная батальоном секции Гравилье, неожиданно проникла, благодаря паролю под крики: «Да здравствует Робеспьер!» в самую залу, в которой заседал Исполнительный комитет. Робеспьер и Кутон составляли воззвание к армиям. Робеспьер младший бросился в окно, его подняли со сломанным бедром. Леба застрелился из пистолета. Робеспьер старший пытался последовать его примеру и раздробил

себе нижнюю челюсть. Все оставшиеся в живых, в числе 22 человек, были преданы на следующий день смертной казни после установления их личности. 11 термидора гильотинировали таким же упрощенным способом 70 членов Коммуны.

Парижское население даже в простонародных кварталах оказало, по-видимому, незначительную поддержку Коммуне. Ремесленники жаловались на дороговизну жизни. Рабочие оружейных заводов находились в течение нескольких дней в сильном волнении. Коммуна объявила 5 термидора максимум поденной платы, вызвавшей общее недовольство всех поденных рабочих. В самое утро 9 термидора каменщики и каменотесы секции Единства обсуждали вопрос о прекращении работы, и эта секция, склонявшаяся прежде к эбертизму, открыто стала на сторону Конвента. К четырем часам пополудни на Гревской площади собралась толпа рабочих, требовавших изменения максимума. К 8 часам Коммуна выпустила воззвание, в котором слагала ответственность за установленную плату на Барера, «переходившего» поочередно из партии в партию и установившего максимум поденной платы, чтобы предать рабочих голодной смерти». Но это воззвание не рассеяло предубеждений, и когда муниципальных чиновников вели к месту казни, их провожали криками: «К черту максимум!»

Трагическая ирония! Робеспьер и его партия погибли главным образом из-за того, что хотели использовать террор для нового переустройства собственности. Республика, построенная на принципе равенства, без богатых и бедных, которую они мечтали основать путем применения вантозских законов, была обречена вместе с ними на гибель. Несознательные санкюлоты вскоре пожалели о максимуме. Они потребовали его восстановления, но тщетно.

В данный момент всю важность победы кровожадных террористов, объединившихся с Болотом, могла понять только та просвещенная часть мелкой буржуазии и ремесленников, которую Робеспьер призвал к управлению и которая наполняла многочисленные клубы и органы революционной администрации. Она испытывала глубокую скорбь. Эта скорбь проникла даже в показания термидорианцев. Тибодо, будущий префект империи, сообщает, что власти его департамента сначала задержали его воззвание о событиях 9 термидора. Ленъело 21 термидора писал Комитету из Лавалья, что злой гений

тирана еще жив: «и это изумительно, но он еще не уничтожен. Все вожди народных обществ были за Робеспьера». В Невере лица, прибывшие из Парижа и объявившие о падении Робеспьера, были немедленно заключены в тюрьму. В Аррасе и Ниме, когда пришло известие об аресте Робеспьера, клубы предложили вооружиться и поспешить ему на помощь. Многие патриоты с отчаяния окончили жизнь самоубийством (в Париже — гравер Моклер, в Ниме — судья Будон и т. д.).

Но 'термидорианцы располагали теперь террором по своему усмотрению. Они освободили из заключения своих сторонников и посадили в тюрьмы сторонников Робеспьера. Заложники реакции, которой освободили путь, они пошли дальше, чем сами хотели. Многие из них раскаялись к концу своей жизни в своем участии в перевороте 9 термидора. В лице Робеспьера они задержали на целое столетие создание демократической республики.

Порожденная войной и ее лишениями, принявшая силою обстоятельств форму противного ее принципам террора, эта республика, несмотря на свои чудеса, была по существу чистой случайностью. Опираясь на все более суживающееся основание, она осталась непонятной даже теми, кого хотела приобщить к своей жизни. Понадобился пылкий мистицизм ее основателей, их сверхчеловеческая энергия, чтобы продлить ее существование до победы над внешним неприятелем. Нельзя изгладить в течение нескольких месяцев следы двадцати столетий монархии и рабства. Даже самые суровые законы неспособны сразу переменить человеческую природу и социальный строй. Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, желавшие продлить диктатуру до создания гражданских учреждений и ниспровержения власти богатых, хорошо это понимали. Они могли бы добиться успеха, если бы имели в своих руках всю полноту диктаторской власти. Но непримиримость Робеспьера, который порвал отношения со своими коллегами как раз в тот момент, когда они пошли на уступки, оказалась достаточной, чтобы разрушить висевшее в воздухе здание. Показательный пример границ человеческой воли в борьбе с неблагоприятными обстоятельствами!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Французская революция

Том I

Падение королевской власти

Вступительная статья А. А. Егорова	6
Предисловие автора	21
Глава I. Кризис старого порядка	23
Глава II. Возмущение дворян	37
Глава III. Генеральные Штаты	51
Глава IV. Парижская революция	62
Глава V. Восстание провинций	73
Глава VI. Лафайет — «первый министр»	84
Глава VII. Преобразование Франции	110
Глава VIII. Финансовый вопрос	124
Глава IX. Религиозный вопрос	140
Глава X. Бегство короля	152
Глава XI. Война	168
Глава XII. Низвержение трона	185

Том II

Жиронда и Гора

Книга первая

Конец Законодательного собрания

Глава I. Коммуна и Законодательное собрание	202
Глава II. Сентябрь	218
Глава III. Выборы в Конвент	233
Глава IV. Вальми	257

Книга вторая

Правительство Жиронды

Глава I. Трехдневное перемирие	272
Глава II. Выступление против «триумвиров»	284
Глава III. Образование третьей партии	294
Глава IV. Процесс короля	302
Глава V. Финансы и дороговизна	315
Глава VI. Завоевание естественных границ	325
Глава VII. Первая коалиция	34

Глава VIII	Имена Дюмурье	418
Глава IX.	Ванден	457
Глава X.	Падение Жиронды	467

Том III

Террор

Глава I	Восстание федералистов	385
Глава II	Первые шаги великого комитета Общественного спасения	396
Глава III.	Кризис в августе 1793 г	406
Глава IV	Гебертисты и начало террора	419
Глава V	<i>Гондшоот и Ватиньи</i>	430
Глава VI.	Учреждение революционного правительства	440
Глава VII	Революционное правосудие	452
Глава VIII.	Иностраный заговор	463
Глава IX.	Снисходительные	485
Глава X.	От умеренных к крайним	499
Глава XI.	Падение партий	513
Глава XII.	Реорганизация революционного правительства	526
Глава XIII.	Флерюс	538
Глава XIV	Термидор	549